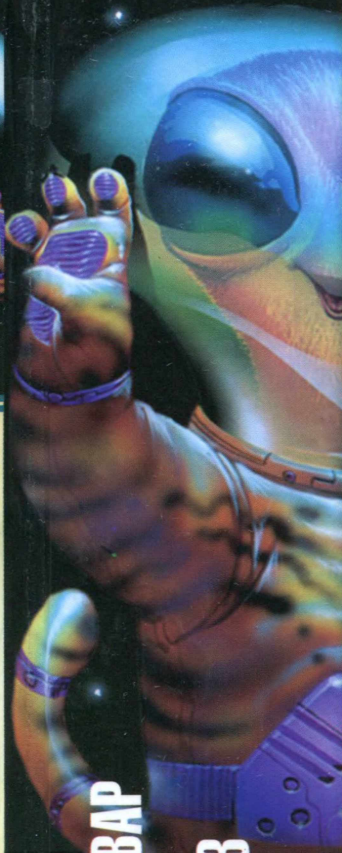

**ГАЛАКТИЧЕСКИЙ ШЕФ-ПОВАР
ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ДИАГНОЗ**

**ДЖЕЙМС
УАЙТ**

**ГАЛАКТИЧЕСКИЙ ШЕФ-ПОВАР
ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ДИАГНОЗ**

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

**ДЖЕЙМС
УАЙТ**

КОСМИЧЕСКИЙ ГОСПИТАЛЬ

**ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ**

JAMES
WHITE

THE GALACTIC
GOURMET
FINAL DIAGNOSIS

ДЖЕЙМС
УАЙТ

ГАЛАКТИЧЕСКИЙ
ШЕФ-ПОВАР
ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ДИАГНОЗ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2001

ББК 84 (4Вл)

У12

Серия основана в 1999 году

James White
THE GALACTIC GOURMET
1997
FINAL DIAGNOSIS
1997

Перевод с английского Н.А. Сосновской

Серийное оформление А.А. Кудряцева

Художник А.Е. Дубовик

Печатается с разрешения наследников автора
и литературного агентства Ashley Grayson.

Подписано в печать 15.03.01. Формат 84×108 1/12.
Усл. печ. л. 31,92. Тираж 15 000 экз. Заказ № 3931.

Уайт Д.

У12 Галактический шеф-повар. Окончательный диагноз: Романы /
Д. Уайт; Пер. с англ. Н.А. Сосновской; Худож. А.Е. Дубовик. —
М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. — 601, [7] с. — (Золотая
библиотека фантастики).

ISBN 5-17-008599-0

«Космический госпиталь» Джеймса Уайта — не просто один из знаменитейших сериалов за всю историю научной фантастики, не просто оригинальнейшая из «космических опер» нашего времени, но — истинное ЯВЛЕНИЕ В ЖАНРЕ! Над невероятными похождениями бригады межгалактических врачей смеются уже несколько поколений любителей фантастики — в том числе и в нашей стране. Потому что «Космический госпиталь» — это ЕДИНСТВЕННАЯ фантастическая сага, в которой приключения и юмор переплетены настолько плотно, что отделить одно от другого практически НЕВОЗМОЖНО!..

ББК 84 (4Вл)

© James White, 1997

© Перевод. Н.А. Сосновская, 1999

© Художник. А.Е. Дубовик, 2001

© ООО «Издательство АСТ», 2001

ГАЛАКТИЧЕСКИЙ ШЕФ-ПОВАР

Глава 1

Гурронсевас давно привык к внешним проявлениям уважения со стороны лиц, номинально являющихся его начальниками. Как правило, причиной тому были могучая сила Гурронсеваса и чудовищная масса его тела, а не такие менее бросающиеся в глаза качества, как ум и беспримерный профессиональный опыт. Приглашение в крошечный отсек управления курьерского корабля полюбоваться конечной целью путешествия являлось редкостной любезностью в отношении пассажира даже тогда, когда, как сейчас, этот пассажир был единственным. Правда, Гурронсевас предпочел бы, чтобы капитан оказался менее любезен, но более понятлив и позволил ему завершить путешествие в куда более просторном грузовом отсеке «Тенночлана».

Вскоре Гурронсевас в благоговейном молчании, забыв о физических неудобствах, взирал на то, как перед кораблем разворачивается гигантская, сложнейшая конструкция Главного Госпиталя Сектора. В конце концов обзорный иллюминатор целиком заполнило захватывающее дух хитросплетение швартовочных лучей, ряды освещавших палубы доков прожекторов, наружные порты, галереи — ослепительная радуга света, которая, судя по всему, представлялась совершенно нормальной обитателям этого фантастического сооружения.

Капитан Мэллен, стоявший рядом с Гурронсевасом, оскалился и издал непередаваемый лай, который у землян служил признаком юмора.

— Наслаждайтесь этим зрелищем, покуда есть такая возможность, — сказал он. — Тем, кто здесь работает, редко выпадает возможность полюбоваться своим заведением снаружи.

Другие офицеры хранили подобающее молчание, а поскольку Гурронсевас не в состоянии был произнести ничего особо красноречивого, он счел за лучшее присоединиться к ним.

Неожиданно изображение на экране сменилось, и появился какой-то бледно-зеленый хлородышащий илленсианин, четко разглядеть фигуру которого не позволяла желтоватая дымка внутри защитной оболочки. Существо восседало за коммуникационной стойкой. Голос из транслятора звучал плоско и ровно, однако странным образом сохранял шипение и постанывание речи илленсианина.

— Приемное отделение, — быстро протараторил илленсианин. — Назовите себя, пожалуйста. Уточните, кто на борту — пациент, посетитель или сотрудник госпиталя, укажите классификационные коды. Если на борту больной, нуждающийся в неотложной помощи, прежде всего опишите его состояние, затем назовите классификационные коды остальных существ, находящихся на борту, чтобы мы подготовили соответствующие помещения, системы жизнеобеспечения и снабдили всех питанием подходящего состава и периодичности употребления.

— Еда... — мечтательно проговорил капитан и снова оскалился, заговорщицки глянув на Гурронсеваса. Нажав кнопку переговорного устройства, он ответил: — Пациентов, нуждающихся в неотложной помощи, на борту нет. Меня зовут майор Мэллен, я командую разведывательным кораблем «Тенночлан» Корпуса Мониторов, совершающим курьерский рейс Ретлина на Нидии. В команде четыре землянина, ДБДГ. На борту один пассажир, Гурронсевас, тралтан, ФГЛИ, направляющийся в госпиталь для работы в штате. Все мы — теплокровные кислорододышащие, а что касается меня лично, то я с удовольствием съел бы чего-нибудь, отличного от корабельного пайка...

— Ждите, — распорядился сотрудник приемного отделения, явно не расположенный вести пространные беседы о людской пище, поглощение которой для илленсиан было чревато летальным исходом. На экране снова возник госпиталь, на сей раз оказавшийся гораздо ближе и смотревшийся более впечатляюще, — но, увы, только на миг.

— Прошу вас следовать согласно желто-красно-желтому направляющему лучу к свободному месту на причале у шлюза номер двадцать три, — быстро распорядился илленсианин. — Офицеров Корпуса Мониторов ждет с докладом полковник Скемптон. Гурронсеваса встретит лейтенант Тимминс.

«Очередная любезность, — думал Гурронсевас, — со стороны существа, которое почитает или, наоборот, не почитает себя моим начальством?» И в том, и в другом Гурронсевас сомневался. Существо из приемного отделения нисколько, похоже, не впечатлило имя Гурронсеваса, хотя о нем наверняка слыхали даже на Илленсии, окутанной облаками ядовитого желтого тумана. Однако илленсианин не назвал Гурронсеваса ни «знаменитым», ни «известным», ни «великим», хотя его уникальными способностями восторгались, о них непрерывно дискутировали все просвещенные существа теплокровных кислорододышащих видов Федерации. Любая планета гордилась тем, что ее в свое время посетил Гурронсевас. А тут — «Гурронсеваса встретит лейтенант Тимминс», и все.

Другой бы на месте Гурронсеваса огорчился, а то и оскорбился бы.

Существо по имени Тимминс оказалось землянином-ДБДГ, одетым в темно-зеленую форму, выношенную до такой степени, что знаков различия разглядеть было почти невозможно. Правда, форма была чистая и старательно выглаженная. Шерсть на голове у землянина была цвета тусклой меди. Он то и дело обнажал зубы, производя невраждебные гримасы, называвшиеся у представителей его вида улыбками. Манеры землянина резковатые, но в меру уважительные.

— Приветствую вас в стенах нашего госпиталя, — сказал он после взаимных представлений. — С технической

точки зрения госпиталь слишком мал для того, чтобы его можно было считать планетой, но слишком велик, чтобы назвать его звездолетом. Поборники четкости определений все же называют его кораблем, да и мы чаще всего зовем его именно так, за исключением тех случаев, когда употребляем более крепкие выражения. Я собирался как можно скорее препроводить вас в отведенное вам помещение и объяснить, как работают системы жизнеобеспечения и прочие устройства. Я здесь возглавляю Эксплуатационный отдел, и подобные вопросы относятся к сфере моей ответственности, но майор О'Мара высказал пожелание встретиться с вами у себя в кабинете до того. Учитывая напряженность движения в коридорах и время, которое уйдет на переодевание в антигравитационные защитные костюмы — а их нам придется надеть, так как для того, чтобы срезать путь, мы будем вынуждены преодолеть уровень, где располагаются палаты хлородышащих ПВСЖ, — весь путь займет у нас двадцать минут. По пути я проведу с вами обычный инструктаж для новичков, обычно оказывающийся недостаточным.

С вашего позволения, сэр, — добавил Тимминс, — я пойду впереди вас, и говорить в основном буду тоже я.

Гурронсевас последовал за Тимминсом из переходной камеры по соединительной трубе, ведущей непосредственно в помещения госпиталя. Тимминс заранее извинился перед тралтаном за то, что, возможно, будет сообщать сведения, Гурронсевасу уже известные. Землянин объяснял, что Главный Госпиталь Сектора — самая крупная и самая совершенная с технической точки зрения больница для обследования и лечения пациентов самых разных видов. В строительство госпиталя внесли свою лепту цивилизации множества планет, где в течение почти двух десятилетий производились отдельные блоки, затем транспортировавшиеся к месту монтажа — двенадцатому сектору Галактики. Снабжением и вопросами эксплуатации госпиталя ведал Корпус Мониторов, исполнительный и надзирающий за исполнением законов орган Федерации, но между тем госпиталь никогда не был и не собирался становиться вое-

низированной организацией. На трехстах восьмидесяти четырех уровнях госпиталя воспроизводились условия обитания всех форм жизни, существующих в Федерации. Эти формы жизни варьировали от сверххрупких существ, привыкших к жизни в метановой среде, до более экзотичных существ, живших за счет прямой переработки жесткого радиоактивного излучения. В промежутке между ними располагались кислородо- и хлородышащие виды.

Некоторые слова Тимминса Гурронсевас пропускал мимо ушей, поскольку был вынужден уделять внимание тому, чтобы не столкнуться с существами крупнее себя и не наступить на более мелких. А ведь скоро ему предстояло странствовать по этому трехмерному хаосу самостоятельно!

Гурронсевас неуклюже остановился на середине коридора, дабы дать дорогу двум крабоподобным мельфианам-ЭЛНТ и илленсианину-ПВСЖ, которые вместо того, чтобы поблагодарить тралтан, недовольно зашипели. Вдобавок, остановившись, Гурронсевас толкнул маленького, густо поросшего рыжей шерстью нидианина, и тот его сердито облаял. Увы, простенький транслятор, которым тралтана снабдили на «Тенночлане», переводил только человеческую и тралтанскую речь, поэтому Гурронсевас не понимал ни слова из того свиста, писка, рычания и стонов, что раздавались как по его адресу, так и безотносительно.

— ...Теоретически сотрудники госпиталя высшего звена имеют приоритет при проходе по коридору, — рассказывал Тимминс. — И скоро вы научитесь распознавать, кто перед вами, по повязкам, которые тут носят все наши работники. У вас пока такой повязки нет, а потому неясно, к какому звену вы принадлежите... О, прошу вас, поскорее прижмитесь к стене!

Прямо на них, издавая оглушительное шипение и лязг, несясь вездеход, по ширине равнявшийся почти половине коридора. Это было защитное передвижное средство, которым пользовались в госпитале медики-СНЛУ, в обычных условиях дышавшие перегретым паром и нуждающиеся в более высоких давлениях и температуре окружающей сре-

ды, чем те, что существовали на уровнях, отведенных для кислорододышащих существ.

— При подобных ситуациях, — посоветовал Тимминс, слегка оскалившись, — лучше не обращать внимания на знаки различия и на первый план выдвигать инстинкт самосохранения, а короче — как можно скорее убираться с дороги. Вы адаптируетесь к обстановке очень неплохо, сэр, — продолжал лейтенант. — Встречались мне новички, которые просто в панику впадали — бежали куда глаза глядят, прятались или замирали на месте от страха, как парализованные, — и все из-за того, что за короткое время видели сразу столько существ разных видов. Думаю, у вас все пойдет хорошо.

— Благодарю вас, — отозвался Гурронсевас. Как правило, он не делился личными ощущениями с кем бы то ни было при первой встрече, но и землянин, и его похвала ему пришлось по сердцу. — Но, лейтенант, картина для меня нова. Она очень напоминает международную встречу, только там делегатам не всегда присущи настолько хорошие манеры.

— Правда? — удивился Тимминс и рассмеялся. — А я бы на вашем месте не торопился с выводами относительно хороших манер — по крайней мере отложил бы суждения об этом до тех пор, пока вас снабдят многоканальным транслятором. Вы представить себе не можете, какими эпитетами вас уже успели наградить некоторые. Ну а мы уже в нескольких минутах пути от Отделения Психологии.

Гурронсевас отметил, что на этом уровне коридоры были менее запружены, но, как ни странно, Тимминс пошел медленнее.

— Прежде чем вы войдете в кабинет, — сказал Тимминс таким голосом, словно собирался сообщить нечто очень важное, — лучше будет вам узнать немного о существе, с которым вам предстоит встретиться, — майоре О'Маре.

— Думаю, это не лишено смысла, — согласился Гурронсевас.

— Он — Главный психолог госпиталя, — сообщил Тимминс. — Если не ошибаюсь, у вас такая специальность называется «целитель разума». На его ответственности лежит

спокойствие и эффективность работы персонала, состоящего из десятков тысяч порой весьма и весьма странных сотрудников — как медиков, так и работников сферы обслуживания...

Далее лейтенант объяснил, что при приеме на работу в госпиталь сотрудники проходят самый тщательный отбор — психологический скрининг, при котором выявляется уровень терпимости по отношению к представителям иных видов, и в принципе в коллективе сотрудников царит взаимное уважение, но все же случаются ситуации, когда происходит нечто вроде межвидового трения, а также межличностные конфликты. Потенциальная опасность таилась даже в обычном недопонимании друг друга или в халатности. Бывали и случаи посерьезнее, когда у врача вдруг развивался ксенофобический невроз в отношении пациента или коллеги, и этот невроз мог сказаться на профессиональных способностях или психической стабильности сотрудника. О'Мара и вверенное ему отделение как раз и занимались выявлением таких взрывоопасных ситуаций, а в самых крайних случаях давали заключение о том, что потенциально опасного сотрудника нужно уволить из госпиталя. Случалось, что постоянный надзор за признаками ненормального, нездорового или нетерпимого мышления — тот надзор, которому столь самозабвенно предавались О'Мара и его сотрудники, — вызывал к ним негативное отношение и превращал их в самых ненавистных сотрудников госпиталя.

— ...По причинам административного толка, — продолжал свой рассказ Тимминс, — О'Мара носит звание майора Корпуса Мониторов. Тут работают много офицеров и медиков, которые, строго говоря, выше О'Мары по званию, однако отлаживание гармоничного сосуществования потенциально антагонистических представителей различных видов — это громадная работа, и ее границы трудно очертить, как и границы власти О'Мары.

— Мне давно известны различия, — вставил Гурронсевас, — между званием и властью.

— Вот и славно, — кивнул Тимминс и указал на большую дверь. — Это — Отделение Межвидовой Психологии. Прошу вас. Входите. Нет, только после вас, сэр.

Гурронсевас оказался в просторной приемной, где стояло четыре письменных стола с компьютерами. Столы были расставлены так, что между ними располагался широкий проход к двери в кабинет Главного психолога. Сейчас были заняты три стола. За одним сидел тарланин, за другим — соммарадванка, а за третьим — землянин в том же звании, что Тимминс. Тарланин и соммарадванка не прервали своей работы, но каждый с любопытством скосил на вошедшего тралтана один из своих многочисленных глаз. Землянин, как это свойственно представителям этого вида, устремил на Гурронсеваса оба глаза. Переставляя свои шесть ног как можно более осторожно и мягко, дабы не произвести лишнего шума и сотрясения (такую походку Гурронсевас выработал за время пребывания в тесных помещениях в обществе существ, привыкших к меньшей силе притяжения), тралтан сделал несколько шагов по приемной.

Он молчал, поскольку не счел допустимым обращаться к кому-либо из подчиненных до тех пор, пока не поговорил с начальником.

Тимминс быстро проговорил:

— Гурронсевас, только что прибыл на «Тенночлане», к майору.

Другой землянин улыбнулся и сказал:

— Майор ждет вас, Гурронсевас. Прошу вас, входите. Один.

Дверь в кабинет отъехала в сторону. Тимминс негромко проговорил:

— Удачи, сэр.

Глава 2

Кабинет Главного психолога оказался еще просторнее приемной. Если обстановка в кабинете и навеяла Гурронсевасу какие-то ассоциации, то, пожалуй, он бы сравнил это помещение с камерой пыток на Тралте в доисторичес-

кие времена, но камерой комфортабельной, от стен к середине кабинета подбирались предметы мебели самых фантастических очертаний и конструкций. Две замысловатые конструкции свисали с потолка. Здесь с удобством могли разместиться представители всевозможных видов, и при этом так, как это было для них привычно — сидя, лежа, свернувшись в клубок или повиснув, к примеру, вниз головой. Будучи существом, привыкшим работать, есть, спать и делать все остальное, стоя на шести ногах (за исключением тех случаев, когда нужно было приспособиться к углу зрения собеседника), Гурронсевас не проявил к широкому ассортименту мебели большого интереса. Он без малейшей растерянности шагнул на чистый участок пола перед столом, за которым на вертящемся стуле восседало существо с неограниченной властью по имени О'Мара.

Гурронсевас смотрел на О'Мару во все глаза, но хранил молчание. Кто он такой, майор знал, так что нужды представляться не было, а тралтан хотел, чтобы его не заподозрили в желании нарушить субординацию или правила хорошего тона хотя бы в мелочах, и желал произвести впечатление существа, которое не втянешь в ненужные разговоры.

Майор показался Гурронсевасу стариком (у землян была привычка считать годы прожитой жизни), хотя шерсть на голове и надбровных дугах у него была скорее серой, нежели седой. Черты лица и две руки Главного психолога оставались неподвижными. Он смотрел на Гурронсеваса. Молчание затянулось. Наконец О'Мара кивнул. Заговорив, он не назвал тралтана по имени, не назвался и сам.

Скорее всего произошло короткое, молчаливое состязание двух характеров, но Гурронсевас так и не понял, кто вышел победителем.

— Начну с того, что поприветствую вас в стенах Главного Госпиталя Сектора, — сказал О'Мара, ни разу не опустив лоскутов кожи над глазами. — Мы оба понимаем, что эти слова — пустая формальность, форма вежливости, поскольку ваше присутствие здесь — не результат приглашения администрации и не констатация ваших необычайно высоких медицинских или технических достижений. Вы

находитесь здесь из-за того, что у кого-то в Медицинском Совете Федерации произошло помрачение рассудка, и этот кто-то отправил вас сюда, дабы мы решили, верен его замысел или нет. Верно ли я вкратце изложил ситуацию?

— Нет, — ответил Гурронсевас. — Меня не посылали. Я сам вызвался.

— Мелкая неточность, — сказал О'Мара. — А может быть, вы извращаете суть. Почему вам захотелось попасть сюда? Только, прошу вас, не повторяйте то, что написано в документах. Там написано много, подробно, весьма впечатляюще — возможно, даже четко, но зачастую факты, содержащиеся в документах такого рода, приукрашены или сглажены в пользу соискателя. Нет, я ни в коем случае не утверждаю, что имеет место намеренная фальсификация, просто хочу сказать, что случаются моменты фикции. Вы раньше работали в больницах?

— Вы знаете, что не работал, — отозвался Гурронсевас, подавив желание раздраженно топнуть ногой. — Но не считаю это препятствием для исполнения своих обязанностей.

О'Мара кивнул.

— В таком случае скажите мне как можно более кратко: вы хотели здесь работать?

— Я не «работаю», — отвечал Гурронсевас, приподняв и опустив две ноги так, что прикрепленная к полу мебель в кабинете задрожала. — Я не ремесленник, не технарь. Я художник.

— Прошу вас простить меня, — произнес О'Мара голосом, казалось, начисто лишенным язвительности, — но почему вы избрали именно этот госпиталь в качестве объекта для ваших художеств?

— Потому, — пылко отозвался Гурронсевас, — что он — вызов для меня. Вероятно, дерзкий вызов, поскольку Главный Госпиталь Сектора — самый большой и самый лучший. Не воспринимайте это как неуклюжую попытку польстить вам или госпиталю — этот факт общеизвестен.

О'Мара чуть-чуть склонил голову и сказал:

— Этот факт действительно известен каждому нашему сотруднику. Я очень благодарен вам за то, что вы не пытае-

тесь льстить мне — неуклюже или как бы то ни было еще, поскольку это совершенно бесполезно. Я также не припомню случая, чтобы я прибегал к лести в разговоре с кем бы то ни было, хотя истории известны случаи, когда я нисходил до вежливости. Надеюсь, мы понимаем друг друга? Теперь, отвечая на вопросы, можете использовать более обширный словарный запас, — продолжал О'Мара, не дав Гурронсевасу ответить на вопрос. — Что же в этом громадном сумасшедшем доме так привлекло вас, почему вы решили отправиться сюда и каким влиянием вы пользуетесь, если вам удалось это повернуть? Может быть, вы были недовольны своим прежним начальством или оно — вами?

— Безусловно, нет! — воскликнул Гурронсевас. — Я работал в «Кромингана-Шеск» в Ретлине, на Нидии, крупнейшем фешенебельном отеле — ресторане Федерации. Там ко мне очень хорошо относились, а если бы и нет, то меня с удовольствием приняли бы на работу в другое заведение. Меня просто на части рвали. Я был вполне доволен своей работой до тех пор, пока около года назад не познакомился с одним высокопоставленным офицером с базы на Нидии, командором флота, кельгианином Руднардтом.

Гурронсевас умолк, припомнив на редкость короткий и простой разговор, из-за которого его спокойной, но скучной прежней жизни пришел конец.

— Продолжайте, — спокойно проговорил О'Мара.

— Руднардт пожелал поблагодарить меня лично, — продолжал Гурронсевас. — Я сразу понял: раз ему позволили позвать меня к столу, значит, он важная персона. Вы, конечно, знаете: кельгиане — существа весьма прямолинейные и психологически не способны солгать и даже вежливо себя вести. Во время беседы со мной кельгианин сказал, что только что съел самые восхитительные в своей жизни побеги креллетинского винограда и что он наслаждался этим блюдом еще сильнее, поскольку не так давно ему довелось отлежать в Главном Госпитале Сектора после какого-то, как я понял, тяжелого ранения при несчастном случае в космосе. На медицинскую помощь Руднардт не жаловался, но сказал, что когда он как-то раз попытался

критически отозваться о вкусе больничной еды, то медсестра-землянка ему сказала, что пациентов, выздоровление которых затягивается, в госпитале тайком травят и что кельгианину еще повезло, что он не питается в столовой для сотрудников.

Командор флота сказал, что эти слова медсестры, без сомнения, являются проявлением того, что у землян принято называть юмором, — продолжал свой рассказ тралтан, — но еще он сказал, что если бы кто-то вроде Гурронсеваса (как будто существовал кто-то вроде Гурронсеваса) взял на себя заботу о питании в Главном Госпитале Сектора, то это весьма положительно сказалось бы и на выздоровлении пациентов, и на настроении персонала. Это была высокая похвала, и она доставила мне большое удовольствие. Позже я много думал об этом и начал чувствовать, что недоволен жизнью. Она стала казаться мне скучной. И когда Руднардт снова пришел в наш ресторан пообедать, я постарался ублажить его едой, чтобы снова выдалась возможность поговорить с ним, и спросил, было ли предложение командора флота серьезным.

Оказалось, что он говорил вполне серьезно, — добавил тралтан. — Кельгианин пользовался достаточным весом в кругах, отвечающих за снабжение и эксплуатацию госпиталя, и после года ожидания меня послали сюда.

— Да, — кивнул О'Мара, — Руднардт развил бурную деятельность. Надеюсь, время ожидания вы посвятили знакомству с принципами организации работы в госпитале? Ну и конечно, как всякий рвущийся к подвигам малыш, вы с нетерпением ждете возможности произвести на всех блестящее впечатление и уже продумали планы на этот счет?

Первой мыслью Гурронсеваса было указать этому язвительному землянину на то, что по массе тела он, тралтан, превосходит его впятеро, и поэтому называть его малышом как-то неправомерно. Но он решил, что это слово О'Мара употребил не в прямом смысле, а в переносном, дабы вывести его из равновесия. Гурронсевас ответил коротко и ясно:

— Да.

Несколько мгновений О'Мара молча смотрел на тралтана, затем оскалился и проговорил:

— В таком случае каковы же ваши наипервейшие намерения?

— Я намерен, — ответил Гурронсевас, стараясь сдерживать переполнявший его энтузиазм, — созвать совещание всех работников, отвечающих за приготовление пищи, и медиков, имеющих отношение к этой работе, дабы представиться тем немногим, кто пока не знает обо мне понаслышке...

О'Мара поднял руку и прервал тралтана.

— Всех работников, отвечающих за приготовление питания? И даже хлородышащих, и живущих при низких температурах, и представителей еще более экзотических видов?

— Безусловно, — без тени сомнения отвечивал Гурронсевас. — Однако я не собираюсь вносить какие-либо существенные изменения в экзотические диеты...

— Слава Богу, — вздохнул О'Мара.

— ...без предварительного тщательного изучения вероятных последствий и переговоров с теми сотрудниками, у которых уже есть опыт в этой области. Но со временем я намерен расширить границы моего кулинарного искусства, хотя они уже и сейчас невыразимо широки, и учесть диетические потребности существ иных видов, а не только теплокровных хлородышащих. Ведь, в конце концов, теперь я Главный диетолог госпиталя.

О'Мара качнул головой из стороны в сторону. Гурронсевас знал, что это у землян означает молчаливое отрицание. Тралтан нетерпеливо ждал, что же возразит ему это крайне неприятное в общении существо на заявление по поводу намерений наилучшим образом организовать работу.

— Я вам точно скажу, кто вы такой, — сказал О'Мара. — И чем вы будете заниматься. Вы — потенциально опасный спорщик. Поскольку вы в госпитале новичок и не прошли технического и медицинского инструктажа, вас положено рассматривать как практиканта. Вместо этого вы прибыли сюда в качестве главы подразделения, тонкости работы в котором вам абсолютно неизвестны. В вашу пользу говорят два мо-

мента: во-первых, вы осознаете собственное невежество, а во-вторых, в отличие от других практикантов у вас есть опыт контактов с представителями других видов. Тем не менее вскоре вам придется адаптироваться к существам таких физиологических классификаций, каких не встретишь в залах суперфешенебельного ресторана «Кроминган-Шеск». Поскольку вы о своих способностях чрезвычайно высокого мнения и поскольку я в исключительно редких случаях способен проявлять тактичность, я пока избегал слов типа «будете» и «должны», хотя сейчас они были бы более уместны. Нет, не перебивайте меня.

Так вот, пока вы будете учиться уму-разуму, — продолжал О'Мара, — прошу вас не забывать о том, что, хотя вы и пользуетесь популярностью у высокопоставленных гурманов из Корпуса Мониторов, здесь вы будете работать в рамках испытательного срока, который может быть сокращен по трем причинам. Во-первых, вы можете обнаружить, что работа вам не по силам, и решите уволиться. Во-вторых, решить, что работа вам не по силам, могу я, и тогда я вас уволю. В-третьих, это может произойти в том невероятном случае, который относится к области исполнения желаний, если вы окажетесь таким светилом кулинарии, что мы будем просто вынуждены утвердить вас в должности и попросить остаться.

Но прежде чем вы что-либо предпримете или задумаете, — продолжал Главный психолог, — познакомьтесь с госпиталем. Потратьте сколько угодно времени — в разумных пределах, конечно, — на то, чтобы здесь обосноваться. Прежде чем вносить какие-либо изменения в меню, согласуйте их с Главным диагностом того или иного отделения, дабы не было каких-либо вредных последствий. Если вы столкнетесь с какими-либо собственными психологическими проблемами, я, несомненно, постараюсь вам помочь — в тех случаях, безусловно, если вам удастся убедить меня в том, что вы не в состоянии справиться с этими проблемами самостоятельно. Если у вас возникнут какие-то еще вопросы или сложности, за помощью обращайтесь к лейтенанту Тимминсу. Вы поймете, если еще не поняли до сих пор,

что он — существо вежливое и готовое прийти на помощь, и к тому же один из немногих наших сотрудников, которые в отличие от меня способны с радостью переносить общение с невеждами.

Когда у меня будет больше свободного времени, — сказал далее О'Мара, — мы с вами обговорим скучные административные мелочи. Вашу зарплату, право на оплачиваемый отпуск и льготы на оплату проезда на вашу родину или до того места, куда вы пожелаете отправиться отдохнуть, а также снабжение вас бесплатными защитными костюмами и оборудованием. Независимо от того, будете вы носить защитные костюмы или нет, вам следует надевать повязку практиканта, чтобы...

— Достаточно! — громко проговорил Гурронсевас, не пытаясь скрыть возмущения. — Зарплата мне не нужна. Мои уникальные способности уже принесли мне состояние, которое мне не потратить до конца моих дней, каким бы транжиром я ни стал. И я вновь напоминаю вам о том, что я — специалист в своей области, известный всей Галактике, а не практикант, поэтому я не стану носить никаких повязок, и...

— Как вам будет угодно, — невозмутимо прервал тралтана О'Мара. — Желаете сообщить мне что-нибудь еще? Нет? В таком случае, полагаю, вы найдете более полезное занятие, чем трата моего и вашего времени.

Главный психолог выразительно посмотрел на наручные часы, затем быстро набрал какой-то код на пульте. Когда экран загорелся, он негромко проговорил:

— Брейтвейт, я готов принять Старшего врача Креск-Сара.

Гурронсевас вышел в приемную, пылая гневом и не стараясь ступать потише. Ожидающий аудиенции у О'Мары Старший врач-нидианин поспешно отпрыгнул в сторону, а сотрудники даже глаз не оторвали от дисплеев своих компьютеров, хотя мелкие предметы у них на столах весьма выразительно подрагивали при каждом шаге тралтана. Гурронсевас остановился только тогда, когда дошагал до ожидавшего его Тимминса.

— Он — самое возмутительное существо, какое я когда-либо встречал, — сердито проговорил Гурронсевас. — Целитель разума? Да у него напрочь отсутствуют доброта и сочувствие! И хотя я в этой области не профессионал, я бы сказал, что такой психолог скорее калечит психику, нежели лечит ее.

Тимминс медленно покачал головой и сказал:

— Вы ошибаетесь, сэр. Майор любит повторять, что его работа здесь состоит в том, чтобы прочищать мозги, а не надувать их. Если пока вам непонятен смысл этой земной поговорки, я объясню его вам позже. О'Мара — очень хороший психолог, самый лучший, о котором только может мечтать существо с психическим расстройством или душевной травмой, но в кругу друзей и коллег, не нуждающихся в его профессиональной помощи, он предпочитает хранить образ человека сурового, ехидного. И если он когда-либо проявит к вам сочувствие и доброту и вы почувствуете, что он относится к вам скорее как к пациенту, нежели как к коллеге, считайте, что с вами что-то очень и очень не так.

— Я... я не уверен, что понимаю вас, — промямлил Гурронсевас.

— На самом деле, сэр, — улыбнулся лейтенант, — вы продемонстрировали потрясающую выдержку. Считается, что кабинет звуконепроницаем, и мы слышали, что вы только дважды повысили голос. Многие, выходя из кабинета О'Мары, пытаются хлопнуть дверью.

— Каким образом? — удивился Гурронсевас. — Там ведь скользящая дверь!

— Все равно пытаются, — вздохнул Тимминс.

Глава 3

Комната оказалась размерами гораздо скромнее, чем прежние апартаменты Гурронсеваса в Ретлине, однако красивый, казавшийся трехмерным тралтанский горный пейзаж

заж придавал помещению ощущение простора, а стены и потолок были покрашены точь-в-точь такими же красками, как в былом жилище Гурронсеваса. В полу около стены, украшенной пейзажем, размещалось углубление типа ванны — небольшое, но удобное, оборудованное пандусом. Комната была оборудована устройством для регулировки силы тяжести, и Гурронсевас с его помощью мог изменять гравитацию по своему желанию, дабы упражняться или отдыхать. Это было необходимо, так как стандартная сила притяжения в госпитале едва доходила до половины показателя, привычного для тралтанов. В углу располагался коммуникатор и небольшой монитор. У входной двери стояли два контейнера — большой и маленький, прибывшие вместе с Гурронсевасом на «Тенночлане».

— Очень неожиданно и очень приятно, лейтенант Тимминс, — обрадованно проговорил тралтан. — Примите мою благодарность за ваши старания.

Тимминс улыбнулся и произвел рукой небрежный жест, после чего указал на коммуникатор и монитор.

— Управление стандартное, — сказал он. — Имеется множество каналов — учебных, медицинских и информационных, — в том числе канал, с помощью которого можно подробно ознакомиться с планировкой госпиталя. Думаю, этот канал окажется для вас весьма полезным. Если понадобится, любой интересующий вас момент можно изучить более детально. Многоканальный транслятор лежит рядом с пультом. К сожалению, развлекательные каналы... ну, в общем, про земные шоу я точно знаю — они порядком устарели, и то же самое можно сказать про все остальные. Поговаривают — и О'Мара этого никогда официально не отрицал, — будто бы Старший врач Креск-Сар, который у нас ведает обучением практикантов, это нарочно подстроил, чтобы его учащиеся поменьше отдыхали и побольше готовились к занятиям.

— Понимаю, — сказал Гурронсевас. — И полностью с ним согласен.

Тимминс улыбнулся.

— Вы найдете тут немало встроенных шкафов, где можете разместить свои вещи. Захотите повесить еще какие-

нибудь картины или украшения на стены — найдете приспособления для развески. Сейчас я вам покажу, как эти штуки работают. Вот так. Помочь вам распаковать вещи?

— Вещей у меня немного, так что я сам справлюсь, — поблагодарил землянина Гурронсевас и, указав на более объемистый контейнер, уточнил: — Вот только этот контейнер мне хотелось бы разместить в холодильном агрегате — так, чтобы мне легко было до него добраться в нужное время. Содержимое понадобится мне для работы.

По розово-желтоватому лицу землянина тралтан догадался, что тот проявляет любопытство. Заметив, что Гурронсевас не склонен это любопытство удовлетворить, Тимминс сообщил:

— Холодильный агрегат стоит в коридоре, в другом конце. Контейнер не слишком тяжел, так что антигравитационные носилки нам не потребуются.

Несколько минут спустя драгоценный контейнер Гурронсеваса был помещен в холодильник. Тимминс поинтересовался:

— Не хотели бы вы теперь отдохнуть, сэр? Если нет, то не желали бы походить по госпиталю? Может быть, вы хотите осмотреть нашу столовую для теплкровных кислородышащих?

— Ни то, ни другое, ни третье, — ответил Гурронсевас. — Я вернусь к себе в комнату и ознакомлюсь с планировкой госпиталя. Затем мне хотелось бы в одиночестве самому найти дорогу до столовой. Рано или поздно, а скорее рано, мне придется выучить эту дорогу. Как это говорится у представителей вашего вида? «Научиться самому стоять на шести ногах?»

— Примерно так, сэр, — кивнул Тимминс. — У вас есть мой личный код для связи. Если понадобится помощь — зовите.

— Благодарю вас, лейтенант, — отозвался Гурронсевас. — Помощь мне будет нужна. Но надеюсь, не слишком часто.

Тимминс поднял руку в знак прощания и без слов удалился.

На следующий день Гурронсевас сумел найти дорогу на нужный уровень так, что ни разу ни у кого не спросил, как туда пройти. Правда, ему в этом деле помогли две медсестры-практикантки — мельфианки, болтавшие на ходу о том, что надо бы успеть поскорее перекусить и не опоздать на лекции. Однако Гурронсевас не сомневался, что в следующий раз доберется до столовой даже без такой пассивной помощи.

Знак над дверью гласил на четырех главных языках Федерации (тралтанском, орлигианском, землянском и илленсианском): «Главная столовая, для видов ДБДГ, ДБЛФ, ДБПК, ДЦНФ, ЭГЦЛ, ФГЛИ и ФРОБ. Виды ГКНМ и ГЛНО — на собственный страх и риск». Гурронсевас вошел и остановился, остолбенев при виде изобилия существ всевозможных видов, собравшихся в одном месте. Не менее шокирующе на тралтана подействовал и царящий в столовой гам — какофония лая, рычания, рева, стрекотания и свиста.

Гурронсевас сам не понял, сколько времени простоял, озирая огромную столовую — море до блеска полированного пола с островками столиков, скамеек и стульев, где разместилось бесчисленное множество существ всех мастей. Гурронсевас разглядел кельгиан, иан, мельфиан, нидиан, орлигиан, дверлан, этлан, землян и своих сородичей — тралтанов, но кроме них, и многих других существ, которых никогда прежде не встречал. Многие сидели за столиками и пользовались столовыми приборами, совершенно не подходящими им по форме и размерам — наверное, для того, чтобы поддержать застольную беседу с представителями других видов.

Были здесь создания, пугающие своей несомненной физической силой, были и такие, что по степени отвратительности могли бы запросто быть отнесены к страшилищам из ночных кошмаров. Гурронсевас отличил одно крупное насекомое с большими прозрачными крыльями и таким крупным тельцем, что при взгляде на это существо тралтан сразу проникся состраданием к нему. Свободных мест за столами почти не было.

Это понятно — пространство в Главном Госпитале Сектора было на вес золота, и те, кто вместе работал, вместе и ели. Гурронсевас только очень надеялся на то, что питались существа разных видов не одной и той же пищей.

Повар-тралтан гадал, а возможно ли вообще изготовить такое блюдо, которое однозначно пришлось бы по вкусу всем без исключения теплокровным кислорододышащим. Размышляя о том, что возможность приготовления такого «деликатеса» явилась бы злостным оскорблением для него, Гурронсевас получил два удара в спину — правда, довольно милосердных.

— Не стой в проходе, тупица! — прошипел серебристошерстный кельгианин в свойственной представителям этого вида невежливой манере. Извивающийся рядом с первым кельгианином второй добавил:

— Ты тут еще постой, помечтай, так с голоду подохнешь.

Гурронсевас продолжил свой путь по столовой и вдруг осознал, что сильно проголодался. Но гораздо сильнее чувства голода было его любопытство в отношении красивого крупного насекомого, парящего над ближайшим столиком и поглощавшего еду. Интересно, что на столике красовалась табличка, неопровержимо говорящая о том, что здесь должны питаться представители физиологической классификации ЭЛНТ. Рядом с насекомым Гурронсевас заметил свободное место.

Подойдя к столу поближе, Гурронсевас убедился, что перед ним и в самом деле насекомое, которое, несмотря на свои довольно внушительные размеры, все же было крошечным в сравнении с большинством посетителей столовой. Из трубчатого тельца удивительного создания торчало шесть ножек толщиной с карандаш, четыре еще более тонких хелицеры и три пары широких, прозрачных радужных крыльев. Крылья медленно опускались и поднимались, помогая их владельцу держаться на небольшой высоте над столом. Странное существо поглощало пищу, похожую на длинные белые шнурки. Гурронсевас сразу узнал земные спагетти. Насекомое скручивало спагетти в веревочку, а затем отправляло в рот.

Гурронсевасу показалось, что вблизи насекомое еще более красиво. На миг парение незнакомца стало чуть менее устойчивым, и из-за какого-то невидимого отверстия в его теле последовало сочетание звуков — трели и щелчки, ставшие приятным музыкальным фоном для переведенных фраз.

— Благодарю вас, друг, — сказала насекомое. — Меня зовут Приликла. А вы, видимо, Гурронсевас.

— А вы, видимо, телепат, — изумленно вымолвил Гурронсевас.

— Нет, друг Гурронсевас, — возразил Приликла. — Я — цинрусский. Представители моего вида обладают органом, позволяющим улавливать эмоциональное излучение, но такую способность правильнее назвать эмпатией, нежели телепатией. Вы же излучали эмоции, характерные для сознания, столкнувшегося с необходимостью освоить новый, совершенно непривычный опыт, но это чувство сочеталось, как обычно и бывает в таких случаях, с ярко выраженным любопытством. Присутствуют и другие побочные эмоции, но они только довершают общую картину. Все это, вкуче со знанием о том, что в госпитале ожидалось прибытие тралтана-новичка на должность Главного диетолога, позволило мне в точности судить о том, кто вы такой.

— Я все равно изумлен, — признался Гурронсевас. От крошечного существа исходили такие тепло и доброта, что их можно было почти осязать. — Могу ли я присоединиться к вам?

— Эй, новичок, уж что-то ты больно вежливый, — отметил сидевший рядом орлигианин. Орлигианин был стар. Торчащая иголочками седая шерсть покрывала ремни его защитного оборудования так, что их почти не было заметно. Существо не слишком удобно устроилось на краешке мельфианского гамака. Наверное, и возраст, и неудобная поза играли свою роль в том, что он обратился к Гурронсевасу без особого политеса. — Меня зовут Ярох-Кар. Ты давай садись, место занимай, а не то другие охотники найдутся. Здесь у нас вежливые всегда недоедают.

Сидевший в стороне от орлигианина землянин издал звук, который, как уже знал тралтан, у землян означает смех. А орлигианин добавил потише:

— Механизм заказа и получения еды стандартный. Набери на пульте код физиологической классификации и увидишь меню. Там будет указано, какие блюда имеются в наличии. Тут у нас тралтанов полно, так что выбор большой, вот только насчет качества и вкуса — это уже другой вопрос.

Гурронсевас не отозвался. Он размышлял. Орлигианин оказался не таким уж невежей. Он хотел ему помочь. И продолжал давать советы.

— С новичками у нас тут такое дело... — говорил он. — Чужая еда может показаться отвратительной на вид — такой мерзкой, что даже аппетит пропадает. В общем, если почувствуешь что-то подобное, лучше одним глазом в свою тарелку смотри, а остальные закрой. Никто не обидится. Ну а если ты действительно сюда прибыл, чтобы отвечать за то, чтобы еда была вкусная... ну, или наоборот, то ты себе сразу жизнь облегчишь, если все сразу уразумеешь.

— Примите мою глубочайшую благодарность за предоставленные сведения и добрые советы, — сказал Гурронсевас. — К сожалению, скорее всего я не сумею воспользоваться всеми вашими пожеланиями.

— Ну, вот опять его на вежливость потянуло, — проворчал орлигианин и продолжил уплетать свою еду.

Гурронсевас подошел к столу поближе и опустился в мельфианский гамак как только мог осторожно, дабы не сломать его. Тут снова зазвучали трели и пощелкивания Приликлы.

— Я ощущаю, что вы голодны, но при этом проявляете любопытство к тому, каким образом я питаюсь, — сказал эмпат. — Поэтому начните с того, что удовлетворите самостоятельно первое чувство, а я помогу вам удовлетворить второе.

«Может, этот Приликла и не телепат, — подумал Гурронсевас, набирая на пульте вызов меню, — но этот его эмпатический орган работает так тонко, что разницы почти никакой».

— Я считаю, что потребление пищи в состоянии парения способствует лучшему его перевариванию, — продол-

жал тем временем цинрусскиец, отвечая на первый незаданный вопрос. — А если еда слишком горяча, биение крыльсв помогает охладить ее. Эти похожие на веревочки штуки — не что иное, как земные спагетти. ДБДГ из обслуживающего персонала их просто обожают. Производятся эти спагетти синтетическим путем — вам это, бесспорно, известно. Сами по себе на вкус они пресные, поэтому приправляются соусом. Если соуса многовато, то он может забрызгать и меня, и тех, кто разместился за столом рядом со мной. Вам еще что-либо хотелось узнать, друг Гурронсевас?

— Мне все это интересно с профессиональной точки зрения, — признался тралтан, от волнения забыв воспользоваться другим ротовым отверстием, а не тем, которым в это мгновение пережевывал пищу. — А вы питаетесь какими-то еще нецинрусскими блюдами? Знаете ли вы еще кого-либо в госпитале, кто предпочитает пищу, привычную для других видов? А за этим столом такие есть?

Ярох-Кар отложил в сторону столовый прибор и сообщил:

— Время от времени такое случается с диагностами — когда они усваивают чью-нибудь мнемодиаграмму и сами не соображают, кто они такие на самом деле. Ну а кроме диагностов... некоторые, случается, чужую еду лопают из интереса, ну или когда приступают к работе в отделении с соответствующими пациентами — чтобы понять, что же они такое едят. Но ты только представь — чтобы я, орлигианин, стал бы пытаться мельфианских грипов кушать. Это же уму непостижимо — гонять их по тарелке туда-сюда! Вылавливать по одной! Нет, что до меня, то я очень рад, что это увлечение у нас тут не в моде.

Гурронсевас не поверил своим ушам.

— Вы хотите сказать, что тут к столу подают живую пищу?

— Ну, может, я слегка загнул, — сказал Ярох-Кар. — Эти рыбки, грипы, они верткие, но не то чтобы живые. На самом деле такая же синтетическая бурда, как все остальное, чем нас тут потчуют. В общем, берут синтетическую массу, обрабатывают ее какими-то вредными химикатами,

и кусочки потом можно зарядить, одни — положительным электрическим зарядом, другие — отрицательным. Ну а потом наваливают их в тарелку прямо перед подачей на стол. И пока заряженные кусочки не разрядятся, зрелище весьма натуральное и совершенно отвратительное.

— Восхитительно! — не удержался от восторга Гурронсевас, решив про себя, что Ярох-Кар необычайно сведущ в вопросах приготовления пищи в госпитале. Вероятно, орлигианин был гурманом, поэтому Гурронсевасу не терпелось продолжить начатую беседу. — В «Кроминган-Шеске», — сообщил он, — нам приходилось получать живых грипов с Мельфы, поэтому блюдо это было очень редким и дорогим. Но разве так уж невозможно теоретически производить пищу, которая бы удовлетворяла требования обмена веществ всех теплокровных кислорододышащих, и чтобы она при всем том выглядела привлекательно и была приятна на вкус? Ну, скажем, чтобы такое блюдо сочетало в себе внешнюю привлекательность и вкусовые качества, скажем, кельгианских побегов лианы креллетины, мельфианских болотных орешков, ну и конечно, грипов, а также орлигианских скарши, аллахимских птичьих семян, землянских отбивных, а также и спагетти, и наших... Я что-то не то говорю?

Все разместившиеся за столиком, за исключением Приликлы, дружно издали громкие непередаваемые звуки. Первым заговорил землянин:

— Не то? Да от одной этой мысли нас всех вот-вот стошнит.

Приликла издал непередаваемую трель и сказал:

— Я не ощущаю никаких расстройств эмоциональной сферы и пищеварения, друг Гурронсевас. Наши соседи просто преувеличивают свою вербальную реакцию для создания юмористического эффекта. Не расстраивайтесь.

— Понимаю, — проямлил Гурронсевас и вновь обратился к цинрусскийцу: — Скажите, а то, что вы свиваете спагетти в веревочку, — это тоже способствует лучшему их перевариванию?

— Нет, друг Гурронсевас, — ответил Приликла. — Этим я занимаюсь исключительно потому, что мне так нравится.

— Я когда был маленький, — вставил Ярох-Кар, — а это было давным-давно, — помнится, тоже любил поиграть с едой, только мне за это влетало — вербально, как вы выражаетесь, уважаемый Приликла.

— У меня тоже сохранились подобные воспоминания, — признался цинрусскиец. — Но теперь я большой и сильный и могу себе позволить делать то, что мне хочется.

Мгновение Гурронсевас в изумлении взирал на тоненькое хрупкое тельце, паучьи лапки и невероятно тонкие крылья. А потом и он присоединился к остальным и издал ряд непередаваемых звуков, в тралтанском понимании соответствующих смеху.

Глава 4

Продолжительный период вдумчивого бодрствования, посвященный размышлениям столь напряженным, что Гурронсевас не смог бы определить, сколько времени прошло, был прерван настойчивым звоном и вспышками лампочки над входной дверью. Гостем оказался лейтенант Тимминс.

— Прошу простить за то, что потревожил вас, сэр, — извинился землянин. — Надеюсь, вы хорошо спали? Не хотите ли где-либо побывать или с кем-нибудь увидеться? Может быть, хотите ознакомиться со столовским компьютером, с банком данных по синтезу пищи, осмотреть диетические кухни в палатах, поговорить с технологами-пищевиками, отвечающими за...

Гурронсевас поднял вверх две передние конечности и слегка скрестил их, тем самым выразив пожелание умолкнуть и выслушать его. Тимминс, судя по всему, тралтанский жест понял, поскольку немедленно замолчал.

— В настоящее время, — сказал Гурронсевас, — мне не хотелось бы заниматься ничем из вами перечисленного. Я

знаю, что у вас есть и другие обязанности, лейтенант. Насколько позволяет ваше время, мне бы хотелось пока не иметь личных тесных контактов ни с кем, кроме вас.

— Естественно, у меня полно других обязанностей, — ответил Тимминс. — Но у меня есть заместитель, который изо всех сил старается меня от многих обязанностей освободить. В ближайшие два дня я могу быть в вашем распоряжении, а потом — по взаимной договоренности. Чем вы предпочли бы заняться прямо сейчас?

Тимминс явно немного рассердился, но Гурронсевас не дрогнул. Он сказал:

— Я рискую повториться, и мои слова, вероятно, прозвучат нарочито, но я вынужден напомнить вам, какое положение я занимал на Нидии. «Кроминган-Шеск» — это большая гостиница, где одновременно проживают представители множества различных видов. Тамошние кухни, находившиеся целиком и полностью в моем ведении, были оснащены по последнему слову техники, оборудование было сложным и, как вы понимаете, время от времени выходило из строя, что было весьма неудобно. Неприятных последствий, связанных с такого рода ситуациями, мне удавалось избежать за счет знакомства с принципами действия невидимых частей оборудования, различными системами выдачи питания для существ разных видов, с процессорами, печами и множеством дополнительных устройств, вплоть до того, как правильно пользоваться мельчайшими кухонными принадлежностями для разделки продуктов и их употребления в пищу. Кроме того, я познакомился с тем, как работают повара более низкого класса, официанты, сотрудники, отвечающие за сервировку столов, технический обслуживающий персонал и так далее — вплоть до уборщиков и посудомоек. Я сделал предметом своего долга ознакомление с причинами всяческих неполадок, как оправданных, так и неоправданных.

И прежде чем я попытаюсь давать инструкции тем, кто будет работать под моим началом, — продолжал Гурронсевас, — мне бы хотелось понять масштабы ответственности на новом посту и понять, с какими проблемами мне при-

дется сталкиваться на практике, с тем, чтобы пропасть непонимания между мной и моими новыми коллегами по возможности сократилась. К процессу ознакомления мне было бы желательно приступить немедленно.

Пока Гурронсевас говорил, Тимминс открыл рот. Правда, конфигурация его губ при этом вряд ли напоминала улыбку. Наконец, когда тралтан умолк, землянин проговорил:

— Вам придется довольно долгое время походить по туннелям эксплуатационной сети. Там может оказаться грязно, неприятно и опасно. Вы уверены, что вам хочется именно этого?

— Совершенно уверен, — отвечал Гурронсевас.

— В таком случае будем беседовать по пути, — решительно заявил Тимминс. — Но будет лучше — по крайней мере поначалу, — если говорить буду я, а вы — слушать. В конце коридора имеется люк...

Судя по тому, что рассказывал Тимминс, планы эксплуатационных туннелей и расположенных в них технических помещений, которые Гурронсевас так старательно изучал до того, как прибыл в госпиталь, в свое время были составлены для ознакомления с оными интересующихся неспециалистов. По словам Тимминса, планы были слишком упрощенными, чересчур красивыми и к тому же давным-давно безнадежно устарели. Тралтан убедился в этом сразу же, как только они с землянином проникли в туннель, где увидели не существующую на плане лестницу.

— Ступеньки крепкие, ваш вес выдержат, — заверил Гурронсеваса землянин. — Но спускайтесь медленно. Если хотите, можно пройти через другой люк, там есть пандус. Некоторым тралтанам лестницы не нравятся, кажутся трудными...

— В отеле я пользовался лестницами, — перебил его Гурронсевас. — Только по приставным ходить не буду, увольте.

— Уволю, — кивнул Тимминс. — Но идите первым. Дело тут не в вежливости. Просто не хочу рисковать. Мало ли чего — свалится на меня тонна тралтанского живого веса! Как у вас со зрением? Хорошо?

— Очень хорошо, — отозвался Гурронсевас.

— Но достаточно ли хорошо, — заупрямился Тимминс, — для того, чтобы четко различать мельчайшие изменения и оттенки цвета при тусклом освещении? Клаустрофобией не страдаете?

Стараясь скрыть раздражение, тралтан ответил:

— Я чисто зрительно способен определить степень свежести любого продукта питания — с точностью до нескольких часов. Клаустрофобией не страдаю.

— Вот и славно, — сказал Тимминс и чуть извиняющимся тоном добавил: — Но все же посмотрите вверх и по сторонам. Вдоль стен и потолка тянутся пучки кабелей и труб, и все они соответствующим образом кодированы разными цветами. Это позволяет обслуживающему персоналу легко ориентироваться в туннелях. Посмотрит сотрудник на цветовые обозначения — ну, примерно так, как вы на какой-нибудь овощ, и сразу определит, что перед ним — электрический кабель под высоким напряжением или менее опасная линия связи, по каким трубам подается кислород, по каким — хлор или метан, а по каким отводятся органические отходы. Всегда существует опасность загрязнения палат и комнат сотрудников чужеродной атмосферой, а подобных экологических катастроф допускать ни в коем случае нельзя. Мало ли какому близорукому существу взбредет в голову соединить не те трубы.

Как правило, — продолжал Тимминс, — мне не приходится задавать вопросов насчет остроты зрения или клаустрофобии, поскольку психологический скрининг О'Мары просто-напросто не допускает к работе в госпитале тех, у кого есть в этом плане какие-то проблемы. Но ваш психофайл я не просматривал, так как вы — не практикант... Там, справа, ниша. Быстро туда!

Уже несколько секунд Гурронсевас слышал тонкий, похожий на вой звук. Звук нарастал, становился громче и приближался. Гурронсевас почувствовал, как руки Тимминса мягко подталкивают его к нише в стене. У тралтанов подобные прикосновения служили проявлением нежных чувств, но сейчас землянин просто стремился как можно

скорее затолкать массивного Гурронсеваса в нишу, чтобы затем поспешно втиснуться туда рядом с ним.

Мимо с диким воем пронеслась гравитационная тележка — автокар, — до такой степени нагруженная какими-то приборами и коробками, что между ее бортами и стенами туннеля оставались считанные дюймы. Землянин-водитель, перекричав вой сирены, поздоровался с Тимминсом:

— Доброе утро, лейтенант!

Тимминс поднял в приветствии руку, но промолчал, так как тележка уже укатила довольно далеко и водитель бы его попросту не услышал.

Теперь Гурронсевас понял, для чего нужны такие ниши в стенах туннеля.

— А мы бы сэкономили время, если бы тоже воспользовались такой тележкой, — заметил тралтан. — В Ретлине я водил такое транспортное средство. Меня считали опытным водителем, а уличное движение там, надо сказать, весьма оживленное.

Тимминс покачал головой и сказал:

— Сейчас вам это ни к чему. Если вы вознамеритесь проводить в эксплуатационных туннелях долгое время, я организую для вас специальный инструктаж. Поводите тележку без груза в тренировочном помещении, где стены из гибкого пластика, так что там вы сами не поранитесь и оборудования никакого не поломаете. Но главное, из-за чего вам пока не стоит разъезжать тут на тележке, это то, что у нее слишком большая скорость, а на такой скорости мало чего увидишь и мало что узнаешь.

— Понимаю, — отозвался Гурронсевас.

— Вот и хорошо, — улыбнулся лейтенант. — Ну а теперь — маленький тест. Что вы можете мне сказать, основываясь на полученной информации и собственных наблюдениях, о том отрезке туннеля, в который мы только что попали?

С тех пор, как Гурронсевас ходил в школу, прошло немало лет, но и тогда, и теперь он был не прочь поразить своими познаниями своих учителей. Он ответил:

— В течение нескольких секунд я слышал приглушенный шум, шарканье и отдаленные голоса существ разных видов. Звуки были слишком тихими, их было слишком много сразу для того, чтобы их уловил транслятор. Источник звуков располагался над потолком. Это позволяет мне заключить, что мы в настоящее время двигаемся под одним из главных коридоров. Я ощущаю слабый запах. Его источник мне определить трудно, но полагаю, что при большей интенсивности этот запах был бы неприятен. Кроме того, я отмечаю, что к постоянно наблюдавшимся по пути нашего следования электрическим кабелям, линиям связи и к трубам, по которым осуществляется подача воды и смеси кислорода с азотом для дыхания теплокровных кислорододышащих, добавились и трубы большего диаметра, по которым, судя по цветной кодировке, подается вода. Я замечаю и еще несколько труб меньшего диаметра, кодированных цветом, но этот код мне не знаком. У меня вопрос.

— Хороший ответ, — усмехнулся Тимминс. — Вы работали ответ и от меня. Спрашивайте.

— На механизмах и приборах, мимо которых мы проходили, нет никаких идентификационных знаков, — сказал Гурронсевас. — Приходится ли вам и вашим подчиненным узнавать эти приборы и механизмы на глаз и запоминать, для чего они предназначены?

— О Господи, нет! — воскликнул Тимминс, но тут им обоим пришлось спешно ретироваться в ближайшую нишу, так как снова завывла сирена и по туннелю промчалась очередная тележка. На этот раз тележку вел кельгианин. Здороваться с Тимминсом он не стал. Когда землянин и тралтан покинули нишу, Тимминс продолжил: — Даже у диагностов не бывает настолько хорошей памяти. Справа от вас — устройство с красно-сине-белым кодом. К нему подходят три водяные трубы большого диаметра. На внешней поверхности расположена большая инспекционная панель, оборудованная небольшой крышкой. Крышка легко открывается, она подвешена на петлях. Приподнимите крышку и нажмите расположенную под ней кнопку.

Гурронсевас выполнил инструкции Тимминса и удивился: он услышал чей-то голос. На каком языке разговаривало устройство, тралтан не разобрал, но из транслятора услышал следующее:

— Я — стационарный насос, предназначенный для подачи экологически чистой жидкости в палату, где лечатся пациенты-чалдериане. В этой жидкости содержатся в небольшом количестве элементы, требуемые для поддержания нормальной жизнедеятельности вододышащих АУГЛ. Хотя эти вещества и нетоксичны, попадание их в воду делает ее непригодной для питья других теплокровных существ. Я функционирую автоматически. Большая инспекционная панель открывается путем помещения ключа-мастера в скважину, обведенную красным кружком, и поворотом ключа по стрелке на девяносто градусов. По вопросам ремонта частей оборудования смотри техническую инструкцию, кассета три, раздел сто тридцать два. Не забудьте перед уходом закрыть панель.

Я — стационарный насос, предназна... — принялся прибор за очередное ознакомительное повествование, но Гурронсевас заставил его умолкнуть, закрыв крышку.

— Звуковая табличка! — восхищенно проговорил он. — Содержание которой с помощью транслятора понятно любому. Я мог бы догадаться!

Тимминс улыбнулся и сообщил:

— Мы продвигаемся в сторону илленсианских уровней. Запах и новые цветовые коды, замеченные вами, свидетельствуют о присутствии хлора. Но прежде чем мы продолжим путь, нам необходимо облачиться в защитные костюмы, так что сворачивайте в следующую арку слева. Там хотя бы под тележку угодить опасности нет.

Гурронсевас сразу понял, что они попали в «гардеробную» для существ разнообразных видов. Вдоль стен тянулись кабинки с прозрачными дверцами, сквозь которые были прекрасно видны размещенные там защитные костюмы и скафандры всевозможных размеров и фасонов. Звуковые таблички по требованию выдавали подробнейшие инструкции о том, как надевать защитную одежду. Тим-

минс быстро выбрал костюм для себя, оделся и отвел Гурронсеваса к одной из кабинок, где хранились костюмы для тралтанов.

— У вас шесть ног, так что поначалу будете путаться, — сказал он. — Я вам помогу. Этот костюм — комбинация одеяния, предназначенного для перемещения в среде с небольшой силой притяжения, и костюма общей защиты. Мой костюм оборудован шлемом, который можно герметично пристегнуть в случае необходимости, когда есть опасность загрязнения воздуха чужеродными примесями — ну, например, при серьезных нарушениях в системе подачи кислорода или хлора, при проходе через характеризующийся высокой температурой мельфианский уровень. В вашем костюме предусмотрена система краткосрочной подачи воздуха, охлаждения и осушения для регулировки потоотделения и защиты от перегрева. Кроме того, вот тут имеется аварийный маячок, дабы, если попадете в беду, смогли позвать на помощь.

Маяком следует пользоваться только в тех случаях, когда нет возможности добраться до устройства связи и дела действительно очень плохи, — продолжал лейтенант, — и только тогда, когда вы уверены, что сами не в состоянии решить ту или иную проблему. Если к вам на помощь отправится бригада спасателей, вооруженная до зубов, а окажется, что вы всего-навсего заблудились или мучаетесь от одиночества, вам несдобровать. По вашему адресу будет высказано немало грубостей.

— И эти грубости, — отозвался Гурронсевас, — будут заслуженными.

Тимминс улыбнулся и продолжил пояснения:

— Костюмы также предусматривают защиту от грязи, порезов и прочих повреждений при соприкосновении с металлическими выступами. В отличие от медицинских уровней и ваших кухонь в «Кроминган-Шеске» нам не приходится работать в стерильной чистоте. За счет статического электричества на оборудовании накапливается немало пыли, хватает и смазочных материалов, так что в целом грязь тут просто невероятная, и удалить ее потом трудно,

особенно существам, покрытым шерстью. Защитные костюмы имеют цвет формы Корпуса Мониторов — темно-зеленый. Только кельгиане носят прозрачные костюмы, поскольку им всенепременно нужно при невербальном общении наблюдать за шерстью друг друга. До облачения в костюм любые знаки различия переносятся наружу. Проверьте шлем. Более или менее удобно?

— Вполне удобно, благодарю вас, — отозвался Гурронсевас. — Но у меня возник вопрос после беседы с насосом, который подает воду в палату для АУГЛ. До сих пор я не задумывался о проблеме улучшения вкуса пищи, потребляемой вододышащими существами. Как только я немного ознакомлюсь с географией эксплуатационных туннелей и работой сети подачи питания, мне бы хотелось обсудить эту проблему с пациентами-чалдерианами. Вы сможете это устроить?

— Это вопрос медицинский, — протянул Тимминс. — Лучше бы вам на этот счет все уладить с медсестрой Гредличли, которая заведует палатой АУГЛ.

— Всенепременно поговорю с ней, — сказал Гурронсевас. — Но мне показалось, что вы немного смущены. У меня могут возникнуть какие-то сложности?

— У Старшей сестры Гредличли, — ответил лейтенант, — репутация существа всего лишь чуть менее ядовитого, чем О'Мара. А сейчас я поведу вас к главному пищевому синтезатору, расположенному непосредственно под столовой. Но сначала будьте так добры, разместите эту повязку практиканта на одной из ваших передних конечностей — так, чтобы ее было хорошо видно.

Вот уже второй раз от Гурронсеваса потребовали, чтобы он нацепил унизительную повязку практиканта. Однако Главный психолог потребовал этого в резкой и оскорбительной манере, чего никак нельзя было сказать о дружелюбном и хорошо воспитанном лейтенанте. Гурронсевас все же обдумывал, как бы ему потактичнее отказать от повязки, но Тимминс снова обратился к нему:

— Что касается меня лично, то я прекрасно сознаю, что вы — никакой не практикант, а опытный специалист в своей

области. Скоро об этом узнают и все остальные в госпитале. Но дело в том, что на эксплуатационных уровнях народ вечно куда-то мчится, торопится, и не исключены эксцессы. Вы уже видели, как тут некоторые лихачат на тележках. Масса возможностей оказаться в ситуации, когда вам будет грозить немалая опасность. Разве здравый смысл не подсказывает, что лучше оградить себя от опасности? Пусть те, у кого опыта побольше, знают, что у вас его поменьше, и тогда к вам не будет никаких претензий, вот и все. Ведь в конце концов, в Главном диетологе госпиталь нуждается гораздо больше, чем в новом пациенте.

Долгие мгновения Гурронсевас вел сам с собой неприимимый спор. Он сам не понимал — не то он призывал на помощь свой разум, не то совершал трусливый поступок.

— Ну что ж... — произнес он в конце концов. — Если речь идет о сохранении моей драгоценной жизни, то я согласен.

Глава 5

Гурронсевас гордился собой. Он познакомился и переговорил со всеми своими подчиненными лично, и если это было необходимо — продолжительно беседовал. Его главный заместитель, нидианин по имени Сарнагх-Са, потребовал осторожного обращения, поскольку раньше явно метил на вакантное место Главного диетолога. Правда, надо было отдать нидианину должное, он оказался способным, ответственным, немного невосприимчивым к новым идеям, однако все же на него можно было положиться в будущем. Не роняя достоинства и не унижаясь, Гурронсевас всех без исключения просил о помощи. В его намерения входило стать доступным для персонала любого уровня, лишь бы его доступность не выражалась в непростительной трате драгоценного времени. Он надеялся, что отношения с сотрудниками на универсальной кухне станут

приятными и профессиональными, но старательно подчеркивал, что вторые будут напрямую зависеть от первых. В общем и целом на таковые пожелания его будущие починенные отвечали неплохо, хотя некоторые явно удивлялись тому, что Гурронсевас Великий во время бесед не расставался со спецовкой эксплуатационника.

После пятидневного экскурса вместе с Тимминсом в лабиринт эксплуатационных туннелей, непосредственно предназначенных для обеспечения пациентов и сотрудников питанием, и еще трех с половиной дней, посвященных инструктажу в вождении антигравитационной тележки, лейтенант заявил, что в дальнейшем Гурронсевас запросто обойдется без сопровождения и может пересесть на транспортное средство. На шестой день Гурронсевас самостоятельно провел порожнюю тележку от синтез-комплеста под восемнадцатым уровнем до кладовой на тридцать первом и при этом пользовался только техническими туннелями, не попросил, чтобы его тележку запрограммировали на заданный маршрут. Тралтан уложился в двадцать четыре стандартные минуты, ни на кого и ни на что не налетел — ну, если и были какие-то мелочи, то, во всяком случае, письменных жалоб не поступило.

Тимминс сказал, что Гурронсевас для новичка начал исключительно хорошо. И теперь Гурронсевас из всех сил старался удерживать переполнявшие его гордость и радость и не позволить сердитой, плохо воспитанной, злоязыкой хлородышащей илленсианке испортить его хорошее настроение.

— Интересно получается, — язвительным тоном произнесла Гредличли. — Когда кто-нибудь из ваших сотрудников становится нам срочно нужен, возникает такое ощущение, что эксплуатационники чуть ли не вымирающий вид, а когда вы нам совершенно не нужны, вы кучей набиваетесь в палату. Что вам нужно?

Поскольку хлородышащие существа в «Кроминган-Шеске» не останавливались и не питались, Гурронсевас видел перед собой представительницу этого вида впервые. Суставчато-перепончатое тельце ПВСЖ напоминало какое-то странное соединение маслянистых ядовитых растений, ча-

стично скрытых от глаз желтоватой дымкой хлора внутри прозрачной защитной оболочки. Гурронсевас поймал себя на том, что он совсем не против того, чтобы дымка эта была более плотной. Гредличли неподвижно парила в толще воды перед экраном монитора, благодаря которому с сестринского поста велось наблюдение за пациентами. Глаз Старшей сестры в путанице выростов на голове Гурронсеваса разглядеть не мог, но почему-то у него было такое ощущение, что илленсианка смотрит на него.

— Я — Главный диетолог Гурронсевас, Старшая сестра, а не техник из Эксплуатационного отдела, — сказал тралтан, изо всех сил стараясь говорить вежливо. — Мне бы хотелось с вашей помощью побеседовать с одним или несколькими вашими пациентами относительно снабжения палаты пищей, дабы в случае необходимости улучшить питание пациентов. Не могли бы вы назвать мне имя пациента, с которым я мог бы поговорить, чтобы не мешать процессу лечения?

— Имени я вам назвать при всем желании не смогу, — проворчала Гредличли, — потому что мои пациенты никому не говорят, как их зовут. На планете Чалдерскол чье бы то ни было имя известно только близким родственникам, а за пределами семейства сообщается только будущим супругам. АУГЛ-Сто тринадцатый в настоящее время выздоравливает, и вряд ли его серьезно огорчат несколько глупых вопросов, так что с ним можете поговорить. Медбрат Тован!

Из устройства связи послышался голос, несколько приглушенный водной средой:

— Слушаю, Старшая сестра.

— Как только смените повязки Сто двадцать второму, — распорядилась Гредличли, — пожалуйста, попросите Сто тринадцатого приплыть к сестринскому посту. К нему посетитель. — Гурронсевасу Гредличли сказала: — На тот случай, если вам это неизвестно, сообщаю: на сестринском посту чалдерианин не поместится, он тут попросту все переломает. Ступайте в палату.

Палата, как решил Гурронсевас, попав в нее, была меньше, чем казалась. Ожидая АУГЛ-Сто тринадцатого, трал-

тан всматривался в зеленоватую толщу воды и не мог разглядеть ни обитателей палаты, ни коек, ни медицинского оборудования. Палата была снабжена декоративной растительностью, призванной создавать у пациентов ощущение пребывания в родной стихии, но какие именно растения украшали палату, Гурронсевас не смог бы определить. Тимминс рассказывал Гурронсевасу, что в этой палате предпочтение отдается живым растениям, поскольку они выделяют приятные для пациентов ароматические вещества. Тимминс утверждал, что сотрудники Эксплуатационного отдела старательно поддерживают растительность в идеальном состоянии и что здоровье растений для них важнее здоровья пациентов. Порой тралтану было трудно понять, когда землянин говорит серьезно, а когда — шутит. Кроме того, лейтенант говорил Гурронсевасу о том, что обитатели чалдерскольского океана — существа мирные, но на вид — страшнее не придумаешь.

Глядя на то, как к нему приближается живая торпеда со щупальцами вокруг головы, Гурронсевас склонен был поверить в последнее утверждение землянина на все сто.

Существо смахивало на громадную бронированную рыбину с тяжелым заостренным хвостом и устрашающе жесткими плавниками. Примерно посередине огромного тела из каких-то невидимых глазом отверстий торчал «воротник» из длинных щупалец. Когда существо продвигалось вперед, щупальца прижимались к телу, однако длина их была такова, что при необходимости, будучи вытянутыми к голове, они оказались бы длиннее, чем тело странного создания. Морда у АУГЛ была тупая, как бы обрубленная, и очень широкая. Подплыв поближе, чалдерианин принялся кружить около Гурронсеваса, с любопытством разглядывая тралтана одним из нескольких маленьких, лишенных ресниц глаз. Затем чудовище повисло в толще воды, и щупальца застыли и распрямились, образовав круг. Неожиданно открылась пасть — громадная розовая пещера с огромнейшими, белоснежными и острыми зубами — таких Гурронсевас никогда прежде не видел.

— Не вы ли мой посетитель? — смущенно спросило чудище.

Гурронсевас растерялся. Он гадал, следует ли ему представиться. Перед ним находился представитель культуры, в рамках которой именами пользовались только в кругу родни и любимых. Вероятно, употребление тралтаном собственного имени могло бы смутить чалдерианина. Надо было поинтересоваться на этот счет у Старшей сестры.

— Да, — ответил в конце концов Гурронсевас. — Если вы сейчас ничем важным не заняты, мне бы хотелось побеседовать с вами о чалдерианской пище.

— С радостью, — отозвался АУГЛ-Сто тринадцатый. — Тема эта очень интересная, о ней много спорят, но крайне редко споры заканчиваются драками.

— Я имел в виду больничное питание, — уточнил тралтан.

— О-о-о, — протянул чалдерианин.

Не нужно было быть цинрусским эмпатом, чтобы суметь уловить глубочайшее осуждение, заложенное в этом междометии. Гурронсевас поспешил добавить:

— Я намерен заняться улучшением качества и вкуса и внешнего вида синтетического питания, которым в госпитале обеспечивают пациентов различных видов. Это для меня — дело чести и профессиональной гордости. Но прежде чем заняться какими-либо конкретными мероприятиями в этой сфере, мне необходимо выяснить, в чем именно синтетическое питание, мне представляющееся почти безвкусным органическим топливом, не дотягивает до идеала. Я только-только приступил к работе, и вы — первый пациент, с которым я беседую на эту тему.

Пасть-пещера медленно закрылась, затем снова открылась. Пациент проговорил:

— Явные амбиции, но, по всей вероятности, невыполнимые? Нужно будет запомнить ваше выражение — «безвкусное органическое топливо». Произнеси вы такую фразу в присутствии гостеприимного хозяина на Чалдерсколе, она бы прозвучала тяжелым оскорблением его кулинарному искусству. Там мы к питанию относимся очень серьезно и порой даже чересчур. Что именно вас интересует?

— Практически все, — благодарно отозвался Гурронсевас. — Поскольку относительно питания чалдериан я — полный профан. Какие продукты животного и растительного происхождения вы употребляете в пищу? Как готовится еда, как ее подают и сервируют? На большинстве планет способы подачи пищи рассчитаны на стимуляцию вкусовых рецепторов и весьма способствуют удовольствию при поглощении блюд. На Чалдерсколе это тоже так? Какими у вас принято пользоваться специями, соусами и приправами? Понимаете, само понятие о кулинарном спектре, состоящем только из холодных закусок, для меня ново, и...

— Мои сородичи, — прервал поварскую тираду Гурронсеваса Сто тринадцатый, — вододышащие обитатели океана. И потому припозднились с использованием огня.

— О, конечно, как это глупо с моей стороны — не учесть... — начал было извиняться тралтан, но тут его беседу с чалдерианином прервал голос Гредличли.

— Не мне судить, что там с вашей стороны глупо, а что нет, — проворчала Старшая сестра, появившаяся у входа на сестринский пост. — По крайней мере я удержусь от того, чтобы сказать об этом вслух. Сейчас время обеда. Наши пациенты проголодались, и все они, за исключением Сто тринадцатого, с которым вы беседуете, получают особую диету и во время еды нуждаются в помощи сестринского персонала. Так что будьте так добры, окажите посильную помощь: получите порцию Сто тринадцатого и дайте бедняге поесть, покуда вы будете разглагольствовать.

Гурронсевас послушно последовал за Гредличли на сестринский пост, думая о том, как это странно, что эта неприятная особа, Гредличли, попросила его сделать то, о чем он сам мог только мечтать. Но прежде чем он успел сделать закономерный вывод и решить, что на самом деле илленсианка не такая уж стерва, из устройства выдачи питания в стоявшую рядом с ним тележку начали падать довольно крупные коричнево-серые пятнистые шары. Как только тележка наполнилась до краев, Гурронсевас направился с ней к Сто тринадцатому.

— Держитесь подальше и бросайте по одному, — посоветовала тралтану Гредличли. — Если, конечно, не хотите стать компонентом этого блюда.

Мимо Гурронсеваса в палату проскользнули две медсестры-кельгианки в прозрачных защитных костюмах, сквозь которые была хорошо видна их серебристая шерсть, постоянно пребывающая в движении, а также креппелианский осьминог, в защитном костюме не нуждавшийся.

— Что это такое? Яйца? — поинтересовался Гурронсевас, отправляя шары один за другим в широко раскрытую пасть чалдерианина. Челюсти Сто тринадцатого смыкались слишком быстро и часто, так что тралтан никак не мог понять — то ли шары внутри мягкие и покрыты более или менее прочной скорлупой, то ли они целиком твердые. Его любопытству не суждено было удовлетвориться до тех пор, пока последний шар не исчез в пасти АУГЛ и тот снова обрел дар речи.

— Вы наелись? — спросил Гурронсевас. — В сравнении с массой вашего тела порция показалась мне... ну, скажем так... скромной.

— Если мой ответ покажется вам несколько неучтивым, прошу вас не обижаться, — ответил пациент. — На Чалдерсколе поглощение пищи считается делом важным и радостным, и разговоры во время еды считаются неприкрытым осуждением кулинарных талантов хозяина. Разговоры свидетельствуют о том, что гостям прискучило предложенное им угощение. Даже здесь, где качество питания можно серьезно критиковать, привычка к хорошим манерам сохраняется.

— Понимаю, — проговорил пристыженный Гурронсевас.

— Что же касается вашего вопроса, — продолжал чалдерианин, — то поглощенное мной блюдо напоминает по форме яйца, но это не яйца, хотя и снабжены довольно прочной наружной скорлупой, внутри которой содержится питательная волокнистая масса. В госпитале эта масса, естественно, синтетическая. Когда съеденные мною шары попадают в пищеварительную систему, они под действием желудочного сока многократно увеличиваются в размерах, и за счет этого наступает чувство насыщения. Мы, чалдериане, существа не-

глупые и знаем, что голод — лучшая приправа, но вкус этих шаров искусственный, не тонкий и... для того, чтобы дать им более точное определение на моем языке, мне придется расстаться с нормами вежливости.

— Я вас очень хорошо понимаю, — поспешил заверить Сто тринадцатого тралтан. — Но не могли бы вы уточнить: в чем различия во внешнем виде, в консистенции пищи между привычной для вас едой и ее синтетическим подобием? Вы несколько не оскорбите меня, если прибегнете к крепким выражениям при описании плохо приготовленного блюда, поскольку я сам к подобным выражениям много лет прибегал при общении с подчиненными.

Пациент Сто тринадцатый принялся говорить о том, что ему не хотелось бы показаться неблагодарным в отношении госпиталя, поскольку здесь его вылечили и фактически спасли ему жизнь. Все терапевтические и хирургические чудеса, по словам АУГЛ, были осуществлены в условиях жуткой тесноты здешней палаты, которая, по понятиям чалдериан, грозила им клаустрофобией. При таких обстоятельствах жаловаться на то, что их невкусно кормят, на взгляд Сто тринадцатого, представлялось почти кощунством. Но дома, на родине, у чалдериан хватало места и поесть, и порезвиться, и поупражнять вкусовые рецепторы в погонях за съедобными обитателями тамошнего океана, поймать которых было не так-то легко.

На океанической планете Чалдерскол, несмотря на то что уже много веков там ощущалось влияние цивилизации, местные жители по-прежнему ощущали и физиологическую, и эстетическую потребность как следует погоняться за пропитанием и предпочитали кушать пищу живьем, а не в виде сервированных мертвых особей. Для того чтобы сохранять физическое здоровье, чалдерианам требовалось упражнять челюсти и зубы, больше двигаться. За исключением краткого периода размножения лучшим временем года для них было время еды.

Больничная пища была снабжена прочной оболочкой и, безусловно, была очень питательна, однако содержимое шаров представляло собой безвкусную, мягкую, отврати-

тельную пульпу, напоминавшую по консистенции то, чем кормят родители-чалдериане своих младенцев, — полупереваренную отрыгиваемую кашу. Только прикованный к постели чалдерианин мог думать о том, как бы ему избежать тошноты при поглощении невкусной еды.

Гурронсевас внимательно слушал АУГЛ-Сто тринадцатого, время от времени прося его что-то уточнить или высказывая какие-то свои предложения, но не забывая при этом делать скидку на то, что любой пациент всегда рад выразить свои жалобы незнакомому существу, которое прежде этих жалоб не слышало. Однако длительная дискуссия о питании напомнила Гурронсевасу о том, что уже прошло четыре часа с тех пор, как он сам в последний раз поел.

— Если позволите, я прерву вас и попытаюсь резюмировать проблему в общих чертах, — сказал тралтан, когда Сто тринадцатый принялся в который раз повторять одно и то же с небольшими вариациями. — Во-первых, форма и консистенция пищи неадекватны в том смысле, что при ее потреблении задействованы только челюсти и зубы. Во-вторых, вкус пищи неудовлетворителен, так как она произведена синтетическим путем с применением химических добавок, а для чувствительных вкусовых рецепторов чалдериан всякая подобная подмена сразу ощутима. В-третьих, больничная пища лишена специфического запаха, испускаемого живыми обитателями вашего океана.

В последнее время я изучал сходные проблемы у других пациентов госпиталя, — продолжал Гурронсевас, — и обнаружил, что меню для разных палат составляет медик-диетолог, действующий в соответствии с распоряжениями лечащего врача, а работники кухни за этот аспект не отвечают. Совершенно справедливо: первейшая забота врача состоит в том, чтобы получаемое его пациентами питание удовлетворяло клиническим потребностям, и в какой-то степени питание является частью лечения, так что вкусу и ароматам пищи уделяется второстепенное внимание — если уделяется вообще. Однако я верю, что эти моменты — вкус

и запахи — должны быть самым серьезным образом учтены, пускай даже в качестве физиологически благоприятствующего фактора для выздоравливающих пациентов вроде вас, которым нужно не только питаться, но и двигаться.

К сожалению, — продолжал Гурронсевас, несколько утратив энтузиазм из-за приступов голода, — пока я мало что могу сделать в плане улучшения вкуса и консистенции пищи — по крайней мере до тех пор, пока не переговорю с вашим лечащим врачом и технологами-пищевиками, ведающими производством питания для вас. Но есть непреложное правило: любую пищу можно сделать приятнее и аппетитнее за счет того, каким способом ее подавать. Тут можно прибегнуть к интересному сочетанию цветов, например, или выразительной форме сервировки на тарелке так, что при взгляде на блюдо тут же возникает зрительное желание...

Гурронсевас не договорил фразу до конца — он вспомнил, что во время еды пациент АУГЛ-Сто тринадцатый никакой тарелкой не пользовался и что для чалдерианина главная зрительная привлекательность пищи состояла в ее способности снова у него перед мордой. Однако сильно растеряться Гурронсевасу не удалось, так как от сестринского поста отделилась фигурка Гредличли. Старшая сестра плыла к ним.

— Вынуждена прервать ваш продолжительный и для меня практически безынтересный разговор, — заявила илленсианка, оказавшись между пациентом и тралтаном. — Старший врач Эдальнет вот-вот начнет вечерний обход. Сто тринадцатый, прошу вас, возвращайтесь к своей спальной раме. А вам, диетолог Гурронсевас, если вы намерены продолжить беседу с пациентом, придется подождать до тех пор, пока доктор Эдальнет не завершит обход палаты. Хотите, чтобы я связалась с вами после этого?

— Благодарю вас, не стоит, — ответил Гурронсевас. — Пациент Сто тринадцатый снабдил меня кое-какими весьма полезными сведениями. Я благодарен вам обоим. Надеюсь, что мне не придется возвращаться сюда до тех пор,

пока я не сумею внести положительные изменения в диету палаты АУГЛ.

— Поверю, — буркнула Старшая сестра Гредличли, — когда увижу своими глазами.

Глава 6

Когда Гурронсевас поинтересовался, для чего предназначено обозначенное на плане госпиталя обширное водное пространство, глубина которого не позволяла утонуть, но размеры были настолько велики, что там можно было бы проводить эксперименты без риска столкновения модели со стенами, он не ожидал, что его настолько потрясут истинные масштабы этого сооружения.

Яркое, но хорошо замаскированное освещение в сочетании с элементами искусственного пейзажа придавало рекреационному уровню иллюзию простора. В целом создавалось впечатление присутствия на небольшом тропическом пляже в заливе, с двух сторон замкнутом невысокими скалами. В скалах виднелись входы в пещеры, маленькие и побольше — там находились туннели, ведущие к вышкам для прыжков в воду, и все вышки были в ходу. Располагались они на разной высоте. Пляж выходил к морю, простиравшемуся до самого горизонта. Иллюзия безбрежности морского простора создавалась за счет марева. Над головой сияло безоблачное небо. Вода в заливе была темно-синей, а у пологого берега — более светлой, почти голубой. Волнообразующая машина была выключена на все время эксперимента, поэтому едва заметные волны ласково лизали мягкий золотистый песок, ступать по которому было очень приятно.

Только оранжевый отсвет искусственного солнца да растительность на прибрежных откосах делали это место непохожим на тропические пляжи родной планеты Гурронсеваса.

— Новички всегда в восторге, — гордо заявил лейтенант Тимминс, — от нашего рекреационного зала для тепловых кислорододышащих. Треть сотрудников-медиков постоянно не занята на работе, и большинство из них предпочитают проводить свободное время здесь. Порой народу тут такая уйма, что моря не разглядишь. Но, как вы уже знаете, пространство в госпитале — это роскошь, так что тем, кто вместе работает, приходится и отдыхать вместе.

С психологической точки зрения, — продолжал рассказывать Тимминс, сохраняя тон гордого родителя, повествующего о любимом детище Эксплуатационного отдела, — наиболее важен тот аспект этой искусственной среды, которого глазами не увидишь. Здесь поддерживается половина стандартной силы притяжения, а это значит, что существа, чувствующие усталость, могут расслабиться, а те, кто бодр и весел, могут резвиться еще активнее. К сожалению, тут недостает интимных уголков, но все отдыхают как только душе угодно, так что думаю, наши эксперименты не привлекут особого внимания. Мы сразу приступим или подождем Торннастора?

— Осторожнее, прошу вас! — воскликнул Гурронсевас и принялся помогать Тимминсу и двум помощникам лейтенанта, мельфианам. Они все вместе перенесли оборудование на большой яркий плот, ожидавший их на мелководье.

Гурронсевас ненадолго прервал работу только тогда, когда вдруг ожил его коммутатор, сообщивший тралтану о том, что диагност Торннастор сильно задерживается по важным делам, но взамен себя посылает патофизиолога Мэрчисон. Судя по тому, как у Тимминса изменилось выражение лица, эта новость его очень обрадовала.

Однако вскоре бригада экспериментаторов так увлеклась наладкой двигательной системы одной из моделей — единственной, которая до сих пор не треснула, не развалилась на куски и вообще никоим образом не подвела экспериментаторов, что появление патофизиолога осталось незамеченным до того момента, как она подплыла к плоту, подтянулась и забралась на него.

— Торниастор мне ничего объяснить не успел, — объявила Мэрчисон. — Что это за штуковина? И спрашивается, что тут делать мне? Смотреть, как взрослые и, по всей вероятности, психически здоровые существа занимаются детскими играми?

Патофизиолог оказалась рослой землянкой. Верхняя часть тела у нее была утолщена, что было характерно для женских землянских особей. Длинные пряди волосяного покрова головы намокли и приобрели более темный оттенок. Волосы прилипли к шее и плечам землянки. Поскольку земляне до сих пор придерживались глупейшего табу в отношении наготы, на патофизиологе красовался купальный костюм — две полосочки ткани на груди и в области таза. Хотя патофизиолог говорила резковато, она Гурронсеваса не обидела, а даже понравилась ему. Прежде чем ответить на ее вопрос, тралтан напомнил себе о том, что Мэрчисон — главный заместитель Торниастора и к тому же — супруга другого диагноста, Конвея, и что ему не следует обижаться, когда его, может быть, вовсе и не хотели обидеть.

— Это только кажется, мэм, — сказал Тимминс, прежде чем Гурронсевас успел собраться с мыслями. — И надо вам сказать, это не самый мерзкий проект из тех, в осуществлении которых мне доводилось участвовать. У того, чем мы здесь занимаемся, есть серьезные причины технического и клинического свойства.

— У игры в игрушечную лодочку? Серьезные причины? — фыркнула Мэрчисон.

— С технической точки зрения, мэм, это не лодочка, — улыбнулся лейтенант и вытащил модель из воды, чтобы патофизиолог смогла ее разглядеть получше. — Это — прототип погружающегося самодвижущегося устройства в форме уплощенного овоида. Разработана эта модель таким образом, что должна сохранять устойчивое равновесие на любой глубине. После погружения на заданную глубину устройство должно менять свое положение и перемещаться, изменяя скорость.

Движителем, — продолжал пояснения Тимминс, — является тонкостенный пластиковый цилиндр со сжатым га-

зом, который выбрасывается вот через это круглое отверстие в задней части устройства. Небольшие углубления по окружности модели сверху и снизу являются местами расположения небольших капсул со сжатым газом, предназначенных для смены глубины. Стенки этих капсул растворимы в воде, но толщина стенок различна, так что капсулам для растворения в воде требуется разное время — от пяти до семидесяти пяти секунд. Они растворяются и выбрасывают газ, а это значит, что движение модели получится практически произвольным и ловить ее будет довольно-таки сложно до тех пор, конечно, пока не использован весь запас сжатого газа. Для данной модели это составляет две минуты. Мы как раз собираемся запустить ее, мэм. Вам будет интересно, вот увидите.

— Жду—не дождусь, — буркнула Мэрчисон.

Тимминс и двое его ассистентов-мельфиан внесли модель на плот. Плот угрожающе накренился. Мэрчисон поспешно попятилась, чтобы дать им место, и раскинула руки в стороны, стараясь удержать равновесие. Гурронсевас остался в воде. Роста ему хватало — он стоял на дне, а дыхательные отверстия оставались над водой. Двумя глазами Гурронсевас следил за тем, чтобы вблизи района эксперимента не оказалось подводных пловцов, а еще двумя наблюдал за тем, как заряжают и готовят к запуску модель.

— Сейчас мы поместим модель на глубину полутора метров, — сказал тралтан, — поскольку мне бы хотелось понаблюдать за его движением с того момента, как сработает механизм запуска главного движителя, до того времени, как растворится последняя капсула. Держите устройство по возможности ровно, отпускайте одновременно и отходите медленно, чтобы не вызвать волнения, способного привести к перемене глубины погружения модели до того, как сработает движитель. Я все ясно объяснил?

— Все было ясно, — сказал один из мельфиан так тихо, что сомнений не осталось: он не хотел, чтобы тралтан его услышал, — с первого раза.

Гурронсевас его услышал, но решил из дипломатичности притвориться глухим.

Мэрчисон со времени своего появления пока не обращалась к Гурронсевасу лично, и поскольку Тимминс с готовностью изложил патофизиологу вкратце суть эксперимента, заговорить с Мэрчисон тралтан мог бы теперь только из вежливости. Его терзали сомнения. Проект уже казался ему неосуществимым. Скажи он об этом сейчас, можно было бы потом не извиняться за то, что у патофизиолога попусту отняли время. А патофизиолог улеглась на живот и во все свои два глаза пристально следила за приготовлениями модели к запуску.

Не без раздражения Гурронсевас отметил, что внимание Тимминса посвящено не столько эксперименту, сколько патофизиологу Мэрчисон. Тралтан напомнил себе о том, что земляне-ДБДГ представляют собой вид в отличие от большинства обитающих в Федерации, демонстрирующих сексуальную активность только в течение короткого периода в году, способный к спариванию круглогодично на протяжении зрелого периода жизни. Некоторые такой способности завидовали, но вот Гурронсевасу казалось, что из-за такого поведения земляне слишком часто теряют способность трезво мыслить. Но опять-таки сейчас следовало сохранять дипломатическое молчание.

Новый эксперимент начался неплохо. Модель, выпускающая цепочку пузырьков отработанного газа, поплыла по ломаной линии, постепенно наращивая скорость и уходя в глубину. Жертвы чалдериан представляли собой моллюсков-амфибий, поэтому пузырьки газа выглядели вполне естественно. Сработала одна из боковых капсул. Модель описала широкую дугу и вернулась к плоту. Тут сработала другая капсула, и модель принялась описывать все более узкие круги и вдруг вынырнула из воды и принялась кружить над поверхностью, все быстрее и быстрее, чему немало способствовала исправная работа основного реактивного двигателя. Мелкие капсулы взрывались одна за другой, но безрезультатно. В конце концов модель упала на воду и стала медленно кружиться.

Один из мельфиан выловил модель, и начался технический спор насчет неизбежной неустойчивости уплощенного овоида. Гурронсевас был слишком сердит и расстроен

для того, чтобы включиться в дискуссию, а вот Мэрчисон включилась.

— Это не моя область, — сказала патофизиолог, — но, когда я играла с игрушечными лодками моего брата, я помню, что эти лодочки были снабжены киями, придававшими им устойчивость даже при перемене ветра. Когда мы стали постарше и брат обзавелся моторными лодками и субмаринами, у нас были пульта. Наши радиоуправляемые игрушки могли по команде менять глубину и направление. Нельзя было бы и в этом случае применить что-либо подобное?

Тимминс и мельфиане замолчали, но на вопрос Мэрчисон не ответил никто из них. Все они смотрели на Гурронсеваса. Ему явно больше нельзя было отмалчиваться.

— Нет, — сказал Гурронсевас. — То есть можно, но только в том случае, если бы радиоуправляющее устройство было изготовлено из неметаллических, нетоксичных, съедобных материалов.

— Съедобных? — изумилась Мэрчисон. Совладав с собой, она проговорила более спокойно: — Так вот почему меня сюда послали. До сих пор я не догадывалась, что Торни обладает чувством юмора. Прошу вас, продолжайте.

— В законченном варианте, — продолжил Гурронсевас, — модель должна оказаться съедобной — по крайней мере нетоксичной для чалдериан. Это относится и к контейнерам для сжатого газа. Если снабдить модель килем, она потеряет визуальную привлекательность. Кроме того, киль также должен быть изготовлен из материала съедобного и не должен быть слишком острым, чтобы не поранить ротовую полость пациента. Модель должна по форме напоминать съедобное животное, имеющее обтекаемую форму и снабженное прочной раковиной. Форма и размеры нашей модели как раз и соответствуют форме и размерам этого животного. Ослабленные и даже выздоравливающие чалдериане вряд ли захотят охотиться за незнакомо выглядящей добычей.

Вы должны понять, — продолжал Гурронсевас, — что ограниченное пространство палаты АУГЛ вызывает про-

блемы и физического, и физиологического порядка, из-за которых выздоровление АУГЛ затягивается. Пациенты становятся ленивыми, безразличными, неспособность выполнять привычную двигательную норму превращает их почти в инвалидов. Мне следовало бы объяснить вам, что физиология АУГЛ такова, что...

— Я знакома с физиологией чалдериан, и не только чалдериан, — прервала тралтана Мэрчисон.

На мгновение Гурронсеваса охватило такое смущение, что он удивился, как только не закипела окружающая его вода.

— Прошу простить меня, патофизиолог Мэрчисон, — извинился он перед землянкой. — Сведения о чалдерианах для меня совершенно новы и волнующи, вот я и разволновался и почему-то решил, что все остальные в этой области такие же дилетанты, как я. Я вовсе не имел намерения вас обидеть.

— Вы меня не обидели, — возразила патофизиолог. — Я просто удержала вас от напрасной траты времени. Да, с физиологией АУГЛ я знакома, но почти ничего не знаю о неразумных формах жизни на Чалдерсколе. С профессиональной точки зрения они меня никогда не интересовали. В том числе мне ничего не известно о том животном, модель которого вы пытаетесь создать. Скажите, каким образом двигается настоящее животное, как оно спасается от преследователя и ухитряется сохранять равновесие при движении в том или ином направлении?

Ощувив радостное облегчение, Гурронсевас поспешно ответил:

— У этого животного имеется по восемь боковых плавничков. Частота колебаний плавничков и угол их наклона могут быть разными, что помогает животному подниматься к поверхности и нырять в глубину. Если животное работает плавничками только с одного бока, оно обретает возможность резко сменить направление. По структуре плавничок представляет собой прозрачный каркас, поддерживающий прозрачную перепонку. Частота колебаний плавничков такова, что, когда животное плывет, их невозможно

разглядеть. При перемене направления возникает волнение воды, визуально напоминающее пузырьки, формирующиеся за счет действия боковых капсул в нашей модели.

К сожалению, — добавил Гурронсевас, — модель похожа на настоящее животное внешне, но ведет себя совсем не так, как надо бы. Она безнадежно неустойчива.

— Это точно, — кивнула Мэрчисон. Несколько минут она молчала, задумчиво глядя на модель. Тимминс все это время столь же пристально таращился на патофизиолога. Двое мельфиан спокойно переговаривались. Неожиданно Мэрчисон заговорила.

— Все-таки нужен какой-то киль, — заявила она взволнованно, — но такой, который не изменит внешнего облика модели. Настоящее животное пользуется плавниками. Плавники прозрачны и двигаются так быстро, что становятся невидимыми. Так почему бы нам не использовать невидимый киль?

Не дав никому произнести ни слова, Мэрчисон продолжала:

— Этот киль следует изготовить из затвердевшего геля, имеющего такой же показатель прозрачности, какой имеет вода. Естественно, материал, из которого будет изготовлен киль, должен быть съедобным и, со структурной точки зрения, должен быть достаточно мягким, дабы пациент во время еды не мог поранить ротовую полость, повредить зубы и поцарапать пищеварительные органы. Есть у меня на уме несколько веществ... ну, в общем, вкус может колебаться от нейтрального до почти отвратительного, но мы можем работать над ним до тех пор, пока...

— Вы сможете изготовить такой съедобный стабилизатор? — вмешался Гурронсевас, от нетерпения забыв о правилах хорошего тона. — В вашем отделении этим уже занимались?

— Нет, — покачала головой Мэрчисон. — О подобном нас еще никто никогда не просил. Изготовить съедобный и нетоксичный для чалдериан материал требуемой консистенции — это сложная, но не такая уж неразрешимая биохимическая задача. Придание полученному материалу

формы кия и присоединение кия к модели — это уже ваша проблема.

— А пока вы будете работать над созданием нужного материала, — подхватил Тимминс, — мы можем заняться установкой на модели видимых и несъедобных килей различной конфигурации, чтобы установить, какая форма кия является оптимальной. Кледат, Дремон, поднимайтесь на плот. Принимаемся за работу.

Мэрчисон прыгнула с плота, чтобы освободить место для мельфиан. Патофизиолог улеглась на воде на спину рядом с Гурронсевасом, раскинула руки, закрыла глаза.

— Думаю, вы решили очень трудную задачу, патофизиолог Мэрчисон, — не скрывая восторга, проговорил тралтан. — И я вам крайне признателен.

— Рада была помочь, — сказала патофизиолог. Губы ее растянулись в улыбке, но глаза она не открывала. — Есть у вас еще проблемы?

— Ну, не то чтобы проблемы, — уклончиво отозвался Гурронсевас. — Есть мысли, есть вопросы, есть идеи. Пока они не слишком четко оформлены, но через некоторое время их можно будет назвать проблемами. Пока же мое невежество в отношении некоторых аспектов моей будущей работы в госпитале близко к абсолютному, и я, скажем так, открыт для любых предложений.

Патофизиолог ненадолго открыла один глаз, глянула на тралтана и сказала:

— Знаете, вот именно сейчас я ни на что большее не способна, как только слушать и высказывать предложения.

Трое на плоту настолько погрузились в работу, что Тимминс даже перестал косить в сторону Мэрчисон. Они подсоединили к модели длинный узкий киль, и лейтенант высказал предложение установить похожий киль на спине, по типу спинного плавника, дабы уравновесить сопротивление воды сверху и снизу. Таким образом, по его мнению, модель приобрела бы продольную устойчивость и стала бы реже опрокидываться и вертеться на месте при смене направления. Кроме того, Тимминс предложил расположить боковые капсулы так, чтобы углы при разворотах срезались.

Гурронсевас подумал, что вряд ли создатели космического корабля за работой разговаривали бы более профессионально и употребляли бы меньше мудреных технических терминов. Он устремил все свои глаза на Мэрчисон.

— Благодаря высказанному вами предложению, — сказал он, — наша модель сможет вести себя и выглядеть как настоящее животное. А это очень важно, потому что... что еще так важно для блюда, как его внешний вид? Далее следуют вкус, запах, консистенция, способ подачи к столу, контрастные или, наоборот, подчеркивающие вкус блюда соусы, которые, как я надеюсь доказать в будущем, являются совершенно необходимым дополнением к той безвкусной пище, которую производят пищевые синтезаторы. В случае с чалдерианской добычей нам удалось создать объект в твердой скорлупе, покрывающей мягкое содержимое, а также придать модели впечатление живости. Модель как бы убегает, не хочет, чтобы ее съели. Но, увы, это все, чего мы пока добились.

— Продолжайте, — попросила Мэрчисон, на сей раз открыв оба глаза.

— В данном случае, — продолжал Гурронсевас, — возникает почти непреодолимая сложность. Как добавить аппетитную приправу к блюду, которое только и делает, что быстро снует под водой? Те шары в прочной скорлупе, которыми в настоящее время кормят пациентов-АУГЛ, невзирая на синтетические вкусовые добавки, совершенно не аппетитны. Для вас, землянки, их можно было бы сравнить с сэндвичами с холодным картофельным пюре...

— В наше отделение обращались по поводу этих искусственных вкусовых добавок, — прервала его Мэрчисон. — Обращались с просьбой выяснить, не приносят ли они вреда. Если вас интересует усиление вкуса, то этого можно добиться за счет увеличения концентрации добавок.

— Нет, меня интересует не это, — решительно возразил Гурронсевас. — Едок... то есть, я хотел сказать — пациент, непременно ощутит искусственность вкуса, и это ему не понравится. Я как раз думал о том, каким путем можно было бы снизить концентрацию пищевых добавок, поскольку

ку искусственность привкуса при мизерной концентрации добавок ощутить труднее. Я планирую... вернее, надеюсь, что мне удастся замаскировать вкус искусственных добавок за счет приправ, для приготовления которых не нужны физические ингредиенты. Я намерен рассчитывать на самую лучшую приправу — голод, который возрастет за счет волнения при погоне за добычей и неуверенности в том, достанется ли эта добыча едоку. Умом чалдериане, конечно, будут понимать, что их обманывают, но подсознанию до этого не будет никакого дела.

— Отлично, просто отлично, — похвалила Гурронсеваса Мэрчисон. — Почти уверена, у вас все получится. Вот только вы упустили одну немаловажную малость.

— Малость? — непонимающе переспросил Гурронсевас.

— Сейчас объясню. Когда какое-либо животное, живущее на суше, становится предметом охоты, то есть тогда, когда за ним гонится хищник, это животное, как правило, испускает какой-то запах — секрет определенных желез. Этот запах свидетельствует о том, что животное испытывает страх и уровень физической активности повышен. Здесь подобное явление тоже может иметь место. Синтезированные феромоны страха можно изготовить в форме водорастворимого вещества, которое выделялось бы в воду при движении модели. Конечно, концентрация феромонов должна быть едва заметной, дабы не создать у пациента впечатления искусственного запаха.

— Патофизиолог, я вам несказанно благодарен, — взволнованно проговорил Гурронсевас, — если ваше отделение сможет снабдить меня таким веществом, можно будет считать, что проблема питания чалдериан решена. Сможете ли вы мне помочь и как скоро?

— Не сможем, — покачала головой Мэрчисон, — по крайней мере пока. Нам придется исследовать физиологию и эндокринологию этого морского животного, а в нашей библиотеке о нем может оказаться слишком мало информации. Если у этого животного действительно обнаружится секреция, подобная той, о которой я вам сказала, уйдет несколько дней на анализ и репродуцирование моле-

кулярной структуры феромона и апробирование синтетического производного на предмет возможности побочных явлений. Так что приберегите вашу благодарность, Гурронсевас, до лучших времен.

Довольно долго Гурронсевас смотрел на Мэрчисон — почти так же пристально, как раньше Тимминс. У взгляда тралтана, безусловно, были другие побудительные мотивы, а повсе не любование странными выростами на верхней части туловища землянки и непропорционально маленькой головой. Голова маленькая, но какой ум она вмещала! Гурронсевас уже готов был вновь поблагодарить Мэрчисон, но тут голос подал Тимминс.

— Модель готова к запуску, сэр, — сообщил лейтенант. — Глубину задавать такую же, как в прошлый раз?

— Благодарю вас, да, — отозвался Гурронсевас.

И снова модель осторожно опустили в воду и удерживали на глубине. Тимминс сообщил:

— На этот раз я зарядил боковые капсулы только в задней части модели, чтобы, если сработают новые стабилизаторы и если модель уплывет на приличное расстояние, она вернулась бы к нам. Когда мы изготовим настоящие образцы, смена глубины погружения и направление будут меняться произвольно, а... О, проклятие!

Большой, яркий, надувной мяч с громким шлепком упал на плот, два раза подпрыгнул и скатился в воду. Один из инженеров-мельфиан инстинктивно поднял клешню.

— Не трогайте мяч, всем оставаться на местах! — резко распорядился лейтенант. — Не волнуйте воду. Плomba растворяется, модель вот-вот стартует... Поехали!

Модель тронулась с места, сначала медленно, но постепенно начала набирать скорость. На этот раз она плыла по идеальной прямой. Как только сработала первая боковая капсула, модель совершила резкий поворот и пошла по новому курсу, при этом не заваливаясь набок и не сбавляя скорости. Затем последовала смена направления, и еще одна, и еще... И все время чистенько, без потери равновесия. Модель плыла обратно. Еще через несколько секунд запас газа иссяк, и модель остановилась около плота.

— Не обойдется без точной настройки, — изрек Тимминс, растянув губы в широчайшей землянской улыбке. — Но улучшение налицо.

— Вот именно! — воскликнул Гурронсевас. Улыбаться он не умел и сейчас очень жалел об этом. — Патофизиолог Мэрчисон, вы и инженеры Кледат и Дремон заслуживаете высочайшей...

Гурронсевас был вынужден прервать изъявления благодарности, так как в это мгновение из воды вынырнула куполообразная голова его сородича, тралтана, затем появилось щупальце, на котором белела повязка практиканта.

— Прошу прощения, — сказал тралтан. — Можно забрать наш мячик?

Глава 7

На первое испытание опытной партии новой пищи для АУГЛ собрались: Старший врач Эдальнет, лечащий врач АУГЛ, патофизиолог Мэрчисон, Гурронсевас, лейтенант Тимминс, Старшая сестра Гредличли и все остальные сотрудники, обслуживающие палату чалдериан. На сестринском посту было так тесно, что там едва поместилась сама пища, упакованная в отдельные пластиковые пакеты. Пластик предохранял пломбы от преждевременного растворения в воде. Пациент АУГЛ-Сто тринадцатый плавал примерно в тридцати метрах от входа на сестринский пост. Его подвижные щупальца от нетерпения то сворачивались, то разворачивались.

Сто тринадцатого уже накормили обычным больничным рационом, но сказали, что его ожидает сюрприз — скорее всего приятный.

По сигналу Гурронсеваса Тимминс подплыл к нему поближе, и они вместе принялись снимать пластиковые упаковки. Помимо того что на фальшивых чалдерианских морских моллюсках теперь установили стабилизаторы, прак-

тически невидимые и не такие уж мерзкие на вкус, верхнюю и нижнюю поверхность самодвижущихся моделей раскрасили так, что они вполне напоминали молодых особей настоящих чалдерианских моллюсков. Мэрчисон за короткое время успела довольно-таки плотно исследовать окраску, поведение и механизм секреции определенных желез чалдерианских моллюсков в состоянии стресса.

Через несколько секунд плотба главного движителя первого искусственного моллюска растаяла в воде, и он двинулся вперед, выпуская тонкую ниточку пузырьков. Гурронсевас и Тимминс предварительно придали моллюску такое направление, чтобы он плыл к чалдерианину.

Чалдерианин широко раскрыл пасть, то ли от восторга, то ли от ужаса — этого наблюдатели не смогли определить, а затем его чудовищные челюсти захлопнулись. А жертва внезапно изменила направление, проплыла над громадной головой чалдерианина и устремилась, рассекая зеленоватую воду, в противоположный угол палаты. Пациент неуклюже развернулся и бросился следом. Несколько искаженный толщей воды звук шелканья зубов донесся до наблюдателей на сестринском посту, после чего послышался грохот — это АУГЛ налетел на спальную раму лежащего сородича. Только после этого Сто тринадцатому удалось-таки сцапать свою жертву.

Мерное чавканье и хруст стихли, и тогда Тимминс и Гурронсевас запустили в палату следующего искусственного моллюска.

На этот раз охота прошла быстрее, так как при первой же смене направления фальшивый моллюск угодил прямой наводкой в пасть Сто тринадцатого. Третья жертва попала в зубы АУГЛ только тогда, когда у нее кончился запас сжатого газа, но к этому времени Сто тринадцатый уже так увлекся преследованием жертвы, что не обратил внимания на столь странное ее поведение. Четвертого моллюска Сто тринадцатый упустил.

Произошло это из-за того, что жертва, виляя из стороны в сторону, вдруг оказалась в опасной близости от прикованного к постели пациента АУГЛ-Сто двадцать шестого, который не мешкая раскрыл пасть и молниеносно слопал

нежданное угощение. Между Сто тринадцатым и Сто двадцать шестым завязался ожесточенный спор. Первый обвинял второго в воровстве, а тот первого — в эгоизме. В конце концов был выпущен последний, пятый фальшивый моллюск.

Видимо, выздоравливающий Сто тринадцатый немного утомился. Гурронсевас решил, что это именно так, поскольку на этот раз АУГЛ дольше, чем раньше, плавал за добычей и движениям его недоставало координации. Несколько раз Сто тринадцатый налетал на постели своих сородичей, стоящие в два ряда, время от времени он обрывал прикрепленную к потолку и стенам искусственную растительность. Однако, как ни странно, его товарищи по палате, похоже, не имели ничего против этих бесчинств и только подбадривали Сто тринадцатого одобрительными выкриками или пытались ухватить кусочек от проплывавшего мимо них моллюска.

— Он мне всю палату изуродует! — сердито воскликнула Гредличли. — Прекратите это безобразие немедленно!

— Я думаю, что повреждения несерьезны, Старшая сестра, — возразил Тимминс, правда, почему-то голос его прозвучал неуверенно. — Я завтра же пришлю вам утреннюю смену ремонтников.

А пациент Сто тринадцатый, все-таки ухитрившийся изловить и съесть последнего искусственного моллюска, плыл к сестринскому посту мимо двух рам-постелей, которые за время его охоты претерпели довольно значительные повреждения. Преодолев спутанные пучки вырванных с корнем искусственных водорослей, АУГЛ наконец оказался около выхода на сестринский пост и широко открыл пасть, похожую на громадную розовую пещеру.

— Еще, пожалуйста, — умоляюще проговорил он.

— Прошу прощения, но больше не получится, — сказал Старший врач Эдальнет, впервые подавший голос с того времени, как явился в палату. — Вы принимали участие в эксперименте, организованном Главным диетологом Гурронсевасом. На мой взгляд, эксперимент нуждается в до-

работке. Вероятно, вы получите такое же угощение завтра или в ближайшие дни.

Как только Сто тринадцатый отплыл, Гредличли поспешно распорядилась:

— Сестры, немедленно проверьте состояние пациентов и как можно скорее сообщите мне, не привел ли этот... этот экс-пе-ри-мент к ухудшению их здоровья. Потом постарайтесь навести в палате порядок, насколько это возможно. — Повернувшись к Старшему врачу, Гредличли сказала: — Не думаю, что следует дорабатывать этот эксперимент, доктор. Думаю, его следует забыть, как кошмарный сон. Моя палата не выдержит еще одного такого...

Старшая сестра умолкла, не договорив, потому что Эдальнет поднял вверх одну клешню и принялся щелкать ею, что по-мельфиански означало: он просит внимания.

— Демонстрация показалась мне интересной и в целом успешной, — сказал Эдальнет. — Хотя произведенный пациентом в палате беспорядок может говорить и не в пользу эксперимента. У затягивающегося выздоровления пациентов-чалдерриан имеется физиологическая основа — это известно нам всем. После операций они становятся безразличными, ленивыми, скучают и предпочитают не думать о собственном будущем. Новая пища, которую предполагается давать только подвижным, выздоравливающим пациентам, скорее всего позволит в этом плане изменить положение дел. Судя по реакции пациента Сто тринадцатого и других пациентов, находящихся на пути к выздоровлению, можно заключить, что время потребления пищи перестанет быть для пациентов скучным и что, питаясь подобным образом, они будут получать постоянное напоминание о том, как славно охотиться за настоящей добычей на родной планете. А те пациенты, что пока прикованы к постели, получают дополнительный стимул к выздоровлению.

Все вы заслуживаете похвалы, — продолжал мельфианин, обводя взглядом четверку экспериментаторов. — Но в особенности похвалы заслуживает наш Главный диетолог за то, насколько оригинально он предложил решить про-

блему питания выздоравливающих чалдериан. Однако у меня есть два предложения.

Эдальнет умолк. Остальные молчали и ждали продолжения. Мельфианин вел себя на редкость учтиво (если учесть его статус), беседуя с рядовым патофизиологом, лейтенантом из Эксплуатационного отдела, Старшей сестрой и даже Главным диетологом. Однако предложения Старшего врача, о котором поговаривали, что он того и гляди переключает в диагносты, следовало рассматривать не иначе как приказы.

— Гурронсевас, — снова заговорил Эдальнет. — Мне бы хотелось, чтобы вы с Тимминсом внесли такие изменения в новую пищу чалдериан, чтобы скорость и маневренность добычи несколько уменьшились. Те физические усилия, которые пациент будет тратить на преследование добычи, хотя они и доставляют радость пациенту и приносят удовольствие наблюдателям, все-таки способны вызвать у пациента рецидив болезни. Кроме того, добыча менее подвижная не приведет к таким значительным повреждениям в палате.

Развернувшись к Гредличли, Эдальнет добавил:

— Риск повреждений можно значительно снизить за счет правильной психологической подготовки, которую следует взять на себя младшим сестрам и вам лично. Не следует, конечно, злоупотреблять авторитарностью, поскольку чалдериане — существа обидчивые, невзирая на устрашающую внешность. Надо будет только тактично, мягко напоминать пациентам о том, что мы — их друзья, старающиеся побыстрее вылечить их, чтобы они могли вернуться на родину. Не вредно будет и напоминать чалдерианам о том, что у себя дома они вряд ли бы позволили себе столь неприличное поведение в доме друга. Думаю, такой подход позволит значительно снизить опасность повреждения оборудования и растительности в палате. Тогда вам станет намного легче, Старшая сестра.

— Да, доктор, — произнесла Гредличли совсем невеселым голосом.

— Что касается Эксплуатационного отдела, то нам действительно полегчает, — сказал Тимминс. — Мы немедленно начнем работу по модернизации.

— Благодарю вас, — сказал Эдальнет и обратился к Гурронсевасу: — Вот только не перестаю гадать: за какую задачу затем примется наш Главный диетолог.

Мгновение Гурронсевас молчал. Коммуникатор сестринского поста непрерывно оглашался сообщениями младших медсестер. Они сообщали о том, что их пациенты чувствуют себя нормально, только немного взволнованы, и поэтому можно считать, что эксперимент на состоянии их здоровья пагубно не сказался. Гурронсевас понял, что вопрос Старший врач ему задал не из чистой вежливости. Ему, видимо, действительно было любопытно разузнать о планах нового Главного диетолога.

— Пока я еще не решил, доктор Эдальнет, — ответил Гурронсевас. — Поскольку мне достаёт опыта во многих областях диетологии. Именно поэтому я начал с того, что решил задачу питания немногочисленной группы чалдеран, а не стал заниматься разработкой модифицированной пищи для вида, пациентов которого в госпитале гораздо больше. Ведь если бы нововведения пришлись большому числу пациентов не по вкусу, они бы выразили серьезный протест. Кто знает, чем такой протест мог обернуться? Для начала я планирую сосредоточиться на диетических потребностях индивидуумов. Первые эксперименты будут проводиться с добровольцами, но затем может понадобиться проведение закрытых опытов, без оповещения испытуемых. К опытам с вовлечением более многочисленных групп пациентов мне не хотелось бы приступать до тех пор, пока я не ознакомлюсь получше с сопряженными медицинскими и техническими проблемами.

— Хвала Гху-Бурби, — буркнула Гредличли.

— Разумный план, — похвалил Гурронсеваса Эдальнет. — И кто же станет следующим объектом экспериментов?

— На этот раз — сотрудник госпиталя, — отвечал Гурронсевас. — Я думал о нескольких существах, но, учитывая обстоятельства, принимая во внимание сотрудничество и

предоставление помещения для проведения сегодняшнего эксперимента, а также в знак принесения извинений за вызванные экспериментом беспорядки в палате, я думаю, что самым очевидным кандидатом будет Старшая сестра Гредличли.

— Как? — вскричала Гредличли. — Ведь вы... вы даже не хлородышащий! Вы... вы меня отравите!

Похожий на гигантского краба Эдальнет странно задержался и издал ряд непередаваемых звуков. Гурронсевас невозмутимо заявил:

— Я не хлородышащий, это верно, но на мне лежит ответственность за питание всех и каждого в стенах госпиталя, независимо от их вида. Ограничь я свою деятельность теплокровными кислорододышащими, я бы просто не выполнил возложенные на меня обязанности. Кроме того, у патофизиолога Мэрчисон накоплен значительный опыт насчет ПВСЖ. В их отделении работает сотрудница-ПВСЖ, и они обе обещали мне всяческую помощь и поддержку. Они ни за что не позволят мне применить в рамках эксперимента что-либо несъедобное или ядовитое. Если вы согласитесь стать добровольцем, Старшая сестра, обещаю, никакая опасность вам грозить не будет.

— Старшая сестра с радостью вызовется стать добровольцем, — заявил Эдальнет, продолжая странно сотрясаться. — Гредличли, поварская репутация Гурронсеваса в Федерации так высока, что вам следует считать себя польщенной.

— А я считаю, — беспомощно проворчала Гредличли, — что я только что подхватила смертельную болезнь.

Глава 8

Зайдя в приемную Главного психолога во второй раз, Гурронсевас обнаружил там все тех же трех сотрудников на рабочих местах, за компьютерами. Правда теперь он уже знал, кто из них кто. Землянина в зеленой форме Корпуса

Мониторов звали лейтенант Брейтвейт, он был главным заместителем О'Мары. Соммарадванка Ча Трат была практиканткой-старшекурсницей, тарланин Лиорен подвизался в странной области — взаимосвязи религиозных воззрений и психологии. Гурронсевас не стал обращаться к старшему по званию, так как ему была нужна помощь всех троих.

— Я — Главный диетолог Гурронсевас, — негромко проговорил тралтан. — Если можно, мне бы хотелось получить у вас кое-какие сведения и заручиться вашей помощью в деле сугубо конфиденциальном.

— Мы вас помним, Гурронсевас, — сказал лейтенант Брейтвейт, оторвав взгляд от экрана компьютера. — Но вы зашли в неурочное время. Майор О'Мара сейчас занят. Он присутствует на ежемесячной встрече диагностов. Чем я могу вам помочь? Или вы желаете записаться на прием?

— Простите, но я заглянул к вам в урочное время, — возразил Гурронсевас. — Я хотел поговорить с вами, со всеми вами, о Главном психологе, и притом конфиденциально.

Все трое издали непередаваемые, но явно удивленно-недовольные звуки. Брейтвейт сказал:

— Прошу вас, продолжайте.

— Благодарю вас, — проговорил Гурронсевас, подошел к лейтенанту поближе и заговорил потише. — С тех пор, как я прибыл в госпиталь, я ни разу не встречал Главного психолога в общей столовой для сотрудников. О'Мара предпочитает кушать в одиночестве?

— Это верно, — кивнул Брейтвейт и улыбнулся. — Майор редко ест в компании и на людях. Он уверен, что, измени он своей привычке, сотрудники стали бы думать, что он в конце концов человек и что ничто человеческое ему не чуждо. А это бы отрицательно сказалось на дисциплине.

— Не понимаю, — после непродолжительного раздумья произнес Гурронсевас. — Тут какая-то эмоциональная проблема? Кризис личности? Если Главный психолог не желает, чтобы его считали человеком... но ведь представители других видов полагают, что он относится именно к этому

виду! Если эти сведения не носят секретного характера и вы, будем так считать, передали их мне добровольно, они мне очень помогут в приготовлении соответствующих блюд. Позволю себе предположить, что привычка к потреблению пищи в одиночестве связана с тем, что О'Мара скрывает от остальных свое пристрастие к неземлянской пище.

Ча Трат и Лиорен издали негромкие звуки, а Брейтвейт улыбнулся и сказал:

— С психикой у Главного психолога все в полном порядке. Боюсь, мое замечание — ну, насчет того, что О'Мара не желает, чтобы его считали человеком, — пострадало при переводе и навело вас на неверные мысли. Но что именно вам бы хотелось узнать и чем конкретно мы могли бы вам помочь? У меня такое подозрение, что речь идет о питании майора?

— Все правильно, — подтвердил Гурронсевас. — Особенно меня интересуют пристрастия майора О'Мары. Какие у него самые любимые блюда, как часто он их заказывает, в каких словах критикует вкус или будет критиковать в дальнейшем. Собрать сведения такого рода на редкость трудно, — торопливо продолжал тралтан, — не привлекая к себе внимания и не вызывая разговоров о проекте, а ведь никакие комментарии не допускаются вплоть до завершения работы. В госпитале многие существа предпочитают принимать пищу в одиночестве — либо потому, что слишком заняты делами и не хотят тратить время на дорогу до столовой и обратно, либо потому, что просто им так больше нравится. Всякие записи о том, какую пищу эти существа заказали, тут же уничтожаются, поскольку нет нужды хранить такого рода информацию, и ознакомиться с пристрастиями одиноких едоков можно только путем перехвата заказа или просмотра содержимого доставочной тележки, а ни того, ни другого тайно не сделаешь. Было бы гораздо проще, если бы нужными сведениями меня снабдили вы.

— Если только выбор пищи не указывает на извращение вкуса, что бы это ни значило в нашей психушке, — впервые подал голос Лиорен, — сведения о предпочтении

в питании вряд ли можно рассматривать как засекреченную информацию. Я, например, не вижу особого вреда в том, чтобы скрывать эти сведения, но почему бы вам не взять да и не обратиться лично к майору? К чему вся эта секретность?

«Неужели не ясно, к чему?» — сердито подумал Гурронсевас, но ответил тарланину спокойно и сдержанно:

— Как вам уже известно, на меня возложена обязанность улучшения вкуса и внешнего вида пищи. Что касается питательности, то тут с синтетической пищей все в порядке. Однако внесение изменений во внешний вид и вкус, притом что многие из этих изменений едва заметны, в диету большого числа существ, чревато одним серьезным недостатком. Изменения повлекут за собой множество разговоров и споров относительно личных предпочтений, а мне гораздо больше подошла бы разумная критика, обсуждение важных подробностей.

Безусловно, — продолжал Гурронсевас, — проведение экспериментов с участием отдельных особей какого-то вида обеспечивает меня полезными сведениями. Так было в случае с пациентом АУГЛ-Сто тринадцатым и Старшей сестрой Гредличли. Но даже при использовании такой методики много времени тратится впустую — на разговоры, пускай подчас и приятные, посвященные обсуждению второстепенных кулинарных тем. Поэтому я и решил, что для получения наилучших результатов испытуемый субъект не должен знать об эксперименте, в котором участвует, вплоть до окончания оного.

Несколько мгновений Брейтвейт, широко раскрыв рот, не спускал глаз с Гурронсеваса. Молчала и Ча Трат. Первым нарушил молчание Лиорен.

— Я знаю, — изрек тарланин, — что Главного психолога как личность все не так уж обожают, но уж уважают точно все до одного. Нам бы не хотелось вступать в разговор, целью которого является отравление нашего руководителя.

— Не могло ли так случиться, — наконец обрел дар речи Брейтвейт, — что давление ответственности и масш-

табы стоящих перед Главным диетологом задач вызвали у него суицидальный позыв?

— Дело относится к той области, где специалистом являюсь я, а не вы, — оскорбленно заявил Гурронсевас.

— Простите, — извинился Брейтвейт. — Я пошутил и не думал, что вы воспримете мой вопрос всерьез. Между тем вы рискуете вызвать неудовольствие существа могущественного и раздражительного. О'Мара не из тех, кто будет скрывать чьи-то промахи, буде промахи обнаружатся. Вероятно, вам следует учесть это обстоятельство до того, как вы приступите к осуществлению эксперимента.

— Я это учел, — спокойно проговорил Гурронсевас. — Если мы добьемся конфиденциальности, я готов рискнуть.

— В таком случае мы поможем вам чем сможем, — вздохнул Брейтвейт. — Но предупреждаю, нам известно не слишком многое...

Сотрудники, работавшие в приемной О'Мары каждый день, видели доставляемую О'Маре еду. Перечень блюд прилагался на запечатанном в пластиковый пакет сопроводительном меню. Таким образом, сотрудники имели возможность проследить за тем, какие именно блюда заказывал О'Мара, и судить, насколько они ему понравились, по тому, какой объем пищи оставался в доставочной тележке, когда ее вывозили из кабинета Главного психолога. Время от времени им удавалось услышать, как О'Мара вслух критикует то или иное блюдо.

— Так что сами понимаете, — заключил Брейтвейт, — больше мы вам вряд ли что сумеем сообщить.

— Хватит и этого, — заверил его Гурронсевас, — в особенности, если вы будете постоянно сообщать мне о том, какими конкретно словами и реакциями будет в дальнейшем Главный психолог откликаться на качество блюд в процессе еды и после того. По причинам, свойство которых я уже вам изложил, я был бы вам очень признателен, если бы вы наблюдали за вашим руководителем тайно и незамедлительно сообщали мне обо всех, даже незначительных переменах в поведении майора О'Мары на фоне тех изменений, которые я буду вносить в его диету.

— А на какое время рассчитан эксперимент? — поинтересовался Брейтвейт. — На месяц? Дольше?

— О нет, — пылко заверил лейтенант Гурронсевас. — В госпитале в моем внимании нуждается более шестидесяти видов! Мне потребуется десять—пятнадцать дней.

— Хорошо, — кивнул лейтенант. — Наблюдение за незначительными изменениями личности и поведения, которые порой могут служить симптомами серьезных расстройств психики, это то самое, чем мы призваны заниматься, работая в Отделении Психологии. Чем-нибудь еще мы вам можем помочь?

— Спасибо, нет, — отказался Гурронсевас.

Но когда он уже повернулся к выходу, голос подал Лиорен:

— Кстати, об изменениях характера... Ходят слухи о том, что в последние несколько дней Старшая сестра Гредличли ведет себя довольно нетипично. Она стала участлива и мила с младшими медсестрами и того и гляди станет просто-таки симпатичным существом. Не связано ли это каким-то образом с теми изменениями, которые вы внесли в меню для ПВСЖ, Главный диетолог?

Все трое сотрудников Отделения Психологии издавали негромкие непередаваемые звуки. Вопрос явно не был задан серьезно. Гурронсевас в ответ негромко рассмеялся.

— Надеюсь, что это так и есть, — сказал он. — Но не уверен, что в случае с майором О'Марой мне удастся добиться сходных результатов.

Шагая по запруженным коридорам от Отделения Психологии к уровню, где разместился Отдел Синтеза Питания, Гурронсевас, большей частью стараясь избежать столкновений со всевозможных мастей пешеходами и ездоками, думал о Гредличли. На эксперимент с ПВСЖ у него ушло гораздо больше времени, чем он рассчитывал потратить, но вышло так потому, что хлородышащая Старшая сестра больше склонялась к болтовне, нежели к потреблению пищи. Гурронсевас против этого ничего не имел, но понимал, что большая часть времени была истрачена

попусту. Через несколько часов эксперимент должен был подойти к концу, и тралтан почти сожалел об этом.

Застав на месте Мэрчисон и Тимминса, Гурронсевас не удивился. Патофизиолог приветственно помахала тралтану рукой и сообщила, что до конца дня отпросилась из своего отделения, поскольку здесь ее ожидала работа поважнее. Услышать такие речи из уст специалиста — это попахивало безответственностью и халатностью, но Гурронсевас уже приучил себя к мысли о том, что нельзя принимать все, что говорила патофизиолог, всерьез.

Из-за того, что Гурронсевас страшно волновался, как бы не случилось чего непредвиденного, он попросил Тимминса осуществить наблюдение за работой сотрудников Эксплуатационного отдела, ведавших синтезатором пищи, обслуживающим столовую для ПВСЖ. Поэтому Тимминс с головой ушел в работу и не заметил прихода Гурронсеваса. Он даже на Мэрчисон внимания не обращал. Технологи-пищевики, два кельгианина, взбудораженно шевелили шерстью, а это неопровержимо указывало на то, что ни в каких советах и рекомендациях они не нуждаются.

Мэрчисон подошла к Гурронсевасу поближе и сообщила:

— Мы завершили анализ образца защитной пленки, применяемой для покрытия тренажеров в физкультурном зале, примыкающем к столовой для ПВСЖ. Безопасность этого материала уже была подтверждена раньше. Однако пленка, примененная для покрытия этого конкретного тренажера, как выяснилось, содержит небольшую примесь инородного вещества, попавшего в материал, по всей вероятности, случайно при его производстве. За длительное время пребывания в условиях комнатной атмосферы хлородышащих существ материал растворяется и выделяет в воздух мизерные количества газа, который, будучи абсолютно чужеродным для среды обитания и метаболизма ПВСЖ, безвреден для них в значительных концентрациях. Илленсианка, сотрудница Отделения Патофизиологии, говорит, будто бы этот запах вызывает у нее аппетит. Похвально, что вы это заметили.

— Благодарю вас, — отозвался Гурронсевас. — Но похвалы скорее заслуживает Старшая сестра Гредличи. Это она отметила, что пользование именно этим тренажером перед едой — вероятно, илленсиане страдают расстройством пищеварения, если упражняются после еды, — приводит к усилению аппетита у ее сородичей. А когда мышлению придается нужное направление, гораздо проще прийти к правильному выводу.

— Вы скромничаете, — улыбнулась Мэрчисон. — Но скажите, каковы ваши дальнейшие планы и кто станет субъектом нового эксперимента?

Гурронсевас думал о том, что впервые в жизни его обвинили в излишней скромности, но тут Тимминс наконец оторвался от пульта управления синтезатором и заявил:

— Я тоже с нетерпением жду ответа на этот вопрос.

Все взгляды были устремлены на Гурронсеваса. Даже кельгиане замолчали, и их шерсть застыла пучками. Гурронсевас понимал, что отвечать нужно осторожно, чтобы не выдать имя субъекта.

— Эксперимент с ПВСЖ явился для меня делом интересным, но почти что теоретическим, — уклончиво проговорил тралтан. — Теоретическим — поскольку сам я был не в состоянии попробовать ту пищу, которую готовил и сервировал. В противном случае все могло закончиться для меня летальным исходом. Следующий эксперимент для меня станет не менее интересным, но менее опасным, поскольку, хотя вкус и внешний вид пищи лично для меня и могут стать в данном случае отвратительным, приготовляемая еда не будет ядовитой ни для меня, ни для кого-либо из теплокровных кислорододышащих.

На этот раз объектом эксперимента станет землянин — ДБДГ, — сообщил Гурронсевас — то есть представитель вида, составляющего одну пятую от общего числа сотрудников медицинской части и эксплуатационной службы. Я в курсе того, что вкусам этого вида очень не просто потрафить. Известно мне это из моего долгого опыта работы в «Кроминган-Шеске». Затем я надеюсь приступить к работе

с кельгианами, мельфианами и наллахимцами, хотя не обязательно в том порядке, в котором я перечислил эти виды.

Шерсть кельгиан нервно загуляла волнами столь беспорядочно, что Гурронсевас затруднился бы определить, какие чувства ими сейчас владеют. Мэрчисон улыбалась, а Тимминс торопливо произнес:

— Я бы с удовольствием пошел к вам добровольцем, сэр.

— Лейтенант, — решительно проговорила патофизиолог, — займите очередь!

Только Гурронсевас собрался сказать им, что земляне-добровольцы ему уже не нужны, как на экране лабораторного коммуникатора возникло изображение Гредличли. Гурронсевас сразу догадался, что илленсианка находится в своей комнате — на ней не было защитной оболочки.

— Главный диетолог, — сказала Гредличли, — я с нетерпением жду новостей о ваших последних достижениях в синтезировании гри в желе из юрсила. Образец ко мне пока не поступал. Что там у вас стряслось?

«Что-что! — с раздражением подумал Гурронсевас. — Спросила бы у технолога Лиресчи!»

Но вслух он сказал:

— Со времени нашего вчерашнего разговора все идет успешно. На самом деле я уже завершил синтез пяти приправ к меню ПВСЖ — к двум основным блюдам и еще три соуса к блюдам, уже имеющимся в меню. Во время завтрашнего обеда ваши илленсианские друзья смогут отведать результаты нашего труда. Но непременно напомните им о том, что все блюда синтезированы и что характерный синтетический привкус пищи, на который вы мне жаловались, новыми добавками не искоренен, а только замаскирован.

Один из ингредиентов соуса «фриэлли» у вас на родине не встречается, — продолжал диетолог. — Однако сотрудники Отделения Патофизиологии заверили меня в том, что этот ингредиент для вас совершенно безвреден. Ценность этой добавки заключается в том, что она усиливает аппетит и улучшает внешний вид блюда. Сам по себе соус безвкусен, но вам будет трудно поверить в то, что блюдо с

таким восхитительным запахом и внешним видом окажется приятным на вкус.

Что же касается гри, — продолжал Гурронсевас, — то пока внесены незначительные, большей частью визуальные изменения. На поверхности прозрачного желе из юрсила сделаны углубления неправильной формы. Эти углубления в тех случаях, когда едок будет наклоняться к тарелке или отвлекаться на разговоры, создадут оптический обман: вам покажется, что погруженные в желе синтетические жучки гри движутся, а следовательно, что они живые. Ценность визуальной привлекательности такова, что вкусовые рецепторы уступают пальму первенства зрительным, и...

— Не сомневаюсь, блюдо выглядит превосходно и таково же на вкус, — перебила тралтана Гредличли. — Но с образом что случилось?

Старательно подбирая слова, Гурронсевас ответил:

— Поскольку блюдо вскоре должно быть запущено в поточное производство, я отправил его технологу Лиресчи на сканирование и дополнительную проверку вкуса. Лиресчи дал блюду высокую оценку, однако выяснилось, что кое-какие оттенки вкуса нуждаются в дальнейшей доработке. К сожалению, после анализа от порции осталось недостаточное количество, но я пошлю вам другую пор...

— Как! Вы же сказали, что образца хватит на четыре порции!

— Сказал, — горестно вздохнул Гурронсевас.

— Технолог-пищевик Лересчи — кулинарный варвар, — озлобленно заявила Гредличли, — и жуткий обжора!

— Да, — подтвердил Гурронсевас.

Старшая сестра издала непередаваемый звук, но, прежде чем она произнесла хоть слово, Гурронсевас поспешил встать:

— Хочу от всей души поблагодарить вас, Старшая сестра, за ту помощь, которую вы оказали мне за время нашей длительной совместной работы. В результате эксперимента в теперешнее илленсианское меню внесены значительные улучшения, а со временем последуют новые изменения. Тем

самым можно считать, что проект привел нас к достижению желанной цели, и теперь я могу приступить к осуществлению планов, направленных на модернизацию питания представителей других видов. Еще раз благодарю вас, Гредличли.

Долго, почти целую вечность, Гредличли молчала. Гурронсевас пытался понять — может быть, он говорил с илленсианкой недостаточно учтиво? За долгие годы своей профессиональной деятельности в стенах госпиталя илленсиане снискали славу великолепных профессионалов, но существ в высшей степени несимпатичных в общении. С ними чрезвычайно трудно было наладить дружеские контакты. Кислорододышащим приходилось воспринимать мнения илленсиан по любому поводу как данность. Заслуженно то было или нет, илленсиане ощущали себя ограниченной группой, меньшинством, к которому никто особенно не прислушивался, и поэтому все вместе и по отдельности страдали. За время работы над модернизацией илленсианского меню Гредличли заметно потеплела по отношению к Гурронсевасу, но пока тралтан не смог бы с уверенностью сказать, что же такое произошло: то ли он завоевал сердце Старшей сестры-илленсианки одновременно с ее желудком, то ли илленсианке посчастливилось наконец, единственный раз в жизни, обрести друга — представителя другого вида.

Вдруг Гурронсевасу нестерпимо захотелось, чтобы сейчас рядом с ним оказался сотрудник Отделения Психологии падре Лиорен и втолковал ему, что же он такого сказал дурного и как избежать этого в дальнейшем. Но тут вдруг заговорила Гредличли.

— Вас можно было бы и похвалить, и обидеться на вас, — сказала она растерянно. — Но не уверена, как мне поступить, потому что до последнего времени мы, хлородышащие, понятия не имели о том, каковы ритуалы и формальности при потреблении пищи у теплокровных кислорододышащих.

Гурронсевас молчал из вежливости, а Гредличли продолжала:

— Я рассказывала о нашей совместной работе другим илленсианам, и все они без исключения довольны теми переменами в нашем питании, которые вы произвели. Мы справились через библиотечный компьютер и обнаружили, что на Земле — одной из многих планет, где приготовление пищи достигло высот истинного искусства, — есть одна традиция. Традиция эта зародилась в расовой группе, называемой «французами», и очень нам понравилась. Завершив исключительно вкусную трапезу, едоки-французы приглашают к столу человека, которого именуют «шеф-поваром», дабы выразить ему лично свои восторги по поводу приготовленной пищи.

Мы надеемся, — резюмировала Старшая сестра, — что завтра во время обеда вы заглянете в нашу главную столовую, дабы мы совершили подобный ритуал.

На несколько мгновений Гурронсевас начисто утратил дар речи. Наконец он выдавил:

— Об этой земной традиции мне известно, и я весьма, весьма польщен. Но...

— Вы будете вне опасности, Гурронсевас, — заверила тралтана илленсианка. — Надевайте какой вам заблагорассудится защитный костюм. Нам важно, чтобы вы просто присутствовали. Мы вовсе не собираемся вас угощать.

Глава 9

Притом что в госпитале работали более десяти тысяч медиков и технических работников да еще находились на лечении более тысячи пациентов, которым в конечном счете и должен был Гурронсевас посвятить все свои усилия, было неразумно, неэффективно и даже несправедливо сосредоточивать эти самые усилия на том, чтобы ублажать единственное существо, пускай даже самое влиятельное в госпитале. Гурронсевас решил, что эксперимент с О'Марой будет осуществлять параллельно с теми, в ходе кото-

рых должно было, по его разумению, возникнуть меньше проблем.

На принятие такого решения повлияли сообщения агентов Гурронсеваса из Отделения Психологии. Прошло пять дней со времени начала эксперимента, и Гурронсевас уже успел внести едва заметные изменения в пищу, потребляемую Главным психологом, но агенты извещали его о том, что пока О'Мара никак не реагировал на ухищрения Главного диетолога. Ни в его поведении, ни в отношении к подчиненным за это время ничего не изменилось.

Во время одной из ежедневных встреч в столовой для сотрудников Ча Трат высказала предположение о том, что майор относится к тем редким существам, которые обладают способностью игнорировать свои ощущения, отвлекаясь во время еды на размышления о серьезных профессиональных проблемах, и именно поэтому О'Мара не в состоянии заметить те вкусовые изменения, о которых так пекся Гурронсевас. Брейтвейт согласился с соммарадванкой, сказал, что лично заметил, как изменился запах доставляемой руководителю отделения еды, и предложил себя в качестве благодарного и ответственного субъекта для проведения эксперимента. Гурронсевас ответил ему, что данные, полученные в ходе эксперимента с участием существа пусть даже враждебно настроенного, но объективного, важнее результатов, полученных в опыте с участием доброжелательно настроенного добровольца.

— Между тем, — завершил свою мысль Главный диетолог, — судя по тому, что от О'Мары не поступало ярко выраженных отрицательных оценок его питания, можно сделать вывод, что внесенные мной изменения приемлемы, и я уже заложил их в программу главного синтезатора пищи столовой для сотрудников. Вы, лейтенант, будете сообщать мне о том, насколько эти изменения вам пришлись по вкусу. Надеюсь, вашему примеру последуют и другие земляне.

— Последуют всенепременно, — заверил Гурронсеваса Брейтвейт и посмотрел в меню. — Какие блюда порекомендуете заказать?

— Между прочим, я тоже нуждаюсь в хорошо приготовленной пище, — обиженно проговорила Ча Трат, — и не меньше, чем земляне-ДБДГ.

— Мне это известно, — отозвался Гурронсевас. — Я не забыл и о единственной сотруднице госпиталя — соммарадванке. Но дело в том, что ваша планетарная система вошла в состав Галактической Федерации совсем недавно, и за время моей работы в «Кроминган-Шеске» мне ни разу не посчастливилось готовить для соммарадван. Поэтому сведений о предпочитаемых вашими сородичами блюдах у меня скопилось маловато. Если вы желаете побеседовать со мной об этом, я с удовольствием выслушаю вас, хотя бы только ради того, чтобы отвлечься от этого безвкусного месива, которое только визуально напоминает укоренившийся крегглион в ухстовом сиропе. Знаете, мое любимое блюдо из тех, которыми питаются представители других видов — наллахимская многоножка стрилл, — такое красиво окрашенное насекомое, все в черных и зеленых волосках. Подается, естественно, живой, в съедобной клетке, изготовленной из печенья круулан, и...

— О, прошу вас! — взмолился Брейтвейт. — Я покушать собирался!

— Я тоже, — подхватила Ча Трат, — что-то неважно себя почувствовала. Меня того и гляди вывернет наизнанку.

— Страдания душе полезны, — утешил соммарадванку Лиорен. — Если с вами действительно случится что-либо подобное, вот мы и узнаем, вправду ли вы страдали.

Гурронсевас пытался придумать, что бы ему такое сказать — одновременно кулинарное и богословское, когда вдруг рядом со столом возник худларианин, судя по знакам различия — младший интерн. Его речевая мембрана завибрировала, и транслятор перевел слова.

— Главный диетолог Гурронсевас, — смущенно проговорил худларианин и умолк в ожидании.

С худларианами Гурронсевасу уже случалось иметь дело, и он хорошо знал, что эти гиганты, будучи самыми толстокожими существами в Галактике, отличаются редкостной стеснительностью и мягкостью характера.

— Чем могу помочь, доктор? — спросил Гурронсевас.

— Вы можете помочь не только мне, но и моим коллегам-ФРОБ, — отвечал худларианин, — но, вероятно, сейчас вы заняты? Проблема у нас хоть и серьезная, но не такая уж срочная.

Гурронсевас ответил:

— У меня есть несколько свободных минут, а потом мне нужно отправиться на двенадцатую грузовую палубу. Если вам потребуется больше времени, мы могли бы поговорить по пути туда. Что у вас за сложности, доктор?

Пока они разговаривали, Гурронсевас пристально разглядывал своего собеседника. Хотя тот и не слишком превосходил тралтана по размерам, по массе тела Гурронсевас уступал ему раза в четыре. Худларианин имел шесть шупальцеобразных ног, служивших ему в нужное время руками, и, как многие громоздкие существа, вынужденные жить рядом с более мелкими особями, передвигался осторожно, стараясь никому не навредить.

Слушая худларианина, Гурронсевас вспоминал о том, что ФРОБ как вид зародились на планете с высочайшей силой притяжения и чрезвычайно плотной атмосферой, напоминавшей нечто вроде густого супа. Кожные покровы худлариан были чрезвычайно прочными, по толщине не уступали бронированной стали. Только в области глаз кожа была прозрачной. Помимо того, что такая природная защита предохраняла худлариан от жестокого воздействия среды их обитания, она позволяла им трудиться без опасности для жизни практически при любом атмосферном давлении, вплоть до открытого космоса. У худлариан напрочь отсутствовали какие-либо естественные отверстия на теле. Речевая мембрана служила только для восприятия и подачи звуков. И кроме того, худлариане не дышали. Питались они посредством органов поглощения, расположенных по бокам, выброс органических отходов осуществлялся сходными органами, расположенными в нижней части туловища. Обе эти системы подчинялись произвольному контролю. Когда худлариане пребывали за пределами родной планеты, им приходилось через небольшие промежутки

времени обрызгивать себя питательным спреем. Они делали это часто, поскольку являлись чрезвычайно энергопотребляющим видом.

Самой большой проблемой, связанной с питанием худлариан, было то, что периодически они испытывали приступы голода. Увлекаясь работой или интересной беседой, они порой падали в голодные обмороки. Такое могло случиться даже тогда, когда они со всех шести ног спешили в столовую, к общим распылителям. Спасти худлариан в подобных случаях могло только срочное обрызгивание оных питательным раствором; если это делалось быстро, то худларианам практически не грозила опасность, и помощь реанимационной бригады не требовалась. Для уменьшения частоты голодных обмороков у худлариан в каждой палате для кислорододышащих пациентов госпиталя хранился запас баллонов с худларианским питательным раствором. Но органы абсорбции этого худларианина были покрыты толстым слоем питательного спрея, и Гурронсевас решил, что его тревожит вовсе не проблема питания.

«Нельзя делать поспешных выводов», — урезонил себя Гурронсевас, когда ФРОБ заговорил.

— Сэр, — сказал он, — сейчас все в госпитале взхлеб рассказывают о том, какие замечательные новшества вы ввели в питание чалдериан, илленсиан и землян. Я... то есть мы, худлариане, вовсе не хотели бы, чтобы вам показалось, будто мы делаем вам комплименты. Вы заслуживаете всяческих похвал, независимо от того, станете вы или не станете... О, вы уже собираетесь на двенадцатую грузовую палубу? У меня там тоже есть дело. Мне пойти первым, Главный диетолог? Так будет лучше, поскольку другие пешеходы будут стараться избежать столкновения с худларианином, независимо от различий в медицинских званиях.

— Благодарю вас, доктор, — сказал Гурронсевас. — Но я не уверен, что могу быть вам полезным. Худлариане — это... ну, скажем так — худлариане. Мой опыт в работе с вашими сородичами не отличается от того, что имеет место здесь, в госпитале. Ну, разве что только в том, что там, где я работал прежде, было принято устанавливать около пи-

тающегося худларианина ширму, дабы питательный спрей не угодил на рядом сидящих едоков. Контейнеры с питательным раствором хранились в кладовых, и официанты должны были заботиться только о том, чтобы они подавались на соответствующим образом декорированных подносах. А вы какие новшества имели в виду, доктор?

Пять минут спустя они уже шагали по коридору, ведущему самым коротким путем к двенадцатой грузовой палубе. До лифта с нулевой гравитацией оставалось уже совсем немного, а собеседник Гурронсеваса пока так ничего ему и не объяснил. Речевая мембрана худларианина оставалась неподвижной — не то от смущения, не то от разочарования.

Наконец он изрек:

— Просто не знаю, сэр. Наверное, я попусту трачу ваше драгоценное время и испытываю ваше терпение. То питание, которое мы здесь получаем, полностью отвечает нашим диетическим потребностям, и ругать нашу еду совершенно не за что, но она абсолютно безвкусна и не вызывает радости, попадая в наши абсорбционные органы. Мне не хотелось бы никого критиковать — ни администрацию госпиталя, ни вас лично, поскольку концентрат питательного раствора доставляется с нашей родной планеты. Все вещества, способные вызвать порчу концентрата, предварительно удаляются. Все попытки искусственно синтезировать худларианскую пищу оказались безуспешными. Если что и удавалось, еда получалась на вкус просто невыносимой.

Теперь настал черед Гурронсеваса погрузиться в молчание. Он сочувствовал худларианину, но вопрос был задан, и задавать его вторично тралтан не собирался.

— Сам не знаю, можно ли было бы хоть что-нибудь изменить, — сетовал тем временем интерн. — Все худлариане, работающие вдали от родины, вынуждены пользоваться питательным спреем. Такова наша судьба. Но мне почему-то кажется, что, если бы питание приносило нам не только скучное насыщение, но и радость, мы не падали бы так часто в голодные обмороки в самых неподобающих местах.

«В этом есть смысл», — подумал Гурронсевас.

Они преодолели вход в центр управления грузовой палубой. Сквозь прозрачный колпак виднелся открытый грузовой люк и корма недавно прибывшего корабля. Операторы-грузчики ловко управляли гравилучами и выгружали наглухо запечатанные контейнеры, каждый из которых был соответствующим образом помечен, дабы не оставалось сомнений в его содержимом. Для того чтобы облегчить процедуру выгрузки, в отсеке поддерживалась безвоздушная атмосфера и нулевая гравитация. Размещением контейнеров на палубе занимались докеры всех мастей в желто-оранжевых скафандрах. Все происходящее, на взгляд Гурронсеваса, напоминало игру детишек с громадными кубиками.

— Доктор, — обратился он к худларианину, — скажите, пожалуйста, чем именно отличается по вкусу ваша настоящая еда от той, которую вы получаете в госпитале?

Худларианин с мельчайшими подробностями ответил на вопрос Гурронсеваса. Перед мысленным взором Гурронсеваса возникла картина жизни на неведомой планете — удивительная и почти невероятная. Тралтан, будучи школьником, слушал информацию о худларианах на уроках планетарной географии. Но теперь он смотрел на нее как бы глазами местного жителя. В карте планеты, правда, время от времени появлялись белые пятна, поскольку худларианин то и дело умолкал, не договорив до конца начатую фразу, словно думал все время о чем-то другом помимо того, о чем рассказывал. Когда Гурронсевас понял, куда устремлен взгляд его собеседника, он догадался, в чем дело.

— На этом корабле — худларианская команда, — сказал Гурронсевас, указав в сторону видневшейся сквозь открытый люк кормы грузовика, где вовсю трудились худлариане, выставляя для выгрузки все новые и новые контейнеры. — У вас там есть знакомые?

— Есть, — ответил интерн. — Мы выросли вместе. Там — друг нашей семьи, который сейчас пребывает в состоянии женской особи и должен стать моей супругой.

— Понятно, — осторожно отозвался Гурронсевас. Он не был хорошо осведомлен о механизме репродукции худлариан и не хотел вникать в эмоциональные проблемы влюбленного ФРОБ.

— Если я вас правильно понял, — сказал Гурронсевас, старательно обходя смену темы разговора, — атмосферный бульон, которым вы питаетесь на родине, состоит из крошечных частиц животной и растительной ткани. Эти частицы, в связи с постоянно бушующими на вашей планете бурями, находятся во взвешенном состоянии в нижних слоях атмосферы. Наличествующий во взвеси токсичный материал идентифицируется вкусовыми рецепторами ваших абсорбционных органов, поскольку он вызывает покалывание кожи или жжение. Такие вещества вами либо отторгаются, либо нейтрализуются. Интенсивность ваших вкусовых ощущений, таким образом, напрямую зависит от степени токсичности. Следует ли мне понять, что в основном вы как раз и жалуетесь на недостаток этих неприятных вкусовых ощущений?

— Все верно, сэр, — поспешно проговорил худларианин. — Если бы еда время от времени была неприятна на вкус, это напоминало бы нам о родине.

Гурронсевас на миг погрузился в размышления, после чего задумчиво проговорил:

— Смешать сладкое с кислым, безвкусное с острым ради улучшения общего вкуса — это я готов понять. Но честно говоря, что-то мне не верится, что начальство госпиталя позволит мне вводить в ваше питание токсичный материал. Ведь из-за этого все запасы вашего питания могут стать несъедобными.

По внешнему виду худларианина никак нельзя было догадаться, какие чувства им владеют, но прочные мышцы, окружавшие его речевую мембрану, обмякли. Гурронсевас поспешил добавить:

— Как бы то ни было, мне бы хотелось вам помочь. Но как я мог бы получить образцы этого умеренно токсичного вещества? Для этого нужно организовать экспедицию?

— Нет, сэр, — поторопился заверить диетолога интерн, и его речевая мембрана снова оживленно напряглась. —

Когда грузовой корабль совершал посадку на нашей планете, в его отсеки впустили достаточно большой объем нашей атмосферы. На рекреационной палубе ею еще можно разжиться. Конечно, воздух там сейчас довольно спертый, но токсичного вещества, о котором идет речь, там предостаточно. Если вы не откажетесь взять пробу прямо на корабле, я вас с удовольствием провожу.

Гурронсевас вспомнил о том, что где-то на грузовом корабле находится подруга детства медика-худларианина, и подумал: «Еще бы не с удовольствием!»

Глава 10

Медику-худларианину потребовалось нацепить на все шесть запястий магнитные браслеты, закрыть речевую мембрану герметичной маской-коммуникатором — и, собственно, все. Поэтому он облачился во все это «защитное обмундирование» очень быстро и долго ждал Гурронсеваса; правда, при этом он никак не выражал своего нетерпения. Худларианин есть худларианин.

Как только Гурронсевас узнал о прибытии к двенадцатой грузовой палубе худларианского корабля, он решил сходить туда и проследить за ходом выгрузки. Двигало им в данном случае чисто профессиональное любопытство. Он хотел лично понаблюдать за всеми аспектами снабжения госпиталя продовольствием, его хранения, распределения и обработки. Эти вопросы его интересовали безмерно, хотя, будучи Главным диетологом и располагая высококвалифицированным штатом подчиненных, он мог и не влезать в подобные мелочи. Однако, заступая на новую должность, Гурронсевас имел привычку именно таким образом знакомиться со сферой своей деятельности и изменять этой привычке не желал.

Через несколько минут худларианин и тралтан уже шагали по огромному доку в сопровождении непрерывных зву-

ковых напоминаний о том, что им не следует оказываться на пути у докеров, попадать в зону действия гравилучей и стараться не угодить под контейнеры, разгрузка которых шла быстро и непрерывно. Худларианин шел первым и держался близко к полу, но, как только они приблизились к люку, раздраженный голос, послышавшийся в коммуникаторе у Гурронсеваса, распорядился на три минуты прекратить выгрузку, дабы двое членов медицинского персонала госпиталя «миновали люк, хотя надо бы им его миновать в противоположном направлении». Голос принадлежал непонятно какому существу и прозвучал властно и раздраженно.

От бригады грузчиков отделился какой-то худларианин и пошел вместе со своим сородичем и Гурронсевасом. Худларианин и так вел себя учтиво и дружелюбно, но его учтивость и дружелюбие еще более возросли, когда он узнал, какой пост занимает в Главном Госпитале Сектора тралтан и что он собирается заняться проблемой улучшения вкуса консервированной пищи худлариан. Он сказал, что у его товарищей по команде нет никаких возражений против того, чтобы корабль посетили двое сотрудников госпиталя в его сопровождении. Высказавшись, худларианин тут же возглавил процессию на пути к ближайшему люку для входа членов экипажа.

Как и чалдериане, худлариане не называли своих имен в присутствии кого бы то ни было, кто не являлся членом их семейства или близким другом, а этот худларианин не назвал своего ранга, не сказал, какую должность занимает на корабле, ни какого-либо номера, так что Гурронсевас не знал, как к нему обращаться. Однако судя по тому, насколько уверенно худларианин говорил о механизме потребления пищи его сородичами, он запросто мог быть корабельным медиком.

И вообще никак нельзя было догадаться, кто их сопровождает — худларианин или худларианка, может быть, та самая подруга интерна. У худлариан была слава существ невозмутимых — по крайней мере в присутствии других существ.

— Вас устраивают показатели гравитации и давления? — поинтересовался худларианин-астронавт, как только они вошли в отсек, где проживали члены экипажа. Вероятно, вопрос этот он задал потому, что заметил, как гибкие фрагменты защитного костюма тралтана прижались к телу. Худлариане были способны длительное время пребывать в каких угодно условиях — в вакууме, невесомости, но при возможности предпочитали «домашнюю обстановку» — то есть высокие давление и силу притяжения.

— Вполне устраивают, — ответил Гурронсевас. — На самом деле такие условия гораздо ближе к тем, что наблюдаются у меня на родине, чем стандартное земное G , принятое в госпитале. Но если вы не против, я не стану снимать защитный костюм. В вашем воздухе достаточно кислорода, и поэтому он для меня не опасен, но в нем имеется некоторое количество составляющих, и эти составляющие, судя по всему, еще живы и могут вызвать у меня дыхательную недостаточность.

— Мы не против, — отозвался худларианин. — Этих «составляющих», как вы выразились, гораздо больше на рекреационной палубе. Там вам лучше всего заняться сбором проб. Хотели бы вы побывать где-либо еще из помещений корабля?

— Везде, — честно признался Гурронсевас. — Но больше всего — в столовой и на кухне.

— Вот уж неудивительно! — воскликнул интерн. — Скажите, Главный диетолог, а вы знакомы с устройством этого корабля?

— Только как пассажир, — ответил Гурронсевас.

— Даже как пассажиру, — подхватил второй худларианин, — вам должно быть известно, что большую часть звездолетов Федерации собирают на Нидии, на Земле и на вашей родной Тралте. На всех кораблях система управления, жизнеобеспечения и каюты для экипажа приспособлены к габаритам и физиологии вида существ, для которых этот корабль предназначен, но тралтанские корабли наиболее уважаемы и на рынке, и даже среди сотрудников Корпуса Мониторов.

— Все говорят, — гордо проговорил Гурронсевас, — что на Тралте даже автомобили собирают часовщики.

Худларианин на несколько мгновений умолк.

— Верно. Но все же мне бы не хотелось обидеть других конструкторов. Я только хотел сказать, что это — грузовой корабль, что он построен на Тралте с учетом худларианской специфики, поэтому можете не опасаться — пол выдержит ваш, скажем, не маленький вес. Ходите спокойно, вы тут у нас ничего не сломаете.

— Приму к сведению, — сказал Гурронсевас и дальше пошел более уверенно. Шагай он такой твердой поступью по коридорам госпиталя, в полу оставались бы изрядные вмятины.

Следуя за двумя худларианами к отсеку управления кораблем, он заметил, что освещение на корабле какое-то тусклое, и, что того хуже, зрительное стекло шлема постоянно залеплялось какой-то пленкой, из-за чего его приходилось каждые несколько минут протирать. А вот худларианам такое загрязнение воздуха, судя по всему, совершенно не мешало.

Гурронсевас с вежливым интересом осмотрел оборудование и всевозможные дисплеи в отсеке управления и задержался у экрана, показывавшего грузовую палубу госпиталя такой, какой она выглядела со стороны корабля. Худларианин — член экипажа — объяснил, что прежде всего с корабля сгружается пищевой материал для синтезаторов, установленных в отсеках для проживания теплокровных кислорододышащих существ. Эти вещества не требовали такой уж осторожности при кантовании. Материалы, предназначенные для синтеза илленсианской пищи, и худларианский питательный раствор нуждались в более бережном обращении, их переносили в соответствующие склады вручную бригады опытных грузчиков. Эти грузчики должны были приступить к работе после того, как процедура выгрузки будет закончена, все контейнеры окажутся в доке, люк закроется и на грузовой палубе госпиталя будет установлено нормальное атмосферное давление. Выгрузка шла своим чередом, но довольно медленно, поскольку площадь

самого дока и грузового отсека корабля были поистине колоссальны.

— Корабль доставляет в госпиталь грузы трех типов, которых в итоге хватает на четверть стандартного года, — сообщил худларианин. — Доставкой пищи для более экзотичных видов, таких как один из ваших диагностов — ТЛТУ, который дышит перегретым паром и лопает... одному Создателю известно, что он там лопает... ну а также питаются тельфианами-ВТХМ, которые питаются радиацией, мы не занимаемся. Надеюсь, вы этой пищей не занимаетесь также.

— Не занимаюсь, — подтвердил Гурронсевас, а про себя добавил: «Пока».

Если что и напомнила Гурронсевасу столовая на худларианском корабле, так это общественную душевую. Тут могло уместиться до двадцати посетителей одновременно, однако у входа ожидали только пятеро худлариан. Гурронсевасу порекомендовали остаться снаружи и понаблюдать за процессом питания через прозрачную панель из коридора, дабы его скафандр, а особенно лицевую пластину шлема не забрызгал худларианский питательный спрей.

Двое сопровождавших Гурронсеваса худлариан, которые, судя по толстому слою белесого спрея на их боках, не так давно подкрепились, остались с ним. Остальные устремились в столовую. Вошедший последним включил оборудование.

Тут же заработали распылители питания, вмонтированные через небольшие промежутки в стены и потолок столовой. Они принялись накачивать спрей под высоким давлением и накачивали до тех пор, пока столовую не заволокло густым туманом. Затем заработали фены, и туман завертелся, подобно небольшому смерчу. Питательные частицы подхватило этим торнадо.

— Питание идентично тому, что дается худларианам в госпитале и на других худларианских звездолетах, — сообщил худлариан-медик. — Но сильное волнение воздуха в нашей столовой очень напоминает непрерывные бури, имеющие место у нас на родине. Пусть пища на вкус и не та, но зато мы чувствуем себя почти как дома. На рекреацион-

ной палубе, как вы увидите, мы чувствуем себя в еще более домашней атмосфере, но там нет еды и просторнее.

На рекреационной палубе оказалось пусто, поскольку члены экипажа либо питались, либо участвовали в выгрузке. Свет здесь оказался еще более тусклым, чем в коридорах, и Гурронсевас с трудом разглядел очертания тренажеров и экранов с текстовой и визуальной подачей материалов, а также какие-то предметы неправильной формы — скорее всего скульптуры. Тут не было ни мягкой мебели, ни постелей — в подобных деталях комфорта толстокожие худлариане не нуждались. Прочно закрепленная круглая мембрана, вмонтированная в потолок, издавала свистящие и стонущие звуки, которые, как объяснили Гурронсевасу его спутники, являются худларианской музыкой. Музыка, правда, явно проигрывала в соревновании с завываниями и шумом, производимым искусственным ураганом, бушевавшим на палубе.

Порывы ветра были настолько свирепы, что тяжелый тралтан с трудом удерживался на шести ногах.

— Какие-то мелкие объекты ударяют по моему костюму и лицевой пластине, — сообщил Гурронсевас. — Похоже, некоторые из них живые.

— Это летающие кусающие и кровососущие насекомые, обитающие на нашей родной планете, — просветил тралтана медик-худларианин. — Небольшое количество токсичных веществ, содержащееся в их яде, влияет на наши абсорбционные органы, но затем нейтрализуется. На вас, существо, обладающее хорошим обонянием, так могли бы подействовать какие-либо ароматические растения с резким запахом. Сколько вам нужно образцов?

— Понемногу каждого вида, если их несколько, — ответил Гурронсевас. — Желательно получить живых насекомых с неповрежденными жалами и мешочками с ядом. Это возможно?

— Конечно, — заверил диетолога худларианский медик. — Вы только откройте ваш сосуд для сбора проб, и когда туда ветром надует достаточное количество...

Гурронсевас уже успел поразмышлять о том, не устроить ли в столовой для сотрудников отгороженное помещение для питания худлариан, где можно было бы установить разбрызгивательные установки и куда можно бы запустить небольшую стайку местных насекомых. Тогда у худлариан появилась бы возможность принимать пищу в условиях хоть немного напоминающих естественные. Но теперь Гурронсевас был готов от этой идеи отказаться. Налетавшие на него насекомые из всех старались пробуровать жалами скафандр. Представив, какую панику эти твари вызвали бы у других посетителей столовой, вырвись они из худларианской загородки, тралтан решил, что лучше об этом и не мечтать. Страшнее не придумаешь! Он решил, что лучше продолжать работать старым дедовским способом — с помощью аэрозольных баллончиков с питательным раствором.

Покуда худлариане захлеб расписывали тралтану, какие ощущения они испытывают при нападении насекомых на их абсорбционные органы, Гурронсевас заметил, что их конечности начали слегка подрагивать. Он был твердо уверен: это никак не может быть связано с голодом, так как оба худларианина недавно поели, а если бы проблема носила медицинский характер, то уже бы кто-нибудь что-нибудь сказал.

Что же происходило?

Неужели?

Ведь худлариане пробыли наедине (не считая Гурронсеваса) на пустой рекреационной палубе уже целых два часа. Гурронсевас понятия не имел о том, нуждаются ли эти гиганты в уединении для того, что они, вероятно, хотели бы совершить, но вовсе не собирався задерживаться и выяснять, так это или нет.

— Я чрезвычайно признателен вам обоим, — поспешно протараторил он. — Вы снабдили меня крайне интересными сведениями, и возможно, они помогут мне в решении вашей проблемы, хотя пока я не представляю себе, каким путем ее можно было бы решить. Однако я не имею права долее злоупотреблять гостеприимством и должен немедленно покинуть вас.

Пожалуйста, не надо меня провожать, — запротестовал он, когда медик-худларианин зашагал следом за ним к выходу. — Я хорошо запомнил дорогу.

После краткого замешательства интерн проговорил:

— Спасибо вам большое.

— Вы очень тактичны, — добавила его подруга.

Процедура открывания крышек любых люков в Галактической Федерации давно уже стала стандартной и ни для кого не представляла сложности, так же как и проверка защитного обмундирования перед переходом из одной среды в другую. Когда открылась внешняя крышка переходного шлюза, индикаторы на шлеме Гурронсеваса показали, что у него остался ограниченный запас воздуха — не более чем на полчаса. Кончалось и топливо, необходимое для портативного реактивного двигателя. Но особо переживать по этому поводу не приходилось, так как приземлиться на пол грузового дока Гурронсевас мог и без включения двигателя: на палубе царил невесомость. А потом двигатель ему бы понадобился только для минимальных изменений направления полета.

За то время, что тралтан путешествовал по недрам худларианского корабля, его грузовой отсек основательно вычистили, но, когда Гурронсевас включил свой коммуникатор, он услышал все те же команды грузчикам и операторам гравилучевых установок. Теперь по грузовому отсеку двигали двухслойные упаковки с баллонами, содержащими худларианский питательный раствор — по двести баллонов в каждой, вперемежку с желто-зелеными цистернами, в которых хранилось ядовитое, сжатое под большим давлением, содержащее хлор месиво, из которого в дальнейшем предполагалось готовить синтетическую пищу для хлородышащих илленсиан. Как только за ним закрылась крышка люка, Гурронсевас осторожно закрепился всеми шестью ногами за стену, выждал, пока в непрерывном потоке грузов образуется «окошко», и прыгнул к грузовому люку.

И тут же понял, что совершил две серьезные ошибки.

За последние два часа Гурронсевас адаптировался к гравитации на худларианском корабле, которая в три раза пре-

вышла таковую в доке, и поэтому прыгнул чересчур энергично. Он полетел не в том направлении, завертелся, его понесло...

— Что вы тут делаете, раздери вас... — послышался чей-то разгневанный голос в наушниках у Гурронсеваса. — Возвращайтесь на палубу!

А еще он забыл сказать операторам гравилучевых установок, что намерен вернуться в госпиталь, а операторам бы нипочем самим об этом не догадаться, так как со своих рабочих мест они Гурронсеваса просто не видели. Гурронсевас включил двигатель, но снова не рассчитал направление полета и ударился об илленсианскую цистерну.

— Оператор номер три, — снова зазвучал сердитый голос, — уберите оттуда этого треклятого тралтана!

Гурронсевас незамедлительно почувствовал невидимое давление гравилуча, однако оператор навел на него луч не совсем верно. Гурронсеваса потянуло за верхнюю часть туловища, и в итоге он снова завертелся на месте.

— Не могу, — отозвался чей-то голос. — У него двигатель включен! Остановитесь, вы, чтобы я как следует нацелился!

Но Гурронсевас не желал останавливаться. Сзади на него мчалась илленсианская цистерна, которую случайно задел лучом оператор. Тралтан врубил двигатель на полную мощность, и ему все равно было, в какую сторону лететь, лишь бы подальше от цистерны — настоящей хлористой бомбы. А через мгновение Гурронсевас врезался в упаковку с двумястами худларианскими баллонами.

Несмотря на то что в грузовом отсеке корабля поддерживалась невесомость, масса и инерция вертевшегося волчком тралтана все же оставались значительными. Велика была и масса баллонов с питательным спреем. Некоторые из них тихо-тихо взорвались, выбросили в воздух белесый спрей, из-за чего другие баллоны покинули упаковку и покатались прямо под илленсианскую цистерну. Видимо, при взрыве один из баллонов получил настолько значительное повреждение, что его зазубренный край врезался в цистерну, из-за чего последовал новый взрыв, посильнее,

и тут содержимое баллонов и цистерны перемешалось и вступило в химическую реакцию: к открытому грузовому люку понеслось облако коричневатого-желтого шипящего и булькающего газа.

— Отключите все установки! — взволнованно командовал голос главного оператора. — Мы ничего не можем разглядеть!

Грузы продолжали двигаться к люку мимо Гурронсева. Они подплывали к непрозрачному облаку и двигались дальше, сквозь него — равномерно, неотвратно. Но далеко не все грузы вели себя подобным образом: некоторые, разбушевавшись, налетали на двигающиеся впереди с такой силой, что те могли запросто утратить первоначальное направление движения. То и дело звучали всевозможные стуки и взрывы. Ядовитое облако быстро разрасталось, уплотнялось, в нем стали метаться жирные, маслянистые желто-коричневые волокна. Еще несколько минут — и облаком затянет весь грузовой отсек худларианского корабля!

О да, худлариане многое могли перенести — даже открытый космос, но контакт с хлором грозил им мгновенной смертью.

Где-то вдруг завывала сирена. На фоне ее взбудораженного воя зазвучал новый голос.

— Тревога! Химическая тревога! Угроза загрязнения! Сильнейший выброс хлора на двенадцатой грузовой палубе. Дегазационные бригады со второй по пятую — срочно на двенадцатую грузовую палубу!

— Срочное распоряжение худларианским грузчикам! — сменил этот голос голос главного оператора разгрузки. — Немедленно эвакуируйтесь из грузового отсека и укройтесь в...

— Дежурный офицер, «Тривеннлет», — ответил ему еще какой-то голос. — Нам не успеть забрать всех внутрь корабля вовремя. Успеют войти только четверть грузчиков. Предлагаю взлет с открытым входным люком и разворотом под девяносто градусов с включением боковых дюз, дабы мы не причинили госпиталю еще более серьезных повреждений...

— Вперед, «Тривеннлет»! — оборвал вахтенного офицера голос главного оператора. — Все находящиеся на грузовой палубе, проверьте герметичность скафандров и как следует закрепитесь, да держитесь покрепче. Приготовьтесь к тяжелой декомпрессии...

Сирена продолжала истерически завывать, но Гурронсевас все же расслышал, как потрескивает и стонет металл. Это включились боковые дюзы корабля. Затем послышался резкий свист — это уходящий с палубы воздух мгновенно унес с собой ядовитое облако, и сразу стал виден темный, расширяющийся полумесяц в том месте, где отошла в сторону крышка входного люка корабля. А потом Гурронсеваса понесло в противоположную сторону с уцелевшими грузами.

Какое-то мгновение ему казалось, что все цистерны и баллоны стремятся непременно угодить по нему и обрызгать его спреем, а потом он совершенно неожиданно оказался снаружи, и все грузы от него отлетели.

Гурронсевас осознавал: будь на нем тяжелый космический скафандр — ему бы ни за что не выжить. Но легкое защитное обмундирование было достаточно пластичным для того, чтобы не порваться, чего, увы, нельзя было сказать о том, на ком это обмундирование было надето. Тралтану казалось, что его левый бок, срединная и задняя ноги с этой стороны — один огромный сплошной синяк, и он предчувствовал, что, прежде чем ему полегчает, для начала станет еще хуже.

Чтобы отвлечься от боли, Гурронсевас взгляделся в крошечные окошечки на лицевой пластине шлема, оставшиеся не забрызганными худларианским спреем. В ожидании спасения тралтан решил посмотреть, что делается вокруг него.

Особых повреждений шлюз грузовой палубы при старте «Тривеннлета» не потерпел, но наружный люк был до сих пор открыт, и от него тянулся туманный конус ускользящего за обшивку госпиталя воздуха вместе с отдельными грузами, продолжавшими налетать друг на дружку. «Тривеннлет» развернулся на девяносто градусов и теперь расположился параллельно госпиталю. По сравнению с палубой грузовой

отсек худларианского корабля был гораздо меньше по объему, и внутри него, видимо, образовался настоящий вакуум, так как от заднего люка не тянулся шлейф ядовитого тумана или ускользящие грузы.

Вахтенный офицер сработал решительно и четко — так думал Гурронсевас. Он только не мог понять, почему к делу сразу не подключился капитан корабля. Тралтан задумался о том, уж не капитана ли он оставил на рекреационной палубе вместе с интерном, но тут услышал в наушниках чей-то голос. Говорили о нем.

— ...А где этот тупой тралтан? С командой «Тривеннлеса» все в полном порядке. В грузовом отсеке вакуум, жертв нет. Наши кислорододышащие докеры тоже в полном порядке. Главный диетолог Гурронсевас, пожалуйста, выходите на связь. Если вы еще живы, отвечайте, будьте вы прокляты!

И вот тут-то Гурронсевас обнаружил, что его защитный костюм все-таки пострадал. Коммуникатор работал только на прием!

Мало того что у него вот-вот мог закончиться запас воздуха, так теперь еще никто не услышит его призывов о помощи!

Глава 11

«Это просто невероятно, — мысленно возмущался Гурронсевас, — чтобы светило космической кулинарии поггло в расцвете лет от нехватки воздуха внутри перепачканного худларианским спреем скафандра!» Какими бы словами ни была описана его смерть в конце замечательного жизнеописания, все равно такая смерть была бы несправедливой, незаслуженной и позорной. Он только мог гадать, как будет звучать его эпитафия, если высекать ее на его надгробном камне будут более легкомысленные коллеги. Но все же любые опасения отступали перед мучительным страхом и полной растерянностью.

Наверняка должен был отыскаться какой-то еще способ, кроме радиосвязи, с помощью которого он мог бы сообщить о своем местонахождении. Однако голоса в приемнике, который в отличие от передатчика работал исправно, говорили совсем о другом.

— Гурронсевас, — говорил один голос, — отзовитесь, прошу вас! Если вы меня слышите, но не можете ответить, выбросьте фальшфейер... Ответа нет, сэр.

— Вы забываете: на нем больничный защитный костюм, — возразил другой голос, — предназначенный для использования только внутри госпиталя. Нет у него никаких фальшфейеров. Гурронсевасу не было причин захватить с собой всякие там фальшфейеры, поскольку он не собирался покидать треклятый госпиталь! У него есть ранец с реактивным двигателем краткосрочного действия. Как выглядят тралтаны, вам известно, вот и ищите тралтана. У этого конкретного тралтана за спиной ранец. Он должен двигаться независимо относительно массы грузов и будет пытаться вернуться к грузовому люку, если только еще в сознании и не ранен.

— Или жив.

— То-то и оно.

Гурронсевас постарался не заикливаться на том, какой пессимистический оттенок приняли переговоры в эфире, и вместо этого сосредоточился на полученном им полезном совете. Рядом с ним простиралась бесконечная громада госпиталя, неподалеку виднелся торпедообразный худларианский корабль. Между ними — облако, приправленное разлетевшимися в разные стороны грузами, некоторые из них продолжали испускать газ и разбрызгивать спрей. Первый из прозвучавших голосов высказал предположение, что он, Гурронсевас, должен двигаться независимо от всего, что его окружает. Но прежде всего ему нужно было включить двигатель ради того, чтобы прекратить собственное вращение.

Опыт в обращении с портативным двигателем у Гурронсеваса был минимальным, приостановить свое вращение он сумел только через несколько минут, причем истратил на это

непростительно много топлива, запасы которого, судя по показаниям индикатора, угрожающе шли на убыль. Гурронсевас рассчитал свои возможности и понял, что топлива ему хватит на медленное передвижение в течение еще нескольких минут на расстояние в несколько сотен ярдов и что самой максимальной скорости ему не хватит на то, чтобы удрать от все более расползающегося облака бесчисленных баллонов и контейнеров, и уж тем более, чтобы добраться до люка, ведущего на грузовую палубу.

Голоса, звучавшие в его наушниках, выражали полное с ним согласие, но подсказывать какой-либо выход не решались.

— ...и еще мы сверились с перечнем защитных костюмов, сэр, — вещал некто. — Согласно перечню, не так давно был взят защитный костюм для тралтана с трехчасовым запасом воздуха и стандартным портативным реактивным двигателем-ранцем. Время взятия костюма — два часа сорок пять минут назад. Если Гурронсевас пользовался двигателем во время посещения худларианского корабля и не снимал там скафандра, много ему не пролетать и воздух у него вот-вот закончится. Поисково-спасательная бригада готовится к выходу, но куда конкретно ее направлять?

— Допустим, что тралтан использует оставшееся топливо, чтобы быстро вращаться на месте, — произнес второй голос. — Тогда следовало бы сосредоточить внимание на быстро вращающемся объекте с массой, приблизительно соответствующей массе тела тралтана, и...

— Не знаю, сэр, — возразил первый голос. — У некоторых грузов и масса примерно такая же, и момент вращения... А если Гурронсевасу довелось угодить между двумя цистернами, то он вряд ли теперь напоминает тралтана.

— Разместите гравилучевые установки на внешней обшивке, — поспешно распорядился первый голос, — по согласованию со спасательной бригадой, которые будут срочно обследовать распыленные грузы. Если им удастся обнаружить нечто, напоминающее нашего странника, тут же вытягивайте.

— Гравилучевые установки — это не портативное оборудование, — возразил второй голос. — Нам понадобится время для того, чтобы перенести их из дока и установить.

— Понимаю, все понимаю. Но постарайтесь сделать это как можно быстрее.

Сквозь просветы на заляпанном спреем лицевом стекле шлема Гурронсевас увидел, что уравнился в движении с госпиталем. Грузовой люк палубы, издав далеко казавшийся маленьким освещенным квадратиком, перестал улетать от него. Крошечные фигурки землян сновали туда и сюда, выносили из люка оборудование и устанавливали на внешней обшивке. Через несколько минут из люка вылетели спасатели в тяжелых скафандрах и рассыпались по району поисков.

Никто из них не направился прямо к Гурронсевасу, и он приготовился к худшему.

Вокруг него продолжали вертеться грузы, дымка хлора и худларианского спрея мало-помалу рассасывалась, вот только совсем рядом с Гурронсевасом худларианский баллон налетел на что-то, из-за чего взорвался и разбрызгивал питательный раствор, при этом бешено вращаясь. В космическом вакууме раствор не разлетелся в разные стороны, а, вылетая из баллона, заворачивался спиралью. Баллон и Гурронсевас находились так близко, а двигался Гурронсевас так быстро, что не оставалось ничего другого, как только обхватить голову руками, чтобы предохранить лицевую пластину шлема от полного загрязнения.

А потом Гурронсевасу показалось, будто бы он попал на орбиту какой-то планеты, окруженной газовыми кольцами. Видимо, у него уже помутился рассудок, потому что мысль мелькнула такая: все-таки жизнь его заканчивается не так уж банально. Он только успел порадоваться, что миновал первое «планетарное кольцо» так, что лицевая пластина сохранила «окошечки».

За этим кольцом оказалось второе и третье, а за ними, примерно в пятидесяти ярдах впереди, — упаковка с неповрежденными худларианскими баллонами. Упаковка не вращалась и пребывала в неподвижности относительно Гур-

ронсеваса, следовательно, для него опасности не представляла.

Спасательная бригада тщательно обследовала район поисков, но никто пока не сообщал, что заметил Гурронсеваса, а сам он видел сквозь дымку только одного спасателя. Гурронсевас думал, не стоит ли ему помахать конечностями, дабы привлечь внимание землянина, когда взгляд его снова упал на вращающийся баллон с худларианским питательным раствором.

«А может быть, — подумал тралтан, в сознании которого мелькнула искорка надежды, — мне все-таки еще удастся провести ряд интересных экспериментов, пока я жив».

Неповрежденная упаковка с баллонами дрейфовала неподалеку. Гурронсевас включил двигатель и двинулся в направлении упаковки. Скорость он выбрал минимальную, дабы столкновение получилось по возможности не сильным, упаковка не завертелась и баллоны, лежавшие в ее ячейках, словно огромные яйца, не повредились.

Гурронсевас добился желаемого эффекта. Поравнявшись с упаковкой, он разместился как можно ближе к ее центру — настолько, насколько позволяла форма его тела. Из-за того, что загрузка корабля производилась первоначально на орбите в условиях невесомости, а гиперпространственный скачок к Главному Госпиталю Сектора также производился в условиях невесомости, два слоя баллонов перевозились не в наглухо закрытом контейнере, а в ячеистой упаковке. В просветы между баллонами Гурронсевас хорошо видел госпиталь.

Глядя через просвет, расположенный ближе всего к его шлему, Гурронсевас покрепче уцепился за упаковку с баллонами, включил двигатель и медленно завертелся вместе с упаковкой. Как только он увидел впереди ярко освещенный грузовой люк двенадцатой палубы, он совершил аккуратный маневр, придал вращению целенаправленность, выждал несколько мгновений, чтобы удостовериться в том, что он не уклонится от заданной цели. Затем он заставил себя хорошенько все продумать.

По подсчетам Гурронсеваса, в том слое упаковки, рядом с которым он сейчас находился, было сто баллонов со

спреем. Раструбы баллонов были направлены вертикально вверх. Примерно двадцать баллонов он накрыл своим телом, и поэтому их следовало вычесть — они не могли ему ничем помочь в осуществлении задуманного. А вот остальные баллоны можно было безболезненно опустошить, не рискуя при этом забрызгаться питательной смесью. Тралтан осторожно расставил конечности, выбрал две пары баллонов, находящихся на одинаковом расстоянии от центра упаковки, и открыл вентили на полную мощность одновременно.

Он тут же ощутил легкое давление. Баллоны быстро выбрасывали свое содержимое в пространство, однако тяги для того, чтобы преодолеть собственный вес ячейки и вес тралтана, было маловато. Гурронсевас отвернул вентили на всех баллонах, до которых мог дотянуться, и вскоре его окружили белесые конусы выбрасываемой смеси. Было очень важно, чтобы выброс смеси осуществлялся в направлении, строго противоположном избранному Гурронсевасом, поэтому каждые несколько секунд тралтан заглядывал в просвет между баллонами, дабы удостовериться, что яркий квадратик грузового люка по-прежнему находится прямо перед ним; как только он замечал, что его сносит в сторону, он исправлял курс включением «боковых сопел» своего «двигателя».

Судя по показателям индикаторов внутри шлема, топливо для двигателя у Гурронсеваса уже несколько минут назад иссякло. Он решил, что на самом деле нулевые показатели просто предупреждают, что топливо на исходе, но что все же небольшой резервный запас остался. Тралтан искренне надеялся, что то же самое относится к показателям запаса воздуха.

Гурронсевасу было трудно дышать, в висках стучало, в груди нарастала боль. Он убеждал себя в том, что все это от страха перед удушьем. Но он сам себе не верил.

Ему удалось оторваться от газового облака и рассеянных в пространстве грузов. Квадратик люка впереди увеличивался. Члены бригады спасателей продолжали произносить донесения о безрезультатных попытках обна-

ружить тралтана. А Гурронсевас удивлялся. По его мнению, уж теперь-то хотя бы один из них имел возможность его заметить. А потом его вдруг заметили все.

— Спасатель номер четыре. Похоже, вижу одну из упаковок с худларианскими баллонами. С одной стороны баллоны повреждены. Упаковка движется в направлении, противоположном тому, в котором движутся остальные грузы, и может угрожать персоналу...

— Говорит спасатель номер пять! Какое там повреждение! На упаковке летит наш тралтан! Ну и ловкач, доложу я вам! Вот только он слишком торопится...

— Спасатели, может кто-нибудь из вас перехватить его?

— Спасатель номер один. Нет, не раньше, чем он налетит на обшивку госпиталя. А мы все двигаемся не в том направлении. Операторы гравилучевых установок, вы готовы обеспечить ему мягкую посадку?

— Не готовы, спасатель номер один. Мы подключимся только через десять минут.

— Тогда бросьте свое подключение и расходитесь от люка подальше, чтобы он на вас не налетел.

— Вряд ли он на нас налетит. Мы рассчитали компьютером его траекторию и думаем, что он влетит прямой наводкой в люк. Этот тралтан знает, что...

— Говорит спасатель номер один. Всем операторам лучевых установок, расположенных по ту сторону люка: переключитесь на противодействие. Хватайте его, как только он влетит внутрь. Бригада по дегазации и медики, будьте готовы к...

Сердце Гурронсеваса колотилось так громко, что окончания переговоров он не услышал. Перед глазами у него плыло, но он все же видел, как быстро надвигается на него освещенный квадрат люка. Баллоны с питательной смесью продолжали опустошаться, но, увы, неравномерно, поэтому упаковка развернулась, и теперь его несло боком к краю люка.

На мгновение Гурронсевасу показалось, что ему все же удастся проскочить, не задев края люка, но тут его транспортное средство зацепилось-таки углом за комингс, в

результате чего баллоны повылетали из ячеек. Чудесным образом сам тралтан при этом столкновении не пострадал, но влетел в люк в сопровождении сотни полных, нетронутых баллонов, и все эти бомбы на полной скорости помчались к дальней стене дока... А потом Гурронсевасу показалось, что его со всех сторон тыкают тупыми предметами. Это за работу принялись лучи-отталкиватели. Гурронсевас резко остановился на месте, а получившие полную свободу баллоны с грохотом ударились о дальнюю стену дока, где те из них, что еще были полны до краев, наконец взорвались и разбрызгали свое содержимое во все стороны.

Один из пролетающих мимо баллонов задел тралтана — не сильно, но от этого толчка вдруг заработало его переговорное устройство. Его-то, оказывается, всего-то и надо было пнуть как следует!

— Что же вы его, проклятие, там подвесили? — послышался голос главного оператора. — Ташите его к служебному входу. Дежурный медик, будьте готовы...

— Говорит Гурронсевас, — с трудом выдавил тралтан. — Мне срочно нужен воздух — гораздо более срочно, чем медицинская помощь.

— Так вы с нами разговариваете? Прорезались наконец? Отлично, — последовал отзыв главного оператора. — Держитесь, сейчас мы вас подзарядим.

Целую вечность, как показалось Гурронсевасу, он провел в переходной камере, где его защитный костюм очищали от малейших примесей хлора, после чего наконец сняли. Правда, раздражение его в значительной степени смягчилось тем обстоятельством, что теперь он мог свободно дышать и думать. Дежурный медик, жутко официозный нидианин, никак не желал поверить, что тралтан-диетолог ухитрился избежать тяжелых травм, и настаивал на том, что Гурронсеваса нужно перевезти в диагностическую палату для осмотра, а Гурронсевас упорно отказывался. В итоге пришли к компромиссному решению: Гурронсевас позволил медику обследовать сканером каждый квадратный дюйм поверхности своего тела.

В итоге у Гурронсеваса образовалось предостаточно времени для того, чтобы выслушать массу разговоров о множестве интересных событий, свидетелем которых он не стал. Спасатели и докеры переговаривались об отправке небольших транспортных средств типа катеров, которые предполагалось выслать на поиски уцелевших грузов, о том, что «Тривеннлет» вот-вот должен был вернуться к грузовой палубе, о том, что поврежденный люк грузовой палубы должны были отремонтировать с применением быстро застывающего герметика. Шла подготовка к перемещению оставшихся грузов.

Никто даже не упоминал о том, как дерзко и изобретательно Гурронсевас спас свою жизнь. И это было огорчительно. Ну, наверное, все были слишком заняты.

Когда доктор-нидианин в конце концов освободил тралтана, Гурронсевас спросил у него, как пройти к центру управления двенадцатой грузовой палубой. Он собирался кое о чем переговорить с сотрудниками. Сотрудники, большей частью земляне, все как один обернулись к вошедшему диетологу. Все молчали. Никто не улыбался. Осторожно шагая по полу, чтобы продемонстрировать свою учтивость, и также тот факт, что он сознательно сдерживается, Гурронсевас приблизился к землянину, показавшемуся ему главным.

— Мне бы хотелось выразить вам и вашим подчиненным искреннюю благодарность за попытки организовать мое спасение, — торжественно возгласил Гурронсевас. — Мне бы хотелось также принести извинения за ту сумятицу, которую я внес в процессе выгрузки...

— Сумятицу?! — чуть не задохнулся главный оператор. Покачав головой, он добавил: — Спасли вы себя сами, Гурронсевас. Ну а идея использовать баллоны с питательной смесью в качестве реактивных двигателей... скажем так — уникальна.

Когда стало ясно, что больше никто из землян ему ничего не скажет, Гурронсевас проговорил:

— Вскоре после того, как я приступил здесь, в госпитале, к исполнению своих обязанностей, одно существо —

кто именно, я говорить не буду, — сказала мне, что пища — это всего лишь топливо. Никогда бы не подумал, что это может быть сказано в буквальном смысле.

Главный оператор криво улыбнулся, но тут же снова посерьезнел. У остальных выражения лиц не изменились. Гурронсевасу не нужно было становиться цинрусским эмпатом, чтобы догадаться, что они все о нем сейчас не слишком высокого мнения. Ну, хорошо, пусть они не реагируют на шутки, но, вероятно, не откажутся исполнить небольшую просьбу.

Старательно подбирая слова, Гурронсевас сказал:

— Я намереваюсь внести некоторые важные изменения в питание худлариан, помимо перемен в питании представителей других видов. Но для этой работы мне потребуется разрешение и участие Главного администратора госпиталя. Могу я воспользоваться вашим коммуникатором? Я хотел бы поговорить с полковником Скемптоном.

Главный оператор развернул свой вертящийся стул к стеклу, часть которого была очищена от налипшей худларианской еды. Он смотрел на бригаду ремонтников, старавшуюся поскорее привести в чувство сломанную крышку люка, на заваленный обломками и забрызганный белой смесью пол дока. Далеко не сразу он обернулся к Гурронсевасу.

— Не сомневаюсь, — сказал он, — полковник Скемптон и сам жаждет побеседовать с вами.

Глава 12

Однако вскоре выяснилось, что главный оператор не знаком с образом мышления Главного администратора: три попытки связаться с полковником Скемптоном успеха не принесли. Четвертую попытку предпринял Гурронсевас самодично, но какой-то подчиненный Скемптона сказал ему, что информация о том, что случилось с Гурронсевасом,

передана Главному психологу вместе с рекомендациями полковника Скемптона и что Гурронсевасу надо обратиться к майору О'Маре, и притом — срочно.

Атмосфера в приемной Отделения Психологии напоминала таковую в тралтанском Зале Скорби, где друзья собрались у останков уважаемого товарища. Но ни Брейтвейту, ни Лиорену, ни Ча Трат не удалось даже словом перемолвиться с Гурронсевасом. О'Мара не заставил его томиться в ожидании.

— Главный диетолог Гурронсевас, — приступил О'Мара к беседе безо всяких преамбул. — Вы, по всей вероятности, не осознаете всей тяжести вашего положения. Или вы желаете заявить мне, что вы ни в чем не виноваты, что, наоборот, вы правы, а все остальные заблуждаются?

— Безусловно, нет, — оскорбился Гурронсевас. — Признаю, я несу некоторую ответственность за случившееся, но только потому, что оказался не там, где надо, в неудобное время и попал в такие условия, что неизбежно должен был произойти несчастный случай. Полную же ответственность за все, что произошло, на меня нельзя взваливать ни в коем случае. Вы не станете спорить с тем, что существо, целиком и полностью ситуацией не владеющее, не может нести за нее ответственность. Ситуацией я владел слабо, поэтому могу нести только ограниченную ответственность.

Довольно долго О'Мара молча созерцал тралтана. Шерстистые полумесяцы над его глазами опустились и превратились в толстые серые прямые линии. Губы Главный психолог сжал так плотно, что дышал носом, и довольно шумно. Наконец он заговорил.

— Кстати, насчет ответственности, — сказал О'Мара. — Мне нужны кое-какие разъяснения. Вскоре после происшествия мне позвонил худларианин и заявил, что готов разделить с вами ответственность за случившееся. Что вы об этом скажете?

Гурронсевас растерялся. Если на худларианского медика возложат, хотя бы частично, вину за случившееся в грузовом отсеке, он мог расстаться с интернатурой. Интерн оказался Гурронсевасу существом воспитанным, тактич-

ным, он оказал ему большую помощь, высказав предложения по решению проблемы с питанием худлариан. Наверняка его профессиональный уровень был довольно высок, иначе его бы не приняли на работу в Главный Госпиталь Сектора.

— Худларианин ошибается, — решительно заявил Гурронсевас. — У него было дело на корабле, и он сопровождал меня на «Тривеннлет» как экскурсовод, и, кроме того, он консультировал меня по ряду вопросов, связанных с питанием худлариан. Он хотел проводить меня обратно, но я отказался и ушел один. Поскольку я все-таки Главный диетолог, а он простой интерн, худларианин не стал со мной спорить, так что в этом деле худларианин никак не замешан.

— Ясно, — кивнул О'Мара, издал непере译водимый звук и добавил: — Только учтите, что я совершенно равнодушен ко всякому там благородству и самоуничижению. Хорошо, Гурронсевас, сказанное мне вашим знакомым интерном-худларианином нигде не будет фигурировать официально, но только потому, что наказание за случившееся вам разделить не удастся. Это взаимное выгораживание вам не поможет. Можете еще что-либо сказать в свое оправдание?

— Нет, — сказал Гурронсевас. — Потому что больше я ничего дурного не сделал.

— Вы так думаете? — хмыкнул майор.

Гурронсевас этот вопрос проигнорировал, так как уже ответил на него. Он сказал:

— У меня есть другой вопрос. Для продолжения внедрения диетических новшеств мне необходим материал, которого в настоящее время в госпитале нет. Но я не уверен... может быть, для приобретения этих материалов потребуются разрешение Главного администратора. Может быть, это и не так, но я решил поинтересоваться на этот предмет у Главного администратора лично. Но почему-то полковник Скемптон со мной разговаривать не желает, и даже...

О'Мара поднял руку и сказал:

— Во-первых, не встречаться с вами ему посоветовал я, по крайней мере — до тех пор, пока не уляжется, скажем так, эмоциональная пыль. Но есть и другие причины. Вы

вызвали катастрофу на двенадцатой грузовой палубе. Не-намеренно, конечно, это понятно. Кроме того, на вашем счету сильнейшее загрязнение дока, разгерметизация и структурные повреждения крышки грузового люка и механизма стыковки «Тривеннлета». Ремонт и наведение порядка потребуют значительных затрат — материальных и временных...

— Стыдитесь! — вскричал возмущенный тралтан. — Если будет доказано, что я действительно несу полную ответственность за все эти несчастия, я за все заплачу. Я не беден, но, если моих сбережений не хватит, можете делать вычеты из моей зарплаты до тех пор, пока стоимость ремонтных работ не будет выплачена до конца.

— Если бы вы располагали сроком жизни гроалтеррийца, — сказал О'Мара, — глядишь, и расплатились бы. Но это не так, да и в любом случае никто не собирается требовать от вас выплаты компенсации за причиненный ущерб. При рассмотрении случившегося сделан вывод о том, что операторы лучевых установок несколько переоценивают в последнее время свои способности и недооценивают необходимую технику безопасности. Они у нас, спору нет, большие профессионалы, но и им есть над чем поработать. Финансовый аспект проблемы будет решен переговорами между Корпусом Мониторов и страховой компанией, застраховавшей «Тривеннлет», и вас касаться не должен и не будет. Однако вы уже расплачиваетесь за содеянное другой валютой, и я не уверен, можете ли вы себе это позволить. У вас уже почти не осталось резервов доверия.

Покуда вы наносили визит на «Тривеннлет» и совершали незапланированный выход в открытый космос, менее катастрофические события имели место в палате АУГЛ. Выздоровливающие чалдериане так увлеклись преследованием изобретенной вами подвижной еды, что, судя по словам Старшей сестры Гредличли, чуть не разнесли палату вдребезги. А именно: получили серьезные повреждения одиннадцать секций внутренних стен, сломаны спальные рамы у четверых пациентов — причем так, что о ремонте не может быть и речи. К счастью, обошлось без жертв.

Я знаю, что Гредличли считает себя обязанной вам, — продолжал майор, — из-за того, какие новшества вы внесли в илленсианское меню, но не могу сказать, что в настоящее время она считает себя вашим другом. То же самое можно сказать и о лейтенанте Тимминсе, который отвечает за ремонт не только в чалдерианской палате, но и займется ремонтом на двенадцатой грузовой палубе.

Но бояться вам прежде всего следует полковника Скемптона. Советую вам избегать встреч с ним, поскольку он мечтает об одном: чтобы вас с треском выгнали из госпиталя и вернули на родную планету. И притом — немедленно.

Гурронсевас молчал. Он не мог говорить. Казалось, будто его неповоротливая куполообразная голова превратилась в проснувшийся вулкан, который долго спал, но теперь готов в любое мгновение извергнуть лаву, истомившуюся под напором стыда и гнева. Гурронсевас не мог смириться с тем, чтобы его, существо с такой высокой профессиональной репутацией, ждала столь несправедливая судьба. Однако чувство стыда возобладало, поэтому тралтан произнес единственные приемлемые в подобной ситуации слова.

Гурронсевас резко развернулся и пробормотал на ходу, отчаянно топая:

— Я немедленно напишу заявление с просьбой об отставке.

— Я уже не раз сталкивался со случаями, — произнес ему вслед О'Мара негромко и спокойно, но так, что Гурронсевас остановился и повернулся к нему вполоборота, — когда такие слова, как «сейчас же» и «немедленно», произносились сгоряча. Подумайте.

Рейсовый корабль на Тралту, или Нидию, или мало еще куда вы решите отправиться, не появится в Главном Госпитале Сектора еще несколько недель. Ну а если вы вознамеритесь лететь на какую-нибудь отдаленную тралтанскую колонию, редко посещаемую коммерческими судами и кораблями Корпуса Мониторов, то ждать вам придется еще дольше. За это время вы могли бы завершить задуманные вами проекты. Госпиталь от этого только выиграет — при условии, конечно, что вы не учините новых катастроф.

Выиграете и вы лично, поскольку чем дольше здесь пробудете, тем меньше будет у посторонних, включая и ваших коллег по кулинарии, подозрений на счет того, что вас отсюда выгнали. Тогда ваша профессиональная репутация пострадает гораздо меньше.

Насколько это возможно для тралтана, — продолжал О'Мара, коротко оскалившись, — постарайтесь вести себя тише воды, ниже травы. Не делайте ничего такого, что могло бы привлечь внимание полковника Скемптона, не раздражайте других начальников — и обнаружите, что до «немедленно» еще очень далеко.

— Но когда-то, — проговорил Гурронсевас так, что это прозвучало скорее как утверждение, нежели как вопрос, — мне все равно придется уйти.

— Полковник настаивал на том, чтобы вы улетели как можно скорее. Я обещал, что это так и будет. В противном случае вас бы посадили под домашний арест.

Главный психолог откинулся на спинку стула, чем ясно дал понять, что беседа окончена. Гурронсевас, однако, с места не тронулся.

— Я все понимаю, — сокрушенно проговорил он. — Мне хотелось бы сказать, что вы выказали редкостное понимание и сочувствие и учли, какие чувства могут овладеть мной в создавшейся ситуации. Такая ваша реакция для меня... удивительна. Я смущен, тронут. Просто не представлял, что существо с вашей репутацией способно повести себя так лояльно, и...

Тралтан смущенно умолк. Он не понял, какое впечатление произвела его хвалебная тирада. Не оскорбился ли О'Мара? Во всяком случае, он снова склонился к столу.

— Позвольте, я некоторым образом развею ваше неверие, — сказал он. — Я, конечно, знаю о том, что вы тайно колдуете над моей едой, и притом довольно давно. Нет, мои сотрудники вас не выдали. Вы забываете о том, что я психолог, и моим подчиненным просто невозможно было скрыть от меня те невербальные сигналы, которыми они непрерывно обменивались. Ну а выдали себя тем, что несравненно улучшили вкус получаемой мной еды. Прежде

она была настолько безвкусной, что я запросто мог во время еды заниматься чем угодно. Теперь все изменилось. Мое драгоценное время тратится на то, чтобы я гадал, какие новые сюрпризы кулинарии меня ожидают на этот раз. После еды я размышляю о том, каким же путем вы ухитрились добиться того или иного привкуса. Не могу сказать, что мне пришлось по душе все ваши нововведения, поэтому я послал вам список, где указано мое мнение о том или ином блюде вкупе с предложениями по дальнейшим модификациям.

— Это чрезвычайно любезно с вашей стороны, сэр, — пробормотал Гурронсевас.

— Никакой любезности, — резко заявил О'Мара. — И никакого сострадания и прочих слабостей, которые вы пытаетесь мне приписать. У меня нет причин за что-то благодарить существо, просто-напросто выполняющее свою работу. Еще что-нибудь хотите мне сказать?

— Нет, — промямлил вконец растерявшийся Гурронсевас.

Уходя, он так топал, что вся металлическая мебель звенела, а деревянная — скрипела.

— Что случилось? — спросила Ча Трат, как только закрылась дверь в кабинет Главного психолога.

Все трое так смотрели на Гурронсеваса, что было ясно: узнать о том, что случилось, хотят все.

Гурронсевас был настолько разгневан и удручен, что, не стараясь понизить голос, объявил:

— Я должен покинуть госпиталь. Не сразу, но довольно скоро. До тех пор я должен работать на своем месте, но так, чтобы не привлекать к себе внимания. Боюсь, майору известно о вашем сотрудничестве со мной в деле внесения изменений в его питание. Изменения ему понравились, но он меня за них не благодарил. Кто-нибудь из вас пострадает из-за нашего заговора?

Брейтвейт покачал головой.

— Если бы О'Мара пожелал, чтобы мы пострадали, мы бы об этом уже знали. Но постарайтесь видеть во всем лучшую сторону, Гурронсевас. Последуйте его совету. В конце

концов, похоже, майор кое-какие из ваших затей одобряет и не против того, чтобы вы их продолжали. Будь он вами недоволен, вы бы не то что скоро, вы бы на первом же пролетавшем мимо корабле отсюда улетели. А пока... пока вы и сами не знаете, что происходит.

— Я знаю, — уныло проговорил тралтан, — что полковник Скемптон хочет избавиться от меня.

— А может быть, — негромко проговорил Лиорен, — вам следовало бы поколдовать над меню полковника Скемптона. Попробуйте ему тайком что-нибудь такое подмешать, чтобы...

— Падре! — пристыдил священника Брейтвейт.

— Я же не о ядах говорил! — возразил Лиорен. — Пусть Гурронсевас улучшит вкус еды полковника, как сделал это с едой О'Мары. Земляне часто говорят, что путь к сердцу человека лежит через его желудок.

— Процедура спорная и рискованная с точки зрения хирургии, — безапелляционно заявила Ча Трат.

— Я тебе потом объясню, в чем тут смысл, Ча Трат, — улыбнулся Брейтвейт. — Лиорен, с психологической точки зрения совет неплох, но вряд ли стряпня Гурронсеваса легко переориентирует полковника Скемптона. В его психофайле сказано, что он — вегетарианец, а это значит...

— Вот этого я никак не пойму, — снова вмешалась Ча Трат. — С какой стати представителю вида ДБДГ, то есть существу от природы всеядному, понадобилось становиться травоядным? Тем более что основа всех блюд все равно синтетическая. Или тут имеют место какие-либо религиозные табу?

— Может быть, тут можно говорить о чем-то подобном верованиям уллов, — задумчиво проговорил падре Лиорен. — Они полагают, что поедание чужой плоти приводит к тому, что внутри едока начинает жить душа того, кого он съел. Но полковник никогда не обращался ко мне с религиозными вопросами, поэтому я не могу судить с уверенностью...

— Приготовление пищи для травоядных, — сказал Гурронсевас, — никогда не представляло для меня сложности.

Брейтвейт кивнул. Ча Трат молчала. Все смотрели на падре, а тот во все глаза — на Гурронсеваса.

— Позволю себе напомнить вам, — тихо проговорил Лиорен. — Наш госпиталь чрезвычайно обширное заведение, здесь работает такое количество существ, что случающиеся время от времени межличностные конфликты попросту за-бываются, и притом довольно быстро. Слишком напряженная работа — некогда подолгу таить на кого-то зло. Если бы у нас все ходили, как говорят земляне, «с камнями за пазухой», атмосфера стала бы просто невыносимой. Между прочим, существ злопамятных не допускают до работы в госпитале еще на этапе психологического скрининга.

— Мало ли какие еще произойдут за это время события, которые потребуют внимания полковника Скемптона и отвлекут его от вас. Будем, конечно, надеяться, что ничего подобного катастрофе на грузовой палубе не произойдет. Вы говорите, что скоро покинете госпиталь, но «скоро» — это понятие растяжимое, а может быть, вы и уйдете не навсегда. Все в руках Господних, или в руках судьбы. Выберите то, во что вы верите, и поймите меня. — Лиорен на миг умолк, а потом добавил: — Я советую вам последовать рекомендациям майора и сосредоточиться на работе, которую за вас не сделает никто, и не отчаиваться.

Совет дельный, только чересчур оптимистический — так показалось Гурронсевасу. Но ушел из Отделения Психологии Гурронсевас, шагая размеренно и тихо, и сам не понимал, почему у него стало легче на душе.

Глава 13

Однако чувства оптимизма Гурронсевасу хватило всего на несколько часов, а уже через три дня, в течение которых он вел себя, как ему порекомендовал О'Мара, «тише воды, ниже травы», тралтан затосковал, исстрадался от неуверенности и одиночества. Сотрудников Отдела Синтеза Пита-

ния и Отделения Патологии он теперь навещал редко и ненадолго, поскольку и там, и там на него пялили глаза все без исключения, если считали, что он в их сторону не смотрит. Чего в этих взглядах было больше — сочувствия или любопытства, Главный диетолог не понимал. Все остальное время Гурронсевас оставался у себя в комнате, не отвечал на вызовы по коммуникатору, питался той едой, которую заказывал по системе доставки, и это ни в малейшей степени не улучшало его настроения.

В середине четвертого дня страданий Гурронсеваса кто-то вдруг негромко, но настойчиво постучал в его дверь. Это оказался падре Лиорен.

— В последнее время мы вас не встречаем в столовой, — сказал тарланин, не дав тралтану и рта раскрыть. — Вы рискуете переусердствовать со своим смирением, Гурронсевас, поскольку совсем исчезать из поля зрения хуже, чем бывать там, где вас привыкли видеть. Это вызывает ненужные слухи. В любом случае большинство представителей других видов, включая и меня, не способны отличить одного тралтана от другого без соответствующих документов. Я как раз иду в столовую. Хотите ко мне присоединиться?

— Но моя комната, — сказал Гурронсевас удивленно и даже несколько раздраженно, — вам совсем не по пути, если вы отправились в столовую из своего отделения.

— Это верно, — не стал спорить Лиорен. — Скажем так: либо у меня было еще дело на этом уровне, либо я солгал во спасение. Так это или нет — вам все равно не догадаться.

Догадываться Гурронсевас не стал. Он поспешно сказал:

— Хорошо, я пойду.

Если в этот день на Гурронсеваса было устремлено больше глаз, чем обычно, он сам этого не знал, поскольку сам смотрел одним глазом на падре Лиорена, другим — на Брейтвейта, третьим — на Ча Трат, а четвертым — в свою тарелку. За ближайшими столиками о нем никто не шептался. Увидев в столовой всех трех сотрудников приемной, Гурронсевас вслух выразил удивление тем, что они как бы оставили отделение без присмотра. Брейтвейт заверил тралтана, что, когда сотрудники этого отделения удаляют-

ся на обед, никто в госпитале сильно не переживает. Гурронсевас решил, что это — очередная ложь во спасение и что его просто стараются развеселить.

Однако довольно быстро разговор пошел серьезно.

— Говорят, в последние дни вы редко навещаетесь к синтезаторам пищи, — вдруг сказал лейтенант Брейтвейт. — И никаких изменений в меню в последнее время не наблюдается. Вы сами так решили или вы просто заняты другими делами? О'Маре хотелось бы знать.

Гурронсевас решил, что в окружении трех психологов скрывать правду бесполезно.

— И то, и другое, — честно ответил Гурронсевас. — Я избегаю встреч с сотрудниками, и работа моя остановилась, но не потому, что мне кто-то мешает, а потому, что мне для продолжения экспериментов не хватает кое-каких материалов. Я намеревался обратиться к Скемптону с просьбой о снабжении меня этими материалами, поскольку они не значатся в обычном перечне поступающих в госпиталь грузов. Может быть, они госпиталю, так сказать, не по карману — мне бы хотелось это выяснить, но мне запрещено обращаться к полковнику.

— Ясно, — кивнул Брейтвейт. Немного подумав, он продолжал: — Знаете что... в нашей психушке заказывают столько всякого разного, что любой заведующий отделением может... Скажите, вы с Торннастором на дружеской ноге?

— Торннастор всегда был со мной любезен, — отвечал Гурронсевас, — но я не вижу никакой связи. Причем тут Главный диагност Отделения Патологической физиологии?

— Понятное дело, не видите, — вступил в разговор Лиорен. — Пока по крайней мере. Но если вам удастся объяснить свою проблему Торннастору, то можно будет обойти полковника. Наш главный снабженец, первая заместительница Скемптона — Креон-Эмеш. Они с Торннастором много лет в крепкой дружбе, так что, если один о чем-то попросит, другой ни за что не сумеет ему отказать.

— Понимаю, — сказал Гурронсевас. — Когда два представителя одного и того же вида вступают в продолжитель-

ную эмоциональную и сексуальную связь, они думают и чувствуют как одно существо...

Он не договорил, поскольку у Брейтвейта и Ча Трат, похоже, развилось что-то вроде острой дыхательной недостаточности. Не дав тралтану выразить по этому поводу заботу, Лиорен объяснил:

— Они просто играют вместе в боминат — говорят, на уровне планетарных чемпионатов. Уже десять лет при любой возможности. Креон-Эмеш — нидианка, так что связь у них чисто дружеская, а никак не физическая.

— Мои глубочайшие извинения обоим существам, — смущенно пробормотал Гурронсевас. — Но если Креон-Эмеш — заместительница Скемптона, она не проболтается?..

— Нет, — решительно заявил Брейтвейт. — Может быть, я и разглашу секретные сведения из психофайла Креон-Эмеш...

— Я бы в этом даже не сомневался, — вставил Лиорен.

— ...Если я скажу вам, что наша главная снабженка — существо умное, способное, амбициозное и к начальнику своему по пустякам не обращается, да и не только по пустякам — и по более серьезным вопросам, когда способна их решить самостоятельно. Короче говоря, она являет собой редкий экземпляр заместителя, который постоянно старается оставить начальство без работы. Скемптона она уважает, но не обожает. Она, конечно, знает, что в данное время полковник вас не жалует, но если бы вам удалось вызвать ее на матч по боминату...

— Лейтенант, — вмешалась Ча Трат, — у вас такой изобретательный и изворотливый ум! Вы сами, случайно, в боминат не играете?

— ...то вы получили бы все, что вам нужно, — закончил фразу Брейтвейт, не обращая внимания на то, что его прервали. — А полковник ровным счетом ничего об этом не узнает. Или вы хотите, чтобы я предварительно переговорил с Креон-Эмеш?

— Не нужно, — возразил Гурронсевас. — В свое время я тоже играл в боминат, правда, только на уровне городского чемпионата. Тем не менее у нас с Креон-Эмеш най-

дется тема для разговора. Я чрезвычайно благодарен и за предложение, и за то, что вы не против мне помочь, но я предпочел бы все сделать сам.

— Ну, если вы тоже играете в боминат, — улыбнулся Брейтвейт и развел руками, — то волноваться вам абсолютно не о чем. Ну ладно, хватит нам обсуждать всю эту изысканную дипломатию и изощренные расчеты. Какие еще кулинарные сюрпризы вы для нас приготовили?

Комната Креон-Эмеш оказалась просторной для нидианки, но представители всех остальных видов должны были в этом помещении испытывать жесточайшую клаустрофобию. Потолок нависал так низко, что, даже согнув до предела ноги и обхватив их руками, Гурронсевас задевал макушкой потолок и боялся, что, пошевелившись, повредит декоративные растения, висевшие на стенах, или сломает поразительно хрупкую мебель. В одном из углов комнаты пространство на полу было расчищено, а потолок значительно приподнят. Вероятно, это место предназначалось для гостей, так сказать, крупногабаритных, типа Торннатора. Гурронсевас, облегченно вздохнув, перебрался в эту зону.

— Вы ко мне, естественно, не в боминат играть явились, — заметила Креон-Эмеш, не дав Гурронсевасу сказать ни слова. — Это мы отложим на потом. Торни утверждает, что моя комната похожа на гнездышко какого-то тралтанского грызуна, так что, если вы начнете говорить комплименты насчет моего жилища, я не поверю ни единому вашему слову, а потому не тратьте время понапрасну. Что конкретно вам от меня нужно?

Гурронсевас постарался не обидеться. Он многое знал о нидианах, и в частности то, что положения доминирующего вида на своей родной планете они добивались не из-за физической силы и не из-за того, что природа одарила их мощными органами нападения и защиты. Просто им так хотелось, и они этого добились — добились за счет упрямства, нетерпеливости и злости. Однако Гурронсевас никак не мог отказаться от демонстрации правил хорошего тона.

— Тем не менее, — сказал он, — я должен поблагодарить вас за то, что вы согласились встретиться со мной, и тем более — в свободное время, когда вам нужно бы отдохнуть.

— Рабочее время, свободное время, ха! — мотнула головой нидианка в сторону дисплея компьютера. Она явно не смотрела развлекательное шоу: на экране тянулись колонки цифр. — Для тех, кто по уши в работе, разницы никакой. Но судя по тому, что я слышала о вас, с вами такая же история? Итак: что именно вам от меня нужно?

— Мне нужны сведения о процедуре выполнения заказов на снабжение, ваша помощь и сочувствие, — выпалил Гурронсевас, поняв, что приукрашивать речь смысла нет ровным счетом никакого.

— Яснее, — потребовала Креон-Эмеш.

«Придется немного приукрасить», — подумал Гурронсевас. Тут он никак не смог бы обойтись парой слов. Он сказал:

— Знаете, когда я прибыл в госпиталь, у меня с собой было совсем немного личных вещей, поскольку, как вы знаете, тралтаны не носят одежды и пренебрежительно относятся к раскраске тела. Я привез с собой некоторое количество трав, специй и приправ, употребляющихся на Тралте, на Земле, на Нидии и на нескольких других планетах, где приготовление пищи — скорее производство искусства, чем способ удаления из еды бактерий. Практически все мои запасы подошли к концу, и мне бы хотелось их пополнить, чтобы внедрить результаты моих экспериментов в общей столовой для сотрудников. Мне бы хотелось, чтобы меня в этом госпитале запомнили не только в связи с катастрофой на двенадцатой грузовой палубе и разгромом в чалдерианской палате.

— Да-да, я вам сочувствую, — нетерпеливо прервала тралтана Креон-Эмеш. — Что вы от меня хотите?

— Покуда речь идет о приготовлении еды для тестируемого субъекта, мои запасы тратятся в минимальных количествах, — продолжал Гурронсевас, — но когда речь пойдет о питании всех и каждого, потребуется гораздо больше.

— Ну, так закажите, что вам нужно, — фыркнула Креон-Эмеш. — У вас же есть лимит.

— Есть, и притом очень щедрый, — уныло проговорил Гурронсевас, — но его, увы, не хватит. Вот почему я мечтал переговорить с полковником Скемптоном. Я хотел упростить его увеличить этот лимит. Необходимые мне закупки надо сделать на нескольких планетах, а одни транспортные расходы перекроют лимит.

Креон-Эмеш резко, громко гавкнула.

— Вы плохо осведомлены, Гурронсевас. Вы, видимо, были просто слишком заняты и ни с кем из снабженцев на эту тему не разговаривали. Ваши заботы — это то, как готовить пищу, а не раздумывать о том, как она к нам попадет. Не досади вы так Скемptonу, он бы вас уже давно вразумил на предмет того, как мы работаем. Теперь это придется сделать мне. Сидите тихо и слушайте внимательно.

Как вы знаете, — затараторила Креон-Эмеш, — снабжением госпиталя всем необходимым ведает Корпус Мониторов. Для этой цели Корпус использует ограниченную долю общего бюджета Федерации, а Федерация финансирует сам Корпус. Госпиталь получает через систему снабжения хирургический инструментарий самой разной спецификации, оборудование, медикаменты, баллоны и цистерны с газами, позволяющими создать нужные среды обитания для представителей разных физиологических классификаций, ну и конечно, пищевые концентраты для загрузки синтезаторных установок и баллоны со смесью для худлариан и хлором для илленсиан. Последние проще импортировать. Корпус Мониторов занимается также доставкой в госпиталь пациентов, которым не в состоянии помочь медики на уровне планет, а также сюда привозят жертвы космических аварий и особей из числа только что обнаруженных видов, нуждающихся в лечении или операциях. В связи с тем, что суда Корпуса Мониторов — это не грузовики, наши сотрудники договариваются о чартерных рейсах таких кораблей, как «Тривеннлет». Поэтому нет ничего невероятного в том, чтобы, немного поломав голову и подойдя к решению вопроса творчески, не выйти за рамки

вашего лимита и приобрести все, что вам нужно, и это будет доставлено из любого уголка обитаемой Галактики. Транспортные расходы уйдут на счет Корпуса. У них лимита хватит — своих грузов столько, что ваши останутся песчинкой в море. Вы меня понимаете, надеюсь?

Гурронсевасу показалось, что в комнате нидианки вдруг установилась невесомость — такая тяжелая ноша вдруг упала с его плеч. Но не успел тралтан подобрать слова, какими хотел бы выразить свою благодарность, как Креон-Эмеш уже заговорила снова.

— Итак: вопрос доставки вас волновать не должен, — сказала нидианка и снова гавкнула — на сей раз негромко. — Хотя не так давно вы нанесли нашей службе значительный ущерб. У вас есть перечень необходимых вам вещей?

— Благодарю вас, есть, — выдавил Гурронсевас. — Большую часть я помню наизусть. Но скажите, то, что вы делаете для меня, никак не повредит вашей карьере? И... вы... вам я так же досадил, как Скемptonу? И еще: вы уверены, что вам удастся все скрыть от полковника?

— Отвечаю по порядку: нет, нет и нет, — раздраженно проговорила Креон-Эмеш. — От полковника ничего скрыть нельзя — сама система нашей работы препятствует этому. Скемpton прекрасно знает обо всем, чем мы занимаемся, но, как уже неоднократно говорилось, жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на просмотр каждого заказа на снабжение. Таких заказов к нам в среднем поступает несколько тысяч за день. Эту работу Скемpton поручает тем, кому он доверяет. В моем случае это не совсем оправданно, как видите. И если в заказе все указано верно и заказанные количества тех или иных вещей не превышают разумные количества, все проходит как по маслу. Если я увижу, что что-либо из того, что вы предполагаете заказать, может вызвать подозрения в Отделе Снабжения, я вам посоветую еще раз все продумать.

Кроме того, советую запомнить: лучше сразу заказать все оптом, чем заказывать понемножку — так меньше шансов, что вас выследят. Итак, что вам нужно прежде всего?

Гурронсевас был готов бесконечно благодарить нидианку, но ту, похоже, интересовали только его потребности,

которые из-за легкости, с коей нидианка излагала подробности работы системы снабжения, стали более обширными и дерзкими. Гурронсевас приступил к перечислению того, что ему было нужно. Какое-то время Креон-Эмеш равнодушно его выслушивала, но вдруг залаяла и заслонила передними лапками.

— Нет, — решительно заявила она. — Листьев орлигианского растения крегги, собранных ранним утром, вы не получите. Гурронсевас, будьте разумны.

— Я разумен, — возразил тралтан. — Эти листья обладают способностью тончайшим образом улучшать вкус еды. Способность веществ, входящих в листья, не наносить вред представителям различных видов доказана в многочисленных опытах, и множество поваров на разных планетах пользуются ими для приготовления блюд для теплокровных кислородо-дышащих существ. Я благоразумен и... разочарован.

— И еще забывчивы, — добавила нидианка. — Листья придут в госпиталь не раньше, чем через три дня после сбора урожая — таков срок гиперпространственного скачка до госпиталя от Орлигии. Наши сотрудники на Орлигии просто отправят нам эти листья, однако грузы, доставляемые с помощью гиперпространственных скачков, — это только медикаменты, в которых имеется срочная потребность. Кроме того, таким путем доставляют в госпиталь пациентов, нуждающихся в неотложной помощи. Срочный гиперпространственный скачок корабля с грузом каких-то листьев непременно привлечет к себе внимание полковника. Нет, это недопустимо. Соглашайтесь на листья, высушенные холодом, которые будут доставлены обычным рейсом. Тогда скажу вам «да».

Гурронсевас немного подумал и сказал:

— Растение, которым можно было бы заменить крегги, растет на Земле. Оно называется мускатный орех. Разница во вкусе слишком тонка, чтобы ее распознал кто-либо, кроме супергурмана, а перевозить мускатные орехи несложно. Я добавлял немного мускатного ореха в блюдо из кореллианской рыбы струуль, дабы придать ему приятный вкус. А на Нидии я пользовался соусом, в который вводил крошечное количество мускатного ореха. Этот соус подавался к взбитому кригльюту...

— Вы собираетесь внести в наше меню кригльют? — радостно воскликнула Креон-Эмеш. — Это мое любимое блюдо с той поры, как у меня выросла взрослая шерсть!

— При первой же возможности приготовлю, — подтвердил Гурронсевас и добавил: — Для приготовления блюд для нидиан и других видов мне будет достаточно пятидесяти фунтов мускатного ореха.

Креон-Эмеш покачала головой.

— Вы меня плохо слушали, Гурронсевас. Я только тем и занималась, что мысленно увеличивала то втрое, то вчетверо количества всего, о чем вы просите. Вы явно занижаете свои требования. Я же вам говорила: все, что заказывается в малых объемах, привлекает внимание. Работники, ведающие разгрузкой, как только заметят упаковки скромных габаритов, так сразу подумают, что это — срочно необходимые медикаменты, снабженные по ошибке неверной кодировкой, и распакуют груз, а уж тут он, естественно, привлечет внимание полковника Скемптона. Я бы на вашем месте заказала пять тонн этой специи, раз она так популярна у существ разных видов.

— Но эта специя применяется в мизерных количествах! — запротестовал Гурронсевас. — Пять тонн мускатного ореха — этого же хватит на сто лет!

— Через сто лет госпиталь никуда не денется, — невозможно заявила нидианка. — Подозреваю, и через сто лет его обитатели будут отправлять пищу в свои ротовые отверстия. Еще что-нибудь будете заказывать? Мне бы хотелось до вашего ухода сразиться с вами в боминат.

Глава 14

Придя в Отделение Патологической физиологии, Гурронсевас вдруг вспомнил о том, как работал на Нидии, как каждый день отправлялся к местному мяснику-универсалу, у которого покупал свежее мясо для приготовления блюд, предназначен-

ных для всеядных и плотоядных посетителей ресторана «Кроминган-Шеск». Здесь, в госпитале, Главному диетологу не позволялось при приготовлении пищи использовать ни целые, ни расчлененные тушки каких-либо животных, поскольку в прошлом то были носители разума. Устав госпиталя на этот счет был суров и непоколебим. В питании не употреблялось настоящее мясо — ни свежее, ни мороженое.

С Торннастором, унаследовавшим рассеянность от нескольких обитателей своего сознания (как все диагносты, Торннастор был носителем множества мнемограмм — записей мыслительных процессов светил медицины разных видов), Гурронсевасу поговорить почти не удавалось, но зато патофизиолог Мэрчисон и другие сотрудники с готовностью помогали Главному диетологу, относились к нему по-дружески, а теперь многие из них стали говорить ему комплименты.

— Доброе утро, — поприветствовала Гурронсеваса Мэрчисон, оторвавшись от сканера, которым исследовала некий орган — какой, Гурронсевас не понял, как не понял, кому принадлежал этот орган. — Вы нас снова удивили! Мой су... я хотела сказать, диагност Конвей благодарит вас за синтетические отбивные, что бы вы там с ними ни сотворили. Я к нему присоединяюсь, как, думаю, и многие другие земляне. Прекрасная работа, Гурронсевас.

Работая в должности Главного диагноста Отделения Хирургии, Конвей стоял на второй ступени в иерархии медиков госпиталя, уступая пальму первенства только Торннастору. И еще Конвей был супругом Мэрчисон. В том положении, в которое теперь угодил Гурронсевас, похвалы высших чинов были ему не только приятны, но и полезны.

Крайне довольный комплиментом, Гурронсевас скромно ответил:

— Изменения минимальны и заключались большей частью во внешнем виде блюда. Тут все дело в кулинарной психологии, и не более того.

— Изменения в меню диагноста, — изрек Торннастор, обратив к Гурронсевасу один глаз и заговорив с ним лично впервые за три дня, — не такая уж малость.

Гурронсевас не стал спорить. По его мнению, все диагностики госпиталя, а также Старшие врачи, занимающиеся обучением практикантов всех мастей, представляли собой в отношении к еде настоящих извращенцев, а извращенность их была связана с тем, какое число мнемोगрамм вмещало их сознание. И чем больше было мнемोगрамм, тем сильнее были извращены вкусовые ощущения. Населявшие сознание диагностов и Старших врачей доноры зачастую завладевали их привычками, точками зрения, эмоциональными реакциями, ну и естественно, вкусовыми ощущениями и пристрастиями.

Гурронсевас знал, что система мнемोगрафии необходима для работы госпиталя, поскольку ни один врач, каким бы светилом он ни был, не мог удержать в памяти все данные физиологии и патофизиологии, необходимые для лечения такой массы пациентов разных физиологических классификаций. А при использовании мнемोगрамм невозможное превращалось в несложную рутину — порой не слишком приятную. Врач, столкнувшись с необходимостью лечения пациента определенного типа, на время лечения получал запись памяти врача, досконально сведущего в вопросах медицины, связанных с лечением этого вида пациентов, после чего запись из его памяти стиралась. К стиранию прибегали в связи с тем, что при получении мнемोगраммы реципиент получал не только знания инопланетного медика, но обзаводился параллельно всеми аспектами его личности и менталитета. Донорское сознание порой отказывалось занимать подчиненное положение по отношению к сознанию реципиента — ведь донорами мнемोगрамм становились самые большие специалисты в конкретной области, поэтому порой создавалось впечатление, что устами реципиента глаголет донор. Удерживать мнемोगраммы в своем сознании длительное время позволялось только Старшим врачам и диагностам, чья психическая устойчивость была подтверждена соответствующими тестами. Эти существа вели постоянную учебную работу или осуществляли определенные научные исследования. Однако за эти привилегии приходилось платить.

Психологические проблемы Гурронсеваса не волновали, хотя одну из них, он, похоже, вот-вот должен был разрешить. Он постепенно расширял меню диагностов и вскоре мог получить возможность удовлетворить запросы всех высокопоставленных медиков госпиталя. Уже в скором времени существам типа Торннастора, у которого аппетит соответствовал обычному аппетиту тралтана с такой массой тела, предстояло перестать томиться за столами, отвернувшись от тарелки в тщетных попытках утаить ее содержимое от своих «альтер эго», у которых один вид пищи, потребляемой в данный момент, мог вызвать глубочайшее отвращение, что могло передаться сознанию носителя мнемोगрамм. Теперь напичканный мнемोगраммами реципиент мог спокойно заказать блюдо себе по вкусу, но при этом внешний вид его должен был устроить и живущего в его сознании донора. Частота случаев отказа от еды среди среднего медицинского персонала должна была пойти на убыль. Гурронсевасу сообщали о том, что даже злобный О'Мара в последнее время сдержанно хвалит перемены такого рода.

Однако не пристало светилу космической кулинарии непрестанно заниматься самоуничтожением.

— Согласен, это действительно дело серьезное, — сказал Гурронсевас Торннастору. — Идея мне пришла в голову простая, но гениальная, и таких идей еще будет немало.

Торннастор издал низкий, стонущий звук. При общении одного тралтана с другим такой звук означал заботу и предупреждение. Мэрчисон обратила это междометие в слова:

— Будьте осторожны, Гурронсевас. После случая с «Тривеннлетом» вам не следует привлекать к себе внимание.

— Спасибо вам за заботу, патофизиолог, — ответил Гурронсевас. — Но мною владеет надежда на то, что вряд ли со мной может случиться что-то ужасное, — ведь мной движет только забота о всеобщем благе.

Мэрчисон негромко рассмеялась и сказала:

— Ну хорошо, если вы к нам явились не с визитом вежливости, что маловероятно, выкладываете, какие у вас нынче сложности?

Гурронсевас помолчал, собрался с мыслями и ответил:

— У меня две проблемы. Во-первых, мне нужен ваш совет относительно высказанных мною предложений по изменению состава худларианской питательной смеси...

Далее он вкратце описал свое посещение «Тривеннлета» и те мысли, которые пришли ему в голову во время пребывания посреди искусственной бури на рекреационной палубе корабля, где кишмя кишели худларианские кровососы. Гурронсевас продемонстрировал своим собеседникам сосуд со взятой на рекреационной палубе пробой, где сновали насекомые, до сих пор пытавшиеся прокусить прозрачные пластиковые стенки. Диетолог сказал о том, что, судя по тому, что ему рассказали худлариане, действие, оказываемое укусами этих насекомых на органы поглощения питания, приятно, тонизирующе, безвредно и аналогично пребыванию в родной бульоноподобной стихии.

— Но хотя я понимаю, что сотрудникам-худларианам было бы очень приятно заполучить рой этих насекомых в свои помещения, я понимаю и то, — продолжал развивать свою мысль Гурронсевас, — что этого делать нельзя. Я предлагаю другое. В том случае, если Отделение Патологической физиологии одобрит мой замысел и проанализирует яд этих насекомых на токсичность, его можно было бы затем в малом количестве ввести в состав питательной смеси. Если бы удалось продуцировать этот яд в форме аэрозоля, то небольшая модернизация распылительного устройства могла бы позволить выпускать яд из баллона с определенными промежутками, и тогда он воздействовал бы на органы поглощения питания худлариан примерно так же, как укусы насекомых...

— Просто немыслимо! — прервал Гурронсеваса Торн-настор, посмотрев на сородича на сей раз сразу всеми глазами. — Неужели вы забыли о том, что здесь — больница, где мы должны лечить разных существ, а не пытаться отравить их? Вы намереваетесь нарочно ввести токсичное вещество в худларианскую питательную смесь и желаете, чтобы мы вам в этом помогли?

— Полагаю, что вы передали мою мысль в чрезвычайно упрощенном виде, — отозвался Гурронсевас, — но в принципе передали верно.

Мэрчисон покачивала головой, но улыбалась. И она, и Главный диагност молчали.

— Я не врач, — продолжал Гурронсевас. — Однако все худлариане-медики, с кем я имел счастье обсудить эту идею, утверждают, что добавление токсичного вещества в их питательную смесь в мизерных количествах сделает их питание более приятным, и они совершенно уверены в том, что никаких вредных эффектов не последует. Я склонен доверять подобной уверенности, когда речь идет о субъективных удовольствиях. Припомните хотя бы длительное жевание листьев орлигланского хемпа, курение земного табака или питье ферментированного дверланского скранта. Эти привычки практически не наносят вреда здоровью, но приносят удовольствие. Вот почему я обратился к вам за помощью — хочу выяснить, безвредным ли окажется такое изменение в худларианском меню.

А если оно окажется безвредным, — поспешно проговорил Гурронсевас, не давая слушателям возможности возразить, — вы только представьте себе, каковы будут результаты! Худлариане перестанут падать в голодные обмороки из-за того, что будут забывать о безвкусной еде, — они станут стремиться во что бы то ни стало подкрепиться новой порцией смеси. И если результаты эксперимента окажутся положительными, я не вижу причин, почему не внедрить их на кораблях и космических стройках, где вдали от родной планеты трудятся худлариане. Для меня, Гурронсеваса Великого, это явится очередным триумфом, который вновь прославит мое имя на всю Федерацию. Уверяю вас, для меня это немаловажно. Безусловно, я готов отблагодарить по достоинству ваше отделение за советы и помощь, которые...

— Я вас понял, — прервал его Торннастор. — Но если те изменения, которые вы предлагаете внести в состав худларианской питательной смеси, окажутся не безвредными, мне придется заговорить о них на ближайшем собрании диагностов, где, к сожалению, будет присутствовать пол-

ковник Скемптон. Желаете рискнуть и привлечь его внимание к своей персоне?

— Нет, — твердо ответил Гурронсевас и чуть погодя добавил: — Но мне трудно свыкнуться с той мыслью, что от изменений в питании худлариан, которые могли бы повлечь за собой позитивные результаты для всего населения планеты Худлар, следует отказаться из-за моей личной трусости.

Торннастор устремил взгляд трех из четырех глаз на лабораторный стол и распорядился:

— Оставьте ваши пробы патофизиологу Мэрчисон. Если не ошибаюсь, вы сказали, что у вас две проблемы? Какова же вторая?

— Проблема заключается в том, — ответил Гурронсевас, уже развернувшись к выходу, — что одно новое блюдо нужно мгновенно разогреть до сверхвысокой температуры на точно рассчитанное время — так, чтобы корочка запеклась, а внутри блюдо оставалось холодным. Проблема эта носит скорее технический, нежели медицинский характер, поэтому я намерен обратиться к инженерам. Мне придется довольно долгое время пробыть на инженерном уровне и ознакомиться с процессом транспорта пищи и системой теплообмена, расположенными вблизи теплового реактора. В данном случае речь не идет о введении в блюдо каких-либо токсичных добавок, я также не собираюсь вносить какие-либо изменения в существующую конструкцию оборудования. Мой замысел совершенно безопасен и не должен вызвать никаких неполадок.

— Я вам верю, — вздохнула Мэрчисон и взяла у Гурронсеваса сосуд с пробой. — Но почему же мне не по себе?

Восемь дней спустя Гурронсевас вспоминал об этих словах Мэрчисон и о своей дурацкой уверенности, пребывая в очередной раз «на ковре» у О'Мары, который в переносном смысле сдирал толстенную кожу со спины тралтана, достигая при этом почти буквального эффекта. Попытки Гурронсеваса объясниться и оправдаться только еще сильнее выводили из себя Главного психолога.

— Мне нет никакого дела до того, была ли то простая техническая операция, которую в обычном порядке проводят техники Эксплуатационного отдела каждые две недели, — говорил О'Мара странно тихим голосом, и чем тише он говорил, тем страшнее становилось Гурронсевасу. — Мне все равно, что инструкция по технике безопасности утверждает, что поломки такого рода — дело обычное и что резервная система обеспечила отсутствие аварии. На этот раз на месте поломки находились вы, а этого, как нам уже известно, обычно достаточно для возникновения аварии. На этот раз датчики засекли какие-то неизвестно откуда взявшиеся пепел и золу на том месте, где, по идее, должен был находиться подвижный цилиндр, блокирующий трубу аварийной подачи хладагента и нуждающийся в замене. Из-за того, что датчики заподозрили сильное загрязнение системы теплообмена, был отключен реактор и госпиталь лишился...

— Этот пепел совершенно безвреден, — проямлил Гурронсевас. — Самая простая органическая смесь, состоящая из...

— Это мы с вами знаем, что он безвреден, — оборвал объяснения диетолога Главный психолог. — Это вы мне уже рассказывали и разъясняли, зачем вам это понадобилось. Но вот эксплуатационники об этом не ведают и в данное время заняты самым скрупулезным изучением причин этого аварийного инцидента, угрожавшего жизни множества сотрудников и пациентов. Полагаю, примерно через два часа они узнают правду и доложат о случившемся полковнику Скемптону, и он пожелает повидаться со мной и поговорить, как вы понимаете, о вас.

Помолчав какое-то время, О'Мара продолжал, но теперь к гневу в его голосе примешалось сочувствие.

— На этот раз я должен буду заверить его в том, что вы покинули госпиталь.

— Но... но, сэр, — запротестовал Гурронсевас. — Это несправедливо! Поломка запчасти — это случайность, моя вина была косвенной, а обвинение непомерно! И... два часа!

Такая трата времени! Мне нужно отдать распоряжения моим подчиненным в Отделе Синтеза...

— Ни у кого из нас нет времени на обсуждение того, что есть справедливость и что такое разумное поведение, — негромко проговорил О'Мара. — У вас не будет даже времени, чтобы с кем-то лично попрощаться. Вас ждет Лиорен. Он поможет вам собраться и немедленно проводит вас на корабль...

— Куда отправляется корабль?..

— Который, выполнив свое основное задание, — продолжал О'Мара, игнорируя вопрос, но между тем все же отвечая на него, — либо доставит вас сюда, где вам предстоит встретиться со своей судьбой, либо высадит на той планете, которую вы укажете капитану. Но это, безусловно, в том случае, если вы постараетесь ничем не досадить командиру корабля. Удачи, Гурронсевас. Уходите. Немедленно.

Глава 15

С Лиореном в отличие от О'Мары удалось договориться и убедить его в том, что время, отведенное на сборы, можно немного растянуть, и, как следствие, улучшить несколько минут на то, чтобы Гурронсевас смог оставить подобные инструкции своим подчиненным — технологам-пищевикам. Однако инструктаж несколько затянулся, так как сотрудники наперебой выражали свое сожаление по поводу увольнения Главного диетолога и желали ему удачи, но при этом упорно не желали слушать его наставления. Словом, к тому времени, когда истекли два часа и Гурронсевас должен был покинуть госпиталь, он чувствовал себя в высшей степени потерянно.

Однако далеко уйти ему не удалось.

— Я... я ничего не понимаю! — воскликнул Гурронсевас. — Это космический корабль! Небольшой пустой корабль, на котором подача энергии минимальна, судя по

тусклому освещению. Помещение, где мы находимся, — не пассажирская каюта. Где я? И что я тут должен делать?

— Как видите, — ответил Лиорен, включая свет, — вы находитесь на медицинской палубе специального корабля-неотложки «Ргабвар». Вам следует спокойно, без паники дожидаться его старта. Покуда вы тут находитесь, все те, кто об этом знает, могут совершенно честно заявлять, что вы вне стен госпиталя — фактически это так и есть.

Будучи тралтаном, — продолжал Лиорен, — вы привыкли спать стоя, поэтому с физической точки зрения неудобств вы здесь испытывать не будете. Только никуда не ходите и ничего не трогайте. За исключением этой палубы, корабль устроен так, что работать на нем могут только земляне или существа с такой же или меньшей массой тела. Офицеры и бригада медиков будут с вами любезны, если вы, конечно, тут ничего не сломаете.

Устройство доставки пищи на медицинскую палубу расположено здесь, — указал Лиорен. — Компьютер, установленный на сестринском посту, позволит вам узнать все, что вы пожелаете, о «Ргабваре». Советую вам основательно изучить эти сведения до старта. Если заскучаете — переключайтесь на образовательные или развлекательные каналы, но коммуникатором не пользуйтесь, потому что официально вас здесь как бы нет. Не делайте ничего такого, что могло бы привлечь к вам внимание. Не покидайте корабль даже на короткое время, не показывайтесь в переходном шлюзе и примыкающем доке. Я постараюсь навещать вас как можно чаще.

— Прошу вас, скажите, — взмолился Гурронсевас, — я что, кто-то вроде «зайца»? Команда знает о том, что я здесь? И долго ли мне ждать?

Лиорен остановился около люка и сказал:

— Относительно того, каков ваш статус на борту корабля, я не в курсе. Медики, работающие на «Ргабваре», о вашем присутствии знают, но корабельные офицеры — нет, поэтому вам не следует показываться им на глаза до завершения первого гиперпространственного скачка. Сколько вам придется ждать — не знаю. Судя по доходившим до

меня слухам — пять дней, а может быть, и дольше. Те, от кого зависит решение, пока в раздумьях. Если я разужнаю поточнее, я вам сразу же сообщу.

И прежде чем Гурронсевас успел задать следующий вопрос, Лиорен исчез в переходном шлюзе.

Гурронсевас дождался мгновения, когда смятение уступило место любопытству. Тогда он принялся осторожно ходить по палубе, стараясь не наступать ни на что, кроме пола, и осматривать место своего временного заключения.

Каждая из стен отсека была снабжена большим иллюминатором. В первом виднелась гладкая металлическая стена — скорее всего наружная обшивка госпиталя. Во втором — часть стыковочного узла. Два других выходили на дельтаобразные белые крылья «Ргабвара». Стены в промежутках и вокруг иллюминаторов были увешаны и заставлены всевозможным оборудованием, назначение которого осталось бы непонятным Гурронсевасу, даже если бы приборы были хорошо освещены. Посередине в полу и потолке имелись круглые отверстия для перехода на другие палубы. Эти колодцы были оборудованы лестницами для прохода существ разных видов, но для тралтана были узковаты.

Компьютер, на который Гурронсевасу указал Лиорен, стоял в окружении бездействующего оборудования для медицинского мониторинга. Чувствуя себя по-прежнему не совсем в своей тарелке, Гурронсевас набрал код главной библиотеки госпиталя, попросил перевод на тралтанский с речевым сопровождением и запросил информацию о корабле-неотложке «Ргабвар».

На экране появилось сообщение, сопровождаемое речью:

— Сведения на эту тему не засекречены. Пожалуйста, уточните запрос или выберите из следующих подзаголовков: «Принципы конструкции корабля». «Инженерные и медицинские системы, подсистемы и оборудование». «Резервы энергетических ресурсов и продолжительность полетов». «Состав команды и бригады медиков». «Медицинские отчеты о предыдущих полетах». Резюме нетехнического характера.

Чувствуя себя невежественным дитятей, Гурронсевас выбрал последний из предложенных ему пунктов. Но как

только экран начал выдавать изображение, а громкоговоритель — сопроводительный текст, Гурронсевас изумился: резюме начиналось с изложения истории создания Галактической Федерации, причем изложение велось в рамках философской концепции, которая оказалась для Гурронсеваса совершенно новой.

На экране появилось небольшое, но на редкость четкое изображение трехмерной модели двойной галактической спирали, где были видны главные системы и граничащая с этой галактикой другая. Гурронсевас слушал текст, и вдруг близко к одному из витков спирали появилась ярко-желтая линия, затем еще одна и еще — так были обозначены связи между Землей и ее первыми колониями, а также контакты с Орлигией и Нидией — первыми планетарными системами, с которыми земляне наладили дружественные отношения. Вскоре возник еще один пучок желтых линий — то было схематическое изображение колониальных и дружественных связей Тралты.

Прошло еще несколько десятилетий, прежде чем те планеты, которые были доступны для посещения орлигиан, нидиан, тралтанов и землян, стали доступны друг для друга. Четкий бесчувственный голос рассказал о том, что в те далекие времена разумные существа сохраняли в отношении друг друга подозрительность и недоверчивость.

В частности, между Землей и Орлигией на ранних стадиях общения вспыхнула война — первая межзвездная, но она же последняя. В резюме и время, и расстояния между мирами были сжаты до предела.

Паутина желтых линий разрасталась и разветвлялась, обозначая установление дипломатических, а затем и торговых отношений с Кельгией, Илленсией, Худларом, Мельфой и их колониями. Визуально картина не имела вида правильной прогрессии. Линии уходили к центру Галактики, возвращались к краю спирали, сновали между зенитом и надиром и даже вырывались в межгалактическое пространство, где тянулись к звездной системе Иан, хотя, если быть до конца точным, первыми это расстояние преодолели сами иане. Когда в конце концов линиями были со-

единены все планетарные системы, входящие в состав Федерации, получилась сухая путаница, напоминавшая разве что нечто среднее между молекулой ДНК и тем, как тралтанский ребенок нарисовал бы куст брамбла.

Зная точные координаты планеты, являющейся целью путешествия, через подпространство было легко добраться до соседней солнечной системы и до другого края Галактики. Но прежде всего нужно было обнаружить обитаемую планету, для того чтобы определить затем ее координаты. А это казалось совсем непростой задачей.

Белые пятна на звездных картах исчезали медленно, и далеко не всегда открытия приносили обнадеживающие результаты. Кораблям-разведчикам Корпуса Мониторов крайне редко удавалось обнаруживать звезды, окруженные планетарными системами. Еще реже в планетарных системах обнаруживались обитаемые планеты. Ну а если на обитаемой планете обнаруживали разумную жизнь, ликованию не было предела, если, конечно, ничто не грозило всегалактическому миру. Затем на новооткрытую планету отправлялись специалисты по осуществлению первого контакта из рядов Корпуса Мониторов, которые одну процедуру осуществляли, после чего приступали к углублению контактов — делу длительному и порой небезопасному.

Затем на экране пошел сведенный в таблицы перечень проведенных мероприятий в этой области с указанием числа кораблей, количества членов экипажей и стоимости операций. Цифры были так велики, что не поддавались осознанию. Компьютерный голос продолжал вещать:

— За последние двадцать лет было осуществлено три процедуры первого контакта, и все они привели к тому, что новооткрытые виды были затем приняты в состав Галактической Федерации. В это же время на полную мощность заработал Главный Госпиталь Двенадцатого Сектора Галактики, который также проводил мероприятия по установлению Первых контактов. Стараниями сотрудников к галактической Федерации присоединилось еще семь новых видов.

Конечно, может быть, Гурронсевасу и показалось, но, похоже, в синтезированном голосе компьютера появились нотки гордости и самодовольства.

— Во всех случаях контакты были установлены не путем долгих переговоров, выработки сложных философских и социологических концепций, а всего лишь за счет спасения жизни и оказания помощи заболевшим или пострадавшим в космической аварии инопланетянам.

Оказывая таковую помощь, сотрудники госпиталя неизменно демонстрировали добрую волю Федерации по отношению к новооткрытым разумным существам, причем более непосредственно и открыто, чем это возможно при переговорном процессе.

В результате в последнее время наметились перемены в стратегии установления контактов...

Путешествовать через гиперпространство можно было единственным способом и подавать сигналы бедствия — тоже. Посылать радиосигналы, пусть даже очень мощные, по подпространству было бесполезно — слишком велик был шанс их искажения излучениями попадавших на их пути звезд. Кроме того, для посылки мощного радиосигнала терпящему бедствие кораблю нужно было истратить значительный объем энергии, которая в подобных случаях вряд ли имела в наличии. А вот аварийные маяки являли собой устройство, способное посылать через гиперпространство крик о помощи в течение нескольких часов или дней. Работали такие маяки на ядерном топливе, которого требовалось мизерное количество. Сигнал пронизывал все частоты связи.

Поскольку от всех кораблей Федерации требовали неукоснительного внесения своих маршрутов в общегалактические файлы, куда также попадали и сведения о пассажирах, по координатам аварийного маяка почти всегда можно было судить о том, существа какой физиологической классификации попали в беду, и тогда с родной планеты путешественников к месту бедствия отправлялся корабль-неотложка. Однако бывали такие случаи, и их было гораздо больше, чем можно было себе представить,

когда бедствие терпели существа, доселе в Федерации неизвестные.

Только в тех случаях, когда корабль-спасатель оказывался достаточно велик и мощен для того, чтобы включить в свою гиперпространственную оболочку пострадавшее судно, и тогда, когда удавалось эвакуировать пострадавших с их корабля на судно Федерации, пациенты в итоге попадали в госпиталь. В результате многие неизвестные науке формы жизни добирались до госпиталя в лучшем случае как материалы для лабораторных исследований.

При установлении контактов Федерация предпочитала опираться на знакомство с существами, уже освоившими межзвездные полеты. При общении с существами, привязанными к поверхности родных планет, могли возникнуть дополнительные сложности: никогда нельзя было с уверенностью заявить, поможет им в будущей жизни первый контакт или, наоборот, навредит. То ли они получают что-то вроде пинка, стимула для развития техники, то ли навсегда погрязнут в пучине комплекса неполноценности, завидев, как на них с небес падают чужие космические корабли.

Ответ на вопросы такого рода искали долго, и в последние годы был найден один из возможных вариантов ответа.

Было принято решение сконструировать и оснастить одно судно, которое отвечало бы только на сигналы таких аварийных маяков, чьи координаты не совпадали бы ни с одним из маршрутов кораблей Федерации, то есть откликалось бы на зов о помощи от существ, Федерации доселе неведомых.

Мало-помалу у Гурронсеваса, все более и более сосредоточивавшегося на впитывании информации, возникло ощущение, что медицинская палуба вокруг него заполняется разбитыми звездолетами, их обломками, мертвыми или полуживыми членами экипажей. Порой останки инопланетян приходилось вытаскивать из пострадавших кораблей с величайшей осторожностью, так как они принадлежали существам, которых в Федерации до сих пор еще ни разу не видели, а ведь существа, страдающие от боли и находящиеся в состоянии помрачения сознания, могли повести

себя дико, необузданно, и тогда бы медицинская помощь могла потребоваться самой бригаде спасателей. Но бывали и другие случаи — такие, когда корабль, подавший сигнал бедствия, никаких наружных повреждений не имел, но в помощи нуждались заболевшие члены экипажа. В таких случаях капитану «Ргабвара» приходилось придумывать, каким путем забраться в чужое судно и как решить опасные инопланетянские инженерные загадки. Капитан «Ргабвара» являлся крупным специалистом в области техники всевозможных существ. После того как он обеспечивал доступ к жертвам аварии или заболевания, к делу приступали медики.

Отчеты «Ргабвара» просто кишели подобными случаями.

Гурронсевас прочел сообщение о том, как «Ргабвар» совершил вылет по сигналу корабля с планеты Слепышей, которые, как оказалось, путешествовали в сопровождении зрячих и жутко злобных Защитников Нерожденных, а те, вдобавок, делили со Слепышами сознание, пребывая в телепатической связи. А еще... еще — вылет по зову какого-то огромного существа, корабль которого потерпел аварию в межзвездном пространстве, и понадобились совместные усилия военных и хирургов, дабы собрать из кусков как сам корабль, так и его владельца и отбуксировать на родную планету. Были еще и дверлане, и иане, и дувцы, и много-много других.

В медицине Гурронсевас разбирался не слишком хорошо, и многие клинические детали ему ничего не говорили, но это уже не имело значения. Он настолько глубоко погрузился в изучение истории трудовой деятельности экипажа «Ргабвара», что и поесть бы забыл, не будь устройство выдачи питания столь удобно вмонтировано в компьютерный стол. С одной стороны, он растревожился — боялся, как бы во время очередного вылета «Ргабвару» не пришлось столкнуться с какой-нибудь ужасной опасностью. С другой — Гурронсевас уже жалел, что не обладает квалификацией, достаточной для того, чтобы принять достойное участие в работе медиков. Особенно тралтан загрустил тогда, когда обнаружил, прочтя список членов экипажа и бри-

гады медиков, что двое их докторов ему хорошо знакомы — Приликла и Мэрчисон.

Экран уже показывал Гурронсевасу схематическое изображение палуб и помещений корабля, голос бесстрастно комментировал чертежи и рисунки. Гурронсевас нажал клавишу паузы. Он устал, звук и свет мешались у него в мозгу в бессмысленные сочетания. Однако он настолько перегрузил себя информацией, что спать ему вовсе не хотелось. Может быть, он просто действительно переутомился, но почему-то сознание подкидывало ему удивительные мысли... Вспоминая обо всем, что ему сказали и сделали Главный психолог и другие сотрудники госпиталя, Гурронсевас ощущал страх, неуверенность, смятение и, как ни странно, надежду.

«Ргабвар» и в самом деле представлял собой очень необычный корабль. Вот-вот он отправится в очередное и скорее всего опасное путешествие. Но что делал на борту этого корабля-неотложки опальный Главный диетолог, если только О'Мара не дал ему еще одного шанса?

Глава 16

Следующие четыре дня пролетели быстро, и Гурронсевас не заскучал. От компьютера он отрывался только тогда, когда у него не оставалось сил держаться на ногах. Тогда он отправлялся на отдых в потайное место — туда, где в углу было составлено несколько ширм, где и пытался (не всегда успешно) подумать о чем-нибудь другом. На пятый день тралтан проснулся из-за того, что включилось освещение и чей-то голос громко произнес:

— Главный диетолог, это я, Лиорен. Просыпайтесь поскорее, пожалуйста. Где вы?

Спросонья Гурронсевасу было тяжело отозваться немедленно, но на поставленный вопрос он ответил — отодвинул одну из ширм.

Когда Лиорен заговорил снова, в голосе его появилась несвойственная резкость.

— Вы возвращались в госпиталь или говорили с кем-либо хотя бы недолго, с тех пор, как мы с вами виделись в последний раз?

— Нет, — честно ответил Гурронсевас.

— Значит, вы понятия не имеете о том, что у нас там творится последние два дня? — спросил тарланин, и его вопрос прозвучал словно обвинение. — Ничего не знаете? Совсем?

— Нет, — ответил Гурронсевас.

Лиорен, немного помолчав, проговорил более мягко:

— Я вам верю. Если вы оставались на «Ргабваре» и ничего не знаете, надеюсь, вы ни в чем не виноваты.

Гурронсевасу не понравился намек на то, что он мог лгать. Стараясь сдержать гнев, он сказал:

— Все эти дни я изучал различные материалы, как вы мне велели. Кроме того, время от времени я размышлял над тем, каково мое будущее. Именно об этом мне бы хотелось поговорить с О'Марой, если бы он смог уделить мне несколько минут. А теперь, прошу вас, скажите мне, пожалуйста, что случилось?

Лиорен явно растерялся. Он имел такой вид, словно хотел изложить нечто в самой мягкой форме. Наконец он изрек:

— У меня для вас две новости. Первая может оказаться для вас неприятной, но информация пока не слишком точна. Вторая может оказаться для вас еще более неприятной, если только не удастся заверить меня в том, что вы к этому не имеете никакого отношения. Начну, пожалуй, с менее неприятной новости.

Дело касается предстоящего вылета «Ргабвара». Пока по этому поводу только ходят слухи. Видите ли, вылет обсуждается в таких высокопоставленных кругах, где сплетничают редко. Посылать сигналы через гиперпространство — удовольствие дорогостоящее, но их уже послано немало. Речь идет о контакте с впервые обнаруженным разумным видом, однако высказываются сомнения относительно того,

что экипажу корабля-неотложки будет под силу решить задачу. Бригада медиков «Ргабвара» полностью уверена в том, что задача ей по плечу, а специалисты по культурным контактам настаивают на том, что это — их работа. Думаю, решение уже принято, но его выполнение отложено из-за эпидемии.

— Какой эпидемии?

Лиорен снова растерялся.

— Если вы не уходили с «Ргабвара» в госпиталь и ни с кем не разговаривали, то вы, конечно, ничего не знаете. Ваше неведение также скорее всего говорит о том, что вы не отвечаете за сложившееся положение дел.

— Какое положение дел? — воскликнул Гурронсевас так громко, что его голос вместе с отчаянием, наверное, мог бы долететь до другого конца стыковочной трубы. — Какая эпидемия? И при чем тут я?

— Надеюсь, не при чем, — отозвался Лиорен. — Прекратите кричать, и я вам все расскажу.

Судя по тому, что поведал Гурронсевасу Лиорен, три дня назад в госпитале разразилась странная эпидемия. Болезнь поразила только теплокровных кислорододышащих — правда, не всех. Она не затронула худлариан, наллахимцев и еще несколько видов. Остались здоровыми и несколько представителей видов, захворавших почти поголовно, — они то ли не заразились, то ли выстояли за счет небывало сильного иммунитета. Симптомы заболевания заключались в тошноте, усиливавшейся в течение первых двух дней, после чего больные теряли способность питаться перорально, и их приходилось переводить на внутривенное питание. Но гораздо серьезнее были другие проявления болезни: за это же время больные теряли связную речь и координацию движений. Пока говорить об успехе внутривенного питания было рано, поскольку слишком многие медики едва держались на ногах и не в состоянии были здраво оценить не только состояние своих пациентов, но и собственное. Между тем все-таки, согласно статистике, тошнота и мозговые нарушения у тех, кто получал внутривенное питание, шли на убыль.

— Но мы не можем себе позволить держать на внутривенном питании неопределенно долгое время всех теплокровных кислорододышащих — их четыреста особей, — продолжал свой рассказ Лиорен. — Даже притом что все трудятся, не покладая конечностей, медиков не хватает. Пока смертельных случаев не зарегистрировано, но за плановыми пациентами уже сейчас ухаживают практиканты и интерны, которые вынуждены превышать свои полномочия. Так что недалеко и до смертельных случаев. Даже подвергнуть пациентов скрупулезному обследованию возможности нет, поскольку болезнью поражены и медики, несмотря на все меры санитарной предосторожности.

Остались здоровыми некоторые врачи старшего звена, — продолжал Лиорен. — Диагност Конвей сказал мне, что его, видимо, спасло то, что он в эти дни так сосредоточился на наллахимском проекте, что ему и в голову не приходило, как можно съесть что-либо, кроме птичьих семян. Он ведь получил соответствующую мнемограмму. Но если имеет место фактор иммунитета, если существует взаимосвязь между едой съеденной и несъеденной и проявлением симптомов...

— Вы предполагаете пищевое отравление? — прервал тарланина Гурронсевас, изо всех сил стараясь сдержать возмущение. — Это оскорбительно, дерзко и невероятно!

— Если учитывать имеющую место во всех случаях тошноту, резонно предположить пищевое отравление, — возразил Лиорен. — Материал для приготовления синтезированной пищи проходит самую тщательную проверку на качество и чистоту перед отправкой в госпиталь и упаковывается таким образом, что его химическое или радиоактивное загрязнение исключается. Множество усилителей вкуса, которые вы в последнее время стали использовать, подвергаются столь же тщательной проверке, но их так много и они столь разнообразны, что резонно предположить, что вещество, вызвавшее интоксикацию или отравление, проникло в госпиталь именно этим путем. Я согласен с вами в том, что маловероятно проникновение недоброкачественного материала в систему обеспечения госпиталя питанием. Маловероятно, но все же вероятно.

— Все возможно, — сердито проговорил Гурронсевас. — Но все же вероятность столь ничтожна, что...

— Не хотелось бы, чтобы меня поняли превратно, — оборвал его Лиорен, — но если вспышка желудочно-кишечных заболеваний связана с загрязнением пищи, вам придется здорово поволноваться, но зато медики ощутят большое облегчение, поскольку в этом случае окажется, что перед ними стоит не такая уж сложная задача. Подобные заболевания лечатся легко. Но если речь идет не о пищевом отравлении и если тошнота окажется второстепенным симптомом заболевания, поразившего головной мозг у ряда существ, то проблема станет куда серьезнее. Это будет означать, что в госпиталь проник доселе никому не известный микроб, способный преодолевать межвидовой барьер. Даже не медику понятно, что это столь же невероятно. Однако на Кромзаге я получил суровый урок и понял, что никакие вероятности нельзя сбрасывать со счетов.

Гурронсевас об этом знал. С того времени, как он совершил свое первое межпланетное путешествие, он постоянно слышал о том, что не рискует подхватить болезни, которыми страдают существа, относящиеся к другим видам. Патогенный микроб, зародившийся на одной планете, не мог вызывать заболевания у существа, зародившегося на другой планете. Этот факт в огромной мере упрощал задачу межвидовой медицинской практики. Между тем Гурронсевас слышал и о том, что медицинские светила Федерации постоянно на чеку на предмет исключений, которые могли бы опровергнуть это правило. Относительно Кромзага Гурронсевас ничего не знал и понятия не имел о том, что там стряслось с падре, но понял, что сейчас лучше его об этом не спрашивать.

— Срочно необходимо, — продолжал Лиорен, — либо подтвердить, либо опровергнуть вероятность пищевого отравления. Обычные процедуры патофизиологического обследования и анализов слишком медленны и пока дают не очень точные результаты. Даже лаборанты — и те заняты лечением больных, либо сами таковыми являются. Помимо всего прочего, многие из них отказываются верить в

возможность пищевого отравления, а потому не желают приниматься за работу в этом направлении. А вот вам лучше знать, что искать и где. Пища — это ваша область, Главный диетолог.

— Но... но это возмутительно! — воскликнул Гурронсевас. — Это просто-таки личное оскорбление! Никогда прежде мне не приходилось выслушивать обвинения в нарушении гигиены приготовления пищи. Чтобы такое число моих работодателей было отравлено!

— Может быть, никакого отравления и нет, — напомнил Гурронсевасу Лиорен. — Именно это вы и должны выяснить.

— Хорошо, — вздохнул Гурронсевас, собрался с духом и сказал: — Мне нужно, чтобы кто-нибудь подробно расспросил больных о том, что именно они ели и когда, заметили ли что-либо необычное в консистенции и вкусе пищи. Кроме того, нужно выяснить, не посещали ли больные какие-либо особые подразделения, не занимались ли они все каким-либо видом деятельности, из-за которого мог произойти контакт с источником инфекции, но не с едой, а с каким-то иным. Затем мне хотелось бы проверить работу главной столовой и дочерних компьютеров, ведающих распределением питания, дабы выяснить, не было ли сбоев или нарушений в меню в то время, как отмечена вспышка инфекции. Все эти сведения я желал бы получить немедленно.

— Могу вам в точности рассказать о том, как вел себя один из пациентов, — спокойно проговорил Лиорен. — Но, Гурронсевас, прошу вас, помните о том, что мысль о пищевом отравлении принадлежит мне, и больше никому. Официально вас в госпитале нет, и если вы в этом деле ни при чем, было бы неправильно, если бы вы обнаружили свое присутствие.

— Если симптомы во всех случаях одинаковы, — сказал Гурронсевас, решив, что больше не станет заниматься самооправданием, — хватит и беседы с одним больным. Кто он такой и к какому виду принадлежит?

— Этим пациентом, — ответил Лиорен, — является лейтенант Брейтвейт. Через двадцать минут после того, как он вернулся из столовой...

— Вы кушали вместе? — поспешно прервал тарланина Гурронсевас. — Вот именно такие сведения мне и нужны! Не могли бы вы вспомнить, какие блюда заказали вы, а какие — лейтенант Брейтвейт? Расскажите мне об этих блюдах все, что вы помните. Любые мелочи.

Лиорен немного подумал и сказал:

— Может быть, это удачно, что я заказал блюдо из тарланского меню — порцию шеммутары с фаасным творогом. Понимаете, в питании я консерватор. На еду, которую заказал Брейтвейт, я особо не смотрел, не видел и кодов заказанных им блюд, поскольку вид большинства земных блюд вызывает у меня неловкость. Мы ели только вторые блюда, потому что Брейтвейт торопился: у него после обеда была назначена личная беседа с О'Марой. Но я все же заметил, что на тарелке у Брейтвейта лежал плоский небольшой кусок синтезированного мяса — земляне называют это блюдо отбивной. Рядом с этим куском лежало несколько круглых, слегка обжаренных овощей и еще кучки каких-то растений. Одни из них были похожи на зеленые шарики, а другие — самые отвратительные — на серые купола. Еще там была лужица какой-то желтовато-коричневатой слизи — скорее всего, какая-то подлива или приправа. И на самой отбивной имелся толстый слой коричневой слизи...

Гурронсевас задумался: интересно, а что бы заметил Лиорен, если бы более внимательно пригляделся к тарелке Брейтвейта?

— Брейтвейт как-либо отзывался, — спросил он тарланина, — о качестве пищи в процессе еды или после?

— Да, — подтвердил Лирен. — Однако ничего необычного в его высказываниях я не заметил. Еще несколько неземлян заказали то же самое блюдо, и я слышал их отзывы. Тут у нас некоторые теплокровные кислорододышащие любят иногда поэкспериментировать — пробуют чужую еду ради остроты вкусовых ощущений. Надо сказать, что

теперь таких экспериментов стало больше — все из-за ваших новшеств. Это с вашей стороны большое достижение, по крайней мере было достижением, пока не...

— Вы мне только расскажите, что именно говорил Брейтвейт, — прервал тарланина тралтан. — Все, что помните.

— Сейчас попробую вспомнить, — проговорил Лиорен, изобразив тарланский жест, по всей видимости, означавший крайнюю степень раздражения. — Вспомнил! Брейтвейт сказал, что у блюда особый привкус и что, когда он жевал мясо, он чувствовал, что оно как-то особенно хрустит. Это показалось ему странным, так как это же самое блюдо он заказывал много раз раньше, но ничего подобного не наблюдал. Еще он сказал о том, что вы постоянно экспериментируете со вкусом разных блюд и что последнее новшество, конечно, странновато, но не смертельно. Затем Брейтвейт ел молча и поспешно, так как боялся опоздать к О'Маре.

По пути к отделению, — продолжал вспоминать тарланин, — Брейтвейт пожаловался на легкое подташнивание, но списал это на собственную поспешность в еде. Затем началось совещание у О'Мары, на котором присутствовал он сам, Брейтвейт и Ча Трат. Речь шла о психопрофилях группы практикантов, недавно прибывших для обучения в госпитале. Дело это сугубо внутриотделенческое, а не личное, поэтому дверь в кабинет О'Мары не была закрыта. Я все слышал, хотя и не видел. Все, чего я не видел, мне затем рассказала Ча Трат.

Лиорен издал ряд коротких, не переведенных транслятором звуков, затем громко прочистил дыхательные пути и продолжал рассказ:

— Прошу вас извинить меня, Гурронсевас. На самом деле смеяться, конечно, не над чем. Брейтвейт стал жаловаться на усиливающуюся тошноту, однако на вежливые вопросы Ча Трат относительно своего самочувствия отвечал резко и нелицеприятно, принялся называть О'Мару и Ча Трат так, как это не принято в приличном обществе. Дальше — больше. Далее он проявил вопиющее нарушение субординации в отношении О'Мары и завершил свою

эскападу тем, что его вырвало на разложенные на столе у Главного психолога распечатки. Вскоре после этого речь Брейтвейта стала бессвязной, конечности начали подергиваться, и О'Мара отправил его в сопровождении санитаров в палату, дабы его подвергли клиническому обследованию. К этому времени палаты начали быстро заполняться больными с такими же жалобами.

Это произошло сорок три часа назад. И хотя у всех больных болезненные симптомы почти исчезли, с этих пор майор старается проводить как можно больше времени с Брейтвейтом в попытках выяснить, не было ли ненормальное поведение его заместителя связано с инфицированием новым, неведомым микробом — ведь не у одного Брейтвейта отмечались признаки нарушения функции головного мозга. К этой теории склоняется старший медперсонал, но я настаиваю на пищевом отравлении.

Если я ошибаюсь, вам было бы лучше никому не показываться на глаза и держаться подальше от инфекции, если таковая существует, — заключил Лиорен. — Если же я прав, то Главный психолог будет вами очень недоволен.

«Все тут недовольны Гурронсевасом Великим, — с тоской подумал знаменитый повар. — А если и довольны, то это ненадолго». Он постарался скрыть подступивший гнев и разочарование и попытался сосредоточиться на решении сравнительно несложной кулинарной задачи.

— Мне нужно будет получить доступ к программе обслуживания питанием, — быстро проговорил он. — Но не волнуйтесь, для этого мне не понадобится себя выдавать.

По описанию Лиорена Гурронсевас узнал подозрительное блюдо. Тарланин также сообщил ему более или менее точное время начала заболевания, если то было заболевание. Перечень всех заказанных в тот или иной день блюд хранился в памяти компьютера, дабы следить за нынешними потребностями едоков и сделать более легким процесс повторного заказа синтетического материала из кладовых или, наоборот, отменять заказы на конкретные виды материалов. Пристрастия к пище зависели от ряда психологических при-

чин — кому-то могли посоветовать попробовать какое-то блюдо друзья, кто-то сам решал испробовать новинку, и, как следствие, перечень заказанных блюд изо дня в день претерпевал изменения. Но Гурронсевасу был известен точный день и заподозренное кушанье, и теперь перед ним возник конкретный перечень блюд. Он уже перечислил входящие в состав съеденного Брейтвейтом блюда ингредиенты и затребовал полный биохимический анализ, когда Лиорен неожиданно подошел поближе к компьютеру.

— Есть прогресс? — спросил он голосом существа, которому уже известен ответ и которому этот ответ не очень-то по душе.

— И да, и нет, — отозвался Гурронсевас, скосив один глаз в сторону Лиорена. — Я почти уверен, что искомое блюдо определено, мне удалось выяснить, сколько раз его заказывали, но...

— Можете не сомневаться, — сказал Лиорен. — Мне точно известно, сколько больных поступило с жалобами такого же характера, как у Брейтвейта, на момент начала вспышки заболевания. Эта цифра полностью совпадает с вашей. И это для вас плохо, Гурронсевас.

— Да знаю, знаю! — воскликнул тралтан и сердито ткнул в экран. — Но вы сюда поглядите! Все входящие в состав блюда ингредиенты совершенно невинны, просты и абсолютно безвредны и приготовлены в соответствии с моими указаниями. После обработки на пищевом синтезаторе и придания ингредиентам соответствующей формы в блюдо были внесены только три несинтетические добавки: мизерные количества орлигианского крисса, кельгианской соли озера Мерн были введены в подливку, после чего все блюдо было чуть-чуть присыпано толченым мускатным орехом. Ни одна из этих пряностей не могла вызвать пищевого отравления. Но вот не мог ли токсичный материал проникнуть в блюдо извне? Может быть, образовалась течь в близлежащей трубе, по которой отводятся органические отходы? Мне нужно немедленно лично переговорить с моим первым заместителем.

— Вам нельзя лично говорить ни с кем в госпитале, это... — начал было протестовать Лиорен, но Гурронсевас его не слушал.

— Главный синтезатор, старший технолог-пищевик Сарниаг, — представился нидианин, чья физиономия появилась на экране. Может быть, он был удивлен, а может быть, возмущен или испуган при виде лица своего начальника на экране — этого Гурронсевас не мог понять — так густо зарос шерстью нидианин. Ну, и конечно, заместитель Гурронсеваса сказал то, что должен был сказать:

— Сэр, а я думал, вас нет в госпитале!

— В некотором роде, — ответил Гурронсевас нетерпеливо. — Прошу вас, не перебивайте меня и выслушайте...

Как только он изложил свои соображения, Сарниаг сердито ответил:

— Сэр, как только случилась беда, это был первый вопрос, который мы себе задали. Мы собрали весь персонал и две смены подряд искали ответ, хотя работники Эксплуатационного отдела заверяли нас в том, что схема прокладки труб делает подобное происшествие абсолютно невероятным. Мы также проверили все резервуары пищевого синтезатора и примыкающей к нему кладовой. Все чисто. Есть у вас еще какие-нибудь соображения, сэр?

— Нет, — буркнул Гурронсевас и прервал связь.

Волнение его быстро сменялось отчаянием, но все же в сознании его брезжил тусклый свет, упорно отказывавшийся становиться ярче. Чего-то не сказал ему Старший технолог... Обратившись к Лиорену, тралтан задумчиво проговорил:

— Если в системе транспорта пищи все было в порядке, значит, причину надо искать в самом блюде, но и с блюдом все нормально. Вероятно, мне стоит более внимательно изучить перечень ингредиентов, хотя ими пользуются многие века даже за пределами тех планет, откуда они родом. Мне нужно связаться с немедицинской справочной библиотекой.

Библиотека по общим вопросам Главного Госпиталя Сектора была относительно невелика, но все же она буквально завалила Гурронсеваса сведениями об употребляе-

мых в пищу растениях. Он далеко не сразу нашел те три растения, которые его интересовали, несмотря на то что компьютер трудился изо всех сил, стараясь ему помочь. Он узнал массу интересных фактов насчет того, какой огромный вклад внесла кельгианская экономика в экспорт соли озера Мерн. Смертельные случаи имели место на заре истории и связаны были с утоплением ряда кельгиан в водах этого озера, когда оно еще было озером. Примерно такого же рода сведения были почерпнуты относительно орлигианского растения крисс. О мускатном орехе было сведений побольше, но не хватало четких подробностей. Наконец Гурронсевас наткнулся на сведения, введенные в память компьютера довольно давно, да и то, наверное, составители каталога информации долго думали, прежде чем внести эту информацию.

И вот тут-то сознание Гурронсеваса вдруг словно озарилось ярчайшей вспышкой. Подведомственный ему персонал пищевиков находился под влиянием медиков! Все были так напуганы эпидемией, что могли напрочь забыть о внесенных в блюдо небольших изменениях. А может быть, эти изменения сочли настолько незначительными, что не стали докладывать о них вышестоящим сотрудникам. Гурронсевас резко вскочил на все шесть ног.

Как только не слишком прочно закрепленное оборудование на медицинской палубе перестало дрожать и звенеть, Лиорен поинтересовался:

— Гурронсевас, что происходит? Что с вами?

— Происходит то, — отозвался тралтан, с таким видом тыкая в кнопки клавиатуры, словно каждая из них была его смертельным врагом, — что я пытаюсь придумать оправдание для Старшего технолога-пищевика Сарниага! Происходит то, что я готов совершить убийство другого разумного существа!

— О нет! — встревоженно вскричал тарланин. — Прошу вас, успокойтесь. Я уверен и думаю, вы со мной согласитесь, что сейчас вы просто словесно гиперболизируете свою реакцию на ситуацию, которая, безусловно, не требует приложения физической силы...

Лиорен умолк, так как на экране снова появилась физиономия Сарниага. Голосом, в котором в равных пропорциях смешались дерзость и нетерпение, технолог произнес:

— Сэр. Вы о чем-то забыли меня спросить?

Гурронсевас постарался не взорваться и ответил:

— Вспомните, прошу вас, мои указания относительно приготовления блюда номер тысяча сто двадцать один для землян, которым, кроме того, могут питаться существа с физиологическими кодами ДБЛФ, ДЦНФ, ДБПК, ЭГЦЛ, ЭЛНТ, ФГЛИ и ГНЛО. Сравните первоначальный состав с тем, что был присущ полученным при раздаче блюдам. Обратите особое внимание на специи, примененные в целях усиления вкуса. Объясните, почему без моего разрешения были произведены изменения.

Если бы никаких изменений не оказалось, Гурронсевас был бы весьма удручен. Но он не сомневался: он на верном пути.

Сарниаг уткнулся в клавиатуру и быстро заработал лапами. По всей вероятности, на его экране появились две ярко освещенные колонки цифр. Увидели эти цифры и Гурронсевас с Лиореном. Пара цифр оказалась напечатанной крупнее остальных.

— Ах да, теперь я вспомнил, — признался Сарниаг. — Были произведены минимальные изменения, вернее, даже не изменения... сэр, вы, видимо, допустили ошибку, вот я и решил ее исправить. Насколько я помню, сэр, вы обозначили пропорцию этого ингредиента как восемьдесят пять тысячных процента от общего веса блюда, и это представилось мне, при всем моем уважении, просто-таки смешным — ведь речь-то шла о съедобном растении. Вот я и решил, что на самом деле вы просто ошибались, а в виду имели восемь целых пять десятых. Я ошибся, сэр? Или был слишком осторожен?

— Вы ошиблись, — сказал Гурронсевас, всеми силами стараясь, чтобы его голос не звучал издевательски. — И не были достаточно осторожны. Вы что, по вкусу не могли определить, что что-то не в порядке?

Сарниаг растерялся. Он понимал, что ему грозит нагоняй, и явно искал оправдательные слова. Нашел он их или нет, но он поспешно затараторил:

— Сожалею, сэр, но мне недостает ваших обширных познаний в области кулинарии и вашего несравненного опыта оценки на вкус блюд, употребляемых в пищу представителями разных видов. Я привык к простой нидианской еде домашнего приготовления, ну и еще я иногда пробовал кое-какие кельганские холодные закуски. Земную пищу я пробовал несколько раз, но она показалась мне жесткой, в ней слишком много контрастирующих по вкусу составляющих. К тому же она отвратительна на вид, поэтому откуда же мне было знать, все ли с этим блюдом было в порядке с точки зрения вкуса? Но хотя внесенные мной изменения были минимальны и мне бы следовало испросить вашего разрешения, будь вы на месте, но я эти изменения произвел, для начала все как следует продумав.

Прежде чем внести изменения, — продолжал тараторить Сарниаг, — я сверился с медицинским компьютером, дабы удостовериться, не токсична ли эта специя. Компьютер заверил меня в том, что она нетоксична. Тот запас мускатного ореха, который вы привезли с собой, был крайне скуден. Я поинтересовался, не было ли новых поставок, и обнаружил, что недавно на склад поступила партия в несколько тонн. При том, какое количество вы собирались использовать, этого запаса бы хватило на несколько веков. Вот почему я и решил, что была допущена ошибка, и исправил ее. Будут у вас еще какие-либо распоряжения, сэр?

Причина получения огромной партии мускатного ореха, как помнил Гурронсевас, носила чисто формальный характер. Заместительница полковника Скемптона посоветовала ему заказать этой специи побольше, дабы не вызвать подозрений своего начальника. Затраты на эту поставку были покрыты из практически неистощимого бюджета Корпуса Мониторов, а не из скудного столовского фонда. Кому теперь пожалуешься? Полковнику Скемptonу? Тогда придется выдать заведующую снабжением, Креон-Эмеш, которая ему

так помогла. К тому же Сарниаг так ловко выкрутился, что в итоге свалил всю вину опять-таки на Гурронсеваса.

Еще в юности Гурронсевас выучил этот горький урок: в начальники попадают те, кто знает больше своих подчиненных.

— Распоряжения такие, — холодно проговорил Главный диетолог, — ликвидировать произведенные без моего разрешения изменения и восстановить первоначальный состав блюда номер тысяча сто двадцать один из меню землян-ДБДГ. Немедленно. Я крайне недоволен вами, Сарниаг, однако с дисциплинарным взысканием придется подождать до тех пор, пока...

— Но, сэр! — воскликнул Сарниаг. — Это нечестно, несправедливо! Я произвел совершенно невинные изменения по собственной инициативе, а вы совершенно ошибочно полагаете, что вам за это что-то грозит... Сэр, у нас тут беда посерьезнее. В соответствии с последними указаниями диагностов Торннастора и Конвея мы сейчас занимаемся проверкой всего процесса приготовления пищи и обследуем доставочную систему с точки зрения поиска возможного проникновения токсичных веществ. Это невероятно, я понимаю, но они тут все думают, что имеет место эпидемия пищевого отравления, вот мы и...

— Об этом можете забыть. Проблема решена, — оборвал подчиненного Главный диетолог. — Сделайте, как я вам сказал.

Как только изображение Сарниага исчезло с экрана, тралтан обернулся к Лиорену:

— Пожалуй, я все-таки не стану убивать его. Но если вы сообщите мне, каким образом я мог бы нанести ему несмертельные повреждения, которые бы потребовали длительного выздоровления, я был бы вам крайне признателен.

— Надеюсь, вы шутите? — неуверенно поинтересовался Лиорен. — Но неужели проблема действительно решена? Каким же образом?

— Я пошутил, — подтвердил Гурронсевас. — Да, вашей так называемой «эпидемии» конец. Я вам коротко объясню, в

чем дело, чтобы вы как можно скорее связались с диагностом Конвеем. Все оказалось просто. Дело в том, что...

— Нет, Гурронсевас, — поспешно оборвал диетолога тарланин. — Это ваша сфера деятельности. Конвей — один из тех немногих, кто в курсе вашего местонахождения. Мы сэкономим время, если вы все ему расскажете лично.

Через несколько минут диагност Конвей уже внимательно смотрел с экрана на Гурронсеваса, а тот самым подробным образом рассказывал ему о том, как и почему было внесено изменение в первоначальный состав блюда номер тысяча сто двадцать один.

— Все произошло, — говорил тралтан, — из-за моего неведения, которое развеялось буквально несколько минут назад. Речь идет о малоизвестном побочном действии земного растения мускатный орех, являющегося специей, которую я и впредь намерен употреблять при приготовлении этого блюда. В настоящее время не принято считать мускатный орех токсичным, что, вероятно, обусловлено теми неприятными желудочными симптомами, которые сопровождали его употребление в качестве наркотика. Дело в том, что много веков назад некоторые народы пользовались мускатным орехом как галлюциногеном. Количество, использованное при приготовлении блюда номер тысяча сто двадцать один, в сто раз превысило предписанное мной. При такой дозе неудивительно возникновение галлюцинаций, потеря координации движений, тошнота и рвота.

Уже сейчас, когда мы с вами беседуем, — продолжал Гурронсевас, — ошибка ликвидируется. Через два часа все будет в полном порядке. Симптомы быстро пойдут на убыль. Согласно сообщениям в литературе, полное выздоровление наступит через несколько дней. Я уверен, что ваши тревоги позади.

Диагност Конвей помолчал, потом глубоко, облегченно вздохнул, перевел взгляд своих глубокопосаженных глаз с Гурронсеваса на Лиорена, улыбнулся и сказал:

— Значит, вы все же оказались правы, падре Лиорен, а мы напрасно перепаниковали. Речь идет о незначительном желудочном расстройстве. А вы, Гурронсевас, все расшелка-

ли за несколько минут, даже не находясь в стенах госпиталя. Прекрасная работа, Главный диетолог. А как вы предлагаете поступить с ответственным за произошедшее Старшим технологом?

— Никак, — ответил Гурронсевас. — Я привык брать на себя ответственность за ошибки моих подчиненных. Сарниаг будет наказан только тогда, когда я вернусь. Если вернусь.

За спиной у тралтана Лиорен издал негромкий звук, которого транслятор не перевел. Конвей кивнул.

— Понимаю. Но вернетесь вы не так скоро. Поскольку эпидемии конец, «Ргабвар» стартует через час.

Глава 17

После долгого прощания с Лиореном, после еще более долгих искушений воспользоваться возможностью проявить еще большую инициативу Гурронсевас так много думал о случившемся, что ему показалось, что миновало всего несколько минут до того, как откуда-то послышался шум. Видимо, к входному люку подошли сразу несколько существ. Одно из этих существ двигалось по главному коридору в сторону энергетической установки корабля, а группа из четырех существ отправилась по переходному шлюзу прямо ко входу на медицинскую палубу. О том, что существ четыре, Гурронсевас догадался по голосам. О чем говорили эти существа, тралтан не расслышал, так как разговаривали они очень тихо. Тралтан поспешно приглушил освещение, опустил ширму и спрятался за ней.

Как только существа вошли на палубу, свет сразу вспыхнул на полную мощность. Голоса утихли, послышалось громкое шипение, которое яснее ясного говорило: закрывается крышка входного люка.

Затянувшуюся паузу прервал знакомый цинрусский-кий голосок — сплошные трели и звоны.

— Я чувствую, что вы где-то поблизости, друг, — сказал Приликла. — Позвольте заверить вас в том, что до тех пор, пока корабль не завершит гиперпространственный скачок, медицинская палуба не будет выходить на прямую звуковую связь с пультом управления. С вами рядом ваши друзья, Гурронсевас, поэтому прошу вас, отодвиньте ширму и выходите к нам.

Мгновение все молчали. Четверо медиков смотрели на Гурронсеваса, а он — на них. Наконец медсестра-кельгиганка изрекла:

— Гурронсевас? Так вы — тот самый Гурронсевас? А я-то думала, что вы покинули госпиталь!

Мэрчисон негромко рассмеялась.

— Вы не ошиблись, Старшая сестра. Он его действительно покинул.

— Друг Гурронсевас, — сказал Приликла, грациозно взлетев в воздух и запорхав над головой у тралтана. — Вы уже знакомы с патофизиологом Мэрчисон и со мной, и нас вовсе не удивило то, что вы находитесь здесь, поскольку об этом нас предупредил О'Мара. Он объяснил нам, почему вы здесь. Доктор Данальта и, насколько вы сами можете судить по взбудораженному виду шерсти Старшей сестры, Нэйдрад понятия не имели о том, что вы на корабле, и прежде видели вас только издалека. Однако наш корабль невелик, так что вам придется завязать более тесные знакомства и, на что я очень надеюсь, дружбу.

Большая куча тускло-зеленого сморщенного желе подползла поближе к тралтану. На ее поверхности образовался один глаз, ухо и рот, который произнес:

— На самом деле мы с вами несколько раз виделись, но обстоятельства вынуждали меня, существо, обладающее способностью по желанию менять форму тела, выглядеть иначе и принимать обличья существ, принадлежащих к другим видам. Вы не выказываете изумления, вы даже не удивлены, видя меня впервые, в отличие от большинства существ. Я очень рад познакомиться с вами поближе.

— А я с вами, доктор Данальта, — произнес Гурронсевас. — Ваше имя и ваши труды мне знакомы, поскольку,

находясь на корабле, я ознакомился с отчетами о предыдущих вылетах «Ргабвара» и потому знаю о том, какую роль вы сыграли во многих экспедициях. И хотя медицинские подробности для меня остались не слишком понятными, но зрелище было захватывающим. Ничего более увлекательного мне прежде видеть не доводилось.

Приликла изящно приземлился на палубу. Его хрупкое членистое тельце слегка подрагивало, отвечая на положительные эмоции беседующих. Цинрусскиец внес ясность:

— Друг Гурронсевас слишком вежлив и умалчивает о том, что ощущает сильное любопытство. Поскольку кроме вас, доктор Данальта, мы все — существа более или менее обычные, полагаю, это любопытство адресовано вам. Не желали бы вы его удовлетворить?

— Еще бы не желал! — фыркнула Найдрад, неодобрительно пошевелив шерстью. — Наш кляксообразный доктор обожает поражать незнакомцев!

Может, так оно и было, но уж к чужой невежливости Данальта явно привык, как понял Гурронсевас. Он тут же образовал трехпалую кельгианскую переднюю конечность и изобразил ею жест, из-за которого шерсть Нэйдрад еще более разволновалась.

— С радостью отвечу на все вопросы! — воскликнул Данальта. — Что вас особенно интересует, Главный диетолог?

Они повели разговор, а в это время вид за иллюминаторами внешнего обзора «Ргабвара» начал мало-помалу меняться. Корабль маневрировал, минуя наружные конструкции госпиталя и следуя бесчисленным лучам — указателям направления движения. Гурронсевас уже знал, что, как только корабль обретет свободу, он совершит скачок через гиперпространство на рассчитанное расстояние, и при этом самое тонкое оборудование на «Ргабваре» не пострадает ни в малейшей степени, то есть скачка никто не ощутит. Время шло незаметно и быстро, поскольку Данальта любил рассказывать о себе и знал, как заинтересовать слушателя.

Код физиологической классификации Данальты был ТОБС. Он принадлежал к виду, зародившемуся на планете, орбита которой отличалась высоким эксцентриситетом, из-

за чего климатические изменения там были столь резкими и жесткими, что для того, чтобы выжить, требовалась невероятная степень адаптации способностей. При столкновении с естественными врагами или в экстремальных условиях у местных обитателей было четыре способа остаться в живых: спастись бегством, прибегнуть к защитной мимикрии, принять такое обличье, чтобы можно было напугать нападавшего хищника, или заключить себя в плотную крепкую раковину. Местные обитатели первоначально являлись амебами, но не простыми амебами, а способными отращать всевозможные конечности, органы чувств и защитные оболочки в зависимости от обстоятельств.

— Во времена, предшествовавшие зарождению разума, — продолжал свой рассказ доктор Данальта, — быстрота и точность мимикрии имели определяющее значение. — Не сделав даже крошечной паузы, он мгновенно преобразился в маленького тралтана — точную уменьшенную копию Гурронсеваса, после чего принял форму Нэйдрад, затем — Мэрчисон. — А для того чтобы противостоять хищникам, нужно было до мелочей воспроизводить их действия и поведение. А это означало, что, помимо всего прочего, нам нужно было обзавестись органом рецептивной эмпатии, который бы позволил нам понимать, какого обличья ждет от нас хищник и каких поступков. Но не стоит и говорить о том, что нам как эмпапам далеко до цинрусскийцев.

Обзаведясь такой физической и психологической защитой, — продолжал Данальта, — представители моего вида стали неуязвимы к телесным повреждениям. Нас можно только аннигилировать или сжечь при высокой температуре, а такую угрозу для нас скорее представляет современная техника, а не живые существа. Умираем мы, хотя и способны великолепно мимикрировать в ребенка, все же от старости.

— Изумительно! — восхитился Гурронсевас. — Но, безусловно, обладая такой восхитительной защитной способностью, ваш народ мало нуждается в докторях?

— Вы правы, — подтвердил Данальта. — На моей планете нет нужды в искусстве целительства, и я не врач. Од-

нако для Главного Госпиталя Сектора такой мимикрист, как я, поистине незаменим. Мои друзья настояли на том, чтобы я назывался доктором из-за той работы, которую я осуществляю в палатах и на борту «Ргабвара». Есть у вас еще вопросы, Главный диетолог?

Гурронсевас ощутил теплое чувство к этому редкостранным существом, которое, как и он, прибыло для работы в Главный Госпиталь Сектора потому, что было здесь незаменимо.

Он пытался сформулировать довольно несложный вопрос, дабы при этом не обидеть Данальту, и вдруг ощутил внезапное головокружение. «Ргабвар» выбрался в открытый космос и уже вошел в гиперпространство. В иллюминаторах прямого обзора виднелась серая мгла, изредка озаряемая яркими вспышками.

Приликла негромко проговорил:

— Гурронсевас, ваша растерянность скорее всего говорит о том, что вы опасаетесь задать какой-то деликатный вопрос. Вероятно, вы хотели спросить Данальту о репродуктивной функции его сородичей? Прошу вас, не забывайте, что и я, и доктор Данальта — рецептивные эмпаты, но не телепаты. Мы только чувствуем, что у вас есть еще вопрос. Что за вопрос — это нам неизвестно, мы только чувствуем, что получить на него ответ для вас крайне важно.

— Да, это именно так, — подтвердил Гурронсевас и, обратившись к мимикристу, спросил: — Доктор Данальта, чем вы питаетесь?

Патофизиолог Мэрчисон запрокинула голову и рассмеялась. Серебристая шерсть Старшей сестры Найдрад заходила медленными неровными волнами. Судя по тому, как дрожало тельце Приликлы, Гурронсевас понял, что эмпат улавливает исключительно приятные эмоции. Только Данальта не шевелился и ответил на вопрос диетолога со всей серьезностью.

— Боюсь, я вас очень огорчу, Главный диетолог, — сказал мимикрист. — Но дело в том, что нашему виду не присущ вкус как таковой. Помимо сверхпрочных металлов, я могу есть практически все, независимо от внешнего вида и

консистенции. Был случай, когда я, глубоко задумавшись, проплавил дыру в металлическом полу. С тех пор меня недолюбливают командиры кораблей.

— Мне знакомо это чувство, — вздохнул Гурронсевас.

Остальные, каждый по-своему, выразили недоумение, а Гурронсевас вспомнил о последних словах Лиорена. Падре предупредил его о том, что ему предстоит испытание и что во время этого испытания ему нужно постараться делать то-то и то-то, а чего-то не делать ни под каким видом. И уж конечно, ему ни за что на свете нельзя приближаться к корабельному пищевому синтезатору. А самое главное — Гурронсевасу не следовало забывать, что он находится на борту большого корабля с маленькой командой, и поэтому ему следует подружиться, а не перессориться со всеми. С того мгновения, как на палубе оказались медики, Гурронсевас только этим и занимался. Он ни в коей мере не выпячивал свои былые заслуги, вел себя дружелюбно и учтиво по отношению к Данальте. Точно так же он собирался впоследствии вести себя с остальными. Как ни странно, никаких особых усилий Гурронсевасу для этого не потребовалось, но теперь он уже начал сомневаться: уж не переусердствовал ли он и уж не сочли ли его спутники, что он лицемерен и неискренен? Но может быть, они тоже изо всех сил старались вести себя как можно более дружелюбно? И еще Гурронсевас гадал — удастся ли ему так же легко подружиться с офицерами «Ргабвара».

Словно отвечая на его раздумья, зазвучал сигнал устройства связи, и на экране появилась голова и плечи землянина в зеленой форме Корпуса Мониторов.

— Медицинская палуба, говорит капитан корабля, — сообщил землянин довольно резко. — Я невольно подслушал последние фразы вашей беседы. Доктор Приликла, что этот... что эта ходячая тралтанская катастрофа делает на моем корабле?

Хотя отсек управления находился довольно-таки далеко от медицинской палубы, цинрусскиец уловил эмоциональное излучение капитана, и оно его огорчило. Однако без тени растерянности Приликла ответил:

— На время нынешнего полета друг Гурронсевас согласился исполнить роль нашего советника по немедицинским вопросам. Его опыт может нам очень помочь в дальнейшем. Прошу вас, не беспокойтесь о возможности каких-либо поломок на корабле, друг Флетчер. Главный диетолог разместится на медицинской палубе, он не нуждается ни в каком дополнительном жизнеобеспечении и не станет портить легкую мебель и куда-либо передвигаться с медицинской палубы, если, конечно, не получит на то вашего позволения или приглашения.

Наступила короткая пауза, но Гурронсевас слишком испугался и смутился от слов Приликлы и потому никакого вопроса не задал.

Он часто слышал, как другие говорили, что маленький эмпат иногда лжет во спасение, но делает это исключительно ради того, чтобы обеспечить вокруг себя благоприятное эмоциональное излучение. И все-таки высказанная цинрусскийцем мысль о том, что Гурронсевас станет советником медицинской бригады на время предстоящей миссии, представлялась тралтану просто абсурдной. О да, несомненно, эта ложь несколько улучшит эмоциональное излучение капитана, но только на время.

— Я чувствую, что вы испытываете любопытство, друг Флетчер, — проговорил Приликла, переставший дико дрожать, так как гнев капитана уже успел смениться раздражением. — Я готов удовлетворить его, как только вы пожелаете.

— Хорошо, доктор, — процедил капитан сквозь зубы, после чего отрывисто и торопливо проговорил: — В настоящее время мы движемся через гиперпространство на крейсерской скорости. В систему Вемар мы войдем примерно через четыре стандартных дня. За несколько минут до старта мне выдали координаты цели назначения и коротенькую ознакомительную запись, просмотреть которую у меня пока не было времени. Еще мне было сказано, что более полную ознакомительную беседу с нами, не медиками, проведут по прибытии к месту назначения. Не считаете ли вы, что сейчас — самое подходящее время для того, чтобы просмотр-

реть запись, дабы мы, не медики, наконец узнали эту страшную тайну — что нас ждет впереди?

— Между прочим, я тоже ничегошеньки не знаю об этом, — проворчала Нэйдрад, и ее шерсть встала дыбом. — Слышала только, как целых три недели все кругом болтали да спорили, по силам эта миссия «Ргабвару» или нет. Ну а когда наши «шишки» наконец решили, что по силам, у меня из личного коммуникатора как заорет сигнал тревоги! А я в это время...

— Друг Нэйдрад, — вежливо прервал Старшую сестру Приликла. — Очень часто бывает так, что время, потраченное на принятие решения, можно с успехом вычесть из времени, требуемого для его выполнения. Слухи были не совсем точны. Я принимал участие во всех обсуждениях, и несмотря на то что наша репутация спасателей всем известна, я лично не высказывал уверенности в том, что «Ргабвар» справится с поставленной задачей. Со мной соглашались многие медики и военные, а Главный психолог и ряд сотрудников с нами спорили. А секретность... вся секретность предназначалась исключительно для того, чтобы не обидеть экипаж «Ргабвара» публичным недоверием.

А с вопросами, которые вы все так жаждете задать, — заключил Приликла, — придется подождать до просмотра вемарского материала. Мы его просмотрим, как только вы будете к этому готовы, капитан Флетчер.

Глава 18

Планета, называемая местными обитателями Вемар, была открыта три месяца назад, и тогда специалисты по культурным контактам не подозревали, что при общении с ее обитателями могут возникнуть серьезные сложности. Планета с экологической точки зрения пребывала в плачевном состоянии. Уцелевшие местные жители влачили жалкое существование. Судя по осуществленным с орбиты

наблюдениям, промышленные археологи определили возраст развалин заводов и фабрик в четыреста лет, а это значит, что в недавнем прошлом местная цивилизация была технически развита и даже располагала орбитальными космическими станциями. На ближайшей к Вемару необитаемой планете были обнаружены руины временной космической базы.

В связи с тем, что вемарцы утратили владение космическими технологиями сравнительно недавно, специалисты сделали два основополагающих предположения. Первое заключалось в том, что мысль об обитании других разумных существ не должна была до крайности напутать вермацев, и хотя внезапное появление на орбите их планеты чужого космического корабля и могло явиться неожиданностью, вряд ли они будут так уж против установления дружественных связей с инопланетянами. Второе предположение основывалось на том, что при условии расширения и углубления контактов местные жители не откажутся принять материальную и техническую помощь от друзей — помощь, в которой они отчаянно нуждались.

Оба предложения оказались ошибочными. Когда на поверхность планеты приземлились автономные средства двусторонней связи (а надо упомянуть о том, что аудиовизуальные технологии также были утрачены вемарцами), местные жители ответили на предложение вступить в переговоры сквернословием и пожеланиями пришельцам как можно скорее убраться от Вемара куда подальше, в противном случае всем инопланетянским машинам грозила гибель. Видимо, вемарцы боялись любых технических устройств, а также и существ, которые таковыми устройствами пользовались. Только одна группа местных жителей, жившая в некоторой изоляции от других, проявила определенное нежелание прерывать контакт, но и они тоже сломали отправленные в место их обитания переговорные устройства.

Вемарцы явно оказались гордым народом, не желавшим просить помощи у инопланетян, столь жаждущих им ее предоставить.

Не дожидаясь того момента, когда положение дел могло еще более осложниться, капитан контактного корабля Корпуса Мониторов прекратил отправлять на Вемар переговорные устройства, а вот вторую угрозу местных жителей проигнорировал, отлично понимая, что никакого вреда его кораблю вемарцы нанести не могут при всем желании. Корабль остался на орбите, и его экипаж продолжил наблюдение за поверхностью планеты. Вскоре Вемар был объявлен зоной бедствия, и туда был отправлен «Ргабвар», чья медицинская бригада должна была оценить проблему с медицинской точки зрения и по возможности найти выход.

В Федерации не было принято сидеть сложа руки, покуда какой-то народ пытался совершить массовое самоубийство.

«Ргабвар» вынырнул из гиперпространства на расстоянии примерно десяти диаметров Вемара от искомой планеты. С такого расстояния Вемар выглядел совершенно обычно — в точности как любая обитаемая планета. Полотнища облаков, спирали циклонов то закрывали, то открывали силуэты материков и океанов и полярные шапки. Только тогда, когда «Ргабвар» подлетел к Вемару на расстояние одного диаметра планеты, стали видны аномальные детали. Невзирая на густой слой дождевых облаков, скудная растительность сохранилась только в области экватора. Выше и ниже экваториального зеленого пояса цвет поверхности был тускло-желтым, затем — коричневым, а затем начиналась область приполярной тундры и вечной мерзлоты. Не сказать, чтобы это были от природы пустынные местности: отчетливо виднелись следы колоссальных по площади лесных пожаров. На пепелищах кое-где пробивалась к свету новая молодая поросль.

Медики и Гурронсевас внимательно смотрели в иллюминаторы, хотя зрелище не вызывало у них особой радости. Вдруг вспыхнул экран коммуникатора, и на нем появилось изображение капитана корабля.

— Доктор Приликла, — сказал Флетчер, — мы получили сообщение от капитана корабля «Тремаар» Вильямсона. Он говорит, что в принципе необходимости стыковаться с

его кораблем у «Ргабвара» нет, но он желал бы немедленно переговорить с вами лично.

Командир корабля Корпуса Мониторов с экипажем, сплошь состоящим из специалистов по культурным контактам, наверняка на иерархической лестнице стоял выше любого из офицеров и медиков «Ргабвара». Гурронсевас решил, что сейчас капитан «Тремаара» пользуется своим приоритетом.

— Старший врач Приликла, — объявил сменивший Флетчера на экране Вильямсон безо всяких предисловий, — не хочу вас обидеть, но скажу честно: я не рад видеть вас здесь. А не рад я потому, что мне не по душе сам принцип организации экспедиции: если, дескать, от нашего присутствия здесь не будет вреда, то, может быть, проистечет некая польза. Надеюсь, вы просмотрели ознакомительную запись и поэтому знаете, что положение тут препаршивое и нет никаких признаков улучшения. Мы непрерывно ведем наблюдение за всем, что происходит на поверхности, но непосредственной связи ни с кем из местных жителей не поддерживаем. Существует одна группа вемарцев, не столь упрямых и заносчивых, как остальные. Нам показалось, что они не против получить от нас помощь. Но и они прекратили переговоры с нами и сломали трансляторы. Лично мне кажется, что если на кого и надеяться в плане возобновления переговоров, так на эту самую группу. Если мы поведем переговоры с умом, то, вероятно, эти вемарцы помогут нам завязать контакты с другими, менее сговорчивыми, и тогда со временем нам удастся оказать планете помощь, которая ей нужна до зарезу.

Глубоко вдохнув, Вильямсон продолжал:

— Несмотря на ваши самые что ни на есть добрые намерения, опускаться «Ргабвару» на Вемар ни в коем случае нельзя — это приведет к тому лишь, что нам надо будет отказаться от всяких надежд на будущее. А если вы решите приземлиться в экваториальной области, где сосредоточена, насколько нам известно, политическая власть и остатки оборонной техники, то это, помимо всего прочего, приведет к тому, что ваш корабль разобьют на куски, а вы сами едва ли

уцелеете. Усилий маленькой медицинской бригады не хватит для того, чтобы изменить создавшееся здесь положение — ну, разве что только, чтобы ухудшить его...

Покуда капитан «Тремаара» разглагольствовал, Гурронсевас внимательно следил за выражением его лица. Вильямсон был землянином, внешне очень напоминавшим О'Мару. Волосистые дуги над глазами и шерсть на голове, выбивающаяся из-под форменной фуражки, имели серо-стальной оттенок. Вильямсон смотрел прямо перед собой, не моргал, а в голосе его звучала уверенность человека, привыкшего отдавать приказы. Но в том, что касалось манер, Вильямсон оказался куда учтивее О'Мары.

Ознакомительная видеозапись содержала предупреждение о том, что экипажу «Ргабвара» скорее всего придется столкнуться с сопротивлением со стороны специалистов по контактам. Но теперь Гурронсевас с тревогой думал о том, что сопротивление куда как серьезнее, нежели предполагалось. Тралтан гадал, что же сможет противопоставить такой сильной аргументации хрупкий, застенчивый и чувствительный к чужим эмоциям Приликла.

— К сожалению, — продолжал тем временем Вильямсон, — я не имею права отослать вас обратно в Главный Госпиталь Сектора, поскольку теоретически в зоне бедствия вы обладаете правом диктовать всем остальным, как им действовать. Здесь же того и гляди разразится бедствие чрезвычайного масштаба. Но повторяю: вемарцы — народ заносчивый, и, хотя их цивилизация деградировала ниже некуда, оружия у них пока предостаточно. Мы не хотим, чтобы здесь повторилось то, что некогда случилось на Кромзаге. Ради безопасности вашей бригады и экипажа, во избежание физических и психологических травм, особенно опасных для существ, обладающих эмпатией, я бы настойчиво рекомендовал вам безотлагательно вернуться в госпиталь.

Прошу вас, обдумайте мой ответ как можно серьезнее, Старший врач Приликла, — закончил свою тираду Вильямсон, — и как можно скорее сообщите мне о принятом решении.

Приликла спокойно парил у экрана коммуникатора. Нельзя было сказать, что он оскорблен или унижен. Вероятно, решил Гурронсевас, цинрусскийец просто слишком хорошо воспитан для того, чтобы иначе реагировать на высказывания другого разумного существа, независимо от его высокого ранга и дурных манер.

— Капитан, — отозвался Приликла, — я вам очень признателен за заботу о безопасности моих сотрудников и за то, с каким пониманием вы отнеслись к возможности эмоционального расстройства, каковое мне придется пережить в случае получения моими подчиненными увечий. Это вам известно, но вам должно быть известно и другое: я принадлежу чуть ли не к самому хрупкому виду в Галактике, отличающемуся, как следствие, трусливостью, робостью и стремлением елико возможно избегать физических страданий и эмоционального дискомфорта как для себя, так и для тех, кто нас окружает. Для эмпата это одно и то же. Друг Вильямсон, согласно законам природы и на основании эволюционного императива я никогда не рискую необоснованно.

Вильямсон нетерпеливо тряхнул головой и сказал:

— Вы — главный медик на «Ргабваре», корабле-неотложке, на счету которого больше спасательных операций, чем у любого другого судна Корпуса Мониторов, причем все эти экспедиции были связаны с высокой степенью риска. Вы можете, конечно, поспорить со мной и начать доказывать, что в каждом случае риск был необходим и оправдан, даже с точки зрения существа, для которого трусость является образом жизни. Однако при всем моем уважении, Старший врач, на Вемаре рисковать неоправданно, не нужно и глупо.

Приликла внешне никак не ответил на резкие слова Вильямсона, и Гурронсевас вдруг понял, что Приликла физически не в состоянии уловить эмоциональное излучение капитана «Тремаара», находящегося на расстоянии во много тысяч миль от «Ргабвара». Приликла негромко проговорил:

— Прежде всего я намерен лично оценить сложившееся положение в северной умеренной зоне — там, где уро-

вень развития техники и условия жизни примитивны, а вемарцы, надеюсь, более сговорчивы. Только после этого я решу, стоит ли совершать посадку и осуществлять спасательную операцию, или нет.

Капитан Вильямсон громко вздохнул, но промолчал.

— Когда мы совершим посадку, если мы ее совершим, — продолжал Приликла, — я был бы вам крайне признателен, если бы вы продолжили орбитальное наблюдение за указанной областью на предмет срочного извещения нас о любых враждебных действиях со стороны вемарцев, обитающих в экваториальной зоне. Противометеоритное поле «Ргабвара» предохранит корабль от повреждений любыми предметами, какими в него вздумают швырять вемарцы, но у меня нет намерений разжигать войну даже в виде обороны, и я немедленно совершу взлет, как только заподозрю что-либо неладное. Кроме того, я был бы вам очень благодарен, если бы вы снабдили меня любыми дополнительными сведениями, не содержащимися в ознакомительной видеозаписи. Чем скорее это произойдет, тем лучше.

Прежде всего нас интересуют области, где поменьше оружия, — продолжал Приликла, — уровень жизни низкий, а детей больше, чем в среднем на планете. Мы надеемся, что вемарцы-родители напоминают других цивилизованных существ в том, что будут готовы отбросить гордыню и злобу по отношению к пришельцам, если те помогут им накормить их детей. Если мы сумеем найти соответствующий подход и родителей удастся убедить принять от нас помощь, нужно будет действовать с умом, дабы не раскрыть наши карты целиком и не сделать помощь продовольствием слишком очевидной. Так мы сумеем не унижить местных жителей.

Вильямсон посмотрел в сторону и вполголоса дал кому-то из своих подчиненных какие-то указания, затем, обратившись к Приликле, сказал:

— Нам обоим отлично известно, что, как только вы высадитесь в зоне бедствия, командование автоматически переходит к вам. Все ясно. Прежде всего вы требуете постоянных разведанных, наблюдения с орбиты за планетой с целью передачи вам вовремя тревожных сведений и

сбрасывания вам под прикрытием ночи требуемых припасов. Считайте, что мы договорились. Что-нибудь еще?

— Благодарю вас, больше ничего, друг Вильямсон, — ответил Приликла.

Капитан «Тремаара» медленно покачал головой и сказал:

— Меня предупреждали, что спорить с вами — пустая трата времени. Все, что я мог сказать, чтобы переубедить вас, я сказал. Советы были полезные, Старший врач, хотя я вас и не уговорил последовать им, но... будьте предельно осторожны внизу, друг.

И прежде чем Приликла успел ответить, лицо Вильямсона исчезло с экрана коммуниктора и сменилось изображением капитана Флетчера, который отрывисто произнес:

— С «Тремаара» уже начали передавать запрошенные вами сведения. Их связист утверждает, что среди прочей информации там имеются неплохие, сделанные крупным планом фотоснимки взрослых вемарцев и их детенышей, схема расположения оборонительных укреплений, а также излагаются некоторые соображения относительно социальной структуры вемарского общества и особенностей характера местных жителей. Все на уровне догадок, конечно, и, естественно, последние сведения носят неофициальный характер. Как только мы запишем информацию, я переправлю ее на ваш монитор. Тем временем «Ргабвар» приближается к Вемару на крейсерской скорости, и через тридцать два часа две минуты мы окажемся на орбите.

— Благодарю вас, друг Флетчер, — отозвался эмпат. — Значит, у нас предостаточно времени для того, чтобы ознакомиться с новыми сведениями до высадки.

— Его хватит и на то, чтобы передумать высаживаться, — буркнула Нэйдрад.

Мэрчисон негромко рассмеялась и сказала:

— Я так не думаю. Это было бы чересчур разумно.

Несколько минут погода на мониторе пошел новый материал, переданный с «Тремаара». Началось жаркое обсуждение, и Гурронсевас воочию увидел, что это такое — быть невидимым наблюдателем.

Как ни странно, первым подал голос капитан Флетчер, который заявил, что его коллега на «Тремааре» сильно преувеличил грозящую экипажу «Ргабвара» опасность со стороны вемарцев, оружие у которых безнадежно устарело, проржавело насквозь, и вообще, похоже, им давно не пользовались. Капитан также упомянул о том, что стены укреплений заросли травой и деревьями и почти рассыпались. Дальнобойные орудия стреляли снарядами с химической начинкой, но, по мнению Флетчера, эти снаряды для стрелков были вреднее, чем для тех, по кому стреляли. Возможности запустить спускаемые фотоаппараты в жилища и на склады вемарцев не было, так как не исключалось, что у них есть и переносное оружие, но в это верилось с трудом.

— Моя уверенность, — продолжал Флетчер, — зиждется на тайном наблюдении за детьми вемарцев. Как большинство малышей, они играют в охотников и воинов и в играх пользуются игрушечными копьями, луками и стрелами — безвредным древним оружием взрослых. Однако никто из детей ни разу, прицелившись во «врага», не крикнул «бабах!» или еще чего-нибудь в этом роде, так что вряд ли их родители до сих пор пользуются огнестрельным оружием. Кроме того, укрепленные деревни вемарцев так обветшали и население в них столь малочисленно, что местным жителям просто не хватит народа на оборону. Вообще у меня такое чувство, что и строились эти укрепления ради отражения набегов разбойников, охотящихся за чужим скотом. Но теперь поселения вемарцев находятся на таком большом расстоянии одно от другого, а численность домашней живности настолько упала, что ни о каких набегах не может быть и речи: любые разбойники умрут с голода прежде, чем доберутся до ближайшей деревни.

Полагаю, капитан Вильямсон пытался запугать нас, не дав нам ознакомиться с ситуацией поближе, — заключил Флетчер. — У меня такое чувство, что вемарцы не могут представлять для нас физической угрозы. Но чего я не по-

нимаю, так это того, почему эти существа, которым грозит голодная смерть, столь избирательны и привередливы в еде.

— Благодарю вас, друг Флетчер, — сказал Приликла. — Вы нас очень успокоили. Мы задаем себе тот же самый вопрос. Друг Данальта, у меня такое ощущение, что вы желаете высказаться.

Мимикрист, в данное время пребывавший в своем первоизданном виде, то бишь в форме кучки зеленоватого желе, зашевелился, прибавил к единственному глазу и уху весьма небрежных очертаний рот и произнес:

— Мне случалось видеть, как голод превращал самых цивилизованных существ в совершенных дикарей, в особенности если они лишаются первичной пищи. К счастью, моим сородичам удалось выжить и развиваться до разумного состояния в связи с тем, что мы ели и едим все и всех, кто не пытается съесть нас. Но как решить — существует ли в этом плане что-то вроде традиций, что-то унаследованное от религиозного воспитания на ранней стадии развития общества? Или дело все же только в физиологической потребности?

— Место захоронения вемарцев не обнаружено, — сообщил Флетчер. — А ведь внешние атрибуты почитания умерших свидетельствуют о вере в загробную жизнь. Полной уверенности пока нет, но, судя по имеющимся на этот час сведениям, можно предположить, что вемарцы не религиозны.

— Благодарю вас, коллега, — чуть насмешливо проговорила Мэрчисон, подошла к монитору, нажала клавиши «повтор» и «пауза» в то время, как на экране появилось одно из многочисленных изображений местных обитателей Вемара, и добавила: — Жители Вемара принадлежат к физиологической классификации ДГСГ. Для находящихся среди нас неспециалистов поясню: они теплокровные кислорододышащие существа. Масса тела взрослой особи втрое меньше, чем масса тела взрослого землянина, а поскольку сила притяжения у поверхности планеты составляет одну

целую тридцать восемь сотых, то здоровые особи имеют пропорционально развитую мускулатуру.

Гурронсевас внимательно смотрел на мелькающие на экране фотоснимки и думал о том, что вемарцы очень напоминают виденного им однажды на картине земного кенгуру. Различия заключались в том, что у вемарцев была гораздо более крупная голова и устрашающего вида зубы. Короткие передние конечности заканчивались шестипалыми кистями, на каждой из которых было по два противолежащих больших пальца. Хвост был более массивным, нежели у кенгуру, и заканчивался широким плоским треугольным костным образованием, покрытым плотным слоем мышц. Это утолщение на конце хвоста, как объяснила Мэрчисон, служило сразу трем целям: оно являлось данным вемарцам от природы оружием, помогало более быстро передвигаться при погоне или во время преследования врагами, а кроме того, оно служило для переноски малышей-вемарцев, не умеющих самостоятельно ходить.

На экране появился очаровательный снимок взрослой пары вемарцев. Гурронсевас, правда, не понял, кто из них к какому полу принадлежит, но оба тащили на хвостах по радостному отпрыску. За этим снимком последовал другой: тут вемарцы охотились. Охотясь, они двигались странно и неуклюже: передние конечности складывали перед грудью, подбородками касались земли, задние конечности широко расставляли и просовывали между ними хвост так, что его плоское окончание становилось центром тяжести. И когда возникала необходимость, вермацы опирались на хвост, он спружинивал и давал им возможность совершить прыжок на расстояние равное пяти-шести длинам их тела.

Если охотящемуся вемарцу не удавалось сразу приземлиться задними ногами на свою жертву, то он приподнимал одну заднюю конечность, задирал хвост и с размаху лупил по жертве концом хвоста. Если же прыжок удавался, то вемарец быстро перекусывал позвоночник зверька острыми зубами.

— Хвост у вемарцев необычайно гибок при движении вверх и вниз, — продолжала свои пояснения Мэрчисон, — однако поднять его выше определенной точки они не могут. Почему — это еще предстоит выяснить, однако даже без рентгеновских снимков видно, что строение поясничных и хвостовых позвонков у вемарцев таково, что они не могут прижимать хвост к спине без того, чтобы не произошло значительное смещение спинных позвонков. Поэтому спины и бока — это единственные участки тела вемарцев, уязвимые при нападении на них естественных врагов, которым, помимо всего прочего, нужно нападать на вемарцев врасплох, дабы самим не превратиться в жертвы.

Затем последовало несколько снимков четвероногого животного, поросшего такой черной шерстью, что трудно было разглядеть его получше. У животного были острые зубы и еще более острые и длинные когти. Оно прыгало на вемарца с нависающей над лесной тропинкой ветки. Зверь запускать клыки и когти в мясистую спину вемарца, а тот отчаянно бил по земле хвостом и прыгал, пытаясь сбросить со спины врага. Случайно то было или продуманно, но вдруг во время одного из прыжков вемарец подпрыгнул так высоко, что подлетел до толстой ветки: его враг задел ее и ударился с такой силой, что рухнул наземь, изрыгая куски мяса и шерсти вемарца. Мгновение спустя на землю повалился и сам вемарец. Мэрчисон сказала, что через несколько минут оба соперника были мертвы.

Гурронсеваса подташнивало. Он отвернулся к иллюминатору прямого обзора.

А Мэрчисон продолжала:

— Это лохматое черное животное — один из самых страшных хищников на Вемаре, однако вемарцы, бывает, тоже охотятся на него, так что тут еще можно поспорить — кто едок, а кто едомый. Но хватит на сегодня кровавых трагедий. Снимки эти сделаны для того, чтобы мы лучше узнали и опасались здешних обитателей — как разумных, так и неразумных, а также для того, чтобы мы могли выяснить тонкости их анатомии. С выводами придется подождать.

дать до тех пор, пока мы не получим рентгеновских снимков желудка и кишечника вемарца, однако на основании визуальных наблюдений можно...

На следующие несколько минут речь патофизиолога стала настолько профессиональной и пересыпанной мудреными терминами, что Гурронсевас понимал только отдельные слова. К счастью, заключительное резюме Мэрчисон произнесла внятно и понятно:

— ...Следовательно, не приходится сомневаться в том, что вемарцы были и остаются существами всеядными. Нет данных за то, что у них когда-либо имелся сложный, состоящий из нескольких отделов желудок травоядных. Я бы сказала, что и пищеварительные органы не имеют специализации и не похожи на наши. Ну, то есть за исключением Данальты. Прибавьте к этому такой факт: имеется снимок вемарца-детеныша, который ест блюдо, состоящее из мяса и растений. Затем, согласно наблюдениям наших товарищей, пропорция мяса в ежедневном рационе возрастает. Для существ, принадлежащих к разумному виду, это означает, что пристрастие к мясной пище является добровольным выбором, а не физиологической потребностью. Вероятно, в далеком прошлом имели место какие-то события, заставившие вемарцев склониться к животной пище, однако, какова бы ни была причина такого выбора, на сегодняшний день он неверен. Если вемарцы не изменят своих пристрастий, они вскоре истребят всех животных, на которых привыкли охотиться, и умрут от голода. А вот если бы они занялись земледелием и стали бы выращивать съедобные растения, у них появился бы шанс выжить.

Мэрчисон умолкла, обвела слушателей серьезным взглядом и печально добавила:

— Каким-то образом нам нужно будет уговорить население целой планеты обратиться в вегетарианцев.

Все долго молчали. Патофизиолог не двигалась, замер и Данальта. Приликла метался из стороны в сторону в вихре общих эмоций, а шерсть Нэйдрад гуляла разбушевавшимися волнами, словно под жестоким ветром.

Молчание нарушила кельгианка.

— Так вот почему с нами полетел Гурронсевас? — спросила она.

Глава 19

«Ргабвар» вышел на околосемарскую орбиту и замедлил скорость. Корабль приближался к северной умеренной зоне, где, судя по полученным от Вильямсона сведениям, располагалось семарское поселение, жители которого скорее всего были не так враждебны и заносчивы, как остальные. У Гурронсеваса появилась возможность полюбоваться семарским пейзажем, но не потому, что капитан Флетчер решил сделать медикам приятное, а потому что вряд ли было бы целесообразно пугать шумом двигателей местных жителей, на которых члены экспедиции намеревались произвести благоприятное впечатление.

Казавшиеся прежде выбоинами и канавками неровности поверхности при взгляде с высоты пяти тысяч футов, на которой завис «Ргабвар», оказались глубокими ущельями и высоченными горами. Склоны гор и их вершины смягчались зеленью, перемежавшейся полосами коричневого и желтого цветов. От подножий гор расстилались равнины с пожухлой, коричнево-зеленой травой. На другой планете, как знал Гурронсевас, смена цветов поверхности могла бы соответствовать смене времен года, но Семар не имел постоянной оси наклона.

Вскоре корабль пролетел над длинной узкой полосой пала. Полоса выжженной земли лежала параллельно линии преобладающих ветров. То ли тут ударила молния, то ли какой-то беспечный местный житель неаккуратно воспользовался огнем, и быстро начавшийся пожар мигом охватил почти высохшую растительность. Довольно часто корабль пролетал над руинами семарских городов, поднимавшихся к небу подобно высоким высушенным термит-

никам. Улицы и здания заросли желтой травой и кустарником. Обитали здесь разве что привидения. Гурронсевас очень обрадовался, когда зазвучал голос капитана Флетчера, и прервал лицезрение унылого пейзажа.

— Отсек управления. Мы ожидаем подлета к вемарской деревне через пятнадцать минут, доктор.

— Благодарю вас, друг Флетчер, — откликнулся цинрусскиец. — Пожалуйста, оставайтесь на избранной высоте и совершите круговой облет несколько раз, дабы местные жители привыкли к виду корабля. Совершая облет, отправьте на поверхность планеты коммуникатор и транслятор так, чтобы он оказался рядом с разбитым. Будем надеяться, эту акцию вемарцы воспримут правильно и решат, что мы не обижаемся и проявляем настойчивость, а не разбазариваем ценности. Посадку совершайте до наступления темноты настолько близко к деревне, насколько это возможно, но так, чтобы не создать местным жителям неудобств.

— Как насчет безопасности, доктор?

— Включите противометеоритное поле на близком расстоянии, — ответил Приликла. — Установите поле на отражение, без использования отталкивающей волны, периметр визуализируйте, чтобы вемарцы не наткнулись на него по случайности. Прежде чем сойти с корабля, мы обсудим меры личной безопасности.

Вемарская деревня состояла из нескольких деревянных строений и прорытой в скальной породе траншеи неопределенной глубины. Траншея тянулась по долине и убегала к югу. Долина, зажата с двух сторон склонами глубокого ущелья, освещалась солнцем на несколько часов в день, однако растительность на склонах и дне ущелья выглядела совсем неплохо — почти так же, как на экваторе. Виднелось несколько возделанных участков почвы, но то были скорее не поля, а огороды. Внутри поселения вели большие ворота, закрывавшие вход в прорубленный в скале туннель, и несколько отверстий поменьше. Трудно было сказать, сколько вемарцев могло обитать внутри скалы.

Приблизиться к деревне бесшумно «Ргабвар» не мог. К шуму двигателей капитан, несмотря на то что день еще был

в разгаре, решил добавить включение огней, и в результате яркий свет озарил ворота, ведущие в туннель, словно маленькое треугольное солнце. Пока нанесенные на дельтообразные крылья «Ргабвара» символы — земной красный крест, обведенное кругом солнце Илленсии, желтый лист Тралты и многие другие — ничего не значили для местных жителей, но оставалось надеяться на то, что в скором времени положение изменится и они поймут, что все эти знаки означают одно: стремление оказать помощь.

Судя по всему, решил Гурронсевас, поток доброжелательных слов, заверяющих вемарцев в наилучших намерениях экипажа «Ргабвара», не возымел пока должного действия.

— Не стоит огорчаться, — посоветовал тралтану Приликла. — Я ощущаю исходящее от многих существ чувство любопытства. Многие проявляют осторожность, однако их эмоциональное излучение напряжено и близко к пределам моего...

— Отсек управления, — прервал цинрусскийца голос капитана. — Вы правы, доктор. Наши датчики говорят о том, что к выходу из туннеля спешит множество вемарцев. Они сбились в кучу, и точное их число определить трудно, но мы полагаем, что их никак не меньше сотни. Датчики не улавливают присутствия металлов, следовательно, вемарцы не захватили с собой ни инструментов, ни оружия. Трое из них, которых вы определили как «осторожных», разместились у самого выхода из туннеля и, похоже, сдерживают остальных. Какие будут распоряжения?

— Никаких, друг Флетчер, — отозвался эмпат. — Пока присоединяйтесь к нам. Будем ждать и слушать.

Кто стоял, кто сидел, а Приликла порхал перед экраном монитора иллюминатора прямого обзора, откуда был прекрасно виден вход в главный туннель. Казалось, у входа никого нет, но так могло казаться только тем, кто смотрел невооруженным глазом. Все слушали звучащее для вемарцев звуковое послание. Слова были простые, произносились медленно и внятно, чтобы отлетавшее от скального склона эхо не исказило их значения. Прослушав

звуковое послание первые полчаса, Гурронсевас решил, что оно невыразимо скучно.

«...Мы — друзья, мы не принесем вам вреда, — вещал коммуникатор. — Наше судно может показаться вам странным и даже пугающим, но у нас самые мирные намерения. Мы здесь для того, чтобы помочь вам, в особенности — вашим детям, — если это получится и если вы позволите нам оказать вам помощь. Мы непохожи на тех, кто говорил с вами раньше. Наш корабль невелик. Продуктов на нем столько, что хватит только для экипажа, так что мы не станем унижать вас, предлагая вам пищу. Мы сделаем это только с вашего согласия и разрешения. Мы не знаем, сумеем ли помочь вам. Но нам хотелось бы поговорить с вами, чтобы мы узнали, возможна ли помощь.

Мы — друзья, мы не принесем вам вреда...»

— Старший врач, пока мы ждем, можно задать вам вопрос? — обратился Гурронсевас к Приликле в попытке избавиться от скуки и удовлетворить раздражавшее его любопытство, а оно его мучило с того самого мгновения, как Нэйдрад задала сакраментальный вопрос. — Ранее вы высказались в том роде, что я якобы принят в бригаду медика в качестве советника по диетологическим проблемам. Если так, то это произошло без моего согласия и ведення, но если я не просто «заяц», которого здесь прячут от руководства госпиталя, и если вы солгали капитану Флетчеру для того, чтобы скрыть этот факт, то ответьте мне, будьте так добры, зачем О'Мара отправил меня с вами?

Приликла ответил не сразу. Его хрупкие лапки и тонкое тельце дрожали, однако Гурронсевас сомневался, что виной тому его любопытство и нетерпение. Возможно, эмоциональное излучение исходило от кого-то еще, а возможно, как это всегда бывало с щепетильным эмпатом в подобных ситуациях, он готовился в очередной раз солгать.

— Друг О'Мара, — отозвался наконец цинрусскиец, — излучает множество сложных чувств. Когда он упоминал о вас, я улавливал одобрение, смешанное с раздражением и желанием помочь вам. Но я не телепат. Мне были ясны его

чувства, но не мысли. Но если друг О'Мара решил отправить вас в экспедицию с бригадой медиков...

— ...Значит, он был близок к полному отчаянию, — ворчливо закончила за Приликлу Нэйдрад, шерсть которой тревожно вздыбилась. — Смотрите, они выходят!

Вемарцы хлынули из ворот, словно кто-то повернул вентиль на водопроводном кране. Они бежали и скакали, отталкиваясь от земли хвостами, издавая при этом громкие непередаваемые звуки. Толпа направлялась навстречу «Ргабвару». Что интересно — все они, за исключением тех троих, что стояли у выхода из туннеля и, вероятно, сдерживали остальных, были детенышами. Некоторые из них были так малы, что частенько валились на бок при попытках прыгать с помощью хвоста. Но они снова поднимались и спешили вперед, догоняли своих товарищей. Вскоре толпа рассредоточилась вокруг противометеоритного поля.

Мэрчисон вдруг расхохоталась.

— У меня такое чувство, — сказала она, — что они сейчас примутся грозить нам луками и томагавками.

— А у меня такое чувство, — возразил Приликла, — что они просто взбудоражены и любопытны, потому и шумят, как любые дети в подобных обстоятельствах. Думаю, они не представляют для нас угрозы.

— Прошу прощения, — извинилась перед ним Мэрчисон. — Просто мне пришла на ум шутовская земная аналогия. На самом деле объяснять ее не стоит, не так уж это смешно. Но вот и взрослые подтягиваются — по крайней мере двое.

Взрослые вемарцы двигались медленнее и осторожнее малышей. У одного из них в передней лапе был зажат деревянный посох. Другого оружия не наблюдалось. Двое приближались прыжками, опираясь на хвосты и после каждого прыжка делая небольшую паузу. Третий — еще медленнее. Этот к помощи хвоста не прибегал, шагал на задних лапах, опираясь на посох. Мэрчисон высказала мысль, которая уже напрашивалась Гурронсевасу.

— Взрослые, похоже, физически очень слабы, — сказала патофизиолог, — и передвигаются с предельной осто-

рожностью, шадя хвосты и задние конечности. Но у меня такое подозрение, что их слабость связана с преклонным возрастом, а не с болезнью. Все трое — престарелые женские особи, и... смотрите! Та, что с посохом, направляется к коммуникатору.

— Чувства у вас безошибочные, друг Мэрчисон, — подтвердил Приликла. — Однако невысказанная вами тревога в отношении того, что одна из вемарок собирается употребить посох для того, чтобы повредить коммуникатор, неоправданна. Престарелая вемарка излучает любопытство и небольшое волнение, но не гнев и не желание что-либо расколотить.

— Да и маловато будет тросточки, — высказал свое мнение капитан Флетчер, ворвавшийся в эфир, — чтобы разбить наш коммуникатор.

— Верно, друг Флетчер, — согласился эмпат. — И все же, как только вемарка поравняется с ним, прекратите трансляцию обращения и переключите коммуникатор на переговорный режим связи. У меня такое ощущение, что вемарка хочет говорить.

— И когда же такое бывало, — добродушно проговорил Данальта, наконец подавший голос, — чтобы ваши ощущения вас подвели?

Толпа вемарских детишек, окружившая корабль кольцом, явно утомилась, но не успокоилась. Теперь, вместо того чтобы бегать и подпрыгивать на хвостах, детишки стали собираться небольшими группками около противометеоритного поля. Они толкали почти невидимую преграду, прислонялись к ней под таким углом, что должны были бы упасть, и взбудораженно вопили, когда этого не происходило. Горстка наиболее отчаянных смельчаков разбегалась и стучалась о невидимый барьер. Их, естественно, отбрасывало назад, и они удивленно кричали. Двое взрослых добрались до детей, остановились и принялись негромко переговариваться, но опущенный на Вемар транслятор не в состоянии был отделить их голоса от детского гомона. Третья вемарка остановилась у коммуникатора, который тут же прекратил трансляцию обращения.

— Ну, наконец замолчал, — проговорила вемарка без тени растерянности. — Вы что, думаете, мы тут все глухие? Или тупые? Сколько же раз можно талдычить одно и то же? Разве вы не понимаете, что так нас только разозлить можно? От тех, кто прилетел со звезд, я ожидала большей сообразительности. А ваша глупая машина умеет слушать так же хорошо, как орать? И что вам от нас нужно?

— Уровень громкости снижен на три четверти, — негромко сообщил капитан Флетчер. — Приступайте, доктор.

— Благодарю вас, — отозвался Приликла. Он подлетел поближе к коммуникатору, стоявшему на медицинской палубе, нажал клавишу и проговорил: — Простите нас за то, что наше устройство слишком сильно шумело и этим рассердило вас. Мы вовсе не собирались вас обидеть, и мы ни в коем случае не предполагали, что у вас имеются нарушения слуха или разума. Просто мы хотели, чтобы нас было слышно на большем пространстве.

Мы хотели бы поговорить с вами и вашими друзьями, — продолжал Приликла, — узнать о вас побольше и оказать вам любую посильную помощь. Вы настолько же не знакомы нам, как мы — вам. Вы поймете это, как только нас увидите.

Мы с удовольствием ответим на любые ваши вопросы и хотели бы о многом порасспрашивать вас. Если только у вас нет причин религиозного или какого-то еще характера не отвечать незнакомцу, то мой первый вопрос таков: как вас зовут? Меня зовут Приликла. Я целитель.

— Странное имечко, — проворчала вемарка. — Похоже, как будто горсть гальки перекатывают на ладони. Меня зовут Таусар, я — первая учительница. Целительство и сохранение жизни я оставляю другим. Какой у вас второй вопрос?

— Безопасно ли юным вемарцам находиться так далеко от поселения, на открытом пространстве? Нас им бояться, конечно, незачем, но скоро стемнеет. Нет ли опасности нападения ночных хищников?

Гурронсевасу казалось, что Приликла мог бы задать и более важный вопрос, но он тут же понял, что выражение заботы о безопасности малышей — залог того, что все последующие его слова будут восприняты благожелательно.

— Мы привыкли, — отвечала Таусар, — выпускать детей из поселения в горе на несколько часов каждый день. Мы, конечно, следим за тем, чтобы солнце не опалило их нежную кожу и чтобы поручаемая им работа не сказалась отрицательно на их способности в свое время произвести на свет потомство. Прогулки на свежем воздухе помогают детям истратить энергию, которая в противном случае выразилась бы в непослушании, шуме на уроках и в том, что они баловались бы в спальнях и не дали бы учителям заснуть. В пещерном городе дети не могут свободно бегать и прыгать, а это противоестественно для них. Хищники им не грозят, так как в этой области они все давным-давно истреблены без остатка. Ваш корабль вызвал у них огромный интерес, и к тому же они замечательно избавляются от избытка энергии. Как долго пробудет здесь ваш корабль?

«Школа, — подумал Гурронсевас, — вот идеальное место, где можно отыскать гибкие и пытливые умы!» Он видел, что медики пребывают в состоянии радостного волнения.

— Столько, сколько вы нам позволите здесь остаться, — отвечал Приликла. — Но нам бы очень хотелось познакомиться с вами и вашими друзьями лично и поговорить без помощи этого устройства. Это возможно?

Таусар довольно долго молчала, затем ответила:

— Нам не следует тратить время на разговоры с вами. Если мы на это согласимся, нас все осудят. Ну да ладно, мы слишком стары и чересчур любопытны, а бояться нам нечего. Но вы должны улететь до возвращения охотников. Это вы мне обязаны пообещать.

— Обещаем, — без обиняков отозвался Приликла, и никто из медиков не усомнился в том, что это обещание будет неукоснительно выполнено. — Однако при личной встрече могут возникнуть некоторые сложности. Физически мы все очень отличаемся от вемарцев. Малыши, а может быть, и вы, взрослые, могут нас испугаться.

Таусар издала непередаваемый звук и сказала:

— Тех существ, что прилетели на другом корабле, мы не видели, но они себя нам описали словесно. Они — странные прямоходящие существа без хвоста-балансира. Неко-

торые из них покрыты шерстью целиком, а у некоторых шерсть растет только на голове. Но они хотели вмешаться в нашу жизнь, поэтому охотники разбили их говорящие устройства, а потом отправились на охоту. Что же до того, что дети испугаются, то я сильно сомневаюсь, что вы напугаете их сильнее, чем те безумные чудовища, какими они вас успели себе представить.

Но если подумать хорошенько, — продолжала Таусар, не дав Приликле вставить словечко, — было бы лучше вам пока не показываться. Детишки и так взбудоражены не в меру, а если они вас увидят, мы их спать не загоним, да и не уснут они. Если вы собираетесь какое-то время побыть здесь у нас, для нас было бы удобнее, для вас безопаснее, если бы вы представились детям во время уроков.

— Вы меня неправильно поняли, Таусар, — возразил Приликла осторожно. — Те существа, что описали вам себя, были орлигианцами и землянами. У нас же на корабле пятеро землян — это те самые существа, у которых шерсть растет на голове, и еще четыре создания, которые вам покажутся еще более необычными. Одно из этих существ — тралтан, создание с шестью ногами и массой тела, втрое превышающей массу тела взрослого вемарца. Второе — кельгианка, по размерам она вдвое меньше вас и по весу также. У нее двадцать пар ножек, и она покрыта серебристым подвижным мехом. Третье существо — это мимикрист, способный менять форму своего тела по желанию и в зависимости от ситуации может выглядеть и устрашающе, и вполне дружелюбно. И наконец, четвертое существо — это я, крупное летающее насекомое. Если лицезрение кого-либо из этих существ способно испугать вас, то оно не выйдет к вам, останется на корабле.

— А ваш этот... то, что меняет форму тела... он... он... — несколько растерянно и даже как-то заворуженно проговорила Таусар, но тут же взяла себя в руки и решительно заявила: — Это создание из сказочек, которые рассказывают совсем маленьким детишкам. Взрослые в таких не верят.

Вероятно, из тех соображений, чтобы не смутить в дальнейшем Таусар, Приликла промолчал. А внизу, на палубе,

прямо под порхающим у коммуникатора Приликлой, Данальта сморщился и мгновенно преобразился в сторбившуюся престарелую вемарку.

— Без комментариев, — резюмировал он.

Глава 20

На следующий день, рано утром, когда солнце только-только позолотило выходящий на восток склон ущелья, а вход в поселение еще лежал в тени, Таусар появилась около мерцающего противометеоритного поля. В это время несколько групп, в каждой по двадцать—тридцать юных вемарцев в сопровождении одного взрослого, уже покинули поселение и рассредоточились по склонам, где занялись разнообразной работой или учебой.

Посоветовавшись, экипаж «Ргабвара» решил, что вемарское поселение представляет собой нечто среднее между учебным заведением и надежным приютом для детей, чьи родители-охотники либо отсутствовали долгое время, либо умерли. Предположение пока оставалось предположением, не более того. Утвердиться в нем или отказаться от него — все зависело от предстоящей встречи с Таусар.

Памятуя о том, как медленно передвигалась Таусар, когда шла к кораблю в первый раз, и о том, что, вероятно, ходить ей было больно, Гурронсевас не удивился, когда Приликла распорядился приготовить антигравитационные носилки. Нужды нагружать носилки легкими портативными инструментами, которые собирались захватить с собой медики, не было, поэтому ни у кого не оставалось сомнений: цинрусскинец хочет попробовать уговорить Таусар вернуться к поселению с удобством, а не мучиться от ходьбы, доставлявшей ей такую боль, тем более что ее страдания неминуемо отразились бы на самочувствии эмпата.

Первым из люка вылетел Приликла и завис в воздухе. За ним появились Мэрчисон, Нэйдрад, Данальта и Гур-

ронсевас, спустившиеся по винтовому трапу, а затем они все вместе беспрепятственно преодолели противометеоритное поле, не оказывавшее сопротивления никому и ничему, удалявшемуся от корабля. Гурронсеваса медики с собой не звали. Но и не велели оставаться на борту, потому он и решил прогуляться вместе с ними, так как нуждался в большем объеме движений, чем тот, что мог себе позволить на палубе.

Таусар оглядела их всех по очереди, не произнося ни слова. Медики и Гурронсевас выстроились полукругом, тактично намекнув тем самым Таусар, что она вольна, испугавшись, уйти. Радужные крылышки Приликлы медленно поднимались и падали, шерсть Нэйдрад ходила серебристыми волнами, Мэрчисон улыбалась, Гурронсевас стоял как вкопанный. Данальта поочередно принял вид облысевшей кельгианки, несколько карикатурной Мэрчисон, после чего снова превратился в кучку бесформенного зеленого желе с глазом, ухом и ртом. Молчание в конце концов нарушила Таусар.

— Видеть я тебя вижу, — изрекла она, глядя на Данальту, — но что ты существуешь, не верю. — Переведя глаза на Приликлу, Таусар добавила: — Насекомых я вообще-то не очень люблю — и тех, что ползают, и тех, что летают, но вы очень красивы!

— О, благодарю вас, друг Таусар, — отозвался Приликла, едва заметно задрожав от удовольствия. — Вы прекрасно выдержали первую встречу с пришельцами, и у меня такое чувство, что вы лично нас не боитесь. А как остальные — взрослые и дети?

Таусар издала короткий непередаваемый звук и сказала:

— Они оповещены о том, что вы страшны и непонятны, смешны и уродливы. Они уже знают, что ваши друзья хотели заставить нас изменить нашим традициям и верованиям и убедить нас в том, что можно есть, а что — нельзя, и как нам поступать с тем Светом, что Поедает Всех и Вся. Они даже просили разрешения заглянуть внутрь наших тел и сделать с нами такое, что позволено только супругам. Те ваши друзья, что пытались говорить с нами раньше, нас не испугали. Они вызвали у нас ярость, гнев, они оскорбили

нас. Мы хотим одного: чтобы они как можно скорее ушли подальше от нашей планеты, но мы знаем, что вы не хотите причинить нам вреда.

Теперь, когда я рассказала вам, какого мы о вас мнения, — поинтересовалась Таусар, — вы все еще собираетесь звать меня другом?

— Да, — честно ответил Приликла. — Но вы вольны не называть меня другом до тех пор, пока сами того не захотите.

Таусар издала жужжащий звук и проговорила:

— Я столько не проживу. Однако нам нужно многое увидеть и задать друг другу много вопросов. Желаете начать с долины или с поселения?

— Поселение ближе, — сделал выбор Приликла. — И вам не придется далеко идти пешком. Кстати, если вы не откажетесь забраться на эти носилки, вам будет совсем легко.

— Но они... эти ваши... носилки... они же не лежат на земле, — обескураженно проговорила вемарка. Видно было, что в ее душе борются противоречивые чувства: боязнь новизны и мука от боли в старческих суставах. — А на вид они все же довольно прочные...

Через несколько минут Таусар осторожно уселась на носилки, Нэйдрад включила двигатель, и носилки плавно заскользили над землей в направлении поселения вемарцев. Медики последовали рядом пешком.

— Я... я лечу! — восхищенно воскликнула Таусар.

Полет, по подсчетам Гурронсеваса, протекал на высоте нескольких дюймов.

В наушниках у всех звучал голос капитана Флетчера, постоянно сообщавшего о том, что происходит в долине. А происходило там следующее: несколько групп детей под руководством взрослых собирали на склонах что-то, похожее на съедобные растения, и обрабатывали почву. А вот три группы детей постарше вызвали у капитана некоторую тревогу, поскольку они упражнялись с рогатками, луками, дубинками и копьями. Копья, правда, имели тупые концы, сработаны были грубовато, посередине имели утолщения, так что ими можно было пользоваться как колющим, так и

двуручным толкательным оружием, и они явно были великоваты для подростков-вемарцев.

— Они не играют с деревянными мечами и копьями, как другие дети их возраста, — настаивал капитан. — Ни они, ни их инструктор не относятся к этим занятиям как к игре. Тут все гораздо серьезнее. Это самые старшие из детей, и у них там запросто где-нибудь может быть припасено оружие с металлическими наконечниками. На таком расстоянии наши датчики разницы не улавливают, но если у вас с Таусар что-то пойдет не так, отступление к кораблю может быть перекрыто.

Приликла на это предупреждение не отвечал до тех пор, пока процессия не приблизилась ко входу в поселение. Когда же цинрусскиец заговорил, у Гурронсеваса создалось такое впечатление, что эмпат хочет успокоить и капитана, и членов экспедиции.

— В эмоциональном излучении взрослых и маленьких вемарцев, которые вчера подходили к кораблю, я не уловил враждебного настроения и эмоций, характерных для тех, кто пытается скрыть враждебность. И хотя считать вемарцев нашими друзьями ни в коем случае нельзя, они все же не настроены против нас настолько антагонистично, что готовы совершить физическое насилие. Таусар свою неприязнь по отношению к нам держит под контролем или по крайней мере старается не обращать на нее внимание, но при этом ею владеет нечто большее, чем обычное любопытство в отношении чужаков. Более точно определить ее чувства я пока не в состоянии, но у меня такое ощущение, что она чего-то от нас хочет. До тех пор, пока мы не выясним, чего она хочет, мы в полной безопасности.

Кроме того, — продолжал эмпат, — с нами друзья Даланьта и Гурронсевас. Наш мимикрист способен принять множество обликов, в которых может отпугнуть расшалившихся детишек, а у нашего Главного диетолога практически непробиваемая кожа, а его массы и силы мускулов хватит для того, чтобы защитить нас в случае чего.

— Доктор Приликла, — предостерег цинрусскийца капитан Флетчер. — Бригаде медиков предстоит осуществить

первый контакт. Кто-то из вас может обронить какие-то слова или что-то такое сделать, из-за чего настроение Таусар может внезапно резко измениться. Так почему бы не поговорить под открытым небом, чтобы я мог держать вас под наблюдением и, если случится беда, подтянуть вас к «Ргабвару» гравилучом? Ваше решение отправиться в пещерный город меня сильно тревожит.

В это время процессия остановилась у входа в поселение. Носилки плавно опустились на землю. Таусар вдруг посмотрела на Приликлу и сказала:

— Может быть, вам все же не стоит входить в наш пещерный город?

Данальта сморщился, дрогнул и проговорил:

— В такой местности не бывает эха.

Никак не ответив на это замечание, Приликла поинтересовался:

— Почему вас это тревожит, друг Таусар?

Прежде чем ответить, вемарка обвела взглядом всех по очереди.

— Мне о вас ничего не известно — каковы ваши привычки, как вы относитесь к незнакомым местам и существам, как вы живете и что едите. Ровным счетом ничего. И вдруг я подумала: может быть, вам не захочется идти к нам в гости? Соединительные туннели внутри поселения узкие и низкие. Более или менее хорошо освещены только те помещения, где мы собираемся все вместе, да и то — на ограниченное время в течение дня. Даже вемарцев, бывает, нервнует пребывание в замкнутом пространстве и не дает покоя мысль о том, что на тебя давит всем своим громадным весом гора.

А вы, Приликла, — продолжала старуха учительница, — летающее насекомое, привычное к свободному полету. Боюсь, что ваше хрупкое тельце и широкие крылья не годятся для того, чтобы пробираться по туннелям внутри горы.

— Благодарю вас за заботу, друг Таусар, — откликнулся Приликла, — но тревожиться не о чем. Мы все привыкли к работе в тесноте, наш корабль чем-то похож на металлическую гору, и там внутри тоже много туннелей, связываю-

щих между собой различные помещения. Освещение внутри корабля прекрасное, но на тот случай, если нам у вас покажется темновато, мы захватили портативные источники освещения. Если кто-то почувствует себя неважно, он сможет сразу же вернуться на корабль. Но не думаю, что это произойдет...

В отношении чужих ощущений и чувств Приликла никогда не ошибался — Гурронсевас это прекрасно знал, и все-таки он не был так уверен в собственных чувствах, как эмпат. Тралтан терпеть не мог тесных темных мест, но после того, как Приликла счел его одним из потенциальных защитников экспедиции, он не мог повести себя трусливо и отказаться войти в пещерный город. Для начала он как минимум должен был посмотреть, как там все внутри устроено.

— ...Что же касается лично меня, — продолжал тем временем Приликла, — то я привык спать в комнатке, напоминающей кокон, без света. Мои крылья и лапки могут так складываться, что, если вы не возражаете, я мог бы устроиться вместе с вами на носилках. Насколько узки ваши туннели? По ним сумеют пройти все члены нашей бригады?

— Да, — ответила Таусар, перевела взгляд на Гурронсеваса и добавила: — С трудом.

А еще несколько минут спустя Приликла устроился рядом с Таусар на носилках, Нэйдрад включила двигатель и засеменила следом за носилками. Впереди пошел Данальта. А за Нэйдрад — Мэрчисон и Гурронсевас, которого капитан довольно обеспокоенно окрестил «арьергардом».

Вскоре Гурронсевас немного успокоился. Туннель оказался гораздо шире, чем он ожидал, да и освещение не было настолько тусклым, чтобы прибегать к использованию устройства, увеличивающего остроту зрения. Наверное, просто у вемарки зрение было хуже, чем у тралтана, — вот она и извинилась заранее за возможные неудобства. Приликла и Таусар негромко переговаривались, но топот множества ножек Нэйдрад не позволял тралтану расслышать, о чем говорят вемарка и цинрусскиец. Зато в его наушниках непрерывно звучал голос капитана Флетчера.

— ...Судя по показаниям глубинных датчиков, — вещал Флетчер, — пещерный город являет собой выработанную и давно не эксплуатирующуюся медную копь. Ее возраст — несколько столетий, судя по состоянию крепежных конструкций в туннелях. Между тем, судя по всему, крепи не так давно ремонтировали. Многие галереи, расположенные в глубине горы, завалены вследствие обрушивания породы, и хотя вемарцы, может быть, не желают причинить вам никакого вреда, из заваленного туннеля вам вряд ли удастся выбраться. Прошу вас, перемените ваше решение и попробуйте уговорить Таусар побеседовать снаружи.

— Нет, — друг Флетчер, — отказался Приликла. — Таусар хочет разговаривать с нами здесь, в пещерном городе. Она очень смущена и желает, чтобы наша беседа носила личный характер. Она не ощущает беспокойства, характерного для ожидания обвала в туннеле.

— Хорошо, доктор, — вздохнул Флетчер. — Не трудно ли вам дышать? Не ощущает ли кто-либо из вас каких-то запахов, способных указывать на наличие воспламеняющегося газа?

— Нет, друг Флетчер, — успокоил капитана эмпат. — Воздух свежий и прохладный.

— Вы меня не удивили, — отозвался Флетчер. — Живут вемарцы только в верхних галереях и сумели обеспечить себя хорошо продуманной системой естественной вентиляции. Они располагают небольшим электрогенератором, обеспечивающим их током, достаточным для освещения. Генератор работает от турбины, которую приводит в действие подземная река у подножия противоположного склона горы. Датчики также указывают на наличие нескольких точек с повышенной температурой. Скорее всего это либо очаги для приготовления пищи, либо печи, вблизи которых распространяются продукты горения. Однако уровень загрязнения воздуха не угрожающ для жизни. Но все равно, прошу вас, будьте осторожны.

— Благодарю вас, непременно постараемся, — ответил Приликла и возобновил беседу с Таусар.

Процессия миновала несколько боковых ответвлений главного туннеля и небольших темных помещений. Кое-где Гурронсевас задевал головой потолок, а его бока терлись о стены. Воздух продолжал оставаться свежим и прохладным. Едва заметно пахло чем-то, что Мэрчисон определила как смесь дыма, образовавшегося при горении дерева, с запахами, характерными для приготовления пищи. А еще через несколько минут они прошли вблизи входа в кухню.

— Друг Гурронсевас, — проговорил Приликла в микрофон, чтобы его услышал шагавший последним Гурронсевас, — я чувствую ваше сильное любопытство и думаю, что причина его мне ясна, но полагаю, что пока нам нужно держаться всем вместе.

Они ушли от кухни, и запах становился все слабее и слабее. Гурронсевас призывал на помощь свое обоняние, отточенное годами кулинарной практики, пытаясь определить, чем же пахнет. Однако такого запаха он прежде никогда не ощущал. Или все же ощущал?

Водяной пар с мельчайшей примесью соли содержал микроскопические количества ряда растений, которые либо варили, либо тушили одновременно. У одного из этих растений запах был резкий и тяжеловатый, напоминавший кельгианский сомрат или земную капусту, но другие пахли настолько слабо, что даже Гурронсевасу было не под силу их различить. А еще пахло мукой грубого помола, из которой что-то пекли. Но гораздо больше тех ингредиентов, которые опытное обоняние Гурронсеваса уловило в приготовляемом вемарцами блюде, его поразило отсутствие того, что бы он добавил в это блюдо, будь он вемарским поваром.

Гурронсевас мысленно урезонил себя, напомнив себе о том, что в Федерации существовало довольно большое число существ, которые достигли большого совершенства в развитии техники, но при этом искусством кулинарии себя не обременяли, оставаясь в этом плане сущими дикарями.

Глава 21

Через несколько минут туннель закончился, и процессия попала в просторное помещение, вырубленное в скальной породе. Над обработкой стен и пола вемарцы, судя по всему, особо не трудились. Скорее всего пещера была естественного происхождения либо образовалась в свое время при расширении копей.

Примерно в двухстах ярдах впереди виднелась стена, сложенная из больших необработанных камней, скрепленных между собой строительным раствором. Стена закрывала выход из пещеры в ущелье, и в ней было прорублено несколько больших окон. В трех из них сохранились стекла, а остальные были забиты досками, и скорее всего давным-давно. Проникавший в окна дневной свет смешивался с искусственным, исходящим от испускавших желтоватое тусклое свечение ламп. В пещере стояли высокие, длинные, похожие на скамьи столы, за каждым из которых могло разместиться по двадцать вемарцев.

Сначала Гурронсевас решил, что перед ним — вемарская столовая, но, осмотревшись получше, заметил в пещере несколько предметов, безошибочно указывавших на то, для чего она служила. Этими предметами были школьная доска и указка. А вот вдоль стен стояли другие столы. На некоторых лежали тарелки и другие кухонные принадлежности, а на других книги — старые, потрепанные. На вогнанных в стены железных штырях висели большие географические карты в рамках — потрескавшиеся, выцветшие.

Итак, процессия оказалась в школьном классе, одновременно служившем вемарцам столовой.

Благодаря видеокамерам, имевшимся у всех членов экспедиции, Флетчер на «Ргабваре» видел на мониторе то же самое, что предстало перед глазами путешественников; однако капитан все равно комментировал происходящее — видимо, потому, что производил видео- и аудиозапись, синхронно передававшуюся на «Тремаар».

— ...Мебель и оборудование старые, — говорил Флетчер. Металлические ножки покрыты толстым слоем ржавчины. Ремонт деревянных частей мебели производился скорее всего довольно давно. Крепежные конструкции стен также проржавели. Видимо, у вемарцев не хватает стекла, в противном случае они бы не стали заколачивать досками оконные проемы, способные пропустить в помещение больше дневного света, необходимого при проведении уроков.

Я не сумел разглядеть эту стену на поверхности горы, — продолжал Флетчер несколько извиняющимся тоном, — поскольку она сложена из местного камня, обветрившегося и потемневшего от времени. Кроме того, над стеной нависает скальный козырек. Я бы сказал, что скорее всего эта стена защищает, а не прячет юных обитателей пещерного города от посторонних глаз, поскольку выход из пещеры располагается в ста футах от подножия горы на отвесной скале. Но вот теперь мы видим стену четко и ясно. Если возникнет чрезвычайная ситуация, Гурронсевас и Данальта смогут легко выбраться через заколоченные оконные проемы. Доктор Приликла может вылететь наружу, а остальные сумеют спастись с помощью...

— ...Только не с помощью антигравитационных носилок! — воскликнула Нэйдрад, и ее шерсть вздыбилась иголочками. — Они не рассчитаны на настоящие полеты. Это практически наземное средство передвижения! На высоте более пятидесяти футов носилки подобны пьяному коррелину!

— С помощью гравилуча, — закончил начатую фразу Флетчер. — Корабль стоит достаточно близко для того, чтобы луч дотянулся до вас и притянул к «Ргабвару».

— Капитан, — вмешался Приликла, — вероятность того, что сложится ситуация, грозящая опасностью для жизни, крайне мала. Эмоциональное излучение Таусар и тех вермацев, что находятся внутри пещерного города, не враждебна, а они здесь пользуются авторитетом. Наш друг излучает смесь стыда, смущения и сильного любопытства. Она чего-то хочет от нас — возможно, всего лишь каких-то сведений. Но она вовсе не желает, как утверждает ваша земная, очень образ-

ная, но анатомически неточная поговорка, «сделать подтяжки из наших кишок». Прошу вас, переключитесь на описательную речь, а не то Таусар решит, что мы разговариваем о ней.

Приликла и Таусар вернулись к беседе. Время от времени к их разговору подключались другие медики, и вскоре разговор принял ярко выраженный медицинский характер, и Гурронсевас утратил к нему интерес. Он подошел к окнам, откуда увидел озаренный мерцающим куполом противометеоритного поля «Ргабвар» и разбросанные по долине группы юных вемарцев, занятых своим трудом. Группа, расположившаяся дальше других, выстроилась в цепочку и явно направлялась к пещерному городу.

С корабля пока ни о чем нехорошем не сообщали. Скорее всего вахтенный офицер, находившийся ниже Гурронсеваса, попросту не видел этой возвращающейся группы.

Гурронсевас скосил один глаз и посмотрел, не оборачиваясь, на Приликлу и Мэрчисон. Они занимались тем, что демонстрировали друг на друге и Нэйдрад, как работает встроенный в носилки сканер. Данальту к демонстрации не привлекали, так как его внутренние органы были способны произвольно перемещаться с места на место и были слишком сложны для первого урока по анатомии инопланетян. Удивительно, но Таусар быстро свыклась с мыслью о возможности такого быстрого исследования тела живого организма, а ведь ей, престарелой особи, по идее должны были быть свойственны косность мышления и недоверчивость. Она смотрела на появляющиеся на экранчике сканера внутренние органы словно завороченная, а там сменяли друг друга бьющиеся сердца и легкие на различных стадиях респираторного цикла, сложные костные структуры Старшего врача-цинрусскийца, патофизиолога-землянки и Старшей сестры-кельгианки.

И естественно, Таусар стало любопытно заглянуть и внутрь собственного тела, вследствие чего у Приликлы появилась возможность задать вемарке медицинские вопросы более личного свойства.

— Если вы внимательно посмотрите на свой тазобедренный и коленный суставы — вот сюда и вот сюда, — говорил Приликла, — вы увидите слои хрящевой ткани, которая лежит между суставами. Эта ткань должна иметь вид тонкой прослойки, обеспечивающей снижение трения суставов друг о друга. В вашем случае поверхность суставов утратила гладкость. Изменилось строение кости, поверхность стала неровной, вследствие чего движение конечностей стало затрудненным, во что вносит свой вклад давление веса тела на утратившие подвижность суставы. Из-за всего этого хрящевая ткань потеряла целостность, воспалилась, а это еще более усугубляет ваше болезненное состояние, ваши движения затруднены и болезненны...

— Вы бы мне лучше рассказали о том, чего я сама не знаю, — вздохнула Таусар.

— Расскажу, — негромко отозвался Приликла. — Но прежде чем я это сделаю, мне бы хотелось попросить вас выслушать то, что скорее всего вы действительно знаете. Ваше состояние вызвано процессом старения, общим для всех живых существ. В разное время, в зависимости от продолжительности жизни, мы все стареем, наши физические и порой и умственные способности ухудшаются, и в конце концов мы умираем. Никому из нас не под силу придать процессу старения обратный ход, однако при условии применения соответствующих лекарств и адекватного лечения болезненные симптомы можно уменьшить, отсрочить начало их проявления и ликвидировать физические неудобства.

Таусар какое-то время молчала. Гурронсевасу не было нужды становиться эмпатом для того, чтобы понять степень недоверия вемарки к сказанному цинрусским врачом. Наконец вемарка осторожно проговорила:

— От ваших лекарств я или отравлюсь, или подцеплю какую-нибудь дурацкую чужацкую болезнь. Мое тело должно оставаться здоровым и чистым, несмотря на недостатки. Нет!

— Друг Таусар, — заботливо проговорил Приликла, — мы ни в коем случае не стали бы вам предлагать свою по-

мошь, если бы существовал хоть малейший риск. Вы просто не понимаете, насколько мало различий между вемарцами и теми, кто сейчас рядом с вами. А не понимаете потому, что у вас не было случая задуматься об этом. Мы дышим почти одинаковым воздухом и едим почти одинаковую пищу...

На миг радужные крылышки Приликлы дрогнули — но только на миг. Он не смутился и продолжил говорить:

— Поэтому процессы, протекающие в наших телах, — дыхание, пищеварение и выделение органических отходов, размножение и рост также очень похожи. Однако существует одно, крайне важное различие: мы не способны заразиться друг от друга инфекционными болезнями, а вы не можете заразиться ни от одного из нас. Это связано с тем, что патогенные микробы, зародившиеся на одной планете, не могут вызвать заболевание у существ, родившихся на других планетах. После многовековых наблюдений и контактов со множеством миров мы не обнаружили ни одного исключения из этого правила.

Ненадолго отключив транслятор, Приликла быстро протараторил:

— При упоминании о пище снова имела место сильная эмоциональная реакция. К ней снова примешались чувства стыда, любопытства и сильного голода. С какой стати особи с голодающей планеты стыдиться чувства голода?

Возобновив разговор с Таусар, цинрусскиец сказал:

— Мы, конечно, не можем обещать, что вы сможете бегать и прыгать, как юная вермарка. Но если нам удастся подлечить вас, вы почувствуете значительное облегчение. Если не удастся, то ваше состояние останется прежним. До начала лечения нам потребуется взять у вас пробы тканей для анализа. Пробы безболезненны.

Гурронсевас знал, что прозвучавшие слова — не медицинская ложь во спасение, поскольку в данном случае доктор чувствовал то же самое, что и пациентка. Судя по тому, как слегка завибрировали лапки Приликлы, пациентка принимала очень трудное решение.

— Наверное, у меня не все в порядке с головой, — внезапно произнесла Таусар. — Очень хорошо. Я согласна. Только поторопитесь, пока я не передумала.

Бригада медиков собралась около вемарки, все еще лежавшей на носилках. Приликла сказал:

— Благодарю вас, друг Таусар, мы поторопимся.

— Сканер включен на запись, — сообщила Мэрчисон, после чего беседа медиков приняла столь перенасыщенный терминами характер, что Гурронсевас отвернулся к окну.

Теперь уже четыре группы юных вемарцев направлялись к пещерному городу, а остальные, судя по всему, должны были к ним присоединиться, дабы все пришли ко входу в город одновременно. Дети не бежали и не прыгали, а шли пешком, приноравливаясь к медленной поступи своих наставников. По подсчетам Гурронсеваса, вемарцы должны были подойти к городу примерно через час. Скоро они должны были появиться в поле зрения наблюдателей на «Ргабваре». Гурронсевас гадал, почему дети не торопятся — то ли такие послушные, то ли их не прельщает мысль об ожидающий их в городе еде. Запахи, исходящие с кухни, все больше интересовали тралтана.

Но вдруг он понял, что Приликла говорит о нем.

— То, что он нас покинет, не будет служить проявлением неуважения, — объяснил цинрусский эмпат вемарке, — поскольку по роду деятельности Гурронсеваса больше интересует то, что мы помещаем внутрь наших организмов, чем то, что из них выходит наружу. Как только у вас появится свободное время, Гурронсевас гораздо более бы заинтересовался исследованием процесса приготовления пищи вемарцами, чем...

— Пожалуйста, он может посетить наши кухни хоть сейчас, — ответила Таусар. — Главная повариха знает о прибытии чужеземцев и будет рада познакомиться с Гурронсевасом. Ему нужно сопровождение?

— Благодарю вас, не нужно, — ответил Гурронсевас, а в уме добавил: «Нос доведет».

— Я тоже подойду на кухню, — добавила Таусар, — как только закончится это странное действие.

Гурронсевас уже приближался к выходу в туннель, когда Приликла вдруг переключился на связь с ним и сказал:

— Друг Гурронсевас, я заговорил с Таусар о вас только для того, чтобы немного отвлечь ее от мыслей об обследовании. Но неожиданно она ответила той же самой эмоциональной реакцией, какую я регистрировал ранее. Я вновь ощутил ее чувство голода, сильный стыд или замешательство, но на этот раз эмоции оказались гораздо интенсивнее, чем прежде. Будьте осторожны и осмотрительны. У меня такое предчувствие, что вы можете обнаружить нечто очень важное для нас. Сохраняйте с нами постоянную аудиосвязь и, прошу вас, соблюдайте осторожность.

— Я буду осторожен, доктор, — заверил эмпата Гурронсевас, торопливо пробираясь к выходу между столами. Зачем Приликла так беспокоится за него? Уж кому, как не Гурронсевасу, знать, какие неприятности могут случиться на кухне и как их избежать?

Приликла возобновил попытки отвлечь Таусар от раздумий о том, что с ней творили чужеземные целители — Мэрчисон и Нэйдрад.

— Для получения наилучших результатов, — говорил эмпат, — нам бы следовало обследовать также молодого, активного, здорового вемарца, близкого к достижению зрелости. Но его нам нужно обследовать исключительно для сравнения, не для лечения. Можно ли это устроить?

— Почему бы и нет? — отозвалась Таусар. — Дети обожают рисковать — кто из дерзости, кто из любопытства, а кто-то ради того, чтобы оказаться лучше сверстников. Наверное, я именно потому согласилась на обследование, что уже давно впала в детство.

— Нет-нет, друг Таусар, — заверил вемарку Приликла, — в вашем стареющем теле живет молодой, пытливый ум. Вряд ли среди ваших сородичей нашлось бы много таких, кто осмелился бы встретиться лицом к лицу с компанией чужеземцев — существ для вас совершенно незнакомых и внешне пугающих. Тем более вряд ли кто-то стал бы так

помогать нам осуществлять исследование. Вы повели себя очень храбро. Но скажите, вами двигало только любопытство или вы зачем-то еще пригласили нас сюда?

Последовала долгая пауза, после чего Таусар сказала:

— Не такая уж я особенная. Есть и другие — такие же храбрые или такие же глупые, как я. Большинство из тех, кто сейчас живет в городе, очень хотели посмотреть на вас и узнать, какая нам от вас может быть польза. Другие, те, что сейчас на охоте, о вас и слышать не желают. Я — главная учительница, и именно я была должна пригласить вас в город. Удивительно, что вас долго не пришлось уговаривать. Так что, наверное, и вы тоже или очень храбрые, или очень глупые. А вот то, что вы меня поставили в такое положение, что я не могу отплатить вам за предложение избавить меня от боли, это нечестно.

— Друг Таусар, — прервал вемарку Приликла, — не за что тут платить. Однако если у вашего народа принято платить добром за добро, то считайте, что вы нам отплатили сторицей, так как позволили нам удовлетворить профессиональное медицинское любопытство в отношении вемарцев. Что же касается ваших суставов, то от болезненных симптомов вас можно легко избавить, а вот для возвращения суставам полной подвижности придется целиком удалить пораженную часть кости и заменить ее протезами из металла или прочной пластмассы.

— Нет! — вырвался у вемарки отчаянный крик.

Он прозвучал настолько злобно, что ему явно сопутствовала сильнейшая эмоциональная реакция. Гурронсевас очень порадовался тому, что не видит сейчас Приликлу. Тралтан пробирался по туннелю и к тому времени, когда эмпат вновь сумел обрести дар речи, был в нескольких шагах от входа в кухню.

— Вам нечего бояться, друг Таусар, — уговаривал вемарку эмпат. — Операции по замене суставов делают во множестве, они не представляют собой ничего необычного, сверхъестественного. На некоторых планетах таких операций делается до тысячи в день, и в большинстве случаев замещенные суставы ведут себя лучше, чем «родные». Ника-

кой боли не будет. Операция осуществляется, когда пациент пребывает в бессознательном состоянии, и...

— Нет, — чуть менее гневно, но не менее решительно отказалась Таусар. — Это невозможно. Из-за этого часть моего тела станет несъедобной.

Гурронсевас в это время вошел в помещение, представлявшее собой некую прихожую перед кухней. Из прихожей в кухню вели двустворчатые двери, за которыми не было видно, что творится на кухне, но обоняние подсказывало: там вовсю идет процесс приготовления пищи. В том помещении, что предшествовало кухне, Гурронсевас увидел длинные скамьи, уставленные подносами, аккуратно сложенными столовыми принадлежностями, и полки, уставленные горшками, блюдами разного размера и чашками, большинство из которых потрескались или утратили ручки. Как только смысл последнего высказывания Таусар дошел до Гурронсеваса, он резко остановился.

Тралтан мог только гадать, как отреагировали на заявление вемарки его товарищи. Наверняка они от шока просто онемели. Первой обрела дар речи патофизиолог.

— М-мы... то есть я хотела сказать — все разумные существа, которые нам известны, хоронят своих мертвых, или сжигают их, или обходятся с ними как-то иначе, но никогда и никто не употребляет мертвецов в пищу.

— И очень глупо делают! — фыркнула Таусар. — Выбрасывать столько еды! На Вемаре мы себе не можем позволить такой расточительности. Мы чтим и помним наших умерших, если они заслужили такое отношение своей жизнью, но честно говоря, то, как кто-то прожил жизнь, никак не сказывается на его вкусе, конечно, если речь идет о вемарце или вемарке, умерших здоровыми. Мы, безусловно, не станем есть того, кто умер слишком давно или умер от болезни, а также того, в чьем теле имеются вредные вещества — такие, как суставы из металла или пластмассы. Но если мы уверены в том, что мясо не повредит нам, мы съедим что угодно. Я стара, и, наверное, плоть моя стала жесткой и жилистой, но она все равно питательна.

А самые лакомые, — продолжала рассказывать вемарка, — это малыши и подростки, погибшие от несчастного случая или на охоте...

Двери, ведущие в кухню, распахнулись, и на пороге появилась вемарка, окутанная облаками пара. За ее спиной трудились около стола еще двое. На всех троих красовались фартуки из тонкой ткани, первоначальную расцветку которой было трудно определить — настолько она была застирана. Первым обратилась к Гурронсевасу та вемарка, что открыла двери.

— Вы, видимо, один из чужеземцев, — сказала она. — Меня зовут Ремрат. Прошу, входите.

На миг Гурронсевасу показалось, что его шесть массивных ног вросли в пол и пустили там корни. Он вспомнил о том, что ему сказала Таусар.

«Главная повариха будет рада с вами познакомиться».

Глава 22

— Я слушал ваши разговоры, доктор, — заявил Флетчер, — и то, что я слышал, мне не понравилось. Ко входу в пещерный город направляется около семидесяти юных вемарцев в сопровождении четверых наставников. При той скорости, с какой они движутся, они окажутся у входа через сорок плюс-минус несколько минут. Остальные группы складывают инструменты и вот-вот последуют за авангардом. Скорее всего они идут обедать. Судя по тому, что я слышу, вы и остальные медики могут с большой вероятностью стать этим самым обедом. Я настоятельно рекомендую вам прервать беседу с Таусар и немедленно вернуться на корабль.

— Минуточку, капитан, — ответил Приликла и обратился к патофизиологу: — Друг Мэрчисон, сколько времени вам нужно, чтобы завершить обследование?

— Не более пятнадцати минут, — сказала патофизиолог. — Пациентка ведет себя замечательно, и мне бы не хотелось прерывать...

— Я с вами согласен, — прервал ее эмпат. — Капитан, мы закончим обследование, затем вежливо извинимся перед вемаркой и последуем вашему совету. Понимание того, что вемарцы каннибалы, ужасающе. Но прошу вас, не тревожьтесь: ни Таусар, ни кто-либо из тех вемарцев, что сейчас находятся внутри горы, не излучают в отношении нас враждебных чувств. На самом деле все совсем наоборот: у меня такое ощущение, что мы начинаем нравиться Таусар.

— Доктор, — продолжал увещевать цинрусскийца капитан, — знаете, когда я жутко голоден — а эти вемарцы голодны всегда, — мне очень нравится думать об ожидающей меня еде. И никаких враждебных чувств, как вы понимаете, я к ней не испытываю.

— Друг Флетчер, — возразил Приликла, — вы упрощаете...

Но тут Гурронсевасу пришлось переключить свой коммуникатор на переводческий режим. Глаз ему хватало для того, чтобы смотреть на все четыре стороны сразу, но разговаривать мог он одновременно только с одним собеседником. Судя по всему, опасаться движущихся к городу детей и их наставников не приходилось, не представляла угрозы и престарелая Таусар, так что, решил Гурронсевас, можно удовлетворить профессиональное любопытство, пока Мэрчисон заканчивает обследование Таусар. Кроме того, стоявшая перед ним вемарка уже начала что-то говорить ему, и простая вежливость требовала включиться в беседу.

— Прошу прощения, — сказал тралтан, указав на свой коммуникатор, и произнес дипломатичную ложь: — Это устройство не было настроено на вас. Я слышал ваши слова, но не понял их. Не могли бы вы быть так любезны и повторить, что вы мне сказали?

— Ничего особо важного, — отозвалась вемарка. — Я только заметила, что всю жизнь мечтала иметь четыре руки. Здесь бы они оченьгодились. Я ведь и целительница, и повариха.

— Я занимаю примерно такой же пост в заведении несколько большего размера. Однако там деятельность по целительству и приготовлению пищи протекает отдельно и

осуществляется разными существами. И как же мне к вам обращаться — «доктор» или...

— Мой полный титул громоздок и не нужен, — прервала его вемарка. — Он произносится только во время церемонии Встречи Зрелости, а также тогда, когда у меня просят прощения непослушные ученики, надеющиеся исправить свое поведение. А вы зовите меня Ремрат.

— А меня зовут Гурронсевас, — ответил тралтан и добавил: — Я всего лишь повар.

«Что я такое говорю! — мысленно изумился Гурронсевас. — Я, светило галактической кулинарии, — всего лишь повар?!»

— Говорят, в незапамятные времена вемарская кухня славилась изысканными блюдами, — сказала Ремрат. — По сравнению с прошлым моя кухня, конечно, более примитивна. — Голос поварахи звучал немного сердито и извиняющееся. — Вам она, наверное, покажется дикарской. Но если вам интересно, можно ее осмотреть.

Ответить тралтану не дал капитан Флетчер. Его голос снова зазвучал в наушниках:

— Главный диетолог, вы не обучены осуществлению процедуры первого контакта. Пока вы ничего нехорошего не сказали, но будьте осторожны. Ни в коем случае не допускайте отрицательных высказываний, даже если вам не понравится то, что вы увидите или услышите, каким бы отвратительным вам что-то ни показалось. Постарайтесь выказать интерес к оборудованию кухни и процессу приготовления пищи, хотя я понимаю, что на ваш взгляд там все весьма и весьма примитивно. Старайтесь восторгаться, но ни в коем случае ничего не критикуйте. Ведите себя дружелюбно и дипломатично.

Гурронсевас промолчал. Пауза между предложением Ремрат осмотреть кухню и его ответом и так уже сильно затянулась.

— Мне очень интересно, — признался он. — Мне бы хотелось задать вам множество вопросов, кое-какие из которых, наверное, покажутся вам навязчивыми. Однако, судя по всему, процесс приготовления пищи у вас сейчас в пол-

ном разгаре, а я по опыту знаю, что в это время присутствие посторонних на кухне не приветствуется. Видимо, вы предложили мне экскурсию из вежливости?

— Посторонние мешают, это верно, — согласилась Ремрат, попятилась, спиной открыла двери и поманила тралтана за собой. — Но как я успела заметить, в тесных помещениях вы ведете себя даже более ловко, чем я, хотя тело у вас массивное. Опыт подскажет вам, когда отойти в сторонку. Как вы, видимо, уже догадались, скоро мы будем подавать главное дневное блюдо. Скажем так: допустим, мне бы хотелось, чтобы вы понаблюдали за нашей работой, когда мы стараемся изо всех сил... — Тут Ремрат издала короткий непередаваемый звук и добавила: — Или, наоборот, совсем не стараемся.

Гурронсевас оказался еще в одной пещере. Четыре открытых очага окружала стена, сложенная из небольших необработанных камней. В очагах пылали не то поленья, не то корни каких-то растений. Скорее всего за стеной располагалось какое-то отверстие, обеспечивающее естественную вентиляцию, так как дым в кухне не скапливался. Пар от больших котлов также тянулся в том же направлении. Помощники Ремрат перенесли котлы с очагов на длинный стол. Справа от этого стола, тянувшегося от очагов почти до самой двери, на каменной стене висели полки и шкафчики без дверей с кухонными принадлежностями, тарелками и небольшими сосудами для питья, большинство из которых было явно изготовлено непрофессиональными гончарами. Но хотя чашки были потрескавшимися, порой не имели ручек, Гурронсевас с удовлетворением отметил, что вся посуда безупречно чиста.

Ниже полук располагался длинный желоб, судя по всему — глиняный. Он покоился на прочных ножках, и по нему непрерывно текла вода. В воде лежало несколько чашек и тарелок. Труба, по которой поступала вода, не была оборудована краном, так что, судя по всему, вода текла из какого-то природного источника, а не из цистерны. На другом конце желоба была установлена маленькая лопаточная турбина, от которой работал небольшой генератор, вырабатывавший ток, служивший для освещения кухни.

Вдоль противоположной стены висели полки и шкафчики, побольше размерами и сработанные более грубо. Гурронсевас решил, что там хранятся запасы съедобных вемарских растений и топливо для очагов. Не сказать, чтобы то и другое имелось в избытке.

Гурронсевас ходил следом за Ремрат по кухне и радовался тому, что разговор ведет вемарская повариха-целительница. Для чего служило примитивное оборудование кухни, Гурронсевас и так уже понял, так что нужды задавать вопросы у него не было. Он промолчал даже тогда, когда Ремрат остановилась рядом с желобом. Прямо под желобом, по которому текла холодная вода, висел длинный шкаф с закрытыми дверцами. Лопаточная турбина непрерывно обрызгивала шкаф водой.

Для того чтобы вода не попадала в шкаф, сзади он был оборудован козырьком. Дверцы шкафа были открыты, и внутри него было пусто. «Простой, но эффективный метод охлаждения за счет конденсации», — подумал Гурронсевас. По крайней мере больше нигде в кухне он не видел ничего похожего на устройство для хранения охлажденного мяса. Значит, этот шкаф и служил холодильником.

Теперь, зная, что вемарцы — каннибалы, Гурронсевас сам не понимал, радоваться или огорчаться тому, что в холодильнике мяса нет.

Экскурсия по кухне закончилась возвращением к очагам, на которых в нескольких горшках булькали готовящиеся блюда. Другие горшки уже стояли на длинном столе, укрытые кусками плотной ткани, чтобы не остывали. Неожиданно Ремрат отметила:

— Вы почти все время молчали, Гурронсевас, и почти не задавали вопросов. Скажите честно, зрелище того, насколько примитивно мы готовим пищу, вам омерзительно?

— Наоборот, Ремрат, — решительно возразил Гурронсевас. — Конечно, у кухонь на множестве планет, которые мне довелось посетить, много общего, но меня как раз интересуют мельчайшие различия. У меня к вам много вопросов... — Тут тралтан подошел к горшку, который помощники Ремрат еще не успели закрыть тряпкой, взял со стола большую дере-

вянную ложку. — ...Первый вопрос у меня такой: можно мне попробовать это блюдо? О, прошу прощения, я на минутку отвлекусь. Ко мне обращаются мои коллеги.

«Вернее было бы сказать, — подумал он сердито, — что они говорят обо мне».

— Уж не знаю, что им движет — невежество, глупость или и то, и другое, — кипятился Флетчер. — Доктор Приликла, поговорите с ним. Пусть образумится, черт бы его побрал! Нельзя же, в конце концов, приземляться на неведомой планете и тут же приниматься пробовать местную пищу...

— Друг Гурронсевас! — прервал Флетчера обратившийся к тралтану Приликла. — Это правда? Вы собираетесь отведать вемарской еды?

— Нет, доктор, — ответил Гурронсевас, предварительно отключив транслятор. — Я собираюсь попробовать вемарское блюдо — крошечное количество, уверяю вас. При всем моем уважении я вынужден напомнить всем, что я опытный дегустатор и у меня прекрасное обоняние. Если блюдо хоть в какой-то мере опасно, я ни в коем случае не стану пробовать его. Кроме того, я не намерен глотать даже ту крошечную порцию вемарской еды, которую возьму в рот, так что риска проглотить ядовитые вещества нет. Позвольте также заметить, что, судя по консистенции, блюдо представляет собой овощную похлебку или густой суп, варившийся более часа в котле под крышкой. Я благодарен вам за заботу, доктор, однако необдуманно рисковать — это мне несвойственно.

После непродолжительной паузы Приликла сказал:

— Хорошо, друг Гурронсевас, но если вы все-таки случайно что-то проглотите и после этого почувствуете себя плохо, немедленно возвращайтесь на корабль. Будьте как можно более осторожны.

— Благодарю вас, доктор, — отозвался Гурронсевас. — Непременно последую вашему совету.

Только тралтан собрался возобновить разговор с Ремрат, как в наушниках у него зазвучал голос цинрусскийца.

— Вы, вероятно, слишком заняты и не слушали нашей беседы с Таусар, а может быть, вы не до конца поняли то,

что вы слышали. На данный момент мы завершили обследование Таусар, получили все данные по физиологии, которые теперь нуждаются в дальнейшей обработке и анализе на борту «Ргабвара». Тогда мы и решим, какие еще данные нам нужны. За время разговора с Таусар мы, увы, получили весьма скудные сведения о социальной структуре вемарского общества. Я чувствую большую неохоту Таусар говорить на эту тему, а дальнейшее ведение беседы с ней стало затруднительно.

В этой связи мне представляется разумным прервать контакт, дабы не было риска нанести Таусар невольную обиду, — продолжал эмпат. — Поскольку вот-вот ожидается прибытие детей, которых воспитатели ведут домой обедать, всем нам можно будет уйти под таким же предлогом. Прошу вас, заканчивайте дегустацию как можно скорее, извинитесь перед работниками кухни и скажите, что вы должны вернуться на корабль вместе с нами. Они поймут, что вам также нужно перекусить. Через несколько минут мы будем проходить мимо входа в кухню, и, пожалуйста, присоединяйтесь к нам.

Гурронсевас держал длинную ложку в нескольких дюймах над поверхностью булькающего варева. Он понимал, что Ремрат может обидеться, слушая непере译имый разговор, в котором сама не участвует. Поменяйся они местами, Гурронсевас бы непременно разозлился. Но говорить одновременно с Приликлой и с Ремрат он не мог.

— Мне трудно уловить ваше эмоциональное излучение на таком расстоянии, — не унимался цинрусскиец, — в особенности потому, что на него накладывается эмоциональное излучение сотрудников кухни. У вас там какие-то проблемы, друг Гурронсевас?

— Нет, доктор, — отозвался диетолог. — Но... насколько вы уверены в том, что вемарцы не опасны?

— Настолько, насколько может быть уверен эмпат в чужих эмоциях, — отвечал Приликла. — Работники кухни излучают любопытство и осторожность, вполне естественные для ситуации, но никакой враждебности. Не будучи телепатом, я не могу сказать точно, о чем они думают, по-

этому я все же испытываю некоторые сомнения. А почему вы спрашиваете меня об этом?

Гурронсевас еще не успел подыскать подходящие слова для ответа, а Приликла уже заговорил снова:

— Вы спрашиваете меня об этом потому, что вами владеет сильнейшее профессиональное любопытство и вам бы не хотелось уходить с кухни до тех пор, пока вы его не удовлетворите? Или вы себя удобнее чувствуете в родной стихии, среди коллег, чем на медицинской палубе «Ргабвара» в окружении врачей?

— А вы точно знаете, что вы не телепат? — пошутил Гурронсевас.

— Прошу прощения, друг Гурронсевас, — отозвался Приликла. — У меня и в мыслях не было смущать вас, поскольку ваше смущение и мне неприятно. Вы можете задержаться на кухне, но с вами вместе там останется доктор Данальта как ваш защитник. Нанести боль живому существу он не сумеет, зато сможет принять поистине устрашающий вид, если вам будет грозить опасность. Если что-то случится, отступайте к деревянной наружной стене или к выходу из пещеры, откуда капитан Флетчер сможет притянуть вас к кораблю гравилучом.

Покуда вы удовлетворяете свое кулинарное любопытство, — продолжал эмпат, — попытайтесь время от времени переводить разговор на более общие темы — о социальной и культурной основе вемарского общества, как в настоящем, так и в прошлом. Не делайте этого чересчур откровенно и, как только почувствуете, что та или иная тема болезненна, сразу же вводите разговор в сторону. Может, ваш разговор с Ремрат пройдет более успешно, чем наш — с Таусар.

На ответ времени не тратьте, — закончил свою долгую тираду эмпат. — Я чувствую, что Таусар уже нервничает.

— Простите за долгую паузу, Ремрат, — вернул свое внимание к вемарской поварихе Гурронсевас, — мои друзья — все за исключением того, которого зовут Данальта, — должны вернуться на корабль, чтобы пообедать там, а я мог бы задержаться. Данальта вскоре присоединится ко мне. Вы найдете его очень интересным. Он — существо, умеющее по же-

ланию принимать самые различные обличья. Я способен обходиться без пищи довольно долго, а Данальта — еще дольше. По размеру он гораздо меньше меня, и он целитель, но не повар. Если вы не будете против, я бы попросил вас разрешить и ему ознакомиться с устройством вашей кухни.

Гурронсевас подозревал, что Ремрат догадывается, что у присутствия Данальты есть и другая причина. Желание выиграть числом было присуще любому разумному народу.

— Если ваш друг не будет нам мешать, пусть приходит, — ответила Ремрат и указала костистым пальцем на ложку, которую Гурронсевас продолжал держать над котлом. — Вы с этим собираетесь что-то делать или как?

Не обращая внимания на насмешку, Гурронсевас запустил ложку в булькающую зеленовато-коричневую массу, слегка помешал ею варево, чтобы понять, какой оно плотности, поднес ложку к дыхательному отверстию, дождался, пока ложка остыла, после чего прикоснулся ею к насыщенной вкусовыми рецепторами внутренней поверхности верхней губы.

— Ну? — нетерпеливо проговорила Ремрат.

Гурронсевасу показалось, что варево приготовлено из трех различных растений, однако они были так старательно перемешаны и переварены, что вкуса каждого растения опытный кулинар не мог выделить, как ни старался, и уж тем более не мог сравнить ощущаемый им вкус со вкусом блюд, которые когда-либо пробовал раньше. К вареву не было добавлено ни приправ, ни специй, ни каких-либо минеральных или химических добавок. Даже соли вемарская повариха не удосужилась всыпать в варево, хотя уж соль-то в вемарских морях наверняка имелась. Еду явно готовили загодя и так переварили, что убили в ней всякий вкус, имевшийся у первоначальных компонентов.

— Немного пресновато, — ответил Гурронсевас.

Ремрат издала непере译имый звук и сказала:

— Вы слишком дипломатичны, чужеземец. Вы только что попробовали наше основное блюдо — рагу из мяса и овощей, но без мяса. К тому времени, когда блюдо будет подано к столу, оно будет еле теплым. «Пресное» — это

чересчур вежливое определение этой неаппетитной жижи, но ни мы, ни наши ученики им не пользуемся.

— Неплохо было бы чего-нибудь добавить в это блюдо, — согласился Гурронсевас. Непроизвольно взгляд всех его четырех глаз устремился в направлении холодильного шкафа. — Несомненно, мясо улучшило бы вкус блюда, но, похоже, мяса у вас в запасе нет. Скажите, мясо — часть обычной диеты для детей?

В наушниках у Гурронсеваса зазвучал предостерегающий голос Приликлы:

— Вы задали очень шепетильный вопрос, Гурронсевас. Эмоциональное излучение друга Таусар говорит о том, что она встревожена и сердита. Будьте осторожны. Вы ступили на опасную почву. Ходите осторожнее.

«Хорош совет для тралтана!» — подумал Гурронсевас. Хотя он прекрасно понимал, что имеет в виду эмпат, он находился на кухне, и, естественно, вемарка ожидала от него вопросов о пище.

— Нет, — резко отозвалась Ремрат. Гурронсевас было подумал, что Ремрат обиделась и не пожелает больше говорить на эту тему, однако вемарка тут же опровергла его предположение: — Мясо дозволено есть только взрослым, когда оно у нас имеется. Детям есть мясо запрещено, однако от этого правила отступают, когда большинство детей, как здесь у нас, приближаются к достижению зрелости. Подросткам иногда добавляют к овощному рагу немного мяса, чтобы еда была вкуснее и чтобы они понимали, какая вкусная пища их ждет, когда они окончательно повзрослеют и станут храбрыми охотниками и кормильцами своего народа.

Скоро должен вернуться наш охотничий отряд, — продолжала рассказ Ремрат, и в ее прежде спокойном голосе появились нотки раздражительности. — Но в последние годы успех им не сопутствовал. Они не желают делиться мясом с детьми и оставляют его для себя.

«Нужно что-то сказать, — взволнованно думал Гурронсевас. — Нужно как-то посочувствовать, как-то подбодрить Ремрат, но так, чтобы не обидеть. Что же сказать?» Так и

не придумав что, он решил отметить совершенно невинный, на его взгляд, факт.

— А вот вы — взрослая, — сказал тралтан.

И чего, спрашивается, добился? Ремрат только еще сильнее рассердилась. Оглушительно громко — так, что двое поваров, трудившихся на другом конце кухни, подняли головы и посмотрели в их сторону, — она возгласила:

— Я очень даже взрослая, чужеземец! Слишком взрослая, чтобы принимать участие в охоте и чтобы со мной делились хотя бы жалкими крохами добычи. Слишком взрослая для того, чтобы хоть кто-то с благодарностью вспомнил о том, как удачно я охотилась, когда была помоложе, или для того, чтобы меня пожалеть. Время от времени молодые охотники все-таки бросают мне обрезки мяса, но я их не ем — мы подбираем это мясо и кладем в рагу, которое готовим для подростков. А вообще мы едим то же самое, что тут едят все — безвкусную, еле теплую овощную жижу!

В свое время Гурронсевас наслушался много жалоб на качество приготовленной пищи — правда, эти жалобы редко касались пищи, которую он готовил сам. Поэтому он решил, что может говорить без опаски обидеть Ремрат.

Он поглубже вдохнул и осторожно произнес:

— Я знаком с самыми разными существами, такими же разумными, как вы, чья цивилизация в прошлом достигала высокого развития и превосходила вашу в этом плане. Эти существа питаются одной только растительной пищей с того мгновения, как перестают сосать молоко матери, и до самой своей смерти. Свои блюда они либо готовят, как вы, либо едят сырыми и подают к столу множество различных...

— Ни за что! — гневно прервала тралтана Ремрат. — Не поверю, что кто-то способен питаться овощным рагу до самой смерти — ведь именно так оно и происходит у нас, вемарцев. Наверное, этим мы приближаем час своей смерти. Но мы просто вынуждены заполнять пустой урчащий желудок безвкусным органическим топливом, хотя поедание растений постыдно и унижительно для любого взрослого.

Но чтобы есть сырые растения, как их едят руглары! — возмущенно воскликнула Ремрат. — Чужеземец, не говори мне о таком, а то меня стошнит!

— Прошу простить мое невежество, — учтиво проговорил Гурронсевас, — но что такое руглар?

— Было у нас на планете такое здоровенное, медлительное животное, которое весь день напролет пережевывало листву деревьев, — ответила Ремрат. — Говорят, вблизи экватора они еще водятся, но в других краях их перебили. Уж очень они медлительны и не могут удрать от охотников.

— При всем моем уважении вы ошибаетесь, — возразил Гурронсевас. — Многие разумные существа травоядны и нисколько этого не стыдятся. И они ни в коей мере не чувствуют себя униженно рядом с плотоядными и всеядными — теми, кто питается только мясом или сочетает мясо с растительной пищей, как вы. Старшая сестра Нэйдрад — существо, с которым вам еще предстоит познакомиться, питается только растительной едой, но при этом ее не назовешь медлительной тугодумкой. Различия в образе питания — не повод для стыда или гордости, вкусна или невкусна еда и хорошо ли приготовлена. Но почему же вемарцы стыдятся того, как питаются?

Ремрат молчала. «Оскорбилась, — гадал Гурронсевас, — или ответ еще более постыден, чем все, что Ремрат говорила раньше?» И он решил, что безопаснее не задавать вопросы, а продолжать засыпать собеседницу сведениями и наблюдать за ее реакцией.

— Независимо от того, какого вида пища, она всегда — топливо, — продолжал диетолог. — Но процесс заправки топливом непременно должен быть приятен. Вкус блюд можно улучшать различными способами, добавляя к пище небольшие количества веществ животного, растительного или минерального происхождения. Также лучшего вкуса можно добиться за счет сочетания в приготовляемой пище различных компонентов, контрастирующих друг с другом по привкусу или усиливающих вкус друг друга. Тогда блюда приобретают более интересный вкус. У меня есть некоторый опыт в этой области, включая приготовление...

Гурронсевас говорил и сам себе не верил — он воочию представлял, как бы отреагировали его подчиненные в «Кроминган-Шеске» на это самоуничтожение. Но его слушательница практически ничего не знала о межпланетной кулинарии и, конечно, не получила бы никакого впечатления, если бы Гурронсевас принялся восхвалять свои великие достижения в этой области. Оставалась надежда, что со временем можно было бы вернуться к этому вопросу.

Гурронсевас рассказывал Ремрат о секретах приготовления пищи, стараясь до предела упростить термины. Несмотря на преклонный возраст, вемарская повариха в кулинарии была сущей дилетанткой. Гурронсевас почувствовал себя в родной стихии, минуты летели незаметно, но он начал замечать, что Ремрат проявляет признаки беспокойства. Пора было закругляться, пока вемарка не заскучала.

— Я мог бы еще многое рассказать вам о приготовлении пищи, — сказал Гурронсевас. — Мог бы рассказать о том, как зря потратил силы на кулинарное перевоспитание нескольких очень редких и очень несчастных существ. Наш мимикрист Данальта, к примеру, ест все на свете — растительность, мясо, дерево твердых пород, любые камни — и при этом не испытывает никаких вкусовых ощущений.

Тут Гурронсевас прервал повествование. Голоса в наушниках подсказали ему, что медики уже входят на борт «Ргабвара», вемарские школьники вот-вот войдут в город, а Данальта до сих пор не появлялся!

Или появился?

Около стены за дверью, ведущей в кухню, как помнил Гурронсевас, стояла деревянная бочка, из которой торчали рукоятки метел и веников. Теперь там стояли две бочки, совершенно одинаковые, вот только на месте затычки у одной из них блеснул глаз. И этот глаз Гурронсевасу подмигивал. Данальта прибыл.

«Массовик-затейник!» — подумал Гурронсевас и снова заговорил с Ремрат.

— Так вот... — начал было он, но Ремрат не дала ему договорить.

-- Мы продолжим наш разговор в другой раз, — сказала она. — Сейчас мы все будем очень заняты. Наблюдайте за нами, если хотите, но, прошу вас, держитесь в стороне и не попадайтесь нам на дороге.

Гурронсевас отошел в сторону и встал рядом с бочкой, которая бочкой в действительности не была. Ремрат удивила его: как можно было помешать и попасться на дороге вемарцам, которые передвигались медленно, словно в полусне? Ремрат и ее подручные накладывали рагу на блюда, затем ставили по два блюда на поднос. Затем они ставили на каждый поднос по две чашки с проточной водой. Тарелки не подогревали. Некоторые из них даже вытерты после мытья не были. Один за другим накрытые подносы с порциями на двоих выносили в «прихожую» и ставили там на длинный стол, пока не заставили ими всю поверхность стола. Тем временем в кухне появились вемарцы-наставники и принялись укладывать на полки принесенные с собой охапки растений. Дети, судя по всему, отправились в столовую.

Ремрат сказала сородичам, что потом объяснит им, кто такой Гурронсевас и почему здесь находится, что бояться его не надо и можно спокойно заниматься своими делами. И как только одни принялись этими делами заниматься, Гурронсевас почувствовал, что у него сильно подскочило давление.

Наставники юных вемарцев все до одного были настолько стары, что с трудом передвигались. Хвосты у них не гнулись, передние и задние конечности еле шевелились. Они могли взять и отнести в столовую только по одному подносу. А это означало, что к тому времени, как еда окажется в столовой, она будет уже холодная как лед. Между тем вряд ли едоки стали бы на это жаловаться — не больно, судя по всему, им хотелось есть эту зеленовато-коричневую жижу, которой они питались изо дня в день.

— Не могу больше тут торчать и смотреть на все это, — заявил тралтан одной из бочек... — Организация труда на этой кухне преступна и безобразна, а система подачи еды

на стол просто-таки... Не меняйте формы, Данальта, и не ходите за мной, если я вас сам не позову.

Он выждал, пока к нему подковыляет Ремрат, и сказал погромче:

— Я внимательно понаблюдал за вашими действиями и думаю, я мог бы вам помочь. Как вы уже заметили, я более подвижен, чем вы, и к тому же у меня четыре руки, которые ничем не заняты...

«Это я, Гурронсевас Великий, предлагаю себя в качестве подавальщика! — изумился тралтан, неся первые четыре подноса по туннелю в вемарскую столовую. — Что же дальше-то будет?»

Глава 23

Разговор был продолжен после того, как с едой было покончено и со стола убрали почти опустевшие тарелки. Похоже, никто не заботился здесь о том, что чистые тарелки — это похвала трудам поваров. Таусар поблагодарила Гурронсеваса за то, что он помог накрыть на стол и ответил на вопросы о себе, заданные юными вемарцами. Тралтан заметил, что сама Таусар к еде не притронулась. Когда он позже спросил у Ремрат, с чем это связано, вемарская повариха объяснила ему, что Главная учительница придерживается древних традиций и не ест растительности на глазах у других, дабы они не были свидетелями ее позора. Гурронсевас попросил Ремрат объяснить, почему это так, но, хотя они и остались в это время в кухне наедине, Ремрат ему не ответила.

Гурронсевас прекрасно знал, как опасно критиковать чужую кулинарию и работу на кухне, и не стал этого делать, так как помнил, что и из-за более мелких разногласий порой вспыхивали войны. Вместо этого он стал рассказывать Ремрат о других кухнях, так что критика в его повествовании подавалась в сильно завуалированной форме.

— Мы больше не просим детей дежурить на кухне, — наконец вставила Ремрат. — Было время, когда мы поручали работу по кухне провинившимся шалунам, заставляли их мыть тарелки, чашки и кастрюли, а также мыть овощи, из которых собирались готовить еду на следующий день. Но это заканчивалось тем, что они разбивали много посуды, а овощи мыли так неаккуратно, что потом взрослым приходилось их перемывать. К чему поручать работу тем, кто не хочет ею заниматься? К тому же нам, пожилым, лучше заниматься какой-то полезной деятельностью, чем просто поедать припасы, которые истощаются с каждым днем. А это что на тарелке, которую вы моете? Остатки еды или трещина? Пожалуйста, мойте аккуратнее.

Гурронсевас погрузил миску в холодную проточную воду, как следует потер ее куском плотного, напоминавшего мочалку мха и снова продемонстрировал Ремрат. Та занималась тем же самым, что и Гурронсевас. «Ну вот, — мысленно вздохнул Гурронсевас, — сначала подавальщик, а теперь вот — посудомойка».

Он сказал вемарке:

— Знаете, у большинства существ, мне знакомых, при постоянном погружении конечностей в холодную воду возникают заболевания суставов. А у вас?

— И у нас, — кивнула Ремрат. — И как вы уже, наверное, заметили, в моем возрасте страдают не только те части тела, что погружаются в холодную воду.

— На это также жалуются существа вашего возраста на многих планетах, — подтвердил Гурронсевас. — Однако есть возможность уменьшить страдания. Я говорю «возможность», потому что сам я не специалист в медицине, но вот Таусар любезно согласилась позволить себя обследовать. Мои товарищи взяли у нее для анализа некоторые пробы, так что вскоре мы узнаем, годится ли привычное для нас лечение вемарцам. Но если случится, что мы не сумеем вылечить Таусар, то все же мне кажется, вы могли бы уговорить детей помогать вам. Просто надо найти нужные слова.

Ремрат вымыла еще три миски, быстро осмотрела их — не осталось ли пятен — и поставила на стол. Затем она задумчиво проговорила:

— Но знаете ли вы, здорова Таусар или больна? А может быть, в ее теле просто-напросто завелась гниль старения, которая с неизбежностью поражает все наши тела и открывает путь для других хвороб, отравляющих плоть?

Гурронсевас пытался придумать достойный ответ, и вдруг неожиданно у него в наушниках зазвучал голос Мэрчисон, находившейся на «Ргабваре».

— Вы были правы, когда упомянули о том, что, может быть, мы не сумеем вылечить артрит, которым страдает Таусар, однако, судя по всему, такая возможность не исключена. Таусар стара и слаба, но не больна. Она сможет прожить еще лет десять, а если будет лучше питаться — и больше. По какой-то причине местные жители морят себя голодом чуть не до смерти.

«Попробовала бы патофизиолог местной баланды, — с тоской подумал Гурронсевас, — так поняла бы, по какой причине». — А Ремрат он сказал:

— У Таусар впереди еще много лет жизни, особенно если она будет получать больше еды.

Ремрат соскребла с тарелки остатки еды в ведро для пищевых отходов, погрузила тарелку в желоб и сказала:

— Дети помогали бы нам, если бы мы их об этом просили, но старики должны выполнять полезный труд, куда ожидают отдания своих тел после окончания жизни. Эту работу мы и делаем, хотя и не всегда способны делать ее хорошо. И нам не нужно больше еды, если говорить о еде растительной. Эта пища безвкусна во всех смыслах этого слова. Но у меня есть к вам несколько вопросов, Гурронсевас. Если они покажутся вам глупыми, не отвечайте на них. Ваша работа мне понятна, потому что похожа на мою, но что за существа говорили с Таусар и что-то с ней делали? Откуда они и чем здесь занимаются?

Гурронсевас постарался описать вемарке Главный Госпиталь Сектора и ту работу, которая там велась, но описание его прозвучало весьма упрощенно и было далеко от истины, поскольку он понимал, что и вправду вемарке будет очень трудно, почти невозможно поверить.

— Так, значит, это огромный дом в небе, — восхищенно проговорила Ремрат, — полный существ, которые берут к себе больные и поврежденные тела и делают их снова чистыми, свежими и целыми?

— Неплохое определение, — негромко рассмеялась Мэрчисон, — того, чем мы занимаемся.

— У нас на Вемаре тоже были такие заведения, — продолжала Ремрат, не ведая, что ее прервали. — Но они, конечно, были куда как проще вашего госпиталя. Так вы говорите, что ваши друзья на корабле прилетели из Главного Госпиталя и хотят помочь Таусар и остальным старикам?

— Да, — без колебаний ответил Гурронсевас.

— Я... я вам благодарна, — запнувшись, выговорила Ремрат. — Но и мне не по себе от мысли о том, чтобы отдать свое тело чужеземцам. Хотя один из них, то есть вы, мне уже знаком, и... И вы тоже прилетели из Главного Госпиталя и наверняка знаете больше меня. Вот мне и хотелось бы, чтобы, когда придет моя очередь, именно вы вернули мое тело к свежести и молодости.

— Увы, — вздохнул Гурронсевас, растроганный комплиментом, — я в делах этого рода ничего не смыслю. Я в госпитале занимаюсь приготовлением, сервировкой и доставкой питания для тех, кто там работает и лечится.

— А это важная работа? — спросила Ремрат. — Она помогает больным становиться чистыми и свежими?

— Да, — без сомнений ответил Гурронсевас. — Я не колеблясь могу заявить, что это самая важная работа. Не будь ее, никто бы не выжил — ни пациенты, ни сотрудники.

В его наушниках послышался голос Мэрчисон, издавшей неперебиваемые звуки.

— И вы хотите, чтобы мы все стали свежими, — сказала Ремрат, вынимая из желоба последнюю чистую тарелку, — за счет того, что вы сделаете нашу пищу приятной на вид и лучшей на вкус? Это невозможно!

Гурронсевас отряхнул руки — ничего похожего на полотенце он не обнаружил — и сказал:

— Мне бы хотелось, чтобы вы позволили мне попробовать.

— Попробуйте, чужеземец, — сказала Ремрат после того, как сходила в кладовую и принесла оттуда охапку свежих овощей. Она принялась обрывать с одних листья, а с других — корешки. Эти, по всей вероятности, съедобные части растений она опускала в воду. — Но если, несмотря на свои огромные знания и обширный опыт, вы не сумеете накормить нас мясом, то вы потратите время понапрасну. Мы очень надеемся на это, и именно поэтому я прежде всего и уговорила Таусар встретиться с вами. Ей было стыдно говорить с вами о том, как отчаянно мы нуждаемся в мясе, как оно необходимо для выживания нашего народа, поэтому она завела разговор о других вещах и позволила вашим целителям сотворить с ней странные действия. С чего вы бы хотели начать, Гурронсевас?

— Начать я бы хотел, — отозвался тралтан, — с разговора о вемарцах.

— Да, пожалуйста, — поддержала диетолога Мэрчисон. — Если не считать физиологических данных, — говорит Приликла, — вам за пять минут удалось добыть больше сведений от вашей новой приятельницы, чем нам от Таусар за два часа.

— Мне бы хотелось узнать, что вы думаете о себе и о своей планете, — продолжал Гурронсевас, пропустив мимо ушей еще один неожиданный комплимент, — а также о том, что вы любите есть. Какие предметы, зрелища, цвета вы считаете красивыми? Вид вашей пищи также важен для вас, как ее запах и вкус? Я давно убежден в том, что во многом отношение к еде отражает уровень культуры и свидетельствует о характере того или иного существа. И конечно, цивилизованные ритуалы и этикет приготовления и сервировки пищи, манера поведения за столом — все это...

— Чужеземец! — возмутилась Ремрат. — Ваши слова звучат оскорбительно. И для меня лично, и для всего вемарского народа! Вы что, думаете, что мы — дикари?

— Гурронсевас, осторожнее, — предупредила тралтана патофизиолог. — Вам что, подраться не терпится?

— И в мыслях не было, — ответил Гурронсевас на оба вопроса сразу. — Я знаю, что вемарцы голодают, а для соблюдения многих ритуалов, связанных с едой, она должна

иметься в достатке, если не в избытке. Однако у меня на родине случается, что пищевые ритуалы претерпевают изменения — либо вследствие необходимости, либо ради того, чтобы испытать новые, неведомые ощущения. Ведь привычная пища порой приедается.

Я ничего не знаю о вемарской кулинарии, — торопливо продолжал Гурронсевас, — но все же осмелюсь сделать несколько предложений — как этого можно добиться. Если эти предложения покажутся вам обидными или неподходящими по физиологическим и любым другим причинам, скажите мне об этом прямо, не тратьте время на ненужную вежливость. Но прежде чем я начну задавать вопросы, мне бы хотелось попробовать всю имеющуюся у вас еду. Мы с вами обсудим мои предложения и обсуждать будем до тех пор, пока вы меня не убедите, почему то или иное нововведение не годится.

Для того, чтобы произвести дегустацию, — продолжал диетолог, — мне нужно, чтобы вы позволили мне взять понемногу каждого растения и приправ, которыми вы пользуетесь. Кроме того, было бы желательно, чтобы вы проводили меня туда, где выращиваются растения. Если я увижу их в естественной среде, я, вероятно, сумею найти и какие-нибудь дикие растения, добавление которых в приготовляемую пищу поможет улучшить ее вкус и расширить рамки вашего меню...

— Нам мясо нужно, — решительно заявила Ремрат. — Насчет мяса у вас какие предложения?

— Никаких, — честно ответил Гурронсевас, — если только вы не съедите кого-нибудь из нас.

— Гурронсевас, да вы... — вырвалось у Мэрчисон.

— Вас мы есть не будем, Гурронсевас, — отозвалась Ремрат, воспринявшая предложение буквально. — При всем моем к вам уважении, ваши конечности и тело представляются мне грубыми и жесткими. На вкус вы явно не лучше толстых веток дерева. Если мы съедем вашего мимикриста, то у нас начнется несварение желудка — ведь он примется менять свою форму внутри нас. У красивого создания с тонкими крылышками плоти так мало, как в обледенев-

ших ветках зимой. А вот мягкое существо, что удерживается на двух ногах, и другое — то, что покрыто блестящим мехом, нам бы подошли. Они скоро умрут?

— Нет, — ответил Гурронсевас.

— Значит, вам не следовало предлагать их нам, — серьезно укорила Гурронсеваса вемарка. — Мы, вемарцы, считаем, что нельзя поедать другое разумное существо до тех пор, пока оно не умрет от старости или вследствие несчастного случая, но не от болезни. Нельзя сокращать чужую жизнь только из-за того, что ты голоден, как бы ты ни страдал. Я вам благодарна за предложение, но очень огорчена тем, что вы бесчувственны по отношению к вашим друзьям. Я отказываюсь от предложенного вами мяса.

— Радость-то какая! — рассмеялась Мэрчисон.

— Я тоже рад, — проговорил Гурронсевас, на время отключив транслятор. — На самом-то деле я только снаружи жесткий. Но разговор действительно зашел слишком далеко...

Обратившись к Ремрат, Гурронсевас сказал:

— Прошу вас, не стыдитесь и не переживайте. Мы тоже придерживаемся сходных принципов. Я просто неудачно выразился. А мне очень хотелось задать вам другой вопрос. Согласятся ли вемарцы принять чужеземную пищу в том случае, если она окажется приятной на вкус и мы будем уверены, что она вам не навредит?

— Чужеземное мясо? — с нескрываемой надеждой поинтересовалась Ремрат.

— Нет, — ответил Гурронсевас и на этот раз, старательно подбирая слова, рассказал вемарке о том, что есть возможность придавать пище вкус и вид различных мясных продуктов с разных планет, но материал для приготовления этих блюд никогда не принадлежал ни одному живому существу. По словам Гурронсеваса, причиной такого подхода к приготовлению пищи является то, что на корабле, а тем более — в Главном Госпитале Сектора бок о бок жили и трудились различные плотоядные существа, и когда одно из них принялось бы уплетать в присутствии другого какого-нибудь неразумного зверька, внешне напоминавшего

этого самого другого, то у того могли возникнуть неприятные ощущения.

— Пища искусственная, но отличить ее от настоящей на вкус невозможно.

Ремрат ответила на это заявление звуком, выразившим недоверие, за чем последовало долгое молчание. Наконец Ремрат проговорила:

— Что касается похода на наши огороды, то у меня столько дел, что выходить в долину просто нет времени. Вдобавок у меня еще уроки и приготовление вечерней еды.

Гурронсевас был разочарован, но скрыл это. Он, конечно, с большим удовольствием отправился бы на огород вместе с Ремрат, которая бы все рассказала ему о растениях, указала бы, какие из дикорастущих трав ядовиты, а какие — нет. А теперь придется ждать анализов Мэрчисон. Гурронсевас учтиво поинтересовался:

— А что вы готовите на ужин?

— Примерно то же самое, — коротко отозвалась повара. — Но вы меня очень обяжете, Гурронсевас, если принесете и наколете дров и поможете мне перемыть овощи.

Глава 24

Ремрат передвигалась по каменной долине еще медленнее, чем раньше Таусар, и ей явно было еще больнее. Кроме того, она упорно отказывалась выходить из тени на солнце, которое хоть и перевалило за полдень, но палило нещадно. Обе эти сложности помогла разрешить Нэйдрад, присоединившаяся к Ремрат и Гурронсевасу с антигравитационными носилками. Ремрат не сразу согласилась забраться на них, но в конце концов ее уговорили. И Нэйдрад накрыла ее солнцезащитным колпаком. Нэйдрад было велено ограничиться управлением носилками, а в разговоры Гурронсеваса и Ремрат не вмешиваться. По тому, как дыбился и ходил волнами ее мех, можно было судить, как

тяжело кельгианке дается вынужденное молчание. Данальта, чья работа в качестве телохранителя была сочтена ненужной, вернулся к Приликле и Мэрчисон на «Ргабвар», дабы помочь им в исследовании проб, взятых у Таусар.

Уроки у вемарских детишек закончились — их проводили по утрам и сразу после обеда, когда в окна проникало больше солнечных лучей, — и бригада во главе с наставниками снова покинула пещерное поселение и отправилась на огороды. Ремрат, похоже, позабыла о том, что собиралась уделить сбору трав совсем немного времени. Ей явно доставляло огромное удовольствие путешествие на носилках, но еще больше ее радовало и изумляло все, что говорил и делал Гурронсевас.

— Не может быть, — сказала она, когда они в очередной раз сделали остановку на склоне выше огородов, — чтобы вы у себя на родине питались цветами!

— Иногда, — отвечали Гурронсевас, — можно использовать высушенные измельченные или свежие стебли, листья или лепестки некоторых растений для усиления вкуса некоторых ингредиентов приготовляемых блюд либо для привнесения контрастного привкуса. Частями растений можно пользоваться для придания блюду привлекательного внешнего вида или просто ради красоты сервировки. Иногда в пищу употребляются свежие части растений без всякой предварительной обработки.

Ремрат издала какой-то непередаваемый звук. Разные звуки, транслятором не расшифровываемые, она издавала с самого начала экспедиции.

— А вот эти ягоды — зеленые с коричневыми пятнышками, — продолжал расспрашивать Ремрат Гурронсевас, указав на приземистый кустарник с густой курчавой листвой и узнав в нем тот самый мох, которым мыл посуду, — они съедобные?

— Да, но если есть их понемногу, — ответила Ремрат. — Это слабительные ягоды. Сейчас они на вкус терпкие, вяжущие, а когда созреют, станут сладкими. Мы их не едим и пользуемся ими только тогда, когда у нас возникают трудно-

сти с пищеварением. Ну нет, вам-то они зачем? Неужели вы и их будете собирать?

— Я буду брать понемногу всех растений, — объяснил Гурронсевас. — В особенности меня интересуют лечебные растения, которые порой способны не только придать блюду более приятный вкус, но и положительно воздействуют на здоровье. Вы говорили, что вемарцы пользуются многими такими растениями. А кто назначает траволечение?

— Я, — ответила Ремрат.

Будучи главными поварами, Гурронсевас и Ремрат общались довольно легко, имея много общего. Конечно, знаний и владения терминами вемарке недоставало, но все же разговаривали они с тралтаном на одном языке. Гурронсевас решил, что окажет медикам на «Ргабваре» неоценимую услугу, если выяснит, чем занимаются вемарские доктора.

— Ну а кто же у вас, — поинтересовался тралтан, — занимается более серьезно больными или ранеными? Существует ли специальное учреждение, где их лечат? И как их лечат?

Последовала долгая пауза. Гурронсевас уже задумался, уж не задал ли он оскорбительные вопросы, ему самому показавшиеся совершенно невинными, но тут Ремрат заговорила.

— К несчастью, этим занимаюсь я, — сказала она с тоской. — Но о подобных вещах, Гурронсевас, я с чужеземцами не разговариваю, и даже с друзьями. Вы мне лучше расскажите побольше о ваших странных способах приготовления пищи.

И они вернулись в родную для обоих стихию, пребывать в которой и самому Гурронсевасу было интереснее.

Поначалу любопытство Ремрат носило исключительно характер вежливости. Ей просто очень нравилось ехать на носилках и хотелось продлить это удовольствие. Но с того мгновения, как Гурронсевасу удалось убедить вемарку в том, что потребление пищи может представлять собой нечто большее, чем поглощение органического топлива, и он в красках описал множество ритуалов и тонкостей, сопутствовавших питанию на разных планетах, и перечислил

разные блюда, которые могли подаваться во время одной-единственной трапезы, любопытство Ремрат возросло и превратилось в настоящий профессиональный интерес. Правда, время от времени она высказывала сильное недоверие к тому, о чем рассказывал тралтан.

— Я могу поверить в то, что вы приравниваете приготовленное блюдо к произведению искусства, — согласилась Ремрат. — К красиво выполненной резьбе по дереву или картине. Увы, еда — это произведение искусства, которому не суждена долгая жизнь — если, конечно, его создавал настоящий художник своего дела. Но сравнивать вкусовые ощущения с радостями продолжения рода... это уж точно преувеличение!

— Думаю, что нет, — возразил Гурронсевас, — если представить, что в том и другом случае возникают мгновения сильнейшего удовлетворения, которые можно продлить и возвысить за счет опыта. Еда в этом смысле отличается от процесса совокупления тем, что удовольствие от ее употребления длится больше, оно менее подвержено влиянию возраста и физической слабости.

— Ну, если вы способны такое сотворить с едой, — восхитилась Ремрат, — то вы, видимо, очень хороший повар.

— Самый лучший, — без ложной скромности уточнил Гурронсевас.

Ремрат издала непередаваемый звук. Нэйдрад последовала ее примеру, но что они обе имели в виду, осталось невыясненным.

Только верхушки склонов были озарены солнцем, клонившимся к закату. К тому времени, когда экспедиция отправилась в обратный путь, сильно похолодало. Младшие дети, за которыми никто не надзирал, бегали, прыгали и резвились около входа в пещерное поселение. Ремрат пояснила, что подобные игры приветствуются. Так как помогают выбросу накопившейся у детей энергии, а также способствуют тому, чтобы дети сильнее проголодались перед ужином, а потом быстрее заснули. Если бы им позволили слоняться без дела по темным туннелям, они могли бы получить ушибы и ссадины. Водяные турбины работали:

постоянно, но по ночам свет экономили, так как запас электрических лампочек почти не пополнялся.

— И вы намерены удивить нас всеми этими чудесами вкусов? — неожиданно спросила Ремрат. — Но как же вы собираетесь этого добиться, если ничего не знаете о вемарской пищи и пока попробовали столько приготовленного мной рагу, сколько съело бы жалкое насекомое?

— Я попытаюсь, — скромно отвечал Гурронсевас. — Но для начала я должен продегустировать собранные мной образцы вемарской растительности и убедиться, что они мне не повредят. Только тогда, когда я пойму, что они съедобны и для меня, и для вемарцев, я приступлю к созданию определенных блюд. Естественно, любое блюдо мне придется для начала дегустировать самолично. Тут мне очень помогли бы ваши советы, так как тралтанские органы чувств сильно отличаются от ваших. Но я ни в коем случае никому не предложу блюда, которые для начала бы не съел сам.

— Даже за таким опытом, который обречен на неудачу, — заключила Ремрат, — интересно наблюдать. Вы желаете сейчас вернуться на кухню?

— Нет, — резко ответил Гурронсевас, не привыкший к тому, чтобы в его таланте сомневались. — На анализы, — добавил он, — и первоначальные эксперименты с образцами уйдет некоторое время. Я приду к вам завтра, а может быть, через день-два. С вашего позволения, конечно.

— Вам потребуется провожатый, — спросила Ремрат, — чтобы найти дорогу до кухни?

— Благодарю, не потребуется, — отказался Гурронсевас. — Дорогу я запомнил.

Весь остальной путь до поселка они молчали. У входа двое ребятишек помогли Ремрат сойти с носилок, а один попытался проползти под носилками, после чего принялся взахлеб рассказывать сверстникам, о том, как у него по спине мурашки ползали, когда он оказался под этой странной тележкой без колес. Другой попытался влезть на носилки, как только они освободились, за что подвергся суровому выговору со стороны Ремрат, которая обещала у ребенка кое-что отрезать и кое-чем отколотить, однако Рем-

рат была так стара и слаба, что ни она сама, ни шалун ее угроз, похоже, всерьез не восприняли.

Нэйдрад развернула носилки к кораблю и уже была готова тронуться в путь, как вдруг Ремрат снова обратилась к Гурронсевасу.

— Таусар тоже будет рада, если вы снова навестите нас, — сказала она, — и расскажете детям о разных планетах и народах и о тех чудесах, которые вы видели своими глазами. Но о своей работе на кухне вы должны разговаривать только со мной, поскольку некоторые ваши соображения вызывают умопомрачение и тошноту.

Гурронсевас оскорбился до глубины души и сумел справиться с охватившим его гневом далеко не сразу. Чтобы он, Гурронсевас Великий, приготовил блюдо, от которого хоть кого-то стошнило? Диетолог был страшно сердит на Ремрат, однако, опомнившись, совладал с собой — ведь они с Нэйдрад уже приближались к кораблю, а стало быть, к радиусу эмпатического восприятия Приликлы.

Вернувшись на «Ргабвар», Нэйдрад сердито сгрузила собранные образцы вемарских растений с носилок и бросилась к устройству выдачи питания. Мэрчисон и Данальта занимались чем-то недоступным пониманию Гурронсеваса около анализатора. Тралтан поискал взглядом Приликлу, но на его незаданный вопрос ответила патофизиолог.

— Вы, наверное, знаете, Гурронсевас, что цинрусскийцы — существа, не отличающиеся большой выносливостью, — улыбнулась Мэрчисон. — Он спит уже четыре часа, и мы стараемся не производить эмоционального шума, дабы не тревожить его. У вас был трудный день, Гурронсевас. Хотите поесть, отдохнуть или и того, и другого?

— Ни того, ни другого, — ответил диетолог. — Мне нужна информация.

— Всем она нужна, — вздохнула Мэрчисон. — Что именно вас интересует?

Гурронсевас постарался ответить на ее вопрос как можно более четко. На ответ ушло довольно значительное время, и Мэрчисон уже была готова приступить к ответу, когда к ним присоединился Приликла и, взмахнув одной из сво-

их миниатюрных лапок, дал патофизиологу знак не обращать на него внимания.

— Сначала, — проговорила Мэрчисон, — относительно съедобности вемарских растений для вас, ФГЛИ и для ДГЦГ — местных жителей. При обследовании Таусар мы получили данных физиологического порядка намного больше, чем о том догадывается она сама. Пока у нас еще много вопросов насчет вемарской эндокринологии. Мы обнаружили ряд свидетельств в пользу того, что по достижении зрелости у вемарцев происходит трансмутация образа питания от травоядности к всеядности, и в основе ее лежит генетически заложенный механизм, однако наверняка убедиться в этом мы сумеем, когда получим... Простите, Гурронсевас, но этот раздел исследования носит сугубо медицинский характер и вам неинтересен.

А сказать я вам могу следующее, — продолжала патофизиолог. — Изучив структуру языка и состав слюны вемарки, мы пришли к выводу о том, что вкусовые рецепторы и строение ротовой полости очень напоминают таковые большинства теплокровных кислорододышающих существ, включая и вас лично. Если вы пометите ваши образцы ярлычками и дадите нам несколько часов на их исследование, мы сможем сообщить вам с большой степенью вероятности, какие растения или части растений — корни, стебли, листья или плоды — съедобны для вас и вемарцев и какие из них в той или иной степени токсичны. Часто бывает так, что материал, токсичный при попадании непосредственно в кровоток, обезвреживается при пищеварении, так что вряд ли вы отравите вемарцев или отравитесь сами, если ограничитесь использованием небольших количеств растений. То же самое относится и к любым продуктам, которые для вемарцев будет вырабатывать пищевой синтезатор «Ргаб-вара».

Мы не сумеем сказать вам, какими в точности те или иные образцы окажутся на вкус, — продолжала Мэрчисон. — Химический состав подскажет лишь то, будет ли вкус интенсивным, но будет ли он приятным или наоборот — этого мы определить не сумеем. Кому, как не вам, знать, что о вкусах

не спорят даже среди представителей одного и того же вида, а что уж говорить о разных?

— Такое ощущение, — сказал Гурронсевас, — что в кулинарном плане вемарцев придется перевоспитывать.

Мэрчисон рассмеялась и сказала:

— Какое счастье, что не мне надо будет этим заниматься. Еще что-нибудь вас интересует?

— Благодарю вас, да, — отозвался тралтан и обратил взгляд всех своих четырех глаз к Приликле. — Но тут дело не в кулинарии и не в медицине. Мне хотелось бы знать, сколько времени у меня на то, чтобы решить эту задачу? Теперешняя доброжелательная обстановка в пещерном городке может измениться, как только вернутся охотники. А когда они вернутся?

— Мы бы тоже не против узнать об этом, — ответил Приликла. — Что скажете, друг Флетчер?

— Тут небольшая загвоздка, доктор, — послышался голос капитана. — «Тремаар» летает над пещерным городом, описывая круги радиусом в пятьдесят миль, и пока с него не заметили никаких следов охотничьего отряда. За пределами круга рельеф поверхности неровный, местность лесистая, и поэтому у наблюдателей на «Тремааре» нет возможности судить, где находятся охотники. С корабля наблюдают за другими поселениями, но ближайшее располагается у подножия горы в трехстах милях отсюда. Учитывая то, что вемарцы избегают солнечного света, наблюдатели полагают, что охотники скорее всего передвигаются по ночам, а днем отдыхают. Как бы то ни было, у охотников нет с собой портативных радиоактивных приборов, которые помогли бы засечь их с помощью датчиков с орбиты.

Но я мог бы запустить наш поисковый катер, — сказал капитан. — Этот малыш обнаружит любые признаки жизни, даже если эта жизнь едва теплится. Летает катер по спирали на небольшой высоте, и если только весь охотничий отряд не погиб, вы скоро получите точное число охотников, скорость, с которой они движутся, и приблизительное время их прибытия с погрешностью примерно на сутки, в зависимости от того, как далеко они сейчас находятся от дома.

— Сделайте это как можно скорее, — попросил Приликла, подлетел к Гурронсевасу поближе и сказал: — Я чувствую, что вы довольны, друг Гурронсевас, а вот мы далеко не так довольны нашими успехами. Мы — малочисленная, хотя и неплохо укомплектованная оборудованием бригада медиков, но нас слишком мало для того, чтобы вылечить больных на целой планете...

— И еще, — буркнула Нэйдрад, обернувшись от устройства выдачи питания, — уж очень мы скромные.

— Но вот помочь одному отдельно взятому вемарскому поселению мы могли бы, — продолжал цинруссиец. — Контакт развивается неплохо. Ваши беседы с Ремрат помогли понять, почему она так стыдится того, что вынуждена питаться едой маленьких детей. Но Таусар пока с неохотой делится с нами сведениями по ряду вопросов, крайне важных для создания общей картины. Пока прогресс достигнут только на вемарской кухне по части нахождения общего языка в сфере приготовления пищи. Безусловно, Главный диетолог, это первый случай в анналах истории осуществления процедуры первого контакта.

Гурронсевас промолчал. Его порадовала и неожиданная похвала, и употребление названия его должности, и он понимал, что другие это почувствовали.

— Мы слушали ваши разговоры с Ремрат, — сказал Приликла, — и знаем, что она пригласила вас снова зайти к ней. Каковы ваши намерения?

— Мне бы хотелось вернуться в пещерный город в это же время завтра, — ответил Гурронсевас. — К этому времени анализ образцов съедобных растений уже будет завершен, и я буду располагать знаниями, достаточными для того, чтобы провести несколько кулинарных экспериментов, помогая Ремрат по кухне и продолжая беседы с ней. Но в физической защите я не нуждаюсь. Я там чувствую себя вполне спокойно.

Он не стал добавлять, что на дымной и парной вемарской кухне чувствует себя удобнее, чем на стерильной, сверкающей медицинской палубе.

— Мне понятны ваши чувства, — мягко заметил эмпат. — Но я был бы спокойнее за вас, если бы вас все же сопровождал доктор Данальта. Помимо того, что он может оказать вам непосредственную помощь, он будет рядом, если возникнет необходимость в медике. Судя по статистике, кухни занимают второе место по числу несчастных случаев.

— Угу, — буркнула Нэйдрад, — особенно если это кухня племени каннибалов.

— Как пожелаете, доктор, — отозвался Гурронсевас, пропустив мимо ушей язвительное замечание Старшей сестры. — Позволено ли мне будет ответить на гостеприимство Ремрат и пригласить ее сюда?

— Конечно, — согласился Приликла. — Но будьте осторожны. Мы сделали аналогичное предложение Таусар, но она решительно отказалась. Ее эмоциональное излучение при отказе носило столь сложный характер... Я бы даже сказал, что в нем появился оттенок недружелюбия. Ремрат может ответить на ваше предложение таким же образом.

Поэтому, — продолжал эмпат, — мы должны обговорить с вами ситуацию на Вемаре целиком, обсудить все известные нам факты и наши соображения в отношении этих фактов, прежде чем вы снова заведете разговор с Ремрат. В связи с тем, что к нам, медикам, вемарцы почему-то относятся настороженно и недоверчиво, вы становитесь нашим единственным каналом связи, и притом — самым многообещающим. И нам бы не хотелось, чтобы эта связь прервалась из-за того, что мы вас заранее как следует не просветили.

«Я ведь повар, — думал Гурронсевас, — а не медик и не специалист по культурным контактам. А они, похоже, готовы возложить на меня и то, и другое, и третье». Ему было приятно, что греха таить, но и страшновато.

— Мы будем продолжать прослушивать ваши разговоры с Ремрат как внутри пещерного городка, так и за его пределами, — заверил тралтана Приликла. — Но вмешиваться и давать вам ненужные советы впредь воздержимся. Если возникнет непредвиденная ситуация, мы немедленно окажем вам помощь. Наше молчание не будет означать,

что мы о вас забыли. Рекомендации по соблюдению личной безопасности будут включены в инструктаж.

— Спасибо, — ответил Гурронсевас.

— Не бойтесь, друг Гурронсевас, — сказал эмпат. — Не бойтесь ни за себя, ни за то, способны ли вы выполнить возложенную на вас задачу. До сих пор у вас все шло замечательно, так будет и впредь. Мне даже несколько странно, что вы, специалист такого высочайшего класса, до сих пор не пожаловались на то, что здесь вам приходится выполнять такую неквалифицированную работу. На Вемаре к вам относятся без должного уважения.

— На Вемаре, — вздохнул Гурронсевас, — мне еще предстоит заработать это уважение.

Глава 25

Запущенный капитаном Флетчером катер обнаружил охотников и прислал на «Ргабвар» снимки отряда вемарцев. Их было сорок три, все взрослые, и направлялись они к пещерному городу, от которого находились в девяти днях пути. Они больше шли пешком, нежели прыгали, поскольку четверо несли пятого на носилках, изготовленных из прямых веток с обломанными сучьями. Еще четверо вемарцев, разбившись на пары, тащили по небольшому зверю, каждый из которых был привязан веревкой за шею. Размером добытые охотниками звери были невелики — меньше взрослого вемарца раз в пять. За спинами у всех охотников, висели заплечные мешки, судя по всему — пустые. Охота явно не удалась.

Показывать или не показывать снимки Ремрат — решать было Гурронсевасу. Новость о возвращении отряда охотников могла внести разлад в его улучшающиеся отношения с поварихой. С тех пор как они совершили совместный поход за растениями, Ремрат не закрывала рта и большей частью критиковала великого кулинара.

— Глупость и ребячество, — сказала она как-то раз. — Гурронсевас, сколько же раз я должна вам повторять, что поедание растений — это вынужденная необходимость, мы не сами выбрали такое питание, а идем на это только потому, что больше есть нечего. Какими бы ни были растения и овощи — горячими ли, холодными ли, сырыми, вареными, — это все равно растения. Признаю, вы действительно придаете им красивый вид, раскладывая по мискам, но детишкам куда больше нравится играть с цветными камешками и деревяшками, чем с кусочками сырых овощей. Что это такое? Уж конечно, вы не думаете, что кто-то станет есть эту странную мешанину?

— Это салат, — терпеливо пояснил Гурронсевас, стараясь не раздражать Ремрат. — Если вы его рассмотрите внимательнее, вы найдете, что он составлен из ряда вемарских растений, вам знакомых. Некоторые из них нарезаны тонкими ломтиками, некоторые — кубиками, некоторым придана необычная форма. Салат слегка приправлен соусом, изготовленным из измельченных семян ври, смешанных с соком незрелых моховых ягод. Соус придает салату необходимую терпкость. Почти крилья также можно при желании съесть, и к тому времени, как блюдо будет подано на стол, они раскроются целиком, но их основное назначение — это украшение блюда и придание ему приятного аромата. Я уже объяснял, что дело не только в том, каковы на вкус и это блюдо, и еще два, что стоят на подносе, но и в зрительной, и в обонятельной их привлекательности.

Прошу вас, попробуйте салат, — предложил Гурронсевас Ремрат. — Я съел все три блюда целиком, и со мной все в полном порядке, и хотя ингредиенты для меня непривычны, мне очень понравилось.

Гурронсевас немного погрешил против истины. За время экспериментов с вемарскими растениями ему пришлось пережить целый ряд неприятных ощущений, а не только удовольствие. Однако он напомнил себе о том, какие неприятности на протяжении галактической истории навлекали на себя существа, стремившиеся непременно выложить собеседнику всю правду до последней капли.

— Попробуйте — сами убедитесь.

— Не понимаю, зачем вам понадобились три отдельных блюда, — проворчала Ремрат. — Почему не взять да и не смешать их?

Одна только мысль об этом заставила Гурронсеваса содрогнуться. Он уже отвечал на этот вопрос раньше и подозревал, что Ремрат просто тянет время, не желая, чтобы ее соперник выиграл спор. Вероятно, следовало ответить на этот вопрос еще раз, но так, чтобы у Ремрат не осталось никаких сомнений.

— У всех известных мне разумных существ, — принялся объяснять Гурронсевас, — принято готовить и подавать на стол несколько дополняющих друг друга или контрастирующих друг с другом блюд. Делается это потому, что еда приравнивается к разряду тонких, изысканных удовольствий. Ингредиенты отдельных блюд подбираются по тем же принципам.

Трапеза может состоять из многих различных блюд, — с воодушевлением продолжал тралтан. — Из пяти, одиннадцати и даже больше, поэтому может длиться несколько часов. На более долгих и изысканно организованных застольях, имеющих политическую и психологическую окраску, от присутствующих не ждут, что они съедят все, что подается на стол. Попробуй они так поступить, это закончилось бы плачевно для их пищеварительных органов. Лично я не поклонник таких долгих и ненужных застолий, поскольку я предпочитаю количеству качество. Тем не менее каждое блюдо готовится очень старательно и подается с определенным...

— Чужеземцы тратят столько времени на еду! — обормотала Гурронсеваса Ремрат. — И как только вы ухитряетесь выкраивать время, чтобы строить космические корабли и тележки, летающие по воздуху, и создавать прочие чудеса техники?

— Мы пользуемся всеми перечисленными вами вещами, не утруждая себя пониманием того, как они устроены, — ответил Гурронсевас. — Они создаются для того, чтобы экономить время, а не для того, чтобы тратить его попусту. Поэтому

у нас остается больше времени на радости жизни, одной из которых является еда.

Ответ Ремрат транслятор не сумел перевести.

— Существуют и другие радости, — поторопился добавить Гурронсевас. — В особенности те, что связаны с продолжением рода. Однако этим радостям нельзя предаваться непрерывно или слишком часто, иначе можно подорвать здоровье. То же самое относится к избыточным острыми ощущениями и опасным видам деятельности — таким, как, скажем, альпинизм, подводное плавание или полеты на безмоторных аппаратах. Главная радость этих занятий состоит в том, чтобы в рискованной, угрожающей ситуации применить все свои умения и ловкость. Умственные и физические силы, необходимые для деятельности такого рода, с годами слабеют, а вот способность оценивать вкус еды с годами оттачивается. А если хорошая еда потребляется регулярно и в достаточном количестве, это способствует продолжительности жизни.

Ремрат негромко спросила:

— Что же, если я стану есть эту гадость — эти сырые овощи, мое тело дольше сохранится свежим и чистым?

— Если питаться овощами с раннего возраста и на протяжении зрелости, — ответил Гурронсевас, — они помогут вам сохранить чистоту и свежесть гораздо дольше. В особенности если питаться только растениями, как предпочитаю я. С этим согласны и наши целители. Кроме того, у меня есть опыт приготовления пищи для престарелых. Но я должен быть с вами откровенен. Перемены в образе питания вашего народа не помогут вам жить вечно.

Ремрат уставилась на поднос, скривилась и покачала головой:

— Если питаться такой дрянью, кто захочет жить вечно?

Гурронсевасу казалось, что профессиональных оскорблений он на Вемаре за несколько дней выслушал больше, чем за всю свою жизнь. Однако он сдержался и продолжал пояснения:

— Как я уже говорил, трапеза обычно состоит из трех блюд. Первое, которое я уже описал, представляет собой

холодную закуску, предназначенную не столько для утоления голода, сколько для возбуждения аппетита.

За этой закуской следует главное блюдо, — продолжал Гурронсевас. — Оно более питательно, и в его состав входит больше разных ингредиентов. Как видите, оно более объемисто. Здесь также важна манера подачи блюда, и многие растения вам знакомы, хотя вы и не привыкли видеть их в таком виде. Овощи разложены на тарелке отдельно друг от друга для создания наилучшего визуального впечатления, а также это позволяет каждому из них сохранить свой индивидуальный вкус. В том случае, если бы они были переварены и смешаны в жижу, их вкус бы попросту потерялся. Как и в приготовляемом вами обычно рагу, главным компонентом этого блюда является оррогн. Это, вы уж простите меня, пресный и почти безвкусный овощ. Я его порезал тонкими ломтиками и подсушил — вернее говоря, поджарил, предварительно обмакнув в небольшое количество масла, выжатого из ягод глунса, которые вы не считаете съедобными. Обмакивание в масло производится для того, чтобы овощи при поджаривании не обуглились. Вкус оррогна остался прежним, но появилась румяная корочка, и думаю, в таком виде он будет более интересен...

— Пахнет действительно забавно, — согласилась Ремрат, шумно втянула ноздрями воздух и наклонилась к подносу.

— Думаю, особый вкус оррогну придаст подлива, также изготовленная из местных... нет-нет, не ешьте ее ложкой. Возьмите ту острую палочку, которой вы пользуетесь при еде, наколите на нее кусочек оррогна и обмакните его слегка в подливку. По вкусу она напоминает кельгианский саркун и земную горчицу, она обжигает язык...

— Обжигает! — вырвалось у Ремрат, схватившей с подноса кружку и залпом выпившей ее содержимое. — Великий Горель! Да у меня до сих пор во рту словно пожар полыхает! Но... но что вы такое сотворили с нашей водой?

— Наверно, я недооценил степень чувствительности слизистой оболочки полости рта вемарцев, — смутился Гурронсевас. — Нужно будет снизить пропорцию измельченного

корня кресля в подливке. Напитки в кружках — это разведенные водой соки местных ягод. Один из них чуть горьковат на вкус, другой — сладковат и душист. Названий этих ягод, употребляемых вами, я не знаю, поскольку в приготовлении пищи вы ими не пользуетесь, но наши целители сказали, что они безвредны для вемарцев.

Ремрат молчала. Она наколола острой палочкой еще один кусочек оррогна и осторожно обмакнула в подливу. В другой руке она держала наготове кружку с напитком, чтобы поскорее погасить новый пожар во рту.

— Ваша горная вода холодна, свежа, и ею приятно запивать еду, — продолжал Гурронсевас, — но к тому времени, когда она оказывается на столах, она успевает нагреться и становится невкусной. Добавление к воде соков, выжатых из ягод, — это попытка придать ей вкус, не зависящий от температуры напитка, а также стимулировать органы вкуса и сделать потребление пищи более приятным. На многих планетах в качестве напитков подают вина — это жидкости, содержащие различные пропорции химического вещества, называемого алкоголем. Алкоголь получают путем ферментации определенных плодов. Существует множество разновидностей вин, каждое из которых подается к определенному блюду, дабы подчеркнуть или усилить его вкус, но, как я понял, на Вемаре с употреблением алкоголя существуют сложности, и я от попытки произвести вино отказался.

На самом деле Гурронсевас нашел несколько растений, плоды которых при ферментации дали бы алкоголь, но, насколько знали медики, вемарцы вообще не были знакомы с алкогольными напитками, поэтому представители госпиталя решили, что не вправе брать на себя такую ответственность и знакомить местных жителей с этой технологией. Особенно яростно возражала против этого патофизиолог Мэрчисон. Она рассказала о том, как на Земле в свое время была практически уничтожена цивилизация американских индейцев, которых, можно сказать, споили европейцы. До их прихода на американский континент аборигены по-

нения не имели об алкогольных напитках, влияющих на разум и способных менять настроение. Приликла согласился с Мэрчисон и добавил, что у вемарцев и без алкоголя проблем хватает.

— Третье блюдо, — продолжил пояснения Гурронсевас, — мы называем десертом, или «сладким». Это, как и салат, блюдо по объему небольшое. Им кулинары как бы говорят вежливое «до свидания» насытившемуся желудку. Этот десерт приготовлен из тушеных измельченных стеблей кретто. Я уваривал их до тех пор, пока не выкипела вся вода, и в итоге получилась густая, нежная безвкусная паста, внутри которой находятся несколько ягод с косточками, которые вы называете «ден», а также нарезанные кубиками матто и еще кое-какие ингредиенты, названий которых я пока не знаю. Прошу вас, попробуйте это блюдо. Оно не обожжет вам язык, но, думаю, удивит вас своим вкусом.

— Погодите, — проговорила Ремрат, обмакивая в подливу очередной кусочек оррогна. — Я пока еще не решила, насколько мне не нравится это блюдо.

— Как пожелаете, — отозвался Гурронсевас и добавил: — В вашем возрасте вместо холодной закуски — салата — первым блюдом может служить горячий суп. По консистенции он представляет собой нечто среднее между напитком и очень жидким рагу, содержит небольшое количество овощей, к которым можно добавить совсем немного трав и специй, дабы делать вкус супа всякий раз разным. Пока я провожу опыты с рядом растений, и эти опыты дают многообещающие результаты, но угощать вас итогами неудачного эксперимента мне не хотелось бы.

Похоже, вы не знакомы со многими съедобными травами, произрастающими в вашей долине, — продолжал тралтан. — А наши целители определили, что большинство из них совершенно безвредны и даже полезны для вемарцев и меня. К сожалению, между видами, к которым принадлежим мы с вами, имеются небольшие различия в плане восприятия вкуса, и эти различия надо определить до того, как я примусь за дальнейшие эксперименты.

Ремрат отложила палочку и осторожно запустила ложку в десерт. Жареный оррогн был съеден почти наполовину.

— Вы говорили мне, что по ночам в пещерах очень холодно, — заметил Гурронсевас, — и сыро, когда в вентиляционные колодцы попадает дождевая вода. Вы говорили, что юным вемарцам это не помеха, а учителя от этого страдают. Поэтому у меня такое предложение: в тех случаях, когда у вас имеется достаточный запас дров, учителя могли бы подогревать подаваемую к вечерней трапезе воду, и тогда они могли бы ночью чувствовать себя теплее. А еще лучше — если бы перед сном пожилые вемарцы кушали горячий овощной суп, приправленный специями. Тогда они бы согревались лучше, чем под одеялами.

Для вас это будет всего лишь небольшое изменение в повседневной работе, — добавил тралтан, — но именно так поступают многие существа на других планетах и утверждают, что после такой еды им легче и приятнее засыпать.

Ремрат не донесла до рта вторую ложку десерта и сказала:

— Ну да, изменение небольшое — всего лишь одно из множества изменений и предложений, из-за которых я ем все эти иноземные смеси растений. Как знать, до чего я так могу дойти? Вы хотите нам помочь, и именно поэтому я, ну и другие учителя тоже, хотя и не так охотно, согласились на то, чтобы вы проводили свои странные и порой отвратительные эксперименты с вемарскими растениями. Но вы должны помнить о том, что мы, старые и голодные, забыли о своем позоре и помогаем вам, но в вашей помощи нуждаются больше всего дети, а детям нужно мясо.

Гурронсевас, — добавила Ремрат, — вы так напористы, так настойчивы, так упрямы и настолько не терпите возражений, что ведете себя словно тот, кто предается любимому увлечению.

«Я! Я — Великий Гурронсевас — любитель?» — в гневе подумал Гурронсевас. Он разозлился слишком сильно, чтобы как-то ответить на это оскорбление, и тут ему пришла в голову одна очень неприятная мысль. А какая же в таком случае разница между любителем, всецело преданным свое-

му увлечению, и существом, посвятившим любимому делу всю свою жизнь без остатка?

— Но еще вы не должны забывать о том, — продолжала Ремрат, — что от учителей вы получаете хоть какую-то помощь, но от юных вемарцев вы сотрудничества не дожде-тесь. Может быть, старость повредила наши мозги, а может быть, мы просто очень слабы для того, чтобы спорить с вами, но если вы попытаетесь накормить наших детишек этой стряпней, это приведет к тому, что они запустят тарелками в стену, и этим закончатся ваши блестящие эксперименты. Что вы намерены предпринять в этой связи?

— Ничего, — коротко отозвался Гурронсевас.

— Ничего?

— Что касается детей — ничего, — подтвердил тралтан. — Они будут видеть, как старики едят новые блюда, но им самим их есть не будет позволено. Здесь мне также понадобится ваша помощь и внимание других учителей. Вы говорили, что Таусар кушает в одиночестве, из-за того, что стыдится вынужденного поедания растений. Но если объяснить детям, что она так поступает потому, что помогает чужеземцам в важном кулинарном эксперименте, то им станет ясно, почему она не питается вместе с ними. А когда дети увидят, что все вы с удовольствием едите новую пищу — я уверен, что она вам понравится, — разыграет обычное детское любопытство, и детям тоже захочется попробовать. А вы им не будете разрешать. Они будут обижаться, станут думать, что вы — эгоисты, раз не хотите им дать отведать таких интересных чужеземных блюд. И в конце концов вы им уступите.

Запретный плод — это желанный плод.

Сейчас у вас на кухне не хватает рук, — продолжал пояснять свой замысел Гурронсевас. — Не хватает даже для приготовления обычного рагу и готовящихся изредка мясных блюд. Но для приготовления новых блюд помощников потребуется еще больше. Вы поймете, сколько подручных вам будет нужно, и мы вместе займемся их обучением. И только те, кто будет помогать на кухне, в качестве награды будут получать новые блюда — вернее, им будет разрешено

попробовать их. Как всякие дети, они не утерпят и примутся рассказывать о своих впечатлениях своим товарищам. Пожалуй, они смогут даже преувеличить немного, дабы разжечь зависть у тех, кого недолюбливают. Вы же учительница, Ремрат, вам ли не знать, как устроено мышление детей и как можно на него влиять? И очень скоро все до одного в вашем поселке будут кушать так же, как чужеземцы.

Несколько минут Ремрат молчала. За это время она прикончила десерт и вернулась к остывшему второму блюду. Гурронсевасу стало худо от лицемерия такого кощунственного перехода от последнего блюда к предыдущему, но он напомнил себе: в кулинарном плане вемарцы пока сущие дикари. Наконец вемарка подала голос.

— Гурронсевас, — сказала она, — вы — хитрый и изворотливый грулих.

Видимо, это слово существовало только в вемарском языке, так как транслятор воспроизвел его без перевода. Тралтан не стал интересоваться, что оно означает. Для одного дня он и так уже получил достаточно оскорблений.

Глава 26

На «Ргабваре» трудились вовсю. Опыт медиков и совершенство оборудования стали залогом того, что ликвидация кулинарной безграмотности вемарцев продвигалась быстрыми темпами. Но теперь общение с местными жителями стало более оживленным и не ограничивалось только сферой приготовления пищи. Наконец экипаж «Ргабвара» начал осознавать сложности жизни на Вемаре во всей их полноте, а вемарцы получили возможность взглянуть на свои проблемы глазами чужеземцев, пытающихся эти проблемы решить. Процесс впитывания новой информации с обеих сторон набирал обороты.

Некогда Вемар был цветущей планетой с густыми лесами. Доминирующий вид быстро прогрессировал и разви-

вался в технически оснащенную цивилизацию за счет традиционного формирования альянсов, которые периодически грозили друг другу постоянно совершенствовавшимися видами вооружений. К счастью, вемарцы не додумались до использования ядерного оружия, так что после многочисленных войн их цивилизация уцелела, воцарился мир, и население стало расти, и притом — бесконтрольно. Увы, вемарцам недоставало демографической дальновидности, они считали, что ресурсы их планеты, в том числе живой мир, неисчислимы.

Орбитальные станции у них появились слишком поздно для того, чтобы они сумели оценить масштабы спровоцированной ими самими экологической катастрофы.

С каждым новым поколением численность населения Вемара возрастала втрое, и при этом росла степень загрязнения атмосферы выбросами промышленных предприятий, работавших на примитивном топливе. В конце концов в атмосфере возникли озоновые дыры, и на планету обрушилось смертоносное воздействие солнечной радиации. Как на большинстве планет, не имеющих наклона оси и, как следствие, сезонных изменений температуры, метеорологические изменения на Вемаре возникали только за счет вращения планеты, и погодные системы здесь были минимальны и легко прогнозируемы. В итоге загрязняющие атмосферу вещества добрались до верхних слоев атмосферы и сконцентрировались над южным и северным полюсами. Там массы этих вредных веществ накапливались и распространялись, мало-помалу лишали полярные области защитной ионизации и захватывали более высокие слои, вплоть до стратосферы, над более населенными умеренными зонами, после чего продолжили свое распространение.

Процесс этот шел медленно, постепенно, но поверхность планеты от полюсов до субтропических широт, прилегающих к экватору, истощилась, леса высохли, погибло множество животных, чей цикл питания зависел от умирающей растительности. В значительной мере истощились запасы рыбы и водорослей вблизи континентальных шельфов. Постепенно стали вымирать и сами вемарцы, обре-

ченные на голодание из-за нехватки мяса. Что того хуже, солнце, чей свет раньше помогал расти травам и лесам, множиться рыбам и зверям, теперь нещадно сушило растения и убивало все живое. Вемарцы начали умирать от странных болезней кожи и глаз.

Постепенно стала ржаветь техника. Уменьшению численности населения в большей мере способствовали жестокие войны, разгоревшиеся между проживавшими вблизи экватора и более или менее неплохо питавшимися «имущими», которых вдобавок пока хранила не разрушившаяся над этими областями планеты атмосфера, и проживавшими в умеренных зонах «неимущими». За последние два столетия положение стабилизировалось. Население уменьшилось до предела, прекратилось загрязнение окружающей среды, и теперь безнадежно больная планета стала излечиваться. Верхние слои атмосферы переживали процесс реионизации, нарушенный защитный слой постепенно восстанавливался.

Учителя-чужестранцы с корабля «Тремаар» говорили о том, что со временем, через четыре-пять поколений, планета полностью восстановится. Но произойти это могло только в том случае, если катастрофически малочисленному населению Вемара суждено было бы выжить, не допустить бесконтрольного роста своей численности и развить технику по прежнему образу и подобию.

— Повторяю вновь, — проговорил Гурронсевас нарочито серьезно, — когда вемарцы в следующий раз попытаются совершить самоубийство, их может ожидать удача.

Ремрат, готовившая специальные десерты для учителей и помощников, даже не обернулась, но сердито проворчала:

— Не надо то и дело напоминать нам о том, что мы преступно глупы. Уж про меня вы этого никак не можете сказать.

— Я очень переживаю за вас, — признался Гурронсевас, — поэтому выразился необдуманно. Вы не глупы, и вы не преступница, и я не мог бы такого сказать ни об одном из знакомых мне вемарцев. Преступления совершили ваши

предки. Проблема передается из поколения в поколение, но решать ее вам.

— Да все я понимаю, — огрызнулась Ремрат, по-прежнему не оглядываясь. — Решать, поедая овощи?

— Скоро, — произнес Гурронсевас фразу, которую уже не раз повторял в последнее время, — больше ничего другого просто не останется.

За последние несколько дней Ремрат и Гурронсевас сблизились настолько, что их можно было бы считать добрыми знакомыми, если не друзьями, и Гурронсевас больше не утруждал себя излишней вежливостью ради сокрытия истины. Поначалу это пугало его друзей на «Ргабваре». Они непрерывно снабжали его сведениями о вемарской культуре и напоминали ему, что он — единственный реальный канал общения с местными. Но они возлагали на него слишком большие надежды: Гурронсевас, не будучи ни медиком, ни антропологом, ни даже биологом, был вынужден объяснять Ремрат и другим вемарским учительницам вещи, в которых и сам-то до конца не разбирался.

Когда он просил, чтобы ему что-то получше растолковали, отвечала ему, как правило, патофизиолог Мэрчисон. Гурронсевас ничего не знал о генетических сдвигах, о прецедентах, имевших место на других планетах и заключавшихся в переходе от всеядности к плотоядности при наступлении зрелости, о том, что именно это имело место у земных головастика и лягушек. С его точки зрения, лягушки, вернее, лягушачьи лапки, являлись не более чем деликатесом, обожаемым землянами и еще рядом гурманов с других планет.

В отличие от патофизиолога Мэрчисон Гурронсевас в юности не ловил лягушек и головастика, не держал их в стеклянной банке, потому что такие животные на Тралте не водились. Но в конце концов Мэрчисон удалось-таки втолковать тралтану, каковы различия в пищеварительных системах травоядных, плотоядных и всеядных существ.

Крупные, обладавшие массивным телом травоядные, как правило, были жвачными животными, вынужденными пережевывать растения все время, покуда они бодрствовали.

Эти животные имели желудки, состоящие из нескольких отделов. Только такие желудки могли переваривать пищу, содержащую большое количество растительных волокон и отличающуюся низкой калорийностью. Если жвачным животным угрожали хищники, они спасались бегством и порой защищались с помощью рогов и копыт, однако им не доставало маневренности и выносливости плотоядных хищников, которые питались более легко усвояемой и более калорийной пищей.

В крайне редких случаях жвачным животным удавалось занять доминирующее положение на планете и достичь уровня развития разума, предваряющего появление цивилизации. Если таких животных не истребляли до полного исчезновения, то их одомашнивали, пасли и охраняли, превращая в постоянный источник пропитания для себя те виды, которые занимали доминирующее положение. Крайне редко хищникам удавалось с кем-либо завязать дружественные отношения за пределами своей стаи, что явилось бы залогом развития культуры, а происходило лишь тогда, когда хищники изменяли своему привычному образу питания и поведения.

Гораздо более приспособляемыми оказались всеядные, поскольку могли выбирать — охотиться за добычей, собирать ее, либо (с той поры, когда у них появились зачатки разума) пасти и выращивать. И даже тогда, когда всеядным существам грозил голод из-за неурожая или падежа домашней скотины, они находили способы выжить, пускай размеры катастрофы и равнялись тем, что наблюдались на Вемаре.

И для этого существовал гораздо более легкий способ, чем тот, к которому прибегали вемарские охотники.

Гурронсевас продолжал:

— Повинуясь инстинкту либо основывая свои действия на полученном опыте, немногочисленные уцелевшие звери научились прятаться от солнца. Крупные и мелкие, они стали вести сумеречный или ночной образ жизни, а днем прятаться в пещерах или норах. И в связи с тем, что питаться они теперь могли только друг другом, они стали очень

опасны. Вы говорили мне о том, что вашим охотникам зачастую приходится проводить долгие часы под солнцем, вредоносным для них, накрывшись плащами, потому что по ночам у зверей больше возможностей превратить охотников в свои жертвы. Их труд тяжел и опасен.

Работа по выращиванию овощей вряд ли бы показалась достойной храброму охотнику, — продолжал тралтан. — Но такая работа легче, да и вовсе не опасна, поскольку овощи не кусаются. Если, конечно, не переусердствовать с корнем кресля, — добавил он.

— Гурронсевас, — вздохнула Ремрат, — дело ведь очень серьезное. Вемарцы всегда были едоками мяса.

Гурронсевасу не терпелось оказаться в Главном Госпитале Сектора и посоветоваться с О'Марой, а еще лучше — с падре Лиореном. Он ведь пытался сражаться логикой против убеждений, неоспоримыми научными фактами с уверенностью, носившей характер религии, и как это часто бывает в споре с низкоразвитыми существами, наука проигрывала спор.

— Конечно, вы правы, — не стал возражать тралтан. — Дело нешуточное, и действительно, насколько вы понимаете и как утверждают ваши письменные источники, вемарцы всегда были едоками мяса. Много веков назад, когда ваши равнины и леса кишели зверями и вы без страха могли охотиться на них днем, думаю, мясом питались не только взрослые. Полагаю, к моей точке зрения присоединились бы и наши целители. Скорее всего новорожденные, как только их отнимали от груди матери, получали мясной бульон, так как их юные желудки еще не могли переваривать мясо в чистом виде. Однако уже в раннем возрасте они переходили на порции мяса для взрослых.

Но ни они, ни вы не плотоядны. Это совершенно не обязательно.

Физически вемарцы не годятся для того, чтобы становиться крестьянами, — продолжал Гурронсевас. — Вероятно, ваши длинные и крепкие задние конечности, гибкий и сильный хвост и способность быстро передвигаться и резко менять направление развились из-за необходимости спа-

саться бегством от крупных хищников на заре вемарской истории. До тех пор пока вашу планету не захлестнула экологическая катастрофа, мяса у вас всегда было в избытке, охота не представляла трудности, и поедание мяса стало вынужденной добродетелью. Но когда мяса вдруг стало очень мало, как бы вам ни трудно было со мной согласиться, его поедание превратилось в порочное занятие.

Мне, конечно, недостает знаний, — продолжал Гурронсевас, не дав Ремрат вмешаться. — Я могу только размышлять о событиях, имевших место два-три века назад. Но позволю себе предположить, что с тех пор, как у вас начали возникать сложности с количеством мяса на душу населения, тот период, в течение которого дети получали овощное рагу, был удлинён до достижения зрелости. Кроме того, от мяса стали отказываться старики. Думаю, что не ошибусь: вскоре единственными едоками мяса остались охотники — ведь им приходилось сталкиваться со всевозрастающими опасностями, и они являлись единственными полноценными защитниками своих племен.

Не думаю, чтобы охотники так поступали только из-за того, что они такие эгоисты, — добавил Гурронсевас. — Скорее всего они просто твердо верят, что будущее вемарцев зависит от того, чтобы те, кто мясо добывает, ели его, иначе таких просто не останется. Это так?

Возвращение охотников домой затянулось, и за прошедшие дни Гурронсевас научился понимать мимику Ремрат. Старуха повариха выглядела несчастной и пристыженной, вот-вот могла разозлиться не на шутку. Она молчала. Гурронсевас разошелся и явно переусердствовал. Нужно было поскорее что-то сказать, чтобы смягчить краски, а не то контакт грозил прерваться здесь и немедленно.

— Скажите, а если я вежливо попрошу, — поинтересовался он мягко и осторожно, — не дадут ли мне охотники немного принесенного ими мяса? Мне хватит совсем маленького кусочка. Мясные блюда мне всегда удавались.

Ремрат тяжело дышала, она закашлялась, но вскоре кашель перешел в негромкий лай, который, как уже знал тралтан, является у вемарцев смехом.

— Не дадут! — отсмеявшись, воскликнула старуха вемарка. — Мясо слишком драгоценно для того, чтобы давать его чужеземному повару, привыкшему возиться с овощами. Вдруг вы его испортите!

Гурронсевас промолчал. Уловка сработала. Теперь Ремрат почувствовала себя неловко и произнесла извиняющимся тоном:

— Я понимаю, вы не станете нарочно портить мясо, — сказала она, — но своими соусами и приправами можете так изменить его вкус, что охотники не признают в нем мяса. — Она немного растерялась, помедлила и добавила: — Но вы правы. Если только охота не бывает особенно успешной — а такого я не припомню с того дня, как я перестала быть охотницей и стала учительницей, — ни старикам, ни детям мяса не достается. Порой кто-нибудь из охотников может тайком бросить кусочек мяса своему престарелому родителю, но не припомню за последнее время и такого случая.

Теперь мяса стало так мало, что даже охотники вынуждены питаться овощами, — продолжала рассказывать Ремрат, — а иначе они бы не наедались. Но они утверждают, что мясо нужно им, чтобы поддерживать силу, и когда они ощущают его вкус в приготовленном блюде, они чувствуют свою избранность. Но если вы спросите меня, то я скажу: из-за своей охотничьей гордыни они доводят себя до изнурительной слабости, а вовсе не набираются сил.

А ведь именно это Гурронсевас и пытался ей все время втолковать, но сейчас не время было укорять собеседницу за упрямство. Вместо этого тралтан-диетолог рассмеялся и сказал:

— Ну что ж, в таком случае нам нужно продолжать готовить изысканные блюда из овощей и добиваться того, чтобы охотники начали нам завидовать.

Ремрат не рассмеялась в ответ. Она сказала вот что:

— Несколько дней назад, до того, как вы придумали свои трапезы из трех блюд, это бы прозвучало как самое странное предложение. Но теперь... Гурронсевас, ваших новых блюд из овощей для стариков и детей мало. Нам нуж-

но мясо, чтобы вемарцы выжили как народ, а... а наши охотники задерживаются.

Голос Ремрат стал печальным.

— Должна ли я, — проговорила она тоскливо, — напоминать вам о том, что ваш главный целитель обещал нам, что вы покинете нас до возвращения охотников?

Приликла предоставил Гурронсевасу решить, когда именно сообщить Ремрат о том, что охотничий отряд на подходе. Пожалуй, этот момент настал. Однако к приятной новости следовало присовокупить и сообщение о том, что вемарцев ожидают крайне неблагоприятные новости. Гурронсевас открыл небольшую сумку на боку и заглянул в нее одним глазом, чтобы разыскать снимки, которые захватил с собой с «Ргабвара».

— Несмотря на различия в размерах и возрасте, — сказал он, — ваши дети и старики чувствуют себя неплохо и сохраняют соответствующую возрасту активность, находясь на овощной диете. Наши целители, располагающие обширными сведениями в этой области, убеждены, что и ваши взрослые будут хорошо себя чувствовать, питаясь теми же самыми блюдами. Им полезно есть мясо, так говорят целители, но оно не является для них единственным источником энергии. У нас такое ощущение, что поедание мяса превратилось в убеждение и привычку на протяжении жизни многих поколений и что от этой привычки можно отказаться.

Но давайте не будем вступать в очередной спор, — поторопился предложить тралтан, — потому что у меня для вас хорошие новости. Если ваши охотники будут двигаться с такой же скоростью, как сейчас, а идут они медленно, так как поклажа тяжела, они придут домой послезавтра утром. Если вы мечтаете о мясе, скоро вы его получите.

Не упомянув о том, в какое время были сделаны снимки, Гурронсевас вкратце объяснил Ремрат, как работает поисковый катер «Ргабвара», и разложил снимки перед вемаркой. Снимки увеличили, изображение было четким, и стали хорошо видны все пять убитых охотниками зверей, каждая

складка на шкурах, которыми был укрыт молодой охотник, лежавший на самодельных носилках. Носилки теперь тащили шестеро вемарцев. Фотосъемка производилась вечером, и охотники отбросили капюшоны, так что можно было прекрасно разглядеть лицо каждого из них. Четкость фотоснимков изумляла самого Гурронсеваса.

— Вероятно, охотники задержались из-за того, что несут пять убитых зверей и раненого на носилках, — заметил он. — Не знаю, сколько добычи они приносят обычно, но хорошую добычу я узнаю, если вижу, что она хороша.

— Ничего вы не знаете, Гурронсевас, — тихо-тихо промолвила Ремрат. — Это вовсе не хорошая добыча. Охотники не шли бы пешком, они бы подпрыгивали на хвостах и бежали, чтобы в набитых доверху заплечных мешках не испортились тушки мелких зверьков, и тащили бы они штук двадцать крупных крелланов и твзатхов, а не пятерых детенышей. Но у многих мешки пусты, а на носилках они несут охотника, который или умер, или при смерти.

— Простите... — смущенно проговорил Гурронсевас. — Вы его знаете? Это... это ваш друг?

Гурронсевас произнес этот вопрос и тут же понял, что зря его задал. Лица всех вемарцев были видны настолько четко, что определить, кто лежал на носилках, можно было методом исключения.

— Это Критхар — их вождь, — произнесла Ремрат еще тише. — Очень храбрый, умелый и всеми любимый охотник. Критхар — мой младший ребенок.

Глава 27

Ремрат сияла. Они с Таусар спорили три часа, и спор выиграла Ремрат. Наконец, по прошествии тягостных трех часов, «Ргабвар» поднялся в вемарское небо и отправился для совершения миссии, для которой собственно и был изначально предназначен.

О том, что предстояло, даже не хотелось думать. Гурронсевасу не хотелось, а что говорить о существе, настолько чувствительном к чужим эмоциям, как Приликла?

В своих чувствах Гурронсевас не сомневался. Ему казалось, что он хорошо понимает, какие чувства владеют и всеми остальными, включая Ремрат. Как бы они ни старались, они все равно со страшной силой излучали эмоции в нескольких ярдах от Приликлы. Может быть, именно поэтому Старший врач уже больше часа не предвещал обращение к кому бы то ни было своим привычным «друг».

Вемарские охотники уходили за добычей в далекие походы, но хранить мясо можно было только в пещерном городе, где для этой цели имелся холодильный шкаф. Поэтому единственный способ доставить добычу в город не испорченной заключался в том, чтобы оставлять ее на время обратного перехода живой. Так что если раненый был еще жив, то и он сам, и его друзья-охотники должны были изо всех сил стараться поддержать в нем теплящуюся жизнь, дабы его молодая плоть прибыла в город свежей.

Ремрат объяснила медикам, что, как бы ни страдал раненый, как бы ни мучился от боли, не получая никакой медицинской помощи от своих совершенно не сведущих в этой области товарищей, он все равно будет цепляться за жизнь до последнего мгновения. Критхар был храбр, вемарцы чтили его за это, и он тем более должен был стараться остаться в живых. Таков был его долг.

Ремрат стояла около обзорного иллюминатора на медицинской палубе и держалась стойко и решительно, не выказывала ни малейшего страха, хотя капитан Флетчер вел «Ргабвар» резко вниз, совершая аварийную посадку. Он должен был посадить корабль всего в нескольких сотнях ярдов от охотничьего отряда вемарцев. Рядом с Гурронсевасом тревожно порхал Приликла. Чтобы скрыть волнение, тралтан заговорил с эмпатом, но тут же понял, что мог бы и не делать этого — цинрусскийцу и так были понятны его чувства.

— Когда я разговаривал с Ремрат и Таусар, — негромко произнес Гурронсевас, хотя его транслятор был включен, — вместе и по отдельности с каждой, как вы меня попроси-

ли, возникли разногласия. Таусар уговаривала нас не вмешиваться, а Ремрат выражала готовность оказать любую посильную помощь, так что... если мы попытаемся помочь Критхару без разрешения Таусар, наши нынешние добрые отношения с вемарцами могут резко ухудшиться. Но насколько я успел заметить, к Главной поварихе Таусар относится с уважением и любовью, так что скорее всего риск минимален. В конце концов, Критхар — младшее и единственное оставшееся в живых дитя Ремрат.

— Вы мне уже говорили об этом, — заметил эмпат. — Я очень ценю вашу попытку успокоить меня. Но будучи Старшим медиком на корабле-неотложке, я не имею другого выбора. Или ваше волнение вызвано чем-то другим?

— Даже не знаю, — признался Гурронсевас. — Вопреки увещаниям Таусар, Ремрат отправилась с нами, чтобы заверить охотников в наших добрых намерениях. Если ей это удастся, мы можем скорее доставить Критхара домой, где мы либо вылечим его, либо он умрет. Но мне кажется, что Ремрат этого не хочет. Перед тем как она вместе со мной покинула город, она сказала Таусар — вы, наверное, слышали их разговор, — что как мать она имеет право решать, как поступить с раненым Главным охотником, и что она хочет, чтобы чужеземцы забрали Критхара к себе на корабль на сколько угодно долгое время.

Лично мне больше ничего сказано не было, — продолжал тралтан. — Я лишен вашей способности читать чужие эмоции. Но почему в создавшейся ситуации, ситуации экстремальной, мать решила отдать свое дитя нам — совершенно чужим существам, с которыми она знакома совсем недолго? Я уверен: сказала она гораздо меньше, чем думает и чувствует. Вот это и беспокоит меня.

— Я вижу и ваши чувства, и чувства, которые сейчас владеют Ремрат, — сказал эмпат. — Сейчас она излучает смесь неуверенности и тоски, характерные для существа, боящегося потерять любимое чадо и при этом не знающего, насколько тяжелы его раны. Кроме того, я чувствую, что Ремрат переполняет волнение, свойственное всякому, кто впервые отправился в полет. Ремрат — разумное существ-

во, и у нее, невзирая на нынешнее положение на Вемаре, близкое к варварству, ум цивилизованный и либеральный. К тому же она доверяет нам. Это доверие завоевали вы, Гурронсевас, и в итоге мы получим возможность оказать Критхару посильную медицинскую помощь — с согласия, безусловно, его матери.

Итак, причин волноваться у вас нет, — заключил эмпат, — и все же вы волнуетесь.

Но прежде чем тралтан сумел ответить, он почувствовал, как пол едва заметно надавил ему на ступни — это гравитационные компенсаторы смягчили удар при приземлении корабля. Ремрат неуклюже взобралась на носилки, и все медики, за исключением Мэрчисон, оставшейся на палубе, чтобы приготовить оборудование к приему пациента, отправилась к трапу. Спустившись по нему, они вышли навстречу охотникам.

Ремрат велела остальным молчать, пока она будет разговаривать с сородичами. Она объяснила, что в том случае, если кто-то вмешается в разговор, любая попытка чужеземцев забрать Критхара на корабль обернется неудачей, и притом с обеих сторон не обойдется без жертв. Говорить с вемарцами должна была их соплеменница, облеченная неким авторитетом. Медики были вынуждены согласиться. Гурронсевас пытался поставить себя на место вемарских охотников, впервые видевших космический корабль и странных пугающих чужеземцев, которые ни с того ни с сего желали забрать одного из них.

Тралтан гадал, сказала ли уже старость на разуме Ремрат, оправданна ли ее решимость.

Однако Ремрат заговорила с охотниками так, словно они все еще были ее учениками — твердо, уверенно, властно. Сначала она заверила их в том, что им нечего бояться, и объяснила почему, а затем она провела с сородичами короткий урок астрономии, посвященный образованию солнечных систем, рассказала о том, что на некоторых планетах развивается разумная жизнь, о том, что от одной такой планеты до другой — огромные расстояния, и о том, что для развития космической техники и создания кораблей, кото-

рые могли бы летать меж звезд, потребовались многие века напряженного мирного труда.

Данальта, дабы не напугать никого из вемарских охотников, принял безобидную форму четвероногого зверька без каких-либо рогов и копыт. Мимикрист подобрался поближе к Гурронсевасу и заметил:

— Когда ваша подружка предложила оказать нам помощь, я не ожидал, что произойдет что-либо подобное.

— У нас много общих интересов, — гордо отозвался Гурронсевас, — но мы разговаривали не только о кулинарии.

— Ясное дело, — понимающе проговорил Данальта.

Они не дошли ярдов двадцати до носилок, на которых лежал Критхар, но пока вемарцы явно не собирались пропускать их к раненому.

— Странные создания, окружающие меня, прибыли к нам с миром, — продолжала увещевать сородичей Ремрат. — Они не желают нам зла и мечтают помочь нам. Один из них, — тут она показала на Гурронсеваса, — уже помог нам с приготовлением новой пищи в городе. Эта пища чудесна и удивительна, и я вам непременно расскажу о ней чуть позже. Остальные — целители и хранители с большим опытом, они также хотят оказать нам помощь. Я решила, и таково мое право матери, разрешить им показать свое искусство. Опустите носилки и отбросьте шкуры.

Тише, менее строго, она спросила:

— Жив ли еще Критхар?

Ответом ей было долгое молчание.

Приликла вылетел вперед и запорхал над носилками. Двое охотников подняли вверх копыта, еще один зарядил стрелой лук, прицелился, но тетиву не натянул. «Он все чувствует, — уговаривал себя Гурронсевас, — он бы знал, если что — он успеет улететь». Однако порхал Приликла неровно, как-то тревожно — видимо, переживал за свою безопасность не меньше Гурронсеваса.

— Критхар жив, — сообщил эмпат, и в тишине голос его прозвучал удивительно громко. — Но... еле жив. Друг Ремрат, мы должны немедленно обследовать его, а затем

как можно скорее перенести на корабль. Данальта, давайте осмотрим пациента.

Ввысь взметнулись новые копья и луки, но теперь все они были нацелены на неуязвимого (о чем охотники не ведали) мимикриста, а не на Приликлу. Покуда Данальта осторожно снимал звериные шкуры, которыми был укрыт раненый вемарец, Ремрат произвела очередной отвлекающий маневр: встала с носилок и вновь решительно потребовала, чтобы Критхара отдали чужеземцам. Охотники столпились около Главной поварихи и принялись так оглушительно кричать и яростно спорить, что не заметили, чем в это время занимались Приликла, Данальта и Нэйдрад.

Гурронсевас изо всех сил прислушивался, стараясь уловить смысл препирательства, но охотники распалялись все сильнее, и спор принял такую окраску, что понять уже нельзя было ровным счетом ничего. Пониманию в значительной мере мешало то, что вемарцы обладали удивительной способностью — тараторить, не закрывая рта, но при этом слышать, что им в том же духе вешал сородич. Тралтан переключился на частоту «Ргабвара», чтобы послушать, о чем говорят медики.

Он услышал голос Приликлы:

— У пациента множественные переломы и ранения передних конечностей, груди и живота, ушибы и ссадины на боках — скорее всего он катился по неровной поверхности. Как видите, кое-где на поврежденной коже остались пыль и грязь. Видимо, у товарищей раненого не было достаточного запаса воды для промывания ран. Сканер показывает повреждение нескольких ребер. Разрывов внутренних органов не отмечается. Переломы получили смещения при транспортировке раненого. Отмечается также значительная потеря мышечной массы, связанная скорее всего с длительным голоданием и обезвоживанием. По сравнению с данными, полученными при обследовании Таусар, жизненно важные показатели друга Критхара оставляют желать лучшего. Он очень слаб, почти без сознания, его эмоциональное излучение типично для существа, находящегося при смерти. Вы видите все, что видим мы, друг Мэрчисон. Нет

времени на споры с его друзьями. Придется рискнуть, не дожидаясь их разрешения.

Данальта, Нэйдрад, — торопливо проговорил Старший врач, — увеличьте границы антигравитационного поля, поднимите Критхара и перенесите на наши носилки — осторожно, стараясь не затронуть его поврежденные конечности. Ни в коем случае нельзя допустить осложнение имеющихся смещенных переломов. Осторожнее. Теперь опустите колпак, увеличьте внутренний обогрев на десять градусов и пустите под колпак чистый кислород. Мы должны оказаться на «Ргабваре» через пять минут.

— Жду, — отозвалась Мэрчисон. — Инструменты для ортопедической операции и исследований внутренних органов готовы. Однако кожные покровы больного сильно изранены, имеет место значительное обезвоживание. Помимо травм, он запросто может скончаться от голода. Как же они жестоки! Неужели вемарцы никогда не слышали о шинах, предназначенных для фиксации переломов? И вообще они хоть как-то заботятся о раненых или нет?

Гурронсевас знал, что не его дело вмешиваться в спор профессионалов, но слова патофизиолога вывели его из себя. У него было полное ощущение, что критикуют его друга, а он это слушает. Это ощущение удивило его, но оно было сильнейшим, и некуда было от него деваться.

Тралтан сказал:

— Вемарцы не жестоки и не безжалостны. Мы с Ремрат говорили об этом. Она сказала мне, что медики на Вемаре — это те, кто лечит больных травмами. Насколько нам известно, хирургов здесь нет. Ремрат полагает, что в прежнее время они существовали, но эти навыки давно утрачены. Теперь любое самое мелкое ранение может закончиться смертью или инвалидностью, являющей собой муки как для самого калеки, так и для тех, кто за ним ухаживает, не говоря уж о том, что у вемарцев просто не хватает еды на всех. Именно поэтому они и не кормят того, кто должен умереть, да начни они кормить Критхара, он бы отказался от еды. Не вемарцы жестоки, а сам Вемар.

Мгновение было тихо, потом послышался звук — так земляне выдыхают через нос, затем Мэрчисон произнесла:

— Простите, Гурронсевас. Я слышала многие из ваших разговоров с Ремрат, но этот, видимо, пропустила. Вы правы. Мне просто нестерпимо смотреть на существо, которому не оказали своевременной помощи.

— Помощь ему сейчас будет оказана, друг Мэрчисон, — негромко напомнил Приликла. — Прошу вас, будьте наготове.

Неожиданно крошка эмпат взмыл в небо, в чем ему поспособствовал специальный пояс, обеспечивавший привычную для цинрусскийца гравитацию, равную одной восьмой G. Медленно вздымавшиеся и опадавшие радужные крылья Приликлы преломляли солнечные лучи, словно большие подвижные призмы. Спор охотников с Ремрат тут же прекратился. Охотники уставились в небо, на странного чужеземца, буквально ослепившего их своей красотой. Вемарцы были вынуждены заслониться от солнца передними конечностями, так как глаза им слепило. Высоту и направление полета, как понял Гурронсевас, Приликла выбрал нарочно, чтобы в него не угодили стрелы и копья. А когда вемарцы поняли, что случилось, действовать было уже слишком поздно. Данальта, Нэйдрад и носилки с Критхаром уже были на полпути к кораблю.

Приликла развернулся, полетел следом за ними и сообщил:

— Эмоциональное излучение охотников указывает на всеобщее замешательство, гнев, стыд, но думаю, эмоции недостаточно сильны для того, чтобы могли излиться в применении физической силы. К этим эмоциям примешивается чувство потери. Вряд ли они нападут на вас, друг Гурронсевас, если только вы их не спровоцируете. Спросите у Ремрат, хочет ли она отправиться домой со своими друзьями, или желает полететь на корабле вместе с Критхаром. Уходите как можно скорее.

Далее последовали самые тревожные пятнадцать минут в жизни Гурронсеваса. Охотники не возражали против того, чтобы Ремрат отправилась на корабль, поскольку Главная

повариха была слишком стара, чтобы идти с ними на своих двоих, но они ни в какую не хотели отпускать Гурронсева-са. Они орали во все глотки, что чужеземец должен остаться с ними и возвратиться вместе с отрядом в пещерный город. Охотники настаивали на этом, утверждая, что существа с корабля забрали их вождя, Критхара, и пока Критхар не вернется, Гурронсевас должен оставаться заложником. Охотники заверяли, что пальцем не тронут Гурронсева-са, если он не вздумает попробовать удрать, и обещали, что отпустят его, как только им вернут Критхара.

Наконец они немного утихомирились и принялись деловито обсуждать, как им лучше одолеть толстокожего и здоровенного чужеземца. Они полагали, что стрелами и копьями его не проймешь, поэтому решили, что лучше всего сбить его с ног, ударив по ним с одного бока хвостами. Тогда чужеземцу будет трудно подняться на ноги, так как ноги у него короткие, а туловище массивное и тяжелое. Вемарцы также прикидывали, что толщина шкуры у чужеземца на животе меньше, и если уколоть его как следует копьем в пузо, то он, глядишь, и окочурится.

Гурронсевас знал, что они правы, но говорить им об этом, конечно, не собирался. Он все еще пытался придумать, что же сказать охотникам, когда заговорила Ремрат.

— Послушайте! — громко воскликнула она. — Когда вы под стол пешком ходили, у вас мозгов побольше было! Вам что, не терпится полезть на рожон и получить такие же раны, как у Критхара, а потом сдохнуть, не добравшись до дома? Подумайте о преступной трате мяса, нужного вам самим и вашим детям, которые ждут вас не дождутся. Мы никогда не видели, как дерется Гурронсевас, потому что все это время он только тем и занимался, что помогал нам. Но на таких зверей вы никогда не охотились. Он весит вдвое больше каждого из вас, а вы дохлые, полуголодные и просто не можете себе представить, что он с вами сделает, если завяжется драка.

Гурронсевас и сам не мог представить, что бы он такого мог сделать с охотниками, поэтому предпочел промолчать и дать высказаться Ремрат.

— Никакой заложник вам не нужен, потому что он у вас уже есть, — поспешно проговорила Ремрат. — Гурронсевас проводит в городе все время, пока бодрствует: он помогает нам готовить еду, обучает наших помощников чужеземным хитростям кулинарии, учит нас отбирать съедобные растения и готовить из них самые разные блюда. Мы не хотим, чтобы его убили, ударили и вообще как-то обидели.

Кроме того, — заключила Ремрат, — поверьте моему опыту — как-никак я ваша Главная повариха и хранительница, — Гурронсевас совершенно несъедобен.

Тралтана чрезвычайно порадовало и удивило все, что сказала о нем Ремрат. Он и не догадывался, что так его полюбили. Да, они охотно разговаривали с ним, но чувств своих никак не высказывали. Он думал, что его просто терпят из вежливости, но не более того. Ему очень хотелось поблагодарить старуху вемарку за доброту и участие, но пока он не ощущал себя в полной безопасности и потому решил, что для начала нужно сказать кое-что другое.

— Ремрат права, — громко подтвердил он. — Я несъедобен. Несъедобен. Несъедобен и Критхар, как утверждают чужеземцы с нашего корабля. Он несъедобен для нас, так как мы не едим мяса. Ремрат знает это, поэтому спокойно препоручила нашим заботам своего сына, так как наши целители опытни и ловки. И ей, и всем вам мы обещаем, что Критхар вернется к вам, как только это станет возможно.

«Я говорю правду, — убеждал себя Гурронсевас, — но не всю правду». Экипаж «Ргабвара» и половина медиков ели мясо, но на борту корабля питались синтезированной пищей, так же как и в госпитале. То, что они ели, по внешнему виду и вкусу напоминало мясо, но не являлось частями беспомощных животных, и уж конечно, никто из медиков и членов экипажа никогда не съел бы хоть кусочка другого разумного существа. Не сказал Гурронсевас вемарцам и о том, будет ли Критхар жив или мертв, когда вернется к ним. Ему казалось, что ответ на этот вопрос очевиден, но решил, что плохие новости лучше оставить медикам.

Вдруг Гурронсевас понял, что бригада врачей ничего не знает о своем пациенте, кроме того, что они могли увидеть с помощью своих сканеров, и неплохо было бы выяснить, как он получил травмы. К тому же тем самым он мог перевести разговор в более безопасное русло. Вемарцы торопливо, негромко переговаривались, и судя по тем нескольким словам, которые уловил и перевел транслятор Гурронсеваса, враждебность по отношению к нему немного улеглась. Можно было рискнуть задать вопрос.

— Если вас не затруднит и не огорчит мой вопрос, — осторожно проговорил тралтан, — не могли бы вы рассказать мне, как именно Критхар получил раны?

Вопрос явно не вызвал никаких затруднений. Охотница по имени Друут, заменившая раненого вождя, принялась описывать, как все случилось. Рассказывала она подробно, ее повествование изобиловало мельчайшими, зачастую весьма красочными подробностями.

Гурронсевас слушал Друут, и ему начало казаться, что вемарка хочет оправдаться за весь отряд.

Глава 28

Вскоре после заката на тридцать третий день самой неудачной охоты, какую только могли припомнить вемарцы, они набрали на след взрослого твазаха и нескольких детенышей. Следы вели по топкому берегу реки к расположенной неподалеку пещере на склоне холма. Следы взрослого зверя были неглубокими, что говорило о том, что он либо недоросток, либо плохо ест. Но вряд ли он был так же слаб, как охотники, а это значило, что встреча с ним для вемарцев грозила опасностью. А поймать и убить зверя должен был Главный охотник Критхар, супруг Друут.

В далеком прошлом, как о том было написано в древних книгах, твазахи умели лазать по деревьям и питались растениями, как и более мелкие животные, но потом на-

учились нападать на все, что двигалось, и пожирать свои жертвы, независимо от их размера, включая и вемарских охотников, на которых твазахи нападали исподтишка. Этот твазах мог быть особенно опасным, так как явно был голоден и вдобавок скорее всего являлся самкой, которая бы ни перед чем не остановилась, защищая своих детенышей. Однако от перспективы заполучить целое семейство твазахов охотничьи страсти разгорелись, и Критхару не удалось отговорить сородичей от этой затеи.

Друут хорошо понимала своих товарищей. Они уже так долго охотились, но добыли только маленьких, жалких грызунов да крупных насекомых. Время от времени кто-нибудь тайком покидал стоянку и уходил в лес, чтобы найти хоть немного плодов, ягод или корней и набить ими желудок. Если один вемарец при этом замечал другого, то делал вид, что смотрит в другую сторону. А тут вдруг они почувствовали себя настоящими охотниками, храбрыми и гордыми, которым по закону полагается есть мясо.

Склон холма оказался крутым и каменистым. У его подножия все было усыпано острыми камнями. Охотники взбирались к пещере, хватаясь за чахлые кустики. Твазах бы на таком склоне удержался, а вот вемарцам приходилось туго. Приходилось взбираться по одному, друг за другом. Друут следовала за Критхаром по узкому карнизу, ведущему к пещере. Добравшись до входа, они вдвоем, еле удерживаясь на карнизе и изо всех сил балансируя тяжелыми хвостами, растянули ловчую сеть.

Остальные охотники были настолько уверены в успехе предприятия, что принялись собирать хворост и устанавливать коптильню, где собирались обжарить недоеденное мясо.

Стараясь не шуметь, Критхар и Друут завесили сетью отверстие пещеры, зацепив ее края за кусты или острые камни. Затем они встали по обе стороны от пещеры и принялись громко кричать.

Они ждали с копьями наготове. Вот-вот должна была вылететь свирепая твазашка и угодить в их сеть, но она почему-то не появлялась.

Время от времени они переставали кричать и швыряли сквозь ячейки сети камни. Камни громко стучали по полу пещеры, но самка не появлялась, только изредка повизгивали детеныши да слышался басовитый рык матери. Охотники нервничали, голод мучил их, и довольно скоро они стали осыпать Главного охотника и его подругу тяжкими оскорблениями.

— Ничего не получается, — сердито проговорил Критхар. — Надо мной уже смеются. Помогите мне поднять нижний край сети, и я заберусь в пещеру. Только осторожнее, чтобы сеть не упала.

— Сам будь осторожнее, — посоветовала мужу Друут, но негромко, чтобы ее не услышали внизу. — Им там легко ругаться, их ноги и хвосты — на ровной земле. Критхар, нам не впервой голодать. Может, помучиться еще несколько часов, пока твазахи снова соберутся на водопой.

Критхар так же негромко ответил жене:

— Так мы долго не продержимся. У меня уже ноги затекли, а если я пошевелюсь, чтобы размять их, я съеду вниз по склону. — Затем он добавил властным голосом Главного охотника: — Эй вы, внизу! Подбросьте-ка сюда немного хвороста и зажженный факел. Раз их шум не пугает — спугнет дым.

Друут осторожно приподняла сеть, и Критхар подсел под нее так, что снаружи остался только один хвост. Твазашка продолжала угрожающе рычать, а детеныши негромко влаивали — похоже, возились и играли друг с другом. Огонь разгорелся, и Критхар сообщил жене, что его глаза привыкли к темноте. Он увидел, что пещера оказалась глубже, чем он предполагал, что она уходила вверх, после чего резко уводила вправо, так что зверей от входа разглядеть не мог, но теперь мог точно определить, что лают детеныши потому, что напуганы. От стелившегося по полу дыма глаза Критхара слезились, и он вообще перестал что-либо видеть. Он начал осторожно пятиться, чтобы вылезти из пещеры.

Только потом Друут поняла, что стихшее на миг рычание следовало счесть предупреждением, но зверь появился

из клубов дыма бесшумно и так стремительно! Твазашка бросилась на Критхара прежде, чем тот сумел выставить перед собой копые, и принялась терзать его грудь острыми когтями.

Происходи сражение на открытой местности, твазашку можно было сбить с ног метким ударом хвоста, но в тесноте у входа в пещеру Критхар мог только отчаянно отталкивать разъяренную самку руками, а руки у него уже были изранены и кровоточили. Он осторожно отступил к карнизу на склоне, где Друут могла пустить в ход свое копые, но шагнул неудачно.

Ноги Критхара запутались в сети. Он потерял равновесие, и вот они вместе с твазашкой покатались сначала по карнизу, а потом, обернутые сетью, вниз по склону. К тому времени, когда к ним подбежали остальные охотники, твазашка была раздавлена весом более тяжелого вемарца, но и Критхар был не в лучшей форме. Все думали, что он долго не протянет. Но он выжил, а пока он был жив, он оставался Главным охотником, потому что таков был закон.

Мертвая твазашка оказалась больна. Ее измученное голодом тело покрывали язвы, так что вряд ли ее можно было съесть без опасения за здоровье. Охотники, конечно, были измучены непрерывным голодом, но все же поступили так, как им велел Критхар, — бросили убитую твазашку. Некоторые, правда, принялись твердить, что можно было выпотрошить зверя и съесть внутренности, не затронутые болезнью, но их никто не стал слушать.

Кроме того, Критхар приказал сородичам немедленно прекратить охоту и возвращаться в город, захватив пятерых живых детенышей. Охотникам и раньше приходилось ловить детенышей этого зверя, но прежде их ловили и убивали по одному, а не всех вместе, да еще и в логове. Впервые за немыслимо долгое время у вемарцев появилась возможность изловить столько детенышей твазаха, доставить их в город и, превратив в стадо, вырастить.

Охотники смастерили для Критхара носилки из веток и шкур, предназначенных для сооружения копильни, и медленно тронулись в обратный путь. И хотя Критхар мучился

от боли и порой бредил, в моменты просветления он разговаривал с Друут о том, как важно сохранить всех детенышей твазаха живыми и как важно уговорить охотников не съесть их по дороге, если он вдрут не дотянет до города.

Это являлось некоторым нарушением вемарских законов, но никто не смел спорить с вождем, и все, как могли, помогали почитаемому Главному охотнику и Друут, его жене.

Друут настаивала на том, чтобы ей давали нести носилки с раненым мужем, независимо от того, ее ли была очередь. Так она могла следить за тем, чтобы Критхара поменьше трясли, и имела возможность заговаривать его боль. Она говорила о многом: о прежних, более успешных охотах, о странных говорящих машинах, сброшенных у города чужеземцами, но большей частью о том, как они впервые ушли вдвоем от поселка у озера. Четверо молодых вемарцев совершили долгое, опасное путешествие в поисках супруг. Точно так же уходили с этой же целью и вемарцы, жившие в пещерном городе, потому что дети, рождавшиеся от супругов одного племени, часто болели и вырастали были слабыми. Критхар доказал свою храбрость и силу и заявил право на первый выбор, поскольку намного обогнал своих друзей и пришел к озеру на три дня раньше их. А выбрал он Друут.

Но когда идти было совсем трудно, когда сломанные кости Критхара терлись друг о дружку и Друут казалось, что она мысленно слышит беззвучные стоны мужа, она говорила только об их первом совместном путешествии и обо всем, что они тогда сказали друг другу и чем занимались за время долгого неспешного пути в новый дом, пещерный город.

Друут описала ухудшение состояния Критхара на обратном пути в таких ужасающих подробностях, что Гурронсевасу стало не по себе. Не нужно было быть эмпатом, чтобы почувствовать, какое впечатление произвел рассказ на Ремрат, мать страдальца. Но прежде чем Гурронсевас успел раскрыть рот, в наушниках у него зазвучал голос Приликлы, и цинрусскиец заговорил устами тралтана.

— Друг Гурронсевас, — сказал Приликла, — сведения, сообщенные вами относительно полученных пациентом

травм и последующего отсутствия лечения, очень важны и необходимы. Но пока нам этого достаточно, а ваша подруга Ремрат переживает сильнейшее эмоциональное потрясение. Пожалуйста, прервите общение с Друут как можно скорее и предложите Ремрат либо вернуться на «Ргабвар», либо отправиться в обратный путь вместе с отрядом охотников, а затем возвращайтесь на корабль — один или вместе с ней.

Когда он передал Ремрат предложение Приликлы, та ответила:

— Хотя я и стара, я бы сейчас обогнала молодых и побежала быстрее голодного банча. Но нет, я вернусь на ваш корабль. Я... Я должна совершить некоторые приготовления.

Гурронсевас вновь почувствовал, насколько Ремрат убита горем.

Пытаясь утешить ее, он проговорил:

— Прошу вас, не волнуйтесь, Ремрат. Чужеземцы на нашем корабле хорошо знают свое дело, Критхар в хороших руках. Хотите посмотреть, как они работают?

— Нет! — испуганно воскликнула Ремрат и чуть спокойнее сказала: — Вам я, наверное, кажусь трусливой и слабохарактерной матерью. Но помните: ваши друзья-чужеземцы попросили им отдать эту ответственность, и я отдала. С вашей стороны бесчувственно, Гурронсевас, предлагать мне смотреть на то, что они делают с моим сыном. Мне бы не хотелось этого видеть. Пожалуйста, верните меня в город как можно скорее.

Во время обратного перелета вемарка старалась не смотреть на медиков, оказывающих помощь Критхару, не проронила ни слова ни с Гурронсевасом, ни с кем-либо еще. Тралтан пытался поставить себя на место бедной матери и гадал, как бы себя чувствовал он, если бы кто-то из его детей, будь они у него, был бы так тяжело ранен и ему предложили понаблюдать за тем, как над ним трудятся хирурги.

Пожалуй, Ремрат была права, и он действительно сделал ей абсолютно бесчувственное предложение.

Глава 29

В отличие от Ремрат Гурронсевас не мог не видеть или хотя бы не слышать того, чем занимались медики. Каждый этап операции комментировался в мельчайших подробностях и транслировался на большой экран монитора, и, поскольку оперировали представителя нового для Федерации вида в таком объеме впервые, производилась и видеозапись. И даже тогда, когда тралтан отворачивался так, что ни один из его четырех глаз не смотрел на экран, он не мог спрятаться от словесных картин, рисуемых голосами врачей.

За обзорным иллюминатором тянулись крутые зеленые склоны холмов, однообразные в предвечерних сумерках, а потом наступила почти полная темнота, типичная для планеты, не имевшей луны и располагавшейся в секторе Галактики, где звезд было мало. А врачи не отходили от больного и продолжали свою работу. Но как только забрезжил рассвет, работа подошла к концу, и комментарии вступили в завершающую фазу.

Голоса звучали все более уверенно.

— Вы видите, — говорил Приликла, — что простые и осложненные переломы голени, предплечья и ребер фиксированы и, где это необходимо, иммобилизованы. Резаные и рваные раны и ссадины промыты, защиты и покрыты стерильными повязками. Благодаря данным, полученным при обследовании Ремрат и Таусар, при проведении хирургических вмешательств мы не столкнулись с особыми трудностями, будучи знакомы с физиологией вемарцев. Наибольшую заботу у нас вызывают множественные мелкие раны и участки мышечной ткани, получившие повреждения в области переломов. Именно из-за них наш прогноз пока осторожен.

— В переводе с медицинского на нормальный язык, — произнесла Нэйдрад, повернув свою острую мордочку, — это означает: операция прошла успешно, но пациент может умереть.

С этим заявлением никто не стал спорить. Вероятно, Старшая сестра выразила общее мнение.

— В то время, как мы можем с полной уверенностью утверждать, что патогенные микроорганизмы с одной планеты совершенно безвредны для живых существ с другой, увы, мы не можем сказать то же самого о лекарственных препаратах, — проговорил Приликла. — Мы разработали одно-единственное специфическое средство, применяемое в неотложных ситуациях и эффективное в отношении инфекций такого типа у большинства теплокровных кислорододышащих существ, но существует несколько видов, для кого это лекарство смертельно. Даже в стенах госпиталя на исследование влияния этого препарата на организм вемарцев ушло бы две-три недели. Мы и так рискнули с обезболивающим средством.

— Пожалуй, риск был действительно велик, доктор, — вмешалась в комментарий Приликлы Мэрчисон, и притом довольно резко, после чего переключилась на бесстрастный тон и продолжала: — Но пациент в тяжелейшем состоянии, что вызвано в первую очередь полученными травмами, затем — долгой транспортировкой без лечения. Теперь же имеет место вполне естественный послеоперационный шок. Это состояние мы держим под контролем, купируем его с помощью дачи пациенту чистого кислорода и внутривенного введения питательного раствора. По крайней мере мы неплохо знакомы с обменом веществ вемарцев и физраствором Критхара не отравим.

Решение о том, применять или не применять не проверенный на вемарцах антибиотик, нам придется принять очень скоро, — продолжала Мэрчисон. — К счастью, принимать его не мне. Мне не стоит напоминать о катастрофе на Кромзаге — мы все ее помним, — когда Лиорен применил непроверенное лекарство и чуть было не погубил население целой планеты. Вемарцы не виноваты в том, что они ничего не знают о лечении простейших травм и инфекций. Кроме того, они привыкли к мысли о том, что легчайшая травма может повлечь за собой смерть или инвалидность. Поэтому они доверили лечение Критхара нам — с их точки

зрения, почти волшебникам. А мы чем занимаемся? Мы оставляем банальную инфекцию без лечения и полагаемся на естественную сопротивляемость организма пациента. Сомневаюсь, чтобы у пациента осталась хоть какая-то сопротивляемость.

— Решение... — начал было Приликла, но не договорил. — Гурронсевас, ваше эмоциональное излучение крайне интенсивно, вы излучаете нетерпение, раздражение и отчаяние существа, несогласного с общим мнением и отчаянно жаждущего высказаться. Прошу вас, говорите скорее!

— Патофизиолог слишком критично настроена в отношении вемарцев, — сказал Гурронсевас. — И она ошибается. Они умеют лечить небольшие, не требующие хирургического вмешательства, травмы. Как правило, здешние повара совмещают кулинарию и труд целителей, так что...

— И что, целители из них лучше, чем повара? — поинтересовалась Нэйдрад, шерсть которой вздыбилась иглами.

— Я не специалист, — отозвался Гурронсевас, — чтобы судить о медицине, но я хотел...

— Почему же вы в таком случае вмешались в консилиум? — сердито спросила Мэрчисон.

— Прошу вас, продолжайте, Гурронсевас, — попросил Тралтана Приликла мягко, но решительно. — Я чувствую, что вы хотите нам помочь.

Стараясь быть немногословным, Гурронсевас рассказал о том, как недавно готовил очередное блюдо на вемарской кухне. Он непрерывно комбинировал все новые и новые растения, стараясь придать блюдам привкус мяса. Он испробовал все, какие только мог найти в окрестностях поселка листья, ягоды и корни, включая и те, что обнаруживал в небольшой кладовой. Его попытки прибегнуть к травам из кладовой вызвали в кухне массу насмешек, и Ремрат объяснила ему, что он залез в вемарскую аптечку.

— Мне было сказано, — продолжал Гурронсевас, — что вемарцы не умеют производить хирургических вмешательств, но пользуются лекарственными травами для лечения легких недомоганий. Таким путем они лечат дыхательные заболевания, запоры, поносы и поверхностные раны. Как правило,

для последнего готовятся бальзамы, приготовляемые из определенных глин и трав. Когда я спросил у Ремрат насчет ранений вашего пациента, она сказала, что лечение травами ран ее сына только продлит его страдания.

Пока тралтан говорил, Приликла опустился на край операционного стола и пристально уставился на Гурронсеваса. Он молчал, как и все остальные. Стало слышно, как шумно дышит Критхар.

Растерянно, смущенно Гурронсевас заговорил вновь:

— Если я вас правильно понял, тяжелые раны и переломы Критхара вам больше не внушают опасений, а тревожат вас мелкие, поверхностные. Вот почему и я упомянул...

— Гурронсевас, простите меня, — снова прервала диетолога Мэрчисон. — Вот не думала не гадала, что вы можете внести достойный вклад в сугубо медицинское дело! Я так разгорячилась, что забыла о хороших манерах. Но даже располагая этими местными средствами, в эффективности которых лично я сомневаюсь, мы можем и не вылечить нашего пациента. Но будем считать, что шансов у него при таком варианте больше.

Патофизиолог вдруг рассмеялась, но смех получился нервный, резкий, невеселый. Скорее он свидетельствовал о том, что Мэрчисон избавилась от напряжения. Патофизиолог продолжала:

— Да вы только полюбуйте на нас! У нас самый совершенный в техническом отношении корабль-неотложка в обозримом космосе и, скажу без ложной скромности, соответствующая такому кораблю опытейшая бригада врачей, а мы собираемся воззвать к каким-то дикарским примочкам! Да если об этом услышит Питер, он нас просто прикончит на месте! А особенно — если такое лечение поможет.

Совершенно обескураженный услышанным, Гурронсевас пробормотал:

— Существо по имени Питер мне незнакомо. Это большой авторитет?

— Знакомо, Гурронсевас, — успокоил тралтана Приликла, запорхав над пациентом. — Питер — так друзья и

родственники называют супруга патофизиолога Мэрчисон, диагноста Конвея. В прошлом он совершил немало подвигов на ниве межвидовой медицины. Но это не имеет отношения к нынешнему положению дел. А важно следующее: как можно скорее переговорите с Ремрат. Спросите, есть ли у нее запас лекарственных трав, выпросите все сведения насчет их действия и применения. Это важно, друг Гурронсевас, и очень, очень срочно.

Прежде чем ответить, Гурронсевас взглянул одним глазом в обзорный иллюминатор. В долине еще лежала темень, но склоны уже серели в предрассветных сумерках.

Он сказал:

— Я хорошо помню цвета, вид и запахи этих трав, а также их действие. Если дело срочное, то мне нет нужды говорить с Ремрат. Я немедленно отправлюсь на сбор необходимых трав и мхов. Они наиболее эффективны, если их собирать на рассвете.

Глава 30

В последующие четыре дня Гурронсевас по требованию медиков снабжал их свежими травами, а также пересказывал полученные им от вемарской поварахи инструкции по их использованию, но при этом старался проводить как можно больше времени на вемарской кухне.

Стоило ему появиться на медицинской палубе «Ргабвара», Мэрчисон, Данальта, Нэйдрад принимались охать, ахать и сокрушаться по поводу того, как это легкомысленно — полагаться на дилетанта, который почему-то диктует медикам, каков должен быть курс лечения, и указывали на то, на ком лежит истинная ответственность за жизнь Критхара. Непосредственно на Гурронсеваса они с подобными упреками не обрушивались, но он не знал, как отвечать на их невысказанные претензии, и чувствовал себя в высшей

степени неловко, хотя обычно мнение других существ его не волновало.

Приликла, который против своей воли ощущал все чувства Гурронсеваса, как-то раз дождался момента, когда остальные либо отдыхали после дежурства, либо были заняты, и обратился к тралтану:

— Мне понятны ваши мучения, Главный диетолог. Я вам глубоко сочувствую. — Мелодичные трели и звоны цинрусской речи были едва слышны на фоне механического голоса транслятора. — Но и вы должны понять врачей. Что бы они ни говорили, не думайте, что они стремятся критиковать вас. Скорее имеют место раздражение и обида из-за собственной профессиональной беспомощности, притом что простой повар — примите мои извинения, друг Гурронсевас, если бы у наших друзей было больше времени на размышления, они бы так не думали, ведь вы вовсе не простой повар, — способен больше помочь пациенту, нежели они сами. Они ничего не могут поделать со своими чувствами, как и вы — с вашими, но я учтиво попрошу их не высказывать эмоций в вашем присутствии. Покуда Критхар не поправится окончательно, прошу вас, не обижайтесь на них. Я бы не стал просить о таком Главного диетолога, который прибыл в госпиталь несколько месяцев назад. Вы изменились, Гурронсевас. И это к лучшему.

Смятенные чувства Гурронсеваса лежали перед цинрусским эмпатом как на ладони, поэтому тралтан промолчал.

— А пока, — продолжал Приликла, — вам будет спокойнее, если вы будете проводить как можно больше времени с другом Ремрат в пещерном поселке.

Но это оказалось не так легко, как думалось поначалу. Почему-то и Ремрат, и все остальные работники кухни стали относиться к Гурронсевасу все менее дружелюбно. А Приликла был слишком далеко и не мог помочь тралтану чтением эмоций окружающих его вемарцев, дабы тот понял, что он делает или говорит не так.

К счастью, юные вемарцы вели себя иначе. Они сохранили уважительное отношение к тралтану, вели себя с ним

послушно, постоянно выказывали любопытство и все время гадали, что еще новенького изобретет их чужеземный повар. Даже вернувшиеся охотники пробовали приготовленные Гурронсевасом блюда все менее неохотно, хотя, как истинные консерваторы, не уставали твердить, что без мяса для взрослых еда — не еда, и что они будут продолжать им питаться.

Учитывая то, как мало добычи они принесли с последней охоты — а при самом экономном ведении хозяйства мяса должно было хватить при добавлении крошечных кусочков к традиционной вемарской похлебке всего на пару недель, — стыд мучил охотников никак не меньше голода. Гурронсевас сдерживался и не высказывал откровенного несогласия с ними. Он неустанно приучал вемарцев к чудесам вегетарианской кулинарии, заставлял их испытывать все новые и новые ощущения. Он завоевывал сердца местных жителей, производя изысканные маневры и исподволь атакуя их желудки. И если он проигрывал сражение-другое, он не огорчался, ибо знал, что побеждает в глобальной войне.

Однако вскоре и охотники начали вести себя с ним не так дружелюбно, как прежде, и причину такой перемены Гурронсевас не мог понять. Правду сказать, они с ним никогда особо и не любезничали, как Ремрат и другие учительницы, но на редкость быстро освоились с присутствием чужеземца рядом с ними. За последние два дня отношение их к Гурронсевасу стало чуть ли не враждебным. В его присутствии вемарцы умолкали и на вопросы давали односложные, неохотные ответы, да вдобавок таким тоном, от которого и без того холодняющая вода, текущая на кухне, могла превратиться в лед. Тралтан никак не мог понять, что происходит, и это стало ужасно раздражать его. И он решил, что в сложившихся обстоятельствах лучше забыть о показной вежливости и задать прямой вопрос. И он задал его.

— Ремрат, — спросил он у Главной поварахи, — почему вы сердитесь на меня?

Миновало несколько молчаливых минут, и Гурронсевас уже решил, что ответа не получит, и занялся приго-

товлением главного блюда, прозванного вемарцами «чужеземной стряпней», хотя в его состав Гурронсевас включил местные корни и листья, добавив приправу из травы, которую вемарцы называли «шулиш». Она, как и крессель, обладала жгучим привкусом, но все же не таким острым. По опыту Гурронсевас знал, что большинство взрослых и детей отдадут предпочтение этому блюду и что откажутся от него только самые упрямые охотники, настойчиво требующие одного и того же — вемарского рагу с мясом. Ремрат в свое время уговаривала его не огорчаться, потому что в холодильнике оставалась всего-то пара фунтов мяса. Она говорила, что, чем меньше вемарцы будут требовать мяса, тем дольше сохранится этот скудный запас.

Покончив с приготовлением блюда, Гурронсевас уступил место у очага четверым поварят. Они принялись раскладывать еду по мискам и расставлять их на специальных полках, где еда дольше не остывала. Полки были одним из нововведений Гурронсеваса. Один из поварят — подросток по имени Эвемерт (похоже, это был действительно он, хотя Гурронсевас до сих пор с трудом различал вемарских детей) — украсил блюдо, положив поверх подливки несколько молодых побегов дрисса. На вкусе блюда это никак не могло сказаться, но внешний вид его стал несколько привлекательнее. Украсил Эвемерт таким образом только одну тарелку — скорее всего свою собственную.

Были в жизни Гурронсеваса времена, когда бы он сурово наказал дерзкого новичка за такие новшества — хотя бы для того, чтобы тот знал, что Великий Маэстро на страже и от его зорких глаз ничего не скроется. Но этот юный вемарец продемонстрировал кулинарную изобретательность и воображение, а главное — сделал это самостоятельно. Эвемерт — если то был Эвемерт — подавал большие надежды.

— Я на вас не сержусь, — неожиданно заговорила Ремрат.

«Ну да, а черное — это белое», — с горечью подумал Гурронсевас. Но сейчас не время было вступать в полемику. Он почувствовал, что Ремрат хочет сказать ему что-то еще, и промолчал.

— За короткое время — такое короткое, что мы до сих пор диву даемся, — сказала Ремрат, — и несмотря на вашу страшную наружность, мы к вам привыкли. Вы завоевали наше уважение и дружбу — по крайней мере дружбу одной из нас. Но мы очень недовольны хранителями с вашего корабля, и, естественно, наш гнев отражается и на вас, одном из них.

— Понимаю, — проговорил Гурронсевас сокрушенно.

Он знал, что все разговоры, ведущиеся в пещерном поселке, слышат на «Ргабваре» и «Тремааре». Но в последние дни его оставили в покое и не приставали с просьбами типа «спросите то-то» и «ответьте так-то». А сейчас Гурронсевасу так хотелось, чтобы его беседой с вемаркой руководили.

— Но хранители, как и я, хотят только одного: помочь вемарцам. Вы все должны это понимать и верить в это. Так за что же вы сердитесь на них? И что мне сделать для того, чтобы вернуть вашу дружбу?

Гневным, нетерпеливым голосом существа, разговаривающего с ребенком-несмышленищем, Ремрат произнесла:

— Они не отдадут нам Критхара.

Гурронсевас немного успокоился. Оказывается, обе проблемы имели под собой одну причину: скорейшее возвращение раненого охотника. Старательно подбирая слова, Гурронсевас сказал:

— Ваш сын вернется к вам в самое ближайшее время. Сам я не хранитель и потому не могу сказать, сколько именно времени еще продлится ваше ожидание. Я спрошу об этом у хранителей. Да вы и сами могли бы побывать на корабле, навестить Критхара и спросить хранителей обо всем, что вас интересует.

— Нет! — решительно отказалась Ремрат — так она всегда отвечала на предложения навестить сына — и сердито продолжала: — Вы очень жестоки, Гурронсевас. Мне больно говорить об этом, но я начинаю подозревать, что и вы, как ваши друзья-чужеземцы, обманщик. Я буду не против, если вы докажете мне, что это не так, но, пока этого не произойдет, я не желаю с вами разговаривать. Возвращай-

тесь на корабль и скажите вашим друзьям, чтобы они немедленно отдали нам Критхара.

Вспоминая свой последний разговор с Приликлой, Гурронсевас поплелся к «Ргабвару», гадая, мечтает ли там хоть одна живая душа о его обществе. Если молодой вемарец был еще жив, может быть, он смог бы объяснить тралтану странное поведение Ремрат и других его сородичей. Тайны и вопросы, на которые он не мог найти ответа, метались в мозгу у несчастного диетолога подобно выметаемому мусору, а это было ему до крайности неприятно, так как он привык к тому, что в мозгу у него такой же образцовый порядок, как на всех кухнях, где ему доводилось работать. В конце концов он решил, что попросит у Приликлы разрешения переговорить с Критхаром с глазу на глаз.

— Я как раз собирался вам предложить именно это, друг Гурронсевас, — объявил эмпат. — Положение дел в плане контакта с вемарцами ухудшается с каждым днем. Известно ли вам о том, что они прервали с нами всякую связь и отключили коммуникаторы после того, как заявили, что они больше не желают видеть чужеземцев у себя в пещерном городе? Теперь Критхар остался нашим единственным каналом связи с вемарцами, но он все время твердит, что не желает знаться с чужеземцами.

Приликла указал на кровать пациента и неторопливо полетел к ней. Рядом с больным никого из медиков не было — вероятно, потому, что он не желал никого видеть. Приятно было убедиться в том, что первое предположение верно.

— Самочувствие друга Критхара, — сообщил Приликла, — весьма неплохое. Со времени начала применения местных лекарственных трав его состояние перешло от тяжелого к близкому к выздоровлению. Но вот эмоциональное излучение пациента оставляет желать лучшего. Я ощущаю постоянное глубокое беспокойство и опасения, которые пациент старается прятать и сдерживать. Он отказывается обсуждать с нами свои проблемы, несмотря на все мои попытки приободрить его...

Приликла, на взгляд Гурронсеваса, был не просто эмпатом — то есть существом, способным улавливать чужие

эмоции, — но и прекрасно умел повышать другим существам настроение. От одного взгляда на цинрусскийца, порхающего по заставленной оборудованием палубе, становилось легче на душе.

— Во время нашего последнего и очень короткого разговора, — рассказывал Приликла, — пациент поинтересовался тем, как поживает его мать, Ремрат, друзья из охотничьего отряда и как вообще дела в пещерном поселке. Это было два дня назад. С тех пор он отказывается говорить с нами и не желает нас слушать. Он очень нервничает, когда мы начинаем обсуждать его самочувствие в его присутствии — до такой степени, что я вынужден отключать его транслятор. Кроме того, он отказывается от еды. Он не знает, как важно и с медицинской и с психологической точки зрения, чтобы выздоравливающий пациент получал калорийное питание. В данном случае пациент сильно ослаблен продолжительным голоданием, и без еды летальный исход для Критхара предreshен, и ждать его осталось недолго.

Но у вас, друг Гурронсевас, в этом плане по сравнению с нами имеются очевидные преимущества, — продолжал эмпат. — Придя в сознание, пациент еще ни разу вас не видел. Вы не медик, и потому у вас не возникнет искушения говорить в присутствии больного о его самочувствии. Вы профессиональный повар и могли бы выяснить, какую пищу предпочитает наш пациент. И наконец, вы в курсе последних событий в пещерном поселке. Вот почему мне бы хотелось, чтобы вы как можно скорее поговорили с Критхаром.

Плавнo шевеля радужными крыльями, Приликла завис над кроватью больного и добавил:

— Вемарцы считают вас другом, они относятся к вам даже лучше, чем некоторые медики. Только хочу предостеречь вас: не меряйте вемарцев на свой аршин. Они не похожи ни на кого из нас. Именно из-за различий между нами, осложненных нашими неверными действиями или словами, они и перестали быть нашими друзьями.

— Я буду осторожен, — пообещал Гурронсевас.

— Я вам верю, — сказал Приликла, вытянул тонкую переднюю лапку и коснулся кнопки на прикроватном мониторе. — Я буду следить за эмоциональным излучением больного и оповещать вас о нем. Общаться с вами мы будем на особой частоте. Транслятор пациента включен. Глаза друга Критхара закрыты, но он не спит и слышит нас. А теперь мне лучше вас покинуть.

Критхар лежал на терапевтической кровати, его задние и передние конечности в местах переломов покрывал гипс, и для них было создано удобное положение посредством хитроумной системы подвесных петель. Зрелище напоминало Гурронсевасу снасти древнего корабля. Туловище и хвост вемарца были закреплены ремнями. Для чего это было сделано, Гурронсевас не понимал — то ли для того, чтобы оградить больного от возможных травм при резких движениях, то ли затем, чтобы обезопасить медиков от нападения. Повязки были прозрачными, на пациенте не было ни бинтов, ни пластырей, не было видно и вемарских примочек, поэтому Гурронсевас заметил, что большинство поверхностных ран у Критхара либо уже затянулись, либо затягиваются. Неожиданно больной открыл глаза.

— Великий Шаврах! — вырвалось у него, и все его мышцы напряглись. Он сиделся вырваться. — Кто ты такой, огромный и жуткий зверь?

Гурронсевас пропустил мимо ушей оскорбление и ответил только на вопрос.

— Я тралтан, — пояснил он дружелюбно. — То есть представитель вида существ, превышающих по размерам всех, кого вы видели здесь раньше. Наверное, я кажусь вам страшноватым. Но, как и все остальные на этом корабле, я не желаю вам зла. В отличие от них я не целитель, а повар. Но и я мечтаю об одном, как и они — помочь вам вернуться к полному...

— Повар, но не целитель? — прервал его Критхар. Голос его теперь звучал чуть спокойнее, мышцы немного ослабились. — Но это удивительно, чужеземец! Разве ты не смог завершить свое образование?

— Меня зовут Гурронсевас, — сообщил тралтан, с трудом справившись с потрясением от очередного оскорбления, хотя мягкий голос Приликлы в наушниках убеждал его в том, что выздоравливающие пациенты, как правило, часто нарочно вредничают. — С юных лет и до настоящего времени моя жизнь была посвящена совершенствованию в кулинарном искусстве, и других интересов у меня нет. Поэтому я — очень хороший повар, и именно поэтому меня попросили помочь вам, Критхар; до того, как вы вернетесь в пещерный поселок, вам нужно как следует поесть, но вы отказываетесь от той пищи, которую вам предлагают на корабле. Если она нестерпима для вас, объясните почему, и я постараюсь приготовить для вас что-нибудь другое.

Критхар заерзал на кровати, но промолчал.

— Отмечается отрицательная эмоциональная реакция, — оповестил Гурронсеваса эмпат. — Вернулись чувства страха и потерянности. Не знаю, с чем это связано, но апогея эти чувства достигли, как только вы упомянули о возвращении Критхара домой. — Прошу вас, смените тему разговора.

«Как это — сменить тему? — сердито подумал Гурронсевас, — когда главная цель разговора с Критхаром — убедить его поесть?» Но тут же вспомнив, что его гнев передается эмпату, он постарался успокоиться и продолжал:

— Чем вам не нравится пища, которую вам здесь предлагают? Вас не устраивает ее вкус?

— Нет! — с удивительной резкостью возразил Критхар. — Некоторые блюда вкусом напоминали мясо, самое лучшее мясо, какое мне когда-либо доводилось пробовать.

— В таком случае я не понимаю, почему вы отказываетесь... — начал Гурронсевас, но не договорил, так как пациент прервал его:

— Но это же не мясо! — гневно воскликнул Критхар — Оно было похоже на мясо и по виду, и по вкусу, но это было что-то такое... непонятное, оно вылезло из устройства, которые ваш крылатый приятель называл «синтезатором». Это не вемарская пища. Я не должен такое есть, иначе тут меня отравят. Вы повар и должны понять, как важно

мясо для взрослых вемарцев, да и для всех остальных. Без него не выживешь.

— Мне, тралтанскому повару, — решительно отвечивал Гурронсевас, — о таком ничего не известно. Большинство моих сородичей вообще не едят мяса уже много столетий. Они поступают так по собственному выбору, ведь наши желудки устроены не так, как у травоядных животных. На моей родине, Тралте, многочисленное и процветающее население. Вы верили в ложь, Критхар.

Немного помолчав, Критхар медленно проговорил:

— Ваши друзья-хранители мне постоянно про это толкуют. По вашим меркам вемарцы отсталые и темные, но мы не тупицы. И мы не малые детишки, чтобы слушать сказочки на ночь. Вы что, хотите, чтобы я, взрослый вемарец, поверил в очевидную выдумку, которую мне плетет чужеземец?

Гурронсевас никак не ожидал такой реакции от ослабленного пациента, выздоравливающего после тяжелейших травм. Быстро обдумав положение, он изрек:

— Мне известна разница между умом и ученостью и что ум важнее учености, потому что, обладая умом, легче выучиться. Но в пещерном поселке уже есть вемарцы, которые верят в наши выдумки.

— Ум у стариков, — упрямо возразил Критхар, — не лучше, чем у малых детей. Не знаю, зачем вы хотите заставить меня есть ваше странное, вкусное мясо из машины. Вы не друг моего семейства и даже не вемарец, и вы не знаете, какой вред можете причинить моему телу, и не понимаете, каков мой долг перед народом. Что бы вы мне ни говорили, я не стану есть вашу чужеземную пищу.

Явно Критхар испытывал какие-то глубокие чувства, слишком глубокие и сильные, чтобы его можно было легко переубедить. Приликла подтверждал догадки Гурронсеваса. Пора было испробовать другой подход.

Тралтан осторожно проговорил:

— Когда вы в последний раз разговаривали с доктором Приликлой — с тем красивым существом, что умеет летать, — вы поинтересовались тем, как поживают ваши дру-

зья в пещерном поселке. Я говорил с Ремрат и со многими подростками, что работают на кухне. Что бы вам хотелось узнать?

Даже через транслятор голос Критхара прозвучал изумленно и недоверчиво:

— Моя мать пустила вас на кухню?

— Я же повар, — коротко ответил Гурронсевас.

Большей недооценки его профессиональных способностей ему еще ни разу не доводилось выслушивать, но на Критхара он не обиделся.

Критхар не отозвался, и тогда Гурронсевас принялся делиться с ним своими впечатлениями о жизни в пещерном поселке. Он коротко поведал Критхару о том, как чужеземцы познакомились с Таусар и другими пожилыми учительницами, а затем — с детьми вемарцев, о том, как он решил проводить в поселке как можно больше времени, и о том, как по прошествии нескольких дней Ремрат стала все больше прислушиваться к его советам.

Гурронсевас знал, что кухня была местом, куда в любом заведении стекались все сплетни и слухи, где обсуждались все скандальные и прочие события. На официанта обращали внимание только тогда, когда он, она или оно совершали ошибку, а в остальное время они оставались в тени, служили незаметным фоном, и поэтому в их присутствии едоки не стеснялись в выражениях. Посему все сведения, стекавшиеся в кухню, можно было считать злободневными и верными.

Не всегда он сам до конца понимал точный смысл, степень скандальности или юмора, содержащиеся в пересказываемых им разговорах, но несколько раз Критхар издавал непередаваемые звуки, и его тело подрагивало. Мало-помалу Гурронсевас вернулся к теме питания. Ведь, как бы то ни было, главной задачей беседы было уговорить пациента поесть.

— ...Ремрат проявила большую любезность, — продолжал тралтан, — и позволила мне провести целый ряд экспериментов. Результаты получили положительную оценку

не только от учителей и детей, но и от некоторых возвратившихся с охоты ваших товарищей, которые говорят, что...

— Нет! — вырвалось тут у Критхара. — Неужели вы потчевали их ядовитой чужеземной стряпней из своей машины?!

— Ни в коем случае, — решительно заверил его Гурронсевас. — Устройство выдачи пищи на корабле рассчитано только на экипаж и медиков, нашей пищи не хватит для того, чтобы накормить весь поселок, поэтому мы не предлагали им нашей еды. Ее мы предлагаем только вам, потому что вы очень ослаблены и долго голодали, а вы все отказываетесь.

Ваши друзья в поселке, — быстро добавил тралтан, — едят блюда, которые я готовлю из местных растений, и многие хвалили эти блюда. А ведь считалось, что такая еда годится только для детей. А едят они эти блюда потому, что я показал Ремрат множество способов, с помощью которых можно придавать разный вкус вашим местным растениям, делать их привлекательными на вид, приправлять их различными подливами из трав и специй, которые растут в вашей долине. Например...

Критхар не шевелился и молчал, а Гурронсевас принялся с жаром описывать бесчисленные перемены, введенные им в вемарское меню. Он разглагольствовал о том, какую положительную оценку встретили у сородичей Критхара острые соусы из трав и ягод. Он утверждал, что слова и воображение меркнут перед истинным вкусом новых блюд. Он вернулся к тому, какими похвалами осыпали его и Ремрат, и даже такая неисправимая консерваторша, как Таусар. Критхар упорно молчал. «Что бы еще такое сказать?» — лихорадочно соображал Гурронсевас.

Изо всех сил стараясь скрыть переполнявшее его волнение, он поинтересовался:

— Критхар, вы хотите поесть?

— Очень хочу, — без тени сомнения отвечал Критхар.

— У него разыгрывается аппетит, — подтвердил эмпат, — с каждым вашим словом.

— Тогда позвольте, я угощу вас, — предложил Гурронсевас. — Вемарской пищей, а не той, которую готовит наш синтезатор. Вы ведь ничего не имеете против вемарской пищи?

Критхар растерялся.

— Не знаю, — проговорил он неуверенно. — Я хорошо помню ту еду, которую ел, когда был маленьким, и это не слишком приятные воспоминания. И если вы сумели каким-то образом изменить вкус этой еды, то, наверное, насовали туда каких-нибудь своих чужеземных приправ. Нет, я не могу так рисковать.

В прошлом Гурронсевасу приходилось иметь дело с весьма капризными клиентами, но капризы Критхара не шли ни в какое сравнение с теми, что доводилось выслушивать тралтану прежде.

— Критхар, вам надо поесть, — серьезно проговорил Гурронсевас. — Я не хранитель и не могу судить наверняка, но если вы начнете регулярно питаться, вы гораздо скорее вернетесь к своим сородичам. Если вы предпочитаете вемарскую пищу той, что готовит наша машина, я могу приготовить для вас детское рагу, вкус которого вы хорошо помните, и попрошу у Ремрат немного мяса, чтобы добавить в блюдо. Ваши друзья с нетерпением ждут вашего возвращения, и я уверен, они не откажут вам в...

— Нет! — взволнованно воскликнул Критхар и вяло дернулся. — Вы не должны говорить обо мне с Ремрат. Вы должны пообещать мне это.

— Пациент, — сообщил Приликла, — на грани сильнейшего нервного срыва.

«Сам вижу, — сердито подумал Гурронсевас. — Но почему? Может быть, он перенес сотрясение мозга и теперь туго соображает? Или просто ведет себя как истинный вемарец?»

— Хорошо, Критхар, — поспешно проговорил диетолог. — Обещаю. Но допустим, что я соберу местные растения в долине, покажу их вам перед приготовлением и на каждом его этапе? Не обещаю, что при подаче блюдо будет выглядеть таким, каким вы его помните с детства, но уверен, что результаты вас порадуют. Я даже не стану пользо-

ваться системой подогрева пищи нашего устройства, поскольку вы боитесь попадания в пищу инородных примесей. Я готов развести огонь прямо рядом с вашей кроватью, и вы сможете самолично наблюдать за моей работой. Ну, что скажете, Критхар? Я готов ответить на любые ваши возражения.

— Я ужасно голоден, — признался Критхар.

— А вы, друг Гурронсевас, — отметил эмпат, — большой оптимист.

Глава 31

Нэйдрад, которую, естественно, прежде всего заботила чистота на медицинской палубе, принялась горячо возражать против разведения огня на корабле, справедливо утверждая, что тогда конец всякой санитарии и гигиене. Мэрчисон ворчала: мало того что ее вынудили вернуться в мрачное средневековье и лечить больного травками и притирками, так теперь хотят заставить отправиться в пещерный век. Доктор Данальта, способный адаптироваться к любой среде, помалкивал, однако было видно, что и ему затея Гурронсеваса не по нутру. А Старший врач Приликла из всех сил старался всех примирить и сгладить неприятное эмоциональное излучение вокруг себя. Но Гурронсевас не желал отступать от задуманного.

— Теперь, когда Критхар наконец согласился поесть, готов питаться регулярно, в объеме, достаточном для выздоравливающего пациента... — начал тралтан очередную тираду.

— Для выздоравливающего глуутона, — ворчливо поправила диетолога Нэйдрад.

— Мне пришла в голову другая — и я думаю, вас это порадует, — немедицинская идея, — продолжал тралтан. — Во время вашего последнего консилиума, который я подслушал, так как не мог не подслушать, вы утверждали, что

самочувствие больного неуклонно улучшается и что он еще быстрее пошел бы на поправку, если бы к получаемым им блюдам добавлялся мясной белок и определенные минеральные вещества в мизерных количествах, которые без труда можно произвести на нашем пищевом синтезаторе.

Так вот, идея у меня такая, — продолжал диетолог. — Поскольку Критхар боится всего, что производит синтезатор, хотя неоднократно наблюдал, как мы им пользуемся, его можно в значительной мере сподвигнуть на употребление некоторых блюд, если все мы станем при нем кушать вемарскую еду, сопровождая ее синтезированной. Надеюсь, нам также удастся убедить Критхара в том, что ему не повредит синтезированная пища точно так же, как нам не вредит вемарская еда. Тогда вы без труда сумеете произвести необходимые изменения в диете пациента, которые...

Гурронсевас умолк, так как шерсть Нэйдрад вздыбилась иглами, хрупкое тельце Приликлы дико задрожало от разбушевавшейся на палубе эмоциональной бури, а Мэрчисон, сильно покрасневшая, вскинула руки.

— Нет, минуточку! — воскликнула она. — Вы только послушайте! Мало того что мы тут задыхаемся от дыма, так теперь вы предлагаете нам есть эту вонючую вемарскую стряпню! Потом вы потребуете, чтобы мы хором распевали вемарские песни и водили хороводы вокруг костра, чтобы больной чувствовал себя как дома?

— При всем моем уважении, — вежливо проговорил Гурронсевас, однако вежливость далась ему не без труда, — временное загрязнение воздуха никому не грозило смертью, и несколько раз Старшая сестра сказала мне, что запах ряда блюд был не таким уж противным...

— Я сказала, — сердито возразила Нэйдрад, — что этот запах заглушил запах гари!

— О том, насколько блюдо неприятно пахнет и хорошо ли оно на вкус, никто не может судить, пока не попробует его, — заявил диетолог, не обращая внимания на то, что его прервали. — Всякий хоть немного разбирающийся в кулинарии знает, что запах и вкус дополняют друг друга. Хочу поставить вас в известность о том, что многие из соу-

сов, приготовленных мной на Вемаре, оказались так восхитительны на вкус, что я собираюсь внедрить их в госпитале, как только мы туда вернемся.

— Какое счастье, — вздохнул Данальта, — что я могу есть что угодно.

Гурронсевас нетерпеливо продолжил:

— За всю мою жизнь не было случая, чтобы я отравил едока, и я не собираюсь изменять моим правилам. Все вы — представители профессии, главное требование которой состоит в объективности, так почему сейчас вы приводите только чисто субъективные возражения? Я предлагаю, чтобы вы все ели по одному вемарскому блюду в день вместе с пациентом, но при этом имели в виду, что, если вы будете притворяться и только делать вид, что едите, это отрицательно скажется на самочувствии и настроении Критхара. В конце концов, ведь это вы так хотите, чтобы пациент нормально питался, и мечтаете о том, чтобы в его диету были включены вещества, в которых он отчаянно нуждается. А я только объясняю вам, как этого можно добиться.

Гурронсевас эмпатом не был, но прекрасно почувствовал очередной эмоциональный протест Мэрчисон и Нэйдрад. Однако Старший врач Приликла мягко, но авторитетно заговорил первым.

— Я чувствую, — сказал он, — что вот-вот разразится бурный обмен мнениями. — С этими словами эмпат полетел к выходу с палубы. — Поэтому я прошу у всех прощения, покидаю вас и удаляюсь в свою каюту, где могу отгородиться от чреватого для меня отрицательными последствиями эмоционального излучения. И еще у меня такое чувство — а мои чувства меня никогда не обманывают, — что вы все будете помнить о том, для чего существует «Ргабвар» и каково призвание медиков, работающих на его борту, и не забудете обо всех, самых разных пациентах, и о тех компромиссах, на которые нам порой приходилось идти во имя их спасения. Я покидаю вас, а вы спорьте, но не забывайте о главном.

Спор продолжался, хотя все знали, что Гурронсевас заранее вышел из него победителем.

В последующие четыре дня вемарцы нашли и уничтожили последний из оставленных в пещерном поселке коммуникаторов. Чужеземцы, по мнению вемарцев, совершили постыднейшее из преступлений и заслуживали глубочайшего осуждения. Собирая на рассвете травы, Гурронсевас попробовал заговорить с одной из учительниц, возглавлявшей отряд работавших на полях детей, но вемарка закрыла передними конечностями уши, а детей явно настроили против тралтана. Поскольку всякие контакты с вемарцами были прерваны, чужеземцам не дано было узнать, в чем же состоит их ужасное преступление и как они могли бы принести извинения и искупить свой грех.

Но когда Гурронсевас предложил, чтобы ему разрешили пойти в пещерный поселок без приглашения и поговорить с Ремрат, Приликла отсоветовал ему ходить туда. Он сказал, что даже на большом расстоянии ощущает, как сильны гнев и разочарование вемарцев, и ему бы не хотелось осложнять положение еще сильнее.

Последней надеждой на восстановление отношений с вемарцами оставался Критхар.

А пациент шел на поправку с каждым днем. Во главе с Приликлой, решившим, что он должен подать сотрудникам положительный пример, бригада медиков во время обеда осваивалась с вемарским меню. Они договорились не критиковать качество еды в присутствии Критхара, и, поскольку Гурронсевас отлучался от больного только по утрам, когда отправлялся на сбор растений, диетолог никаких нареканий в свой адрес не слышал.

Но когда Критхар наконец согласился поесть немного пищи, приготовленной синтезатором и содержавшей необходимые минеральные и белковые добавки, и когда из-за того, что масса тела пациента начала непрерывно увеличиваться, потребовалось ослабить ремни-фиксаторы, тралтан наконец дождался похвал.

— Сегодняшний обед был не так уж плох, — объявила Мэрчисон чуть ворчливо. — Наверно, когда-нибудь я привыкну и к десерту из лутжи и янта.

— На плесень он похож, этот десерт, — так описала свои ощущения Нэйдрад, но шерсть ее осталась спокойной — лучшей похвалы от кельгианки и ждать было нечего.

— Мне очень понравилось второе блюдо, — отметил Приликла, который, как правило, молчал, если не мог сказать ничего похвального. — Вкус и консистенция этого блюда таковы, что, будь оно по виду похоже на мое любимое нецинрусское блюдо — земные спагетти, я бы с удовольствием им питался. Но что-то я засиделся, надо бы мне немного размяться и полетать за пределами корабля. Не составите мне компанию, Гурронсевас?

При этом он выразительно посмотрел на тралтана.

Больше Приликла ничего не сказал ему, пока они не оказались за пределами мигнувшего им на прощание противометеоритного поля. Эмпат порхал над плечом Гурронсеваса, они неторопливо миновали вход в пещерный город и спустились в долину. Тропа пролегла ярдах в ста от трудившегося на огороде вемарского отряда, но Гурронсевас знал, что вемарка-учительница ни за что не станет с ними разговаривать.

— Друг Гурронсевас, — неожиданно заговорил эмпат. — Мы, а больше всех — вы, мало-помалу завоевываем доверие Критхара, но этому процессу не помочь, если мы будем то и дело отключать его транслятор, отвергая его общество, вот почему я решил поговорить с вами наедине.

Вы, вероятно, уже догадываетесь, что Критхара можно бы и выписать, — продолжал эмпат. — За исключением фиксированной нижней конечности, гипс на которой растворится уже через несколько недель, когда сломанные кости окончательно срастутся и смогут выдерживать вес Критхара, он окончательно здоров. Он, по идее, должен радоваться своему выздоровлению, накоплению сил и возможности вернуться к нормальному образу жизни, но почему-то не радуется. Меня очень тревожит его эмоциональное состояние. Что-то чудовищно не так, и мне бы хотелось понять, что именно, прежде чем я отпущу Критхара домой. Держать его у нас дольше двух дней не представляется разумным.

Гурронсевас молчал. Приликла не задавал ему вопросов, он только излагал суть проблемы.

А Приликла продолжал:

— Не исключено, что возвращение Критхара к сородичам решит все вопросы. Надеюсь, тогда они станут относиться к нам не так враждебно, как сейчас, восстановятся ваши прежние дружеские отношения с Ремрат, и это поможет нам возобновить мирные связи. Но есть в вемарцах нечто, чего мы не понимаем до конца, и это что-то вызывает необъяснимые эмоциональные реакции у нашего пациента. И до тех пор, пока мы не поймем, в чем причина этих неестественных чувств, отправка пациента домой будет представляться нам непростительной ошибкой. Не могу даже посоветовать вам, о чем спросить пациента и что ему сказать, поскольку любые самые незначительные упоминания о его матери Ремрат и о его друзьях-охотниках вызывают у Критхара неоправданно резкую эмоциональную реакцию, напоминающую чувства существа, глубочайшие верования которого подвергаются суровым нападкам, и он этого страшится.

Я знаю, что вы не специалист-психолог, друг Гурронсевас, — продолжал цинрусскиец. — Но как вам кажется, не могли бы вы посвятить ближайшие два дня разговорам с Критхаром? Попробуйте вести с ним беседы на самые нейтральные, общие темы. Бывает, что именно в таких ситуациях пациенты проговариваются и выкладывают все, что у них на душе. Если за время этих разговоров не произойдет ничего такого, что могло бы помочь нам, — ну, что поделаешь? Но если что-то все-таки высветится, дайте нам знать, а также сообщайте о любых идеях, какие только придут вам в голову. Можете считать, что я возлагаю на вас нетерапевтическую часть курса лечения Критхара.

Критхар доверяет вам, — заключил Приликла. — Вам он скорее поведаст свои беды, чем кому-либо из нас. Друг Гурронсевас, вы окажете мне такую любезность?

— Разве я уже не занимаюсь этим, — удивился Гурронсевас, — неофициально?

— Ну а теперь, — сказал эмпат, — я обращаюсь к вам официально как глава медицинской бригады «Ргабвара». Окажите нам помощь на критическом этапе установления контакта с народом Вемара. Я вынужден просить вас об этом, потому что в случае вашей неудачи ответственность за все случившееся ляжет на меня. Вы не должны винить себя, если сделаете или скажете что-то неверное. В этой ситуации от подобного не был бы застрахован никто из членов бригады медиков. Вы не такое уж легкое для общения существо, Гурронсевас. Вас непросто полюбить. Вы слишком похожи на недавно придуманные вами вемарские блюда — в том смысле, что к их вкусу надо привыкнуть. Но вы завоевали наше уважение и благодарность за помощь в лечении Критхара, и никто из нас не станет винить вас, если вам не удастся справиться с проблемой, перед которой мы сами уже спасовали. Ну, что скажете, друг Гурронсевас?

Немного помедлив, тралтан ответил:

— Мне приятны ваши похвалы, я чувствую себя радостно, уверенно и готов сделать все возможное, лишь бы помочь вам. Но вы эмпат, и мне нет нужды расписывать вам мои чувства. Думаю, вы как раз и намеревались заставить меня их испытать.

— Вы не ошиблись, — подтвердил Приликла и мелодично тренькнул — наверное, цинрусскийцы так смеялись. — Но я вовсе не вмешивался в ваше эмоциональное излучение. Желание помочь медикам уже наличествовало. Но у меня такое чувство, что вы хотите мне сказать о чем-то еще.

— Да, у меня есть несколько предложений, — согласился Гурронсевас. — Думаю, прежде всего вам нужно решить, в какое время и в каком месте состоится возвращение Критхара домой, и нужно известить об этом Ремрат и всех остальных вемарцев на тот случай, если при таком событии им подобает произвести какие-то приготовления. Мы знаем, что вемарцы с нетерпением ждут возвращения Критхара, и, если мы сообщим им, когда оно состоится, это послужит знаком вежливости, и, может быть, тогда враждебность по отношению к нам немного спадет. Я думаю, что лучше всего это

устроить ближе к вечеру, когда учителя и дети возвращаются с огородов в поселок к обеду. Тогда мы добьемся наличия максимального числа зрителей и наилучшего эффекта, но вот каков он будет, этот эффект, — благоприятен или нет, это мне трудно сказать.

— Мне тоже, — сказал Приликла. Он быстро назвал время предполагаемого возвращения Критхара в поселок и приблизительно описал сопутствующие этому обстоятельства, после чего спросил: — Но как же вы поведаете вемарцам приятную новость, если они закрывают уши, стоит вам к ним обратиться? Вы об этом не забыли? Я чувствую, что вас это почему-то совсем не волнует.

Гурронсевас всегда был экономен — со временем, продуктами и даже с дыханием. Не ответив на вопрос Приликлы, он остановился, развернулся так, чтобы его было хорошо слышно трудившимся на огороде вемарцам, от которых их с Приликлой отделяла сотня-другая ярдов, набрал в легкие побольше воздуха и провозгласил:

— Прослушайте сообщение от хранителей с чужеземного корабля. — Говорил тралтан медленно, с расстановкой и очень громко. — Охотник Критхар будет возвращен домой, ко входу в пещерный поселок, за час до полудня послезавтра.

Он видел, что при первом же звуке его голоса учительница вемарка закрыла уши ладонями, слышал, как сердито она прикрикнула на детей, велел им сделать то же самое, но все же упрямо повторил сообщение. Но учительнице не удалось заставить своих учеников послушаться. Они принялись весело прыгать вокруг своей наставницы и возбужденно перекикиваться друг с дружкой. Пусть взрослые вемарцы не желали слушать чужеземцев, но что они могли поделать с любопытными детишками?

К наступлению темноты все до единого в пещерном поселке будут знать о скором возвращении Критхара.

— Отлично сработано! — восхитился Приликла и, совершив изящный ловкий разворот, направился к кораблю. — Но теперь вам предстоит произнести гораздо больше слов. Давайте вернемся к нашему пациенту.

Вот так и вышло, что Критхар превратился в пациента Гурронсеваса. Они подолгу оставались наедине на медицинской палубе, в то время как медики расходились по своим каютам или собирались на крошечной рекреационной палубе. Гурронсевас знал, что каждое его слово передается на «Тремаар», где Вильямсон ведет скрупулезную запись всех разговоров, но капитан «Тремаара» в беседу не вмешивался, поэтому никто Гурронсеваса не отвлекал.

Говорить с Критхаром ему было легко, но гораздо труднее было придерживаться тем, которые бы не вызвали у пациента желания прервать разговор. Приликла сообщал, что в те мгновения, когда Критхар умолкал, этому всегда сопутствовали сильнейшие взрывы эмоций, в которых преобладали страх, гнев и отчаяние. А ни Гурронсевас, ни эмпат пока никак не могли выяснить причину этих взрывов.

Достаточно безопасной темой для бесед с Критхаром оказалась история вемарцев, их ведущаяся столетиями борьба за выживание на планете, пережившей в прошлом экологическую катастрофу вследствие бесконтрольного загрязнения атмосферы. Тема эта, конечно, была не слишком приятной, но Критхар об этом разговаривать не отказывался, однако неустанно спорил с тралтаном, как только разговор заходил о важности поедания мяса для успешного продолжения рода. В древние времена, утверждал Критхар, в лесах и степях было полным-полно огромных стад животных. И пасущиеся в степях стада, и животные, жившие в зарослях леса, давным-давно исчезли, но поедание даже той скудной мясной добычи, которую приносили из своих походов охотники, превратилось в нечто вроде религии, пусть в этих верованиях и не было духовности.

Гурронсевас соглашался с тем, что охотники были достойны того, чтобы есть добываемое ими мясо, поскольку оно доставалось им после долгих переходов, трудностей и огромного личного риска. Однако те, кто выращивал полезные растения, оставаясь дома, производили в итоге больше еды, но не так рисковали, хотя их и не так уважали, как храбрых вемарских охотников. Таково теперь было поло-

жение дел на Вемаре, и таким же оно было на протяжении многих веков на бесчисленных планетах.

По настоянию Приликлы Гурронсевас рассказал Критхару о том, что мясоедение в далеком прошлом зависело от изобилия, удобства и выбора, но не являлось физиологической потребностью. Он отметил, что, несмотря на то что юные и престарелые вемарцы питались овощами, они были здоровее и получали больше пищи, чем охотники, доводившие себя из-за неразумной гордыни чуть ли не до голодных обмороков. В ответ на это заявление последовало сердитое молчание, которое продлилось почти целый час.

До сих пор Гурронсевасу не удалось убедить Критхара в том, что мясо не является критически важным для наличия сексуальной потенции, но через несколько дней, в течение которых он ел приготовляемые тралтаном блюда из овощей и трав, его сомнения несколько рассеялись.

Обсуждение еды оказалось практически безопасной темой, в особенности — разговоры о приготовлении новых блюд из местных растений, но, когда тралтан сбивался с проторенной стези и пробовал заговорить о друзьях Критхара, о его матери Ремрат, о том, какие успехи делали юные повара в пещерном поселении, Критхар тут же умолкал. Как-то раз он в довольно резкой форме заметил, что кухня — не лучшее место для детей. А когда Гурронсевас поинтересовался почему, Критхар упрекнул его в глупости и жестокости.

Упрекала тралтана в жестокости и Ремрат, но и она не объясняла за что, — как раз перед тем, как Гурронсевас был изгнан из пещерного поселка. Озадаченный, ничего не понимающий Гурронсевас вернулся к теме питания.

А это была тема, на которую Гурронсевас мог говорить со всей ответственностью. Он рассказывал Критхару о разнообразных блюдах удивительного вида и вкуса и еще большем многообразии тех существ, которым доводилось пробовать чудеса его кулинарного искусства. Разговор с неизбежностью перешел на чужеземцев, их верования, философию, социальное устройство их планет, а также пришлось поговорить и о предпочтениях в пище и связанных с ее потреблением традициях на шестидесяти планетах,

обитатели которых входили в состав Галактической Федерации.

Гурронсевас из всех сил старался вложить в голову Критхара мысль о том, что Вемар — всего лишь одна обитаемая планета из многих сотен ей подобных, втайне надеясь, что среди перечисленных им планет Критхар обнаружит хотя бы одну, на которой обитал бы народ, чем-то похожий на вемарцев в социально-культурном плане. Он надеялся на то, что вемарец как-то среагирует на такое совпадение — эмоционально или словесно, и что тогда Приликла или он сам сумеют пробить брешь в молчании охотника.

Но ни эмоциональные, ни словесные реакции Критхара не претерпели никаких изменений.

Приликла как-то заметил:

— Я разделяю ваше разочарование, друг Гурронсевас. Критхар ощущает глубочайший интерес и любопытство к тому, о чем вы ему рассказываете. Он еще более благодарен вам за ваши рассказы, так как они отвлекают его от мысли о какой-то очень серьезной личной проблеме. Но отчаяние, гнев и страх не отступают. Они чуть-чуть ослабли, но нигде не делись, что бы вы ни говорили пациенту.

Самое сильное чувство из отмечаемых мною у пациента в данное время — это дружеское расположение к вам, — продолжал Приликла. — Может быть, вы и не думаете об этом, но и у вас возникло к пациенту сходное чувство на фоне развития ваших отношений. Нечто похожее имело место при вашем общении с матерью пациента, Ремрат. Но я чувствую, что и вы, и пациент устали. Надо отдохнуть, может быть, решение проблемы появится само собой.

— До возвращения Критхара в поселок осталось меньше семи часов, — возразил Гурронсевас. — Думаю, мы все переусердствовали в укрытии от него этой новости. Думаю, пора оповестить его, терять нам нечего.

Мягким, утешающим голосом Приликла произнес:

— Я чувствую ваше отчаяние, друг Гурронсевас, и сочувствую вам. Но всякий раз, стоило вам упомянуть о возвращении Критхара домой, он выдавал сильнейшую отрицательную

эмоциональную реакцию, за которой всегда следовало долгое сердитое молчание. Нам есть что терять.

Гурронсевас подумал и сказал:

— Вы сказали, что мы с Критхаром испытываем друг к другу дружеские чувства. Но скажите, достаточно ли мы близкие друзья для того, чтобы простить друг другу неоправданный поступок, необдуманные слова?

Без тени сомнения эмпат отозвался:

— Я чувствую, вы все решили. Вы все равно расскажете новость Критхару, несмотря на то, какой ответ получите от меня. Удачи вам, друг Гурронсевас.

Гурронсевас помолчал, подбирая слова, которые могли бы одновременно послужить извинением за причиненную Критхару боль, и вот что пришло ему в голову.

— О многом мне бы хотелось сказать вам, Главный охотник Критхар, и много бы мне хотелось еще задать вам вопросов. Раньше я их не задавал, потому что, стоило мне только коснуться этой темы, вы тут же сердились и не отвечали мне. Ремрат перестала разговаривать со мной и по непонятной причине не разрешила чужеземцам приближаться к пещерному поселку. Но теперь у нас осталось на разговоры всего несколько часов...

— Осторожнее, — предупредил Гурронсеваса Приликла. — Эмоциональное излучение пациента меняется, и не в лучшую сторону.

— Ваши раны очистились и зажили, — осторожно продолжал тралтан. — Ваше самочувствие улучшилось настолько, насколько мы могли его улучшить. До полудня вы вернетесь домой.

Тело Критхара резко содрогнулось — такого не наблюдалось уже несколько дней, но тут же обмякло. Он резко повернул голову к Гурронсевасу, но глаза его были закрыты. «Что с ним такое? — гадал диетолог. — Откуда эта непонятная ксенофобия, эта неприязнь у существа цивилизованного, умного и во многом достойного восхищения?»

Приликла описал словами мысли Гурронсеваса:

— Пациент сильно взволнован. Дружеское чувство к вам отступило под влиянием фоновых эмоций страха, гне-

ва и отчаяния, имевших место ранее. Но он изо всех сил борется с этими нехорошими чувствами, они ему неприятны. Не могли бы вы что-нибудь сказать, чтобы помочь ему в этой борьбе? Волнение нарастает.

Гурронсевас одними губами произнес слово, которое ему запретили произносить в детстве. Став взрослым, он крайне редко его употреблял. Реакция пациента на очевидно хорошую новость оказалась совершенно неожиданной. Гурронсевас ощущал полнейшую неуверенность в себе и злился на себя за то, что взволновал своего нового друга, а сам не понял, чем и почему. Во всем остальном Критхар вел себя совершенно нормально и предсказуемо, но тут произошло нечто типично вемарское, невероятное. Но, может быть, дело было в том, что в этом аспекте сам Гурронсевас и медики с «Ргабвара» были непреходимо чужеродными? Если да, то в чем же было дело?

«Я что-то упустил, — думал Гурронсевас. — Что-то очень важное, какое-то непреодолимое различие между нами — простое, но от этого не менее значительное». Мысль зарождалась в глубинах его сознания, он пытался вытащить ее наружу, а она упрямо тонула. Ему хотелось попросить совета у Приликлы, но он знал, что для этого придется отключить транслятор, и тогда Критхар подумает, что Гурронсевас что-то скрывает от него, а этого сейчас ни в коем случае нельзя было допускать.

Он не знал, что сказать, поэтому сказал то, что чувствовал:

— Критхар, — проговорил он. — Я смущен, виноват и прошу прощения за то, что так огорчил вас. Почему-то я не сумел понять вас. Но поверьте мне, прошу вас: и сейчас, и когда бы то ни было ни я, ни наши целители не желали вам зла. И тем не менее мы, не понимая, почему это происходит, доставляли вам психологическую боль. Способен ли я заслужить ваше прощение? Могу ли я что-то сказать или сделать, чтобы вам стало легче?

Критхар напрягся, но не попытался освободиться от стесняющих его движения ремней. Он ответил:

— С виду вы очень страшный, но порой бываете очень участливы, а порой ужасно жестоки. Вы могли бы кое-что сделать для меня, Гурронсевас, но мне стыдно просить вас об этом. Я не в силах произнести нужных слов. О таком одолжении не просят родственника или близкого друга и тем более — нового знакомого, чужеземца. Просьба бы их очень огорчила.

— Просите, друг Критхар, — решительно заявил Гурронсевас. — Я все сделаю, о чем бы вы меня ни попросили.

— Когда... когда пробьет мой час, — сказал Критхар еле слышно, — будете ли вы говорить мне о тех чудесах, что видели на других планетах, и останетесь ли рядом со мной до конца?

Короткую паузу нарушил Приликла.

— Гурронсевас, — спросил эмпат, — чему вы так радуетесь?

— Еще несколько минут поговорю с Критхаром, — отозвался тралтан, — и вы тоже поймете почему.

Глава 32

Колпак, прятавший Критхара от солнца, опустили так, чтобы вемарца не было видно. Когда Приликла сказал, что было бы лучше, чтобы к поселку Критхара сопровождал только Гурронсевас и больше никто, единственной возрадившей оказалась Нэйдрад, которая опасалась, справится ли с управлением антигравитационным транспортным средством неумеа тралтан.

Таусар, возвратившиеся охотники и все учительницы, за исключением Ремрат, а также все дети расположились на склоне горы у входа в пещерный поселок. Свободным остался только участок совсем рядом со входом — там стояли три небольшие ручные тележки. Гурронсевас медленно и бесшумно подвел тележку на расстояние в несколько ярдов от тележек и отключил антигравитационный двига-

тель. Как только носилки опустились на землю, он откинул колпак.

Собравшиеся вемарцы вели себя смиренно и уважительно, никакой враждебности не выказывали. Даже дети не шумели при виде Главного охотника — здорового, целого и невредимого. Только на ноге у Критхара остался прозрачный фиксирующий гипс. Но когда Критхар встал и поднял голову, толпа вемарцев разразилась криками и воплями. Все засуетились, принялись прыгать — такой радости Гурронсевасу еще никогда в жизни не случалось видеть. Он гадал, как эта эмоциональная буря скажется на состоянии Приликлы.

Но эмпат во время последнего разговора с Критхаром мягко, но настойчиво утверждал, что риска не будет. Он чувствовал, что вемарцы на возвращение своего Главного охотника отреагируют бурно, но не враждебно. В конце концов, Критхар сам предложил скрыть правду от своих сородичей до самого последнего мгновения, чтобы его возвращение домой произвело максимальное впечатление.

Едва заметно прихрамывая, Критхар подошел к тележкам, остановился, опустил взгляд. Вемарцы продолжали кричать, и даже тем, кто решил поговорить друг с другом, приходилось вопить, чтобы собеседники их услышали. Гурронсевас с трудом соображал, что происходит. Движения в толпе потухли, и тралтан заметил, что одна молодая вемарка скользнула в пещеру — наверное, для того, чтобы позвать Ремрат, поскольку в вемарке Гурронсевас узнал Друут. А Критхар забрался на одну из тележек и поднял вверх руки, прося тишины.

— Моя семья, друзья и товарищи по охоте, — сказал он медленно и четко, как только наступила тишина. — Вы жестоко ошибались насчет намерений и способностей чужеземцев, прилетевших к нам на корабле. Я также ошибался и осознал свою ошибку всего несколько часов назад. Но теперь вы сами видите, что я — нерасчлененный труп, куски которого вы собирались водрузить на эти тележки и отвезти на кухню. Я жив, силен и здоров. И все это пото-

му, что наши чужеземные друзья никогда не были и не являются хранителями мяса. Они — хранители жизни.

Критхар сделал паузу. Толпа разом вздохнула — и как будто ветерок пронесся по траве. А потом все так же дружно вздохнули от удивления и восторга. Но вот Критхар заговорил вновь, и все опять умолкли. Он рассказал сородичам обо всем, что ему говорили и что с ним делали чужеземцы. Он прервал свой рассказ лишь единожды, когда у выхода из пещеры появились его мать и жена и стали протискиваться сквозь толпу. Но Ремрат дала сыну знак продолжать, прошла мимо него и встала рядом с Гурронсевасом.

Тихо, так, чтобы ее слышал только тралтан, она проговорила:

— Мы жестоко ошиблись насчет ваших друзей, а больше всего насчет вас после всего, что вы для нас сделали. Я вела себя как полная невежа и прошу у вас прощения. Вы и ваши друзья-хранители всегда найдете приют у нас дома.

— Спасибо, — так же негромко отозвался Гурронсевас. — Мне тоже очень жаль, что я был глуп и жесток. Я бы сам все понял, если бы более внимательно прислушивался к вашим словам. Все дело в непонимании.

В непонимании...

Гурронсевас мысленно содрогнулся от стыда и смущения, вспоминая о том, что порой говорила Ремрат. В свое время ему казалось странным и в чем-то милым, но не слишком важным то, что у вемарцев искусству кулинарии и врачевания посвящают себя одни и те же существа и что среди вемарцев эти существа именовались хранителями. Если бы он задумался об этом как следует, он бы понял, что народ, привыкший считать мясо единственной надеждой на выживание, относился к этому виду питания с превеликой экономией и считал его настоящей роскошью. Все теперь казалось так просто. И когда он обронил слово «хранители», назвав так врачей с корабля, он это сделал потому, что счел слова «хранитель» и «целитель» синонимами для вемарцев и не задумался о том, к каким последствиям это может привести.

Если бы они с Ремрат поменялись местами, если бы Ремрат предложила Гурронсевасу рассказать в подробностях о том, что чужеземные хранители — существа, которые, как полагали вемарцы, занимались иссечением пораженных болезнью тканей, разделкой и подготовкой частей тела для последующего приготовления еды, как мясники на бойне, — выделявали с ее любимым чадом, то реакция пещерного поселения могла быть и похуже.

Вемарцы впали в отсталость во многих областях, но они сохранили ум и цивилизованность. Именно поэтому Приликла почувствовал, что будет лучше, если контакт возобновится через посредство выздоровевшего пациента. Как водится, чувства эмпата его не обманули, и Критхар добился большого успеха.

— Чужеземцы, — говорил он, — прибыли сюда для того, чтобы доказать нам, что мы можем жить лучше и на нашей больной, но постепенно выздоравливающей родине. Но принесли они нам только знания и советы. Они объяснили, как Вемар докатился до такого состояния много веков назад, и как мы можем вылечить нашу планету, и удержать ее от возврата...

Зная о том, что научные термины вемарцам уже давно непонятны, Гурронсевас и Приликла описали экологическую катастрофу, постигшую Вемар, в самых доступных словах, и теперь Критхар занимался тем же самым. Словами, доступными пониманию своих сородичей, Критхар говорил о веках изобилия и о ужасном, непрерывном последующем отравлении земли, моря и воздуха и существ, обитавших там. Он говорил об огромной массе ядовитых паров, которые выбрасывались в воздух, стремились в небо, где они напали на великий щит, защищавший Вемар от солнца, и разрушили его.

Постепенно даже самые мелкие и наиболее нежные обитатели океана, от которых зависело пропитание крупных рыб, а затем — и самих вемарцев, исчезли в морях полярных районов и умеренных зон. А на почве ставший смертельно опасным солнечный свет, проникавший к ней без препон высушивал и убивал растительность, которой пи-

тались мелкие и крупные травоядные, которыми, в свою очередь, питались хищники, да и вемарцы тоже. Под действием двух главных врагов — голода и солнца, ослеплявшего вемарцев и покрывавшего язвами их кожу, вся животная жизнь погибала. Каждую неделю сокращалось и без того скудное население планеты, дети рождались слабыми и больными.

Но пережившие катастрофу вемарцы оказались живучими и приспособляемыми, и хотя они этого не знали, такой же оказалась их планета. Рядом с вемарцами гибли и превращались в руины и кладбища железа их заводы, фабрики и техника. Но не все умирали. Некоторые вернулись в прошлое и стали жить в пещерах, прячась от некогда ласкового и дружелюбного солнца. Они выращивали полезные растения на тенистых склонах, отправлялись на охоту или рыбачили по ночам. Выращивание растений и злаков без солнца не было популярной деятельностью, потому что до появления чужеземного повара, Гурронсеваса, вемарцы непоколебимо верили в то, что питание здорового и способного к воспроизводству вемарца зависит исключительно от мяса.

Упрямо держась за веру в пользу мясоедства, оставшиеся вемарцы продолжали вымирать — одни от голода, другие от несчастных случаев на охоте. Миролюбивые животные давно были истреблены, остались только ночные хищники, которые тоже голодали и не брезговали вемарскими охотниками. То же самое происходило и в морях.

— Но у нашего несчастья, — продолжал Критхар, — была одна хорошая сторона. Из-за того что фабрики и заводы перестали загрязнять воздух, больная планета начала выздоравливать. За несколько веков больной организм нашей планеты развеял и изгнал яд из своего тела — из почвы и морей. Закрывавший нас от смертоносных лучей солнца щит немного восстановился, и теперь он пропускает к нам только свет и тепло. В итоге снова начали зеленеть травы и леса, размножаются звери и морские животные. Но еще много веков подряд нам придется пополнять наши источники питания тем, что мы будем пасти стада домаш-

них животных, а не охотиться на них, не истреблять их без остатка из-за неумеренного желания есть мясо. Это мы сможем себе позволить только тогда, когда окончательно восстановим нашу планету.

Однако чужеземцы предостерегают нас, — продолжал Критхар. — Длительное пребывание на солнце по-прежнему вредно для нас, хотя и не так, как раньше, но нашим внукам солнце совсем не будет вредно. Нас ждут многие трудности. Когда наши поселения объединятся, нам нужно будет убедить «имуших» с экватора отказаться от простой, но загрязняющей небо техники. Добиться этого нужно будет мирно — так говорят чужеземцы. Нужно будет поработать головами, а не копьями. На Вемаре осталось слишком мало жителей для того, чтобы разжигать войну. А когда мы снова примемся за усовершенствование нашей техники, они дадут нам советы, как это лучше сделать, чтобы мы снова не отравили нашу планету.

— Ваш сын, — отметил Гурронсевас, — говорит очень хорошо.

Ремрат ответила на похвалу непереводаемым звуком, но, когда заговорила, в ее голосе слышалось удовольствие.

— В юности Критхар был учителем и большим спорщиком, только потом стал охотником, и он никому не позволит забыть о той новой мудрости, которую почерпнул от вас. В этом вы и ваши друзья можете не сомневаться.

— Когда я рассказывал Критхару обо всем этом, — объяснил Гурронсевас, — я всего лишь мечтал отвлечь его от тяжких раздумий. Только сегодня утром я понял, что его тревожит неизбежная, как ему казалось, смерть. А теперь мне кажется, что он лучше меня понимает смысл всего, что я ему рассказывал. Но что поделаешь — я ведь всего-навсего повар.

— Вы — Главный повар, который способен перевоспитать целую планету, — заявила Ремрат. Тралтан ответил на ее комплимент непереводаемым тралтанским звуком, а вемарка продолжала: — Здесь собрались все — от мала до велика. Все пришли, чтобы оплакать возвращение Критхара, чтобы поделить между собой его тело и съесть его. А

теперь все внимают словам чужеземцев и Критхара — охотника и учителя.

В наушниках Гурронсеваса зазвучал голос Приликлы:

— Все идет замечательно, друг Гурронсевас, — как я и предполагал. Даже специалисты по контактам с «Тремаара» довольны вами. Капитан Вильямсон передает свою благодарность и говорит, что властям госпиталя пришла в голову поистине гениальная мысль отправить в экспедицию на Вемар Главного диетолога. Когда в госпитале получат его отчет о первом в галактической истории случае установления мирного контакта с помощью кулинарии, там тоже все будут очень вами довольны. Я чувствую, что должен незамедлительно сообщить вам эти новости, поскольку вы наверняка переживаете за ваши отношения с полковником Скемптоном и думаете о том, как он воспримет ваше возвращение в госпиталь. Волноваться не о чем. Успех, которого вы добились на Вемаре, гарантирует, что все ваши прежние промахи будут забыты. Ну, вот и славно, я чувствую, что вы довольны и спокойны.

— ...Скоро Гурронсевас и хранители с чужеземного корабля покинут нас, — говорил тем временем Критхар. — С виду они страшны, особенно их великий повар, напоминающий создание из страшных детских сказок. Но даже дети теперь знакомы с ним и зовут его своим другом. Чужеземцы не смогут надолго задержаться у нас, потому что их ждет важная работа. Они помогают тем, кто попадает в беду меж звезд. Их жизнь тоже нужно спасать и сохранять, как спасли и сохранили мою. Они заверили меня, что другие чужеземцы, с другого корабля, также не задержатся надолго около Вемара, потому что понимают, что вемарцы — гордый и умный народ. Они с радостью окажут нам любую помощь, но не сделают так, чтобы мы чересчур сильно зависели от этой помощи, потому что тогда мы бы невыносимо страдали. Нет, они помогут нам помочь самим себе.

И если мы так поступим, говорят они, то наступит время, когда наша планета расцветет, мы снова обретем и культуру, и технику и в конце концов обретем возможность

навестить наших чужеземных друзей, полететь к ним сквозь звезды.

— Мой друг, — сказала Ремрат подчеркнуто серьезно. — Сегодня вечером мы не будем есть мясо, но и я, и Друут, и все мы очень рады. Спасибо вам.

Гурронсевасу стало неловко от проявления чувств, а особенно его смутили собственные ощущения. Он окинул взглядом радостную толпу и сказал:

— Такая перемена в запланированном меню может создать большие сложности для персонала кухни. Могу ли я предложить вам свои услуги?

ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ДИАГНОЗ

Глава 1

Препровождая Хьюлитта по туннелю от места парковки корабля до входа в госпиталь, медик-орлигианин помалкивал, и Хьюлитт искренне этому радовался. Он недолюбливал инопланетян и, если уж приходилось общаться с ними, предпочитал пользоваться устройствами дальней связи, не оборудованными видеоприставками. Не нравился ему и орлигианин. То, как он время от времени шевелил серовато-коричневыми острыми шерстинками, торчавшими из щелей в коже, наводило Хьюлитта на мысль о том, что орлигианин не иначе как весь кишит какими-то паразитами. Как только Хьюлитт и орлигианин вышли из узкого туннеля в просторное помещение приемного покоя, землянин вздохнул с облегчением — наконец-то он сможет отойти подальше от лохматого отвратительного существа.

Около антигравитационных носилок стояло еще одно инопланетное создание и явно ожидало их появления. Это было удивительно крупное существо с массивным туловищем, покоившимся на шести толстых щупальцах, одно из которых обвивала повязка со значками — по всей вероятности, эти значки отражали либо должность, либо личность носителя повязки. Повязка, если можно так выразиться, была единственным одеянием встречающего. Хьюлитт очень порадовался тому, что это существо хотя бы не покрыто шерстью. Правда, отношение встречающего к мерам личной гигиены вызывало у землянина некоторые сомнения: бока существа были забрызганы белесой краской — краска

давно уже высохла и теперь шелушилась. Хьюлитт разглядел у великана два впалых, лишенных ресниц глаза, представших под толстым слоем рогамицы. Больше ничего примечательного в лице встречающего не было — за исключением, пожалуй, выпуклой мембраны на макушке, чем-то напоминавшей петушиный гребень. Как только странное существо шагнуло к Хьюлитту и обратилось к нему, стало ясно, что эта мембрана — орган речи.

— Я ожидаю прибытия пациента-ДБДГ, — проговорило существо. — Вы явно землянин, и ваша физиологическая классификация действительно ДБДГ, но, похоже, у вас нет никаких травм, и вообще вы не выглядите больным. По всей вероятности, я ошиблась, и вы не тот, кого...

— Вы не ошиблись, медсестра, — встрял орлиганин. — Меня зовут хирург-лейтенант Турраг-Мар. Я с грузового корабля Корпуса Мониторов «Тривендар». Нас попросили доставить этого пациента в Главный Госпиталь Сектора. Но теперь мне нужно не мешкая вернуться на корабль. Это пациент Хьюлитт, а вот его история болезни.

— Благодарю вас, доктор, — сказала медсестра, взяла у орлиганина кассету и поместила ее в щель кассетоприемника на пульте управления носилками. — Можете ли сообщить еще какие-либо сведения о пациенте, которые, по вашему мнению, могли бы пригодиться нашим врачам?

Турраг-Мар растерялся, но, немного подумав, ответил:

— Пациент прибыл на борт «Тривендара» шесть дней назад, и за это время в его клиническом состоянии не произошло никаких изменений. Он пребывал таким, каким вы его видите теперь, — то есть в добром здравии. За время перелета у меня сложилось такое впечатление, что, несмотря на все, что рассказано о пациенте в объемистой истории болезни, в его заболевании немалую роль играет психологический компонент.

— Понимаю, доктор, — протянула медсестра. — Однако могу заверить пациента Хьюлитта в том, что, как бы сложны ни были его проблемы, мы постараемся сделать все возможное, чтобы разрешить их.

Турраг-Мар коротко залаял, и транслятор этот лай не перевел.

— Желаю удачи, — членораздельно добавил орлигианин.

— Итак, землянин, — сказала медсестра, когда орлигианин исчез в недрах переходного туннеля, — прошу вас, забирайтесь на носилки и устраивайтесь поудобнее. Я перевезу вас в седьмую палату на двадцать девятом уровне, где вы будете...

— Не собираюсь я никуда забираться. — Из-за злости, неуверенности и неприязни к чудовищному созданию голос его прозвучал громче, чем ему хотелось бы. — Сейчас со мной все в порядке, а уж с моими ногами — точно. Я сам пойду.

— Прошу вас, поверьте мне, ДБДГ, — принялась уговаривать Хьюлитта медсестра, — на носилках вам будет намного удобнее.

— Мне было бы намного удобнее, — огрызнулся Хьюлитт, — если бы вы перестали разговаривать со мной так, словно я — какое-то... существо. Всю дорогу это косматое орлигианское подобие врача только так обо мне и говорило с другими офицерами, а теперь и вы туда же? Я человек, я мужчина, «он», а не «оно». Будьте так добры, запомните это на будущее, медсестра.

Довольно долго медсестра не шевелилась и не произносила ни слова. Затем она проговорила:

— Я знаю, что вы человек и представитель разумного вида. Я прослушала курс лекций по анатомии разных видов и вижу, что вы — взрослая мужская особь, имеющая физиологическую классификацию ДБДГ, то есть человек-землянин, однако я вынуждена продолжать рассматривать вас как «оно» до тех пор, пока какие-либо проявления функции ваших репродуктивных органов и сопутствующие этим проявлениям эндокринные процессы не потребуют от меня учета вашего пола.

Увы, — торопливо добавила медсестра, — идентификация пола разных существ не всегда так легка, как в вашем случае, взять хотя бы меня. Мои сородичи, худлариане, за время жизни способны несколько раз сменить пол. А бы-

вают существа, которым для осуществления размножения требуется более двух полов. Тема эта крайне щепетильна, пациент Хьюлитт, и зачастую неверная идентификация может вызвать у существа раздражение, а представителей некоторых видов даже оскорбить. Полагаю, для вас будет удобнее и естественнее рассматривать любое существо, не принадлежащее к вашему виду, как «оно» — так же, как и мы будем рассматривать вас. А теперь прошу вас, пожалуйста, забирайтесь на носилки.

— У вашего вида что — проблемы со слухом? — заорал Хьюлитт. — Я же ясно выразился: я пойду пешком!

Медсестра промолчала, но чуть-чуть откинулась назад, так что ее чудовищная масса уравновесилась на средних и задних щупальцах. А два передних быстро развернулись — Хьюлитт не успел и оглянуться, как одно щупальце обвило его талию, а другое подхватило его под колени. Он взлетел в воздух и в мгновение ока очутился на носилках. Щупальца держали его крепко, но никаких неприятных ощущений Хьюлитт не испытывал. Он не стал вырываться, поняв, что с этими мягкими на ощупь, но прочными словно сталь щупальцами бороться бесполезно.

За тот краткий миг, что он висел в воздухе, Хьюлитт успел заметить, что обвившие его конечности инопланетянки могут выполнять роль как ног, так и рук. На тыльной поверхности щупалец располагалась загрубевшая костяшка — на нее существо наступало при ходьбе. При этом выступавшие перед костяшкой пальцы отгибались и подворачивались.

Мягкие ремни-крепления обхватили ноги Хьюлитта. С боков носилок выехали половинки прозрачного колпака и совместились. За спиной землянина мгновенно появилась спинка сиденья — она поднималась до тех пор, пока Хьюлитт не принял сидячее положение. «Ладно, — решил он, — по крайней мере я вижу и слышу все, что происходит вокруг».

К носилкам ему не привыкать — на них он вдоволь накатался по земным больницам, правда, тогда он не видел ничего, кроме скучнейших белых потолков и стен со светильниками. Ладно, зато сейчас он будет путешествовать сидя.

— Будь то пациенты или сотрудники, — заметила медсестра, ни словом не обмолвившись о том грубом методе, с помощью которого она водворила пациента на носилки, — новички всегда мечтают пройти по коридорам госпиталя пешком. Можете считать, что вам повезло. Вы — пациент, а пациентам в принципе тут пешком ходить не дозволено.

— Но я же могу идти! — возразил Хьюлитт, когда носилки мягко тронулись с места и направились к выходу в коридор.

— А большинство поступающих к нам больных, — парировала медсестра, — не могут ни ходить, ни разговаривать, ни даже смотреть по сторонам, ни — тем более — спорить с медсестрами и медбратьями. Из-за одного исключения общее правило отменять нельзя.

Носилки остановились около двери. Хьюлитт тут же закрыл глаза. Заставить себя снова открыть их он смог только спустя несколько секунд. Открыл — и ужасно порадовался тому, что его защищает прозрачный, но прочный колпак.

По широкому коридору сновали существа, которые могли привидеться только в самом кошмарном сне. Он с ужасом подумал о том, что некоторые из них непременно приснятся ему сегодня же. Оттого, что изредка на глаза попадались люди, легче не становилось — инопланетяне на их фоне выглядели еще отвратительнее. Некоторых из них отделяли друг от друга несколько ярдов, но чаще чудовища передвигались группами и проскакивали мимо на разной скорости. Попадались массивные создания со множеством щупалец, пугающие одними только своими размерами. Другие вызвали отвращение тошнотворными выростами или слоем слизи, покрывавшей их кошмарные бесформенные тела. Очертания у некоторых существ были настолько невероятные, что Хьюлитт с трудом верил собственным глазам. Навстречу ему, словно гусеница-сороконожка, ползло нечто, заросшее серебристой шерстью, и шерсть эта в такт движениям то собиралась в складки, то расправлялась. Хьюлитт вспомнил, что видел такое существо где-то на картинке и что оно родом с планеты под названием Кельгия.

Мимо протопал слоноподобный гигант на шести ногах, с четырьмя шупальцами и головой, похожей на гигантский неповоротливый купол, — тралтан. На членистых лапах процокал громадный краб с красиво и ярко окрашенным панцирем — и Хьюлитт припомнил, что такие называются мельфианами. Во весь дух промчалось невысокое — вдвое ниже человека создание, заросшее рыжей курчавой шерстью, — нидианин.

Нидианин легонько коснулся края носилок. Он что-то протягивал медсестре — наверное, обругал за неаккуратное вождение. Медсестра промолчала. Голос нидианина потонул в карканье, чириканье, лае — рядом стоял настоящий гвалт. Видимо, транслятор, установленный на носилках, был оборудован так, что переводил только разговоры медсестры и пациента.

Хьюлитт терпеть не мог, когда не понимал, о чем говорят рядом с ним... «Интересно, — думал он, — обеспечат ли меня мультитранслятором, пока я буду тут валяться? Небось не обеспечат, если медики тут такие же, как те, с которыми я сталкивался на Земле». Те-то точно не желали вводить пациента в курс своих разговоров о нем.

Особенно тогда, когда сами были в чем-то не уверены.

От неприятных воспоминаний о том, сколько раз его безуспешно пользовали на родине, Хьюлитта отвлекло зрелище гигантского металлического танка, мчавшегося прямо на носилки. Хьюлитт указал на танк и крикнул:

— Эй, сестра, как вас там! Сбавьте скорость, проклятие, и сверните в сторону!

Медсестра — ноль эмоций. Металлическое чудовище в последнее мгновение отвернуло в сторону и проскочило в считанных дюймах от носилок. Из-под приоткрытого колпака пахнуло горячим паром.

— Это защитное передвижное устройство СНЛУ, — пояснила медсестра. — Устройством пользуются привыкшие к условиям высокого притяжения существа, живущие в атмосфере с высоким давлением, изобилующей перегретым паром. Нам ничто не грозило.

Сестра оторвала одно шупальце от пульта управления носилками и, прежде чем продолжить пояснения, указала вперед по коридору.

— Вы, вероятно, уже успели заметить, что попадающиеся вам на глаза существа подразделяются на два четких типа: на тех, кто избегает столкновения с другими, и тех, с кем другие избегают столкновения. Это связано с различиями в занимаемых должностях. Эти различия отражены значками на повязках, размещаемых либо на конечностях, либо на других выступающих частях тела. Эти сведения я вам сообщаю для того, чтобы в дальнейшем вам легче было общаться с персоналом — докторами и медсестрами. Скоро вы научитесь распознавать значки. К примеру, на моей повязке значки говорят о том, что я — медсестра-практикантка. Вы сможете отличать мои значки от тех, которые увидите на повязках Старших сестер, интернов, сотрудников Отделения психологии, Старших врачей и диагностов.

Теоретически, — продолжала медсестра, — сотрудники высшего звена при проходе по коридорам пользуются преимуществом. Но многие полагают, что глупо страдать из-за контузий или более легких травм вследствие слишком буквального выполнения устава. Сотрудники предпочитают, невзирая на должность, уступать дорогу существам массивнее себя. Поэтому мне почти все уступают дорогу. Кроме того, если на носилках находится пациент вроде вас, предположительно нуждающийся в срочном оказании помощи, носилки имеют приоритет в передвижении, невзирая на то что ими управляет сотрудник низшего звена вроде меня.

Немного успокоившись, Хьюлитт стал с большим интересом разглядывать существ, сновавших по коридору, вместо того чтобы непрестанно зажимиваться при их приближении. «Ко всему на свете можно привыкнуть», — подумал он. Правда, несколько минут спустя ему уже так не казалось.

— Что... что за чудовище только что проскочило мимо нас?

Медсестра ответила только тогда, когда завернула за угол и тот, о ком ее спросил Хьюлитт, скрылся из глаз.

— Это существо, — ответила она, — принадлежит к физиологическому типу ПВСЖ. Это илленсианин, хлородышащее создание. В госпитале илленсиане вынуждены носить защитные оболочки, чтобы не погибнуть в кислородной среде. Эти существа наделены чрезвычайно острым слухом... Хорошо бы вам это запомнить и иметь в виду на будущее.

Хьюлитт не заметил у страшилища ничего, хотя бы смутно напоминавшего уши: он разглядел только мембрано-членистое тельце, похожее на ужасающую коллекцию маслянистых подгнивших растений, переваливающихся с места на место в желтом тумане, заполнявшем тонкую прозрачную оболочку.

— Медсестра, — выдавил Хьюлитт, с трудом сдерживая тошноту, — какое бы там ни назначили мне лечение, я не желаю, чтобы ко мне приближалось нечто подобное!

Речевая мембрана медсестры дрогнула, но транслятор молчал. Наконец медсестра проговорила:

— Через несколько минут мы прибудем в седьмую палату. Видимо, я буду участвовать в вашем лечении, пациент Хьюлитт. Если я могу помочь вам каким-либо советом немедицинского характера, вы только попросите, и я...

— Тут у вас вообще есть люди-врачи? — резко прервал медсестру Хьюлитт. — Я хочу, чтобы меня лечили мои соотечественники.

— В составе медперсонала много землян-ДБДГ, — вздохнула медсестра. — Но может случиться так, что они не захотят заниматься вашим лечением.

От изумления и недоверия Хьюлитт потерял дар речи. Только тогда, когда носилки нырнули в более узкий и не такой запруженный участок коридора, медсестра ответила на вопрос, задать который землянину не позволяла злость.

— Вы забываете, — сказала медсестра, — что у нас универсальный госпиталь. В Галактической Федерации он считается самым большим и самым лучшим. Сюда отбирают лучших из лучших. И существа, прибывающие в госпиталь на работу или на практику с родных планет, стремятся при-

обрести опыт в области многовидовой терапии и хирургии. Вам должно быть понятно, что никто из сотрудников не возьмется за ваше лечение по своей воле, а только тогда, когда получит соответствующее распоряжение. А распоряжение будет отдано на основании учета особенностей вашего заболевания. Вряд ли врачу-землянину понравится, если окажется, что он проделал такой долгий путь до Главного Госпиталя Сектора только для того, чтобы лечить ДБДГ — ведь их миллионы на Земле, да и на других населенных землянами планетах.

Ваши земные доктора и медсестры хотят работать с разными существами, — продолжала медсестра. — Вы поймете, что это хорошо, поскольку и врач, и сестра всегда с большим вниманием и заботой относятся к больному другого вида, отличного от их собственного. Когда врач и пациент принадлежат к одному и тому же виду, порой могут быть допущены профессиональные небрежности или неверные предположения. Порой важные симптомы прячутся за кажущимся знакомством с физиологией пациента. К счастью, подобные ошибки довольно редки. Но когда лечением пациента ведает врач другого вида, он ни о чем, касающемся своего пациента, не думает как о само собой разумеющемся. Физиологические различия вынуждают врача быть крайне внимательным, и тогда частота клинических ошибок поистине ничтожна. Прошу вас, поверьте мне: вы попадете в очень надежные руки... ну или какие-нибудь еще конечности.

И еще помните, пациент Хьюлитт, — добавила медсестра, когда носилки резко изменили направление и въехали в широкие двери, — для меня вы — инопланетянин, со всеми вытекающими из этого последствиями. Мы прибыли.

Седьмая палата представляла собой просторное, залитое ярким светом помещение. Длина палаты раз в пять превышала ее ширину. По обе стороны от прохода двумя рядами выстроились кровати. В том, что это именно кровати, Хьюлитт ни на секунду не усомнился, хотя форма у них была просто сумасшедшая, размеры — самые разнообразные, а

над некоторыми нависало оборудование немислимого назначения. Между тем одна из кроватей, стоявшая в дальнем конце палаты, вполне подошла бы землянину. Налево от входа располагался сестринский пост и устройство для выдачи питания — их от палаты отделяли прозрачные стенки. Носилки проехали мимо слишком быстро, и Хьюлитт не успел разглядеть, кто находится на посту.

Из-за того, что сестринский пост и кухня занимали довольно много места, по левой стороне стояло всего восемь кроватей, а у противоположной стены уместилось целых двенадцать. Некоторые из них были отгорожены ширмами. Из-за одной такой ширмы доносились приглушенные бульканья и лай каких-то инопланетян, но совещались ли там медики, или просто кто-то сплетничал — при всем своем желании понять этого без транслятора Хьюлитт не мог. Может быть, там вообще лежал тяжелобольной? Но прежде чем Хьюлитт успел открыть рот и спросить, носилки остановились и он был мягко приподнят и опущен на стул около своей кровати.

Указав поочередно на три двери в стене, параллельной кровати, медсестра сообщила:

— За первой дверью располагается кабина для освобождения от физиологических отходов, за второй дверью — ванная. Туда, как и в туалет, ходят больные разных видов. За третьей дверью располагаются туалет и ванная для лежащих больных. Тумбочка около вашей кровати точно такая же, как та, которой вы пользовались на «Тривендаре». Чуть позже сюда принесут ваши личные вещи. Вот кнопка вызова — на тот случай, если вам что-то понадобится. Кроме того, в потолок над кроватью вмонтирована видеокамера. За всеми больными наблюдают с сестринского пульта, и если вам потребуется помощь, но вы не в силах будете нажать на кнопку, к вам тут же подойдет медсестра — она видит вас на мониторе. Лампой для чтения вы можете управлять, как вам будет удобно, и свет не будет мешать другим пациентам, когда они отдыхают. Вот здесь у вас плеер, вот здесь — наушники, а это — небольшой видеозэкран,

настроенный на внутрибольничный развлекательный канал. Программы, правда, были записаны довольно давно, так что, вероятно, вам не захочется их смотреть — ну, разве что для того, чтобы побыстрее заснуть без снотворного.

Ваша кровать номер восемнадцать, — продолжала пояснения медсестра. — Она стоит наиболее удобно по отношению к туалету и ванной и наиболее удалена от сестринского поста и входной двери. В госпитале существует такое поверье, что чем ближе кровать ко входу, чем ближе до нее докторам и дежурной сестре, тем серьезнее заболевание пациента и тем хуже прогноз. Возможно, в этом смысле расположение вашей кровати вас немного утешит.

А теперь, — торопливо проговорила медсестра, — пациент Хьюлитт, прошу вас, раздевайтесь, наденьте больничную одежду, которая висит у вас на стуле, и побыстрее укладывайтесь в кровать, пока не пришла Старшая медсестра. Я буду рядом. Если понадобится — зовите.

Медсестра отошла в сторону, откатила носилки, из щелей в потолке выехали стенки ширмы.

Хьюлитту показалось, что он ужасно долго держал в руках больничную одежду. Одежда была белая, мягкая, бесформенная и, как всегда, на пару размеров меньше. Хьюлитту не хотелось валяться в кровати в этих тряпках. Ему хотелось посидеть на стуле и хоть недолго полелеять чувство собственного достоинства, оставаясь в своей ладно скроенной одежде. Но тут он вспомнил о чудовищной силе медсестры и о ее последней фразе насчет «если понадобится». Что в ней заключалось, в этой фразе? Уж не вежливое ли предупреждение о том, что, если он не разденется сам, его разденут насильно?

Нет уж. Такого удовольствия он этой поганке не доставит.

Забираясь в кровать, Хьюлитт расслышал тихий, скользящий звук, совсем непохожий на звук шагов. Слова, переводимые транслятором, сопровождало крайне неприятное шипение.

— Медсестра, — проговорил кто-то за ширмой. — У вас уже краска осыпается. Побыстрее отдайте мне историю бо-

лезни пациента, отчитайтесь и отправляйтесь немедленно в столовую.

— Хорошо, Старшая сестра, — послышался голос медсестры-худларианки. — Когда медик с корабля «Тривендар», хирург-лейтенант Корпуса Мониторов по имени Турраг-Мар вручил мне историю болезни, он сказал, что за время пути никаких значительных изменений в симптоматике и физическом состоянии пациента Хьюлитта он не отметил, однако высказал предположение о наличии в его заболевании психологического компонента. Единственным подтверждением этого является ярко выраженная ксенофобическая реакция, имевшая у пациента место за время его доставки в палату. Я была готова к тому, что у пациента были крайне редкие — если вообще были — контакты с существами других видов, и понимала, что скорее всего он сильно разволнуется при виде сотрудников, путешествующих по коридорам. Согласно данным мне распоряжениям, я должна была производить доставку больного так, чтобы он имел возможность видеть сотрудников, с тем, чтобы хоть немного подготовить его к более близким контактам с ними в палате. Похоже, пациенту удалось справиться с ксенофобией в отношении всех видов, за исключением одного, который пока представляется ему визуально отталкивающим...

— Благодарю вас, медсестра, — прервал отчет другой голос. — А теперь поторопитесь. Вам немедленно нужно подкрепиться, иначе вы упадете от голода. С этого момента я беру ответственность за пациента на себя.

Стенки ширмы поднялись к потолку и исчезли в щелях. Перед изумленным взором Хьюлитта предстало отвратительнейшее создание. Хьюлитт инстинктивно вжался в подушку, беспомощно пытаясь увеличить расстояние между собой и этой жуткой тварью.

— Ну, как мы себя сегодня чувствуем, пациент Хьюлитт? — сказала жуткая тварь. — Я — Старшая сестра Летвичи, и, как вы уже, по-видимому, заметили, я — илленсианка...

Глава 2

Внутри наполненной хлором оболочки зашевелились толстые, мясистые желто-зеленые листочки. Они развернулись и обнажили две короткие лапки, покрытые чем-то вроде маслянистых волдырей. Страшилище приблизилось к Хьюлитту.

— Не надо бояться, пациент Хьюлитт, — посоветовала Летвичи. — Ближе я к вам не подойду, прикасаться к вам не буду — разве что только в том случае, если возникнет экстренная необходимость. Попробуйте представить себе, как для меня с эстетической точки зрения выглядит ваше тело, покрытое гладкой розовой дряблой кожей, — может быть, от этой мысли вам станет немного легче. Так вот: не пытайтесь продавить спиной стену палаты, у вас все равно это не получится, и послушайте меня. Если вам так будет спокойнее, можете закрыть глаза. Во-первых, когда вы в последний раз принимали пищу? Во-вторых, не чувствуете ли острой потребности освободиться от органических отходов? Отвечайте.

— Х-хорошо, — выдавил Хьюлитт. Он не внял совету медсестры и глаза не закрыл. Наоборот, он пытался заставить себя получше рассмотреть стоявшее перед ним существо. Смотреть в глаза собеседницы он не мог при всем своем желании — он не мог понять, какие из темных влажных выпуклостей в промежутках между маслянистыми листочками и перепонками — глаза. — П-пищу я принимал как раз перед тем, как покинул корабль. А в туалет я не хочу.

— Следовательно, у вас нет причин покидать постель, — заключила сестра. — Поэтому, пожалуйста, оставайтесь в кровати до прихода Старшего врача Медалонта. Он осмотрит вас и вынесет официальное заключение — разрешит вам передвигаться по палате без моей помощи. Примерно часа через три состоится очередной прием пищи. Ваш осмотр пройдет до еды. Насчет осмотра не беспокойтесь, пациент Хьюлитт. Он будет носить неинвазивный характер и большей частью будет заключаться в опросе.

Когда вам будет разрешено встать с постели, я выдам вам транслятор, запрограммированный на перевод языков, которыми пользуются находящиеся в этой палате пациенты и обслуживающий персонал. Судя по всему, в прошлом ваши контакты с представителями других видов были многочисленны. Здесь это упущение будет ликвидировано. Как только захотите, можете обращаться к другим пациентам, но только так, чтобы не мешать сотрудникам. Те пациенты, кровати которых закрыты ширмами, либо получают какие-то процедуры, либо отдыхают, либо изолированы по какой-либо еще причине. Их беспокоить нельзя. Большинство пациентов поговорят с вами, если пожелают. Относительно их отталкивающей внешности вам волноваться не стоит, поскольку здесь все пациенты уродливы, огромны и внешне отвратительны.

Все — без исключения.

У Хьюлитта мелькнула мысль: уж не сверкнули ли искорки насмешки во влажных темных пузырьках, которыми смотрела на него медсестра, но он тут же отверг эту мысль — она показалась ему совершенно нелепой.

— Кровать напротив вас занимает пациент Хенредт, кельгианин, — продолжала пояснения Старшая медсестра. — На лево по диагонали от вас лежит пациент Клетилт, он с Мельфа, а рядом с вами — ианин по имени Маколли. Его сегодня переводят на сорок седьмой уровень, поэтому с ним вы пообщаться, увы, не сумеете. Кто займет его место, я пока не знаю. А сейчас, пациент Хьюлитт, я советую вам отдохнуть. Может быть, вам удастся поспать до прихода врача.

Части тела Летвичи зашевелились и сложились в обратном порядке. Хьюлитт понял, что она собирается уходить. Наконец-то отвратительное создание покидает его. И тут его как будто кто за язык дернул — Хьюлитт и сам не понял, зачем сказал:

— Старшая сестра, я не испытываю желаний разговаривать здесь с кем бы то ни было — ну разве только в том случае, если это будет крайне необходимо для моего лечения. Но есть одна... личность, к которой я мог бы обращаться, не чувствуя такого... неудобства. Это та медсестра,

что привезла меня в палату. Я бы не возражал, чтобы она приняла участие в моем лечении, и предпочел бы, если бы мне что-то понадобилось, вызывать ее. Прошу вас, скажите мне, как ее зовут?

— Не скажу, — решительно отозвалась Летвичи. — Поскольку она единственная худларианка, работающая у меня в палате, у вас не будет трудностей с тем, чтобы вызвать ее. Просто укажите в ее сторону верхней конечностью и громко скажите «медсестра», вот и все.

— Там, откуда я родом, — парировал Хьюлитт, — подобное поведение считается исключительно невежливым. Вы что, нарочно не хотите мне помочь? Свое имя вы мне назвали, сказали, как зовут пациентов, чьи кровати стоят рядом с моей, так почему вы отказываетесь сообщить мне имя худларианки?

— Потому, — ответствовала Летвичи, — что сама его не знаю.

— Это же глупость какая-то! — взорвался Хьюлитт. Он больше не в силах был сдерживаться, общаясь с этой тошнотворной и, судя по всему, заносчивой тварью. — В вашем ведении — весь средний персонал палаты, и вы хотите, чтобы я поверил, будто вам неизвестны имена сотрудников? Вы что, меня за идиота принимаете? Впрочем, ладно. В следующий раз увижу медсестру и сам у нее спрошу, как ее зовут. Она мне скажет.

— Надеюсь, она этого не сделает, — резко воскликнула Старшая медсестра. Что-то она такое произвела со своим телом, из-за чего оно снова развернулось и вновь оказалось в неприятной близости от кровати. — Что касается уровня вашего идиотизма, пациент Хьюлитт, — добавила Летвичи, — я предпочту на эту тему не высказываться, так как скована правилами хорошего тона. Вы не то чтобы глупы, вы скорее пребываете в неведении. Развеять ваше неведение мне позволительно.

У нашей медсестры-худларианки на одной конечности имеется повязка, где обозначены ее должность и персональный номер, — пояснила Летвичи. — Номер используется в административных целях, и это единственное определение

личности худларианки, нам известное. В связи с тем, что представители других видов не умеют различать худлариан внешне, в случаях необходимости к ним обращаются, называя последние цифры этого номера. По имени худлариан никто не зовет, поскольку они к своим именам относятся как к чему-то очень личному и сокровенному. У представителей их вида принято называть друг друга по имени только в кругу семьи или при общении с теми, с кем они собираются вступить в супружескую связь, непосредственно перед соитием.

Похоже, вы ощущаете некоторую симпатию к нашей медсестре-худларианке, — добавила Старшая сестра. — Однако, учитывая вышеизложенное, вам лучше не заводить с ней разговора о том, как ее зовут.

Летвичи удалилась на сестринский пост, по пути издавая противные неперебиваемые звуки, напоминавшие те, которые мог бы издавать больной с тяжелой дыхательной недостаточностью. Между тем скорее всего то был илленсианский эквивалент смеха. Хьюлитта бросило в жар. Ему казалось, что воздух в палате нагрелся от его пылающих щек. Он упал на подушку и уставился в объектив видеокамеры, гадая, не вызовет ли покраснение его щек тревогу еще у какого-нибудь мерзкого страшилища, которое поспешит явиться к нему на помощь.

Не вызвало. Минуло несколько минут, но никто к Хьюлиту не прибежал. Это радовало, однако к радости примешивалось раздражение. Никто к нему не шел — уж не значило ли это, что для того, чтобы привлечь внимание сотрудников, ему нужно упасть с кровати, сломать руку или совершить еще что-либо, столь же мелодраматическое? Хьюлитт успокоился, но на смену раздражению явилось старое, знакомое чувство злости и отчаяния.

«Зря я согласился сюда отправиться».

Он лежал и осматривал палату, уставленную большими замысловатыми кроватями. Увы, не все пациенты, занимавшие эти кровати, были сейчас скрыты от его взгляда ширмами. Со стороны сестринского пульта доносился приглушенный лай, стоны и бульканье. К счастью, расстояние мешало Хьюлиту как следует разглядеть тех, кто вел эти

«разговоры». Он всегда недолюбливал незнакомцев. Не радовали его даже встречи с родственниками, которых он подолгу не видел, — за время разлуки они так отвыкали друг от друга, что их приезд вносил беспорядок в привычную, удобную, организованную, одинокую и более или менее счастливую жизнь, которую создал себе Хьюлитт. А теперь он оказался среди незнакомцев, незнакомых настолько, что такого он в жизни и представить себе не мог. И виноват в этом он, и только он.

Хьюлитту советовали не соглашаться на лечение в Главном Госпитале Сектора — советовали многие земные врачи, знакомые с его психопрофилем и считавшие, что госпиталь — не самое подходящее для Хьюлитта место. Однако земные доктора ничего с хворью Хьюлитта поделать не могли, кроме как утверждать очевидное: то, что симптомы болезни необычно разнообразны, неспецифичны и никак не поддаются ликвидации на фоне назначаемого лечения. Высказывались предположения, что виной всему был слишком деятельный разум Хьюлитта, оказывавший непропорционально сильное влияние на его тело.

Одиночество Хьюлитта скорее было вынужденной необходимостью, нежели его собственным выбором. Ему приходилось самому заботиться о собственном благополучии, в том числе избегать несчастных случаев — болезней и инфекции. Но ипохондрик, по крайней мере закоренелым ипохондрик, его считать было нельзя. Он понимал, что с ним происходит что-то очень серьезное, и раз так, то в условиях нынешнего уровня развития медицины он имел право требовать, чтобы кто-нибудь где-нибудь вылечил его.

Да, ему совсем не хотелось находиться среди чужаков, но точно так же ему не улыбалась перспектива то и дело страдать непонятно чем и непонятно от чего, страдать до конца жизни. Поэтому он и настаивал на своем праве на лечение. А теперь он гадал — не лучше ли было бы ему остаться на Земле и тихо и спокойно умереть там. Еще неизвестно, что заставит его сильнее мучиться — болезнь или здешнее лечение и здешние доктора.

И Хьюлитту резко захотелось домой.

Вдруг его внимание переключилось на сестринский пост. Там появились две фигуры. Покинув пост, они направились по палате прямо к Хьюлитту. Первое из существ представляло собой удлиненное, толстое, поросшее серебристой шерстью создание. Оно передвигалось по полу, переступая короткими ножками, их количество Хьюлитт пересчитать не смог. Существо явно принадлежало к тому же виду, что и пациент Хенредт — чья кровать стояла рядом с кроватью Хьюлита. Рядом с серебристым существом шла медсестра-худларианка. Хьюлитт почему-то уже считал ее своей — может быть, потому, что та была вежлива с ним. Похоже, со времени их первой встречи пятна белой краски на боках худларианки обновились. В земных больницах косметикой пользовались немногие медсестры и при этом наносили ее на лица.

Хьюлитт на миг задумался: кажется ли его медсестра другим худларианам красавицей? Так и не успев найти для себя ответа на этот вопрос, Хьюлитт сел и приготовился к первому обследованию на новом месте, которое должен был произвести гигантский инопланетянин-гусеница. Но и серебристошерстый доктор, и медсестра-худларианка до Хьюлитта не дошли, а остановились около соседней кровати, занятой пациентом Клетилтом, и зашли за ширму. На Хьюлитта они и внимания не обратили.

До него доносились их негромкие голоса. Разновысокие постанывания исходили, видимо, от врача, неупорядоченные поскрипывания и пощелкивания, каких Хьюлитту прежде никогда не доводилось слышать, по всей вероятности, принадлежали пациенту-мельфианину. Кто-то третий издавал короткие отрывистые звуки. Хьюлитт вспомнил, что так звучит речевая мембрана худларианки. Наверное, медсестра отвечала на вопросы врача. Ни один из трансляторов не был настроен на человеческую речь, поэтому Хьюлитт не мог понять, о чем эта троица разговаривает.

Это ужасно раздражало Хьюлитта, тем более что он отчетливо видел, как материал, из которого была изготовлена ширма, то и дело выгибается, как будто за ним движется то что-то большое и круглое, вроде боков худларианки, а то —

что-то маленькое и острое. Хьюлитту, хоть он и должен был, по идее, испугаться, стало любопытно, что же происходит за ширмой.

Что бы там ни происходило, продолжалось это минут двадцать. Затем из-за ширмы выполз доктор-кельгианин и направился к сестринскому посту, даже не взглянув на Хьюлитта. Землянин слышал, как медсестра-худларианка ходит около кровати Клетилта — видимо, она что-то делала с пациентом. Потом и она вышла из-за ширмы и поспешила за врачом. Хьюлитт не послушался совета Летвичи — не ткнул пальцем в сторону худларианки и не прокричал «медсестра!», — он только помахал худларианке рукой.

Медсестра остановилась, перестроила транслятор и спросила:

— Что-нибудь случилось, пациент Хьюлитт?

«Тупица! — подумал Хьюлитт. — Уж могла бы понять, что случилось!»

Однако он ответил как можно вежливее:

— Вроде бы меня должны были осмотреть, медсестра. Что происходит? Этот доктор на меня не взглянул!

— Этот доктор, — ответствовала медсестра, — организует перевод Клетилта в другую палату, а я занималась перемещением больного в процессе осмотра. Это Старший врач Картгад. В настоящее время он занимает пост Главного акушера-гинеколога, и ваш случай к его профилю не относится. Подождите немного, пациент Хьюлитт. Скоро к вам придет ваш лечащий врач.

Глава 3

Мельфиан Хьюлитт видел раньше только на фотоснимках. За время пути от приемного покоя до палаты на глаза ему попадались и живые экземпляры этого вида. Теперь совсем рядом с ним неподвижно стоял мельфианин, похожий на краба-переростка. Хьюлитт не стал разглядывать

тонкие трубчатые лапки, торчащие из щелей в толстом панцире. Он во все глаза смотрел на голову мельфианина — на большие глаза с вертикально поставленными веками, чудовищные челюсти и клешни, торчавшие оттуда, где, по идее, должны были располагаться уши. Из углов рта мельфианина росли два усика, такие длинные, тонкие и хрупкие, что по сравнению со всей фигурой выглядели даже как-то странно. Страшная голова мельфианина склонилась, и прозвучал стандартный вопрос:

— Ну, как мы себя чувствуем, пациент Хьюлитт?

Хьюлитт дал столь же стандартный ответ:

— Прекрасно.

— Хорошо, — откликнулся врач. — Я — доктор Медалонт. Я хотел бы произвести ваш первичный осмотр и задать вам несколько вопросов, если вы не возражаете. Прошу вас, пожалуйста, откиньте одеяло и лягте на живот. Раздеваться не нужно — одежда не мешает сканеру обследовать вас. В процессе обследования я буду давать вам необходимые разъяснения.

Сканер представлял собой небольшой плоский, прямоугольный предмет, напомнивший Хьюлитту древнюю книгу. В «корешке» этой «книги», по словам Медалонта, размещались устройство глубинной фокусировки и система увеличения изображения. В матово-черной «нижней части обложки», которую врач медленно перемещал над каждым квадратным дюймом тела Хьюлитта, располагались микродатчики. Верхняя же часть «обложки» являла собой экранчик, на котором врачу были видны органы и структуры. Увеличенное изображение с экрана сканера передавалось на прикроватный монитор — видимо, для удобства медсестры. Хьюлитт вывернул голову, чтобы посмотреть на экран монитора.

— Перестаньте вертеться, пациент Хьюлитт, — проворчал доктор. — Теперь, пожалуйста, лягте на спину. Благодарю вас.

Одна из мельфианских клешней мягко взяла Хьюлитта за запястье и ровно уложила его руку вдоль тела. Один усик развернулся и улегся перпендикулярно сгибу локтя, а второй легко, словно перышко, пробежался по носу и губам

Хьюлитта, из-за чего ему ужасно захотелось чихнуть. Несколько минут спустя доктор убрал от пациента усики и клешни и выпрямился.

— Если я верно помню анатомию землян-ДБДГ и их жизненно важные параметры, — проговорил врач, добавив к сказанному серию негромких непередаваемых щелчков — вероятно, так мельфиане усмехались, — я склонен согласиться с тем диагнозом, который вы сами себе поставили. За исключением незначительного напряжения мышц, а в данных обстоятельствах это вполне понятно, ваше состояние можно считать весьма удовлетворительным.

«Вот так они всегда говорят. Сколько раз мои обследования заканчивались именно этими словами!» — сердито подумал Хьюлитт. Попадались ему и такие врачи, которые смеялись над ним или обвиняли его в том, что он понапрасну оторвал их от работы. Этот Медалонт вроде бы малый вежливый, хоть и инопланетянин. Наверное, и этот тоже поинтересуется, зачем его сюда пригласили.

Ничего подобного — не поинтересовался. Немного подумав, Медалонт протянул:

— Мне бы хотелось задать вам несколько вопросов, пациент Хьюлитт. Подобные вопросы вам задавали много раз. Ваши ответы на них приведены в истории болезни. Но я полагаю, что ваши ответы — именно из-за того, что вы повторяли их неоднократно, — могли со временем стать неточными или неполными. Вероятно, мне удастся ликвидировать пробелы, сделанные моими предшественниками. За исключением того, что вы в раннем детстве жили на Этле, больше вы Землю не покидали. Верно?

— Верно, — отозвался Хьюлитт.

— Имели ли вы на Этле контакты с представителями других видов?

— Помнится, я видел там кое-каких неземян, — отвечал Хьюлитт. — Но не настолько хорошо рассмотрел их, чтобы суметь сейчас описать. Тогда мне было всего четыре года, и я их боялся. Родители говорили, что с возрастом это пройдет, но все же старались держать меня в своей

комнате, если к ним в гости приходили инопланетяне. Но с возрастом у меня ничего не прошло.

— Время еще есть, — фыркнул Медалонт. — Что вы помните о своих болезнях в детстве? Начните с самых ранних воспоминаний, прошу вас.

— Помню я очень немного, — отозвался Хьюлитт. — Как я узнал позднее, я рос очень здоровым ребенком. Но когда мои мать и отец погибли в авиакатастрофе, было решено, что я отправлюсь на Землю к бабушке и дедушке, и меня привили от самых распространенных земных детских и взрослых болезней. Вот тогда-то и начались неприятности. В ту пору на Этле жило очень мало землян, и поскольку мои родители не собирались возвращаться на Землю, у них не было нужды делать мне прививки.

— Причина этого вам известна? — спросил доктор.

— Думаю, да, — вздохнул Хьюлитт.

— В таком случае изложите мне свои соображения, — попросил Медалонт. — Если вы скажете мне об этом, вероятно, вам станет легче жить среди чужаков — ведь именно так вы нас называете.

Хьюлитт не любил, когда над ним подсмеивались. Он не был ни глупым мальчиком, ни выжившим из ума старикашкой, и его раздражало то, что какой-то там медик-всезнайка намекает, что он несообразителен или, еще того хуже, необразован. Хьюлитт процедил:

— Если вы чихнете, ваши мельфианские микробы не принесут мне вреда, и наоборот. Точно так же и с другими видами в стенах госпиталя. Все дело тут в эволюции и окружающей среде. Микробы, возникшие на одной планете, не могут инфицировать существ с другой планеты и вызывать у них заболевание. На Земле поговаривают, что бывали времена, когда кое-где в больницах, содержавшихся без должного усердия, можно было заразиться болезнями от других пациентов. Правда, иногда, что значительно приятнее, можно было заразить своей болезнью еще кого-нибудь.

Не потому ли в этой палате лежат только по одному представителю разных видов? «Ну, и как тебе необразован-

ный землянин?» Для того чтобы свести к минимуму риск перекрестного заражения?

Доктор Медалонт моргнул — так громко, что Хьюлитт услышал треск его панцирных век, — и ответил:

— Подобную причину в госпитале официально не признали бы. Есть другие причины. Похоже, вы неплохо подкованы в медицине. А теперь не будете ли вы настолько добры вернуться к рассказу о том, когда впервые ощутили симптомы болезни?

— Я так наслушался врачей, которые столько лет подряд обсуждали мою историю болезни, — отозвался Хьюлитт, — что, сам того не желая, многое узнал. Хорошо, вернемся к симптомам. После того как я получил первую прививку перед возвращением на Землю, мне сказали, что у меня была плохая реакция на иммунизацию: высокая температура, сыпь, воспаление слизистых оболочек. Все это через несколько дней прошло. Однако эти симптомы не имели почти ничего общего с течением даже в самой легкой форме того заболевания, от которого меня прививали. Такая же картина повторялась на Земле. Болезнь одна — симптомы другие, время выздоровления — не такое, как у всех. Помню и другие случаи, когда мне просто нездоровилось, когда я вдруг чувствовал резкую усталость и слабость, хотя играл с товарищами не в такую уж напряженную игру. То я недомогал и чувствовал тошноту безо всякой причины, то у меня немного подскакивала температура, то я покрывался красными пятнами. Правда, все эти симптомы были не так уж серьезны и не причиняли мне таких уж неудобств, чтобы я помнил все подробности или мог сказать, как долго они длились. Бабушка с дедушкой немного беспокоились, но не паниковали. Они показали меня местному врачу, и тот сказал им, что я — крайне болезненный ребенок, готовый в любой момент подцепить любой из вирусов, поименованных в справочнике.

Но ведь я не был болезненным, — вскричал Хьюлитт, злясь на свое прошлое, когда его впервые незаслуженно обидели. — В промежутках между болезнями я чувствовал

себя превосходно, и меня всегда зачисляли в сборную по легкой атлетике, когда...

— Пациент Хьюлитт, — вмешался Медалонт. — Эти эпизоды тошноты, незначительных кожных высыпаний и другие симптомы, которые, как вам в то время казалось, не были связаны с профилактическими прививками... Не следовали ли они за приемом каких-то медикаментов? К примеру, не отмечали ли вы чего-либо подобного после приема мягких средств от головной боли или какого-либо анестетика, который вам могли назначить при ушибе, полученном во время спортивных соревнований? Вероятно, вы могли быть в таких обстоятельствах слишком взволнованны, чтобы запомнить, но все же? Может быть, такое происходило, когда вы съедали что-либо такое, чего бы вам есть не следовало? Например — что-либо сырое или незрелое?

— Нет, — ответил Хьюлитт. — Если бы кто-то въехал мне в живот во время игры, я бы такое запомнил. Если бы я съел какую-нибудь гадость, а потом мне стало плохо, я бы тоже этого не забыл — по крайней мере ради того, чтобы снова такую же гадость не съесть. Я и сейчас не дурак, и тогда дураком не был.

— Не сомневаюсь, — фыркнул доктор. — Прошу вас, продолжайте.

Сердито и раздраженно Хьюлитт продолжил рассказ, ему уже столько раз приходилось это делать — излагать свою печальную повесть множеству медиков, не слишком искренне пытавшихся скрыть нетерпение, выслушивая его. Он описывал внезапное появление самых разнообразных симптомов, возникавших безо всякой видимой причины. Он говорил о том, что, хотя эти симптомы и причиняли ему некоторое неудобство и порой сильно его озадачивали, все же никогда не бывали настолько серьезны, чтобы выводить его из строя. В возрасте девяти лет, через пять лет после того, как Хьюлитт вернулся на Землю, бабушка отвела его к семейному врачу. Врач внес первый положительный — а возможно, и совершенно отрицательный, — вклад в лечение Хьюлитта. Он решил при появлении необъяснимых и не слишком болезненных симптомов не назначать

ему никаких лекарств. Доктор посчитал, что количество и разнообразие симптомов у мальчика прямо пропорционально объему принимаемых лекарств. Поэтому ему представилось разумным отменить всякие лекарства и понаблюдать за тем, во что это выльется. Бабушке он сказал, что она может приводить мальчика к нему, как только симптомы появятся вновь, но что с этих пор лечение ограничится только обсуждением симптомов.

Кроме того, Хьюлитта отвели к психиатру, который в течение нескольких недель терпеливо и участливо выслушивал его, после чего заявил бабушке Хьюлитта, что мальчик физически здоров, очень развит и отличается богатым воображением. Он обещал, что все проблемы исчезнут сами собой после полового созревания.

— Позднее я понял, — продолжал Хьюлитт, — что оба доктора не верили в то, что я страдаю чем-то серьезным. Психиатр выразил свою точку зрения на сей счет в вежливых полунамеках, а терапевт сделал то же самое в виде отсутствия каких бы то ни было назначений. И он оказался прав. В течение трех лет после того, как он отменил лекарства, симптомы у меня стали появляться все реже, а если и появлялись, то не в такой ярко выраженной форме, как раньше. Я перестал обращать на них внимание за исключением тех случаев, когда у меня на открытых местах тела появлялась легкая сыпь. Не обращал внимания и другим об этом не говорил. Но как только я вступил в пору полового созревания, беды начали происходить каждые несколько недель, и некоторые симптомы носили поистине обескураживающий характер. Но наш семейный терапевт все равно воздерживался от назначения мне лекарств. Со временем частота возникновения симптомов снова уменьшилась. С четырнадцати до двадцати лет у меня было только три... ну, скажем так, серьезных приступа, но в промежутках между ними случалось много всего удручающего...

— Вот теперь я понимаю, — вмешался Медалонт, — почему в вашей истории болезни так настойчиво рекомендуется воздерживаться от назначения вам каких-либо лекарственных препаратов без предварительной беседы с вами. Ваш местный врач — здравомыслящее существо, чего нельзя

сказать о большинстве из нас, молодых и рьяных медиков. Он решил в ситуации, когда испытывал сомнения и когда болезнь не угрожала жизни пациента, ничего не предпринимать. Но теперь, когда эпизоды вашего заболевания участились и стали доставлять вам больше беспокойства, вам придется довериться нам. Если вы хотите, чтобы мы вылечили вас, мы не сможем и впредь ничего не делать.

— Это я понимаю, — вздохнул Хьюлитт. — Мне продолжать?

— Попозже, — ответил врач. — Скоро вам принесут обед, а Летвичи отругает меня, если я заставлю вас голодать. Медсестра, переключите транслятор на консультативный режим.

Мельфианин поднял клешню, худларианка — шупальце, и оба они одновременно коснулись клавиш на пульте трансляторов. Последовал короткий обмен фразами, Хьюлитту совершенно непонятными. Выдержав минуты три, Хьюлитт не смог больше сдерживать злость и отчаяние.

— Что вы там такое обсуждаете? — взорвался он. — Говорите так, чтобы я мог вас понимать, проклятие! Все вы одинаковые! Думаете, что я все выдумываю, что я совершенно здоров и что просто у меня слишком богатое воображение? Вы ведь так думаете?

Врач и медсестра снова прикоснулись к клавишам на пультах трансляторов, и Медалонт изрек:

— Можете слушать наш разговор, если хотите, пациент Хьюлитт. Мы ничего не собираемся от вас скрывать, кроме как, пожалуй, некоторого нашего замешательства относительно вашего случая. А вам так важно знать, что о вас говорят?

— Я не люблю, когда меня считают лжецом, — немного успокоившись, проворчал Хьюлитт. — Или когда кто-то думает, что со мной все в порядке.

Доктор немного помолчал и сказал:

— В ближайшие дни и недели с вами будут беседовать многие незнакомые существа. Они многое будут думать о вас, попытаюсь найти причины вашей болезни. Но одного они точно не будут думать о вас — того, что вы лжец. Если бы с

вами было все в порядке, вы бы здесь не находились. Извините меня.

Я почти не сомневаюсь в том, — добавил Медалонт, развернув свои выпуклые глазища к медсестре, — что психологический момент в заболевании пациента Хьюлитта действительно имеется. Мы будем продолжать его клиническое обследование и попросим, чтобы параллельно его обследовали специалисты из Отделения Психологии. Учитывая имеющуюся у пациента некоторую ксенофобию, будет лучше, если им займется кто-нибудь из его соотечественников — О'Мара или Брейтвейт...

— Со всем моим уважением, доктор, — встряла медсестра, — я бы не стала приглашать майора О'Мару.

— Вероятно, вы правы, — согласился Медалонт. — О'Мара принадлежит к тому же виду, что и пациент, он талантливый психолог, но, увы, не слишком приятное существо. Тут нужен кто-нибудь помягче. Что ж, тогда пусть будет лейтенант Брейтвейт.

А пока, — продолжал врач, — никаких лекарств больному назначать не будем, за исключением легкого успокоительного — в том случае, если пациент попросит сам. У пациента нет опыта пребывания в одном помещении с представителями других видов, поэтому у него могут возникнуть сложности с засыпанием. Однако внимательно следите, не возникнут ли у пациента на фоне приема успокоительных средств болезненные симптомы. Они могут возникнуть внезапно, резко и оказаться необычайно тяжелыми. Поэтому мне хотелось бы не только постоянно вести визуальное наблюдение за пациентом, когда он находится в постели, но и следить за его состоянием, когда он будет передвигаться по палате, дабы удовлетворить свое любопытство и, если общее состояние других пациентов позволит, вступать с ними в беседы. Необходимо обеспечить пациента Хьюлитта персональным датчиком с выходом на ваш сестринский монитор. Я не ввожу никаких ограничений в его диету, но хорошо бы, если в течение некоторого времени еду ему подавали бы к кровати.

Доктор Медалонт перевел взгляд на Хьюлитта и добавил:

— Многие из поступающих к нам пациентов поначалу испытывают отвращение при виде того, как едят другие. Так что вам нечего стыдиться. Когда я впервые увидел, как едят кельгиане свое любимое рагу из глансов, меня чуть не вывернуло наизнанку.

— Нет! — выкрикнул Хьюлитт, пытаясь сдержать нарастающую панику. — Я не буду ни есть, ни общаться с кем бы то ни было из тех, кто тут лежит. Тот... ну, тот громадный слон, которого я видел... его кровать сразу около сестринского поста... у него такой вид, будто он меня вот-вот сожрет!

— Пациент Коссунален — травоядный, — успокоил Хьюлитта врач. — Так что не волнуйтесь. Установление социальных контактов с другими пациентами рекомендуется, но не является обязательным. Между тем вам следует помнить, что в настоящее время вы являетесь на редкость здоровым больным, которому вряд ли понравится все время лежать в постели и совершать путешествия только в туалет и к умывальнику. Не медики, но скука вынудит вас вступить в общение с другими пациентами.

Хьюлитт издал громкий нечленораздельный звук — он понимал, что транслятор его не переведет.

— Теперь я должен вас оставить, — тихо проговорил Медалонт. — Если у вас возникнут вопросы, на которые вам не сумеют ответить медсестры — а это навряд ли, — я еще раз навещу вас перед сном. Желаю вам приятного аппетита.

Конечности мельфианина негромко заклацали по полу, за ним почти беззвучно прошествовала худларианка. Хьюлитт остался один-одинешенек. Он тоскливо созерцал стенки ширмы и гадал, что же ему принесут поесть в этом ужасном месте. Минуло несколько минут, и медсестра-худларианка вернулась. Она вкатила тележку с едой и поставила поднос на тумбочку около кровати Хьюлитта.

— Пока мы не располагаем сведениями о ваших вкусах, — заметила она, — поэтому выбрали для вас еду, которую предпочитает большинство землян-сотрудников.

Коричневый плоский кусок мяса, по-моему, это называется «отбивная», с гарниром из кусков каких-то овощей. Прежде чем вы приступите к еде, мне бы хотелось подсоединить к вашему телу кое-какое оборудование. Вот этот датчик, который я укреплю у вас на груди, позволит медсестрам на сестринском посту видеть, чем вы занимаетесь. Транслятор, который я повешу вам на шею, настроен на языки, которыми пользуются находящиеся в палате пациенты и обслуживающий персонал. С помощью транслятора вы можете узнавать, что говорят о вас и о ком бы то ни было еще.

Думаю, пока вам будет удобнее кушать так, чтобы вас никто не видел, — продолжала медсестра. — По крайней мере пока вы немного не освоитесь. Поэтому я не стала убирать ширму. Теперь мне нужно уйти, но, если вам что-то понадобится, нажмите кнопку вызова. Договорились, пациент Хьюлитт?

— Да-да, большое спасибо, — отозвался Хьюлитт. — Вот только, медсестра...

Хьюлитт не договорил — он сам не понимал, за что так благодарен этому чудовищному созданию, почему ему хотелось сказать что-то большее, нежели стандартные слова вежливости. Медсестра уже собиралась уходить — ее спина раздвинула полотнища ширмы. Краска с бока худларианки оставила на ткани большое пятно. Медсестра остановилась и сказала:

— Слушаю вас, пациент Хьюлитт.

— Медсестра, — смущенно проговорил Хьюлитт. — Я никак не ожидал, что кто-то вроде вас окажется таким... гм-м-м... участливым по отношению ко мне. Имел в виду... на Земле мне такие существа не попадались...

— Еще бы, — отозвалась худларианка.

— Я же не в буквальном смысле! — еще сильнее смутился Хьюлитт. — Я просто хотел поблагодарить вас и сказать, что вам очень к лицу ваша косметика.

Медсестра издала короткий непередаваемый звук и процедила:

— Худлариане ничем не украшают своего тела, пациент Хьюлитт. Это не косметика. Это мой обед.

Глава 4

Первую ночь в госпитале Хьюлитт не спал. Кровать у него оказалась удобная, мягкий свет ночника совсем не резал глаза. Хьюлитт очень устал, по его часам — а они показывали корабельное, а не больничное время — он не спал уже двое суток. Однако отяжелевшие веки никак не желали закрываться. Он думал о том, что и сознательно, и бессознательно ему страшно уснуть здесь.

Время словно бы застыло на месте. Он лежал, прислушиваясь к ночным звукам в палате. Непрерывное дыхание вентиляционной системы, не слышимое днем, ночью, казалось, с каждым часом становилось все громче и громче, так же как и шаги медсестер, подходивших к пациентам. Время от времени до Хьюлитта доносились постанывания или бульканья тех пациентов, которым, наверное, было больно. Хотя тут больным наверняка назначали обезболивающие средства, так что скорее всего звуки, которые слышал Хьюлитт, были инопланетянским храпом.

В тоске Хьюлитт включил прикроватный плеер и надел наушники, чтобы звук не привлек к нему внимания какой-нибудь сестры, которая принялась бы распекать его за то, что он мешает спать другим больным. Хьюлитт пробежался по развлекательным каналам. Большинство из них было предназначено для зрителей-неземлян, и хотя транслятор переводил диалоги персонажей, тралтанские и мельфианские комедии положений производили на Хьюлитта впечатление фильмов ужасов. Когда же он наконец наткнулся на фильм, адресованный землянам, сюжет и диалог оказались поистине доисторическими. По идее, от такого зрелища следовало бы уснуть крепким сном, но Хьюлитт не уснул.

Он вернулся к тралтанской мыльной опере — истории жизни какого-то семейства, члены которого производили совершенно неопишуемые действия и произносили при этом банальнейшие фразы. Вдруг шторы ширмы раздвинулись и появилась медсестра-худларианка.

— Вы должны спать, пациент Хьюлитт, — проговорила медсестра так тихо, что Хьюлитт ее еле расслышал. — Что-нибудь случилось?

— А вы — та самая медсестра, которая сегодня привезла меня? — решил уточнить Хьюлитт.

— Все остальные медсестры, включая Летвичи, — ответила худларианка, — ушли отдыхать. Но представители моего вида способны подолгу не спать, поэтому я несу ночное дежурство. Завтра и послезавтра я буду отдыхать и учиться, и если вы пробудете тут до послепослезавтра, то мы еще увидимся. Датчики, прикрепленные к вашему телу, регистрируют повышенное мышечное напряжение и слабость. Почему вы не спите?

— Я... мне кажется, что... пожалуй, я боюсь заснуть, — пожаловался Хьюлитт, гадая, с какой стати ему проще признаваться в этом инопланетянину, чем своему соотечественнику. — Мне кажется, что если я здесь усну, то мне приснятся кошмары, а когда проснусь, то буду себя чувствовать еще хуже. Надеюсь, вам известно, что такое кошмары?

— Известно, — ответила медсестра, приподняла одно щупальце, направила его кончик за спину и покачала им. — Вы думаете, что вам будут сниться кошмары про нас?

Хьюлитт промолчал, посчитав, что уже ответил на этот вопрос. Ему стало стыдно.

— Если вы заснете и вам будут сниться кошмары про нас, — продолжала медсестра, — а потом вы проснетесь и обнаружите, что ваши кошмары материальны и находятся повсюду вокруг вас, что они либо такие же страдальцы, как вы, то есть пациенты, либо те, кто старается вылечить вас. Разве вам не покажется, что не спать в таких обстоятельствах — пустая трата времени? Понимание того, что мы окажемся здесь, когда вы проснетесь, вероятно, может до некоторой степени сделать ваши сны менее страшными. Может быть, тогда ваше сознание сумеет переключиться на что-нибудь более приятное. Ну, разве это не логично, пациент Хьюлитт? Не хотите ли последовать моему совету?

Хьюлитт снова промолчал. На этот раз — потому, что пытался как-то уложить в мозгу худларианскую логику.

— Кроме того, — заметила медсестра, — я бы сказала, что мельфианский детектив-боевик вреден для психики, независимо от того, к какому виду принадлежит зритель. Может быть, желаете вместо просмотра фильма побеседовать со мной?

— Да... то есть нет, не хочу, — отозвался Хьюлитт. — Тут наверняка есть пациенты, чувствующие себя хуже меня и более меня нуждающиеся в вашей помощи. Со мной все в порядке, по крайней мере — сейчас.

— А сейчас, — отвечала медсестра — все пациенты спокойны, чувствуют себя хорошо, состояние их стабильно. За их здоровьем во время сна следят мониторы. Вы же не спите, а я молода и пытлива — мне, практикантке, скучно на ночном дежурстве. Может быть, вы хотите мне что-нибудь сказать или о чем-то спросить?

Хьюлитт смотрел на огромное шестиногое чудовище, чья речевая мембрана развевалась наподобие жуткого мясистого флага, чья толстая шкура покрывала гигантское тело подобно непроницаемой броне. Наконец он выговорил:

— У вас вроде бы краска на теле снова подсохла.

— Спасибо за заботу, — отозвалась худлярианка. — Но беспокоиться не стоит. Она продержится до того времени, как меня придут сменить.

— Я вас не понимаю, — пробормотал Хьюлитт. — Ну, то есть понимаю, но не настолько, чтобы задавать вопросы.

— Судя по тому, что вы говорили относительно косметики, — протянула медсестра, — я догадываюсь, что спросить вы хотите именно об этом. Вам известно, зачем худляриане пользуются питательной краской?

Не сказать, чтобы Хьюлитта безумно интересовало, почему инопланетяне делают то или другое. Но эта инопланетянка была расположена поболтать — пускай даже ради того, чтобы развеять собственную скуку. Можно было послушать ее и хотя бы немного отвлечься от мыслей об инопланетянском ассорти, в которое погрузили Хьюлитта. Послушать знакомого монстра для того, чтобы забыть о незнакомых. Меньшее из двух зол. Кроме того, не исклю-

чено, что это чудище по-своему пыталось утешить Хьюлитта.

— Нет, — ответил Хьюлитт. — Это мне неизвестно. Зачем, медсестра?

Сначала худларианка поведала Хьюлитту о том, что ее соотечественники не имеют ртов. Вместо ртов природа снабдила их другими органами поглощения пищи. Затем вопросы у Хьюлитта посыпались один за другим.

Худлариане эволюционировали до разумного состояния на планете с необычайно высокой силой притяжения и соответствующе высоким атмосферным давлением. Нижние слои худларианской атмосферы напоминали густой полужидкий бульон, заправленный крошечными микроскопическими существами животного и растительного происхождения. Этих существ худлариане поглощали с помощью органов абсорбции, располагающихся на боках и спине. Процесс поглощения тел шел непрерывно из-за постоянного энергетического голода худлариан. Воспроизвести их родную атмосферу в условиях госпиталя представлялось задачей не из легких, поэтому тут решили, что будет удобнее обрызгивать тело худлариан через регулярные промежутки времени специально подобранной питательной смесью.

— Порой, — разъясняла худларианка, — мы слишком сильно сосредоточиваемся на чем-либо и забываем вовремя обрызгать себя едой. Если такое случается, мы слабеем от нарастающего голода. Это может произойти в любом месте, где бы мы ни находились, и тогда всякий, кто окажется рядом, сотрудник или амбулаторный пациент — скажем, вы — оживляет нас путем быстрого обрызгивания. Запасы баллончиков с питательным худларианским аэрозолем имеются в большинстве главных коридоров и практически во всех палатах. Такой баллончик есть и в этой палате — он закреплен на стене на сестринском посту. Пользоваться баллончиком очень легко и просто. Я надеюсь, правда, что вам никогда не придется оказывать мне такую помощь.

Если худларианин упадет в голодный обморок посреди палаты, то в ней нарушится обычный распорядок работы, — продолжала медсестра, — кроме того, краской можно запачкать пол и ближайшие кровати. Старшая сестра Летвичи пришла бы в ярость, а нам бы этого не хотелось, верно?

— Д-да, пожалуй, — промямлил Хьюлитт, — нам бы этого не хотелось. — Он не слишком отчетливо представил себе, как приходит в ярость хлородышащая медсестра, но на всякий случай согласился с худларианкой. — Но вообще-то... раскрашивать себя едой... А я еще думал, что у меня проблемы...

— Больной здесь не я, а вы, пациент Хьюлитт, — возразила медсестра. — И ваши датчики регистрируют такую слабость, что мне стыдно из-за того, что я мешаю вам спать. Вы сейчас готовы отойти ко сну?

Мысль о том, что он снова останется один-одинешенек на тускло освещенной кровати — островке в мрачном море, населенном ужасными инопланетными чудовищами, — вызвала у Хьюлитта такой страх, что он понял: нет, спать он не хочет! Он решил не отвечать на вопрос худларианки прямо, а сделал это косвенно — сам задал медсестре вопрос:

— Как это может произойти, я не понимаю, но скажите, бывает у вас что-нибудь типа болей в желудке? И вообще вы когда-нибудь болеете?

— Никогда, — фыркнула медсестра. — Вы должны попытаться уснуть, пациент Хьюлитт.

— Но вы никогда не болеете, — упорствовал Хьюлитт, продолжая словесную оборону, — зачем же тогда худларианам нужны медсестры и врачи?

— Пока мы маленькие, — объяснила медсестра, — мы подвержены множеству детских болезней, но к зрелости у нас развивается иммунитет ко всем заболеваниям. Этот иммунитет сохраняется вплоть до глубокой старости и исчезает за несколько лет до смерти, когда наступает возрастная психологическая и физиологическая дегенерация. Диагност Конвей возглавляет разработку проекта обучения медиков-худлариан. Согласно этому проекту, планируется ликвидация самых тяжелых последствий увядания организма

худлариан. Ликвидация предусматривает осуществление обширных ампутаций. Правда, предстоит многолетняя работа, пока не удастся помочь всем худларианам-старикам.

— Вы практикуетесь именно в этой области? — поинтересовался Хьюлитт. — Собираетесь лечить престарелых худлариан?

Лицо худларианки не изменилось, а если бы и изменилось, то Хьюлитт все равно бы этого не увидел — он вообще не видел никакого лица. Ее гладкое, покрытое прочнейшей кожей тело было выразительно ровно настолько, насколько может быть выразителен надутый воздушный шар. Но когда она стала отвечать Хьюлитту, у того возникло ощущение, будто медсестра не то смущена, не то стыдится своего ответа.

— Нет, — прошептала худларианка. — Я изучаю общую многовидовую терапию и хирургию. Мы, худлариане, вид для Галактической Федерации уникальный. Из-за особых свойств наших кожных покровов мы способны жить и работать в самых тяжелых экологических условиях. Мы можем переносить колебания атмосферного давления от самых высоких показателей до космического вакуума, а для того, чтобы впитывать поверхностью тела питательный аэрозоль, мы не нуждаемся в атмосфере. Худлариане как сотрудники пользуются большим спросом при приеме на работу в условиях, где представители других видов были бы вынуждены облачаться в тяжелые скафандры. Это неизбежно сказывается на качестве работы. Чаще всего худлариан привлекают к работам, связанным с выходом в открытый космос при сборке космических объектов. Естественно, худларианин-медик высокой квалификации, прошедший практику в Главном Госпитале Сектора, способный оказать медицинскую помощь не только своим собратьям, но и представителям многих видов, занятых в сооружении вышеупомянутых конструкций, ценится очень высоко.

Наша планета, — продолжала худларианка, — никогда не славилась природными богатствами. У нас мало полезных ископаемых, мы не производим товаров на продажу, наши ландшафты не блещут красотой и потому не способ-

ны привлечь туристов. У нас нет ничего такого, в чем были бы заинтересованы другие, ничего, кроме удивительно сильных и выносливых жителей, способных работать где угодно. Другие обитатели Федерации это очень ценят и хорошо вознаграждают.

— Ну а после того, как вы стяжаете славу во время работы в космосе и сколотите капитал, — заметил Хьюлитт, — вы, видимо, вернетесь на родину, осядете там и заведете многочисленное семейство?

Похоже, худларианка занервничала. Хьюлитт гадал: то ли его собеседница стыдится того, что покинула родину и занимается учебой, призванной обеспечить ей в будущем высокооплачиваемую работу в космосе, и тем самым уходит от ответственности, связанной с заботой о старых и больных сородичах, то ли еще какие-то чувства смущают ее. Наверное, Хьюлитту не стоило задавать медсестре такого вопроса.

— Я заведу половину большого семейства, — пробурчала медсестра.

— Ничего не понимаю, — обреченно вздохнул Хьюлитт.

— Пациент Хьюлитт, — сказала худларианка, — вы не слишком хорошо информированы насчет худлариан. Я родилась и теперь пребываю в статусе женской особи и намерена пребывать в этом статусе до тех пор, пока не решу вступить в супружескую связь скорее в целях продолжения рода, нежели ради удовольствия. Затем беременная особь женского пола, то есть я, из физиологической необходимости — чтобы избежать дальнейших сексуальных контактов с партнером — постепенно превращается в особь мужского пола, а партнер, соответственно, в особь женского пола. По истечении худларианского года после разрешения от бремени эти изменения полностью завершаются. Новорожденный требует все меньшего внимания родителей. Бывшая мать готова стать будущим отцом, а бывший отец готов зачать новое дитя. Этот процесс длится до тех пор, пока на свет не появится желаемое число потомков. Как правило, это четное число, чтобы можно было поровну разделить детей. Затем каждый из родителей принимает решение: кем

ему остаться до конца жизни — мужской особью или женской.

Все очень просто, уравновешенно и эмоционально удовлетворительно, — завершила свой рассказ худларианка. — И я удивлена, что у других разумных видов не появилась такая же система размножения.

— Д-да, сестра, — выдавил Хьюлитт.

Больше ему в голову просто ничего не пришло.

Глава 5

Хьюлитт не спал — вернее, всеми силами старался не уснуть, боясь материализованных кошмаров, окружавших его со всех сторон: больных и персонала. Прележав с такими мыслями довольно-таки долго, он обнаружил, что почему-то успокоился и расслабился. Может быть, общая слабость притупила его эмоции? А ведь ему положительно было на что бурно реагировать — он не мог представить себе ничего более чужеродного, чем кожа-скафандр, дикий способ потребления пищи и постоянная смена пола у дружелюбного монстра, с которым он теперь познакомился поближе.

— Сестра, — тихо проговорил Хьюлитт, — спасибо, что уделили мне столько времени. Пожалуй, теперь я усну.

— А вот теперь я бы вам не советовала засыпать, пациент Хьюлитт, — отозвалась худларианка. — Через двадцать минут на смену заступит утренняя бригада, и сотрудники начнут всех будить, дабы пациенты успели умыться перед завтраком. Кроме вас, в палате еще трое амбулаторных больных, и думаю, вам не захочется умываться рядом с ними в первое же утро. Вероятно, вам следовало бы встать и попать в ванную первым.

— Вы совершенно правы, — ни минуты не колеблясь, ответил Хьюлитт. — Но я так слаб, сестра. Не мог бы я умыться попозже?

— Учитывая испытываемую вами неловкость при непосредственной близости к представителям других видов, — отчеканила сестра, — я вас сопровождать не буду. Я постою рядом с ванной комнатой на тот случай, если ваш личный монитор, который вам следует захватить с собой, зарегистрирует резкое ухудшение вашего состояния в процессе умывания или вам потребуется помощь в обращении с оборудованием — ведь вы с ним еще не знакомы.

В том случае, если вы ощущаете сильную слабость, — добавила худларианка, — у вас есть возможность принять процедуру обтирания. Эту процедуру осуществляют три практиканта-младшекурсника — мельфианин и две кельгианки. Они будут очень рады расширить свой опыт в уходе за нетравмированным землянином. Я точно знаю, что особенно им хочется усовершенствовать навыки удаления шерстинок, нарастающих за ночь на кожных покровах лица у ДБДГ. Они с радостью окажут вам таковую помощь.

Речевая мембрана худларианки еще продолжала шевелиться, а Хьюлитт уже отбросил одеяло и спустил ноги с кровати. На полу его ожидали теплые шлепанцы. Быстро вскочив, он проворчал:

— Ваше первое предложение мне понравилось гораздо больше, сестра.

Худларианка отступила в сторону и дала Хьюлитту дорогу.

Минут через двадцать он уже снова улегся в кровать, чувствуя себя чистым, освежившимся и не таким измученным. В это время вспыхнули потолочные светильники, и в палату вошла утренняя смена. Раздвинулись полотнища ширмы, между ними появилась пушистая голова кельгианки. Кельгианка подвезла к кровати Хьюлитта небольшую тележку, нагруженную тазиками и полотенцами.

— Доброе утро, пациент Хьюлитт, — поздоровалась кельгианка. — С виду вы чистый. Так и есть?

— Да, — быстро ответил Хьюлитт, и кельгианка ретировалась.

Несколько минут спустя он услышал, как мимо его ширмы прошли друг за другом два пациента. Один из них, судя

по шагам, был крупным и тяжелым, и ног у него имелось явно больше двух. Второй при ходьбе издавал неровное постукивание. Да, то были именно пациенты, а не сотрудники госпиталя — один из них жаловался другому, что его, дескать, разбудили, когда он только-только успел уснуть. Второй же упорно настаивал на том, что Летвичи проводят в палате незаконное научное исследование по влиянию бессонницы на больных и что ему, помимо того, что собираются заменить, как он выразился, «кроумстеты на кульдовом протоке», еще и промывают мозги. Его транслятор, переводя речь, сохранил оригинальное звучание непонятных Хьюлитту слов. Скорее всего таких органов у людей не имелось, но Хьюлитт посочувствовал обоим пациентам, кто бы они там ни были, — уж он-то хорошо знал, что такое бессонница.

Только он забрался в кровать и закрыл глаза, только чуть-чуть затихли шумы в палате, как снова появилась кельгианка. На этот раз она привезла завтрак. А может быть, это была уже не первая кельгианка, а какая-то другая. Пока Хьюлитт еще не научился различать этих пушистых гусениц-переростков и сомневался, что когда-нибудь научится.

— Садитесь и кушайте за тумбочкой, пациент Хьюлитт, — распорядилась медсестра. — Представители вашего вида, насколько мне известно, страдают от расстройств пищеварения вплоть до извержения пищи, если потребляют ее в неправильном положении. Приятного аппетита.

— Я не хочу есть, — сонно проговорил Хьюлитт. — Я спать хочу. Прошу вас, уйдите.

— Ну так поешьте, а потом спите на здоровье, — отозвалась сестра. — Или хотя бы попробуйте еду, а то ведь Старшая сестра Летвичи меня съест.

— Правда? — моментально проснувшись, испуганно спросил Хьюлитт, и старые страхи снова вернулись к нему. Вряд ли здесь так шутят.

— Нет, конечно, — буркнула сестра. — Но только потому, что она — хлородышащая, и съешь она меня, она бы просто отравилась.

— Ладно-ладно, — поспешно согласился Хьюлитт, — я поем немного. — Он думал, что в госпитале, как и на корабле, ему подадут синтетическую пищу. Когда же он снял с подноса колпак, то в ноздри ему ударил аппетитный запах, и он понял, как сильно проголодался.

— Выглядит и пахнет замечательно, сестра.

— Ваша еда вызывает у меня визуальное отвращение и тошноту, — проворчала сестра, поспешно ретируясь за ширму. — А запах — кое-что похуже.

— С тактичностью у вас не очень, сестра! — крикнул Хьюлитт вслед кельгианке, но та уже торопливо топала дальше по палате. Вдруг прозвучал голос с кровати напротив, которую, как помнил Хьюлитт, занимал кельгианин по имени Хенредт.

— Тактичность — это что такое? — поинтересовался Хенредт.

Хьюлитт не стал отвечать ни на этот вопрос, ни на другие, посыпавшиеся следом за первым. Как только он закончил с едой, глаза его сами собой закрылись.

Проснулся он от звука негромких инопланетных голосов. Открыв глаза, он увидел стенки ширмы и понял, где находится. Но понимание почему-то уже не вызывало у него таких отрицательных эмоций, как днем раньше. Полежав несколько минут и послушав разговоры через транслятор, он решился нажать кнопку, чтобы убрать ширму.

Первое, что увидел Хьюлитт, это то, что пациент Маколли, занимавший кровать рядом с ним, пока он спал, исчез — теперь там лежал орлигианин. Представителя этого вида Хьюлитт распознал сразу — орлигианином был офицер-медик на «Тривендаре». Вот только этот орлигианин выглядел намного старше. Те части его тела, которые не были закрыты одеялом — голова, руки и грудь, — заросли рыжевато-коричневой шерстью, тронутой сединой. Около кровати орлигианина имелся, как и у Хьюлитта, плеер и транслятор, однако пациент никакого внимания на соседа не обращал. Хьюлитт гадал: то ли орлигианин спит, то ли под наркозом, то ли просто некоммуникабелен.

Мельфианин Клетилт на кровати напротив как-то очень хитро разместил свой плеер так, что глаз его за плеером видно не было, и, похоже, его ничего, кроме просматриваемой программы, не интересовало. Хьюлитт еще не знал, что может таким же образом разместить и свой плеер, и решил попозже поэкспериментировать.

Рядом с Клетилтом лежал кельгианин Хенредт. Около него пристроилась медсестра, принадлежавшая к неизвестному еще Хьюлитту виду. Они о чем-то оживленно болтали. Но пациент и сестра разговаривали так тихо, что транслятор землянина половину беседы не улавливал. Дальше по ряду располагалась кровать громадного слоноподобного создания, в котором Хьюлитт признал тралтана. Вместо того чтобы полеживать в постели, тот стоял на всех своих шести толстенных ножищах, опоясанный сложной сетчатой конструкцией, на которой было закреплено оборудование, удерживающее тралтана в вертикальном положении. Тралтаны делали абсолютно все, включая и сон, стоя, и даже взрослые особи, случись им подвернуть ногу и упасть набок, с превеликим трудом, но вставали.

Размышляя на эту тему и гадая, из-за чего тралтан угодил в госпиталь, Хьюлитт заметил, что Старший врач Медалонт в сопровождении Старшей медсестры Летвичи покинул сестринский пост. Врач мчался по проходу, сестра, похлупывая телом внутри пластиковой оболочки, едва поспевала за ним. Оба они смотрели исключительно в направлении постели Хьюлитта. Тот прекрасно знал, что ему сейчас скажет доктор.

— Ну, как мы себя чувствуем, пациент Хьюлитт? — последовал неизбежный вопрос.

— Прекрасно, — выдал Хьюлитт дежурный ответ.

— Данные, регистрируемые монитором Хьюлитта со времени его поступления в палату, — вставила Летвичи, — соответствуют его собственной оценке своего состояния. Такое впечатление, что пациент совершенно здоров.

— Хорошо, — откликнулся врач и щелкнул клешней. Вероятно, тем самым он выразил удовлетворение, хотя жест этот заставил Хьюлитта испуганно вздрогнуть. — Мне бы хотелось побеседовать с вами поподробнее, пациент Хью-

литт. Давайте вернемся ко времени вашей первой госпитализации на Земле, когда вы...

— Но вы ведь об этом и так все знаете, — вмешался Хьюлитт. — Все это записано в моей истории болезни, и с такими подробностями, каких я сейчас уже и не упомяну. Со мной все в порядке, по крайней мере — сейчас. Вместо того чтобы попусту тратить время на разговоры со мной, вам, вероятно, было бы лучше обойти других пациентов, которые больше нуждаются в вашем внимании?

— Им уже было уделено внимание, — встряла Летвичи, — пока вы спали. Теперь ваша очередь. Однако кое в чем вы правы, пациент Хьюлитт. У меня полно более важных дел, которыми я и займусь, вместо того чтобы слушать, как болтают двое здоровых существ. Я вам нужна, доктор?

— Спасибо, вы свободны, Старшая сестра, — отозвался Медалонт и, обратившись к Хьюлитту, продолжал: — Разговаривая с вами, я вовсе не трачу время попусту, поскольку надеюсь, что сегодня и в ближайшие дни вы сумеете сообщить мне нечто такое, что не занесено в вашу историю болезни, — нечто, что поможет мне решить вашу клиническую загадку.

Разговор начался с того самого момента, на котором закончился вчера, и казалось, будет длиться бесконечно. Если бы Хьюлитт умел различать какие-то перемены в выражении черт панцирной физиономии собеседника, он бы, наверное, прочел в них разочарование — так ему казалось. Беседу пришлось прервать, когда раздался голос дежурной сестры — ее изображение появилось на прикроватном мониторе. А Хьюлитт и не догадывался, что монитор, помимо всего прочего, еще служит и средством связи.

— Доктор, — напомнила Летвичи, — через тридцать минут пациенту будет подан обед. Вы планируете завершить беседу с ним к этому времени?

— Да. По крайней мере — на сегодня, — ответил Медалонт. Обернувшись к Хьюлитту, он добавил: — Я пытаюсь делать для наших пациентов нечто большее, нежели смертельно докучать им вопросами. Нам придется провести серию тестов, то есть я должен взять у вас кровь на анализы

в лаборатории. Не бойтесь. Процедура эта совершенно безболезненна. Прошу вас, протяните мне вашу верхнюю конечность.

— Но вы не должны давать мне ничего такого, что могло бы... — поторопился предупредить Хьюлитт.

— Знаю-знаю, — перебил его доктор. — Если помните, именно я заверил вас в том, что вы не будете получать никаких лекарств до тех пор, пока мы не установим, от какого заболевания вас надо лечить. Вот поэтому-то мне и нужно взять у вас для анализов довольно значительный объем крови. Вы ничего не почувствуете, но если вам будет неприятно смотреть, закройте глаза.

Зрелище собственной крови никогда не вызывало у Хьюлитта неприязни, по крайней мере если речь шла о небольшом ее количестве, которое доктор почему-то назвал «довольно значительным объемом». Взяв у Хьюлитта кровь, Медалонт поблагодарил его за терпение и поспешил уйти, объяснив, что иначе рискует опоздать на обед.

Как и обещал Медалонт, Хьюлитт ровным счетом ничего не почувствовал, кроме незначительного онемения в том месте, откуда Медалонт взял кровь, — на локтевом сгибе. Землянин откинулся на подушки, но решил, что поспит после обеда, а пока послушает разговоры между больными, которые улавливал его транслятор. Вчера он был близок к панике, а сегодня, как ни странно, им все сильнее овладевало любопытство.

Хьюлитт не понимал, сколько времени прошло: у него не было сил поднять руку и взглянуть на часы. Чувствовал он себя прекрасно. Ему было удобно и спокойно — вот только он не очень понимал, откуда в палату напоззло столько сероватого тумана, из-за которого ему стали плохо видны соседние кровати. Звуки в палате тоже как бы отделились, но Хьюлитт отчетливо видел, как мигает красная лампа, и слышал, как надрывается монитор, укрепленный у него на груди, издавая резкие жалобные звуки. Скоро к нему склонилась Старшая сестра Летвичи и стала оглушительно громко орать в коммуникатор:

— Кровать восемнадцать, классификация ДБДГ, землянин. Две минуты пребывания в состоянии сердечно-легочной недостаточности. Реанимационная бригада, на выезд!

Что-то напоминавшее ствол маслянистой водоросли отделилось от тела Летвичи, рванулось вперед внутри прозрачной оболочки и легло на грудь Хьюлитта. Он ощутил равномерное надавливание на грудь в области сердца. Последнее, что увидел землянин, — маслянистые листочки и перепонки все ближе и ближе придвигались к его лицу...

«Только не способом рот-в-рот, — успел подумать Хьюлитт. — Она же хлородышащая!»

Глава 6

Зрелище процессии, покинувшей сестринский пост, заставило всю палату замереть и умолкнуть. Процессию возглавлял Старший врач Медалонт, за ним следовала Старшая медсестра Летвичи, за ней безымянная сестра-худлариянка, за ними — интерны: нидианин и кельгианка. В промежутках между медиками к кровати Хьюлитта плыл целый флот разнообразнейшего реанимационного оборудования. Замыкал шествие землянин в зеленой форме Корпуса Мониторов. Пройдя по палате такой цепочкой, они выстроились полукругом около Хьюлитта.

Пять часов назад Хьюлитт вернулся с того света, но из-за этого не стал ни на йоту теплее относиться к инопланетянам.

— Какого черта? — спросил Хьюлитт. — Что вы теперь собираетесь со мной делать?

— Ничего такого, чего бы я не делал раньше, — ответил Старший врач таким тоном, который, вероятно, для другого мельфианина прозвучал бы подбадривающе. — Не волнуйтесь. Я возьму у вас еще немного крови для анализов. Пожалуйста, обнажите предплечье.

Интерн-кельгианин бросил взгляд на коллегу-кельгианку. Серебристая шерсть у той вздыбилась иголочками.

Она подвезла реанимационную тележку поближе к кровати и процедила:

— Если вы не станете ничего делать, пациент Хьюлитт, то и нам ничего делать не придется.

За время своих непродолжительных разговоров с пациентом-кельгианином, занимавшим соседнюю кровать, Хьюлитт узнал, что уж чего кельгиане делать не умеют, так это лгать. Другой кельгианин по движениям серебристой шерсти сородича всегда мог догадаться, о чем тот думает и что чувствует. Что-то вроде зрительской телепатии. Значение слов кельгиане воспринимали с трудом и понятия не имели о том, что такое тактичность, вежливость, дипломатия и медицинская этика.

Хьюлитт снова ощутил, как к его коже прикасается крошечный металлический кружочек. Медалонт пояснил:

— Инструмент, который сейчас прикасается к вашей коже, содержит одну тончайшую короткую иглу. Вы не почувствуете, как она пронзит вашу кожу. Вторая игла немного длиннее и толще. Через первую иглу поступает анестезирующее средство, лишаящее чувствительности близлежащие нервные окончания, а через вторую производится отсасывание крови. Вот так, хорошо. Благодарю вас, пациент Хьюлитт. Как вы себя чувствуете?

— Отлично, — ответил Хьюлитт. — А как я должен себя чувствовать?

Медалонт сделал вид, что не расслышал его вопроса, и опять спросил:

— Не отмечаете ли каких-либо перемен чувствительности, сколь-либо незначительных, в каких-нибудь частях тела?

— Нет, — ответил Хьюлитт.

— Не испытываете ли неприятных ощущений в груди или руках? — продолжал допытываться Медалонт. — Затруднения дыхания? Нет ли покалывания или онемения в конечностях? Головной боли?

— Нет, — покачал головой Хьюлитт, — только в том месте, откуда вы брали кровь, небольшое онемение. Точно так же, как в прошлый раз.

— Дело в том, что любые симптомы плохого самочувствия, пусть даже самые незначительные, могут быть предвестниками серьезного ухудшения. Уверяю вас, симптомы могут быть настолько слабо выраженными, что вам может показаться, будто бы вы их воображаете.

— Насколько я могу судить, — ответил Хьюлитт, с трудом скрывая раздражение, — у меня нет никаких незначительных воображаемых симптомов.

Землянин в зеленой форме улыбнулся, но ничего не сказал.

— Может быть, вы ощущаете какие-либо нефизические симптомы? — упорствовал Медалонт. — Волнение? Страх? Может быть, эти ощущения могут стать настолько выраженными, что вызовут стресс на физическом уровне? Я понимаю, что вторгаюсь в сферу лейтенанта Брейтвейта, но...

— Вторгаетесь, — прервав Медалонта, подтвердил землянин, — но не смущайтесь. В мою сферу вторгаются все без исключения.

Но прежде чем Старший врач сумел возобновить опрос, Хьюлитт ответил:

— Если вас интересует, взволнован ли я, — да, я взволнован, очень взволнован. До тех пор пока я не угодил сюда, у меня ни разу в жизни не было сердечных приступов. Между тем я не чувствую себя настолько плохо, чтобы у меня от страха начался новый приступ.

— А перед первым приступом вы ощущали испуг? — поинтересовался Медалонт.

— Нет, я просто был сонный и расслабленный, — признался Хьюлитт. — А вот теперь мне страшно.

— На этот раз мы не позволим произойти ничему подобному, — заверил его мельфианин. — Так что не бойтесь.

Все умолкли — молчание затянулось. Тело Летвичи медленно ворочалось внутри хлорсодержащей оболочки, речевая мембрана худларианки не шевелилась, шерсть кельгианки ходила высокими волнами, словно ее шевелил невидимый ветер, ее партнер-нидианин возился с оборудованием для реанимации, Медалонт каждые несколько секунд шелкал клеш-

ней, что напоминало стук метронома. Первым заговорил Старший врач:

— Старшая сестра, будьте добры, расскажите мне еще раз, сколько времени прошло от момента первого взятия крови у пациента до того, как его монитор начал подавать сигналы тревоги, и опишите все, что случилось потом.

— Ради того, чтобы пощадить чувства пациента, — изрекла Летвичи, — который, судя по всему, кое-что понимает в медицине, мне представляется, что эти сведения лучше при нем не сообщать.

— А мне, — возразил Медалонт, — представляется, что чем полнее будет осведомленность пациента, тем скорее он поймет свое состояние. Прошу вас, Старшая сестра.

— Примерно через двенадцать с половиной минут после того, как вы взяли у пациента кровь на анализ и ушли, — проговорила Летвичи тоном столь же зловредным, сколь и хлор, которым она дышала, — монитор пациента зарегистрировал критическое состояние. Десять секунд спустя жизненно важные параметры исчезли, а сенсорные реакции и мозговое кровообращение были близки к полному исчезновению. Сестринский персонал находился за пределами поста и занимался раздачей обеда, поэтому я предпочла не тратить даже те несколько секунд, которые потребовались бы для передачи информации другим сотрудникам. Судя по стабильности состояния пациента, резонно было с моей стороны предположить, что произошел не сердечный приступ, а имела место неисправность оборудования. Когда сорок секунд спустя я уже была рядом с пациентом и начала производить непрямой массаж сердца, пациент потерял сознание и оставался в таком состоянии до прибытия реанимационной бригады, которая приступила к работе шесть и одну четверть минуты спустя...

— Вы в этом уверены, Старшая сестра? — вмешался Медалонт. — Вы сильно волновались и могли преувеличить. Шесть минут — слишком долго для реаниматоров.

— Пациент Хьюлитт также слишком долго никакой реакции не давал, — парировала Летвичи. — А я, пока делала

массаж, посматривала на часы. Палатные часы к преувеличениям не способны.

— Старшая сестра права, — встрял нидианин, искоса взглянув на свою коллегу-кельгианку. — Правы и вы, доктор. В принципе такое время до прибытия на место реаниматоров считается непростительно продолжительным. Но по пути сюда у нас было ЧП... мы налетели на тележку, которую работники столовой не успели отвезти в сторону. Несчастного случая не произошло — только посуда с едой разлетелась по всей палате...

— Пациент Хьюлитт, — добавила кельгианка, — выбрал не слишком удобное время для сердечного приступа.

— Несколько минут нам пришлось потратить на проверку оборудования на предмет возможной поломки, — продолжал нидианин. — Сами понимаете, разряд, от которого бы заработало остановившееся сердце тралтана, наверняка бы изжарил сердце землянина...

— Да-да, — поторопился согласиться Медалонт. — Через шесть с половиной минут вы реанимировали пациента. Какую степень помрачения сознания, какие изменения в речи вы отметили после того, как пациент вернулся в сознание?

— Мы не наблюдали никаких отклонений, — ответил нидианин. — Мы не реанимировали пациента. Это удалось сделать Старшей сестре Летвичи еще до того, как мы успели установить аппаратуру. Никакого помрачения сознания у пациента не отмечалось. Первые сказанные им слова заключались в том, что он попросил Старшую сестру перестать колотить его по груди, иначе она раздавит ему ребра. Слова звучали членораздельно, внятно, ну разве что несколько неуважительно.

— Прошу прощения, — вмешался Старший врач. — А я так понял, что пациент пришел в сознание благодаря вашим стараниям. Отличная работа, Старшая сестра. Надеюсь, пациент не повел себя чересчур невежливо?

— Меня обзывали и похуже, — буркнула Летвичи. — К тому же его реакция меня больше обрадовала, нежели обидела.

— Вы правы, — заметил Медалонт и, обратившись к кельгианке, попросил: — Пожалуйста, продолжайте.

— Когда стало ясно, что пациент Хьюлитт в ясном сознании, — отозвалась кельгианка, — мы вместе со Старшей сестрой стали задавать ему вопросы, направленные на то, чтобы установить, пострадало ли у него мозговое кровообращение. Этим мы занимались до тех пор, пока не появились вы и не стали задавать ему те же самые вопросы. Остальное вам известно.

— Да, — подтвердил Старший врач. — Во время опроса, длившегося около двух часов, никаких признаков потери памяти или нарушений речи у пациента выявлено не было, как и нарушений координации движений. Монитор пациента Хьюлитта регистрировал, как и сейчас, оптимальные параметры всех жизненно важных показателей...

— А теперь, — заметила Летвичи, красноречиво взмахнув каким-то выростом внутри оболочки в сторону палатных часов, — прошло семнадцать минут, а не двенадцать с половиной, как после первого взятия крови, и пациент, как видите, жив.

Пока медики беседовали, Хьюлитт пытался придумать, как ему извиниться перед Старшей сестрой и поблагодарить ее за спасение. Но когда до него дошло значение того, о чем только что сказало это тошнотворное создание, всякие мысли о благодарности тут же вылетели у него из головы.

— Что тут происходит! — взорвался Хьюлитт. — Вы что, просто стоите и ждете, когда у меня начнется очередной сердечный приступ? Или вы разочарованы тем, что приступа нет?

Наступила пауза. Все замерли, кроме сестры-худларинки — та протянула к Хьюлитту щупальце и сразу же опустила его. Затем Медалонт изрек:

— Мы не разочарованы, пациент Хьюлитт, но в остальном вы верно оценили ситуацию. Сердечный приступ мог быть чем-то спровоцирован. Возможно, он произошел из-за того, что я взял у вас пробу крови, хотя такая вероятность и ничтожна. Несмотря на то что я отказался от введения вам каких-либо лекарственных средств, я все же

решил, что маленькая доля обезболивающего, которое, как правило, вводится перед взятием крови, вам не повредит. Время проявления первичной реакции нужно искать в другом, если только... Пациент Хьюлитт, ваши кожные покровы меняют интенсивность окраски. Как вы себя чувствуете?

«Так, что мне хочется вас на части разорвать», — подумал Хьюлитт, а вслух проговорил:

— Прекрасно, доктор.

— Что и подтверждает монитор, — прокомментировала Летвичи.

— В таком случае, — заметил Медалонт, обведя взглядом всех по очереди, — продолжайте наблюдения за монитором, разместите реанимационную бригаду в двух минутах пути от пациента и дайте ему отдохнуть перед обедом. Ничего не бойтесь, пациент Хьюлитт, мы непременно выясним причину вашей болезни и вылечим вас. А сейчас мы вас покинем.

— Не совсем, — поправил Медалонта Брейтвейт. — Мне бы хотелось немного побеседовать с пациентом.

— Как вам будет угодно, лейтенант, — сказал Старший врач и удалился, а вместе с ним — нидианин и кельгианка. Летвичи и медсестра-худларианка задержались.

— Вам не следует делать ничего такого, что растревожило бы моего пациента, — непрерываемо, как это умеют делать только Старшие сестры, заявила илленсианка. — Кроме того, вам не следует ни о чем спрашивать пациента и говорить ему что-либо такое, что могло бы спровоцировать новую критическую ситуацию.

Лейтенант Брейтвейт перевел взгляд с язвительно-ехидной хлородышащей медсестры на внушительную фигуру худларианки и снова посмотрел на илленсианку.

— Сестры, — вздохнул он, — уверяю вас, я бы на такое не осмелился ни за что на свете.

Как только они с Хьюлиттом остались наедине, Брейтвейт сел на край кровати и сказал:

— Моя фамилия Брейтвейт, я сотрудник Отделения Психологии. Мне очень приятно беседовать с тем, у кого нормальное количество рук, ног и всего прочего.

Хьюлитту все еще хотелось кого-нибудь отколотить или как минимум хорошенько выругать, но пока Брейтвейт не сказал и не сделал ничего такого, чтобы с ним драться или ругаться. Пока. Так что Хьюлитт устремил взгляд в сторону сестринского поста, где маячила фигура Летвичи, и поджал губы.

— О чем вы думаете? — спросил Брейтвейт, когда пауза слишком затянулась. Улыбнувшись, он добавил: — Вы ведь именно такого вопроса от меня ждали?

— А вы меня не назвали, как все прочие, «пациентом Хьюлиттом», — заметил землянин, повернув голову к своему соотечественнику. — Это вы нарочно или потому, что считаете, что со мной настолько все в порядке, что я и не заслуживаю, чтобы меня называли пациентом? Или вы забыли мою фамилию?

— А вы тоже не называйте меня ни лейтенантом, ни Брейтвейтом, — парировал психолог, и вновь повисла пауза.

Наконец Хьюлитт решился.

— Ладно, — проворчал он, — валяйте со своими вопросами. На первый я отвечу так: я думаю о кошмарной Старшей сестре и гадаю, как бы мне сказать ей о том, что я виноват перед ней и благодарен ей за то, что она спасла мне жизнь.

Брейтвейт понимающе кивнул:

— Ну, вы найдете для этого верные слова. Вам только нужно сказать их Летвичи, а не мне.

Почему-то Хьюлитт уже перестал злиться на этого человека.

— Вы ведь здесь для того, — сказал он, — чтобы попытаться убедить меня в том, что все мои беды — у меня в голове, верно? Мне такое уже говорили раз сто, поэтому давайте не будем тратить время на любезности. Хорошо?

— Нет, — ответил Брейтвейт. — Я твердо намерен потратить некоторое время на любезности.

Лейтенант пересел поближе к Хьюлитту и наклонился к нему. Хьюлитт ощутил на лице дыхание Брейтвейта. Тот спросил:

— Вы не против того, что я здесь сижу? Может быть, мне было бы лучше отодвинуться или встать?

— Я не люблю, когда ко мне близко подходят инопланетяне, — объяснил Хьюлитт. — Сидите, пожалуйста, только не у меня на ногах.

Брейтвейт кивнул. Вежливый и, казалось бы, невинный вопрос позволил ему установить, что пациента не тревожит непосредственная близость другого человека. Значит, кое-каких препон уже удалось избежать. Богатый опыт Хьюлитта подсказывал ему, чем занимается Брейтвейт, а лейтенанту, видимо, хватало ума понять, что пациенту это ведомо.

— Мы оба понимаем, что случай у вас непростой, — заговорил психолог, глядя на экран монитора. — Выглядит все так, словно вы совершенно здоровы, но при этом время от времени страдаете от заболевания, которое, если судить по вашему недавнему сердечному приступу, может угрожать вашей жизни. Кроме того, нам известно, что серьезные клинические заболевания способны отражаться на психике, и наоборот — даже тогда, когда, казалось бы, как в вашем случае, явной связи между ними и не прослеживается. Мне же хотелось бы таковую связь найти — в том случае, конечно, если она существует.

Выждав, когда Хьюлитт устало кивнул, Брейтвейт продолжил:

— Как правило, к нам в госпиталь поступают больные или раненые. Их проблемы и клинические решения этих проблем чаще всего видны сразу. К услугам медиков в нашем госпитале — все последние достижения медицинской мысли Федерации, предназначенные для терапии и хирургии, и в большинстве случаев пациенты вскоре возвращаются домой в добром здравии. Но в тех случаях, когда заболевание сопровождается психологическим компонентом...

— Вы прибегаете к услугам собственного языка, — кончил за Брейтвейта фразу Хьюлитт.

— Большей частью к услугам ушей, — поправил его психолог, никак не ответив на издевку. — Надеюсь, что в ближайшее время разговаривать будете в основном вы. Прошу

вас, постарайтесь припомнить какие-нибудь необычные события или обстоятельства, сопутствовавшие первому проявлению симптомов вашей болезни. Скажите мне, что вы в подобных ситуациях думали ребенком в отличие от того, что со временем стали думать по этому поводу доктора и родственники. Ну, давайте. Вы будете говорить, а я — слушать.

— Вы хотите, чтобы я рассказал вам все-все о том времени, когда я еще не был болен? — уточнил Хьюлитт. Глянув в сторону палатной кухни, откуда то и дело высказывали медсестры, нагруженные подносами с едой, он добавил: — Но сейчас не время... я хотел сказать, что сейчас время обеда.

Брейтвейт огорченно вздохнул.

— Мне бы хотелось завершить беседу с вами как можно скорее, пока Медалонт, ваш лечащий врач, имеющий на то полное право, не назначил вам какого-нибудь срочного курса. Не будете ли так любезны и не закажете ли и для меня обед? Ничего такого особенного — пусть принесут то же самое, что и вам.

— Но ведь вы — не пациент, — возразил Хьюлитт. — Не далее как вчера я слышал, как Старшая сестра Летвичи выговаривала одному интерну. Она ругала его, обзывала «ленивым скрассугом» — что бы там это ни значило — и велела отправляться в столовую для сотрудников вместо того, чтобы таскать еду из палатной кухни. Не думаю, чтобы Старшая сестра и вам позволила есть тут.

— Старшая сестра позволит, — заверил Хьюлитта лейтенант. — Если вы попросите ее подойти и скажете, что у вас к ней важное дело. После разыгравшейся здесь пять часов назад медицинской мелодрамы она не рискнет вам отказать. Когда она появится, вы ей скажете то, что хотели, как вы сожалеете о своей грубости по отношению к ней и как вы ей благодарны за спасение. А потом скажете, что считаете нашу беседу крайне важной для своего здоровья, и спросите у Летвичи, нельзя ли устроить так, чтобы мне тоже подали еду, дабы наш разговор не прерывался.

Илленсиане пользуются большим авторитетом у сотрудников, — пояснил Брейтвейт, — из-за своего профессионализма. Пациенты же их не очень жалуют — скорее всего

из-за того, что короткое пребывание в стенах госпиталя не позволяет им по достоинству оценить илленсиан. А все из-за того, что илленсиане — единственные хлородышащие существа в Федерации и при этом — далеко не красавцы. Но если вы последуете моему совету, Летвичи будет так удивлена, что не посмеет вам ни в чем отказать.

Мгновение Хьюлитт не мог произнести ни слова. Наконец он с восхищением выдавил:

— Лейтенант, вы — самоуверенный, хитрый и расчетливый су... скрассугов сын.

— Конечно, — усмехнулся Брейтвейт. — Я же психолог как-никак.

От мысли о том, что сейчас ему надо будет позвать монстроподобную Летвичи, Хьюлитта бросило в жар.

— Д-да, — пробормотал он, — я и в правду собирался сказать ей нечто в этом роде, но... попозже. Мне нужно получше с мыслями собраться.

Брейтвейт улыбнулся и показал на коммуникатор.

Глава 7

Первое и самое яркое воспоминание о необычном происшествии в жизни Хьюлитта относилось к тому времени, когда ему было четыре года. Это произошло через несколько дней после празднования его дня рождения. Родители трудились за домашними компьютерами и радовались тому, что не мешают друг другу — мать полагала, что за ребенком присматривает отец, и наоборот. Оба были уверены, что заметят, если малыш вдруг выйдет из детской.

По идее, никаких забот маленький Хьюлитт родителям и не должен был доставить. Он тоже возился с собственным компьютером — играл, рисовал на экране картинки. Компьютер, снабженный новейшей образовательной программой, ему подарили на день рождения. Но в тот день ему стало скучно. Обучающая игра оказалась запинкой на

пути к игре приключенческой, а открытое окно сулило небывалые приключения в саду.

Кроме того, родители Хьюлитта зря думали, что их сын не сумеет забраться на окно, а также они зря полагались на то, что их сад, тоже в значительной степени прискучивший ребенку, обнесен надежным забором.

За забором сада начинался незнакомый, очень интересный мир, но мир опасный, чего в ту пору маленький Хьюлитт еще не знал. Окрестности были опустошены во время гражданской войны, итогом которой стало то, что население планеты сбросило межзвездное правительство. Это правительство проиграло войну, в которую само же и втянуло население. Война унесла жизни многих на Этле. Некоторые из полуразрушенных домов отремонтировали, и там поселились консультанты с других планет или специалисты по восстановлению разрушенного войной хозяйства — такие, как родители Хьюлитта.

Ремонт старых домов и их заселение были начаты после того, как территорию самым тщательным образом прочесали с помощью сканеров и удалили с нее действующее оружие и боеприпасы. А полуразбитые машины остались там, где валялись. И разрушенные дома, и остатки машин заросли дикими растениями — эти-то побеждают в любом сражении. В тот день сражение должен был выиграть один маленький мальчик.

Он пробирался сквозь высокую траву, которой, казалось, заросла вся округа, весело топал между деревьями и кустами, перелезал через выломанные плиты дорожного покрытия и вскоре забрался в один из разрушенных домов. Дом успели облюбовать для жилья какие-то маленькие пушистые зверьки, которые тут же разбежались в разные стороны, только один из них — с длинным толстым хвостом — забрался на стропила и долго верещал на мальчика. Тот почел за лучшее уйти из заброшенного дома. Жилые дома Хьюлитт старательно обходил стороной, потому что знал: там могут жить не только люди. Однажды родители взяли его с собой на прогулку за пределы сада и рассказали, что по соседству живут неземяне и что хотя взрослые никогда не

станут нарочно обижать мальчика, но вот детишки в своих играх непредсказуемы и могут быть опасны.

Родителям даже не пришлось напоминать Хьюлитту о том случае, когда он учился плавать в общем бассейне и его ровесник-мельфианин, решив, что Хьюлитт тоже амфибия, как и он сам, взял, да и утянул его играть на самое дно. С тех пор Хьюлитт боялся инопланетян как огня, не взирая на их форму, размеры и возраст, и изо всех сил старался к ним близко не подходить.

Между тем мест для исследования хватало и без чужих садов, где скорее всего играли в свои ужасные игры кошмарные соседские дети. Повсюду, куда бы ни бросил взгляд малыш-землянин, на глаза ему попадались искореженные остовы военных машин, разбавлявшие залитую солнцем зелень растений ржавыми пятнами. Но не все машины выглядели разбитыми. Некоторые из них казались совершенно целыми и готовыми в любой миг тронуться с места. Кое-какие из них лежали на боку, одна машина была перевернута вверх тормашками. У большинства машин дверцы были открыты, а в некоторых зияли дыры, размерами превышавшие любые дверцы. Хьюлитт попробовал было пролезть в одну такую дыру, но у нее оказались острые, зазубренные края, и он только изорвал рубашку. Наконец он разыскал машину, у которой орудийный ствол наклонился так низко к земле, что мальчик, ухватившись за него, смог даже немного повисеть. Одна из гусениц машины отвалилась и лежала на земле, похожая на заржавевшую ковровую дорожку, заросшую травой и цветами. В некоторых машинах устроили себе жилища небольшие зверушки, но, как только к ним приближался Хьюлитт, они бросались врассыпную. А в одной машине громко жужжали какие-то насекомые, и мальчик туда забираться не рискнул: он понимал, что его могут ужалить.

А потом он нашел машину, внутри которой не оказалось ни зверьков, ни насекомых. В открытые люки лился солнечный свет, и Хьюлитт разглядел в глубине сиденье, повернутое к приборной доске и экранам. Сиденье оказалось мягким и грязным и таким большим, что Хьюлитту,

для того чтобы дотянуться до рычагов, пришлось усесться на самый краешек. Все в кабине машины было покрыто ржавчиной, кроме запыленных пластиковых рукояток. Для того чтобы посмотреть, какого цвета эти рукоятки, мальчику пришлось стереть с них пыль. Но ни ржавчина, ни пыль, которой вскоре успели запачкаться рубашка и штанишки малыша, вовсе не помешали ему вести воображаемые сражения. В настоящей боевой машине сидел настоящий боец, и экран перед ним заполняли придуманные им яркие картины: вражеские танки и звездолеты, которые полыхали ярким пламенем, стоило только Хьюлитту взорвать их. Ведь его танк был самым могучим, самым секретным и самым неуязвимым. Он слышал, как мать и отец говорили о таких временах, когда и вправду случались подобные сражения, вот только родителям эти битвы почему-то не казались ни волнующими, ни интересными. Судя по тому, как родители отзывались о войне, выходило, что воевать могут только больные или ненормальные.

Но теперь Хьюлитт палил во все, что только мог себе представить: в бомбардировщики, звездолеты, ужасных воинов-инопланетян, наступавших на него из-за деревьев, и радостно вопил, когда в ясном небе взрывались чужие машины или замертво падали страшилища инопланетяне. Рядом с Хьюлиттом не было родителей, которые запретили бы ему орать во всю глотку или стали бы увещевать его, объясняя, что внутри неживых машин находятся живые существа, пусть даже машины придуманные, и что не важно, в каких чудовищ он палит, главное, что они живые.

Некоторые из соседей Хьюлиттов и вправду были чудовищами — по крайней мере казались такими мальчику. Родители говорили, что, если бы кто-то из соседей заглянул к ним в дом в то время, как их дитя беззастенчиво расстреливало таких, как они, они бы очень сильно обиделись и сочли бы Хьюлиттов нецивилизованными и больше никогда бы к Хьюлиттам не зашли. Взрослые — невысказанно скучный народ.

Мало-помалу воображение мальчика иссякло. Солнце уже ушло, внутренности машины и ржавые детали из крас-

новатых стали почти черными. Конечно, это глупо, но Хьюлитт вдруг задумался о том, кому некогда принадлежал танк, и о том, что случится, если хозяин вернется и обнаружит здесь чужака. Встречу он вообразил настолько ярко, что пулей вылетел из танка, еще больше разорвав при этом штанишки.

Солнце спряталось за деревья, но небо пока было синим и безоблачным. По соседству Хьюлитт не увидел ничего особо достойного внимания и, кроме того, почувствовал, что проголодался. Пора возвращаться домой — влезть в окно и попросить у матери поесть. Но во все стороны от мальчика простирались трава и деревья.

Когда он влез на крышу самой высокой машины, окрестности стали видны гораздо лучше. Неподалеку мальчик разглядел высокое дерево, стоявшее на краю глубокого оврага. У дерева было много толстых кривых пушистых веток, опускавшихся почти до самой земли. А у самой верхушки ветки были потоньше, и на них висели какие-то плоды. Хьюлитт решил, что с верхушки этого дерева он уж точно увидит свой дом.

«Это ведь тоже приключение — уговаривал себя мальчик, взбираясь на дерево, — только теперь самое настоящее, не выдуманное». Очень хотелось есть, страшно не было, просто немножко одиноко, поэтому больше всего хотелось поскорее вернуться домой, где он мог бы наконец поесть и доиграть в прерванную игру. Хьюлитт время от времени посматривал вниз, на дно оврага, где стояло еще несколько боевых машин. Одна из них, круглая и толстая, — прямо под ним. Наконец мальчик выбрался из густых ветвей наверх, где светило солнце, и у него закружилась голова. В овраге резко потемнело. У Хьюлитта все поплыло перед глазами. Что самое обидное, он и с верхушки дерева не увидел никаких домов. Теперь ему не заслоняла округу высокая трава, но ее сменили деревья, чуть пониже того, на которое он залез. Хьюлитт стал взбираться еще выше. А потом все произошло одновременно: он добрался до того места, где на ветках висели плоды, и увидел свой дом. Дом оказался куда ближе, чем он думал. По пути от того дерева, на кото-

рое влез Хьюлитт, до дома стояло примечательное деревце со смешными ветками. Можно было бы сразу спуститься, но мальчик так устал, ему было так жарко, так хотелось пить и есть, а рядом, слегка покачиваясь на усиливавшемся ветру, с веток свисали соблазнительные фрукты.

«В конце любого великого приключения, — вспомнил Хьюлитт, — героя всегда ждет награда», и еще он решил, что наградой для него станут фрукты.

Ветка, на которой он сидел, была прочной и толстой. Переберешься вон на тот сук и дотянешься до плодов. Усталость как рукой сняло. Мальчик пополз по ветке, хватаясь за ближайшие сучки, чтобы не упасть. Солнце опускалось все ниже за деревья. Теперь Хьюлитт с трудом видел нижние ветви, а овраг внизу и вовсе превратился в темно-зеленую зыбь. Он перестал смотреть вниз. Ветки с фруктами уже были почти у него над головой.

Он дотянулся до первого и сорвал его, но плод тут же лопнул у него в руке. Со вторым он поступил более осторожно и ухитрился сорвать целиком.

По виду плод напоминал большую грушу — такие Хьюлитт видел на видеолентах, посвященных земной растительности, — и был красиво окрашен: сверху вниз по нему струились желто-зеленые полоски. Судя по тому, как легко лопнул первый плод, фрукты были очень сочными. Тот, который он теперь сжимал в пальцах, казался мальчику надувным шариком, наполненным жидкостью. Вылившийся из первого плода сок уже успел высохнуть и оставил на пальцах малыша ощущение приятной прохлады. Хьюлитт поглядел на руку и увидел, как, высыхая, последнее пятнышко сока как бы едва заметно дымит.

Конечно, Хьюлитт был очень голоден и предпочел бы съесть что-нибудь более питательное, чем этот фрукт, но он был так разгорячен, что совсем не возражал против нескольких глотков прохладного сока. Покрепче обхватив ногами ветку, он изо всех сил сжал плод обеими руками.

Сок оказался очень интересным на вкус — не слишком приятным, но и не отвратительным. Не желая забрызгаться с ног до головы, Хьюлитт прокусил в плоде маленькую дырочку и высосал весь сок. Когда же он пальцем раско-

вырвал дырочку пошире, то убедился, что плод состоит не только из кожуры и сока: внутри помещалась мягкая желтая губчатая масса, а в самой серединке — черные семечки. Семечки Хьюлитт выплюнул — они оказались жгучими на вкус, а желтая масса вкусом не отличалась от сока, и он сжевал ее, чтобы хоть немного прогнать чувство голода.

Понравился Хьюлитту фрукт или нет, он так и не понял. Он задумался о том, не съесть ли еще один, но тут у него заболел живот и с каждым мгновением боль все усиливалась и усиливалась.

Вот тут впервые с того времени, как Хьюлитт ушел из родительского дома, ему стало страшно и захотелось обратно. Он стал, пытаясь, подбираться по ветке к стволу, чтобы оттуда спуститься пониже, но боль стала такой мучительной, что он не сдержался и громко закричал. Слезы застилали ему глаза, и он не видел, куда ползет. Вдруг желудок скрутил такой жуткий спазм, что мальчик, забыв обо всем, прижал обе руки к животу и почувствовал, что валится набок. Несколько мгновений он провисел головой вниз, цепко держась за ветку ногами, но, когда попробовал подтянуться, боль сковала его живот с новой силой, и он не о чем, кроме нее, не смог думать. А потом он понял, что падает.

Мимо него замелькали листья — то озаренные лучами солнца, то омраченные тенью. Он чувствовал, как ветки больно бьют по спине, рукам и ногам, а потом вдруг все потемнело, и удары прекратились. Куда он упал, он понял, когда ударился спиной о крутой склон оврага и кувырком покатился вниз. Удары по спине, рукам и ногам возобновились. Все тело теперь болело почти так же сильно, как и живот. А потом Хьюлитт ударился боком и головой обо что-то, проломившееся под его весом, и потерял сознание.

Проснулся он от шума голосов. Два голоса принадлежали его родителям. По темному дну оврага сновал яркий луч фонаря. Луч осветил фигуру какого-то взрослого человека в форме Корпуса Мониторов, летевшего к мальчику с помощью антигравитационного пояса. Родители и несколько инопланетян спускались на дно оврага, как попало, хватаясь за землю кто чем мог. Человек в форме Корпуса Мониторов опустился рядом с Хьюлиттом и встал на колени.

— Так вот ты где, молодой человек, — сказал мужчина. — Ну и натворил же ты дел! Но прежде всего скажи мне, где у тебя болит?

— Сейчас не болит, — ответил мальчик, прижав руку к животу, а потом пощупав висок. — Сейчас уже нигде не болит.

— Отлично, — кивнул мужчина, вынул из сумки на плече плоский приборчик с крошечным подсвеченным экраном и принялся водить им над головой, руками и туловищем Хьюлитта.

— Я поел там на дереве каких-то фруктов, — объяснил Хьюлитт, поняв, что перед ним врач. — У меня от них живот заболел, а потом я упал.

— Дерево очень высокое, — проговорил врач точно таким же тоном, каким папа Хьюлитта говорил всегда, когда собирался рассказать что-то очень длинное и скучное. — А теперь опусти руку и не двигайся до тех пор, пока я не закончу сканирование. Скажи мне, пожалуйста, а с тех пор, как ты упал, ты засыпал хоть раз?

— Да, — ответил мальчик, — но долго я спал или нет, не знаю. Когда я упал, солнце садилось. А вы меня разбудили.

— Стало быть, проспал ты четыре, а то и пять часов, — озабоченно пробормотал врач. — Сейчас я помогу тебе сесть, а ты мне скажешь, будет ли где-нибудь больно, ладно? Я хочу сканировать твою голову.

Теперь сканер медленно путешествовал вдоль висков, макушки и затылка мальчика. Затем врач убрал прибор в сумку и встал. Тут как раз подбежали родители Хьюлитта. Мать бросилась к мальчику и прижала его к себе так крепко, что у того перехватило дыхание. Мама плакала, а папа принялся его расспрашивать.

— Вашему сыну очень повезло, — негромко сообщил отцу врач. — Как видите, одежда на нем изодрана в клочья — наверняка играл в войну, лазил по сломанным машинам, а потом еще и по склону проехался. А на нем ни царапинки. Он мне сказал, что съел несколько фруктов с дерева пессенита — вон оно там, наверху. Он сказал, что после этого у него разболелся живот, что он упал с дерева и потерял сознание еще на закате. Я не собираюсь сейчас затевать спор с ребенком-фан-

тазером, но вы сами подумайте: никаких желудочных расстройств — раз, он свалился с такой высоты, что неизбежно должен был получить синяки, ссадины и сотрясение мозга, а он целехонек — два, четыре часа он лежал без сознания, и тут уж никак не должно было обойтись без тяжелой травмы, а прибор молчит — это три.

Судя по его одежде, — добавил врач, — я мог бы скорее предположить, что он устал во время игры и просто-напросто уснул. Жалобы на боль в животе и рассказ о падении с дерева скорее всего рассчитаны на то, чтобы вызвать жалость у родителей и избежать наказания.

Мать перестала плакать и стала спрашивать Хьюлитта, действительно ли он себя хорошо чувствует, но мальчик изо всех сил прислушивался к голосу отца. Тот заверял врача: они с матерью и не собирались наказывать мальчика, они так рады, что нашли его.

— Дети порой уходят из дому и могут заблудиться, — заметил врач, — и иногда такие приключения заканчиваются намного печальнее. Мы отвезем ребенка домой на своей машине, но только потому, что он, видимо, пока еще очень слаб. Я загляну завтра и еще раз осмотрю его, хотя на самом деле никакой нужды в этом нет — он совершенно здоров. Этот молодой человек силен как бык, и с ним все в полном порядке...

Воспоминания покинули Хьюлитта. Тепло рук матери, зрелище залитого светом прожектора оврага и лицо болтливового врача исчезли и сменились знакомыми стенами седьмой палаты, где рядом с ним сидел уже другой человек в форме Корпуса Мониторов, сидел и молчал.

Глава 8

Он думал, я вру, — процедил Хьюлитт, с трудом сдерживая злобу. — И родители так думали, сколько я ни пытался им рассказать о том случае. И вы мне не верите.

Лейтенант некоторое время молча смотрел на Хьюлитта, потом сказал:

— Если судить по тому, как вы мне сейчас рассказали об этом происшествии, то я вполне понимаю того врача — с точки зрения клиники и анатомии у него имелись веские причины полагать, что вы говорите неправду. Большинство людей медикам верят, поэтому ваши родители предпочли поверить профессионалу, а не своему ребенку, склонному к фантазиям, да и сколько вам тогда было — всего-то четыре года. Я, честно говоря, не знаю, кому или во что мне верить, поскольку меня там не было, а правда порой бывает весьма субъективна. Я верю, что вы верите, что говорите правду, но это совсем не то же самое, как если бы я верил, что вы лжете.

— А я вас не понимаю, — огрызнулся Хьюлитт. — Может быть, вы считаете меня лжецом, но не хотите сказать об этом прямо?

Пропустив вопрос Хьюлитта мимо ушей, Брейтвейт продолжал:

— Вы другим врачам рассказывали о падении с дерева?

— Да, — кивнул Хьюлитт. — Но потом перестал. Никого из них не интересовала эта история. А психологи, как и вы, считали, что все дело в моем воображении.

— Полагаю, — сказал Брейтвейт и улыбнулся, — психологи вас спрашивали о том, любили ли вы своих родителей, или нет, и если да, то насколько сильно. Прошу простить меня, но я тоже вынужден задать вам такой вопрос.

— Вы правы, — ответил Хьюлитт, — но понапрасну тратите время. Безусловно, бывали моменты, когда родители мне не нравились, — это происходило тогда, когда они мне в чем-то отказывали, когда бывали слишком заняты для того, чтобы поиграть со мной, и вместо этого заставляли меня делать уроки. Такое случалось нечасто — только в тех случаях, когда оба бывали заняты какой-нибудь срочной работой. И отец, и мать участвовали в работе отдела по Культурным Контактам, расположившегося на базе неподалеку от нашего дома. Оба они служили в Корпусе Мониторов, но форму надевали редко, потому что чаще всего

работали дома. Но меня нельзя было назвать брошенным ребенком. Мама у меня была очень добрая, и я ее мог легко разжалобить. Отца обвести вокруг пальца удавалось не всегда, но если все-таки удавалось, то я чувствовал себя победителем. Дома обычно бывал кто-нибудь из них, и стоило мне покончить с уроками, как кто-то из родителей всегда занимался со мной. Но мне хотелось, чтобы они уделяли мне еще больше внимания. Может быть, так было из-за того, что я откуда-то знал или чувствовал, что я их скоро потеряю и что нам уже недолго осталось жить вместе. Мне их на самом деле очень не хватало. И теперь тоже.

Как бы то ни было, — продолжал Хьюлитт, встряхнув головой, словно попытался — увы, тщетно, — прогнать нахлынувшие воспоминания, — ваши коллеги-психологи решили, что я вел себя тогда как эгоистичный, расчетливый и вполне нормальный ребенок четырех лет.

Брейтвейт кивнул.

— Психологическая травма, равная потере обоих родителей в четырехлетнем возрасте, может надолго сказаться на психике ребенка. Они погибли в авиакатастрофе, а вы остались в живых. Что вы помните об этом несчастном случае, что вы думали о случившемся тогда и сейчас?

— Я помню все, — ответил Хьюлитт, всей душой желая, чтобы его собеседник перешел на менее болезненную тему. — Я тогда не сразу понял, что происходит, но понял потом, когда мы летели над лесом. Родители должны были присутствовать на совещании в городе, расположенном на другом краю Этлы, где произошли какие-то серьезные неполадки. Совещание должно было продлиться целую неделю, поэтому меня взяли с собой. Мы летели на высоте, нормальной для небольшого флайера, — пять тысяч футов. Прошло всего несколько минут, и мы задели верхушки деревьев. Мама сразу перебралась на заднее сиденье, где сидел я, весь обмотанный ремнями. Она обняла меня, прижала к себе, а папа все пытался сладить с управлением. Мы с силой ударились о деревья, и три ветки проткнули обшивку и часть фюзеляжа. Я выпал из кабины. Когда на сле-

дующий день нас разыскали, оказалось, что мои родители мертвы, а я — целехонек.

— Вам очень повезло, — негромко заметил психолог. — То есть если можно сказать, что ребенку, оставшемуся без родителей, повезло.

Хьюлитт молчал, и через несколько секунд Брейтвейт продолжил:

— Давайте вернемся к тому случаю, когда вы залезли на дерево или вообразили, что залезли, и к тем фруктам, которые вы тогда съели, после чего у вас сильно разболелся живот. Впоследствии — до и после авиакатастрофы подобные симптомы у вас случались?

— А с какой стати я буду вам отвечать на этот вопрос, — огрызнулся Хьюлитт, — если вы мне все равно не верите и думаете, что я все выдумываю?

— Если вас это хоть сколько-нибудь утешит, — признался Брейтвейт, — я пока еще ничего для себя не решил.

— Ну, тогда ладно, — вздохнул Хьюлитт. — В первые несколько дней после того, как я упал с дерева и скатился в овраг, меня всякий раз после еды тошнило, но до рвоты дело не доходило. Потом, со временем, тошнить перестало. Эти ощущения возобновились через некоторое время после того, как я переехал на Землю, но думаю, что это скорее всего объяснялось переменами в питании и способах приготовления пищи. Ни на Этле, ни на Земле врачи не установили причину моей тошноты, и тогда впервые прозвучала фраза насчет «психологического компонента». Долгие годы я не испытывал подобных ощущений, и они вернулись только на борту «Тривендара», когда я отведал синтетической еды. Но там же, на корабле, симптомы пошли на убыль. Наверное, все дело в моем воображении.

Брейтвейт проигнорировал саркастический вывод пациента и сказал:

— Вам действительно хотелось бы думать, что все дело в вашем воображении, или вам не хотелось бы быть ни в чем уверенным? Прошу вас, не торопитесь с ответом.

— Если я что-то выдумываю, — отчеканил Хьюлитт, — мне бы не хотелось быть единственным, кто этого не знает.

— Честно сказано, — похвалил его Брейтвейт. — А насколько хорошо вы помните то дерево, на которое, как вы говорите, забрались на Этле, и как выглядели его плоды?

— Помню отлично, мог бы нарисовать, — откликнулся Хьюлитт. — Если бы я был художником. Хотите, чтобы я попробовал?

— Нет, — покачал головой психолог. Он наклонился, дотянулся до коммуникатора и быстро набрал на пульте какой-то номер. Когда на экране засветилась эмблема Главного Госпиталя Сектора, Брейтвейт произнес: — Библиотека, немедицинская, вербальный запрос, с выдачей визуального и вербального материала, тема: бывшая Этланская империя, планета Этла-Большая.

— Ждите ответа, — отозвался холодный бесстрастный голос библиотечного компьютера.

Хьюлитт, очень удивленный, протянул:

— Вот не знал, что можно связаться с библиотекой по этой штуковине. Я-то думал, что могу по ней говорить только с сестринским постом и смотреть развлекательные каналы.

— Без определенных кодов доступа вы этого сделать не сумеете, — пояснил Брейтвейт. — Но если вам когда-нибудь все нестерпимо наскучит, думаю, я смогу такое для вас устроить. Но вот кода доступа к медицинской библиотеке вы, увы, получить не сможете. Когда врачи усматривают у пациента хотя бы самую незначительную степень ипохондрии, они считают, что его ни в коем случае нельзя подпускать к обширному банку данных бесчисленных симптомов.

Хьюлитт не сдержался — он расхохотался и сказал:

— Я их понимаю!

Брейтвейт собрался было что-то ответить, но тут заговорил библиотечный компьютер:

— Внимание. Информация по Этле точна, но страдает неполнотой. После крупномасштабной полицейской операции, предпринятой в отношении бывшей Этланской империи, и последующего вступления ряда планет в состав Федерации двадцать семь лет назад первоочередное значение придавалось социальной информации, а не сведениям

по ботанике Этлы. В настоящее время ситуация стабилизировалась. Нативная разумная форма жизни имеет физиологическую классификацию ДБДГ. На Этле приветствуют прилеты граждан Федерации, принадлежащих к другим видам. Будьте любезны, обозначьте границы вашего запроса.

«Ничего себе, — подумал Хьюлитт, — крупномасштабная полицейская операция!» Между Этланской империей и Федерацией была тяжелейшая, но, к счастью, короткая война. Правящая верхушка спровоцировала эту войну для того, чтобы удержаться у власти и отвлечь внимание населения от своих промахов. Однако Корпус Мониторов существовал не для того, чтобы вести войны, а для того, чтобы поддерживать в Федерации мир, поэтому реакцию на этланское вторжение в дела почти целого сектора Галактики можно было и вправду счесть полицейской операцией. На планету вернулись мир и спокойствие, значит, можно было считать, что операция прошла успешно.

— Нативная этланская флора, — ответил компьютеру Брейтвейт, прервав циничные размышления Хьюлитта. — В частности, перечень всех крупных плодовых деревьев, высотой десять метров и выше, произрастающих в южной умеренной зоне. Прошу демонстрировать кадры с промежутками в двадцать секунд, пока не будет дана другая команда.

Хьюлитт неизвестно почему занервничал. Он смотрел на Брейтвейта, но только собрался раскрыть рот, как лейтенант покачал головой и сказал:

— Вы описали то дерево как очень высокое, но вы тогда были ребенком и оно могло всего лишь показаться вам высоким. Я счел за лучшее начать с десяти метров.

«Совсем как школьная программа по ботанике», — подумал Хьюлитт. Изображения деревьев сменяли друг друга, но сейчас они у него вызывали лишь раздражение. Большинство деревьев Хьюлитт раньше никогда не видел. Другие чем-то напоминали большие кусты, росшие за забором сада. Но вот это...

— Это оно! — воскликнул Хьюлитт.

— Задержать кадр. Выдать подробные сведения по дереву пессинит, — проговорил Брейтвейт в микрофон коммуникатора. Хьюлиту же он сказал: — Оно действительно похоже на описанное вами дерево: толстые корявые ветви, а наверху — четыре ветки потоньше с гроздьями плодов. Цвет листвы соответствует концу лета — то есть как раз тому времени года, когда вы взобрались на дерево. Библиотека, прошу выдать при большом увеличении изображение плодов дерева в разное время года.

Несколько минут Хьюлитт наблюдал за тем, как плод из зеленой завязи превращается сначала в небольшой темно-коричневый шарик, из которого затем вызревает в желто-зеленую полосатую грушу. Зрелище оказалось настолько ярким, что он вспомнил, как мучительно у него тогда скрутило желудок. Он так разволновался, что даже не расслышал, как компьютерный голос бормочет какую-то скучную информацию о плодах.

— Вот оно, — повторил он. — Это точно. Ну, теперь вы мне верите?

— Что ж... — протянул Брейтвейт, покачивая головой так, словно сам был не слишком уверен в своих сомнениях. — Теперь я понял еще одну причину, из-за которой вам тогда не поверил медик-монитор. А вы не слушали и кое-что упустили. Дерево начинает плодоносить только тогда, когда достигает высоты в пятнадцать—двадцать метров, а плоды всегда растут только на самых верхних ветках. Если дерево росло на краю обрыва и если вы упали с самой его верхушки, вы бы непременно сломали себе шею. А вы ведь оказались целехоньким.

Можно предположить, конечно, что, покуда вы падали, ударяясь о нижние ветки, они смягчали и замедляли ваше падение. Можно также представить, что, прежде чем вы покатались вниз по склону на дно оврага, вы упали в какой-нибудь ветвистый куст. Бывали и более странные случаи. Этим может объясняться то, почему вы, разумный и вроде бы уравновешенный человек, так упорно настаиваете на своей невероятной истории. Но вы ведь не только

упали с дерева, пациент Хьюлитт. Вы сделали еще кое-что. Прошу вас, помолчите и послушайте.

В наступившей тишине голос компьютера звучал ясно и, пожалуй, даже слишком громко.

«Когда плоды созревают, — вещал компьютер, — губчатая пульпа впитывает в себя сок и разрастается внутри полосатой кожуры, которая перед самым созреванием становится гибкой и эластичной. Когда полужидкий, наполненный губчатой массой плод ударяется о землю, он скачет или катится по земле до тех пор, пока химические сенсоры плода не улавливают, что плод нашел почву, пригодную для прорастания. Затем кожура, контактирующая с почвой, разлагается, позволяя губчатой пульпе излить сок в почву, после чего туда поступают семечки. Затем начинает разлагаться и сама пульпа. При этом преследуются сразу две цели: во-первых, гниющая губчатая масса удобряет почву рядом с семенами, а во-вторых, сок отравляет и убивает вокруг семечек все сорняки.

— Предупреждение, — продолжал компьютер, — плоды дерева пессинит высокотоксичны для всех представителей кислорододышащих теплокровных форм жизни, так же как и для нативных обитателей Этлы. Плоды использовали на предмет возможного их применения в медицине, но успеха не добились. Два кубических сантиметра сока, поглощенного существом средней массы тела, такими, как взрослые орлигиане, кельгиане и земляне, вызывают быструю потерю сознания и смерть в течение одного стандартного часа. Три кубических сантиметра сока способны оказать такое же действие на худларианина или тралтана. Действие яда необратимо. На сегодняшний день не найдено противоядия...»

— Благодарю, библиотека, — сказал Брейтвейт и прервал изливания компьютера. Голос его прозвучал спокойно, лицо осталось бесстрастным, но по клавише прерывания связи он ударил с такой силой, словно бил злейшего врага. Лейтенант довольно долго смотрел на Хьюлитта, не произнося ни слова. Хьюлитт мысленно твердил себе: «Ну, вот сейчас все начнется снова. Сейчас еще один медик при-

мется убеждать меня в том, что я все выдумал». Однако когда психолог заговорил, в его голосе звучало скорее любопытство, нежели недоверие.

— Несколько капель сока плода дерева пессинит способны убить взрослого человека, — спокойно проговорил Брейтвейт, — а вы были четырехлетним ребенком и высасали весь сок из плода. Вы можете это объяснить, пациент Хьюлитт?

— Вы же сами понимаете, что не могу.

— И я не могу, — проворчал лейтенант.

Хьюлитт вздохнул поглубже и медленно выдохнул. Собравшись с силами, он сказал:

— Я с вами беседовал больше четырех часов, лейтенант. Уж наверное, вы могли бы понять, ипохондрик я или нет. Скажите мне это и будьте честны. Вежливость тут неуместна.

— Постараюсь быть честным и вежливым одновременно. — Психолог на секунду задумался, как бы собираясь с силами. — Случай у вас непростой. В вашем детстве происходили случаи, которые вполне могли сказаться на вашей последующей жизни, но пока мне не удалось обнаружить у вас долговременных нарушений психики. Ваша личность представляется мне уравновешенной, уровень вашего интеллекта превышает средний.

Кроме того, вы, похоже, постепенно избавляетесь от первичной ксенофобии. Помимо повышенной возбудимости и необходимости непрерывно защищаться из-за того, что вам никто не верит, я пока не нахожу у вас ничего особенного...

— Пока? — уточнил Хьюлитт. — Не хотите ли сказать, что вы мне поверили?

Брейтвейт на этот вопрос не ответил. Он продолжал:

— Поведение ваше не характерно для ипохондрика. Нам известно, что ипохондрики склонны выдумывать симптомы болезней по причинам психологического свойства — например, из желания привлечь к себе внимание или вызвать сочувствие, а иногда — для того чтобы уйти от глубоко спрятанной медицинской проблемы, уйти от события, с

которым ипохондрик не хочет сталкиваться и защититься от которого может только болезнью. Если имеет место последний вариант и если вам удавалось это скрывать от себя на протяжении всей жизни, а от меня удалось скрыть на протяжении четырехчасовой беседы, значит, что-то было в вашей жизни ужасное, о чем вы себя заставили забыть. Между тем не могу поверить, что вы от меня скрываете что-либо подобное. Но точно так же я не могу поверить в то, что вы съели целиком плод дерева пессинит или упали с такого дерева. Если бы все было так, то вам бы не просто несказанно повезло — нет, это было бы настоящее чудо!

Довольно долго Брейтвейт не мигая смотрел на Хьюлитта, после чего добавил:

— Медиков не устраивают чудеса. Меня тоже. По чудесам у нас специализируется Лиорен. Но даже наш уважаемый падре считает, что нынешние медицинские достижения — превыше любых чудес. А вы верите в чудеса?

— Нет, — твердо проговорил Хьюлитт. — Я никогда ни во что не верил.

— Ладно, — кивнул Брейтвейт. — Хотя бы один психологический момент можно сбросить со счетов. Но нужно бы сбросить и еще один — а именно проявившуюся у вас в раннем возрасте ксенофобию. Она могла быть спровоцирована каким-либо столкновением с настолько страшным инопланетянином, что вам не хочется об этом вспоминать. Мне необходимо провести тест.

— А я имею право от него отказаться? — любопытноствовал Хьюлитт.

— Вы должны понять, — заметил Брейтвейт, по обыкновению игнорируя вопрос пациента, — что у нас не психиатрическая лечебница. Наше отделение отвечает за психологическое здоровье сотрудников, принадлежащих к шестидесяти различным классификациям. Нам работы и так за глаза хватает — следить за тем, чтобы вся эта орава не передралась и жила без забот. Тест поможет мне решить, то ли вернуть вас Медалонту для дальнейшего медицинского обследования, то ли порекомендовать перевести вас в какую-нибудь психиатрическую лечебницу.

Хьюлитт почувствовал, как в нем опять закипает злость, обида и отчаяние. От ведущего госпиталя Галактической Федерации он ожидал большего. С горечью в голосе он спросил:

— Что вы собираетесь со мной делать?

— Этого я вам сказать не могу, — ответил Брейтвейт и улыбнулся. — Скажу только, что тест принесет вам некоторые неудобства. Вашей жизни не будет грозить опасность, но стресс предстоит немалый. Я же попытаюсь все держать под контролем.

Глава 9

Это страшный сон. Мне снится страшный сон», — твердил себе Хьюлитт, борясь с нестерпимым желанием спрятаться под одеяло. «Сейчас я проснусь, — думал он, — и все это пропадет». Но вот беда — он, оказывается, не спал.

Их было пятнадцать. Они шлепали, топали и ползли друг за другом по палате. С чувством неизбежности Хьюлитт понял: они направляются к его кровати. Три члена процессии были ему знакомы. Сестра-худларианка, лейтенант Брейтвейт и Старший врач Медалонт. Речевая мембрана медсестры не шевелилась, психолог молча ободрительно улыбался. Молчали и все остальные. Тишину нарушил Медалонт.

— Как вам, вероятно, уже известно, пациент Хьюлитт, — проговорил он, — Главный Госпиталь Сектора, помимо всего прочего, еще и учебное заведение. Это означает, что в любое время в состав персонала входит определенное число практикантов, которые надеются в один прекрасный день получить квалификацию межпланетных врачей или медсестер и затем смогут практиковать здесь или получить должность медиков при бригадах космического строительства. В течение долгого времени, предшествующего этим событиям, практикантам приходится набираться опыта в

области разнородной физиологии. Как раз это сейчас и будет происходить. Вы не обязаны соглашаться на то, чтобы вас физически обследовали практиканты, но большинство наших пациентов охотно идут на это, понимая, что при этом преследуются их же интересы.

Хьюлитт заставил себя посмотреть по очереди на всех практикантов. Среди них он узнал двоих кельгиан, мельфианина, который отличался от Медалонта только окраской панциря, трех нидиан и шестиногого слоноподобного тралтана, похожего на одного из пациентов в палате. Остальных Хьюлитт никогда прежде не видел, и поэтому они его, естественно, пугали. Он хотел было покачать головой, но шея онемела и не желала шевелиться. Хотел сказать «нет», да рот пересох.

— Для того чтобы попасть на практику в наш госпиталь, — продолжал пояснения Старший врач, — тем, кто сейчас находится рядом с вами, для начала пришлось продемонстрировать значительные успехи в хирургии, терапии и уходе за больными и набраться определенного опыта в больницах родных планет. Об этом я упоминаю, чтобы вы не считали наших практикантов полными тупицами в медицине, что бы там о них ни говорили некоторые.

Ответом на это заявление стала сдержанная какофония инопланетянских звуков. Транслятор их переводить не стал. Хьюлитт решил, что прозвучал дежурный смех в ответ на дежурную шутку старшего по рангу.

Медалонт на смех никак не отреагировал и продолжал:

— Контакты с представителями других видов вы уже имели — со мной и палатной сестрой, — и это не вызывало у вас особого возмущения и недовольства. Смею заверить вас, что, если кто-то из нынешних практикантов вас хоть немного огорчит, я непременно впоследствии выговорю им, и притом весьма резко. Вы позволите нам приступить к занятию? — спросил Медалонт.

На Хьюлитта смотрело множество глаз. Брейтвейт и сестра-худларианка подошли поближе. Лейтенант одновременно хмурился и улыбался — в выражении его лица непостижимым образом сочетались тревога и поддержка.

Что выражали физиономии других созданий, Хьюлитт, конечно, не понимал. Он открыл рот, но издал такой звук, который и сам на месте транслятора ни за что бы не перевел.

— Благодарю вас, — торопливо проговорил Медалонт. — Ну, кто желает первым побеседовать с больным?

О Господи! Это должно было случиться. Первым к кровати Хьюлитта шагнул здоровенный тралтан. На его похожей на купол здания гигантской голове имелось четыре глаза. Один из них глядел на Хьюлитта, вторым тралтан косил в сторону Медалонта, а остальные два были устремлены назад. Две из четырех щупальцевидных ног тралтана, растущие из массивных плеч, были опущены на уровень груди. В них он сжимал сканер. Тралтан заговорил, но Хьюлитт не понял, откуда доносится изумительно спокойный голос.

— Прошу вас, не бойтесь, пациент Хьюлитт, — обратился тралтан к землянину, тщетно пытавшемуся провалиться сквозь кровать. — Обследование и вербально, и физически будет неинвазивным. В том случае, если мои вопросы покажутся вам чересчур личными, вы можете на них не отвечать. Я практикуюсь в госпитале с тем, чтобы получить квалификацию нейрохирурга, поэтому и свое обследование я ограничу вашим черепом. Мне бы хотелось начать с затылочной области — оттуда, где нервные стволы входят в верхний позвонок.

Не могли бы вы сесть, — негромко и вежливо продолжал тралтан, — и опустить переднюю часть головы на суставы, соединяющие посередине ваши нижние конечности? По-моему, в просторечии они именуются коленями. Верно?

— Верно, — хором откликнулись Хьюлитт и Медалонт.

— Благодарю вас, — сказал тралтан и, не спуская одного глаза со Старшего врача, продолжал: — Преимущество представителей классификационного типа ДБДГ состоит в том, что длина нервных соединений между нервными окончаниями зрительных, слуховых, тактильных и обонятельных органов и соответствующими им центрами головного мозга невелика — она короче, чем у большинства других разумных существ, включая и мой вид. Преимущества в

быстроте реакций наверняка обусловили доминирование ДБДГ еще во времена, предшествующие развитию у них разума. Однако содержимое черепной коробки на редкость плотно, поэтому картирование нервных волокон затруднительно, и в тех случаях, когда необходимо хирургическое вмешательство, требуется тонкая и точная работа. Скажите, пожалуйста, пациент Хьюлитт, когда вы открываете рот и закрываете его, смыкая и размыкая при этом верхнюю и нижнюю челюсть, не возникает ли у вас субъективного ощущения сдавления мозгового ствола?

— Нет, — снова хором отозвались Хьюлитт и Медалонт. Хотя Хьюлитт и не умел читать по лицам мельфиан, ему почему-то показалось, что этот вопрос тралтана Старший врач счел глупым.

— Достаточно, — резюмировал Медалонт. — Кто будет следующим?

Вперед вышло создание с узким трубчатым тельцем, покрытым коричневыми и желтыми полосками. Тельце покоилось на шести длинных тонюсеньких ножках. Из боков странного существа торчали две пары крыльев. Похоже, крылья были разноцветными, но существо так плотно прижало их к бокам, что Хьюлитт не мог разглядеть их как следует и понять, какой цвет преобладает. На макушке удивительного насекомого антеннами торчали два длинных усика. Поднявшись в полный рост, существо едва дотянулось до края кровати срединными лапками и устало на Хьюлитта громадными лишенными ресниц глазами.

Первым побуждением Хьюлитта было прихлопнуть неприятное насекомое — так, как он прихлопывал любых насекомых, осмелившихся подлететь к нему близко, но он одернул себя. Ударь он такое хрупкое создание, он бы изрядно его покалечил. А раз так, то нечего его и бояться. Кроме того, Хьюлитт никогда бы не прихлопнул бабочку, пусть даже такая большая ему никогда не встречалась.

— Я дверланка, пациент Хьюлитт, — сообщила бабочка, доставая из наплечной сумки сканер. — Поскольку я в настоящее время в госпитале являюсь единственной представительницей нашего вида, я искренне надеюсь, что наша

встреча пройдет дружески. Мои интересы простираются в области общей хирургии, поэтому, с вашего разрешения, я обследую вас с головы до пальцев ног.

«Огромная бабочка, — подумал Хьюлитт, — с безукоризненной манерой общения с пациентами!»

— Вы — не первый землянин-ДБДГ, которого я обследую и чьи медицинские документы оставляю для последующего изучения, — добавила дверланка. — Но другие, как и положено в госпитале, имели заболевания или травмы. Вы же, похоже, совершенно здоровы и поэтому представляете для меня особый интерес как образец для сравнений. Я начну с того, что посчитаю ваш пульс в височной и каротидной артериях и на запястье, поскольку острые ситуации могут случиться и в отсутствие сканера.

Бабочка-дверланка склонила голову так, что один из усиков коснулся виска и шеи Хьюлитта. Прикосновение оказалось едва заметным. Закрой Хьюлитт глаза, он бы вообще ничего не почувствовал. Затем дверланка сказала:

— Мои инструменты позволят мне обследовать вас, не прибегая к раздеванию. В особенности это касается ваших гениталий. На основании моего опыта в области изучения поведения землян явствует, что они наготу считают табу и поэтому стесняются открыто показывать эти участки тела. Поскольку я не намерена смущать вас, пациент Хьюлитт, независимо от того, мужчина вы или женщина...

— Да ты разуй глаза-то, тупица! — возмутился один из кельгиан. — Смотри, какие у него плоские, атрофированные соски. Даже под одеялом видны очертания грудной клетки. У женщин молочные железы полностью развиты, поэтому женщины-ДБДГ имеют отяжеленную верхнюю часть тела. Мужчина, тут и гадать нечего.

Но тут Медалонт поднял клешню, и кельгианин сразу умолк. Дважды шелкнув клешней, Медалонт изрек:

— Хватит. Сейчас не время затевать медицинские дебаты — пациент слышит нас и, вполне возможно, сделает собственные выводы насчет ваших врачебных талантов.

Следующим к Хьюлитту приблизился тот самый кельгианин, который прервал излияния дверланки. Поднявшись

на трех парах задних лапок и изогнувшись около кровати наподобие пушистого вопросительного знака, он воззрился на землянина. Значит, ни о какой безукоризненной манере общения говорить не приходилось.

— Я обследую вас примерно так же, как моя дверланская коллега, — резко проговорил кельгианин. — Но мне, кроме того, хотелось бы задать вам несколько вопросов. Первый: что делает такой пациент, как вы, то есть как бы совершенно здоровый, в госпитале? Судя по записям Старшего врача, с клинической точки зрения с вами все в порядке за исключением того, что у вас ни с того ни с сего произошел сердечный приступ. Что с вами, пациент Хьюлитт?

— Не знаю, — сказал Хьюлитт. — Ни того, ни другого.

Как и все кельгиане, этот практикант вел себя невежливо, честно и абсолютно прямолинейно, потому что только так и мог себя вести. Если бы Хьюлитт вел себя точно так же в отношении кельгианина, тот бы не обиделся, поскольку вежливость и дипломатия для любого кельгианина были понятиями чужеродными. Эту истину Хьюлитт усвоил почти сразу, как только оказался в госпитале, и теперь, пользуясь ею, мог сам задать интересующие его вопросы. Понятие лжи кельгианам также было неизвестно.

— Мое заболевание носит преходящий характер, не имеет явной причины и не отличается тяжелой симптоматикой. Но и об этом вы тоже наверняка знаете из моей истории болезни. А что вы еще знаете?

— В вашей истории болезни также высказывается предположение о том, что возможной причиной вашего заболевания являетесь вы сами, — честно отвечал кельгианин. — И что заболевание обусловлено сильной истерической реакцией, приводимой в действие глубоко укоренившимся психозом, проявляющимся на физическом уровне. Еще сказано, что для проверки этого предположения было принято тщательное психологическое обследование. Повернитесь на левый бок.

— До сих пор, — заметил Хьюлитт, глядя на Брейтвейта, который улыбался и смотрел в потолок, — ни о каком психозе речи не было — ни о глубоко укоренившемся, ни о

каком-либо еще, просто потому, что у меня его никто не находил. Если бы в моем детстве что-то произошло — событие или проступок — и запечатлелось бы в моем подсознании, то уж наверняка у меня были бы или провалы в памяти, или кошмарные сны, или еще какие-либо признаки, помимо внезапного сердечного приступа. Что скажете, а?

Шерсть кельгианина заходила быстро и беспорядочно. Волны расходились от самого кончика носа этого пушистого существа — правда, нижняя часть тела была скрыта от глаз Хьюлитта краем кровати.

— Я вам не психолог, — пробурчал кельгианин. — Я и в кельгианской-то психологии не спец, не говоря уж о разнородной. Только с вами я не согласен. Все знают, что глубоко запрятанные воспоминания склонны оказывать действие на психику, прямо пропорциональное той глубине, на которую они запрятаны, если вырываются-таки наружу. Что-то у вас такое прячется в разуме и наружу выходить не хочет. И если угроза раскрытия тайны может вызвать у вас сердечный приступ или любые другие симптомы, зарегистрированные в прошлом, следовательно, вашу тайну нужно локализовать, идентифицировать и раскрыть очень быстро, если, конечно, вы это переживете и останетесь в живых.

На этот раз на Брейтвейта уставился кельгианин. Землянин-психолог согласно кивнул. Понятно. Значит, тут все думают, что у него неладно с головой. Стараясь сдерживать гнев, что в разговоре с кельгианами было совершенно ни к чему, Хьюлитт спросил:

— И как же, интересно, вы собираетесь это, как вы выразились, «локализовать и идентифицировать»?

Короткую паузу нарушил Медалонт:

— Похоже, у нас теперь пациент экзаменует практиканта. Но ответ на этот вопрос интересует и меня.

Шерсть кельгианина вздыбилась сердитыми иглами. Ответ его прозвучал так:

— До сих пор Старшему врачу Медалонту не удалось выявить причину вашего заболевания, пациент Хьюлитт, а лейтенант Брейтвейт не обнаружил у вас свидетельств се-

рьезного поражения психики. Но если с вами что-то не в порядке, как бы малозаметно это чувство ни было, я бы предложил исследовать ваши ощущения более скрупулезно, чем это возможно за счет вербальной методики лейтенанта.

Если бы вас обследовал цинрусскийский эмпат вроде Приликлы, — закончил свою мысль кельгианин, — он бы выявил у вас такие чувства, о которых вы сами не знаете, да и не только чувства, но и их причины.

— Но я, как правило, чувствую себя хорошо, — запротестовал Хьюлитт. — Чувствуй я себя плохо, я бы первый узнал об этом. Кстати, с тех пор, как я попал сюда, я успел повидать много разных страшилищ, но вот цинрусскийцев что-то не припомню.

— Если бы вы видели Приликлу, — сказал кельгианин, — вы бы его сразу припомнили.

Не успел Хьюлитт ответить кельгианину, как Медалонт щелкнул клешней, призывая всех к молчанию, и решительно проговорил:

— Кроме того, вам следует помнить, что цинрусскийцы — эмпаты, а не телепаты, они способны улавливать и определять самые тонкие чувства, но не их причины. Предложение подвергнуть пациента Хьюлитта эмпатическому обследованию представляется мне разумным, тем более что и я, и лейтенант Брейтвейт уже высказывали ранее такое предложение. К сожалению, к обследованию нельзя приступить до тех пор, пока Старший врач Приликла не вернется с Вемара, то есть не раньше чем через две недели. Пока же пациент Хьюлитт милостиво согласился помочь нам в вашем обучении тем, что выразил согласие подвергнуться обследованию практикантами разных видов. Вам скоро пора на лекции, и времени у вас осталось немного. Продолжим.

Некоторые практиканты обследовали Хьюлитта не так нежно, как дверланка, но ни один из них не был груб настолько, чтобы Хьюлитт мог пожаловаться. Задавать вопросы ему больше не позволили — приходилось отвечать. Наконец обследование завершилось. Медалонт и практи-

канты по очереди лично поблагодарили Хьюлитта и ретировались, оставив пациента наедине с Брейтвейтом.

— Вы неплохо держались, пациент Хьюлитт, — похвалил Брейтвейт. — Я в восторге. Такое пережили — молодец.

— Ну а как насчет вашего особого, не слишком приятного стрессового теста, за которым вы будете приглядывать? — язвительно поинтересовался Хьюлитт. — Его я тоже переживу?

Брейтвейт рассмеялся:

— Вы его только что пережили.

— Понятно, — прищурился Хьюлитт. — А вы, стало быть, наблюдали за тем, как я, страдающий несуществующим психозом, среагирую на массовое нападение чужаков, верно? Что ж, не могу сказать, чтобы я так уж беспечно чувствовал себя в их компании, но, сам не знаю почему, они мне все более и более любопытны, то есть любопытство пересиливает страх. С чего бы это?

— Любопытство — это хорошо, — отметил Брейтвейт и, не отвечая на вопрос Хьюлитта, продолжал: — Но у вас есть другая проблема. Врач госпиталя способен уделить любому больному, а особенно тому, который не нуждается в принятии срочных мер, совсем немного времени. Вы представляете, чем займетесь в ближайшие несколько недель?

— Не хотите ли вы сказать, — нахмурился Хьюлитт, — что со мной ничего не будут делать, а лишь использовать мое тело как что-то вроде манекена для практикантов, пока не явится этот тип Приликла и не прочтет мои эмоции? Потом он наверняка объявит, что со мной все в порядке, что все дело в моем воображении, что мне нужно взять себя в руки, вернуться домой и перестать тратить попусту свое и чужое время. А до тех пор вы не собираетесь делать абсолютно ничего?

Брейтвейт снова рассмеялся и покачал головой.

— Проклятие, это не смешно! — выругался Хьюлитт. — Мне по крайней мере не весело.

— Будет повеселее, — заявил психолог, — как только познакомитесь с цинрусским. Приликла с пациентами, как мы, не разговаривает и такого, как вы предположили,

вам ни за что не скажет, а мы попытаемся сделать для вас нечто большее, нежели просто пристально наблюдать за вами. Если вам от этого станет легче, то кое-кто считает, что в вашем рассказе может быть доля правды. Гипотеза, конечно, изрядно натянута, но она состоит в следующем: у сока, смертельного в небольшом количестве, при потреблении его в большом объеме могли проявиться лечебные свойства. Почему это так с медицинской точки зрения, я вам объяснить не смогу, однако один прецедент известен. В том случае, который я имею в виду, отмечались отдаленные последствия, которые могли бы объяснить — вот только я не знаю как — периодичность проявления симптомов вашего заболевания. Поэтому мы отправили на Этлу просьбу выслать в госпиталь образцы плодов с тем, чтобы в отделении патофизиологии провели исследование их токсичности.

Гиперпрыжки в оба конца, — задумчиво продолжал психолог, — да пару дней на поиски, сбор и упаковку плодов да еще время на анализы... Так или иначе две недели минимум. За это время ничего страшного с вами не случится. Правда, Приликла может вернуться раньше, чем мы ожидаем, или Медалонт предложит вам какое-нибудь новое лечение. Вот поэтому я и поинтересовался, как вы намерены проводить время.

— Право, не знаю, — вздохнул Хьюлитт. — Буду читать, смотреть видео, когда вы снабдите меня библиотечными кодами. А насчет плода пессинита — это ваша идея?

Брейтвейт покачал головой.

— Мне бы такая дикость и в голову не пришла. Это все падре Лиорен. Он тарланин-БРЛГ, сотрудник Отделения Психологии. Вероятно, в ближайшие несколько дней он вас навестит. Визуально он вам вряд ли так уж понравится — что и говорить, страшен, но мил. Пожалуй, он-то сможет вам помочь. Но с другой стороны, вы так замечательно себя вели во время обследования, что, думаю, слишком сильно он вас не напугает.

— Я на это искренне надеюсь, — буркнул Хьюлитт, которого вовсе не обрадовал комплимент Брейтвейта. — Но...

все же... не означает ли сказанное вами, что вы все-таки начинаете мне верить?

— Прошу прощения, но нет, не означает. Как я вам уже говорил, мы верим, что вы сами в это верите, а это совсем не одно и то же, как если бы вы говорили нам чистую правду. Происшествие с плодом пессинита — единственное свидетельство, которое вы нам предоставили и которое можно хоть как-то проверить. Мы должны его либо подтвердить, либо опровергнуть и дальше плясать от этого.

— И как же именно вы собираетесь это осуществить? — ехидно полюбопытствовал Хьюлитт. — Будете потчевать меня плодами пессинита и ждать, не помру ли я?

— Я не медик, я психолог и на этот вопрос ответить не могу, — в который раз улыбнувшись, отозвался Брейтвейт. — Безусловно, будет соблюдаться осторожность, но в целом вы правы.

Глава 10

Хьюлитт понимал, что такого симптома монитор не регистрирует, но сам он с интересом гадал, существует ли состояние, которое можно было бы обозначить как «смертельная скука вследствие атрофии языка, наступившей в результате его бездеятельности».

Медалонт только спрашивал у него, как он себя чувствует, получал ответ и говорил «хорошо». Худларианка-медсестра всегда бывала вежлива и мила, но большую часть дня отсутствовала на лекциях или занималась другими пациентами. Каждый день на несколько минут к Хьюлитту заглядывал Брейтвейт по дороге в столовую и уверял пациента в том, что визиты его носят личный, а не профессиональный характер, так как он наносит их в нерабочее время. Брейтвейт снабдил Хьюлитта полезными библиотечными кодами, много болтал, но по сути ничего не говорил. Старшая сестра Летвичи уделяла бы Хьюлитту время, только

если бы монитор издал сигнал срочного вызова. Тарланский коллега лейтенанта Брейтвейта, Лиорен, пока не появлялся.

Ходячие больные, миновавшие кровать Хьюлитта по пути в ванную комнату — пара мельфиан, новенький-дверланин, кельгианин и медлительный тралтан, — иногда разговаривали между собой, но никогда не обращались к Хьюлитту. Порой Хьюлитту удавалось подслушать разговоры, которые велись в дальнем конце палаты. Они никогда не касались его. Не мог он поговорить и с пациентами, лежавшими рядом и напротив него, — не мог по той простой причине, что их куда-то перевели.

Хьюлитту ужасно надоело часы напролет слушать бесстрастный голос библиотечного компьютера. Из-за этого у него создавалось такое чувство, будто он попал в собственное детство и выслушивает бесконечные школьные уроки. Как и тогда, на него навалилась скука, но тогда в доме хотя бы было открытое окно, которое манило к себе, а за окном — окрестности, полные интереснейших штуквин, с которыми можно было играть. Тут же и в помине не было никаких окон, даже закрытых, да и будь они, за ними он не увидел бы ничего, кроме космоса. Предприняв отчаянную попытку хоть как-то развеять скуку, Хьюлитт решил пройтись по палате из конца в конец.

Он уже прошагал туда и обратно дважды и собирался проделать это в третий раз, когда старшая сестра Летвичи покинула сестринский пост и преградила ему дорогу.

— Пациент Хьюлитт, — отчеканила илленсианка, — прошу вас, не ходите так быстро. Вы можете налететь на одну из сестер и ранить ее или, наоборот, она вас. Кроме того — это, как я понимаю, вам в голову не пришло, — крайне бесчувственно с вашей стороны таким образом демонстрировать свое вопиющее здоровье перед другими пациентами, кое-кто из которых тяжело болен, ранен и прикован к постели. Можете продолжать свои упражнения, но помедленнее.

— Извините, Старшая сестра, — смутился Хьюлитт.

Хьюлитт стал ходить помедленнее, и ему показалось нелепым смотреть только прямо перед собой или пялиться в пол. Поэтому он принялся время от времени бросать осторожные косые взгляды на больных, мимо которых проходил. Большинство больных не отвечали ему взглядами — видимо, некоторые спали, некоторые слишком плохо себя чувствовали, а некоторые, вероятно, считали Хьюлитта таким же уродом, как и он их. Другие же провожали его глазами, и этих глаз порой бывало слишком много. Хьюлитт ничуть не удивился, что первым, кто к нему обратился, оказался кельгианин.

— Между прочим, по мне — так ты вполне нормальный, землянин, — объявил кельгианин, и шерсть его, за исключением бока, накрытого прямоугольником из серебристой ткани, заходила мелкой рябью. — Что с тобой такое?

— Не знаю, — ответил Хьюлитт, остановился и оглянулся. — Тут, в госпитале, пытаются это выяснить.

— Летвичи к тебе в день поступления реанимационную бригаду вызывала, — заметил кельгианин. — Дело, видно, серьезное. Ты помираешь?

— Не знаю, — ошарашенно отозвался Хьюлитт. — Надеюсь, нет.

Кельгианин лежал на боку на большой квадратной кровати, поверх одеяла. Его пушистое тело сейчас имело форму буквы «S». Кельгианин вытянулся, отчего очертания буквы «S» стали удлинненными, и проворчал:

— Не могу спокойно смотреть, как вы, земляне, ходите, удерживаясь на двух ногах. Хочешь поболтать, так садись ко мне на кровать. Уж не сломаюсь. Кроме того, я не кусаюсь. Я травоядная.

До сих пор Хьюлитт полагал, что палата чисто мужская, как было принято в земных больницах, где ему случалось полежать. Он осторожно присел на краешек кровати, стараясь не прикасаться к шерсти и коротеньким лапкам пациентки-кельгианки. Он всегда любил поговорить с людьми, и если закрыть глаза, то, пожалуй, можно представить, что он и сейчас разговаривает с человеком.

Кельгианка упомянула про количество ног, и Хьюлитт понял, что существу, привыкшему передвигаться на двадцати лапках, наверное, действительно трудноато поверить, что кому-то может хватить для этого всего двух. Ну а с его точки зрения все как раз наоборот.

Хьюлитт откашлялся и подготовился к вежливой беседе — если таковая вообще возможна с кельгианкой.

— Меня зовут Хьюлитт, — представился он. — Несколько раз я видел, как вы проходили мимо моей кровати — как правило, с тралпаном или дверланином, а один раз вроде бы с дутанином. Я пользуюсь библиотечным компьютером для изучения различных видов, чтобы знать, с кем имею дело, но некоторых я пока путаю.

— Меня зовут Морредет, — представилась кельгианка. — Насчет дутанина и первых двух ты не ошибся. Когда мы проходили мимо твоей кровати, ты молчал. Вот мы и решили, что ты либо тяжело болен, либо необщителен.

— Я молчал, потому что вы всегда разговаривали между собой, — возразил Хьюлитт. — Если бы я прервал ваши разговоры, это было бы невежливо.

— «Невежливо» — опять это дурацкое словечко! — взорвалась кельгианка, и ее шерсть вздыбилась. — В нашем языке такого понятия нет! Хотел со мной заговорить — значит, надо было заговорить, и все тут, а если бы я не захотела тебя слушать, я бы тебе сказала, чтобы ты заткнулся. И почему некельгиане так все усложняют?

Решив, что вопрос риторический, Хьюлитт не стал на него отвечать и спросил сам:

— А что с вами, Морредет? Тяжело ли вы больны?

Наступила неловкая пауза. Кельгианка не отвечала. Хьюлитт напомнил себе о том, что представители этого вида природы не способны лгать, но если не хотят отвечать на вопрос, то никакими силами их не заставишь это сделать — они считают себя вправе в таких случаях помалкивать. Он уже раскрыл рот, чтобы извиниться за бестактный вопрос, как вдруг кельгианка заговорила:

— Я получила пустяковую травму. Но последствия ее оказались тяжелыми и неизлечимыми. К несчастью, от этих

последствий я не умру. И вообще об этом я говорить не хочу.

Хьюлитт растерялся, но, немного помолчав, спросил:

— Хотите поговорить о чем-нибудь другом, или мне лучше уйти?

Морредет пропустила его слова мимо ушей.

— А говорить мне об этом надо — так считает Лиорен, и надо думать об этом, вместо того чтобы пытаться выбросить из головы. А я не могу. Вот и стараюсь разговаривать с больными, сотрудниками, с кем угодно — лишь бы отвлечься. Но когда все спят, о чем же мне еще думать, как не о себе. Не могу же я дергать ночную сестру, когда у нее полно дел, и звать ее поболтать о том о сем. И сама я, бывает, сплю. Не знаю, как там у вас, но кельгиане не умеют управлять собственными снами.

— Мы тоже, — сказал Хьюлитт, поглядывая на прямоугольник из серебристой ткани, покрывавший часть тела кельгианки, и гадая, какая же ужасная рана скрывается под ним.

Морредет поймала его взгляд, ее шерсть вздыбилась, и кельгианка решительно заявила:

— Об этом говорить не буду.

«Но ведь вы только об этом и «не говорите» или говорите не напрямую с той самой минуты, как я сел к вам на кровать. Психолог бы из этого непременно сделал кое-какие выводы», — подумал Хьюлитт. Вслух же он проговорил:

— Вот вы упомянули о Лиорене. А мне сказали, что тарланин, которого так зовут, должен в ближайшее время навестить меня.

— Надеюсь, не в самое ближайшее, — проворчала Морредет.

— Почему же? — занервничал Хьюлитт. — Что он, такой уж противный?

— Вовсе нет, — возразила кельгианка. — Очень даже приятный, насколько, конечно, может быть приятным некельгианин. Я тут не так давно и в точности не знаю, чем он занимается, но Хоррантор мне говорил, что его будто бы посылают к тем больным, кому доктора уже не в состоянии помочь. Ну, знаете, это называется «безнадежные случаи».

Хьюлитт молчал — он думал о том, не это ли имел в виду Брейтвейт, упоминая о Лиорене. Ведь честнее кельгиан в госпитале никого не найти.

— А кто такой Хоррантор? — сумел наконец выдавить Хьюлитт. — Врач?

— Нет, пациент, — ответила Морредет и ткнула лапкой. — Вон тот. Вон он идет к нам, видно, хочет узнать, про что мы с тобой толкуем. Вот топает-то, аж пол трясется!

— А он чем болен? — шепотом полюбопытствовал Хьюлитт на тот случай, если пациент-тралтан тоже болезненно относится к вопросам своего лечения.

— Чего тут гадать — и так же видно, — буркнула кельгианка. — Смотри, он же на пяти ногах топочет. Перевязанная ножища у него была раздроблена — в аварию угодил. Тут ему микрохирургическую операцию сделали — на славу, нога будет как новенькая. Что-то у него там еще с органами деторождения, но я в подробности вдаваться не буду. Тебе по крайней мере ничего не скажу. Уж я наслушалась про тралтанские совокупления — хватит с меня. И потом, такие разговоры напоминают мне о собственных бедах. О, а вот и Бовэб к нам идет. Как правило, мы режемся в карты, чтобы как-то скоротать время — играем в «красоток» или скремман. А ты в карты играешь?

— И да, и нет, — ответил Хьюлитт. — Ну, то есть я знаю правила некоторых земных карточных игр, но играю в них неважно. А Бовэб — это дутанин, который идет следом за Хоррантором? А он чем болен?

— Какой-то ты странный, Хьюлитт, — проворчала Морредет. — Что за двусмысленность? В карты или умеют играть, или не умеют. «Красотки» — это тралтанская игра, что-то вроде земного виста. Скремман — игра нидианская. Бовэб считает себя большим спецом в этой игре и утверждает, что выиграть в ней может только тот, кто все время врет и хитрит. Что с этим дутанином, я не знаю, кроме того, что болезнь у него какая-то редкая и возятся с ним терапевты, а не хирурги. Эта палата — главная в госпитале из тех, куда укладывают больных для обследования, на время, пока не освободится место в другой палате. А иногда

сюда попадают самые тяжелые больные, чудом оставшиеся в живых. Летвичи вообще говорит, что таких тут большинство. Ну и чудища сюда попадают — я тебе доложу!

— Это верно, — согласился Хьюлитт, не без испуга глядя на двух пациентов, приближавшихся к кровати Морредет, и гадая, не относилось ли последнее замечание кельгианки и к нему.

Хоррантор подошел и остановился в ногах у Морредет. Перевязанная ножища тралтана осторожно касалась пола. Он устремил взгляд каждого из четырех больших выпуклых глаз соответственно на Морредет, Бовэба и Хьюлитта, а один почему-то — в сторону сестринского поста. Дутанин прошел мимо тралтана и встал напротив Хьюлитта по другую сторону кровати кельгианки. Дутанин походил на сказочного кентавра. Хьюлитт задумался о том, что означают неровности шерстяного покрова на темно-зеленом теле дутанина. Шерсть у того росла какими-то клочками. Что это — болезнь или так и должно быть? А белая полоска, которая начиналась на макушке и, расширяясь, тянулась вдоль хребта, переходя затем в длинный пушистый хвост? Тоже нормально? Или от болезни? Хьюлитт решил не интересоваться. Дутанин присел на задние ноги, средними облокотился о край кровати. Оба его глаза, способные смотреть только в одном направлении, уставились на Хьюлитта.

Хьюлитт растерялся, но, взяв себя в руки, представился и вкратце поведал о своих проблемах. Больше ему ничего в голову не приходило, ведь все, что было между ним и этими чудищами общего, — так это некий набор симптомов.

Хоррантор издал низкий, похожий на стон звук, который, вероятно, выражал сочувствие, и сказал:

— Мы-то хоть знаем, что с нами. Если врачи не знают, что с тобой, а ты себя хорошо чувствуешь, они нескоро придумают, как тебя лечить.

— Это точно, — подтвердил Бовэб. — Тут успеешь соскучиться. Если, конечно, не найдешь, чем себя развеселить. Ты азартный, пациент Хьюлитт?

Не дав Хьюлитту и рта раскрыть, вмешалась Морредет:

— Знаешь, Бовэб, даже кельгианин — и тот не стал бы вот так сразу брякать что попало. Хьюлитт знает, как играть в карты, но не умеет играть ни в «красоток», ни в скремман. Мы, конечно, могли бы его научить играть в эти игры, но, может быть, он сам хотел бы научить нас играть в те игры, которые знает он?

— Тогда у вас будет преимущество, пациент Хьюлитт, — намекнул Хоррантор, развернув один глаз к землянину. — С такими соперниками, как мы, вам бы это не помешало.

Эти существа явно считали себя опытейшими картежниками, у Хьюлитта появилось искушение взять да и запудрить им мозги правилами сложной и запутанной партнерской игры — виста. Нет, не виста, лучше — бриджа. Но если они не врут, если они действительно классные игроки, то долго пудрить им мозги не удастся.

— Я бы лучше поучился играть в ваши игры, — ответил Хьюлитт. — И потом, я вовсе не думал, что мне тут понадобятся земные карты, и не захватил их с собой.

— Не понадобятся, — ухмыльнулся Бовэб, слезил передней ногой в карман короткого фартука — единственного предмета одежды — и вытащил толстенную колоду карт. — Когда кому-то нужны карты, их выдает Летвичи — просит, и их приносят в палату с рекреационного уровня для сотрудников. Мы своими именно так и разжились. Для начала сыграем несколько конов скреммана в открытую, чтоб ты понял, что к чему. Только давай поскорее начнем. Морредет, подвинься немного, чтобы было где разложить карты.

Кельгианка поджала лапки, и от этого буква «S» — ее тело — стала больше похожа на настоящую букву. Затем она приподняла верхнюю часть туловища, увенчанную остроконечной головой, и нависла над освободившейся частью кровати. Хьюлитт, Хоррантор и Бовэб уже заняли свои места, когда тралтан оповестил партнеров:

— Сюда идет Летвичи. Что это ей от нас надо сейчас? Может, кто-нибудь должен лекарство принимать?

— Пациент Хьюлитт, — проговорила Старшая сестра, остановившись около кровати так, что оказалась между Хоррантором и Бовэбом. — Я очень рада тому, что вы начали

общаться с другими пациентами. Лейтенант Брейтвейт, узнав об этом, тоже непременно порадуетя.

Однако я должна предупредить вас о том, — продолжала Старшая сестра, — что в госпитале существуют правила, регламентирующие групповую активность пациентов. В игры позволяется играть исключительно ради развлечения. Запрещается производить обмен личными вещами, деньгами, имеющими хождение в Федерации, и выдавать друг другу какие-либо долговые расписки. Вы находитесь в компании с цивилизованными хищниками, пациент Хьюлитт, и мою мысль лучше всего выражает землянская поговорка «овца среди волков». Прошу вас, не волнуйтесь слишком сильно, если ваш монитор вдруг начнет подавать сигналы тревоги. Кроме того...

Зеленая бесформенная лапка нырнула в карман, укрепленный снаружи защитной оболочкой, и вынула оттуда небольшую пластиковую коробочку, которая тут же упала на кровать рядом с Хьюлиттом.

— Представители вашего вида, — заметила Летвичи, — пользуются этими предметами для удаления остатков пищи, застревающих между зубами после еды. Не сомневаюсь, вы найдете для них другое применение. Желаю удачи.

После ухода Старшей сестры первым заговорил Бовэб.

— Зубочистки, целая коробка! — воскликнул дутанин. — Давайте поделим полкоробки на всех. Хьюлитт, да ты у нас миллионер!

Глава 11

Поначалу игра показалась Хьюлитту сложной, но потом он освоился, хотя в колоде было целых семьдесят пять карт, по пятнадцать каждой из пяти мастей. Масть отличалась знаками и цветом: синие полумесяцы, красные копыя, желтые щиты, черные земли и зеленые деревья. Самыми старшими картами в каждой масти были Правители, их

Супруги и Наследники, за которыми в нисходящем порядке следовали карты с цифрами от двенадцати до единицы. В отличие от знакомых Хьюлитту карточных игр, в которых старшей картой всегда являлся туз, здесь он назывался «бедняком» и служил самой младшей картой — за исключением тех случаев, когда на руках у игрока было по двенадцать карт одной масти. Этой комбинацией можно было побить одну из трех старших карт.

У игры существовали исторические и социально-политические предпосылки — так объяснили Хьюлитту партнеры по игре. Комбинации самых маленьких и самых старших карт, помимо Правителей, символизировали народное восстание, дворцовый переворот или (в наши дни) успешное возобладание одной корпорации над другой. Особую ценность имели комбинации трех, четырех или пяти карт разных мастей одного и того же значения. Если тебе вместе с ними выпадала еще и десятка, то такая комбинация была сразу двух Правителей соперника. Существовали и другие комбинации с числовыми картами и картами-«картинками», с помощью которых можно было побить отдельные карты соперника или комбинации, но Хьюлитт понял: чтобы усвоить все комбинации, ему потребуется время.

Во время первых трех конов партнеры имели право прикупать по одной дополнительной карте, но всякий раз обязаны были сбрасывать либо ее, если она оказывалась ни к чему, либо еще какую-нибудь лишнюю карту. Затем они могли выкупать карты у банкующего, именуемого Правителем игры, поднимая при этом ставки. Пользующиеся прикупом либо имели на руках плохие карты и не желали понапрасну тратить деньги, либо, наоборот, получали при сдаче хорошие комбинации и не желали ничего менять.

Еще одной сложностью игры было то, что перед каждым из игроков лежало две кучки карт лицом вверх, в каждой кучке не больше трех карт, но при этом только данный игрок знал, какие из этих карт сброшены, а какие могут быть использованы в игре под самый ее конец. Сброшенные карты угадывались путем мимики соперника, при этом не забывалось, что мимика могла быть и фальшивой.

— Первые несколько конов мы тебе будем подыгрывать, — пообещал Хоррантор, издав параллельно серию непереводимых звуков, по всей вероятности, служивших у тралтанов смехом. — И еще будем указывать тебе на твои ошибки. Думаю, ты уже достаточно хорошо усвоил правила, и можно начинать игру.

— Не думаю, чтобы ты усвоил их достаточно хорошо, — возразил Бовэб, придвигаясь поближе к кровати, — чтобы начать мухлевать.

— Да, кстати насчет мухлевания, — спохватился тралтан. — Ты, пациент Хьюлитт, не забывай — твои соперники будут все время пытаться мухлевать, то есть пытаться одержать верх над тобой нечестным путем. Ну например: ты бы, наверное, не додумался до того, что я, сидя рядом с тобой, могу боковым зрением заглядывать к тебе в карты. Кроме того, надо иметь в виду, что дутане обладают способностью обострять свое зрение, когда предмет — в данном случае твои глаза — находится от них на фиксированном расстоянии. Бовэб может преспокойно разглядывать отражение твоих карт в твоих собственных глазах, а особенно — ту карту, которую ты держишь, собираясь сбросить. Я бы тебе посоветовал шуриться и смотреть на карты сквозь волосы, которые растут у тебя по краям век. Мухлевать мы будем на каждом шагу. Поначалу мы будем делать это нарочито, чтобы ты сумел сам догадаться, как мы это проделываем.

— Ну с-спасибо, — пролепетал Хьюлитт.

— Хватит болтать. Торгуйтесь давайте, — проворчала Морредет.

Последующие два часа пролетели незаметно. Появилась сестра-худларианка и объявила, что пора ужинать.

— Если вы желаете продолжать разговор и забавы, — сказала она, — вы можете вместе поесть за столом около сестринского поста. В противном случае еда будет подана каждому к кровати. Ну, как?

Хоррантор, Бовэб и Морредет хором произнесли слово «стол». Мгновением позже к ним присоединился и Хьюлитт.

— Вы уверены, пациент Хьюлитт? — засомневалась сестра. — Опыта контактов с иными видами у вас маловато. Зрелище того, как они едят, в первый раз способно сильно огорчить с психологической точки зрения. Или вам раньше доводилось кушать вместе с инопланетянами?

— Да нет, — смутился Хьюлитт. — Но мне бы не хотелось прерывать начатый разговор. Думаю, все будет в полном порядке, сестра.

— Хитрость, — пояснил Хоррантор по дороге к столу, — заключается в том, чтобы не смотреть в тарелку к другому.

Но тут принесли подносы с едой, и Хьюлитт, к ужасу для себя, понял, что не может не смотреть в чужие тарелки. Оказалось, что пища, хоть и выглядит неаппетитно, отвращения у него не вызывает. Больше всего Хьюлитта огорчило зрелище того, как Хоррантор запихивает в себя невероятные горы тушеных овощей — естественно, горы по людским меркам, ведь тралтан был раз в шесть крупнее человека. При этом овощи поглощались отверстием в теле Хоррантора, которое Хьюлитту и в голову не пришло бы считать ртом. Морредет тоже была травоядной и поедала какие-то сырые растения со страшным хрустом. Что ел Бовэб, этого Хьюлитт не понял, только почувствовал странный острый запах, исходящий от тарелки дутанина. Как он вскоре обнаружил, никто из пациентов на его тарелку не пялился.

«Интересно, — подумал Хьюлитт, — они так хорошо воспитаны, или синтетическая отбивная с жареными грибами для них выглядит еще отвратительнее, чем для меня — их деликатесы?»

Покончив с едой, трое пациентов отнесли подносы на тележку. Хьюлитт последовал их примеру. Он не понял, для чего это делается — то ли для того, чтобы убить время, то ли для того, чтобы оказать посильную помощь медсестрам, то ли для того, чтобы побыстрее освободить стол для новой игры. Хьюлитт решил, что так или иначе — мысль неплоха.

Пока торговался Бовэб, вчистую выигравший три предыдущих кона, Хьюлитт заметил:

— Ну, доложу я вам — игроки вы изворотливые, зло-вредные и хитрющие. Не сказал бы, что те три коня мне легко достались. Так нечестно. Я уже половину зубочисток проиграл.

— А ты считай это обязательной платой за обучение, — усмехнулся Бовэб. — Да и потом, скремман — игра нечестная. Это ты в нее честно играешь, а это совсем ни к чему.

«Шерстистый кентавр, отпускающий шуточки», — подумал Хьюлитт и, вежливо рассмеявшись, сказал:

— На мой взгляд, игра жутко нечестная, потому что зависит не только от умения игрока хитрить, таиться и блефовать, но и от его способности верно читать мимику соперников. Вот уж не знаю, какую мимику скрывает шерсть кельгиан и дутан, а у Хоррантора на голове кожа не тоньше худларианской шкуры. До тех пор, пока я не попал в этот госпиталь, я с инопланетянами общался только по коммуникаторам. Вы для меня настолько чужие, что если бы я и заметил у вас какую-то гримасу, то все равно не понял бы ее значения.

— Между прочим, — возразил Бовэб, — ты, как сюда лег, так сразу стал через библиотечный компьютер изучать классификационную систему граждан Федерации. В этой системе описаны и основные моменты социофизиологического поведения разных видов. А во время последнего коня, Хьюлитт, ты безошибочно угадал, что у меня в сносе. Ты либо скромничаешь, либо не так глуп, как хочешь казаться.

— А раз так, — подхватил Хоррантор, — значит, ты усвоил, что игра в скремман продолжается и во время перерывов между конями. На самом деле ты делаешь успехи.

— Следует ли мне также научиться, — спросил Хьюлитт, — не покупаться на лесть?

— А как же, — хмыкнул Бовэб.

Хьюлитт рассмеялся и сказал:

— Следовательно, если я признаюсь в неведении по поводу чего-либо, меня не сочтут слабаком, поскольку такое мое признание может быть сочтено попыткой скрыть

собственную силу. Ну а как тогда быть с игроком вроде Морредет?

— Кельгианская хитрость, — ответил Хьюлитту Хоррантор, — состоит в сокрытии намерений путем молчания. А нам остается лишь догадываться, о чем она думает, по движениям ее шерсти. Дело это очень тонкое, некельгианину приходится тяжело.

Бовэб глянул на Хоррантора и перевел взгляд на Хьюлитта, издав при этом неперебиваемое рычание. Хьюлитт не понял, в чем дело, но решил, что дутанин хотел его о чем-то предупредить.

— Когда я был маленький, — сказал Хьюлитт, — я знал одно существо, одно пушистое создание, по состоянию шерсти которого было довольно легко догадаться, о чем оно думает или хотя бы что чувствует. Порой мне удавалось заставить его передумать и вовлечь в игру, когда оно хотело спать. Порой, наоборот, ему удавалось заставить меня делать то, что хотелось ему. Это был котенок, то есть детеныш кошки. Это земной неразумный зверек. Принадлежал он моим родителям, но вел себя так, словно это они принадлежали ему. Это была красивая самка с черной шерстью, но не такой жесткой, как у Бовэба. Только лапки, грудь и подбородок кошечки были белыми. Когда она злилась или пугалась, шерсть у нее вставала дыбом. Такая реакция сохранилась у всех кошек с доисторических времен, когда они еще были дикими, неприрученными. Видимо, они считали, что, ошетилившись, выглядят крупнее и страшнее, но затем освоили другие методы общения.

Когда она хотела есть, — продолжал рассказ Хьюлитт, — она терлась головой о мои ноги, а если не добивалась своего, то выпускала когти и пыталась вскарабкаться вверх. Если она хотела играть, то каталась на спине, переваливаясь с боку на бок, и шевелила лапами. Если хотела спать, сворачивалась калачиком у меня на коленях, закрывала глаза. Правда, иногда, забираясь ко мне на руки, она сама не знала, чего ей больше хочется — спать или играть.

Она была очень веселым и любящим существом, — задумчиво протянул Хьюлитт, и на мгновение ему показав-

лось, что его кошка вдруг возникла посередине стола и шагает по нему — хвост трубой. Вот она остановилась и принялась поддевать карты передней лапкой. Он тряхнул головой, прогнал видение и продолжал: — Она очень любила, когда я тормошил ее, гладил, чесал ей шею и за ушами. Тогда она не выпускала когтей. Но больше всего она любила, когда я гладил ее по спине, особенно тогда, когда я начинал делать это кончиками пальцев, начиная с макушки, двигаясь дальше по спине к хвосту, который она тогда поднимала вверх. Когда я так делал, она мурлыкала — так называется звук, издаваемый кошками, когда они испытывают удовольствие.

— Эти разговорчики, — вмешалась Морредет, и шерсть ее заходила неровными волнами, — становятся чересчур эротичными и мне неприятны. Немедленно прекратите.

— Меня рассказ Хьюлитта тоже разволновал, — признался Бовзб, — но, наоборот, мне было приятно его слушать. Вот только не возьму в толк, с чего это ты решил так подробно рассказывать нам про свою зверушку? Что, она по характеру напоминала Морредет или меня? Это был твой особенный неразумный друг? Что с этой кошкой случилось и к чему ты клонишь?

— Прошу прощения, я никого не хотел обидеть, — извинился Хьюлитт. — Сам не знаю, почему вдруг стал рассказывать про свою кошку — я о ней уже давно не вспоминал. Может быть, я вспомнил о ней потому, что она была моим первым другом-нечеловеком. Она была очень добрая и никого здесь не напоминает, и уж тем более — во время игры в скремман. Она была, правда, очень удачлива. Однажды ей крупно повезло. Как-то раз она слишком быстро подбежала к большой антигравитационной машине и ударилась, отброшенная в сторону силовым полем. С виду нельзя было сказать, чтобы она поранилась, поскольку кошка дышала, и только около ее рта и ушей адела кровь. Родители почему-то сочли положение безнадежным и послали за ветеринаром, чтобы тот избавил бедное животное от напрасных мучений. Но я опередил их — я поднял кошку, отнес в свою комнату и запер дверь, чтобы никто не отнял

у меня мою любимицу. Всю ночь я продержал ее у себя в кровати, пока она...

— Не умерла, — закончил за Хьюлитта фразу Хоррантор, при этом голос его прозвучал тихо и нежно, что совершенно не вязалось с таким массивным созданием, как тралтан. — Печальная история, что и говорить.

— Вовсе и не печальная, — возразил Хьюлитт. — Кошка выжила. Наутро она уже расхаживала по дому здоровехонькая как ни в чем не бывало и царапала меня за ноги, выпрашивая еду. Родители глазам своим не поверили, но папа сказал, что кошки живут девять раз — это такая земная поговорка. У этой поговорки есть определенные основания. Кошки очень гибки и обладают превосходным чувством равновесия. Кроме того, они крайне редко падают. Видимо, та кошка использовала все свои способности одновременно. По-моему, потом она просто умерла от старости.

— Печальная история со счастливым концом, — вынес приговор Бовэб. — Я как раз такие больше всего люблю.

— Мы будем трепаться про косматых зверушек, — поинтересовалась Морредет, и шерсть ее вздыбилась иглами и заходила волнами, что могло отражать как гнев и нетерпение, так и нечто в корне противоположное, — или в скремман играть?

Хоррантор тут же начал торговаться. Хьюлитт попытался успокоить кельгианку, которой неизвестно почему не понравился его рассказ о кошке.

— Я заговорил о своей зверушке, — пояснил он, обращаясь к Морредет, — и в особенности о ее шерсти из-за того, что считаю нечестным такое положение, при котором я не способен читать чужую мимику. Ни Хоррантор, ни Бовэб вообще никакой мимикой не обладают — так мне по крайней мере кажется. Ваша же мимика, Морредет, для меня слишком загадочна. Вероятно, со временем я научусь в ней разбираться. — Хьюлитт повернулся к тралтану и дутанину. — Вы-то уже наверняка научились худо-бедно разбираться в том, что означают движения ее шерсти.

— Пациент Хьюлитт, — оборвала землянина Морредет, и шерсть ее разбушевалась так, словно в палату ворвался

шквал. — Мои чувства вы определять не научитесь, сколько бы мы с вами тут ни пролежали. Это не удалось бы даже другому кельгианину.

Игра продолжилась в неловком молчании. Хьюлитт понял, что снова сморозил какую-то бестактность.

Глава 12

Мысль о том, что же он сказал такого ужасного и как в дальнейшем избежать подобной ошибки, все еще мучила Хьюлитта, когда появилась сестра-худларианка и велела пациентам разойтись по кроватям, получить вечерние лекарства и, как она надеялась, уснуть. Трое партнеров Хьюлитта по картам прошествовали мимо его кровати. Морредет хранила неприступное молчание. Хьюлитт ни с кем из троих заговаривать не решился, боясь, что может сделать еще большую ошибку. Он никаких лекарств не получал, а это означало, что сестра к нему подойдет в последнюю очередь.

Она подошла, проверила, надежно ли подсоединены датчики к монитору. Кроме этого, делать ей оставалось положительно нечего — только каждые два часа обходить спящих пациентов. Ей предстояло долгое нудное ночное дежурство. Хьюлитт надеялся, что медсестра с радостью ответит на несколько его вопросов.

— Постарайтесь сегодня не смотреть видео, — посоветовала худларианка — Старшая сестра Летвичи говорит, что для одного дня волнений вам вполне достаточно. За игрой в скремман время летит быстро, и я рада, что вы заводите друзей среди пациентов разных видов. Но теперь вам нужно поспать.

— Постараюсь, — вздохнул Хьюлитт. — Но меня кое-что тревожит.

— Вам больно? — Сестра поспешно шагнула к Хьюлитту. — Ваш монитор регистрирует оптимальные показатели

всех жизненно важных параметров. Прошу вас, опишите осязаемые вами симптомы. Будьте как можно точнее.

— Простите, сестра, я ввел вас в заблуждение, — извинился Хьюлитт. — К моему общему состоянию это не имеет никакого отношения. Дело в том, что днем я обидел кельгианку, пациентку Морредет, но не могу припомнить, что я такого сказал обидного или оскорбительного. Мы играли в скремман, и два других игрока, похоже, пытались меня о чем-то предупредить, подавая разные знаки. Мне бы хотелось понять, в чем я был не прав, дабы в будущем не совершить подобной ошибки. Если моя оплошность была серьезной, я бы хотел извиниться.

Трудно сказать, как именно Хьюлитт понял, что сестра успокоилась, но как-то понял.

— Думаю, вам не о чем особо тревожиться, пациент Хьюлитт, — протянула худларианка. — При игре в скремман в течение нескольких часов — а мне сказали, что вы играли долго, — зачастую имеют место взаимные колкости и оскорбления...

— Это я заметил, — кивнул Хьюлитт.

— Все эти обиды забываются на следующий же день, — утешила его сестра. — Просто забудьте о случившемся, как наверняка уже забыли ваши партнеры, и ложитесь спать.

— Но все было по-другому, — заспорил Хьюлитт. — В это время мы не играли. Я что-то сказал после игры.

Некоторое время худларианка молчала и поглядывала на кровати, выстроившиеся двумя рядами вдоль стен. Похоже, сейчас здесь спали все, кроме нее и Хьюлитта. Никто из пациентов не требовал срочного внимания сестры. Хьюлитта это порадовало, хотя он и немного схитрил, чтобы вовлечь чудовищную медичку в разговор.

— Ну хорошо, пациент Хьюлитт, — вздохнула худларианка, — расскажите мне, о чем вы беседовали. Постарайтесь припомнить, какие именно ваши слова обидели пациентку Морредет.

— Я уже сказал: не могу припомнить, — ответил Хьюлитт. — Я рассказывал о маленьком пушистом зверьке, домашнем любимце... Кстати, худлариане держат дома зверей?

Ну, вот... Я играл с этим зверьком, когда был маленький. Морредет долгое время молчала, но вдруг ни с того ни с сего обвинила меня в том, что я рассказываю всякие гадости и неприличности. С ней согласился Бовэб. Я тогда подумал, что они шутят, но теперь мне так не кажется.

— Пациентка Морредет, — проговорила сестра, и мембрана ее едва заметно дрогнула — наверное, так худлариане шептали, — сейчас в таком состоянии, что разговоры о шерсти ее ужасно беспокоят. Но вы ведь этого не знали. Передайте мне в точности, слово в слово, что было вами сказано?

«А может быть, это не я использую медсестру в своих интересах, — вдруг пришло в голову Хьюлитту, — а наоборот?» Может быть, худларианка радовалась любой возможности скоротать время ночного дежурства — хотя бы даже возможности успокоить разволновавшегося больного? А как на это посмотрит Летвичи, если разговор затянется за полночь? Хьюлитт повторил худларианке все, что было сказано до и после описания им кошки и того, как он ее ласкал. Он решил, что вряд ли у такого толстокожего существа, как худларианка, смогут разыграться сексуальные фантазии при рассказе о кошачьей шерсти, но в этом госпитале не стоило питать уверенность насчет чего бы то ни было.

Когда Хьюлитт покончил с пересказом, сестра заметила:

— Теперь мне все понятно. Но прежде чем я объясню вам, что произошло на самом деле, вы расскажите мне, много ли вам известно о кельгианах.

— Только то, что изложено во введении в пособие по системной классификации, найденном мной с помощью библиотечного компьютера, — отвечал Хьюлитт. — Материалы там большей частью исторические. Кельгиане относятся к физиологическому типу ДБЛФ, являются теплокровными многоножками и имеют цилиндрической формы тело, целиком поросшее подвижной серебристой шерстью, пребывающей в непрерывном движении, покуда кельгиане бодрствуют. Во время сна движение шерсти несколько утихает.

В связи с недостаточной развитостью органов речи, — продолжал как по писаному Хьюлитт, — речи кельгиан недостает оттенков, интонации и других форм эмоциональной выразительности. Однако это компенсируется шерстью, которая для другого кельгианина служит совершенным, непогрешимым зеркалом, отражающим эмоции собеседника. В результате кельгианам абсолютно чужды такие понятия, как ложь, тактичность, дипломатичность и даже вежливость. Кельгианин говорит именно то, что думает, потому что так или иначе все его чувства выражает шерсть. Поступать иначе — это, по понятиям кельгиан, дурацкая трата времени. Я пока все верно говорю?

— Верно, — подтвердила худларианка. — Но в создавшемся положении вы могли бы извлечь из сведений, почерпнутых в библиотеке, больше пользы. Морредет говорила с вами о своей болезни?

— Нет. — Хьюлитт покачал головой. — Я спросил ее, но она заявила, что не желает об этом говорить. Мне было любопытно, но я решил, что, видимо, болезнь ее очень огорчает, да и не мое это дело, поэтому я сменил тему разговора.

— Порой пациентка Морредет действительно отказывается говорить о своей болезни, — вздохнула сестра, — а порой, наоборот, охотно соглашается. Если вы спросите ее об этом завтра или послезавтра, вероятно, она расскажет вам об аварии и ее отдаленных последствиях, которые очень серьезны, но жизни пациентки не грозят. Я вам об этом говорю потому, что о беде Морредет в палате знают все поголовно, так что я не раскрываю вам врачебной тайны.

— Понимаю, — кивнул Хьюлитт.

— Еще не понимаете, — возразила худларианка, шагнув поближе к кровати Хьюлитта и по мере приближения понизив голос. — Но скоро поймете. Если я буду употреблять в рассказе какие-либо незнакомые вам анатомические термины, переспрашивайте, но вряд ли такое случится, учитывая, как долго вы больны и как часто лежали в больницах. Можно начинать?

Хьюлитт смотрел на сестру, чье массивное тело покоилось на шести изгибающихся щупальцах, и гадал, есть ли в

обитаемой Вселенной хоть одно разумное существо, не важно какого размера, формы и с каким числом конечностей, которое не обожало бы посплетничать.

Но, вспомнив, как несколько необдуманных слов вызвали взрыв негодования у Морредет, Хьюлитт решил вслух этого вопроса не задавать.

— Анатомически, — начала худларианка точно таким же тоном, каким Старший врач Медалонт наставлял своих практикантов, — главная отличительная черта кельгиан — это то, что, помимо хрупкой черепной коробки, тело их лишено костей. Тело состоит из внешнего мышечного цилиндра, который не только помогает кельгианам передвигаться, но и защищает внутренние органы от повреждений. В понимании таких существ, как мы, чьи тела в значительной мере укреплены костями скелета, такой защиты явно недостаточно. В случае ранения всплывает и еще одна не слишком удачная анатомическая черта: сложность и необычайная хрупкость кровеносной системы кельгиан. Кровеносные сосуды, призванные снабжать питанием большой объем мышц, залегают непосредственно под кожей вместе с нервной сетью, управляющей движениями шерсти. Кое-какую защиту здесь обеспечивает сама шерсть, будучи довольно пышной, однако и она не спасает при глубоких рваных ранах, когда поражается более одной десятой общей площади поверхности тела. Именно так случилось с пациенткой Морредет. Она ударилась о неровный металлический предмет во время космической аварии.

Сестра объяснила, что травма, которая у большинства существ вызвала бы всего-навсего поверхностные ушибы и ссадины, для кельгианки означала смерть от кровопотери за несколько минут.

Но Морредет сразу же ввели кровоостанавливающее средство, остановили кровотечение и спасли жизнь. Но за спасение жизни ей пришлось дорого заплатить. На корабле-неотложке по пути в госпиталь и в самом госпитале ее пораженные кровеносные сосуды были сшиты, но даже бригаде микрохирургов Главного Госпиталя Сектора оказалось не под силу восстановить капиллярную и нервную

сети, лежавшие под утраченной или пораженной шерстью. В результате на этих участках кожи у Морредет никогда не отрастет чудесная кельгианская шерсть, играющая важнейшую тактильную и эстетическую роль для особей ее вида в прелюдии к ухаживанию и спариванию. Если и отрастет, то будет колкой, желтой, мертвой и визуально отталкивающей для особи противоположного пола.

Можно было бы произвести покрытие пораженного участка искусственной шерстью, но синтетическому материалу недостает подвижности и блеска живой шерсти. При таком положении кельгиане сразу же разгадали бы «заплатку». Любой кельгианин на месте Морредет ни за что бы на такую операцию не согласился и предпочел бы жить и работать в гордом одиночестве при минимуме контактов с окружающими.

— Другие кельгиане, сотрудники госпиталя, — продолжала печальную повесть худларианка, — говорили мне, что Морредет является — или являлась — на редкость красивой молодой особью женского пола, но теперь у нее нет никаких надежд на то, чтобы вступить в брак или вести нормальную жизнь. В настоящее время у нее скорее эмоциональные проблемы, нежели медицинские.

— А я-то дурак, — в сердцах вымолвил Хьюлитт, — еще разглагольствовал при ней про чудесную шерсть моей кошки! Удивительно еще, что Морредет в меня чем-нибудь не запустила. Неужели больше ничего нельзя для нее придумать? А мне как быть? Извиниться? Или я только хуже сделаю?

— Прошло всего несколько дней, — заметила худларианка, не ответив на вопрос Хьюлитта, — а вы уже вполне подружились с Хоррантором, Бовэбом и Морредет. При поступлении в госпиталь у вас отмечалась ярко выраженная ксенофобия, на сегодняшний день исчезнувшая. Если именно такова ваша реакция на первый контакт сразу с несколькими представителями других видов и это не просто вежливое притворство в ситуации, когда вам нечего поделаться, то я в восхищении от вашей способности адап-

тироваться. Но все же ваше поведение меня, скажем так, удивляет.

— Никакого притворства не было, — отвечал Хьюлитт, пожав плечами. — Да и не настолько я вежлив. Может быть, все произошло из-за того, что в этой палате я самый здоровый и потому мне стало ужасно скучно. Между прочим, вы первая предложили мне попробовать заговорить с другими пациентами. На вид все они как были, так и остаются для меня ходячими ночными кошмарами. Но почему-то — не знаю почему — мне захотелось с ними познакомиться. Я и сам удивлен.

Речевая мембрана медсестры чуть заметно дрогнула. Что происходило с худларианкой? Уж не смущена ли она? Так ли выражают худлариане замешательство? Наконец сестра изрекла:

— Отвечу на ваш первый вопрос. Больше ничего сделать для пациентки Морредет нельзя. Только менять пластырь, благодаря действию которого нижележащие ткани заживут, но нервные волокна не регенерируют. Кроме того, пациентку Морредет навещает падре Лиорен и беседует с ней по просьбе Старшего врача Медалонта. Сегодня он заходил в палату, но оставался на сестринском посту. Там он слушал разговоры, улавливаемые вашим монитором, пока...

— Он подслушивал наши разговоры? — взорвался Хьюлитт. — Но это... это же... нет, так нельзя! Я понятия не имел, что мой монитор на такое способен! Я... мы могли говорить о чем-нибудь таком, что другим нельзя было слушать!

— Это точно, — подтвердила худларианка. — Но медсестра Летвичи привыкла к оскорбительным замечаниям в свой адрес. Ваш монитор способен улавливать вашу речь — это нужно на тот случай, если вы почувствуете себя плохо и скажете об этом еще до того, как ухудшение вашего состояния зарегистрируют датчики. Лиорен сказал, что игра в скремман с новичком отвлечет пациентку Морредет от мыслей о болезни и поможет ей больше, чем любые его слова, и что Морредет он навестит завтра.

Не дав Хьюлитту вставить и слова, медсестра продолжала:

— Курс лечения Морредет предусматривает назначение ей на ночь снотворного, доза которого постепенно снижается, но до сих пор была очень высокой. Следовательно, теперь у нее будет больше времени на раздумья. Медалонт и Лиорен надеются, что со временем Морредет смирится со своей бедой. Вы, вероятно, заметили, что днем она старательно избегает оставаться одна. Что касается сегодняшней ночи, то я получила инструкции не говорить с ней долго, если только для этого не будет явной необходимости. У вас, землян, есть пословица, которая очень точно описывает создавшееся положение, но у меня такое чувство, что врач никогда не может быть жестоким для того, чтобы творить добро, а особенно — в отношении пациентки, которой может помочь дружеская беседа. Поэтому-то я и не согласна с назначенным курсом лечения.

Речевая мембрана худларианки снова едва заметно дрогнула. Хьюлитт накрыл монитор ладонью в надежде, что тем самым не даст звуковому датчику уловить его слова. Ему не хотелось, чтобы откровения медсестры стали достоянием ушей кого-нибудь из старших медиков, которым взбредет в голову прослушать их разговор.

— Вы спросили меня, как вам поступить, чтобы исправить свою ошибку, — добавила худларианка, собираясь уходить. — Если поймете, что она не спит, как оно скорее всего и есть, думаю, ничего дурного не будет, если вы перед ней извинитесь и поговорите с ней.

Хьюлитт проводил взглядом сестру, удалившуюся от его кровати по тускло освещенной палате. Худларианка передвигалась совершенно бесшумно, невзирая на свой огромный вес. Он думал о том, что у этого создания со шкурой не тоньше стальной брони очень доброе сердце. «Мне не нужно быть эмпатом, — решил Хьюлитт, — чтобы понять, чего она от меня хочет».

Сестре было запрещено разговаривать с Морредет. Причина запрета казалась ей недостаточно веской. Она сочла, что не нарушит указаний старших сотрудников, если за нее с Морредет поговорит кто-то еще.

Глава 13

Хьюлитт лежал, положив подбородок на руку, согнутую в локте. Так ему была видна кровать Морредет. Палату оглашали негромкие звуки, издаваемые пациентами во сне. Он гадал, как скоро ему можно будет подойти к кельгианке. Кровать ее была зашторена, на потолке над ней горело пятнышко света, но, судя по его устойчивости, то светила лампа-ночник, а не экран видео. Вероятно, Морредет сейчас читала, а может быть, уже уснула, забыв выключить ночник. Хьюлитту показалось, что он слышит среди прочих звуков кельгианское похрапывание. Если Морредет спит, можно представить, что она скажет балде-землянину, разбудившему ее.

Желая соблюсти тактичность, Хьюлитт решил дождаться, пока Морредет не сходит, как обычно, перед сном в ванную, и заговорить с ней потом, когда она вернется в кровать. Но что-то нынешней ночью никто не собирался пользоваться ванной, и Хьюлитту ужасно надоело пялиться на ряды тускло освещенных кроватей с инопланетянами и пятнышко света, упорно горевшее на потолке над кроватью кельгианки. «Уж лучше бы я видео посмотрел», — сокрушенно подумал Хьюлитт и решил, что нужно поскорее извиниться, а уж потом и самому поспать.

Он сел, перебрал ноги через край кровати и пошарил ступнями по полу, пока наконец не нащупал шлепанцы. Оказалось, что днем шлепанцы производят куда меньше шума, чем ночью. Это и понятно — ночью в палате стояла тишина по сравнению с дневным гамом. «Если Морредет не спит, — решил Хьюлитт, — она услышит мои шаги, ну а если спит, извинюсь еще и за то, что я ее разбудил».

Морредет лежала на здоровом боку, похожая на пушистый вопросительный знак. Она не укрылась одеялом, и единственной, если можно так выразиться, одеждой на ней был кусок серебристого пластыря. «Наверное, ей и так тепло, без одеяла», — решил Хьюлитт. Глаза кельгианки были закрыты, лапки поджаты и почти целиком спрятаны под непрерывно движущейся шерстью. Правда, шерсть двига-

лась тихо, беспорядочно, но это еще не значило, что Морредет спит.

— Морредет, — тихо-тихо проговорил Хьюлитт. — Вы спите?

— Да, — буркнула кельгианка, не открывая глаз.

— Если вам не спится, — продолжал тем не менее Хьюлитт, — не позволите ли мне немного поговорить с вами?

— Нет, — отрезала Морредет и тут же добавила: — Да.

— А о чем бы вы хотели поговорить?

— Говорите, о чем вздумается, — пробурчала кельгианка, открыв глаза, — кроме меня.

«Трудновато будет, — подумал Хьюлитт, — разговаривать с существом, не умеющим врать и всегда говорящим только то, что думает, в особенности когда рядом нет никого, кто бы напоминал о правилах хорошего тона». Нужно было соблюдать предельную осторожность и стараться манерами не походить на кельгианина. Хьюлиттом вдруг овладело сильнейшее желание именно так, по-кельгиански честно, и поговорить с Морредет, но почему — этого он и сам понять не мог.

«Почему я так думаю? — спросил он себя уже не впервые. — Это вовсе не похоже на меня».

Вслух же он сказал:

— Прежде всего я подошел к вам, чтобы извиниться. Мне не стоило в вашем присутствии так подробно рассказывать о своем пушистом зверьке. Я вовсе не намеревался огорчить вас. Теперь, когда я знаю о том, чем грозят вам последствия травмы, я понимаю, что поступил необдуманно, бесчувственно и глупо. Пациентка Морредет, я очень виноват перед вами.

Некоторое время кельгианка молчала, реагируя на излияния Хьюлитта только тем, что взволнованно шевелила шерстью. Даже прямоугольник пластыря откликнулся на волнение кельгианки — он тоже шевелился.

Наконец Морредет изрекла:

— Ты не имел желания огорчать меня, поэтому сделал это не из глупости, а по неведению. Садись ко мне на кровать. Ну а еще почему ты пришел?

Хьюлитт не нашелся, что ответить, и Морредет проворчала:

— И почему это некельгиане ищут для ответа так много слов, когда хватило бы и нескольких? Я тебе задала такой простой вопрос.

«И получишь простой, истинно кельгианский ответ», — решил Хьюлитт.

— Меня интересуют вы и ваша травма. Но вы запретили мне говорить с вами об этом. Мне уйти?

— Нет, — ответила Морредет.

— А еще о чем-нибудь вы хотели бы поговорить?

— О тебе, — коротко отозвалась Морредет.

Хьюлитт растерялся, а Морредет продолжала:

— У меня хороший слух, и я слышала почти слово в слово все, о чем ты говорил с медиками. Ты здоров, тебе не дают никаких лекарств. Только один раз ты выключился, и к тебе вызывали реаниматоров. Никто не знает толком, что с тобой. Я слыхала, как ты сказал психологу-землянину о том, как пережил отравление и падение, от которого, по идее, должен был разбиться вдребезги. Но в больницы помещают больных и раненых, а не тех, кто уже выздоровел. Ну, так что же с тобой? Или это что-то личное, что-то стыдное, о чем ты не хочешь говорить даже с представительницей другого вида, которой и стыд-то твой непонятен?

— Нет-нет, ничего такого, — поспешно возразил Хьюлитт. — Просто, если я возьмусь вам про это рассказывать, уйдет много времени, особенно если я примусь объяснять кое-какие земные традиции и особенности поведения землян. Кроме того, если я стану рассказывать про свои несчастья, я начну вспоминать, как мало смогли для меня сделать земные врачи — ведь они не верили, что я чем-то болен. Словом, тогда я разозлюсь и кончу тем, что буду проклинать судьбу и жаловаться.

Шерсть Морредет загуляла новыми, очень красивыми волнами. «Она что, заинтересовалась?» — гадал Хьюлитт. Наконец кельгианка фыркнула:

— И ты туда же? Вот я поэтому и не хочу о себе говорить. Тогда бы ты пожаловался на то, что я тебе жалуюсь.

— Ну, вам-то хоть жаловаться есть на что, — вздохнул Хьюлитт и тут же умолк, поскольку шерсть Морредет ошетичилась, а мышцы так напряглись, словно их свело судорогой. Хьюлитт торопливо добавил: — Извините, Морредет. Я говорю о вас вместо того, чтобы говорить о себе. О чем вам рассказать для начала?

Кельгианка успокоилась, но шерсть ее так и осталась стоять торчком. Она сказала:

— Расскажи мне про эпизоды твоей болезни, о которых пока не успел или не хочешь рассказывать Медалонту и другим врачам из-за того, что тебе стыдно или неловко. Может, твой рассказ отвлечет меня от грустных мыслей. Можешь рассказать?

— Могу, — кивнул Хьюлитт. — Только не ждите ничего увлекательного и эротичного. В то время я жил на Земле у бабушки и дедушки, где не было пушистого зверька, с которым я мог бы играть. Тогда в моей жизни многое меня шокировало. У кельгиан бывает половое созревание?

— Бывает, — буркнула Морредет. — А ты что думал, мы половозрелыми рождаемся?

— Во время периода полового созревания многое может шокировать, — продолжал Хьюлитт, сочтя вопрос кельгианки риторическим, — даже совершенно нормальных, здоровых людей.

— В таком случае расскажи подробно о том, какой ты испытал шок и как заболел, — сказала Морредет. — Если не можешь рассказать ничего поинтереснее.

«Ведь мог же выбрать не такую интимную тему», — мысленно выругал себя Хьюлитт, поражаясь полному отсутствию растерянности. Может быть, дело было в том, что его собеседница принадлежала к другому виду, может быть, в понимании Хьюлитта разговор с пациенткой-кельгианкой ничем не отличался от пересказа симптомов мельфианину Медалонту или медсестре-худлариянке. Вот только любопытство Морредет было сильнее и не носило врачебного свойства.

Хьюлитт рассказывал кельгианке о том, как он перестал заниматься дома за компьютером и поступил в кол-

ледж, где все занимались в группах и, кроме того, поодиночке и командами выступали в спортивных соревнованиях. В спорте дела у него шли хорошо, а это давало преимущества в завоевании сердец девушек, благоволивших к атлетам. Морредет прервала рассказ Хьюлитта.

— Что-то я не пойму, — сказала кельгианка, — ты на это жалуешься или этим хвастаешься?

— Жалуюсь, — ответил Хьюлитт, и голос его прозвучал громче, в нем зазвенела давно забытая злость. — Потому что я утратил все преимущества. Ничего не происходило. Ничего не получалось. Даже тогда, когда меня неудержимо влекло к какой-нибудь девушке, а ее, как мне казалось, ко мне, заканчивалось все крайне неудовлетворительно, горько и больно.

— Но может быть, тебя сильнее влекло к кому-то или чему-то другому? Может быть, тебя влекло к девушке, которую не влекло к тебе? Или ты воспылал еще более сильными чувствами к одному из этих пушистых зверьков?

— Нет! — тихо воскликнул Хьюлитт, оглянувшись на тех, кто спал в своих кроватях, и шепотом добавил: — Да за кого вы меня, черт возьми, принимаете?

— За очень больного землянина, — без запинки ответила Морредет. — Разве ты не потому здесь?

— Да не был я настолько болен, и не в этом смысле, — запротестовал Хьюлитт и против воли рассмеялся. — Судя по тому, что говорили врачи в университете, я был совершенно здоров. Они говорили, что я — в физическом плане — просто совершенство. Они прокрутили меня через тысячу разных, в том числе и довольно гадких, тестов и заявили, что не находят у меня ни анатомических, ни гормональных отклонений, которые могли бы препятствовать процессу семяизвержения. И еще врачи говорили, будто бы я каким-то непонятным им бессознательным или волевым способом в самый критический момент производил сдерживание эякуляции. Резкое прерывание извержения спермы вызывало сильную боль и неприятные ощущения в области половых органов, продолжавшиеся до тех пор, покуда сперма не всасывалась. Врачи тогда решили, что это у меня на почве

какой-то глубоко запрятанной детской травмы, которая проявлялась в приступах стеснительности такой силы, что это отражалось на физическом уровне.

— А что такое «стеснительность»? — поинтересовалась Морредет. — Мой транслятор не передает кельгианского значения этого слова.

Если существо всегда говорило только правду, нечего было и ждать, что оно поймет, что такое стеснительность. Объяснять такому существу, что такое стеснительность, — это все равно что объяснять слепому, что такое цвет, но все же Хьюлитт решил попробовать.

— Стеснительность, — сказал он, — это психологическая преграда на пути к социальной активности. Это нематериальная стена, мешающая человеку сказать или сделать то, что ему нестерпимо хочется сказать или сделать. Стеснительность обуславливается эмоциональными причинами, как правило, непонятностью, ранимостью или трусостью. Среди землян стеснительность является обычным явлением в течение всего периода полового созревания — во время первых социальных контактов между противоположными полами.

— Вот странно! — удивленно проговорила Морредет. — На Кельгии чувства, испытываемые особью одного пола к особи другого, скрыть невозможно. Если один испытывает очень сильные чувства, но ему не отвечают взаимностью, первый может либо упорствовать в своих попытках до тех пор, пока чувство не станет взаимным, либо может направить свои усилия на другой предмет. Самые упрямые, как правило, становятся самыми лучшими брачными партнерами. А нельзя ли было тебя вылечить психологическими методами, чтобы твоя стеснительность пропала и не мешала тебе успешно совокупляться?

— Нет. — Хьюлитт обреченно покачал головой.

Вот тут он впервые увидел, как замерла шерсть кельгианки, но только на миг, после чего разволновалась еще сильнее прежнего. Морредет промолвила:

— Прости. Наверное, это тебя очень огорчает.

— Да, — честно признался Хьюлитт.

— Наверное, Старший врач сумеет тебе помочь, — добавила Морредет, пытаясь соединить честность с утешением. — Если Медалонт не сумеет вылечить тебя, для него это будет личное оскорбление. Как бы серьезно ни было заболевание или травма, считается, что в Главном Госпитале Сектора могут вылечить всех. Ну или почти всех.

Хьюлитт смотрел на шерсть собеседницы, сейчас напоминавшую лужицу ртути. Он сказал:

— У Старшего врача есть моя история болезни, но до сих пор он ни словом не обмолвился о моем недобровольном безбрачии. Может быть, как и университетские психологи, он полагает, что все дело в моей психике. Пусть я и не вступаю в близкий контакт с женщиной, но со мной все в полном порядке.

В общем, когда стало ясно, что от психолога никакого толку, — продолжал Хьюлитт, искоса поглядывая на разбушевавшуюся шерсть Морредет, — он решил, что это я упрямлюсь и отказываюсь реагировать на все его старания в области психотерапии. Мне было сказано, что жить без контактов с женщинами, к чему я, вероятно, втайне стремлюсь, трудно, но можно. Так жили в прошлом многие уважаемые люди и при этом внесли богатый вклад в философию и другие науки. Многие писатели и учителя человечества подвергали себя добровольному безбрачию. Некоторые сублимировали сексуальную активность научной деятельностью.

Хьюлитт замолчал, потому что шерсть Морредет расходилась не на шутку. Мышцы под покровом шерсти сводило судорогами, из-за чего кельгианка металась по кровати.

— Вам плохо? — тревожно спросил Хьюлитт. — Позвать сестру?

— Нет! — вскричала кельгианка. — Хватит с меня твоей дурацкой помощи!

Хьюлитт лихорадочно соображал, что же делать: поднять шторы, чтобы кровать Морредет стала видна с сестринского поста, но потом вспомнил, что, вероятно, ее и так видно через монитор. Еще раз взглянув на корчащееся тело кельгианки, Хьюлитт прошептал:

— Я же только хотел вам помочь!

— Зачем ты так жесток? — прошипела Морредет. — Кто тебе велел сделать со мной такое?

— Я... я вас... не понимаю, — ошеломленно протянул Хьюлитт. — Что я такого сказал?

— Ты — не кельгианин, — проговорила Морредет в промежутке между судорогами. — Поэтому тебе не понять, какую психологическую боль я испытываю! Сначала ты болтал про то, как гладил свою пушистую зверушку, потом начал извиняться за бесчувственность. Теперь ты рассказываешь о себе, о том, что не можешь найти себе партнершу, но ведь каждому ясно, что ты говоришь обо мне, о моих несчастьях. Наверняка тебе велели сделать это! Когда раньше со мной пытался то же самое сделать Лиорен, я просто закрывала глаза. Ну, кто тебе велел так со мной разговаривать? Лиорен? Брейтвейт? Старший врач? И зачем?

Первым порывом было все отрицать, но так получилось бы нечестно. Нельзя врать не умеющей врать кельгианке. Нужно либо смолчать, либо сказать правду.

— Худларианка-сестра, — ответил Хьюлитт с глубоким вздохом. — Это она попросила меня поговорить с вами.

— Но худларианка — не психолог! — горячо возразила Морредет. — Зачем бы ей проявлять такую жестокость? Ей не хватает квалификации! Чтобы какая-то недоучка издевалась над моими чувствами? Я на нее нажалуюсь Старшему врачу!

Хьюлитт попытался унять гнев кельгианки и сказал:

— Знаете, все, с кем я встречался в жизни, считали, что они хорошие, пусть и непрофессиональные, психологи. «И я тоже», — добавил он про себя. — Точно так же, как каждый считает себя превосходным водителем или думает, что обладает безупречным чувством юмора. Беда в том, что психологи чаще всего не сходятся друг с другом в подходе к лечению. Вы с этим согласны? О, вам больно?

— Нет, — буркнула Морредет, — я злюсь.

Учитывая то, к какому виду принадлежала Морредет, можно было не сомневаться — она сказала чистую правду. Глядя с возрастающей тревогой на то, как дергается тело и

ходит ходуном шерсть кельгианки, Хьюлитт стал гадать, уж не ругается ли та сейчас на языке своей «шерстяной» мимики.

— Не сердитесь на сестру-худларианку, — попросил Хьюлитт. — Она только сказала мне, что Лиорен спросил у Старшего врача Медалонта, нельзя ли снизить вам дозу снотворного, на что тот ответил ему согласием. Это сделано для того, чтобы у вас было больше времени на обдумывание того положения, в которое вы попали, чтобы вы, как они надеются, сумели бы с ним смириться. Для того чтобы способствовать этому, ночным дежурным сестрам запрещено с вами разговаривать — им разрешают только обмениваться с вами парой слов при обходе. Худларианка не согласна с таким курсом лечения, но субординация есть субординация. Она беспокоится о вас и, когда узнала, что я хочу перед вами извиниться за эту глупость насчет пушного зверька, попросила меня поговорить с вами.

Но она вовсе не просила меня говорить с вами о чем-то конкретно, — продолжал Хьюлитт. — Только сказала, что я мог бы попытаться отвлечь вас от мыслей о ваших бедах. Увы, это мне не удалось, но это моя вина, и худларианка не имеет никакого отношения ни к моей бестактности, ни к вашей злости.

— Ладно, не буду на нее жаловаться, — проворчала Морредет. — Но я все равно злюсь.

— Понимаю. — Хьюлитт кивнул. — Я ведь тоже сначала злился, чувствовал отчаяние, разочарование. Знаете, каково это, когда знаешь, что твои приятели хихикают у тебя за спиной и считают тебя сексуальным калеккой?

— Твоего увечья никто не видел, — огрызнулась Морредет, и от сильнейшей судороги ее тело откатилось к самому краю кровати. — Мои друзья не станут хохотать или свистеть у меня за спиной, нет, они будут ко мне так добры, что станут избегать меня, дабы я не видела, как я им отвратительна. Этого тебе не понять!

— Постарайся лежать спокойно, проклятие! — неожиданно для самого себя перешел с кельгианкой на «ты» Хью-

литт. — Свалишься же с кровати, ударишься. Прекрати кататься!

— Если тебе неприятно смотреть, убирайся, — буркнула Морредет. — Кельгиане иногда могут сдерживать чувства, но прятать их не умеют. Сильные эмоции связаны с произвольными движениями шерсти и тела. Ты этого не знал?

— «Нет, но теперь знаю», — мысленно проговорил Хьюлитт, а вслух сказал:

— Даже земные психологи утверждают, что время от времени давать волю своим чувствам полезнее, чем держать их в себе. Но я не хочу уходить, я хотел поговорить с тобой и отвлечь тебя от мыслей о болезни. Пока это мне не очень-то удастся, верно?

— Тебе это удастся просто ужасно, — фыркнула Морредет. — Но если хочешь — оставайся.

Тело кельгианки продолжало дергаться, но уже не так сильно, и Хьюлитт решил рискнуть и сменить тему.

— Спасибо, — поблагодарил он Морредет. — Да, ты права. Твое положение хуже моего, потому что твое увечье бросается в глаза. Но это вовсе не значит, что я не способен понять твои чувства — ведь много лет я мучился от той же беды, только не так сильно, как мучаешься ты. Также я не думаю, что эмоциональные травмы, пережитые мной — необходимость жить и работать в одиночку и избегать контактов с женщинами, — что все эти раны когда-нибудь затянутся окончательно. Я понимаю, что ты можешь чувствовать, но еще я знаю: ты не всегда будешь чувствовать себя так плохо.

Тебе никогда не приходило в голову, что Лиорен может быть прав, а сестра-худларианка ошибается? — продолжал Хьюлитт. — Что лучше хотя бы время от времени смотреть правде в глаза, что лучше понять это здесь, в госпитале, где тебе оказывают помощь, а не дома, где, как ты говоришь, тебе придется так одиноко? Не думала ли ты о том, что не всегда тебе будет так плохо? Люди, да наверное, и кельгиане привыкают абсолютно ко всему...

— Ты и говоришь, как Лиорен, — начала было Морредет, но тут случилось ужасное.

Шерсть ее волновалась не сильнее, чем прежде, непровольные подергивания утихали, поэтому Хьюлитт никак не ожидал новой судороги, из-за которой тело Морредет вытянулось в длинный пушистый цилиндр и скатилось с кровати. Не тратя времени на раздумья, Хьюлитт бросился к кельгианке, подхватил ее и уложил обратно на кровать. Пальцы Хьюлитта сомкнулись как раз на прямоугольнике пластыря, и под их давлением ткань пластыря съехала с перевязанной раны.

Кельгианка жалобно застонала, и стон ее был похож на звук фальцета сирены, потом ее тело снова дернулось и перекаатилось к другому краю кровати — туда, где теперь стоял Хьюлитт. Хьюлитт покачнулся и упал на пол. Морредет накрыла его собой.

— Сестра! — закричал землянин.

— Я здесь, — спокойно проговорила худларианка, уже проникшая за ширму и наклонившаяся над Морредет и Хьюлиттом. — Вы ранены, пациент Хьюлитт?

— Н-нет, — пробормотал Хьюлитт. — Пока — нет.

— Это хорошо, — сказала сестра. — ДБЛФ никогда не используют свои лапки в драке, поэтому скорее всего вам ничего не грозит. Мне нужна помощь, но я не хотела бы звать вторую сестру и терять время. Поможете мне?

«Помогу ли я вам?» — изумился про себя Хьюлитт. Он издал звук, который и сам вряд ли бы смог перевести, но сестра-худларианка почему-то сочла этот звук знаком согласия.

— Ваше теперешнее положение на полу идеально для выполнения моего плана, — продолжала медсестра. — Вы должны крепко держать пациентку Морредет. Прошу вас, обхватите ее руками и покрепче ухватите за шерсть на спине. К сожалению, четыре конечности нужны мне для удержания тела в равновесии, так что у меня остается одна, чтобы помочь вам держать больную, и вторая — чтобы ввести ей седативное средство. Прошу вас, держите ее покрепче, но не делайте ей больно. Вот так, хорошо.

Совместными усилиями им удалось удержать кельгианку, которая продолжала издавать писклявые стоны, при

этом изо всех сил стараясь вырваться из объятий Хьюлитта, разгуливая по его груди, животу и лицу всеми двадцатью лапками. К счастью, лапки у нее были короткие, тонкие и слабые и не имели когтей. Подушечки на лапках напоминали затвердевшие губки. У Хьюлитта было такое ощущение, будто по нему колотят барабанными палочками. Это скорее удручало, чем приносило боль. Видимо, из-за непрерывных телодвижений Морредет вспотела — в ноздри Хьюлитта ударил запах, смутно напоминавший аромат перечной мяты.

На него вдруг навалилась слабость, показалось, будто бы силы покидают его, ладони вдруг стало покалывать, предплечья загорелись в тех местах, где прикасались к шерсти Морредет. Это чувство было незнакомо Хьюлитту, и ему вдруг стало так щекотно, что он с трудом сдерживал смех. Внезапно Морредет выгнула спину дугой и попыталась вырваться. Хьюлитт еле удержал ее.

— Простите, у меня руки вспотели, — извинился он перед медсестрой. — Она чуть не выскользнула.

— Вы молодчина, пациент Хьюлитт, — похвалила его сестра, убирая шприц в бикс. — Еще несколько секунд — и я закончу. Вы на время утратили хватку из-за того, что перемазались в мази, которой пропитана повязка, и в поту пациентки. Кроме того, мне известно, что увлажнение кожи внутренней поверхности рук у землян происходит иногда в отсутствие повышенной физической активности и не всегда связано с повышением температуры тела. Это явление может служить признаком сильной эмоциональной реакции на стрессовую ситуацию...

— Но у меня не только ладони вспотели, — вяло запротестовал Хьюлитт, — а руки до локтя.

— В любом случае, — невозмутимо отозвалась медсестра, — вам ничто не угрожает. Кельгианские патогенные микроорганизмы не смогут преодолеть межвидовой барьер, и... О, похоже, пациентка Морредет уснула.

Кельгианка действительно перестала сучить лапками, и ее тело всем весом надавило на грудную клетку Хьюлитта. У сестры теперь были свободны два шупальца, и она

подхватила ими Морредет где-то в районе центра тяжести, подняла и уложила на постель. К тому времени, когда Хьюлитт поднялся с пола, Морредет уже лежала на кровати в форме буквы «S» — видимо, отдыхая, кельгиане предпочитали принимать именно такую форму. Медсестра меняла повязку на ране кельгианки, и Хьюлитт успел поймать взглядом участок оголенной кожи и бледной, безжизненной шерсти.

— Пациент Хьюлитт, — посоветовала землянину сестра, — пожалуйста, сотрите с рук мазь. Вам она не повредит, но запах может не понравиться. А потом возвращайтесь к своей кровати и постарайтесь уснуть. Попозже я подойду к вам и проверю, нет ли у вас мелких царапин, которые вы могли не заметить из-за испуга и волнения.

Кстати, пока вы не ушли, — продолжала сестра, — прошу извинить меня за то, что я не сразу поспела. Ваш медицинский монитор оборудован микрофоном и записывающим устройством — для того, чтобы впоследствии можно было прослушать записанные материалы. Судя по тому, как протекала ваша беседа с пациенткой Морредет, было ясно, что ей вот-вот понадобится успокоительное средство, но средство это новое, и если на месте нет Старшего врача, я вынуждена перед тем, как ввести его пациенту, консультироваться с Отделением Патофизиологии. Только поэтому я и не явилась на ваш зов сразу.

Хьюлитт рассмеялся:

— А я-то еще думал, что вы быстро прибежали! Но если наш разговор с Морредет записывался, это же значит, что вам грозят неприятности из-за того, что вы сказали, — вернее, из-за того, что я сказал, что вы сказали насчет вашего несогласия с распоряжениями о снижении Морредет дозы снотворного и запрета разговаривать с пациенткой? Да, а как она сейчас? — спросил Хьюлитт. — Вы уверены, что с ней все будет хорошо?

Трудно было сказать, о чем думает худларианка, но Хьюлитту показалось, что она встревожена.

— Запись с вашего монитора прослушают несколько сотрудников, включая Медалонта, Летвичи и Лиорена. В

мой адрес будет высказано много критических замечаний. Но вы уже заметили, наверное, что у худлариан кожа толще, чем у любых других существ. Спасибо вам за заботу, пациент Хьюлитт, а теперь, прошу вас, возвращайтесь к себе. Морредет чувствует себя хорошо и мирно спит...

Худларианка запнулась. Спокойная рябь на шерсти Морредет вдруг резко затихла. Кончик щупальца медсестры быстро скользнул к основанию черепа Морредет — вероятно, она решила пощупать пульс. Затем худларианка достала из сумки с инструментом сканер и подвесила его к груди пациентки в двух местах. Второе щупальце сестры нажало клавишу на коммуникаторе, и на потолке над кроватью кельгианки быстро замигало пятнышко красного света.

— Реанимационная бригада, — медсестра почти кричала, — седьмая палата, двенадцатая кровать, кельгианка-ДБЛФ. Пять секунд после остановки обоих сердец... Пациент Хьюлитт, быстро ложитесь. Скорее!

Хьюлитт отвернулся от кровати кельгианки, не в силах смотреть на неподвижное тело Морредет и на ее замершую шерсть. Он вышел за ширму, но к своей кровати не пошел. Он ждал около ширмы, пока минуту спустя не появилась реанимационная бригада. Красное пятнышко на потолке погасло. Все звуки, исходившие от постели Морредет, стихли — реаниматоры установили звукоизоляционное поле.

Вероятно, это было сделано, чтобы не беспокоить других пациентов, а не только для того, чтобы Хьюлитт не слышал, что там, за ширмой, происходит. Он не знал, сколько простоял в темноте, глядя на темные силуэты, скользившие по полотнищам ширмы. Он изо всех сил прислушивался, но так ничего и не услышал. Наконец из-за ширмы вышли реаниматоры. Но они покинули палату, не сказав ни слова, и любопытство Хьюлитта так и осталось неудовлетворенным. Медсестра-худларианка, судя по ее тени, неподвижно стояла около кровати Морредет.

Хьюлитт ждал, как ему показалось, невыносимо долго, но худларианка так и не вышла к нему. Тоскливо, виновато и разочарованно Хьюлитт развернулся и побрел в ван-

ную, чтобы смыть с рук остатки кельгианской мази. Потом он лег в постель и закрыл глаза.

Дважды среди ночи он слышал, как тихо ходит по палате медсестра. Все пациенты спали, кроме него, — а он притворялся, будто спит. Но сестре не надо было ни о чем его спрашивать — за него говорил монитор. Вероятно, сестра чувствовала себя виноватой в случившемся — ведь это она попросила Хьюлитта поговорить с Морредет. Но и Хьюлитт чувствовал себя виноватым и боялся о чем-либо спрашивать сестру. Он лежал тихо-тихо и в отчаянии гадал: неужели он мог кого-то убить только тем, что поговорил с этим существом? Хуже он себя в жизни не чувствовал — ни физически, ни морально.

Он так и не уснул. Вспыхнули потолочные лампы. На дежурство вышла утренняя смена.

Глава 14

Утренний обход получился каким-то скомканным. Старшего врача Медалонта сопровождала вместо вереницы практикантов только Старшая сестра Летвичи. Подходили они исключительно к самым тяжелым больным и большую часть времени провели у постели Морредет, по-прежнему загороженной ширмой и звукоизоляционным полем.

Медики все еще находились там, когда около кровати Хьюлитта остановились по пути в ванную Хоррантор и Бовэб. Первым заговорил дутанин.

— Пожалуй, в скремман сегодня играть не придется, — проворчал Бовэб. — Похоже, никто не знает, что стряслось с Морредет. Я попробовал выспросить у сестры-кельгианки, но ты же знаешь этих кельгиан — они или выкладывают всю правду, или вообще помалкивают. А ты что-нибудь знаешь?

Хьюлитт все еще чувствовал себя виноватым в случившемся, и говорить об этом ему не хотелось. Но эти двое

были друзьями Морредет — ну, пусть не друзьями, но хотя бы хорошими знакомыми, и они имели право знать правду. Лгать им Хьюлитт не собирался, но он не был и кельгианином, поэтому мог слегка и приврать.

— У нее был приступ, — объяснил он. — Медсестра вызвала бригаду реаниматоров и сказала им, что у Морредет остановились сердца. Когда они прибыли, они закрыли кровать звукоизоляционным полем. Что там происходило потом — я не знаю.

— Мы, наверное, все проспали, — вздохнул Хоррантор. — Но худлярианка добрая и поговорить любит. Может, она нам все расскажет, когда вечером сменит кельгианку. — Хоррантор запнулся и указал в сторону сестринского поста. — Вы поглядите, кто идет по палате вместе с падре Лиореном. Торннастор! Что он тут делает?

Существо, о котором шла речь, принадлежало к тому же виду, что и Хоррантор, но было гораздо крупнее. Его шкура была испещрена морщинами, ну и конечно, оно шагало на всех шести ногах. Ответ на вопрос Хоррантора поступил как бы сам собой. Лиорен и Торннастор остановились около кровати Морредет и исчезли за ширмой. Следом за ними там же исчезла сестра-кельгианка с антигравитационной каталкой.

— Да уж, там теперь небось тесновато, — отметил Хоррантор.

Никто ему не ответил. Молчание затянулось. Хьюлитта все время преследовал образ Морредет, неподвижно лежавшей на кровати, и, чтобы немного отвлечься, он спросил:

— А кто такой Торннастор?

— Я его раньше никогда не видел, — ответил ему Хоррантор. — Но это наверняка Торннастор, потому что в госпитале, кроме меня, есть только один тралтан, и он диагност. Торннастор — Главный патофизиолог госпиталя. Говорят, он редко выходит из лаборатории и пациентов видит только мертвых или разрезанных на куски.

— Хоррантор! — оборвал друга Бовэб. — Деликатности у тебя — как у пьяного кельгианина.

— Ой, простите, — извинился тралтан. — Что-то я не то сказал, правда... Смотрите, они выходят.

Первой из-за ширмы появилась кельгианка. Она толкала перед собой каталку, колпак которой теперь был закрыт. За ней следом вышли Торннастор, Медалонт и Летвичи. Шторы убрались в щели на потолке, и около пустой кровати остался только Лиорен. Тарланин несколько секунд стоял, уставившись всеми четырьмя глазами в пустоту, а затем тронулся с места, но за другими не пошел.

— Сюда идет, — прорычал дутанин — это он так шептал. — Хьюлитт, и вроде бы на тебя смотрит.

И действительно, Лиорен, глядя на Хьюлитта двумя глазами, шел к кровати землянина. Остальные два глаза он соответственно направил на Хоррантора и Бовэба. Приблизившись, он сказал:

— Прошу простить, что прервал ваш разговор, друзья, но мне нужно поговорить с пациентом Хьюлиттом наедине.

— Конечно, падре, — ответил Хоррантор, а Бовэб добавил: — Мы как раз собирались уходить.

Дождавшись, когда тралтан и дутанин отойдут подальше, тарланин уточнил:

— Надеюсь, вам сейчас удобно со мной поговорить? Уделите мне некоторое время?

Хьюлитт ответил не сразу. Он впервые видел падре так близко. Он, правда, смотрел библиотечные записи о тарланах, но к личной встрече оказался не готов. Код физиологической классификации тарлан был БРЛГ, и они представляли собой существа на четырех коротких ножках, с телом в форме конуса. У тарлан имелось по четыре средних конечности на уровне пояса — эти конечности были длинными, суставчатыми и мускулистыми и служили для поднятия тяжестей. Еще четыре конечности, предназначенные для выполнения более тонкой работы, росли на уровне шеи. На одинаковых расстояниях друг от друга по окружности головы на стебельках располагались четыре глаза, способные двигаться независимо друг от друга. Рост взрослого тарланина, как утверждал библиотечный компьютер, равнялся восьми футам, но Лиорен превышал средние

показатели как ростом, так и массой тела. Созерцание тарланина в непосредственной близости вовсе не порадовало Хьюлитта. Учитывая события прошедшей ночи, он не рассчитывал услышать ничего хорошего. Вместо того чтобы ответить на вопрос священника, он сам спросил его о том, что мучило его последние шесть часов:

— Что случилось с Морредет?

Выражение странного, искривленного лица тарланина оказалось прочесть еще сложнее, чем худларианское. Лиорен ответил:

— Мы не знаем, что случилось с Морредет, но сейчас она чувствует себя хорошо, с ней все в порядке.

Учитывая профессию Лиорена и не забывая о том, что кровать Морредет опустела, Хьюлитт решил, что слова падре не что иное, как утешение осиротевшему другу. Но Хьюлитт мечтал услышать не это. Неожиданно звуки, оглашавшие палату, стихли — срединной рукой Лиорен нажал клавишу включения звукоизоляционного поля. Хьюлитт пока не понял, каким из отверстий на лице тарланин разговаривает, но голос Лиорена звучал спокойно и мягко.

— Похоже, за случившееся ответственны трое. Сестра-худларианка, я и вы. Мне бы хотелось начать с вашего вклада в происшедшее.

Не дав Хьюлитту и рта раскрыть, тарланин продолжал:

— Худларианка уже сказала мне, что ваш ночной разговор был записан монитором и внесен в историю болезни в целях последующего изучения. Предыдущие разговоры были записаны без вашего ведома и разрешения в связи с необычностью вашего заболевания. Медалонту показалось, что, будучи в неведении на предмет записи, вы поведете себя более раскрепощенно, а то, что вы скажете, окажется во много раз ценнее всех ваших бесед с врачами, хотя большая часть записей никакого клинического значения иметь не будет. Теперь вы знаете, что все сказанное вами записывается, но больше ваших слов меня интересует ваша эмоциональная реакция на травму пациентки Морредет. Родились ли у вас какие-либо сильные чувства в отношении ее увечья и хотите ли вы поговорить о них?

Хьюлитт немного успокоился. Он ожидал от Лиорена выговора, но теперь понял, что больничный священник не собирается его ругать.

— Хочу, — кивнул Хьюлитт. — Но многого от меня не ждите, падре. Никаких особо сильных чувств по поводу травмы пациентки Морредет я не испытываю, кроме обыкновенного сочувствия к беде существа, не являющегося моим близким другом. Когда я узнал, как много для нее значит повреждение шерсти, я попытался помочь ей разговором о том, что пережил в период с десяти до двадцати лет. Вероятно, я ляпнул что-то лишнее.

— Я бы так не сказал, — возразил Лиорен. — Вы пытались найти верные слова в очень непростой с эмоциональной точки зрения ситуации. Кое-что из сказанного вами... Скажите, та проблема, о которой вы говорили с пациенткой Морредет, разрешена или нет? В вашей истории болезни говорится о том, что вы не женаты и не имели даже кратких связей с лицами противоположного пола.

Удивившись тому, что разговор о Морредет так резко перескочил на него, Хьюлитт ответил:

— Нет, проблема не разрешилась. Я чувствую себя неловко в женском обществе, невзирая на то что у меня сохранилась нормальная физическая реакция на женщин, да и сам я по-прежнему привлекателен для них. Я боюсь возврата стресса, я боюсь за себя и за свою потенциальную партнершу. Я боюсь той боли, которая заменяет мне наслаждение. Мне бы не хотелось, чтобы это повторилось... Но почему вы спрашиваете об этом? Вы осуждаете мое поведение? Вы полагаете, что это скорее вопрос морали, нежели медицины?

— Нет, это медицинский вопрос, — не задумываясь отозвался Лиорен. — Но если эта тема волнует вас так, что вы чувствуете — вам необходим духовный совет или руководство, прошу вас, скажите мне об этом. Я располагаю обширными знаниями о многочисленных табу и верованиях Федерации и смогу вам помочь. Меня очень интересуют и ваши верования, если они у вас есть. Если вы неверую-

щий, не волнуйтесь. Я не собираюсь ни проповедовать, ни вовлекать вас в веру.

Одна из причин, по которой я задал вам этот вопрос, — продолжал падре, — состоит в том, что я больше не занимаюсь врачеванием. Но когда-то я был опытным медиком, и порой мне интересно переигрывать моих бывших коллег. Частенько их это обижает, бьет по их профессиональной гордости. Да и кто я такой, чтобы осуждать другого, избравшего безбрачие?

— Простите, падре, — выдавил Хьюлитт. — Что-то я нынче не слишком расположен к общению. Скажите конкретно, что бы вам хотелось узнать?

Лиорен издал долгий булькающий звук, который транслятор переводить не стал, и сказал:

— Все, что вам хотелось бы мне рассказать. Но прежде всего мне кажется, что вас по-прежнему удручает ваша затянувшая девственность, но об этом вы так подробно поведали в разговоре с Морредет, что теперь говорить об этом не стоит. А мне бы хотелось узнать, не было ли в вашей жизни других эпизодов — физических, психологических, религиозных, которые бы вас беспокоили, а медикам казались пустяками, не имеющими значения, и потому они не отразили эти эпизоды в вашей истории болезни. Помните ли вы что-либо в таком роде?

— Ну, если этого нет в моей истории болезни, — вздохнул Хьюлитт, — наверное, я и сам позабыл об этом. Стоило мне почувствовать, что со мной что-то не так, я непременно об этом рассказывал. Жаловаться вошло у меня в привычку.

Мгновение Лиорен молчал. Когда он заговорил вновь, Хьюлитту показалось, что падре смущен и взволнован. Тарланин устремил на землянина все четыре глаза.

— Случай у вас на редкость необычный, пациент Хьюлитт, — сказал священник. — Мы изучали ваши разговоры с Медалонтом, Брейтвейтом и худларианской сестрой, а также с тремя вашими партнерами по карточной игре, слушали беседу с Морредет, в которой вы выказали редкую деликатность и чувствительность. На основании всего это-

го мы заключили, что у вас немного неладно с психикой. Учитывая, что вы всю жизнь воюете с медиками, таких отклонений можно ожидать, но при этом личность ваша сохранила устойчивость и организованность. Если в вашем заболевании присутствует психологический компонент, в чем мы уже начали сомневаться, то он упрятан так глубоко, что пока не видно даже его следов.

— Я же всем и каждому тут твердил, что дело вовсе не в моем воображении, — возмутился Хьюлитт.

Лиорен, не обращая внимания на его возмущение, продолжал:

— Объективно вы являете собой совершенно здорового землянина-ДБДГ. Помимо необъяснимого сердечного приступа, имевшего место в день вашего поступления в госпиталь, ваш монитор постоянно регистрирует оптимальные параметры всех жизненно важных показателей. Правда, в настоящее время параметры немного понижены, но это можно отнести на счет бессонной ночи. Не сомневаюсь, вы волновались за Морредет.

— Итак, у меня все в порядке с головой и тело супермена, — не пытаясь скрыть злость, съязвил Хьюлитт. Наверняка его собираются выписать из госпиталя как симулянта. — Спасибо, что еще раз напомнили мне об этом, падре. Что мне вам еще рассказать?

Тарланин склонился к Хьюлитту и открыл рот. Впервые землянин увидел, какие у Лиорена острые и большие зубы. Хьюлитт поздравил себя с тем, что смог удержаться и не вскочить с кровати, рванув по палате куда глаза глядят. Поистине, тут можно было привыкнуть ко всему.

— Не знаю, — отвечал падре. — Что угодно. Что-нибудь такое, что, как вы, земляне, говорите, позволило бы мне «запустить зубы» в вашу проблему.

— 3-зубы? — выдавил Хьюлитт, не отрывая глаз от открытого рта собеседника. Заставив себя хохотнуть, он проговорил: — А знаете, у меня с зубами никаких проблем. Было кое-что, когда я был маленький, на Этле, но это пустяки. Мне было семь лет, и у меня начали прорезываться два коренных зуба, а молочные все не желали выпадать.

Десны у меня болели, но я гораздо больше боялся, что зубная фея не положит мне под подушку денег за выпавшие зубы. Вы знаете про зубную фею? Ну, это я потом как-нибудь расскажу. Когда стал прорезываться третий коренной зуб, а молочный отказывался выпадать, наш стоматолог утратил всякое терпение и удалил мне все три молочных зуба. Затем мои зубы вели себя образцово, и всякий раз на подушке меня ждали деньги от зубной феи. Но наверное, это глупо — рассказывать вам про зубы.

— Кто знает, что в вашем случае глупо, а что нет, — задумчиво проговорил священник. — Но, пожалуй, я с вами согласен. Можете припомнить еще какие-нибудь не внешние в историю болезни важные случаи?

Хьюлитт стал рассказывать и чем дальше, тем больше вспоминал разных случаев. К его удивлению, в истории болезни фигурировали даже самые пустяковые эпизоды. Последовал нудный перечень обычных для мальчишки ушибов и порезов. Порезы и ссадины у него всегда заживали очень быстро, хотя некоторые из них поначалу казались такими глубокими, что их следовало бы зашить.

— В детстве и юности я не любил докторов, — сказал Хьюлитт. — Потому что они упорно прописывали мне лекарства, думая, что от них станет лучше, а все выходило с точностью до наоборот. Сначала мне показалось, что и Медалонт — не исключение, но он отменил все лекарства, и пока со мной ничего страшного не произошло, кроме сердечного приступа в первую ночь. Мне продолжать, падре? Вам такие сведения от меня нужны?

— Сам не знаю, какие сведения мне нужны, — признался Лиорен. — Да и услышь я от вас нужные мне сведения, вряд ли бы я понял, что это именно то, чего я жду. Но если все, что вы и множество лечивших вас докторов говорите, правда, и учитывая два имевших место необычных клинических явления, остается одно вероятное объяснение. Для меня оно более очевидно, чем для вас, хотя я и неохотно с ним соглашаюсь.

Тарланин еще ближе наклонился к Хьюлитту, и землянин заволновался: не упадет ли на него тяжеленный священник. Хьюлитт почти физически ощутил волнение падре.

— Пациент Хьюлитт, — спросил Лиорен, — являетесь ли вы членом религиозной секты?

— Н-нет! — вырвалось у Хьюлитта.

— До своей гибели при авиакатастрофе, — продолжал священник, — являлись ли ваши родители членами какой-либо секты? А ваши бабушка и дедушка? Вероятно, эта секта была крайне малочисленной, поскольку не могла расширить ряды своих последователей, существуя в окружении материалистов. Наверняка приверженцы этой секты придерживались высоких правил морали, были преданы своим верованиям и отличались непоколебимой верой. Вы тогда были очень маленьким, но, может быть, ваши родители все же наставляли вас в вере?

— Нет, — снова ответил Хьюлитт.

— Вы достаточно хорошо подумали? — возразил падре. — Подумайте как следует.

Он отклонился назад. Хьюлитт не понял, что это означает — успокоение или же разочарование.

— Простите, падре, — сказал он. — Вы ранее спросили меня насчет моего отношения к религии, и я отказался от вашей помощи. Я думал, вы сразу поняли, что я — человек неверующий. Так зачем же вы задаете мне столько вопросов на тему религии? Повторяю: я никогда не был верующим.

Хьюлитт ужасно обрадовался тому, что кровать загорожена звукоизоляционным полем — падре Лиорен заговорил настолько громко, что в противном случае его было бы слышно на другом конце палаты.

— Я задаю эти вопросы потому, что вынужден их задавать. Религиозные воззрения порой в значительной мере сказываются на психике пациентов. А в особенности я их задаю из-за того, что произошло сегодня ночью.

После вашего разговора с пациенткой Морредет, — взволнованно продолжал Лиорен, — пациентка, состояние которой до тех пор не внушало опасений, сильно разнервничалась, что в итоге привело к тяжелейшим спазмам. Вы помогали дежурной сестре удерживать пациентку, когда худлярианка делала ей укол успокоительного. Затем у нее остановились

оба сердца. Можно было бы как-то по-другому назвать ваши действия, но факт остается фактом — то, что вы сделали, называется не иначе как «наложение рук».

Когда прибыла реанимационная бригада, — чуть спокойнее проговорил падре, — реаниматоры пришли в ярость — второй раз за два дня их вызвали в эту палату, и оба вызова в итоге оказались ложными. Торннастор в полном изумлении, что редкое явление для главы Отделения Патологической физиологии. Он попросил перевезти Морредет в его лабораторию для более тщательного обследования. Произошло невероятное. А пациентка Морредет счастлива безмерно, потому что на месте ранения у нее выросла новая прекрасная шерсть.

Лиорен немного помолчал, потом добавил почти извиняющимся тоном:

— Наш госпиталь славится тем, что тут непрерывно творят медицинские чудеса, но то, что случилось с Морредет, — поистине чудо. Даже я в недоумении.

А как вы все это объясните, пациент Хьюлитт?

Глава 15

Прошла неделя после перевода Морредет в Отделение Патологической физиологии, и Хьюлитт заметил, как изменилось к нему отношение — но не в худшую сторону, так что жаловаться было нечего. Старший врач Медалонт одаривал его считанными словами. Он явно ничем не мог помочь Хьюлитту. Старшая сестра Летвичи вела себя почти что обходительно, сестра-худларианка не утратила дружелюбия, однако стала куда менее разговорчива. Когда Хьюлитт, Хоррантор и Бовэб попробовали сыграть в скремман троим, землянину показалось, что его партнеры словно языки проглотили — если они, конечно, у них имелись. Все вокруг него, как любила говорить бабушка Хьюлитта, ходили на цыпочках.

Единственным, кто был готов подолгу разговаривать с Хьюлиттом, оставался Лиорен, чьи визиты почти всегда заканчивались горячими религиозными спорами, которые Хьюлитт, убежденный атеист, предпочитал именовать философскими диспутами. Что бы эти споры собой ни представляли, они помогали Хьюлитту скоротать время днем и давали почву для ночных раздумий. За это землянин был несказанно благодарен падре. Правда, когда Лиорен, как, например, сегодня, возвращался к разговору о том, что случилось с шерстью Морредет, Хьюлитт предпочел бы беседовать с кем-нибудь другим.

— Сегодня, до того, как я пришел к вам, я побеседовал с Морредет, — сообщил тарланин. — И она сказала мне, что в Отделении Патофизиологии у нее не находят никаких отклонений от нормы. Отросшая шерсть выглядит великолепно, не собирается выпадать, и Торннастор уже не видит причин задерживать Морредет в госпитале и, наверное, скоро выпишет ее. На тот случай, если ей не удастся до отъезда повидаться с вами, она просила передать вам свои наилучшие пожелания и благодарность за то, что вы для нее сделали... за то, что вылечили ее.

— Но я ничего не сделал! — запротестовал Хьюлитт. — Я только дрался с ней, вот и все! Между прочим, я просил вас передать это Морредет.

— Я передал, — кивнул Лиорен. — Но она сказала, что на всякий случай благодарит вас — а вдруг вы все-таки что-то сделали. Знаете, она тоже не слишком сильно верит в чудеса.

— Чудес не бывает, — проворчал Хьюлитт — в последние дни он часто произносил эту фразу. — Бывают какие-то природные явления, которые нам пока непонятны или просто нами не изучены. А когда мы начинаем понимать, как происходит то или иное чудо, мы совершаем его по нескольку раз в день и даже не задумываемся об этом, верно?

Хьюлитт включил свой прикроватный компьютер и запросил библиотечное «меню» в надежде, что Лиорен поймет намек и уберется. Хьюлитт уже поступал так прежде, и падре не обманывал его ожиданий.

— Вы правы, несколько веков назад передача изображения на расстоянии была бы сочтена чудом, — по-своему понял намек Хьюлитта тарланин. — Морредет очень рада и горда тем, как теперь выглядит ее шерсть. Она упросила меня провести рукой по ее бокам и убедиться в том, что шерсть пушиста и подвижна. Она утверждает, что еще никогда в жизни не чувствовала себя настолько хорошо. На Тарле к подобным прикосновениям прибегают только при интимной близости и эмоциональном подъеме, но Морредет так просила меня потрогать ее шерсть... Знаете, в такие моменты я становлюсь настоящим трусом. Ощущения у меня были удивительные, совершенно неожиданные, их очень трудно описать. Я чувствовал себя...

— Глупо? — подхватил Хьюлитт. — Вот и я себя идиотски чувствовал, когда то же самое произошло с Хоррантором. Медалонт попросил меня — в порядке эксперимента — положить руки на поврежденную ногу тралтана. Как утверждает наш Старший врач, выздоровлению Хоррантора мешают какие-то осложнения. Рядом стояли сам Медалонт, Летвичи, еще две медсестры-орлигианки и реанимационная бригада — на случай, если произойдет нечто из ряда вон выходящее. Думаю, все они, даже сам Хоррантор, очень обрадовались, когда не произошло ровным счетом ничего. Во второй раз чуда не получилось. Вы уж простите.

— Не надо извиняться, — возразил Лиорен. — Я вас понимаю, как никто другой. Из-за чудес я начинаю сомневаться в том, во что верю и не верю, и мне гораздо больше по душе, когда кто-то доказывает, что чудес не бывает.

— Не бывает, падре, — заверил священника Хьюлитт. — Может, поговорим о чем-нибудь другом?

— Мне бы вашу уверенность, — сказал Лиорен, сложив срединные конечности в каком-то жесте, который, наверное, был бы понятен другому тарланину. — Но неужели во всем необозримом пространстве и бесконечном времени, неужели посреди законов причины и следствия, неужели при совершенном равновесии сил Творения нет места для чуда — хоть иногда? Если нет — почему же оно все-таки произошло здесь?

Хьюлитт обреченно покачал головой, чувствуя, что ему никуда не деться от осточертевших разговоров о шерсти Морредет, разговоров, которые неизбежно уводили их с Лиореном в религиозные дебри, и сказал:

— И здесь оно не произошло, падре. Чудеса невозможны. Если бы они происходили в необъятной, сложнейшей, великолепно упорядоченной Вселенной — или внутри того, что вы зовете Творением, они были бы исключением из правил, отклонениями от Совершенного Порядка Вещей. В вашей Вселенной для чудес места нет.

— Интересная философская мысль, — отметил Лиорен. — Из нее можно вывести заключение об ошибочности Творения, в рамках которого имеют место сверхъестественные явления. Если учесть все предполагаемые качества Творца, резонен вопрос: почему Он, Она или Оно создали какие бы то ни было несовершенства?

— Не знаю, — покачал головой Хьюлитт. — Я в этой области не компетентен. Но ведь можно предположить, что наша Вселенная была создана как прототип, как экспериментальная модель, время от времени нуждающаяся в доработке и тонкой настройке. И то, что частенько мы сталкиваемся со сверхъестественными явлениями во Вселенной, существующей по законам природы, как раз и может служить подтверждением этой настройки и доработки. Слава Богу... ой, это всего лишь оборот речи, падре... хорошо, что это происходит не слишком часто.

— Если вы верите, что... — начал было Лиорен.

— Я ни во что не верю, падре. Я просто рассуждаю.

Тарланин, немного помолчав, сказал:

— Если наша Вселенная несовершенна, можно предположить притом, что она бесконечна и вечна, что некогда существовала или будет существовать совершенная Вселенная. Не хотелось бы вам... гм-м... немного поговорить об этом?

— Я всерьез никогда об этом толком не думал, — улыбнулся Хьюлитт. — Так что могу развить эту мысль в процессе разговора. В такой Вселенной все будет совершенно. Законов природы не будет, потому что существуй они — это бы

означало, что и в такой Вселенной есть просчеты и она тоже нуждается в доработке. Там не будет ни времени, ни пространства, никаких физических и моральных ограничений, и поэтому, что бы там ни происходило, все будет чудом. Думаю, вы и другие верующие, живущие в нашем несовершенном мире, назвали бы такую Вселенную раем.

— Продолжайте, — попросил Хьюлитта Лиорен.

— Что же касается моего отношения к религии, да и не только моего, то вся беда в том, что ни одна религия не дает ответа на вопрос: откуда в мире столько зла, а точнее говоря, трагических случаев, природных катастроф, болезней, ужасных поступков отдельных людей или целых народов по отношению к другим — иными словами, откуда так много страданий? Живущим в несовершенной Вселенной еще долго придется объяснять, почему такое происходит, в особенности тогда, когда они ожидают, что после смерти перенесутся в совершенный мир.

Теория совершенно еретическая, — заключил свое высказывание Хьюлитт. — Надеюсь, мое богохульство не оскорбило вас, падре?

— Согласен, — сказал Лиорен. — Рассуждения ваши действительно еретические, однако они для меня не новы. Для того чтобы работать здесь, я должен много знать о религиозных воззрениях и ритуалах на многих планетах, а зачастую я должен быть знаком сразу с несколькими религиями, исповедуемыми на одной и той же планете. Вы мне напомнили о писаниях одного земного богослова по имени Августин*. У него было в привычке задавать Богу вежливые, но странноватые вопросы, например: «Боже, а что ты делал до того, как создал Вселенную?» Свидетельств того, что святой Августин когда-либо получил ответ на этот вопрос, не сохранилось — по крайней мере он не получил ответа за время своей жизни на земле. Но вы выразили его мысль, вы предположили, что Создатель сотворил прототип совершенного мира и что мы живем в этом прототипе.

* Блаженный Августин (354—430), христианский богослов и писатель, епископ африканского города Гиппона. Автор учения о церкви как о «Божьем граде». Один из отцов-основателей христианской церкви.

Я не обижен и даже не удивлен, пациент Хьюлитт, — продолжал Лиорен. — Когда речь заходит о религиозных верованиях разных существ, меня ничто уже не удивляет. Единственные, кому удалось-таки меня удивить, — телфиане-ВТХМ. Одного из них я навещал в последние дни. Телфиане придерживаются убеждения о том, что они созданы по образу и подобию Божьему, но при этом их всезнающий и всемогущий Создатель состоит из бесконечного множества крошечных, слабых и невежественных (каждого по отдельности) существ типа их самих. Вместе же эти слабые, глупые и маленькие существа составляют Сверхсущество, к которому телфиане в один прекрасный день мечтают присоединиться.

Телфиане, — чуть подумав, пояснил тарланин, — представляют вид, у которого разум и цивилизация развились в результате объединения индивидуумов в существо коллективное, и поэтому понятно, почему их верования именно таковы. Но поначалу мне было очень трудно это понять и очень трудно было разговаривать о бесконечном числе существ, из которых состоит телфианский Бог. Трудно мне было найти и слова духовного утешения, в которых нуждался телфианин. Конечно, есть много религий, последователи которых верят в то, что в каждом существе есть искра Божия... Кстати, вы что-нибудь знаете о телфианах?

— Не слишком много, — признался Хьюлитт, обрадовавшись тому, что представился случай сменить тему и уйти от богословия и чудес. — Кое-что о них я прочел в каталоге обитателей Федерации. Они живут большими группами и практикуют контактную телепатию для объединения умственных и физических усилий. Жизненный цикл телфиан обеспечивается жестким излучением различной интенсивности, характерным для их родной планеты, орбита которой пролегает очень близко к телфианскому солнцу. Для того чтобы телфиане могли совершать космические полеты, внутри их кораблей должна воспроизводиться радиационная атмосфера родной планеты. Порой система поддержания искусственного климата отказывает, и тогда, если телфианам повезет, они попадают сюда. По-

сколько они питаются радиацией, ни одно живое существо не может приблизиться к ним, поговорить и после этого надеяться остаться в живых. А вы как с телфианином общались? С помощью переговорного устройства? Или защитный скафандр надевали?

— Я ведь не супермен, — отшутился тарланин и издал какой-то неперебиваемый звук. — Но между тем на оба ваши вопроса я отвечаю «нет». У медиков развилось предубеждение в отношении телфиан. Врачи большей частью считают, что к ВТХМ опасно приближаться и прикасаться, разве что с помощью дистанционных манипуляторов. Действительно, для того чтобы жить, телфиане должны потреблять радиацию, в нормальных условиях поставляемую им естественной средой обитания. Но когда по каким-либо медицинским соображениям на несколько дней телфиан лишают радиации и они слабеют от радиационного голода, излучаемая ими радиация падает до безопасного уровня. И когда одного из них вынули из лечебного бокса для того, чтобы я мог с ним побеседовать, я находился достаточно близко от него и прикоснулся к нему. А этому больному, — с тоской добавил Лиорен, — действительно нужно чудо.

Видно было, что падре жаль телфианина, да и Хьюлитт ему сочувствовал, но разговор, увы, опять зашел о чудесах. Хьюлитт решил затронуть тему щепетильную, но при этом по возможности обидеть падре как можно меньше.

— Если вы клоните к тому, чтобы я возложил руки на этого пациента, забудьте об этом. Если уж вы хотите чуда, то самое лучшее — чтобы вы или сам пациент молились об этом чуде. Чудо считается явлением сверхъестественным, а не чем-то таким, что зависит от действий неверующего посредника. Если вы не верите в это, падре, то во что же вы верите?

— Я не могу рассказать вам о том, во что верю, — ответил Лиорен. — Соблюдая интересы пациентов, которые могли бы безотчетно попасть под мое влияние, говори я с ними о своих верованиях, я призван молчать об этом.

— Но почему? — удивился Хьюлитт. — Как могут ваши воззрения повлиять на взгляды неверующего?

— Сам не знаю, — отозвался Лиорен. — В том-то все и дело. Я в подробностях знаком с более чем двумястами религиями, исповедуемыми — а чаще неисповедуемыми — в Федерации. Моя работа в госпитале заключается в том, чтобы я с сочувствием выслушивал пациентов, утешал их, подбадривал, выказывал сострадание и успокоение смертельно больным или сильно волнующимся пациентам. Вы наверняка знаете о моем прошлом — просто вы, видимо, слишком хорошо воспитаны и потому не говорите об этом. В нашем госпитале всегда находится несколько пациентов, которые нуждаются не только в утешении, но и в религиозной поддержке. Из-за отчаянности своего положения такие пациенты проникаются ко мне уважением и доверием, ошибочно полагая, что я всеведущ. Они думают, что я, располагая обширными знаниями и опытом в решении подобных проблем, могу дать им таковую поддержку. Но я на это не способен, ибо не имею права, пользуясь безнадежностью положения пациентов, сравнивать религии между собой и высказываться о том, какая из них, по моему мнению, самая истинная. Как бы ни были дики и невероятны кое-какие из верований, я бы ни за что не решился поколебать убеждения своего пациента, склонить его к переходу в другую веру. Я только однажды в своей жизни сыграл роль божества и больше этого делать не собираюсь.

Падре снова издал непере译имый звук и добавил:

— Особую осторожность я проявляю при общении с атеистами. Было бы поистине ужасно, если бы в будущем какие-то из произнесенных мною слов обратили вас в веру.

— Ну, это, — усмехнулся Хьюлитт, — стало бы настоящим чудом.

Он не расслышал, что ему ответил Лиорен, поскольку появилась Летвичи. Она указала на дверь и заметила:

— Пациент Хьюлитт, к вам посетители, приготовьтесь встретить их. Диагносты Торннастор и Конвей, Старшие врачи Медалонт и Приликла, патофизиолог Мерчисон пришли навестить вас. К вам явилось такое количество медицинских светил, что я уверена — надолго вы тут в качестве пациента не задержитесь. Падре Лиорен, Приликла просит

прощения за то, что прерывает вашу беседу с пациентом Хьюлиттом, и просит вас немного отойти от кровати и встать поодаль, дабы не мешать обследованию.

— Конечно, — мирно согласился Лиорен.

Хьюлитт не без волнения смотрел, как к его постели приближается разномастная процессия. На Медалонта и диагностов — тралтана и землянина — Хьюлитт внимания не обратил. Его захватило зрелище порхающего метрах в тридцати позади них немыслимо хрупкого насекомого. У насекомого было три пары радужных крыльев, и оно, едва заметно вздымая их, летело к кровати Хьюлитта.

Как только оно повисло в воздухе над его кроватью, Хьюлитт сразу же вспомнил, что прежде недолюбливал насекомых и чем они бывали крупнее, тем сильнее ему хотелось их прихлопнуть. Но такого изящного и красивого создания ему никогда раньше видеть не доводилось. У него от изумления даже язык отнялся.

— Спасибо вам, друг Хьюлитт, — проговорило насекомое, аккомпанируя переводу своих слов музыкальными пощелкиваниями и трелями. — Ваше эмоциональное излучение приятно и похоже на комплимент. Меня зовут Приликла.

— Но что... — охрипшим голосом выговорил Хьюлитт, страшно волнуясь, — что вы собираетесь со мной делать?

— То, что я собирался сделать, я уже сделал, — заверил землянина цинрусскиец. — Так что волноваться не стоит.

Вероятно, остальные услышали Приликлу, поскольку тут же подошли к Хьюлитту поближе. Как только все выстроились около кровати, Приликла изрек:

— В настоящее время я не нахожу в сознании пациента Хьюлитта каких-либо отклонений. Не нашел я и никаких аномалий в состоянии пациентки Морредет, обследованной мной ранее. Полагаю, ее можно безотлагательно выписать. Я чувствую, что все вы разочарованы, и мне очень жаль. Что касается меня, то я никакого заболевания у этого пациента не нахожу.

Друг Хьюлитт, — обратился эмпат к землянину, — как вы смотрите на то, чтобы прокатиться на корабле-неотложке?

Хьюлитт увидел, как задрожало тельце Приликлы, и понял, что крошка-эмпат разделяет охватившие его чувства — злобу и разочарование, от которых Хьюлитт столько страдал прежде.

— Нечего надо мной подшучивать, черт бы вас побрал! — выкрикнул Хьюлитт. — Вы решили, что я здоров как бокс и меня нужно отправить домой!

— Ну, не совсем так, — возразил Приликла. — На этот раз вы ошиблись: корабль-неотложка доставит вас из госпиталя на место происшествия.

Глава 16

Несмотря на то что за время пребывания в седьмой палате Хьюлитт почти полностью избавился от ксенофобии, он все равно очень порадовался тому, что экипаж неотложки был в большинстве своем укомплектован ДБДГ — то есть людьми.

Во всем, что не относилось к чисто медицинской деятельности, кораблем-«неотложкой» «Ргабвар» командовал на редкость серьезный молодой офицер — майор Флетчер. Три офицера Корпуса Мониторов — лейтенанты Хаслам, Чен и Доддс отвечали соответственно за связь, безопасность и навигацию. Поскольку Хьюлитту не разрешалось покидать медицинскую палубу, с офицерами он мог видеться крайне редко. Да и офицеры нечасто общались с медицинским персоналом корабля. Это происходило только в тех случаях, когда «Ргабвар» получал срочный вызов и медикам требовалась помощь офицеров. Если такое происходило, то командование переходило к старшему из медиков, и в данном случае это был цинрусский эмпат-ГЛНО Приликла.

Хьюлитт очень удивился тому, что главной помощницей Приликлы оказалась патофизиолог Мерчисон. Но когда он поближе познакомился с землянкой, то на смену

удивлению пришла радость. Кроме цинрусскийца и женщины-землянки на «неотложке» находилась медсестра Нэйдрад, кельгианка, специалистка по оказанию помощи при тяжелых катастрофах, и доктор Данальта, физиологическая классификация которого звучала как ТОБС. Это существо порой было самым чужим для Хьюлитта, а порой, наоборот, самым знакомым.

Данальта представлял собой полиморфное существо, способное принимать какие угодно формы и, следовательно, способное превращаться во что и в кого угодно. Кстати говоря, он очень любил этим заниматься. Но когда Данальта заступал на дежурство около Хьюлитта, он усаживался на пол рядом с кроватью и становился похожим на большую зеленую грушу, на поверхности которой выделялся только один огромный глаз да время от времени, если нужно было к чему-то прислушаться, вырастало внушительное ухо.

Режим у Хьюлитта был амбулаторный, и в кровать он ложился только поспать.

В первый же день, как только он попал на борт межзвездной «неотложки», Хьюлитта самым старательным образом обследовали, для чего взяли на анализы ткани и кровь. Все это время медицинская бригада не спускала с Хьюлитта глаз — на тот случай, если ему вздумается как-то ужасно среагировать на простейшие и безобиднейшие процедуры. После того обследования с ним ровным счетом ничего не делали, и поскольку во время взятия анализов ничего ужасного не произошло, в последующие дни Хьюлитта только мучили бесконечными вопросами, при этом старательно избегая отвечать на его собственные.

Патофизиолог Мерчисон вела себя с Хьюлиттом дружелюбно и очень импонировала ему как человек. Что касается внешности Мерчисон, то именно таким Хьюлитт представлял себе медицинского ангела-хранителя. Хьюлитт намеревался во время очередного дежурства Мерчисон попробовать втянуть ее в вежливый спор — в надежде, что она проговорится и скажет ему: что же все-таки с ним намерены сделать.

Хьюлитт знал, что скрывать раздражение не обязательно, так как Приликла находился на отдыхе, у себя в каюте, за пределами эмоционального излучения.

— Похоже, — начал Хьюлитт издали, — все мне задают одни и те же вопросы. И Медалонт, и прежние доктора. А ведь я все время отвечаю одно и то же. Мне бы очень хотелось вам помочь, но как, я не знаю. Вы же не отвечаете на мои вопросы и ничего мне не рассказываете о моей болезни. Как вы думаете, что со мной, и каковы ваши планы?

Патофизиолог сидела на вертящемся стуле около диагностического стола. Она развернулась от большого экрана, на котором рассматривала один за другим снимки, напоминавшие поверхность бело-розового мрамора, но на самом деле это, конечно, были образцы тканей каких-то существ, страдающих жуткими болезнями. «Наверное, она рассчитывает на то, — подумал Хьюлитт, — что, глядя на эти картинки, я скорее усну».

Мерчисон глубоко вздохнула и ответила:

— Мы собирались посвятить вас в суть дела завтра после посадки, но, как я вижу, за последние три дня в вашем общем состоянии не произошло никаких изменений, поэтому считаю, что нет причин держать вас в неведении до завтра. Ответы, которые вы от меня получите, вам не понравятся, потому что...

— Что, все плохо? — взволнованно прервал ее Хьюлитт. — По-моему, уж лучше знать горькую правду.

— Если хотите получить ответы, не прерывайте меня. Я и так в замешательстве.

«Она в замешательстве, — подумал Хьюлитт. — Что тогда говорить про меня?»

— Простите, продолжайте, пожалуйста, — попросил он патофизиолога.

Она кивнула и приступила к рассказу:

— Новости не то чтобы хорошие и не то чтобы плохие. Во-первых, одни и те же вопросы мы вам задаем в надежде на то, что вы вдруг расскажете нам что-нибудь новое, то, о чем забыли рассказать Медалонту и другим врачам, занимавшимся с вами прежде, — нечто такое, во что бы мы

поверили, за что смогли бы уцепиться. Судя по отзывам Приликлы, ваше эмоциональное излучение говорит о том, что вы нам не лжете, однако в той правде, которую вы нам сообщаете, пользы для нас мало. Что касается вашего второго вопроса — о том, что с вами... Что ж... насколько мы можем судить на сегодняшний день, вы не только совершенно здоровы, но вы являетесь поистине совершенным образцом мужчины-землянина, ДБДГ. Так что ответ таков: вы здоровы.

Мерчисон снова глубоко вздохнула, из-за чего ее красивая грудь под облегающим белым халатом приподнялась и лишний раз напомнила Хьюлитту о том, что он — совершенно здоровый мужчина.

— А раз дело обстоит именно так, пациент Хьюлитт, — продолжила Мерчисон, — мы должны признать вас совершенно здоровым ипохондриком, у которого имеются кое-какие психологические проблемы, посоветовать вам отправиться домой и перестать тратить попусту наше время, как уже и советовали вам многие медики в прошлом... — Мерчисон предостерегающе подняла маленькую изящную руку и попросила: — Нет, не волнуйтесь и не повышайте свое артериальное давление: мы так не поступим. По крайней мере не поступим до тех пор, пока не найдем объяснения вашему странному анамнезу, не поймем, как вы повлияли на шерсть Морредет, почему шерсть так внезапно регенерировала. Мы надеемся отыскать какие-нибудь объяснения на Этле. Именно там с вами начали происходить странные события. Во время исследования, которое мы намерены там осуществить, ваша помощь, ваши советы и воспоминания будут для нас просто бесценны.

Так что ответ на ваш третий вопрос таков, — улыбаясь заключила Мерчисон, — мы не знаем, что с вами делать.

— Я бы рад вам помочь, — Хьюлитт тяжело вздохнул и пожал плечами, — но вряд ли вам пригодятся мои детские воспоминания. Вы об этом думали?

— Судя по заключению сотрудников Отделения Психологии, — заметила Мерчисон, — память у вас, как и все

прочее, в полном порядке. Ну а теперь, пациент Хьюлитт, будьте так добры, засыпайте, а мне надо работать.

— Постараюсь уснуть, — пообещал Хьюлитт. — А что вы делаете?

Женщина внимательно посмотрела на него и ответила:

— Помимо прочего, я занимаюсь сравнением ряда сканов тканей мозга ДБДГ и существ других видов. Кстати, ткани вашего мозга тут тоже представлены. Пытаюсь обнаружить какие-нибудь изменения в структуре вашего мозга, способные объяснить хотя бы некоторые из ваших способностей — в том случае, если ответственны за них вы, а не кто-то и не что-то еще. Но, конечно, я не ожидаю, что обнаружу свидетельства в пользу наличия у вас дара чудотворца, но попытаться обязана. А теперь спите.

Однако несколько минут спустя Мерчисон заговорила вновь:

— Вы уверены, что рассказали нам все? А может быть, были какие-то случаи, которые вы сочли мелкими и незначительными, а потому недостойными нашего внимания — ну, например, вроде истории с вашими зубами? Что вы помните о контактах с больными людьми дома и на работе? Почему-то в вашей истории болезни ни слова не сказано о вашей профессии и роде деятельности. Были ли у вас контакты с животными, кроме котенка? Может быть, эти животные болели, а потом поправились, или были еще какие-нибудь...

— Вы имеете в виду кого-нибудь вроде овцы? — уточнил Хьюлитт.

— Не исключено, — кивнула Мерчисон. — Расскажите мне о ней.

— Вы хотели сказать «о них», — поправил Мерчисон Хьюлитт.

— Так вы — пастух? — изумилась Мерчисон. — Не знала, что пастухи до сих пор существуют. Ну, рассказывайте.

— Я не пастух, но пастухи действительно существуют и по сей день, — сказал Хьюлитт. — Это редкая, тонкая и очень щедро оплачиваемая работа, особенно же хорошо я плачу своим пастухам. Я унаследовал семейный бизнес от

своих бабушки и дедушки. Мой отец был их единственным сыном и предпочел карьеру в Корпусе Мониторов. Когда он погиб в авиакатастрофе, я стал... в общем, я стал последним в роду Хьюлиттов. А о моей работе ничего не сказано в истории болезни, потому что на Земле почти все до одного знали, кто я такой и чем занимаюсь. Я возглавляю фирму «Торговец Хьюлитт».

— Кажется, я должна прийти в восторг? — спросила Мерчисон. — Простите, но я родилась не на Земле.

— На Земле не родилось девяносто с лишним граждан Федерации, — заметил Хьюлитт, — так что я не обижаюсь. Я возглавляю небольшую, но одну из немногих компаний, которая могла бы владеть огромными капиталами. Мы занимаемся изготовлением традиционной одежды, сшитой вручную или связанной из шерсти овец. В наши дни, когда рынок наводнен дешевой одеждой из синтетических материалов, находятся люди, согласные переплатить, но приобрести одежду из натуральных волокон. Некоторые даже пытаются всучить нам взятку, только бы заключить с нами контракт. Однако вопреки всему прибыль у нас вовсе не бешеная. Мы много тратим на содержание не только овец, но и других животных, дающих шерсть и считающихся охраняемыми видами. Периодически животных приходится подвергать стрижке — именно так мы получаем шерсть для прядильных фабрик. Но вы просто представить себе не можете, во что обходится забота о здоровье животных.

Моя работа заключается в том, что я периодически инспектирую наши стада, — пояснил Хьюлитт. — В частности, проверяю качество шерсти перед стрижкой. Но нашим животным нельзя болеть, мы всячески их от этого оберегаем. Так что мне очень жаль. Вероятно, эти сведения для вас не слишком полезны?

— Может быть, и не слишком, — согласилась Мерчисон. — Но все же это довольно интересно. Надо будет обдумать.

— Еще я занимаюсь торговыми операциями, — добавил Хьюлитт. — Я — глава компании, подтянутый, безупречно одетый... когда на мне — не больничная пижама.

Мерчисон улыбнулась и кивнула.

— А мы-то все удивлялись: почему такого пациента, не нуждающегося в срочном лечении, направили в Главный Госпиталь Сектора. Вероятно, поспособствовал кто-нибудь из ваших высокопоставленных клиентов? Наверное, какой-нибудь выдающийся медик, мечтающий поскорее приобрести товары вашей фирмы?

— Не думаю, чтобы этот клиент был так уж влиятелен, — возразил Хьюлитт, — чтобы ради меня в экспедицию снарядили «Ргабвар». Но все же почему ко мне такое внимание?

Лицо Мерчисон мгновенно стало непроницаемым, и Хьюлитт понял — отвечать она не будет. Патолог физиолог нервно улыбнулась и решительно проговорила:

— Хватит вопросов, пациент Хьюлитт. Если хотите, можете мысленно посчитать овец, но вам надо спать.

Она смотрела на Хьюлитта до тех пор, пока он не закрыл глаза, а потом принялась за работу. Хьюлитт слышал, как негромко пощелкивают кнопки клавиатуры. Тишину гиперпространственного полета нарушали еле слышные голоса членов экипажа и какие-то тихие скрипы и стуки. Днем Хьюлитт на эти звуки не обратил бы никакого внимания. Прележав с закрытыми глазами, как ему показалось, целую вечность, он решил подать голос.

— Я не сплю, — сообщил он.

— Именно это мне говорит ваш монитор в течение последних двух часов, — отозвалась Мерчисон, стараясь спрятать раздражение за улыбкой. — Но всегда так приятно получить словесное подтверждение. Ну, что прикажете с вами делать?

В риторических вопросах Хьюлитт разбирался неплохо, поэтому промолчал.

— Вам противопоказаны любые лекарства, стало быть, и снотворные средства тоже. Развлекательного канала, который мог бы вам наскучить и усыпить вас, на «Ргабваре» нет, поскольку чаще всего перевозимые нами пациенты не в состоянии развлекаться. Данальта сменит меня через час. Если вы не желаете провести остаток ночи, наблюдая за тем, как доктор Данальта меняет форму своего тела, что, на

мой взгляд, не слишком успокаивающее зрелище, мне остается предложить вам полюбоваться таким увлекательным материалом, как наши записи в медицинском вахтенном журнале корабля. Если хотите, я пушу эти записи на главный экран, и смотрите, если вам будет интересно. Думаю, кое-что поможет вам подготовиться к брифингу после посадки.

— А усыпить меня это сможет? — поинтересовался Хьюлитт.

— Очень сомневаюсь, — ответила Мерчисон. — Нажмите рычаг и поднимайте изголовье до тех пор, пока не увидите весь экран. Только смотрите не сломайте шею. Получилось? Ну, начнем...

Еще в госпитале у Хьюлитта была возможность запросить через библиотечный компьютер сведения о «Ргабваре», так что он знал, что находится на специализированном судне-«неотложке», предназначенном для выполнения спасательных операций в глубоком космосе, транспортировки и оказания первой помощи пострадавшим, чья физиологическая классификация до сих пор была неизвестна медикам Федерации. В тех случаях, когда срочный вызов поступал с корабля Федерации, чей маршрут и родная планета были известны, представлялось более разумным высылать туда корабль-«неотложку» с родины, обслуживаемый представителями того же вида, что пострадавшие.

Но когда на место происшествия вылетал «Ргабвар», все происходило иначе и было сопряжено с потенциальной опасностью. Несмотря на то что корабль прибывал к больным, травмированным существам, восприятие которых по всем статьям чаще всего бывало притуплено, пациенты все же могли сильно испугаться существ, пришедших им на помощь. Вот почему в состав экипажа «Ргабвара», помимо медиков, входили инженеры-универсалы и специалисты по осуществлению процедуры первого контакта.

В то время, когда корабль не бывал занят своими прямыми обязанностями, его привлекали к осуществлению операций более общего характера — от оказания помощи при авариях на строительстве космических объектов до коор-

динации спасательных работ в случае катастроф на поверхности планет. Однако большей частью «Ргабвару» приходилось заниматься делами интересными (ну просто волосы дыбом!) и, как говорилось в вахтенном журнале, всегда требовавшими неординарных решений.

Хьюлитт слышал, как Мерчисон говорила Нэйдрад о том, что нынешнее задание, судя по всему, будет самым диким и самым безопасным из всех, которые доводилось выполнять экипажу «Ргабвара».

Надо сказать, Хьюлитт вообще на слух не жаловался, поэтому он слышал и то, как медики туманно намекали на предыдущие операции и проблемы, с которыми столкнулись при спасении существ, которых звали Деватти, гоглесканка Коун, Слепыши и младенцы, которых охраняли ужасно свирепые Защитники Нерожденных. Теперь, когда экран заполнили кадры разбитых кораблей, внутри которых летали поломанные приборы вперемешку с мертвыми или умирающими космолетчиками всех видов и мастей, теперь, когда Хьюлитт смог вдоволь насладиться изображением медицинской палубы, вдоль и поперек заставленной койками с больными и ранеными, теперь намеки медиков уже больше не казались ему такими туманными.

Мерчисон была права. От таких кадров в сон никак не клонило. К тому же Хьюлитт старался ничего не упустить и глаза закрывал только для того, чтобы моргнуть. Он не заметил, как появился Данальта, как ушла патофизиолог, и о том, что происходит за пределами экрана, догадался только тогда, когда вспыхнул свет, экран погас и воздух над его кроватью заколыхался от биения крылышек доктора Приликлы.

— Доброе утро, друг Хьюлитт, — поприветствовал землянина эмпат. — Мы вышли из гиперпространства и через пять часов совершим посадку. Ваше эмоциональное излучение указывает на сильную слабость. Вряд ли будет хорошо, если во время брифинга вы будете зевать, поэтому успокойтесь, расслабьтесь, ни о чем не думайте, закройте глаза на десять секунд, и вы уснете. Поверьте мне.

Глава 17

Как и скоростные крейсера Корпуса Мониторов, «Ргабвар» имел конфигурацию «дельта-крыло» и те же полетные характеристики, но был лишен вооружения. «Ргабвар» принадлежал к классу самых крупных вспомогательных кораблей, способных к аэродинамическому маневрированию в атмосфере и посадке на поверхность планет с минимальным отрицательным воздействием на окружающую среду. В данном случае последнее качество корабля большого значения не имело: на взгляд Хьюлитта, местность, где он когда-то играл и бродил в детстве, почти не изменилась и осталась все той же усыпанной обломками древней военной техники и заросшей дикой растительностью пустошью. Корабль плавно опускался на более или менее чистый участок местности между бывшим домом семейства Хьюлиттов и зарослями высоких деревьев на краю обрыва. Хьюлитт смог бы и теперь, водя пальцем по главному экрану, провести линию своего пути от дома до рокового дерева.

На брифинг, состоявшийся на медицинской палубе «Ргабвара» — самом просторном помещении на корабле, — собрались все медики, капитан Флетчер, сам Хьюлитт и заросший косматой серой шерстью полковник Шеч-Рар, командующий местной базой Корпуса Мониторов. Точнее говоря, его изображение красовалось на экране.

Не дав Приликле произнести до конца неформальное дружественное приветствие, нетерпеливый орлигианин перебил его:

— Вполне достаточно ваших имен и репутации «Ргабвара», доктор. Давайте не будем тратить время зря. Главный Госпиталь Сектора попросил меня оказать вам всемерное содействие во время вашего пребывания на Этле. Что у вас за задание, как долго вы намерены оставаться на планете и какая помощь вам потребуется?

Хьюлитт, которого представили в качестве «консультанта по немедицинским вопросам», гадал, как складывалась карьера орлигианина. Вероятно, тот служил в окружении слиш-

ком большого числа кельгиан или слишком малого — цин-русскийцев. А может быть, его дурные манеры имели врожденный характер?

— К сожалению, полковник, — отвечал Приликла, почти не отступив от обычной дружелюбной манеры, — я не волен подробно разглашать детали нашей миссии. Могу лишь сказать, что она связана с расследованием событий, происшедших здесь более двадцати лет назад. От этого расследования зависит осуществление нашего медицинского проекта. Проект не имеет никакого отношения к безопасности Федерации, сохранению государственной тайны и вообще к чему бы то ни было важному. В настоящее время распространение сведений о проекте ограничено исключительно в целях сохранения медицинской тайны. Как только исследование будет завершено и его результаты подвергнутся оценке, без сомнения, вы будете с этими результатами ознакомлены.

— Есть ли вероятность того, что проводимое вами исследование будет иметь риск для здоровья персонала вверенной мне базы или местного населения? — поинтересовался Шеч-Рар. — Если вы помните, некогда эта планета именовалась Этла-Бо́льная. Много лет тому назад нам удалось ликвидировать здесь все тяжелые болезни, и если местным жителям ваше исследование напомнит о мрачном прошлом, это никак не поспособствует укреплению культурных контактов. Так что не стоит пытаться прикрыть вашу цель медицинскими прикрасами, доктор. Можете вы меня заверить в том, что никакого риска нет?

— Могу, — отвечал Приликла.

Шеч-Рар осклабился, но была то улыбка или злобный оскал — Хьюлитт не понял.

— Ясный односложный ответ. Отлично. И все же резонно полюбопытствовать о причинах прибытия такого корабля, как «Ргабвар», с миссией конфиденциальной, но при этом не имеющей, как вы говорите, важности. Ладно, доктор. Чем я могу вам помочь?

Приликле потребовалось всего несколько минут, чтобы изложить нужды экспедиции. Когда Шеч-Рар снова заго-

ворил, стало видно — его нетерпение сменилось мрачной подозрительностью.

— Свою службу на Этле, — процедил он, — я начал спустя пять лет после упоминаемых вами событий, так что я за это и не отвечаю. Что касается авиакатастрофы, в которой погибли родители вашего пациента, то она была полностью расследована. Причиной ее стали неблагоприятные погодные условия в сочетании с неисправностью энергосистемы и ошибки в управлении самолетом. Ошибка заключалась в том, что пилот не дождался окончания грозы. Вам будет представлена копия отчета комиссии по расследованию причин аварии. И почему только такие молодые люди, у которых впереди была долгая жизнь, стали рисковать в ситуации, где даже старики, которым жить осталось совсем немного, рисковать бы не решились?

Полковник издал непереводимый звук — казалось, он сам себя выругал за то, что сбился на философствования, — и продолжал:

— Невзирая на то что вы мне тут наговорили, я не могу согласиться с тем, что прибытие на Этлу экспедиции на «Ргабваре» — рядовое событие. Между тем, если ваше расследование предполагает выявить какую-либо допущенную халатность со стороны кого-либо из моих нынешних подчиненных, я не позволю вам допрашивать их, покуда вы не представите мне санкций Корпуса. Надеюсь, я выражаюсь достаточно ясно, доктор?

Хрупкое тельце эмбата и его суставчатые ножки дрогнули, словно он сумел уловить эмоциональное излучение Шеч-Рара даже на таком большом расстоянии. Цинрусские торопливо проговорил:

— Уверю вас, полковник, речь идет вовсе не о такого рода расследовании. Нам нужно разрешение на обследование местности, где произошли упомянутые мной случаи, и на беседу с теми существами, которые были свидетелями событий, если они еще живы и проживают на Этле. Нас интересуют только их воспоминания о происшедшем. Нам известно приблизительное время событий, но нужна ваша

помощь в поиске тех, о ком рассказывает наш пациент. В настоящее время нам даже их имена неизвестны.

— Эти сведения почти наверняка содержатся в файле моего предшественника, — буркнул Шеч-Рар. — Подождите.

Связь не прервалась, но на экране возник символ Корпуса Мониторов. Это означало, что ожидание будет недолгим. На «Ргабваре» все молчали — не было смысла начинать разговор, который мог быть прерван в любую секунду. Хьюлитт смотрел на экран — наконец там снова возник шерстистый полковник.

— Имена тех, о ком идет речь, — Стиллман, Гамильтон и Тельфорд, — объявил полковник безо всякой преамбулы. — Майор Стиллман, который в то время был хирургом-лейтенантом, в настоящее время в отставке, но продолжает работать на базе в качестве консультанта по культурным контактам с этланами, как и доктор Гамильтон, гражданский врач-стоматолог. Если вам желательно побеседовать с хирургом-капитаном Тельфордом, который в то время занимал пост старшего медика базы, то он уже три года служит на Дуте. Его нынешний преемник хирург-лейтенант Крак-Яр может предоставить вам больничные записи и при желании обсудит их с вами.

— Дело не настолько важное, чтобы отправляться на Дуту, — отозвался Приликла. — В отсутствие медика вполне достаточно записей и отчета о расследовании причин аварии флайера. Как скоро можно было бы получить эти документы, полковник?

Шеч-Рар посмотрел на кого-то, кого на экране видно не было, и кивнул.

— Через пятнадцать минут. Устроит?

— Вы и вправду не любите терять зря время, полковник, — воскликнул Приликла. — Благодарю вас, нас это очень устроит.

— А вместо того чтобы вам самим выяснять, кто, где, когда, и возиться с картами, — добавил Шеч-Рар, — я вам помогу сэкономить время и отправлю вам в помощники майора Стиллмана. Он будет вашим проводником и советником. Он проводит вас по окрестностям и познакомит с

очевидцами. Может быть, ему также удастся посвятить меня в то, чем вы тут на самом деле будете заниматься.

«Определенно, — подумал Хьюлитт, — полковник долгое время жил среди кельгиан».

— Упоминаемое вами жилище, — продолжал орлигианин, — в настоящее время землянами не населено. Вы тем не менее желаете его посетить?

На мгновение полет цинрусскийца стал неустойчивым. Оправившись от потрясения, Приликла ответил:

— Да, полковник. Хотя бы ради того, чтобы принести хозяевам дома извинения за то, что «Ргабвар» без разрешения совершил посадку в их владениях.

Чувствительный к чужим эмоциям Приликла всегда старался избегать говорить что-либо такое, что могло бы вызвать у других неприятные чувства, поскольку тогда эмпату пришлось бы ощутить эти чувства на себе. И хотя полковник находился далеко за пределами эмоционального диапазона Приликлы, привычка подбирать верные слова сработала. Однако Хьюлитт начал понимать, что бывали случаи, когда, говоря правду, маленький эмпат бывал весьма лапидарен. Похоже, сейчас был именно такой случай.

— Майор Стиллман встретит вас через три часа около вашего входного люка, — проворчал полковник. — Что-нибудь еще вам от меня нужно, доктор?

Но прежде чем Приликла успел ответить, изображение Шеч-Рара померкло и связь прервалась.

— Я и без помощи Стиллмана мог отвести вас и к дому, и к дереву, — заметил Хьюлитт. — А кстати, почему вы не хотите зайти в дом? Ну, то есть какова настоящая причина, а не та, о которой вы упомянули, отвечая на вопрос полковника, — из вежливости, дескать?

— Если бы мы отказались от помощи местной базы Корпуса Мониторов, друг Хьюлитт, — объяснил Приликла, — полковник бы заподозрил нас в желании что-то скрыть от него. Но мы ничего не скрываем, потому что сами не знаем, что нам скрывать — помимо, пожалуй, ожидающего нас разочарования.

Особых причин посетить ваш бывший дом у меня нет, — продолжал цинрусский, — кроме как побывать там в надежде, что в доме нам или вам может прийти в голову какая-либо ценная мысль. Я чувствую, что вы излучаете недоверие в сочетании с разочарованием. Вероятно, вы ожидали, что я сообщу вам о более веской причине. Однако правда такова: мы сами не знаем, что можем там обнаружить. А теперь перейдем непосредственно к брифингу...

«Может, они и не знают, что ищут, — подумал Хьюлитт, — но между тем капитан Флетчер и вся медицинская бригада отправляется на поиски, экипированная на все случаи жизни». Транслятор Хьюлитта был исправен, но экипаж и медики беседовали на языке, изобиловавшем таким количеством специальных терминов, что он почти ничего не понимал и включиться в разговор не мог, поэтому молча слушал их тарабарщину до тех пор, пока вдруг беседа не была прервана голосом из настенного динамика:

— Докладывает инженер-связист. Поступили материалы, обещанные полковником Шеч-Раром. Какие будут распоряжения?

— Выведите материалы на дублирующий экран, друг Хаслам, — в первую очередь те, которые касаются аварии, — попросил Приликла. Он подлетел так близко к Хьюлитту, что легкий ветерок, вызванный биением крыльев цинрусскийца, пошевелил волосы землянина. — Вы можете остаться, пациент Хьюлитт, но как только почувствуете, что сам материал или наши разговоры расстраивают вас, возвращайтесь в постель и закройте защитным экраном.

— Это случилось так давно, — возразил Хьюлитт. — Тогда я был слишком мал и мне не рассказали о подробностях аварии. Теперь я хочу их знать. Спасибо, но думаю, что я сумею справиться с собой.

— Я это почувствую, — заверил его Приликла. — Приступайте, друг Хаслам.

Отчет начинался с показа фотопортретов родителей Хьюлитта. Они поразили его тем, что изображенные на них люди выглядели не старше его теперешнего, а ведь в памяти Хьюлитта они навсегда остались такими большими и namного

старше его самого. Снимки были сделаны для удостоверений Корпуса Мониторов, и родители выглядели на них чересчур серьезными. «Наверное, — думал Хьюлитт, пока на экране прокручивались сведения о родителях, — только в момент фотосъемки они мне и не улыбались». Воспоминания захлестнули его, стали ясными, острыми и во всех самых мельчайших подробностях совпали с описанием катастрофы в воспроизведении тех, кто ее расследовал.

Отец пытался справиться с управлением и не имел возможности даже взглянуть на сына, а мать улыбалась и уговаривала его не бояться. Она перебралась на заднее сиденье и обняла Хьюлитта одной рукой, а другой покрепче пристегнула привязные ремни. Небо и поросшие лесом горы бешено вращались за стеклом кабины. Деревья были так близко, что Хьюлитт различал отдельные ветки. А потом мать наклонила его голову вперед, сжала его двумя руками, крепко прижала к груди. От резкого удара их швырнуло в стороны, послышался громкий треск. Хьюлитт ощутил на лице влагу дождя. Он падал и чувствовал, как холоден воздух.

Он помнил, какая резкая, сильная боль охватила его в то мгновение, когда он ударился о землю, а потом — провал в памяти, вплоть до появления спасательного отряда. Отряд примчался на место аварии по сигналу аварийного маяка, выброшенного флайером автоматически. Один из спасателей спросил Хьюлитта, где у него болит.

Судя по данным отчета, колпак кабины флайера сорвало верхушкой дерева — он был найден повисшим на одной из верхних ветвей. Затем флайер ударился о землю и прокатился по склону горы на сорок пять метров, после чего развалился и загорелся. Поскольку до этого в течение нескольких дней шли дожди, огонь не добрался по сырой траве и промокшей листве до того места, где лежал единственный оставшийся в живых пассажир флайера — маленький Хьюлитт, четырехлетний мальчик. Отчет продолжался скрупулезнейшим изложением технических данных, которые Приликла порекомендовал затем изучить капитану Флетчеру, а заканчивался кратким описанием результатов вскрытия и захоронения погибших.

Родители Хьюлитта получили тяжелейшие травмы, и к тому времени, когда разбитый флайер вспыхнул, они уже были мертвы. Когда нашли Хьюлитта, он был в шоковом состоянии, но в остальном цел и невредим. На его одежде обнаружили следы крови, но оказалось, что это кровь матери Хьюлитта. Несмотря на отсутствие травм, Хьюлитта продержали в больнице под наблюдением врачей девять дней — именно столько времени добиралась до Этлы его ближайшая родственница, бабушка. Прибыв на Этлу, она забрала мальчика из больницы и занялась подготовкой похорон его родителей.

Бабушка не позволила Хьюлитту смотреть на тела родителей — теперь он понял почему. Кремация только завершила дело, начатое огнем.

На мгновение в груди у него воцарилась безвоздушная, черная пустота утраты — старая, но не утихшая боль. Хьюлитт изо всех сил старался держать себя в руках — за ним пристально наблюдал Приликла, и полет эмпата уже сильно страдал. Хьюлитт прогнал воспоминания о пережитом горе и постарался сосредоточиться на следующем фрагменте отчета.

— Благодарю вас, друг Хьюлитт, — сказал эмпат и продолжил свои комментарии. — Как мы видим, эта часть отчета касается общего состояния, лечения и поведения пациента в течение его девятидневного пребывания в больнице. Уже тогда малыш Хьюлитт сумел озадачить своего лечащего врача.

Проблемы возникли тогда, — крылья цинрусскийца задрожали, — когда главный медик базы хирург-капитан Тельфорд прописал мальчику пероральное успокоительное средство. Несмотря на отсутствие травм, пациент страдал эмоционально из-за потери родителей, был физически истощен и не мог уснуть. В результате приема успокоительного препарата имела место ярко выраженная неспецифическая реакция, заключающаяся в тошноте, затруднении дыхания и сыпи, выступившей на груди и спине. Симптомы исчезли сами по себе, и хирург-капитан не успел в них толком разобраться. Он назначил мальчику другое успокоительное, и на этот раз в

целях предосторожности ему дали минимальную первичную дозу препарата. В результате произошла остановка сердца, продолжавшаяся две минуты и шесть секунд, в сочетании с рецидивом дыхательной недостаточности. Реакция исчезла, не оставив никаких последствий.

Как видите, — заметил Приликла, указав на краткое изложение курса лечения, — доктор Тельфорд диагностировал аллергическую реакцию неизвестного генеза и отменил на будущее все лекарства. Эмоциональные проблемы пытались в дальнейшем устранять путем успокоительных бесед и эмоциональной поддержки. Этим занималась медсестра-землянка пожилого возраста. Она позволяла ребенку, который в целом был совершенно здоров, ходить по больнице и беседовать с другими пациентами, считая, что так он приобретет здоровую физическую усталость и отвлечется от своего горя. В больнице в то время лежало много космонавтов, которые могли позабавить мальчика занимательными рассказами...

— Та сестра была так добра ко мне, — вмешался Хьюлитт, и грудь его стеснила грусть, которую он не ощущал уже много лет. — И теперь я понимаю, что многие из тех историй были далеки от правды. Однако лечение мне помогло и... простите, что прервал вас, доктор. Не стоило мне вспоминать об этом вслух.

— Зря вы просите прощения, друг Хьюлитт. Ваши воспоминания о тех временах для нас очень ценны, — возразил Приликла. Мгновение спустя он продолжил комментировать отчет: — Вот здесь есть запись, свидетельствующая о том, что хирурга-лейтенанта Тельфорда просто заинтриговала ваша атипичная реакция на два простых и давно апробированных успокоительных препарата. Но он не сумел найти, идентифицировать и перечислить потенциальные аллергены к тому времени, как вас увезли на Землю. А только для удовлетворения профессионального любопытства доктор Тельфорд не имел права держать в больнице совершенно здорового ребенка.

А теперь, — заключил Приликла, — кто-нибудь желает высказаться?

Хьюлитту очень хотелось высказаться, но он понял, что вопрос был адресован не ему. Первой взяла слово патофизиолог Мерчисон:

— Хотя реакция действительно носила нетипичный характер в том смысле, что симптомы возникли и исчезли с необычной быстротой, в возникших обстоятельствах диагноз, поставленный доктором Тельфордом, представляется мне вполне разумным. Он решил, что имеет дело с аллергией, и поэтому отменил все препараты до тех пор, пока бы не понял, что происходит. В принципе тем же самым потом занимались медики на Земле и в Главном Госпитале Сектора. Короче говоря — ничем.

— Патофизиолог, — вмешалась Нэйдрад, и шерсть ее от нетерпения встала дыбом. — Вы только лишний раз излагаете проблему, но не предлагаете ее решения.

— Скорее всего так оно и есть, — согласилась Мерчисон, слишком хорошо знакомая с психикой кельгиан, чтобы обижаться за то, что ее прервали. — Но я пытаюсь подчеркнуть тот факт, что симптомы аллергии появились у пациента в раннем детстве и затем продолжали появляться с некоторыми особенностями и здесь, и на Земле, и в Главном Госпитале Сектора. Это заставляет меня предположить, что данное заболевание аллергического характера может быть у пациента врожденным, и нам, следовательно, стоит покопаться в его генетике. Я не встречала в литературе упоминаний о случаях аллергических реакций на синтезированное питание, которым предпочитают пользоваться поселенцы с других планет, и уж тем более на детское питание. К тому же вопрос об аллергии можно было бы вовсе снять, если бы... Хьюлитт, мать вас вскармливала грудью?

— Если и вскармливала, — ответил Хьюлитт, перебрав в уме свои самые ранние воспоминания, — то я был слишком мал, чтобы это запомнить.

Мерчисон улыбнулась.

— Жаль. Но может быть, это и не так уж важно. Если вы получали грудное вскармливание, а затем были переведены на синтезированное питание, этим может объясняться то, почему впервые аллергия у вас возникла именно на

лекарство. Есть и другой вариант. Симптомы были впервые отмечены в базовом госпитале через несколько часов после авиакатастрофы. Вы не получили травм, но вполне резонно предположить, что за время падения с высоты вы на какое-то время потеряли сознание. Безусловно, шоковое состояние, в котором вас нашли спасатели, типично для сотрясения мозга. Но не исключено также, что во время падения вы получили мелкие ссадины и царапины и что в вашу кровеносную систему проник какой-то аллерген, который и спровоцировал впоследствии реакцию на снотворное. Это могло быть что угодно — укус какого-нибудь насекомого или зверька на дереве или на земле, попадание в ссадину какого-либо вещества из листвы дерева. Я предлагаю провести вылазку на место аварии. Если потенциальный антигеноноситель эндемичен для Этлы, он может по-прежнему находиться здесь.

И хватит вам скручивать вашу шерсть в узлы, Нэйдрад, — посоветовала патофизиолог медсестре. — Я знаю, что микроорганизмы, патогенные на одной планете, не могут поразить существо, родившееся на другой планете. Кроме того, я знаю, что с физиологической точки зрения уроженцы Этлы и Земли практически идентичны. Идентичны настолько, что в свое время существовали гипотезы насчет доисторических программ колонизации общими предками-звездоплывателями. Однако попытки продолжения рода при заключении по любви нескольких межвидовых браков среди сотрудников базы успехом не увенчались. Но если существует в структуре генов людей и этлан что-то общее, это также нужно исследовать. И если пациент Хьюлитт согласится на проведение тестов, я бы предложила испытать, как на него повлияют местные лекарства — конечно, применять их нужно будет в минимальных дозах с тем, чтобы свести к минимуму возможный риск. При этом мы могли бы найти исключение, подтверждающее правило.

— Тесты исключены, друг Мерчисон, — возразил Приликла, опередив Хьюлитта, пожелавшего возразить в более крепких выражениях. — И лекарства исключены тоже, в любых дозах, до тех пор, пока мы не установим, что имен-

но ищем. Вероятно, вы забыли, что пациент Хьюлитт уже пострадал от этланского растения, отведав ядовитый плод перед тем, как упасть с дерева?

— Не забыла, — покачала головой Мерчисон. — И не забыла о том, что в детстве Хьюлитт отделался легким испугом после двух падений с большой высоты. Ему невероятно повезло, и об этом нельзя забывать в том смысле, что съеденный мальчиком плод мог иметь какое-то отношение к аллергической реакции, имевшей место после аварии. Отчет о событиях в процессе и после второго падения ребенка содержит объективные клинические данные, в то время как касательно первого падения все выглядит очень неопределенно, субъективно и подтверждается только детскими воспоминаниями, которые могут и не иметь под собой никакой почвы.

Например: учитывая то, что пациент тогда был маленьким ребенком, он мог преувеличить высоту дерева, — продолжала доказывать свою точку зрения Мерчисон. — Съеденный им плод, который затем был определен как высокотоксичный, на самом деле мог только внешне напоминать ядовитый фрукт, но при этом быть неядовитым. То, что после удара о землю ребенок потерял сознание, может объясняться самой естественной слабостью после долгих игр. Дети — любители рассказывать длинные истории. Со временем они сами начинают в них верить, но до тех пор, пока мы не получим объективных подтверждений... Пациент Хьюлитт, прошу вас, следите за своим эмоциональным излучением!

На самом деле Хьюлитт изо всех сил старался за этим следить и, как мог, сдерживал гнев и разочарование. Он же видел, как сотрясается хрупкое тельце Приликлы под порывами вихря его чувств. Мерчисон, Мерчисон... Единственная женщина-человек на корабле... В то время, когда она не была холодным и жестким патофизиологом, она была добрым, мягким, внушавшим доверие человеком. Конечно, Хьюлитту она нравилась, и он доверял ей. Ему казалось, что хотя бы она здесь начинает верить ему, а теперь оказалось, что она такая же, как все.

— Я вас лжецом не называла, — торопливо добавила Мерчисон. — Просто сейчас мне нужны более веские доказательства того, что вы говорите правду.

Хьюлитт уже собрался ответить, когда зазвучал голос из динамика.

— Нам сообщили, что автомобиль капитана Стиллмана выехал с базы, — доложил лейтенант Хаслам. — Прибытие капитана к нашему кораблю ожидается через восемнадцать минут.

Глава 18

Волнуясь и любопытствуя одновременно, Хьюлитт следил за тем, как приземистый седовласый мужчина, которому отвели роль проводника медицинской экспедиции, вышел из автомобиля и пошел навстречу прибывшим. Стиллман был одет по-местному — короткая куртка, килт и мягкие ботинки, доходившие до щиколотки. Одежда выглядела удобно и отличалась определенной стильностью, хотя в данном случае полам куртки мешало развеяться то, что ее владелец понасовал в карманы всякой всячины. Профессионал Хьюлитт сразу определил, что в одежде Стиллмана — ни грамма синтетики в отличие от той, в которую были облачены он сам, Флетчер и Мерчисон. Хьюлитт подумывал над тем, не включить ли килт в ассортимент одежды, предлагаемой экстравагантным клиентам, но тут вперед, поприветствовать будущего проводника, вылетел Приликла.

— Друг Стиллман, — проговорил эмпат, — попрошу прощения за то, что встречаю вас у трапа, а не приглашаю на борт корабля, где вы могли бы удовлетворить свое сильнейшее любопытство, но у меня сложилось такое впечатление, что полковник Шеч-Рар не хочет, чтобы мы отняли у вас слишком много времени.

Действительно, несколько минут у Стиллмана уже было отнято: он далеко не сразу совладал с собой при виде первого

в его жизни цинрусскийского эмпата, так как раньше все его внимание было занято только привлекательной Мерчисон.

— Я... я в отставке, доктор Приликла, — смущенно выдавил Стиллман. — И мое время принадлежит только мне, а не полковнику, поэтому пользуйтесь им, как вашей душе угодно. Вы правы, я много слышал о «Ргабваре» и, конечно, мечтал бы осмотреть корабль. Но если вы не против, я бы предпочел последовать совету полковника и сразу приступить к делу — тогда бы я освободился пораньше и смог бы осмотреть корабль.

— Как пожелаете, — отозвался Приликла. — Какие инструкции вам дал полковник?

— Первым делом — посетить дом, — ответил ему Стиллман. — Нынешние его хозяева работают на базе, но им разрешили сегодня уйти пораньше, и к нашему приходу они должны быть дома. Если вы хотите встретиться со стоматологом лично, могут возникнуть некоторые сложности. В настоящее время доктор Гамильтон посещает другую базу, на материке Юннет, и не вернется раньше чем через три дня, но если вы согласны не встречаться, а только переговаривать с ним, то он выйдет на связь в любое время и вы можете побеседовать с ним как с корабля, так и из дома. Затем вы сможете сколько вам будет угодно времени работать в овраге.

«Они тут на редкость любезны, — не без скепсиса подумал Хьюлитт, — вот только энтузиазм настолько бьет через край, что не остается времени ни на раздумья, ни на то, чтобы не сболтнуть лишнего».

Дом он узнал сразу — вот только парадный вход был переделан: дверной проем расширили и ступеньки заменили пандусом, по которому было бы легче взбираться жильцам-тралтанам. Те уже заметили гостей и ожидали их у дверей. Стиллман, видимо, знакомый с жильцами дома, представил их как Краджаррона и Суррилтора. Здороваясь, гости обошлись без принятого среди землян рукопожатия. Внутри в доме все было переделано до неузнаваемости.

Исчезли почти все перегородки. Тралтаны, существа крупные, предпочитали свободное пустое пространство, поэтому в доме стояло только несколько стульев и еще каких-то сидений для существ других видов. Вспомнив, как выглядела кровать пациента Хоррантора в седьмой палате, Хьюлитт без труда узнал, что собой представляет обширное углубление в углу, выстланное подушками, — то была спальня. Высокие от пола до потолка полки с книгами и кассетами, стены, увешанные картинами и плетеными орнаментами, а также узкими коническими кашпо с ароматическими растениями, представляли собой полную противоположность полу.

Пока Хьюлитт соображал, какой бы сказать комплимент по поводу убранства дома, Приликла уже успел извиниться перед хозяевами за причиненное беспокойство и попросил у них прощения за то, что корабль-«неотложка» совершил посадку в их владения без предварительных переговоров.

— Не стоит извиняться, доктор Приликла, — сказал Краджаррон и вежливо помахал щупальцем. — Вы — первый цинрусскинец, с которым мы имеем честь и удовольствие познакомиться, и всем вам мы крайне признательны за то, что вы развеяли однообразие нашей будничной жизни. Может быть, вы желаете употребить какие-либо продукты — твердые или жидкие? У нашего пищевого синтезатора имеется много программ, рассчитанных на представителей разных видов.

— Как это ни прискорбно, мы ничего не хотим, — признался Приликла. — Мы уже поели.

Мерчисон, Стиллман и Хьюлитт глянули на эмпата. Они понимали, что, будь они голодны, эмпат бы это почувствовал. Он не солгал, но при этом и не уточнил, как давно они поели.

— Мы пришли к вам, чтобы извиниться за вторжение, — продолжал цинрусский врач. — Наш корабль прибыл на Этлу для проведения исследования и выяснения обстоятельств событий, происшедших здесь в то время, когда друг Хьюлитт жил в этом доме ребенком со своими родите-

лями. Пользуясь случаем, друг Хьюлитт хотел побывать в своем прежнем жилище и поинтересоваться судьбой существа, к которому он в детстве был очень привязан.

Хьюлитт изумленно обвел взглядом собравшихся. У Стиллмана вид был не менее ошарашенный, чем у него самого. Мерчисон, казалось, вовсе не удивлена. Кошка Хьюлитта наверняка давным-давно умерла от болезни, несчастного случая или просто от старости. С какой стати Приликле взбрело в голову спрашивать о ней?

Краджаррон развернул два глаза в сторону Хьюлитта и проговорил:

— Вас интересует маленькое пушистое земное существо ограниченной разумности по кличке Снарф? Ее забрала к себе другие земляне, но она не желала жить у них и упорно возвращалась сюда. Когда мы сюда прибыли, мы обнаружили ее здесь. Она бродила по дому и саду. Потом мы выяснили, что она, как и ей подобные зверьки, испытывает привязанность к привычному месту обитания. Она вела себя очень дружелюбно, и с тех пор, как мы уяснили, каковы ее пищевые потребности, она пыталась привлечь к себе наше внимание путем того, что взбиралась вверх по нашим конечностям. Теперь она живет у нас как домашнее животное.

Хьюлитт часто заморгал. Он помнил свою любимицу маленьким котенком. Он сам удивился внезапно охватившему его чувству потери и тоски. Краджаррон издал шипящий непереводаемый звук. Хьюлитт понял, что тралтан пытается воспроизвести земное «кис-кис», только тогда, когда в дверном проеме возникла Снарф и медленно пошла к нему.

Все молчали как замороженные. Кошка остановилась, посмотрела на Хьюлитта и обошла вокруг его ног, принялась тереться о его лодыжки, изящно помахивая пушистым хвостом. Эту форму невербального контакта не стоило переводить. Хьюлитт присел, поднял кошку, прижал к груди, погладил. Кошка подняла хвост трубой и замурлыкала.

— Снарф, — пробормотал Хьюлитт. — Вот уж не ожидал тебя встретить снова. Как поживаешь?

Приликла подлетел поближе и констатировал:

— Эмоциональное излучение животного характерно для старого и очень довольного существа, не страдающего ни умственными, ни физическими расстройствами, которое в данный момент наслаждается тем, что его шерсть гладят. Если бы животное умело разговаривать, оно бы сказало, что поживает прекрасно и попросило бы вас продолжать его гладить. Друг Мерчисон, вы знаете, что вам делать?

— Безусловно, — ответила патофизиолог и вытащила из сумки сканер. — Краджаррон, Суррилтор, вы позволите? — И, обратившись к Хьюлитту, она добавила: — Больно не будет, только подержите ее покрепче, пока я буду сканировать. На всякий случай я произведу запись.

Снарф, видимо, поняла, что ей предлагают новую игру. Она пару раз прикоснулась к сканеру лапкой, не выпуская когтей, а затем снова стала мурлыкать.

— Желаете ли забрать принадлежащего вам зверька, землянин Хьюлитт? — поинтересовался Краджаррон. Оба тралтана смотрели на Хьюлитта во все глаза, и Хьюлитту не понадобилось выяснять, насколько сильно сейчас мандражирует Приликла, — он и так отлично понял, что установившийся межвидовой контакт слабеет на глазах.

— Спасибо, не хочу, — ответил он и отпустил Снарф на пол. — Кошке тут явно нравится, и вряд ли ей придется по душе другое место, но я вам очень признателен за эту встречу со старым другом.

Напряженность тут же спала. Приликла вновь обрел устойчивость, а Снарф, вспрыгнув на одну из массивных ног тралтана, перенесла свои ласки на Суррилтора. Несколько минут спустя, когда гости и хозяева обменивались вежливыми прощальными словами, дважды нежно прозвенел телефон, сигнализируя о вызове.

Это оказался доктор Гамильтон.

— Сожалею, что не могу ответить на ваши вопросы лично, доктор Приликла, — извинился он. — Стиллман, наверное, сообщил вам, что я в данное время нахожусь с инспекционной поездкой на Юннете. Возможность путе-

шествовать — одна из прелестей моего пребывания здесь, ведь я единственный стоматолог-универсал. Так чем могу помочь?

Приликла принялся объяснять, что ему нужно от доктора Гамильтона, а хозяева-тралтаны, не желая становиться невольными слушателями их беседы, удалились в угол и загородились звукоизолирующим экраном. Хьюлитт не отводил глаз от экрана видеофона, изо всех сил пытаясь вспомнить лицо и голос стоматолога, но вспоминал только его блестящие инструменты и руки, торчавшие из рукавов белого халата. Наверное, ребенком он не слишком долго видел лицо врача, чтобы теперь вспомнить его.

— Я не забыл этот случай, — сказал Гамильтон. — Не потому, что это было так уж важно, а потому, что это был первый и единственный раз, когда меня попросили удалить зубы, которые не выпали естественным путем. Тогда я решил, что ребенок страдает избытком воображения, боязлив и боится боли, которая, на его взгляд, может возникнуть в том случае, если он примется выдергивать шатающийся зуб пальцами, ведь именно так поступают большинство детей. Я так понял, что бабушка привела ребенка ко мне именно затем, чтобы решить эту проблему. Процедура предстояла слишком незначительная для того, чтобы применять обезболивание, и потом, как я сейчас припоминаю, в истории болезни ребенка содержалось предупреждение, что в связи с аллергией обезболивающие ему противопоказаны. Причина аллергии тогда установлена не была.

— Мы и теперь ее не установили, — вступила в разговор Мерчисон. — А как вы поступили с зубами? — поинтересовалась она. — Сохранили ли вы их? Исследовали после удаления?

— Я не видел причин, зачем бы их исследовать, — ответил доктор Гамильтон. — Самые обычные детские молочные зубы, ничего из ряда вон выходящего. Кроме того, ребенок очень просил меня позволить ему забрать зубы с собой — не знаю, знакомы ли вы со сказочкой про зубную фею? Считается, что она дарит детям деньги за молочные зубы.

— Помните ли вы еще что-нибудь о том случае, друг Гамильтон? — спросил Приликла. — Что угодно, каким бы пустяком это вам ни показалось в то время.

— Простите, но больше ничего, — вздохнул стоматолог. — С тех пор я ни разу не видел этого ребенка, так что склонен предположить, что в дальнейшем его зубы выпадали естественным путем.

Последние слова Хьюлитт слушал вполуха: он припомнил кое-что еще насчет своих зубов — то, что совершенно вылетело у него из головы впоследствии, а вот теперь, слушая стоматолога, он вспомнил. Он никому об этом не рассказывал — ни тогда, ни потом, потому что все, как обычно, заявили бы, что у него слишком богатое воображение. А он даже ребенком терпеть не мог, чтобы его обвиняли во лжи.

— Друг Хьюлитт, — сказал Приликла, подлетев поближе к нему, — твое эмоциональное излучение, в котором сочетаются небольшое раздражение, напряженное внимание, осторожность и ожидание растерянности, позволяет мне предположить, что вы от нас что-то скрываете. Прошу вас, расскажите. Мы не будем смеяться над вами и не станем вызывать у вас смущение. Любые новые сведения в вашем случае могут оказаться ценными.

— Сомневаюсь, — промямлил Хьюлитт. — Но если вам так хочется, пожалуйста...

Пока Хьюлитт рассказывал, все молчали и внимательно слушали, только Нэйдрад издала отрывистый непередаваемый звук. Тягостное молчание нарушил Приликла.

— Доктор Гамильтон об этом не упомянул, — заметил эмпат. — А вы кому-нибудь показали зубы? Разговаривали с кем-нибудь о них?

— Он зубы не рассматривал, когда отдавал их мне, — ответил Хьюлитт. — Они были слишком мелкие — три светло-серых зуба, длиной около дюйма каждый. Я держал их в кулаке, пока шел домой, но бабушке не показал, потому что она и так сердилась на меня, считая, что я зря потащил ее к врачу. К тому времени, когда мы вернулись домой, зубы исчезли. То ли они у меня выпали из руки, то ли их

сдуло струей воздуха из кондиционера в автомобиле. Я знаю, вы все мне не верите.

Мерчисон рассмеялась, покачала головой и сказала:

— Простите меня. Но честное слово, так трудно вам верить, когда вы рассказываете такое количество невероятных историй. Ни один из упомянутых вами симптомов не подтвержден, ни с чем не связан. Разве можно нас винить в недоверчивости?

Паучьи лапки Приликлы вновь сильно задрожали.

— Я пообещал другу Хьюлиту, — напомнил он, — что мы не станем смущать его. Он чувствует, что говорит правду.

— Да я знаю, что он думает, что говорит правду, — огрызнулась Мерчисон. — Но зубы не волосы, чтобы их сдуло струей воздуха!

На этот раз в роли специалиста по разрешению конфликтов выступил Стиллман — собственно, это была его специальность. Он дипломатично поинтересовался:

— Доктор Приликла, не желаете ли спуститься в овраг?

Только тогда, когда все они покинули дом, Хьюлитт сказал:

— Как только я увидел кошку, я в тот же миг догадался, что это Снарф. И она меня мгновенно узнала. Не могу описать... Удивительно странное чувство.

— То чувство, с которым вы узнали вашего маленького зверька, было очень сложным, — согласился Приликла. — Я прежде никогда не ощущал подобной эмоциональной реакции, и я бы не удивился, если бы вы попросили тралтанов вернуть вам зверька. Я очень благодарен вам за то, что вы верно оценили ситуацию... Друг Мерчисон, вы чем-то очень смущены и недовольны, — обратился эмпат к патофизиологу. — В чем дело?

— Дело в кошке, — бросила Мерчисон, оглянувшись через плечо на дом. — Мои родители обожали кошек. У нас всегда в доме было не меньше двух, так что с этими животными я знакома не понаслышке. Мне, к примеру, известно, что продолжительность жизни здоровой кошки на Земле — от двенадцати до четырнадцати лет и уж никак

не вдвое больше. Поэтому Снарф никак не могла столько прожить. Доктор Стиллман, насколько вы уверены в том, что это земная кошка, а не зверь какого-либо внешне схожего этланского вида?

— Совершенно уверен, — ответил хирург-капитан. — Когда на Этлу впервые прибыли специалисты по осуществлению культурных контактов, они, понимая, что прожить им тут придется долго, оказались настолько предусмотрительны, что захватили с собой то, что им было дорого. В одном случае это была домашняя кошка. Через несколько дней после прибытия она произвела на свет шесть котят. Все они были с радостью разобраны. Одним из этих котят была Снарф.

— В таком случае объясните мне, — не унималась Мерчисон, — с какой стати обычной земной кошке вздумалось вдвое увеличивать продолжительность своей жизни?

Стиллман сделал несколько шагов, прежде чем ответить.

— Знаете, мэм, я и сам не раз этому удивлялся. Мое предположение таково: на Этле кошки не подвергаются той уйме кошачьих болезней, от которых страдают на Земле, а как мы знаем, этланские микробы для живых существ инопланетного происхождения безвредны. Итак, здесь кошка была в безопасности от опасных болезней и могла умереть только от старости или несчастного случая, прожив все свои девять жизней.

Мерчисон улыбнулась.

— Однако нам известно, что Снарф пережила один тяжелый несчастный случай и выжила. Теория у вас замечательная, доктор, но есть ли у нее подтверждение? Что вы можете рассказать об остальных котятах — братиках и сестричках Снарф?

— Я боялся, что вы зададите этот вопрос, — вздохнул Стиллман. — Один из котят вступил в спор с лесовозом и проиграл. Остальные пятеро, так же как их мать, умерли естественной смертью. Мать раньше, а котята — лет десять назад.

— О, — только и выговорила Мерчисон.

Глава 19

Долгое молчание, последовавшее за восклицанием патофизиолога, нарушил Приликла.

— Друг Хьюлитт, — прощелкал он, — нам бы хотелось пройти по той тропе, которой вы прошли в детстве, начиная от отверстия в ограждении сада до дерева, с которого вы упали. Если вы готовы, пожалуйста, ведите нас.

Оказавшись за забором, Хьюлитт пошел медленно. Ему приходилось продираться сквозь высокие густые заросли, с виду похожие на земную траву, если, конечно, сильно не приглядываться. В траве сновали мелкие насекомые, которых тоже с первого взгляда можно было принять за земных. Хьюлитт шел, время от времени поглядывая на жаркое синее небо с редкими белыми облачками — все как на Земле. Стиллман шел следом за ним, но помалкивал. Остальные сильно отстали и о чем-то разговаривали, Хьюлитт не слышал. Скорее всего они разговаривали о нем. Хьюлитт злился. «Обсуждают мою последнюю выдумку», — думал он.

— Знаете, поначалу я засомневался, доктор Стиллман, — признался Хьюлитт немного погодя, решив немного отвлечься от мрачных мыслей. — Но вас я тоже узнал. Только тогда вы показались мне намного выше ростом, но, наверное, четырехлетним малышам все взрослые кажутся великанами. А так вы не очень изменились.

— А я бы вас не узнал, — отозвался Стиллман, улыбнулся и похлопал себя по наметившемуся брюшку. — Вы выросли вверх, а я —вширь.

— Как удачно, что вы до сих пор здесь, — продолжал разговор Хьюлитт. — А я думал, что Корпус Мониторов гоняет своих сотрудников по всей Галактике.

— Мне очень повезло, что я работаю здесь, — ответил Стиллман.

Шагов тридцать они прошли молча. Хьюлитт уже начал гадать, уж не обидел ли он чем Стиллмана, когда тот заговорил:

— Тут, на Этле, положение с развитием культурных контактов такое, знаете ли... деликатное, поскольку аборигены настолько похожи на нас. Когда имеешь дело с инопланетянами, на тебя совершенно не похожими, и возникает какой-то конфликт, то на компромисс идут, как правило, обе стороны. Здесь же мы пытаемся и понять, и постепенно переориентировать цивилизацию, пошедшую неверной дорожкой. Вернее, им всякой чепухой забил головы их император — привил народу параноидальную ксенофобию, вот они и начали сражаться с несуществующей угрозой. Нам пришлось долго завоевывать доверие местных жителей и доказывать им — знаете, мы до сих пор им это доказываем, — что другие разумные существа — такие же, как они: не плохие и не хорошие, а просто другие.

Еще в то время, когда вы тут жили, у нас на базе уже работали несколько местных сотрудников. — В голосе Стилмана прозвучали ностальгические нотки. — Нам хотелось развеять этланскую ксенофобию за счет совместной гармоничной работы бок о бок с ними. Время от времени мы отправляли сотрудников-этланцев под тайным прикрытием на всяческие общественные мероприятия. Безусловно, все планировалось самым тщательным образом. Они оказывались зрителями на разных спортивных соревнованиях, ходили на экскурсии по осмотру достопримечательностей. Нам же самым важным представлялись случаи, когда удавалось отправить этланцев в школы, где они могли посмотреть на детей, понаблюдать за ними, поговорить. Сейчас персонал базы и подразделение по Культурным Контактам на три четверти состоит из этланцев и только на одну — из землян и представителей других видов, так что культурная программа осуществляется отлично.

Однако проблема осложнена тем, что хотя этлане — чудесный, дружелюбный народ, они жутко гордые. Даже я порой забываю, насколько они отличаются от нас, и могу допустить ошибку. Именно поэтому Шеч-Рар — пусть он от природы лишен обаяния и обходительности — так встревожен тем, что на Этлу явилась гурьба инопланетян с не-

понятной миссией и будет тут расхаживать, не понимая существующего положения дел.

Вы только не принимайте этого на свой счет, — попросил Стиллман. — Просто я вам только что в сжатом виде представил свою лекцию, которую я читаю здесь каждому офицеру Корпуса — новичку.

Хьюлитт решил, что сейчас отвечать Стиллману не стоит. Остальные догоняли их — видимо, им было интересно послушать, о чем разговаривают Хьюлитт со Стиллманом. Оба некоторое время шли молча. В конце концов Стиллман рассмеялся и снова заговорил:

— Если офицер не без способностей, предан работе и ему удастся завоевать расположение и доверие этланцев, начальство заинтересовано в том, чтобы задержать его здесь на возможно более долгий срок, дабы процесс укрепления связей продолжался. Вероятно, я продемонстрировал совершенно необычное рвение в этом смысле: заявил, что желаю жениться на этланке и остаться здесь, когда уйду в отставку. Я вам потому и сказал, что мне повезло.

— Понятно, — кивнул Хьюлитт.

Видимо, собеседник уловил его смущение.

— Вы только не подумайте, что это что-то вроде «сиди ны в бороду и беса в ребро», — заверил Хьюлитта Стиллман. — Мы познакомились, когда я тут только второй год работал. Она тогда была... в общем, у этланцев это называется «Мать-наставница» — так зовутся тут те, кто занимается воспитанием и обучением детишек от четырех до семи лет. Моя будущая жена стала первой этланкой, решившейся поделить свою работу с тралтанской учительницей. Она тогда уже успела понять, что самое лучшее время для борьбы с предрассудками — это то, когда дети еще не успели их понабраться от родителей. Она была вдовой. На ту пору здесь хватало вдов и сирот. У нас своих детей быть не могло, это понятно, поэтому мы усыновили четверых, пока были достаточно молоды для того, чтобы...

— Доктор, — догнав их, вмешалась в разговор Мерчисон. — Я знаю, что видовые различия препятствуют размножению, но мы смогли бы получить ответы на многие

клинические загадки или обрели бы еще большую загадку, если бы вам было известно исключение из этого правила. Вы знаете хотя бы об одном таком случае? Если это так, то не был ли один из родителей Хьюлитта аборигеном? А может быть, он сам был усыновленным этланским сиротой?

Стиллман покачал головой.

— Простите, мэм. Я хорошо знал его родителей еще до того, как у них родился мальчик, и присутствовал при родах.

— Да, я понимаю, идея совершенно дикая, — извинилась Мерчисон. — Но положение таково, что хватаешься за соломинку.

Хьюлитт молчал. Его охватило странное чувство. Трава доходила ему до пояса, как и четырехлетнему Хьюлитту. Деревья и кусты выросли, но и он тоже. Запахи нагретой солнцем земли и растительности, жужжание насекомых — все было точно так же, как тогда. Вот только расстояние как бы сократилось.

— Вот это место я очень хорошо помню, — сказал он и указал на одиноко стоявший куст. — Вот тут я играл.

— А не помните, вы тут ничего не съели тогда? — ухватила за очередную соломинку Мерчисон. — Ягоду, травинку? Понимаете, вы могли тогда что-то съесть, и это что-то подействовало как противоядие.

— Нет, — мотнул головой Хьюлитт и указал на руины дома. — А потом я забрался вот в эти развалины. Удивительно, что их до сих пор не разобрали и не перестроили. Тут все в таком же запустении, как и раньше.

— Это сделано специально, — заметил Стиллман и огляделся по сторонам. — В этих местах проходил бой — последний бой, в результате которого сбросили последнего имперского наместника. В свое время тут селили всех иноземцев. Так было задумано, что эта местность станет и напоминанием о прошлом, и надеждой на лучшее будущее. Похоже, идея оказалась безошибочной. Во время больших праздников сюда приходят на пикники. Тут тихо и спокойно — ну, разве только за исключением тех случаев, когда этланские детишки объединяются с другими ребятами и заводят тут шумные игры.

От дома остались только стены. Крыша была сорвана, внутри все заросло травой. На одной стене чернела копоть, но прошло столько лет, что запах гари скорее был иллюзорным, чем настоящим. Среди густой травы сновало и ползало новое поколение зверьков и насекомых. Мерчисон поинтересовалась: не укусил ли Хьюлитт в тот раз кто-нибудь из них. Хьюлитт покачал головой, но патофизиолог все же попросила, чтобы Нэйдрад отловила для нее несколько экземпляров живности, обитавшей в развалинах.

— Потом, — сказал Хьюлитт, — я отправился вон к той ржавой военной машине. Вон она стоит.

На этот раз первым пошел Флетчер. Он забрался внутрь машины. Оставшиеся снаружи слышали, как он ворчит себе под нос нечто насчет того, что четырехлетнему мальчугану тут, может быть, и было просторно, но уж никак не взрослому мужчине. Наконец его голова и плечи появились над люком.

— Это, — сообщил Флетчер, — подвижная артиллерийская установка среднего технического уровня, рассчитанная на экипаж из трех бойцов. Крупное орудие было предназначено для стрельбы разрывными снарядами, меньшее стреляло и заряжалось автоматными лентами. Амуниция, топливо и большая часть приборов отсутствуют. Там не осталось ничего, кроме обломков оборудования и кучи насекомых. Поймать для вас несколько штук, миссис Мерчисон?

— Да, пожалуйста, — попросила патофизиолог. — Если можно, таких, каких не было в развалинах дома.

— Что до меня, — проворчал Флетчер, — то все эти мерзкие ползучие твари — на одно лицо.

— Мэм, если вам нужны сведения о местных насекомых, — вмешался Стиллман, — то это конек моей супруги. Она будет очень рада оказать посильную помощь. Но что именно вас интересует?

— Точно мы и сами не знаем, доктор, — призналась Мерчисон. — Вероятно, маленький Хьюлитт в тот злополучный день резвился вовсю и мог забыть, что его кто-нибудь ужалил или укусил, а это могло сказаться на том, что произошло позднее.

— Понимаю, — кивнул Стиллман. — То есть мне кажется, что понимаю.

Хьюлитт повел экспедицию к следующей боевой машине — той, что валялась на боку, а рядом с ней на траве металлическим ковром расстелилась гусеница, потом сводил к другим машинам, в которых играл в тот день. Все молчали, а Хьюлитт говорил без остановки: он по пути вспоминал все новые и новые подробности своего детского приключения. Наконец все подошли к высокому дереву с корявыми ветвями и желто-зелеными грушевидными плодами, нависавшему над оврагом.

— Ветви только с виду крепкие, — предупредил Стиллман, когда стало ясно, что Флетчер собирается залезть на дерево. — Взрослого они не выдержат.

— Нет проблем, доктор, — заверил Стиллмана Приликла. Его радужные крылышки заработали быстрее, и вскоре он поднялся ввысь, подобно громадной стрекозе, и оказался рядом с увешанными плодами верхними ветками.

— Прошу вас, будьте осторожны, доктор, — взволнованным голосом увещевал Приликлу Стиллман. — В это время года кожа у плодов очень тонкая, а сок смертельно ядовит.

Затем хирург-капитан замолчал, хотя всем было ясно, что молчание дается ему с трудом — теперь говорил только Хьюлитт, он рассказывал о том, как сорвал и съел плод, как упал и очнулся на дне оврага, как увидел перед собой молодого Стиллмана. Все время, пока поисковая группа спускалась по крутому склону ко дну оврага, Стиллман шел, крепко сжав губы — так крепко, словно на них наложили швы.

— Я чувствую, что вы хотите что-то сказать, друг Стиллман, — прощелкал Приликла. — Что именно?

Стиллман осмотрелся. Дно оврага было усеяно камнями и останками военной техники. Окинув взглядом округу, Стиллман поднял глаза к верхушке дерева. В отличие от того раза, когда Хьюлитт тут побывал впервые, сейчас ярко светило солнце и было видно, насколько это опасное место и насколько ему повезло, что он тогда отделался легким испугом.

Стиллман прокашлялся и сказал:

— На Этле такие деревья редки и, несмотря на то что плоды их ядовиты, относятся к охраняемым видам. Это дерево очень старое, растет медленно и по сравнению с тем, каким оно было в тот день, когда Хьюлитт с него упал, выросло ненамного. Ущелье, как вы сами видите, глубокое и опасное. Если мальчик действительно забрался до самой верхушки и съел хотя бы маленький кусочек плода, он бы погиб — не от одного, так от другого.

Не хочу вас обидеть, — продолжал Стиллман, глядя на Хьюлитта в упор. — В тот раз я объяснил случившееся тем, что вы переутомились, проголодались и хотели пить, проведя много часов под палящим солнцем. Вы увидели высоко на дереве плоды и захотели взобраться наверх, но, подумав, вы решили не рисковать и не упали, как утверждаете, с верхушки, а скатились на дно ущелья по склону. Мое предположение подтверждается и состоянием вашей одежды в тот вечер, и тем, что на вас не было ни царапинки. Да, вы пытались забраться на дерево и видели на его верхних ветвях плоды, но на самом деле и то, что вы залезли на дерево, и то, что вы с него упали, вам приснилось, и реальность в вашем сне перемешалась с фантазиями.

Простите, — добавил Стиллман. — Вероятно, вы не лгали, но и правду говорить не могли.

Медицинская бригада хранила дипломатическое молчание и занималась сбором насекомых и растений для Мерчисон. Хьюлитт привык к вежливой недоверчивости, а Стиллман был всего лишь еще одним врачом, решившим, что всему виной избыток воображения пациента. Злиться бессмысленно. Хьюлиттом владели разочарование и обида. Поэтому он очень удивился, заметив, как вдруг задрожал Приликла — Хьюлитт-то точно знал, что его эмоции тут ни при чем.

Еще больше он удивился, когда эмпат ответил на никем не заданный вопрос.

— Друг Флетчер, — проговорил Приликла. — Вы излучаете сильное любопытство и волнение. Почему?

Капитан стоял на коленях около предмета, похожего на пузатую торпеду, почти целиком утонувшего в траве, намытой дождевыми потоками со склонов. Флетчер открыл сумку и вытащил оттуда прибор, похожий на глубинный сканер.

— Похоже на технику нездешнего производства, — сообщил Флетчер. — Эта конструкция гораздо более сложна, чем вся остальная рухлядь. Подробнее смогу сказать, как только внимательнее осмотрю эту штуковину изнутри.

— Может быть, это и не имеет значения, — встрял Стилман, — но в тот вечер Хьюлитта нашли спящим именно около этой машины. Тогда меня больше интересовало состояние мальчика, и в голову не пришло разглядывать очередную ржавую железяку.

— Благодарю вас, доктор. — Мерчисон быстро подошла к Флетчеру. — Данальта, Нэйдрад, забудьте о гербарии и жучках, пока мы не установим, что это такое.

Продолжая дрожать из-за эмоционального излучения своих подчиненных и от собственного волнения, Приликла спланировал на землю.

— Все записывающие устройства включатся, друг Флетчер, как только вы будете готовы.

Капитан говорил и действовал неторопливо и описывал вслух все, что видел, думал и делал. Хьюлитту уже начало казаться, что капитан хочет оставить производимую запись в качестве завещания на тот случай, если ржавая машина возьмет, да и взорвется. Приликла, у которого трусость была главным средством выживания, и все остальные разместились так близко к Флетчеру, как только могли, стараясь не мешать ему. Что интересно — Приликла не выказывал никаких признаков волнения. Хьюлитт, набравшись смелости, шагнул к ним поближе.

Судя по тому, что рассказывал Флетчер, предмет представлял собой полый цилиндр три метра в длину и полметра в поперечнике. Он был снабжен двумя наборами стабилизаторов, расположенных соответственно посередине и в хвосте. Внешняя поверхность цилиндра облупилась и заржавела, кое-где на ней виднелись пятна гари, свиде-

тельствовавшие о том, что на краткое время цилиндр подвергся воздействию высокой температуры. Капитан Флетчер обнаружил также безвредный уровень радиоактивного излучения — значит, параллельно с перегревом цилиндр пережил и облучение. Передвижение цилиндра обеспечивалось единственным интегральным химическим двигателем, занимавшим три четверти его объема. Судя по анализу запекшейся краски и на основании грубого определения веса снаряда можно было предположить, что дальность его полета составляла от шестидесяти до семидесяти миль.

На продольной оси сигарообразного снаряда располагались две небольшие дверцы, они были распахнуты и висели на петлях. Дверцы были расположены на одинаковом расстоянии от центра тяжести цилиндра. Из дверок тянулись обрывки полустгнивших тросов. По всей вероятности, цилиндр должен был совершить мягкую посадку в горизонтальном положении на двух парашютах. От самих парашютов ничего не осталось. Флетчер предположил, что либо они были изготовлены из ткани, предусматривающей их постепенное разложение, либо где-то зацепились за деревья и оторвались.

— Первые десять дюймов носовой части снаряда находятся в земле, — пояснил Флетчер. — Вероятно, эта часть отвалилась при посадке, и затем ее покрыли земля и растительность. Помимо крепежных деталей, эта часть, похоже, забита плотным амортизирующим материалом, не подвергнувшимся гниению. Тем же амортизирующим материалом наполнена и вся передняя четверть снаряда, где, по идее, должна бы находиться боеголовка. Этот материал занимает все пространство в передней части снаряда за исключением цилиндрической полости диаметром в пять дюймов и длиной в три четверти метра. Внутри полости находится пластиковый кружок того же диаметра, что и сама полость. Спереди этот кружок надежно уплотнен амортизирующим материалом, а сзади соединен с коротким брусом и... чем-то вроде пистонного механизма, предназначенного для выталкивания какого-то цилиндрического контейнера из полости. Но, видимо, вследствие неполадок, возникших из-

за грубого приземления, пистон пролетел только половину положенного расстояния, поэтому контейнер не вытолкнуло целиком, а затем, неизвестно, через какой период времени, он разрушился.

Руки Флетчера были затянuty в перчатки, похожие на плотную прозрачную человеческую кожу. Чувствительность при контакте с предметами сочеталась в них с максимальной степенью защиты. Не сводя глаз с дисплея сканера, Флетчер сунул свободную руку в отверстие дверцы.

— Внутри множество мелких насекомых, — сообщил капитан. — Они поселились в амортизационном материале. Кроме них, здесь находятся мелкие кусочки какого-то стекловидного вещества. Кстати, такие же кусочки валяются в траве около покрытого землей носа снаряда. Одна их поверхность блестящая, а другая — темно-коричневая, матовая. Вероятно, вам потребуются образцы?

Мерчисон опустилась рядом с капитаном на четвереньки и воскликнула:

— Да!

Хьюлитт не мог припомнить, чтобы кто-нибудь на его памяти произносил это короткое слово с таким волнением и страстью. Флетчер передал Мерчисон один кусочек вещества, про которое только что рассказывал, и патофизиолог поместила его в портативный анализатор. Все ждали, что она скажет.

— Наши анализаторы согласны друг с другом, — проговорила Мерчисон пару минут спустя. — Это тонкий, хрупкий стекловидный пластик. Угол изгиба свидетельствует о том, что перед нами фрагмент цилиндрического сосуда. За исключением незначительного количества экскрементов насекомых наружная поверхность чиста и блестяща. Внутренняя матовая поверхность представляет собой засохший слой какого-то жидкого синтетического питательного вещества. Мне понадобится несколько образцов для последующего анализа на корабельном анализаторе. Тогда я смогу сообщить вам, какие существа употребляют в пищу это вещество. Пока скажу лишь одно: в этой машине когда-то

находились существа или существо, нуждающиеся в питании для поддержания жизни.

Флетчер собрался уже отдать Мерчисон еще один кусочек пластика, но рука его застыла, и он посмотрел на Стиллмана.

— Доктор, — спросил он, — а этланцы никогда не применяли химическое или биологическое оружие?

Глава 20

Хьюлитт инстинктивно попятился. Его бросило в жар, но виной тому было не полуденное солнце. Остальные остались на своих местах. Им всем что — не доставало воображения, — но это навряд ли. Скорее всего опасности просто не было. Хьюлитт боязливо шагнул вперед.

— Насколько нам известно, нет, капитан, — ответил Стиллман. — История умалчивает о том, что когда-либо при ведении войн с другими планетами этлане пользовались такими видами оружия. К тому же здесь и так хватало болезней. Возможно, химическое и биологическое оружие тайно разрабатывалось имперскими учеными. Вероятно, ближе к концу мятежа император отчаялся настолько, что готов был пустить в ход все свои арсеналы, но я бы все же не стал так думать. В перечне заболеваний того времени указаны травмы вследствие взрывов, контузий, огнестрельные ранения, но не болезни как таковые. — Стиллман сделал достаточно долгую паузу, и Флетчер успел передать Мерчисон еще три кусочка пластика. — В любом случае, — продолжал Стиллман, — химическое и биологическое оружие предусматривает взрыв снаряда при контакте с поверхностью планеты или в воздухе над обозначенной целью. Этот снаряд совершил мягкую посадку с помощью парашютов, взрывное устройство не сработало, и взрыв произошел только тогда, когда по снаряду что-то ударило.

— Или кто-то, — уточнил Приликла.

Один за другим все повернули головы к Хьюлитту. Он и сам был поражен словами эмпата не меньше других. Первым заговорил Стиллман:

— Если вы хотите сказать, что малыш Хьюлитт свалился на эту штуковину, стукнулся о нее со страшной силой и раздавил то, что там было внутри, я этого подтвердить не в состоянии. Мальчика нашли рядом с этой сигарой, но было темно, а я был слишком встревожен состоянием ребенка, чтобы смотреть, не валяется ли поблизости разбитое стекло. Кроме того, этланские патогенные микробы не способны принести вред кому-либо, кроме местных жителей. Это нам всем отлично известно. И потом... гм-м-м... вид у Хьюлитта на сегодняшний день таков, будто бы он ни единого дня в своей жизни не хворал.

Ножки Приликлы забило мелкой дрожью — он волновался, собираясь сказать Стиллману, что он ошибается.

— У друга Хьюлитта, — прошелкал эмпат, — долгий анамнез неспецифических заболеваний, причем все эти заболевания не поддавались лечению. По этой причине у него до сих пор нет точного диагноза. Странная симптоматика с самого начала — скорее всего ошибочно — была сочтена проявлением чисто психологической основы его болезни. Наш предварительный диагноз таков, что пациент страдает гипераллергической реакцией широчайшего спектра на все формы лекарственных препаратов. Мы почти уверены, что это состояние не угрожает жизни, за исключением тех случаев, когда лекарства назначаются для перорального приема, путем подкожных инъекций или наружно, путем массажа кожных покровов. Согласитесь, в клиническом плане картина болезни выглядит обескураживающе.

Стиллман покачал головой и ткнул пальцем в загадочную торпеду:

— И что, эта пакость каким-то образом может помочь в том, чтобы рассеять вашу обескураженность?

Приликла сильно вздрогнул. Казалось, кто-то, а может быть, и сам эмпат, вырабатывает неприятное эмоциональное излучение. Вместо того чтобы ответить на вопрос, цинрусскиец сказал:

— Друг Стиллман, я почувствовал, что вы голодны, да и все остальные тоже, еще тогда, когда мы отказались от гостеприимства тралтанов. Отказался я потому, что пищевой синтезатор на «Ргабваре» не так давно был перепрограммирован нашим главным диетологом Гурронсевасом, и думаю, на корабле нам удастся поесть вкуснее. Не хотите ли проследовать вместе с нами на «Ргабвар»?

— Да, с удовольствием, — отозвался Стиллман.

— Кроме того, я ощущаю недовольство и сильное любопытство одного из членов бригады. Друг Флетчер, есть какие-то сложности?

— Все сложности — этот снаряд, совершивший мягкую посадку, — буркнул капитан. — Мне бы хотелось поближе взглянуть на механизм активации взрывателя. Такое впечатление, что для исключительно простой задачи, возложенной на него, он чересчур усложнен. Однако я предпочел бы оставить устройство нетронутым. Хорошо, если бы доктор Данальта преобразился таким образом, чтобы у него появились особые конечности и пальцы, которыми он мог бы отсоединить взрыватель изнутри. Не хотелось бы проявлять несубординацию, доктор, но что касается меня, то вы должны бы почувствовать — любопытство у меня сейчас куда сильнее голода.

Приликла, прежде чем заговорить, издал мелодичную невысокую трель.

— Хорошо, вы двое останетесь здесь. Друг Мерчисон, хотите присоединиться к добровольным голодающим?

Патофизиолог покачала головой.

— Мне тут больше делать нечего, — заявила она. — Засохшее вещество на внутренней поверхности бывшего сосуда является синтезированным питанием, предназначенным для многих видов теплокровных кислорододышащих существ. Отмечается некоторое количество неидентифицированных микроорганизмов, которые могут принадлежать как содержимому сосуда, так и являться эндемиками Этлы. С помощью портативного прибора невозможно произвести точный анализ, поэтому придется подождать. Я займусь этим после обеда на корабле.

На крылышки Приликлы упал солнечный луч и заиграл на них всеми цветами спектра. Цинрусскиец взлетел и вскоре поднялся выше края ущелья и исчез. Флетчер и Данальта остались, чтобы завершить изучение снаряда, а остальные отправились вверх по склону.

«Что это эмпат так заторопился?» — гадал Хьюлитт. Он не ожидал от Приликлы такого невежливого поведения.

— Бывает, — признался Стиллман Мерчисон, поднимавшейся по склону рядом с ним, — когда я жалею, что не умею летать. Правда, еще сильнее я мечтаю похудеть.

Мерчисон ответила ему вежливой улыбкой, но не проронила ни слова, пока они не выбрались из ущелья.

— Хирург-капитан, — сказала она, — можно задать вам вопрос?

— Тон у вас очень официальный и серьезный, мэм, — откликнулся Стиллман. — Видимо, вопрос будет не из легких. Отвечу, если сумею.

— Спасибо, — поблагодарила его патофизиолог. Сделав три шага по высокой траве, она задумчиво проговорила: — Во времена мятежа тут произошло нечто очень странное. Я знаю, что отчеты о тех событиях и донесения времен войны не относятся к разряду засекреченных материалов, но, когда я пыталась вкратце ознакомиться с этой темой, я обнаружила, что Корпус Мониторов дает допуск к материалам только аккредитованным историкам и ученым, которые, как выяснилось, не торопятся с публикациями.

Причина существующего ограничения доступа к материалам по этланскому мятежу объясняется так, — продолжала Мерчисон. — Бывшие владения Этланской империи вошли в Галактическую Федерацию, и процесс их ассимиляции замедлился бы, если бы доступ к информации о мятеже был открыт всякому любопытствующему, а что еще хуже — тем, кто пожелал бы вырвать из материалов наиболее драматические моменты с тем, чтобы представить их в черном цвете на массовых развлекательных каналах. Как я поняла, местные жители Этлы до сих пор переживают из-за военных преступлений, совершенных по отношению к ним их императором, и напоминать им об этом не следует.

Но что это были за преступления? — продолжала патофизиолог, размашисто шагая вперед. — Не было ли в их числе разработки химического оружия или биологических экспериментов над разумными существами? Ответ на этот вопрос нам бы очень помог продвинуться в начатом исследовании. Или вам также запрещено разговаривать на эту тему?

Стиллман покачал головой:

— Нет, мэм. Я могу говорить об этом с теми, кто не воспользуется информацией не по назначению. Тут речь идет о врачебной этике и сохранении медицинской тайны, поскольку и сам император, и представители его ближайшего окружения были очень больными людьми.

А другого вопроса у вас нет, мэм? — улыбаясь, поинтересовался Стиллман. — Такого, который бы не потребовал для ответа нескольких часов глубочайшего экскурса в историю?

Мерчисон не отвечала, пока они не ступили на верхнюю ступеньку трапа «Ргабвара».

— Есть, — буркнула Мерчисон. — Не знаете, Снарф никогда не гуляла по оврагу Хьюлитта?

Капитан Флетчер и доктор Данальта, чье любопытство в отношении изучаемого объекта по-прежнему пересиливало чувство голода, слышали этот разговор по коммуникатору, и поэтому, когда Стиллман решился-таки дать ответ на первый вопрос патофизиолога, заинтересовались, что же он скажет, поскольку они, как и Хьюлитт, не присутствовали при единственной крупномасштабной боевой операции — финальном сражении за освобождение Главного Сектора Галактики.

— По политическим причинам, — начал Стиллман, немного ослабив ремень на располневшей талии, — Корпус Мониторов не рассматривает этланский конфликт как войну. Стремление империи, в состав которой входило пятьдесят планет, захватить неисследованный сектор Галактики, начав одновременно и необъявленную войну против совершенно неподготовленной Федерации, было по меньшей

мере дестабилизирующим, и ему нужно было воспрепятствовать.

Имела место только одна межзвездная война, — продолжал Стиллман. — Война между Землей и Орлигией. Ее окончание привело к созданию Галактической Федерации. С тех пор было решено, что военные действия между субъектами Федерации с экономическими или территориальными притязаниями в принципе невозможны. Они слишком дорого обходятся, в то время как существует огромное количество необитаемых планет, которые только и ждут колонизации. Если агрессивная цивилизация или ее правители настолько безумны, чтобы, ведомые одной лишь ненавистью, а не только соображением выгоды, напасть на какую-либо планету, то они чаще всего просто взрывают такую планету или опустошают ее. Но ни одна цивилизация не развивается до стадии разработки космических полетов и уж тем более не может осуществить успешные проекты колонизации, если не усваивает главных уроков цивилизации, а именно: способности понимать других, сотрудничать и жить в мире. Поэтому со временем возникла аксиома: если мы обнаруживали в Галактике цивилизацию, освоившую полеты в космос, то перед нами представляли существа с высокой культурой и высокоразвитой техникой.

В том, что касалось Этланской империи, — хирург-капитан запнулся, — Корпус Мониторов столкнулся как бы с исключением из правила. Но до тех пор, пока мы не обрели полной уверенности в этом, мы старательно скрывали от этланцев расположение планет Федерации, мы просто изучали местную культуру и делали вид, что никакой опасности не существует. Вот почему мы, являясь исполнительным и законодательным органом Федерации, предпочитаем рассматривать этланское событие как крупномасштабную полицейскую акцию...

— Доктор, — прервала Стиллмана Нэйдрад, шерсть которой вздыбилась сердитыми иглами. — Около госпиталя тогда носились сотни боевых кораблей. Торпеды насквозь пробивали обшивку корпуса госпиталя. Это было куда боль-

ше похоже на войну, нежели на какой-то там мятеж! Вы там были?

— Да, — кивнул Стиллман, и его лицо омрачилось неприятными воспоминаниями. — Я служил младшим медицинским офицером на «Веспасиане», когда корабль столкнулся с этланским транспортным кораблем, и помогал перевозить пострадавших в госпиталь. Когда доктор Конвей, который тогда был Главным реаниматологом, увидел, что я отделался всего несколькими синяками, он сказал мне, что у них жуткая нехватка персонала, и отправил меня работать в палату — какую именно, не упомяну. Трансляционный компьютер был отключен, и общаться было... Конечно, было очень похоже на войну, но официально эти события значатся как политическая акция против организованных и хорошо вооруженных нарушителей правопорядка.

Наступила пауза. Хьюлитт обвел взглядом сидевших за столом Стиллмана, Мерчисон и Приликлу. Каждый из них по-разному вспоминал о пережитом ужасе. Впервые в жизни Хьюлитт порадовался тому, что тема разговора его не касается, что он здесь — посторонний.

Стиллман резко вскинул голову и продолжал:

— Беды начались тогда, когда один из ваших бывших пациентов, важная шишка по имени Лонвеллин, обнаружил планету под названием Этла-Большая...

— Я знаком с этим случаем, — вмешался Приликла. — Он тогда был пациентом Старшего врача Конвея, и в то время, когда Лонвеллин лежал без сознания, я помогал доктору Конвею тем, что определял характер эмоционального излучения больного... Простите, друг Стиллман. Прошу вас, продолжайте.

Судя по тому, что рассказал Стиллман, Лонвеллин после того, как выписался из Главного Госпиталя Сектора, отправился на своем личном звездолете на поиски планетарной системы, находившейся, судя по предварительным данным, где-то в неисследованном секторе Магелланова Облака. До Лонвеллина доходили очень неприятные слухи о планете Этла-Большая. Несмотря на свою физиологическую классификацию — ЭПЛГ, массивное тело и устраша-

ющее природное оружие, Лонвеллин был очень развитым в умственном отношении, на редкость альтруистичным, живучим и крайне независимым существом. Он резко отказался от какой бы то ни было помощи, объяснив всем и каждому, что всю свою жизнь он только тем и занимался, что лечил массовые эпидемии.

Изумлению сотрудников Корпуса Мониторов не было предела, когда Лонвеллин вышел с ними на связь, сообщил, что нашел искомую планету, и попросил специализированной помощи.

Положение на найденной Лонвеллином планете оказалось сложнейшим с социологической точки зрения, а с медицинской — просто-таки варварским. Прежде чем приступить к эффективному излечению социальных болезней, Лонвеллин решил проконсультироваться в госпитале по медицинским вопросам. Кроме того, он просил, чтобы в целях сбора информации на Этлу прибыли существа с физиологической классификацией ДБДГ, а именно — земляне. Он объяснял, что местное население подпадает под такую же классификацию и крайне враждебно относится к любым существам, внешне на аборигенов не походящим. Этот момент очень мешал Лонвеллину в осуществлении взятой им на себя благородной миссии.

Лонвеллин провел много месяцев на орбите планеты, вел наблюдения, ловил своим приемником местные передачи и пришел к выводу, что планета, которую местные жители называли Этлой, представляет собой находящуюся в упадочном состоянии колонию, в бедственном положении которой повинны бесчисленные болезни, поражающие более шестидесяти процентов населения. Между тем на планете имелся небольшой космопорт, продолжавший функционировать. Следовательно, первая задача Лонвеллина, которая чаще всего бывала самой сложной, несколько упрощалась: наличие космопорта свидетельствовало о том, что обитатели планеты уже знакомы с пришельцами и потому скорее проникнутся доверием к чужеземцу.

Лонвеллин намеревался сыграть роль астронавта-недотепы, вынужденного совершить на Этле посадку в целях

ремонта своего корабля. Для этого он собирался попросить у аборигенов на самом деле совершенно ему не нужные куски металла и пластика и усиленно притворяться, что не может объяснить точно, что ему нужно. В обмен на совершенно ненужную рухлядь Лонвеллин хотел предложить этланам ценнейшие вещи и надеялся на то, что наиболее предприимчивые из них вскоре оценят преимущества такого положения.

Лонвеллин допускал, что на начальном этапе контакта он будет в проигрыше, но не сомневался, что со временем ситуация изменится. Он надеялся в дальнейшем вместо ценных предметов предлагать этланам свои услуги, в частности, услуги учителя. Затем он намеревался сообщить этланам, что отремонтировать свой корабль не в состоянии, так как на Этле якобы нет для него нужных деталей, и тогда, как это уже не раз происходило, он станет жителем планеты. Ну а потом... потом он примется улучшать положение дел на планете, положившись на время — уж чем-чем, а временем Лонвеллин располагал в избытке.

— Для Лонвеллина, существа высокоразвитого и, что немаловажно, долгожителя, — продолжал свой рассказ Стиллман, — подобная деятельность представлялась чем-то вроде сложной и увлекательной игры, в которую он уже не однажды играл, и притом очень успешно, в прошлом. Игра была поистине замечательная в том смысле, что в ней всегда выигрывало население планет, но и Лонвеллин тоже получал выигрыш — в виде удовлетворения от хорошо проделанной работы. На этот раз игра у Лонвеллина пошла из рук вон плохо. С того самого мгновения, как он посадил свой корабль на окраине небольшого городка и заявил о себе, ему долго пришлось думать только о средствах самозащиты.

Не имея возможности приступить к осуществлению намеченного плана без того, чтобы не выяснить для начала, почему у народа, имеющего опыт звездоплавания, отмечается такая безудержная ксенофобия, и не будучи в состоянии ответить на этот вопрос самостоятельно, Лонвеллин попросил помощи у землян. Из-за чрезвычайно высокой

заболеваемости населения Этлы он также попросил, чтобы на планету прибыл тот Старший врач, который в Главном Госпитале Сектора занимался его лечением. Довольно скоро на Этлу прибыл специалист Корпуса Мониторов по Культурным Контактам в сопровождении доктора Конвея, и они включились в работу.

Контакт с этланами начали осуществлять одновременно на двух уровнях. На первом уровне работали несколько опытных лингвистов и медиков, совершивших тайную посадку и спрятавших трансляторы под одеждой. Никакой иной маскировки им не требовалось, ибо люди оказались потрясающе похожими на местных жителей. Сложности типа произношения объясняли дефектами речи, и это было проще простого, поскольку на Этле масса народа страдала разнообразными заболеваниями полости рта.

Что касается деятельности на втором уровне, то в космопорте Этлы совершенно открыто совершил посадку большой корабль Корпуса Мониторов. Сотрудники Корпуса откровенно признались в том, что они инопланетяне, и вели переговоры с местным населением через трансляторы, которые и не думали прятать. Легенда у них была такова, что до них дошли вести о бедственном положении этлан и они прибыли для оказания аборигенам медицинской помощи. Этлане довольно доброжелательно отнеслись к этой версии и рассказали, что каждые десять лет к ним прибывают имперские корабли с грузом медикаментов и целителями, но, несмотря на все усилия имперских врачей, состояние здоровья этлан все ухудшается и ухудшается. Этлане заявили, что не против получить помощь от чужеземцев, но сильно сомневались, что у тех что-нибудь получится, если уж империя, в состав которой входило целых пятьдесят планет, не в силах им помочь.

Большинство этлан оказались существами дружелюбными и доверчивыми. Они с удовольствием рассказывали о себе и о своей империи. Сотрудники Корпуса Мониторов также держались приветливо, но были менее многословны.

Если разговор заходил о странном и пугающем существе по имени Лонвеллин, сотрудники Корпуса делали вид, что знают о нем не знают.

Но самые важные сведения поступали от тайных агентов. Эти выяснили: этлане боятся Лонвеллина из-за того, что им вбили в голову мысль, что якобы все чужаки являются переносчиками опасных болезней. Истину, усваиваемую всеми нациями, совершавшими межзвездные перелеты, и состоявшую в том, что патогенные микроорганизмы одной планеты совершенно безвредны для обитателей другой, от них утаили.

Утаили намеренно.

Страх местных жителей перед новыми инфекциями был понятен, — рассказывал Стиллман. — Болезни на Этле поразили больше половины населения планеты. В то время на ней обитало уже седьмое поколение колонистов. Этла была заселена не слишком плотно, но довольно широко и уже более столетия страдала разнообразными хворями. В то время болело шестьдесят пять процентов мужчин, женщин и детей. Болезней насчитывалось множество, и многие из них превращали местных жителей в инвалидов. По-настоящему угрожали жизни далеко не все заболевания, но в целом картина выглядела просто-таки удручающе. Большую часть инфекционных болезней можно было искоренить посредством изоляции больных и несложного лечения, однако медицина на Этле пребывала в зачаточном состоянии, а о научной базе и говорить не приходилось: медицинская наука была прерогативой империи.

Положение складывалось поистине безумное, — продолжал хирург-капитан. — На наш взгляд, ни одного в принципе неизлечимого заболевания на Этле не было. Если бы смогли объявить планету зоной бедствия и развернуть крупномасштабную медицинскую экспедицию, проблему можно было бы решить самое большее за несколько лет. Но мы столкнулись с деликатной ситуацией первого контакта: Этлу населял гордый и независимый народ. Вдобавок в то время местные жители еще сохраняли верность и благодарность империи за постоянную помощь и поддержку. Прибытие

на планету многочисленной медицинской экспедиции могло напугать местное население и, что еще хуже, вызвать совершенно неверную реакцию у наместника империи, который пока избегал любых контактов с представителями Корпуса Мониторов. А в ведении наместника находилось крупное воинское подразделение. Что бы случилось, если бы он счел появление на Этле большого числа медиков инопланетной диверсией?

С тем чтобы заверить этланские власти в благонамеренности действий Федерации и выяснить, почему на страдающую планету так редко отправляют медицинскую помощь, в столицу Этланской империи послали корабль Корпуса Мониторов со старшим офицером-медиком на борту. Не исключался вариант того, что в столице, расположенной так далеко от бедной планеты, периодически забывают о страдающих собратьях. Но как только курьерский корабль, лишенный всякого вооружения, приземлился в столичном космопорте, его тут же окружил отряд вооруженных до зубов имперских гвардейцев.

Причину такой внешне враждебной акции объяснили так: простонародье, дескать, может отреагировать на прибытие чужеземцев недружелюбно, а имперские власти не хотели бы подвергать пришельцев опасности. Прибывшим объяснили, что всей команде, за исключением медика, следует оставаться на борту, пока власти не проведут психологическую подготовку населения.

Медика очень тепло приняли императорские советники и расспрашивали его — дружелюбно, но очень пытливо — обо всем, что связано с Федерацией, и при этом осыпали почестями, словно какого-нибудь главу иностранного государства. Тем временем датчики курьерского корабля уловили крайне неприятные сведения, распространяемые местными каналами информации о планете, которую тут именовали не иначе как «чумная». На взгляд социолога-аналитика, присутствовавшего на борту, и другие сведения, распространяемые по каналам информации, вполне очевидно, свидетельствовали о вопиющих недостатках в

административной и финансовой структуре Этланской империи.

Прежде всего было установлено, что Чумная планета не забыта, хотя напоминали о ней очень интересным образом: на каждом перекрестке и через равные промежутки на городских улицах стояли стенды с плакатами, в красках демонстрирующими страдания сограждан, проживающих на Этле-Больной. Плакаты призывали вносить пожертвования для их спасения. Призывы о внесении пожертвований также довольно часто звучали из уст кандидатов на важные политические посты. Эти взносы тут были самым популярным видом благотворительности, и не только на главной планете империи, но буквально повсюду. Взносы поступали непрерывно и бывали очень щедрыми.

Однако с трудом верилось, что пожертвований хватает только на загрузку одного корабля раз в десять лет.

Последний корабль недавно прибыл, разгрузился и тут же улетел: никто из членов экипажа не пожелал ни секунды дольше, чем нужно, задерживаться на зачумленной планете. Груз переправили в поместье имперского наместника Телтрэнна — громадную территорию, где вокруг дворца во все стороны раскинулся обширный лесопарк, а весь периметр дворца и казармы охраняли элитарные войска. Наличие такого крупного воинского контингента на планете, населенной мирными колонистами, вынужденными снабжать военных продовольствием и выделять для их обслуживания кое-какой персонал, объясняли тем, что военные нужны для защиты местных жителей от потенциального нападения извне. В течение нескольких месяцев не происходило ничего из ряда вон выходящего. Телтрэнн периодически наезжал в дальние уголки колонии в целях доставки новой партии медикаментов, сообщал тамошним жителям о страданиях своей администрации и рассказывал новости о том, что на главной имперской планете продолжают научные изыскания, направленные на усовершенствование медицинской помощи этланским страдалцам.

Выходило бы гораздо быстрее и эффективнее, если бы доставка медикаментов в разные районы планеты осуще-

ствлялась одновременно, но Телтрени настаивал на том, что он должен делать это лично — дабы иметь возможность рассказывать местным жителям, как о них заботится император, и передавать его наилучшие пожелания.

Эта неторопливость побудила у Конвея и других медиков кое-какие подозрения. Они изучили пики заболеваемости за последние несколько десятилетий и обнаружили, что многие заболевания исчезали как бы сами по себе — вероятно, в связи с тем, что у местных жителей вырабатывался к ним естественный иммунитет. Но на смену старым болезням приходили новые. Как правило, эти болезни вызывали отвратительную сыпь, множественные деформации конечностей или произвольные подергивания. Причем вопреки всем медицинским законам болезни эти крайне редко приводили к смертельному исходу.

Все это указывало на невероятную, немыслимую, страшную правду: горячо любимый народом и уважаемый имперский наместник Телтрени намеренно и систематически распространял среди местного населения болезни, а вовсе не пытался их лечить. — А за причиной далеко ходить не стоило — финансы!

Глава 21

Даже из грошей, жертвуемых сочувствующими бедняками, могла сложиться кругленькая сумма, а этлане были народом добрым, к тому же им непрерывно напоминали о страданиях их братьев на Этле-Больной. Постоянно поступающие пожертвования от населения пятидесяти планет приносили невероятные капиталы. При том, что корабль с медикаментами отправляли не чаще одного раза в десять лет, было ясно, что на Этлу-Больную попадала только ничтожная часть собираемых пожертвований. На самом деле сбор пожертвований представлял собой замаскированное налогообложение. Собранные суммы оказывались в импе-

раторской казне и тратились на нужды императора, знатных семейств, на содержание войск, охранявших наместников на разных планетах.

Подобное положение дел для Федерации было просто-таки нетерпимо, и когда ее представители задали прямые, беспристрастные вопросы по поводу неправильного расходования пожертвований, Телтрени и император запаниковали. На корабли Корпуса Мониторов были нацелены ракеты с химическими боеголовками — не с ядерными, так как этланам не хотелось разрушать собственные космопорты. Корабли Корпуса Мониторов закрылись противометеоритными экранами и улетели.

О том медике, который находился с визитом в столице Этланской империи, с тех пор никто не слышал.

На Чумную планету поступило недвусмысленное предупреждение, и все сотрудники Корпуса Мониторов были с Этлы-Больной эвакуированы. Лонвеллин, заверивший всех, что ему ничто не грозит в надежно экранированном корабле, погиб от ядерного взрыва.

Император не мог позволить, чтобы правду о его действиях узнали подданные, поэтому он обвинил федералов не только во всем, что произошло на Этле-Больной, но и во всех тех преступлениях, которые он сам творил на протяжении столетия. Он разглагольствовал о том, что в то время, как те сотрудники Корпуса Мониторов, которых видели этлане, внешне напоминают их самих, остальные существа, населяющие Федерацию, представляют собой ужасающих, нищих чудовищ с садистскими наклонностями, еще более страшных из-за своей высокоразвитости. Впервые за долгую историю Этланской империи ей грозило нападение извне, и защитить себя, согласно словам императора, Этла могла только путем нападения. Остальное сделали имперские пропагандисты и ксенофобия, старательно вколачивавшаяся в мозги этлан с пеленок. Вскоре к крестовому походу был подготовлен огромный флот.

Но сотрудники Корпуса — не последние олухи, — усмехнулся Стиллман, — и мы не рассказываем каждому первому встречному, где живем, до тех пор пока не убеждаемся

в том, что незнакомец станет добрым гостем. Ни на столичной планете, ни здесь, на Этле-Больной, общаться с местными жителями не позволялось никому из тех, кто знаком с координатами миров, входящих в состав Федерации. Такова стандартная процедура первого контакта. Между тем один набор координат все же известен каждому офицеру Корпуса Мониторов, занятому в выездных медицинских операциях, — это координаты Главного Госпиталя Сектора. А к имперским советникам в руки угодил медик из Корпуса Мониторов.

Вот почему этланский флот атаковал госпиталь, — объяснил Стиллман. — Этлане хотели захватить заложников и выпытать у них как можно больше координат. Они не ставили перед собой задачу уничтожить госпиталь. Для сохранения тайны координат из госпиталя эвакуировали всех пациентов и сотрудников, располагающих хотя бы минимумом познаний в области астронавигации. В госпитале остались только несколько сотен добровольцев...

Острая нехватка персонала привела к тому, что сотрудникам пришлось спасать как «своих», так и «чужих» раненых, поскольку отличить в такой суматохе этлан от людей просто не представлялось возможным. Раненые переполнили уцелевшие палаты и коридоры. В итоге враги оказывались рядом, на соседних кроватях, и этланам приходилось принимать помощь от ужасающих монстров. Противникам пришлось теперь пускать в ход единственное оставшееся в их распоряжении оружие — слова. Шла горькая бескровная битва, во время которой этлане узнавали правду о том, что происходило на их Чумной планете. В итоге два высокопоставленных пациента — по одному с каждой стороны — положили конец кровопролитию.

Этланская эскадра разлетелась в разные стороны — чтобы донести правду до каждой планеты, входившей в состав империи, и оказать помощь в свержении императора, его наместников и их гвардий.

Это было самое крупное восстание в изученной истории, — задумчиво проговорил Стиллман. — Но этлане — гордый народ, они заявили нам, что все происходящее —

их внутреннее дело, и посоветовали держаться подальше ото всех этланских планет, кроме одной, до тех пор пока они сами не разберутся со своими проблемами. Именно здесь, на этом участке поверхности Этлы-Больной, война и началась, и закончилась. Началась она тогда, когда Телтрэнн отдал приказ выстрелить по кораблю Лонвеллина ядерной ракетой — примерно в десяти милях отсюда к западу находится след от воронки. А конец войне пришел тогда, когда местное население при поддержке ополчения, захватившего несколько боевых машин, развязало последний бой. Войско Телтрэнна в конце концов запросило пощады. Надо сказать, что местные жители до сих пор стыдятся того, что сделали, хотя у них на то были все причины. Поэтому Шеч-Рар и боится, как бы вы не задели чьих-либо чувств.

Взглянув на тонкие лапки Приликлы, повисшие в нескольких дюймах от его макушки, Стиллман добавил:

— Но думаю, полковнику не о чем волноваться.

— Благодарю вас, друг Стиллман, — отозвался Приликла.

Офицер Корпуса Мониторов глубоко удовлетворенно вздохнул и продолжил свой рассказ:

— Командор этланского флота, попавший на лечение в Главный Госпиталь Сектора, прежде чем выписаться отсюда, попросил нас вернуться на Этлу-Больную и завершить работу, прерванную войной. Мы так и поступили, и, как вы сами видите, местная ксенофобия улетучилась вместе с другими болезнями, насаждавшимися императором. Теперь это планета как планета, вполне здоровая.

Наступила долгая пауза, которую нарушила Мерчисон:

— Знаете, я тоже люблю счастливые развязки, и мне не хотелось бы омрачать здешнее благоденствие. Но насколько вы уверены в том, что эта местность с точки зрения экологии вполне благополучна? Да, я знаю, что перекрестная инфекция невозможна, но не могло ли случиться так, что какая-то из болезней, которые создавались искусственно и распространялись насильственно, мутировала до такой стадии, что сумела преодолеть видовой барьер? Или давайте предположим, что Телтрэнн от злости, страха и отчаяния взял да и выстрелил биологическим оружием по тем,

кто прежде был ему верен? Зарядное устройство не сработало, и вреда это оружие никому не принесло, вот только могло инфицировать маленького Хьюлитта...

Мерчисон умолкла, так как из динамика донеслось специфическое гудение: на связь вышел капитан Флетчер.

— Доктора, — сказал он, — я завершил изучение вашего химического оружия и вынужден признать, что вы все ошибаетесь. У снаряда имеется несколько характеристик, заставляющих предположить, что перед нами — биологическое оружие, но мы произвели реконструкцию элементов курса, заложенных в систему управления, которая, правда, повреждена за счет близости к месту ядерного взрыва, и убедились, что настоящая цель снаряда находилась примерно в шестидесяти милях отсюда к северо-западу — ненаселенная, гористая область, поросшая густыми лесами. Вряд ли бы ее в ближайшие годы заселили. На самом деле, согласитесь — довольно странная цель для биологического оружия. Кроме того, снаряд явно не этланского производства. Он представляет собой устройство, смонтированное в Федерации, хотя и несколько модернизированное.

Кое-что еще, — продолжал Флетчер, как бы предвидевший возможные вопросы. — Вещество, подлежащее распространению, помещалось в тонкостенном пластиковом контейнере, достаточно прочном для того, чтобы сохранить целостность при мягкой посадке на парашютах, но недостаточно — для того, чтобы выдержать сильный удар и давление тяжелого предмета. Патолофизиолог Мерчисон уже говорила, что внутренняя поверхность фрагментов контейнера покрыта слоем питательного раствора. Результаты моего исследования, в ходе которого я пытался определить форму, размеры и расположение фрагментов контейнера, указывают на то, что по нему ударило крупное тело, скорее мягкое, нежели твердое — не камень, не кусок металла из тех, что валяются по соседству. Скорее всего удар по контейнеру нанес упавший с дерева ребенок.

Все собравшиеся на медицинской палубе как замороженные смотрели на динамик переговорного устройства.

Все замерли, только шерсть Нэйдрад шевелилась. Флетчер откашлялся.

— Есть еще один интересный факт. Механизм взрывателя, который должен был открыть контейнер, представлял собой точнейшие атомные часы, заведенные на срок более ста лет.

Хьюлитт не понимал, что означает то, о чем рассказывает капитан, но одно ему было ясно. Всю жизнь его считали ипохондриком, страдающим избытком воображения, и теперь он не мог более молчать.

— Теперь-то уж вам придется мне поверить, — проговорил Хьюлитт и расхохотался. — Сам не знаю, над чем я смеюсь, но ведь теперь ясно, что, когда я был маленький, я тут что-то подхватил, а теперь никто...

Он не договорил — Приликла опустился на пол, его тельце и лапки сильно дрожали. Мерчисон бросала на всех поочередно укоряющие взгляды. Хьюлитт вспомнил, что Нэйдрад частенько поговаривала о том, что, когда чьи-то эмоции вот так действуют на начальство, Мерчисон проявляет бурные материнские чувства.

— Кому бы ни принадлежали эмоции, — взорвалась Мерчисон, — держите себя в руках!

Дрожь Приликлы немного утихла. Он сказал:

— Друг Мерчисон, не стоит волноваться. Я сам утратил самообладание. Я думал о Лонвеллине, думал о выпавших зубах друга Хьюлитта и почувствовал себя очень, очень глупо. Но теперь, надеюсь, я обрел власть над собой. Друг Флетчер!

— Доктор, — отозвался капитан.

— Нам следует немедленно вернуться в Главный Госпиталь Сектора. Энергетический отсек, готовьтесь ко взлету — нам нужно будет взлететь, как только вернутся капитан Флетчер и доктор Данальта. Связист, сообщите в госпиталь о том, что может иметь место многоплановая неспецифическая аллергическая реакция на фоне межвидовой инфекции. Заболеванием могут страдать пациенты Хьюлитт и Морредет. Они нуждаются в дальнейшем клиническом обследовании. Посоветуйте всем медикам и пациентам,

вступавшим в физический контакт с поименованными пациентами, приступить к карантину, обеспечиваемому ношением легких защитных оболочек. Сотрудники должны надевать такие оболочки, когда занимаются лечением, а пациенты — тогда, когда их лечат. Если у сотрудников будут зарегистрированы легкие недомогания в виде головной боли или мышечной слабости, им ни в коем случае нельзя получать или самостоятельно принимать какие-либо медикаменты в виде инъекций. Пациентам, проходящим назначенный курс лечения, не следует назначать каких-либо новых препаратов. Дальнейшие указания будут даны тогда, когда будет закончено обследование пациента Хьюлитта.

Доктор Стиллман. — Эмпат посмотрел на землянина. — Пока вы возвращались из оврага, я подготовил для вас видеозапись — она отредактирована, и все, что напрямую не относится к нашей миссии, стерто. Это запись консилиума диагностов перед нашим вылетом на Этлу. Просмотрев ее, вы получите ответы на многие вопросы, которых мы до сих пор избегали. В свете изложенных в записи сведений полковник Шеч-Рар и вы вольны предпринять такие действия, какие сочтете необходимыми. Но поскольку, как вы знаете, за двадцать с лишним лет, прошедших со времени контакта Хьюлитта с содержимым контейнера, больше ни у кого таких симптомов не наблюдалось, риск для вас невелик. В настоящее время нам на Этле больше делать нечего и нужно безотлагательно улететь.

— Друг Нэйдрад, — торопливо проговорил Приликла, — нам предстоит четырехдневный гиперпрыжок до госпиталя. Следовательно, у нас будет достаточно времени для того, чтобы провести полное клиническое обследование и проверить реакцию пациента на весь спектр лекарственных препаратов, применяющихся при лечении ДБДГ, включая и те, что уже применялись, но были отменены из-за аллергической реакции. Если возникнет экстренная ситуация, переходите к непрерывному мониторингу третьего уровня...

— Но погодите, я не понимаю! — умоляюще вскричал Стиллман. — Лонвеллин погиб. Его корабль испарился вместе с ним задолго до того, как родился Хьюлитт.

— Если вы не хотите совершить незапланированное посещение Главного Госпиталя Сектора, друг Стиллман, — сказал Приликла, услышав, как поднимаются по трапу Даналята и Флетчер, — вам следует незамедлительно покинуть борт «Ргабвара». Сейчас нет времени объяснять, но я непременно вышлю вам и полковнику копии наших отчетов. Прошу вас извинить меня за поспешность и плохое гостеприимство, благодарю вас за помощь, и до свидания.

Хьюлитт дождался того момента, когда офицер Корпуса Мониторов исчез за дверью служебного выхода, и воскликнул:

— Между прочим, я тоже не понимаю, что тут происходит, черт побери! С какой это стати вы намерены тестировать на мне медикаменты, от которых я когда-то чуть концы не отдал?

— Возьмите себя в руки, пациент Хьюлитт, — успокоил его Приликла. — Не думаю, что вам грозит серьезная опасность. Прошу вас, возвращайтесь в постель и не вставайте до тех пор, пока я вам не разрешу. Сейчас мы окружим вашу кровать звукоизоляционным экраном и приступим к совещанию. Излагаемые в ходе совещания мысли и предлагаемые процедуры вас могут разволновать.

Глава 22

Хьюлитт не спускал глаз с мерцающей серой тьмы гиперпространства в иллюминаторе и ждал, что с ним случится что-нибудь кошмарное. Он не смотрел ни на кого из медиков, потому что те следили за ним и тоже чего-то ожидали, улыбаясь или выражая ему поддержку иными способами. Вот только количество окружавшей Хьюлитта аппаратуры и число присоединенных к нему датчиков его вовсе не подбадривало.

— Вы сказали, что мне нельзя вводить никаких лекарств, — обратился Хьюлитт к Мерчисон, когда та взяла

очередной шприц и ввела ему мизерную дозу какого-то вещества. — А теперь, похоже, испытываете на мне все ваши запасы. Почему, проклятие?!

Патофизиолог пристально смотрела на Хьюлитта минуты три, после чего ответила:

— Мы передумали. Как вы себя чувствуете?

— Нормально, — буркнул Хьюлитт. — Все как было, вот только голова немножко кружится. А как я должен себя чувствовать?

— А нормально, и голова немножко кружится, — повторила Мерчисон и улыбнулась. — Я вам ввела легкое успокоительное. Оно поможет вам расслабиться.

— Вы же помните, что произошло, когда доктор Медалонт попробовал дать мне успокоительное.

— Помню, — кивнула Мерчисон. — Но мы уже вводили вам и это успокоительное, и некоторые другие лекарства в микроскопических дозах и не заметили никаких признаков ваших прежних аллергических реакций. Сейчас я испытываю действие другого препарата — нового, которого не было в арсенале врачей на вашей родной планете. Что вы сейчас чувствуете?

— Пока ничего особенного, — ответил Хьюлитт и тут же добавил: — Нет, постойте! Место укола онемело. Что происходит?

— Ничего такого, о чем вам следовало бы тревожиться, — заверила его патофизиолог, а Приликла подлетел поближе. — На этот раз я испытываю действие местного обезболивающего средства. Судя по показаниям монитора, параметры ваших жизненно важных функций оптимальны. Но не ощущаете ли вы каких-либо еще симптомов? Покалывания кожи, общего недомогания, каких-либо еще явлений — пусть субъективных, которыми ваше подсознание предупреждает вас о возможной беде?

— Нет, — честно признался Хьюлитт.

Приликла произвел мелодичное непередаваемое треньканье и сказал:

— Пациент вежлив, он пытается сдерживать сильнейшие чувства — любопытство, тревогу, замешательство и раздра-

жение. Вероятно, если мы удовлетворим его любопытство, остальные три чувства пойдут на убыль. У вас есть вопросы, друг Хьюлитт? На некоторые из них я бы мог ответить уже сейчас.

«Но не на все», — злорадно подумал Хьюлитт и очень удивился, когда, не дав ему и рта раскрыть, заговорила Мерчисон.

— Между прочим, сэр, у нас всех хватает вопросов, — возмутилась патофизиолог, глянув по очереди на Нэйдрад, Данальту и вернувшись взглядом к Приликле. — Что, к примеру, за разговорчики про бывшего пациента, погибшего больше двадцати пяти лет назад? А с какой стати вы рекомендовали принять в госпитале меры карантинной предосторожности в отношении межвидовой инфекции, в то время как нам известно, что такое в принципе невозможно? Зачем потребовалось срочное возвращение в госпиталь и назначение целой батареи тестов пациенту Хьюлитту?

— Вот я то же самое хотел спросить, — выдохнул Хьюлитт.

Приликла предусмотрительно опустил на пол и сказал:

— Между пациентами Лонвеллином и Хьюлиттом отмечается сходство, в особенности в плане первичной негативной и последующей позитивной реакции на назначаемые лекарства. Может быть, я и ошибаюсь и это сходство случайно. Так это или иначе, но я непременно должен это выяснить прежде, чем мы вернемся в госпиталь. Пациент Хьюлитт может быть обследован, а вот пациент Лонвеллин — увы, нет.

Мерчисон покачала головой.

— Лично — да, не может. Но если вы хотите осуществить сравнение, почему бы вам не запросить из архива его историю болезни?

— История болезни Лонвеллина исчезла во время этланской бомбардировки, — ответил Приликла. — Тогда отключился главный компьютер вместе с системой межвидового перевода...

— Это я помню, — буркнула Мерчисон — видимо, воспоминания были не из приятных. — Вот только ничего не помню о пациенте по имени Лонвеллин.

— ...И единственные записи об этом больном, — продолжал Приликла, — являются собой угасающие воспоминания диагностов Конвея и Торннатора и мои собственные, то есть воспоминания тех, кто был непосредственно занят лечением Лонвеллина. Поскольку он выздоровел и его смерть наступила ни в коем случае не вследствие нашего лечения, мы и не пытались восстанавливать его историю болезни по памяти. Не вините себя в том, что не помните пациента Лонвеллина. В то время вы были практиканткой последнего года обучения, еще не имевшей опыта в патофизиологии разных видов. Кроме того, вы собирались выйти замуж за Старшего врача Конвея, хотя, насколько я помню, ваше эмоциональное излучение, когда вы оказывались рядом по долгу службы, бывало довольно...

— Доктор, — проворчала Мерчисон, — мне кажется, наше эмоциональное излучение никого, кроме нас, не касается.

— Вряд ли, — возразил Приликла. — Тогда о ваших эмоциях знали все до единого в госпитале. Кстати говоря, всякий мужчина-ДБДГ в вашем присутствии ощущал подобные эмоции. Правда, эти чувства сменились завистью с тех пор, как вы с доктором Конвеем вступили в официальный брак. Думаю, что когда вы с ним оставались наедине, вряд ли вы вели длительные подробные дискуссии о своих пациентах.

— Вы правы, — подтвердила Мерчисон. Голос ее прозвучал мягко и нежно — казалось, она куда-то переместилась во времени и пространстве и ей там очень нравится.

Приликла немного помолчал, дав Мерчисон возможность насладиться воспоминаниями и вернуться в реальность, после чего продолжал:

— Те же сведения, о которых вы спрашиваете меня, я записал для Шеч-Рара и друга Стиллмана, и вы можете в любое время ознакомиться с оригиналом. Однако дилетанту было бы трудно разобраться, о чем шла речь на консилиуме диагностов, поэтому ради друга Хьюлитта я расскажу в упрощенном виде...

Лонвеллина обнаружили в полном одиночестве в бессознательном состоянии в неповрежденном корабле после того, как он выбросил аварийный маяк. Сначала версия была такова, что существо, попросившее о помощи, — преступник, повинный в убийстве, а возможно, и в каннибализме, поскольку перевод корабельных переговоров указывал на присутствие на борту еще одного существа — какого-то личного врача. Тот, вероятно, провинился перед своим работодателем. Однако никаких следов этого медика на борту не обнаруживалось. Поэтому до тех пор, пока не узнали правду, лечили пациента, обладавшего весьма внушительными размерами и устрашающим природным оружием, под наблюдением и в присутствии офицера Корпуса Мониторов.

Лонвеллин представлял собой теплокровное кислородышащее существо, относящееся к физиологической классификации ЭПЛГ. Его головной мозг находился под мощной броней — неподвижным костным куполом, в котором через равные промежутки размещались отверстия с органами слуха, зрения и обоняния. Куполообразный череп покоился на грушевидном бугорчатом туловище, а оно, в свою очередь, — на пяти укрепленных на уровне плеч щупальцах, четыре из которых заканчивались пучками ловких пальцев, а пятое — тяжелой костяной булавой, с помощью которой, вероятно, ее обладатель проторил себе путь по древу эволюции. Передвигался он ползком, но не сказать, чтобы медленно, пользуясь для передвижения широким мышечным лоскутом вокруг нижней части туловища.

ЭПЛГ поступил в госпиталь с подозрением на обширную запущенную эпителиому, охватившую почти все его тело, хотя рак кожи такого типа обычно не вызывал у пациентов бессознательного состояния. Лонвеллину сделали подкожную инъекцию специфического препарата, одобренного в соответствии с обменом веществ пациента, и первые результаты терапии оказались вполне удовлетворительными. Однако через несколько минут пациент выказал признаки физического беспокойства, и ему каким-то образом удалось нейтрализовать действие лекарства. В итоге состояние пораженной опухолевым процессом кожи вер-

нулось к начальному. Во время этого эпизода биодатчики зарегистрировали, что пациент находится без сознания и, судя по всему, не способен производить никаких движений. Поскольку назначенное пациенту лекарство оказалось неэффективным, приступили к хирургическому удалению пораженной кожи, но и это не дало желаемого результата. После удаления нескольких первых фрагментов опухолевой ткани остальные фрагменты разрослись и поразили внутренние органы, а их удаление было невозможно без угрозы для жизни пациента.

В надежде найти объяснение этой с клинической точки зрения невероятной ситуации, и в частности, того факта, что пациент таки реагировал физически на производимые процедуры, хотя и оставался без сознания и был не способен двигаться, Конвей решил изучить его эмоциональное излучение.

— Вот тогда-то я и подключился к обследованию Лонвеллина, — рассказывал Приликла. — И мы обнаружили, что внутри Лонвеллина находится еще одно разумное существо — отдельная, пребывающая в полном сознании личность, на которую не оказывали влияния лекарства, назначаемые пациенту, и чье присутствие не регистрировалось диагностической аппаратурой. Друг Конвей, основываясь на интуиции, которая, как известно, является одним из качеств, отличающих потенциального диагноста, предположил, что существо, о котором идет речь, слишком мало, но в то же время присутствует повсеместно в организме больного и именно поэтому не поддается обнаружению обычными методами. Он сформулировал гипотезу на основании данных обследования пациента, сведений, почерпнутых из записей бесед Лонвеллина и корабельного врача, а также на основании типа поведения больного, характерного для престарелых... а Лонвеллин был именно таким больным, хотя его вид и отличается редкостной продолжительностью жизни. С возрастом, как и любое другое стареющее существо, Лонвеллин был подвержен нарастающим физиологическим дегенеративным процессам — процессы происходили, несмотря на все попытки Лонвеллина под-

держивать свое физическое и умственное здоровье на оптимальном уровне. Дело в том, что он посвятил свою жизнь осуществлению крупномасштабных социологических миссий. Он, по всей вероятности, предвидел то время, когда на какой-нибудь отсталой планете появится нужда в услугах квалифицированного медика. Лонвеллин отдал всю свою долгую жизнь делу лечения планет, страдавших массовой заболеваемостью населения.

Но сравнительно недавно — недавно, поскольку существо было новичком и совершило ряд врачебных ошибок, — Лонвеллин обнаружил, а Конвей догадался, что внутри Лонвеллина находится некий странный целитель.

Этот целитель представлял собой разумную, высокоорганизованную колонию вирусов, живущих внутри организма-хозяина и поддерживающих этот организм в состоянии олимпийского здоровья, защищая его от болезнетворных микробов, а также стимулируя природные механизмы заживления физических травм. Однако это разумное существо пребывало внутри хозяина, который находился в бессознательном состоянии и, следовательно, был неспособен мыслить. Эмоциональное излучение целителя не могло спрятаться от такого опытного эмпата, как Приликла. Свою гипотезу Конвей проверил весьма оригинальным способом: предпринял грубую попытку физического воздействия на Лонвеллина — воздействия, которому Лонвеллин не смог бы противостоять средствами защиты, данными ему от природы. В тело пациента в той области, где располагался жизненно важный внутренний орган, была введена металлическая игла. Это спровоцировало вирус на ответные действия: он сконцентрировался в месте прокола и выстлал образовавшийся канал плотной органической пластиной, составленной из его собственного материала и небольшого количества тканей из организма Лонвеллина.

Как только этот процесс был завершен, Конвей хирургическим путем извлек вирус-целитель из тела Лонвеллина. Оказалось, что масса вируса в концентрированном состоянии не больше сжатого кулака взрослого человека. Затем Конвей поместил вирус в контейнер для последую-

щего изучения. Лечение Лонвеллина возобновили, и в дальнейшем процессе его выздоровления больше не мешал внутренний целитель.

В основе бедственного состояния Лонвеллина оказалась грубая ошибка его личного медика. Вирус, пытаясь поддержать своего клиента в наилучшей форме, старался всеми силами сохранить отваливающиеся кожные чешуйки, которые у Лонвеллина, как и у всех других ЭПЛГ, периодически отмирали, а на их месте образовывались новые. Ошибку вируса-целителя можно было понять и простить, поскольку, несмотря на то что и он, и его носитель Лонвеллин были существами высокоразвитыми, прямого общения между ними не происходило, а имел место только едва осязаемый обмен эмоциями.

Несмотря на допущенную вирусом-целителем ошибку, Лонвеллин простил его и настаивал на том, чтобы того вернули на его законное место внутри его тела. В Главном Госпитале Сектора с огромным удовольствием бы исследовали эту уникальную форму жизни, но фактически вирус-целитель относился к промежуточной категории, то есть являлся одновременно и разумным существом, и заболеванием, поэтому просьбу Лонвеллина удовлетворили. Лонвеллин и его личный врач отправились на Этлу-Большую, где впоследствии Лонвеллин погиб. В то время все думали, что вирус-целитель погиб вместе со своим хозяином-пациентом. Такой точки зрения придерживались диагносты на тот день, когда было принято решение отправить «Ргабвар» на Этлу в надежде найти объяснение тому, что всю жизнь происходило с Хьюлиттом и случилось с Морредет.

Но теперь мы знаем — Лонвеллин предвидел возможность собственной гибели. — Приликла по очереди оглядел всех присутствующих. — И он решил сохранить жизнь своему разумному симбионту. Общение Лонвеллина с вирусом-целителем носило ограниченный характер, однако я думаю, что известие о ядерном взрыве побудило Лонвеллина изгнать вирус из своего тела и поместить в спасательный контейнер, который был затем помещен в спасательный снаряд. Контейнер был оборудован реле времени — часа-

ми, заведенными на сто лет спустя катастрофы, — наверное, Лонвеллин надеялся, что к этому времени будет покончено и с войной, и с местной ксенофобией. Но, видимо, ядерный взрыв произошел через несколько секунд после старта спасательного снаряда, и снаряд получил повреждение, а вирус был выпущен на волю раньше времени, когда на контейнер упал свалившийся с дерева ребенок.

— Так вот что со мной произошло, — ошарашенно вымолвил Хьюлитт. От чувства облегчения, вызванного тем, что наконец-то найдено объяснение его так называемой ипохондрии, он громко рассмеялся.

— Так вы хотите сказать, что я заразился не болезнью, а... каким-то треклятым... доктором?!

Глава 23

— Я пришел именно к такому выводу, — сказал Приликла, — когда сравнил ваши молочные зубы, не желавшие выпадать, с чешуйками Лонвеллина, пускавшими корешки и не желавшими отслаиваться. И если теперь мы предположим, что все, что вы нам рассказывали, правда, то давайте попробуем уложить имеющиеся факты в нашу новую гипотезу.

Вы взобрались на дерево, — продолжал размышлять Приликла, — съели там ядовитый плод, а потом упали на дно ущелья. Вы должны были бы погибнуть как от травмы вследствие падения с большой высоты, так и от количества потребленного вами яда. Однако произошло следующее: при падении вы приземлились на спасательный снаряд, нарушили целостность контейнера, в котором находился вирус-целитель, и тот внедрился в ваше травмированное тело. Обнаружив, что вы можете стать для него подходящим носителем и что вам грозит гибель, вирус принялся за дело — ликвидировал физические повреждения и стимулировал природные механизмы дезинтоксикации в целях нейтра-

лизации яда. Видимо, это вирусу удалось проделать очень быстро, так как в то время масса вашего тела составляла примерно одну двадцатую от массы предыдущего вирусоносителя. Как и почему это было проделано, мы не знаем и не узнаем до тех пор, пока не разработаем метод общения с вирусом-целителем более точный, нежели эмпатия.

Лично у меня такое чувство, — чуть подумав, добавил Приликла, — что вирус-целитель не в состоянии долгое время существовать сам по себе, что длительность его существования зависит от размера и продолжительности жизни носителя. Получая необходимые сведения на основании изучения клеточного материала, вирус-целитель способен не только увеличивать продолжительность жизни как своего носителя, так и свою собственную, но одновременно поддерживать прекрасное здоровье своего хозяина. Однако деятельность вируса нельзя назвать непогрешимой. Он не способен понять, что бывают времена, когда организм носителя должен претерпевать изменения. В случае с Лонвеллином это выразилось в том, что у него не желали отваливаться отмирающие чешуйки, а в вашем случае никак не выпадали молочные зубы и вдобавок имели место аллергические реакции на все медицинские препараты.

Но есть данные в пользу того, что вирус-целитель находится под частичным контролем со стороны своего носителя, — сказал Приликла и умолк.

То ли эмпат специально сделал паузу, дабы послушать, что скажут его коллеги, то ли подыскивал нужные слова, то ли просто дал своему речевому органу отдохнуть.

— Например, — вновь защелкал Приликла, так и не дождавшись от коллег ни слова, — возьмем случай с раненой кошкой. Вы испытывали к этому животному сильную эмоциональную привязанность — настолько сильную, что взяли зверька к себе в кровать в надежде, что, приласкав его, сумеете вылечить. Ваше желание вылечить зверька было настолько ярким, что заставило вирус внедриться в котенка, излечить его от множественных травм и за ночь вернуть ему полное здоровье, после чего вирус вернулся к тому носителю, которого посчитал более живучим.

Много лет спустя, — продолжал эмпат, — когда вы подружились с пациенткой Морредет и вас поразила глубина страданий, на которые она была обречена до конца своих лет из-за повреждения шерсти, случилось так, что вы вошли с ней в физический контакт, и произошло то же самое.

— Но я вовсе не думал, что что-то такое случится! — запротестовал Хьюлитт. — Все вышло случайно — я просто прикоснулся руками к ее шерсти, вот и все!

— Несмотря на то что травма не угрожала жизни Морредет, — пояснил Приликла, не обратив внимания на протесты Хьюлитта, — кельгианка вернулась к номинальному физическому состоянию, и ее увечье было ликвидировано целиком и полностью — как и травмы у вашего котенка. Однако в отличие от происшествия с вашим домашним животным вирус-носитель не вернулся после этого в ваше тело. Почему он этого не сделал?

Хьюлитт счел вопрос риторическим и промолчал — впрочем, как и все остальные.

— Любому живому организму свойственно эволюционировать, — продолжил излагать свои соображения Приликла, — а существам, наделенным разумом, присуще желание искать новые знания и приобретать новый опыт. Теперь я совершенно уверен в том, что за последние двадцать пять лет бывший личный врач Лонвеллина эволюционировал. Вероятно, происшедшие с ним перемены были каким-то образом связаны с ядерным взрывом, хотя обычно ядерное излучение тормозит процесс органического роста. А может быть, имел место нормальный процесс эволюции — конечно, насколько может быть нормальным процесс эволюции у колонии вирусов. В любом случае у вируса-целителя произошли четкие изменения в сторону роста чувствительности как эмпатии, так и реакции на внешние события. Ведь только три молочных зуба у вас, друг Хьюлитт, отказывались выпадать. Затем зубы вели себя нормально, и многие из ваших болезненных состояний быстро проходили и больше никогда не возвращались. Из-за этого, как мы теперь понимаем — ошибочно, ваши болезни приписывались избытку воображения. Совершенно справедливо поступали лечившие вас медики как на Земле,

так и в нашем госпитале, когда отказывались рисковать и назначать вам лекарства, на которые у вас уже имелась в прошлом аллергическая реакция. Но если бы они все же отважились пойти на такой риск, то к тому времени ваш симбионт, успевший обзавестись достаточными познаниями о вашем обмене веществ, уже знал бы, что поступающее в ваш организм лекарство для вас безвредно, и ваша реакция на введение новой дозы была бы нормальной.

Поведение вируса-целителя во время вашего пребывания в госпитале показало значительные изменения. — Все три пары радужных крыльев цинрусскийца затрепетали. — В отличие от существа мне знакомого, эмоциональное излучение которого характеризовалось большей частью страхом и желанием как можно скорее вернуться в тело Лонвеллина, вирус теперь ведет себя так, словно ему хочется побывать и в других телах. Вероятно, вы его больше не устраиваете в качестве носителя.

— В сложившихся обстоятельствах, — саркастично проговорил Хьюлитт, — я ему благодарен.

Приликла проигнорировал его замечание и заговорил вновь:

— Не исключено, что за четверть столетия, пока вирус обитал в вашем теле, оно ему прискучило, и он решил найти себе носителя поинтереснее, чем ДБДГ, — для чего Главный Госпиталь Сектора оказался поистине идеальным местом. Но мне кажется, поскольку сам вирус отличается большой продолжительностью жизни, он склонен подыскивать для своего обитания существ-долгожителей вроде Лонвеллина. Вот почему, погостив в организме вашего котенка, он вернулся к вам, как только завершил свою работу. А после того, как он проник в организм Морредет, восстановил ее волосяной покров, он не вернулся к вам, а может быть — не имел возможности вернуться в той суеде, которая началась тогда ночью. Но и в организме Морредет вирус-целитель не остался. Я это точно знаю, потому что перед нашим отлетом обследовал Морредет. Я наблюдал за вами все время, пока вы находитесь на «Ргабваре». Результаты этих наблюдений вкупе с итогами тестов, проводи-

мых в течение последних четырех дней, указывают на то, что вируса-целителя в настоящее время внутри вас нет. Не было его и внутри вашей старенькой кошки.

На данный момент перед нами стоит очень важный вопрос — вопрос, не терпящий отлагательства, — заключил Приликла. — В ком сейчас поселился вирус-целитель и какие у него планы на будущее?

Радость Хьюлитта не знала границ — еще бы, наконец-то он освободился от своего непрошеного жильца, но одновременно в его душу закралось сомнение: а так ли уж ему повезло на самом деле?

Все пристально смотрели на него. По выражению «лица» Данальты вообще ни о чем догадаться было нельзя. В глазах Мерчисон искрилась улыбка, шерсть Нэйдрад ходила невысокими, плотными волнами, а Приликла — Приликла дрожал, но он, собственно, дрожал с тех самых пор, как начал свой рассказ. Хьюлитт решил, что радоваться рановато.

— А не может ли быть так, — осторожно проговорил он, — что вирус научился прятать от вас свои эмоции?

— Нет, — без тени сомнения ответил эмпат. — Вне зависимости от того, разумно ли органическое существо или нет, оно имеет чувства, и даже у самых мелких и наименее развитых в умственном отношении существ проявляются сильнейшие эмоции. А я помню, что эмоциональное излучение личного врача Лонвеллина было характерно для высоко развитого разума. Ни одно думающее, а следовательно — и чувствующее существо не в состоянии утаить от меня своих эмоций. Это под силу только неорганическому компьютеру — потому что у него нет никаких эмоций.

Постарайтесь не волноваться, друг Хьюлитт. — Тельце эмпата задрожало сильнее. — В прошлом вирус-целитель совершал ненамеренные ошибки, однако и Лонвеллин, и ваш котенок к тому времени, когда вирус их покинул, пребывали в добром здравии. Живым доказательством того, о чем я говорю, является кошка, прожившая вдвое дольше, чем могла бы. Согласно моему прогнозу, вы — исключая несчастные случаи — также обречены на долгую здоровую жизнь.

— Спасибо, доктор, — сказал Хьюлитт и рассмеялся. — Но может быть, я что-то упустил? Почему вы так серьезно относитесь к тому, где поселился вирус — вернее, в ком, — если считаете, что он совершенно безвреден и работает на совесть? Просто у вас в госпитале появился еще один умопомрачительный медик, вот и все. Что тут такого страшного?

Мерчисон не улыбнулась, желеобразное тело Данальты дрогнуло, а шерсть Нэйдрад заходила неровно и беспорядочно. Приликле тоже явно не понравилась шутка Хьюлитта.

— Действительно, вирус-целитель не намерен никому чинить вреда, — согласился Приликла, — но, с другой стороны, он ведь и вам не желал ничего дурного, а вызвал медицинскую неразбериху и вашу депрессию на протяжении двадцати лет. В настоящее время, судя по всему, он склонен экспериментировать, как можно чаще меняя носителей, а мысль о том, что он может натворить в госпитале, где на лечении находится такое многообразие пациентов, просто пугает.

На миг у Хьюлитта закружилась голова. Корабль вынырнул из гиперпространства. В иллюминаторе чернело обычное небо и горели разноцветные огни Главного Госпиталя Сектора. Оказалось, что в сторону госпиталя смотрит только Хьюлитт.

— Прежде всего мы должны будем найти и изолировать теперешнего носителя вируса, — сказал Приликла. — Затем надо будет удалить из него вирусную массу, а потом научиться разговаривать с этим существом, не располагаящим другими средствами коммуникации, кроме улавливания и излучения эмоций. Каким-то образом нужно будет разработать устройство для двусторонних переговоров с вирусом-целителем и заверить его в наших наилучших намерениях, после чего в процессе бесед с ним выяснить, какова его эволюционная история, физиология, каковы физические и психологические потребности, а самое главное — каковы механизмы и частота его размножения. Если все пойдет хорошо, а только на это нам и остается надеяться, мы должны будем решить, позволить ли потомству вируса внедриться в новых носителей.

Следует упомянуть о том, что личный врач Лонвеллина, Морредет и ваш, — продолжал Приликла, обращаясь к Хьюлитту, — может сделать так, что все остальные доктора останутся без работы. Он единственный представитель поистине уникальной формы жизни, и если его сородичи способны размножаться в достаточном количестве и существовать внутри других существ, не принося им особого вреда, то на долю медиков Галактической Федерации останутся только крупные катастрофы да срочные хирургические вмешательства.

Все не сводили глаз с эмпата. Бушующие в душах собравшихся эмоции вынудили Приликлу в который раз спланировать на пол. Хьюлитт терялся в догадках. То, о чем только что сказал Приликла, по идее, должно было несказанно обрадовать любого преданного делу медика. Почему же тогда у Хьюлитта засела в голове неотвязная мысль, что Приликла хотел каким-то образом подбодрить и остальных, и самого себя и у него это не получилось? Первым нарушил молчание Хьюлитт.

— Мне очень жаль, если у вас пока еще есть сложности, — сказал он. — Мне не хотелось бы выглядеть эгоистом, но у меня еще осталось несколько вопросов. Если вирус-целитель покинул меня, если ваши тесты показывают, что я больше не страдаю аллергией, означает ли это, что я совершенно здоров? И если так, то могу ли я, вернувшись на Землю, общаться с женщинами в плане... гм-м-м...

— Сможете-сможете, — заверила его Мерчисон. — Но только на Земле, не раньше.

Хьюлитт облегченно вздохнул. Ему хотелось горячо поблагодарить всех присутствовавших за все, что они для него сделали. Пусть поначалу они ему и не верили, но ведь они не отказались от него, как это сделали земные доктора. Но нужные слова как-то не приходили в голову. Он только и сумел сказать:

— Значит, моим несчастьям конец.

— Ваши несчастья, — пробурчала Нэйдрад, — только начинаются.

— Вот речи истинного пессимиста, — начал было Хьюлитт, но его прервал голос связиста, послышавшийся из динамика переговорного устройства:

— Доктор Приликла, госпиталь передает запись распоряжения, кодированного по третьей степени срочности, на всех частотах, за исключением внутрибольничных. Распоряжение гласит, что всем прибывающим кораблям, на борту которых нет пациентов в критическом состоянии, следует отправляться в ближайшие профильные больницы. Приему в госпиталь на лечение подлежат только тяжелобольные с подтвержденным диагнозом. Прибывающим транспортным кораблям даются указания размещаться около причалов и готовиться к возможной массовой эвакуации всех пациентов и персонала. Говорят, что якобы что-то стряслось с энергетическим обеспечением и теперь эксплуатационники с этим делом разбираются.

Пытаюсь найти хоть кого-нибудь, кто бы втолковал мне, что там, черт бы их побрал, происходит...

Глава 24

Хьюлитт вернулся в Главный Госпиталь Сектора, но на этот раз уже не в качестве пациента, и поместили его не в седьмую палату. Ему отвели личную комнату, предназначенную для землян-ДБДГ. Поскольку в свое время ему разрешили захватить с собой только самое необходимое, в комнате было пусто, но при всем том довольно удобно. Его снабдили комплектом больничной одежды, в который, помимо шлема и хирургических перчаток, входил легкий скафандр. Все прямые контакты с другими существами ему были запрещены, но шлем разрешили не закрывать, так как разумный вирус воздушно-капельным путем не распространялся. Хьюлитту велели не ходить по госпиталю в одиночку, а только в сопровождении кого-нибудь из медиков «Ргабвара» или сотрудника Отделения Психо-

логии. В результате в первые три дня его сопровождали и расспрашивали настолько интенсивно, что к себе он попал, только чтобы поспать.

Остаться в госпитале Хьюлитт согласился с большой неохотой. Ему просто было трудно отказать Приликле, когда тот попросил его задержаться и помочь в поисках нынешнего носителя целебного вируса. Если считать всех пациентов и сотрудников, вирус мог найти для вселения десять тысяч «квартир». Когда же Хьюлитт принимался доказывать, что толку от него тут никакого и лучше было бы отпустить его домой, Приликла мягко и ненавязчиво менял тему разговора.

На четвертый день рано утром к Хьюлитту заглянул Брейтвейт и пригласил его к Главному психологу на совещание, которое, по мнению Брейтвейта, было совершенно бесполезным. Как только они вошли в кабинет, Хьюлитт сразу понял, что все ждали его.

— Мистер Хьюлитт, я диагност Конвей, — представился высокий мужчина, черты лица которого за стеклом шлема были видны не слишком отчетливо. — Ради вас я постараюсь описать положение дел как можно проще — надеюсь, упрощение вас не обидит. Прошу вас, слушайте внимательно и, пожалуйста, если вам что-то будет непонятно, прерывайте меня и задавайте вопросы.

Во избежание ненужных сплетен и паники среди сотрудников госпиталя, — Конвей обвел собравшихся многозначительным взглядом, — я предлагаю, чтобы все, что касается настоящего исследования и его объекта, оставалось известно только тем, кто здесь сейчас присутствует, то есть тем, кому хоть в какой-то степени ясно, что именно мы ищем, ну и естественно, сотрудникам старшего звена, которые уже в курсе существующей проблемы.

Чуть позже Хьюлитт понял, что предложение диагноста — не что иное, как прелюдия к его сообщению.

— Хотя маловероятно, что мы обнаружим искомое существо в его естественном облике, — продолжал Конвей, — который в последний раз, когда я его видел, являл собой кусок розоватого прозрачного желе размером с мой кулак — правда,

такая окраска могла быть связана с небольшой кровопотерей, произошедшей при изъятии этого существа из тела Лонвеллина...

Хьюлитт решил, что майор О'Мара — это пожилой мужчина с каменным лицом в форме офицера Корпуса Мониторов, сидевший за большим письменным столом. Рядом с О'Марой стоял Брейтвейт, а напротив устроилась медицинская бригада «Ргабвара». Все, включая Приликлу, были одеты в легкие скафандры. Эмпату пришлось обзавестись антигравитационным устройством, поскольку его крылья были плотно прижаты скафандром. Кроме Нэйдрад, отыскавшей для себя удобное сиденье, все стояли и молча слушали Конвея.

— У нас в свое время не было возможности подробно исследовать этот вирус, — пояснил Конвей. — Поскольку он является разумным созданием, нам требуется его разрешение на проведение скрупулезного и, вероятно, небезопасного исследования. В нашем распоряжении имелся единственный канал связи — эмоциональное излучение вируса, благодаря которому поступила точная информация об испытываемых им чувствах, но, увы, никаких клинических сведений. Когда Лонвеллин настоял на том, чтобы его личного врача ему безотлагательно вернули, произошла реабсорбция вирусной массы через слизистую оболочку ротового отверстия за восемь и три десятых секунды. За исключением наличия двух источников эмоционального излучения и увеличения массы тела Лонвеллина ровно настолько, сколько весил сам вирус-целитель, больше ничто не указывало на присутствие целителя внутри носителя.

Между тем теперь нам надо обнаружить этого необнаружимого паразита, — вздохнул Конвей, — и притом быстро. Речь идет о разумном существе, которое до сих пор пыталось приносить пользу, хотя в случае с Хьюлиттом эти попытки вызвали длительные физические и психологические аномалии. Мы не можем позволить существу, способному преодолевать видовой барьер и не располагающему медицинскими познаниями, кроме весьма ограниченного личного опыта, свободно гулять по госпиталю, где лечатся и работают представители множества видов.

Конвей умолк, обвел взглядом всех присутствующих и ненадолго задержал его на Хьюлитте. Когда он заговорил вновь, голос его прозвучал спокойно, однако излучаемые им эмоции заставили Приликлу ощутимо задрожать.

— Важно, чтобы мы сузили рамки поиска, — сказал Конвей. — Этого можно добиться либо исключением определенных индивидуумов и групп, способных являться потенциальными носителями вируса, либо путем сосредоточения наших усилий на поиске вероятностей. Сотрудники Отделения Психологии уже занимаются изучением больничных сплетен в надежде на то, что им удастся выловить слухи о каких-нибудь пациентах, у которых на фоне проводимого лечения наступило внезапное ухудшение, или о тех, у кого, напротив, наступило улучшение без видимых причин. Психологи будут передавать нам поступающие сведения для того, чтобы мы незамедлительно приступали к клиническому обследованию таких пациентов. Однако в госпитале и ухудшение, и улучшение состояния больных случается и без помощи нашего разумного вирусного друга.

Скажите, — обратился к Хьюлитту Конвей, — у вас как у бывшего носителя вируса с длительным личным опытом, так сказать, общения с этим существом есть какие-либо предложения, которые могли бы нам помочь?

Будучи единственным непрофессионалом в кабинете, Хьюлитт удивился, что первый вопрос был адресован ему. Он гадал — то ли диагност Конвей проявляет вежливость, то ли пребывает в полном отчаянии.

— Но ведь я даже не знал, что вирус живет во мне, — пробормотал Хьюлитт. — Мне очень жаль.

Тут впервые подал голос О'Мара:

— Что-то вы знать должны, хотя можете и не понимать, что вам что-то известно. Случалось ли вам ощущать какие-то мысли или чувства, которые представлялись вам в момент их ощущения чужими? Случалось ли рассматривать людей, предметы или события с точки зрения как бы не своей? Не припомните ли странных или страшных снов, собственного нетипичного поведения? Вирус целиком оккупировал ваше тело, но при этом был физически не обна-

ружен, но ваше сознание или хотя бы подсознание должно было догадываться о его присутствии. Есть ли у вас какие-нибудь воспоминания такого рода? Подумайте как следует.

Хьюлитт покачал головой:

— Большую часть времени я чувствовал себя очень хорошо, но порой злился, когда недомогал, а мне никто не верил. Теперь я знаю, почему со мной происходило такое. Но ведь это... существо находилось внутри меня почти всю мою жизнь, поэтому я и не знаю, как бы я себя почувствовал, если бы оно исчезло. Как видите, толку от меня маловато.

— Вы не слишком хорошо подумали, прежде чем ответить, — сухо отозвался О'Мара.

— Друг Хьюлитт, — проговорил Приликла, разделивший с бывшим вирусоносителем чувство смущения и обиды и пожелавший эти чувства унять, — мы понимаем, что заданный вам вопрос не слишком оправдан, поскольку вирус-целитель не поддается обнаружению по самой своей природе. Но подумайте вот о чем. Больше двадцати лет внутри вас обитало существо, обладавшее способностью к чтению вашего генетического кода. Это существо, после того как вы смертельно отравились, получили серьезнейшие травмы после падения с дерева и во время авиакатастрофы, вернуло вам полное здоровье. Вероятно, это происходило как следствие того, что вирус стремился сохранить жизнь себе, что его эволюционные императивы диктовали ему необходимость существовать внутри здорового и долгоживущего носителя. Не исключено также, что ваш друг получает радость и удовлетворение, адаптируясь к новым формам жизни. Но может быть, здесь есть и нечто большее. Возможно, таким высокоразвитым разумным существом движет вовсе не эгоизм, а благодарность, справедливость, альтруизм. Вирус-целитель откликается на ваши эмоции — по крайней мере на простые и сильные, хотя чувства, которые вы испытали в период полового созревания, по всей вероятности, очень обескураживали целителя — обескураживали не меньше, чем вас. Кое-какие из охвативших вас в свое время чувств, вроде сострадания к умирающему котенку и к пациентке Морредет, целитель понял настолько хорошо, что сумел оказать медицинскую помощь этим существам.

Почему он так поступил? — продолжал размышлять вслух Приликла. — Потому ли, что воспользовался представившейся возможностью исследовать новую для него форму жизни? Или потому, что разделил с вами сострадание? Как бы то ни было, после его стараний котенок остался жив и здоров и приобрел небывалую продолжительность жизни. И вы, и пациентка Морредет были оставлены вирусом в добром здравии. Нам бы хотелось понять почему. Если у друга О'Мары возникнут какие-либо соображения по поводу мотивации действий этого существа, нам будет легче обнаружить и поймать его...

— Я бы помог, если бы мог... — промямлил было Хьюлитт, но Главный психолог поднял руку.

— Нам известно, — отчеканил О'Мара, — что это разумное существо обитало в вашем теле. Вероятно, оно пользовалось вашими органами чувств, поскольку осознавало, пусть и не слишком хорошо, что происходит в окружающем вас мире. Во время случаев с котенком и пациенткой Морредет вирус находился под влиянием ваших эмоций. Я понимаю, вам трудно сравнивать — для этого нет ни физической, ни психологической базы. Но если вы делили с вирусом органы чувств и эмоции, логично предположить, что процесс этот был обоюдным, и у вас должны быть хоть какие-то понятия о мыслительных процессах вируса-целителя, хотя вы и не догадывались в свое время, что это именно его мыслительные процессы, а не ваши собственные.

Вероятно, вам кажется, что я пытаюсь ухватиться за соломинку? — усмехнулся Главный психолог. — Так оно и есть. Пытаюсь. Ну, что скажете?

Некоторое время Хьюлитт молчал, собираясь с мыслями. Наконец он проговорил:

— Мне бы очень хотелось вам помочь, майор О'Мара. Но если мне придется вспоминать события и ощущения двадцатилетней давности, они могут оказаться неясными или неточными, а некоторые из воспоминаний окажутся под влиянием моих нынешних знаний о том, что происходило на самом деле. Разве не так?

Серые глаза О'Мары так и сверлили Хьюлитта.

— Следующее слово, которое вы произнесете, будет «но», — заключил психолог.

— Но, — послушно повторил Хьюлитт, — все то, что происходило со мной в Главном Госпитале Сектора, я помню более отчетливо, и некоторые из пережитых мною здесь чувств просто поразили меня. Но чтобы объяснить это, мне придется вернуться к моему детству.

О'Мара продолжал пристально смотреть на Хьюлитта. Похоже, он забыл, что умеет моргать.

Хьюлитт поглубже вдохнул и начал:

— Я тогда был слишком мал, чтобы понять, почему инопланетяне, работавшие на этланской базе, должны были являть собой пример поведения для местного населения в плане общения с представителями разных видов. В эти, так сказать, показательные выступления входило то, что детишки тралтанов, орлигиан, кельгиан и прочих сотрудников должны были играть вместе, но, конечно, под присмотром. Как-то раз получилось так, что воспитатель-наблюдатель отвернулся, а меня утащил под воду в бассейне амфибия-мельфианин, решивший, что я, как и он, умею дышать под водой. Я тогда больше напугался, нежели сильно пострадал, но с тех пор больше никогда не играл с детьми других видов. Родители говорили, что с возрастом мои страхи пройдут, но событий не форсировали. Вот почему я большую часть времени торчал дома, вот почему порой мне бывало скучно, вот почему в один из таких дней я отправился на разведку и угодил в приключение.

Мои разговоры в палате записывались, — добавил Хьюлитт, — и вы уже знаете, что моя работа на Земле довольно интересна, но не изобилует острыми ощущениями. В ее рамках мне совсем не приходится встречаться и общаться с инопланетянами. На Земле я видел их только в телевизионных передачах, но не сумел, как надеялись родители, преодолеть страх перед ними. В медицинских учреждениях, которые я время от времени посещал, мне встречались сотрудники-инопланетяне, но я всеми силами избегал контактов с неземянами. Врачи решили, что моя болезнь все же из области психиатрии, и согласились не подпускать ко мне своих коллег-инопланетян.

Глаза О'Мары на миг сузились. Он нетерпеливо нахмурился.

— Вероятно, вы к чему-то клоните?

— Может быть, и ни к чему, — отозвался Хьюлитт, не обратив внимания на издевку. — По пути сюда я был введен заботам громадного, косматого самоуверенного медика-орлигианина, который, как и многие из докторов на Земле, был уверен, что сумеет оздоровить меня, если с утра до ночи будет убеждать в том, что все мои беды — от избытка воображения. Я понимал — и сознательно, и даже, наверное, подсознательно, — что, как бы страшно орлиганин ни выглядел, он не способен причинить мне вреда. Он был первым инопланетянином, с которым я встретился будучи взрослым. В его присутствии я ощущал смесь любопытства и страха, но его самоуверенность бесила меня, и я не задавал ему никаких вопросов.

Когда же я прибыл сюда, — поспешно продолжал Хьюлитт, — меня встретила медсестра-худларианка, а по пути в палату и внутри нее я все время оказывался в непосредственной близости от существ, подобные которым мне не снились даже в самых страшных снах. И хотя я знал, что это пациенты или доктора, я до того напугался, что в первую ночь был не в состоянии уснуть. Но мной владело и любопытство — хотя я и продолжал бояться, мне хотелось узнать о моих соседях и медиках побольше. Меня ужасно пугала Старшая сестра Летвичи, но даже она вызывала у меня любопытство.

Нэйдрад издала ворчание, которое транслятор Хьюлитта не перевел. Все присутствующие пропустили это ворчание мимо ушей.

— Через несколько часов, — усмехнулся Хьюлитт, — я отвечал на вопросы Летвичи и Медалонта. На следующий день я уже разговаривал с другими пациентами и играл с ними в карты. Я пытаюсь подчеркнуть, что такое поведение мне раньше было несвойственно и для меня самого явилось полной неожиданностью. Испытываемая мною ксенофобия, безусловно, принадлежала мне, но вот сильнейшее любопытство в отношении других существ, наверное, все же было чужим.

Кабинет на миг превратился в застывшую живую картину. Все смотрели на Хьюлитта. Картина обрела движение и звук, когда голос подал О'Мара.

— Вы правы, — сказал он, — но не совсем. Пожалуй, ваши родители не ошибались, и вы-таки избавились от вашего страха перед инопланетянами за несколько часов пребывания в госпитале. На Приликлу вы произвели сильнейшее впечатление. Он сказал, что, когда вы познакомились с медицинской бригадой на «Ргабваре», уровень вашей ксенофобии был минимален, что вы неплохо с ней справлялись и вскоре избавились от нее окончательно. Это произошло в то время, когда вирус-целитель вас уже покинул. С тех пор, как случилось происшествие с Морредет и вирус ушел от вас, любопытство к инопланетянам, испытываемое вами, принадлежало только вам, и никому больше.

— Это комплимент? — спросил Хьюлитт и улыбнулся.

— Нет, наблюдение, — буркнул О'Мара, — моя работа здесь состоит в том, чтобы приводить головы в порядок, а не кружить их. Однако кое-какую пользу из изложенных вами сведений мы все же можем извлечь. Опишите-ка подробнее это объединенное любопытство и его интенсивность. Допустим, что вирус главным образом интересовался инопланетянами в плане вселения в них. Ощущали ли вы нечто в этом духе на фоне любопытства? Например, не создалось ли у вас такого впечатления, что вирус-целитель мог бы уйти к другому носителю добровольно? Полностью ли вы уверены в том, что его уход от вас зависел от вашего эмоционального состояния, как в случае с вашей кошкой и Морредет? Постарайтесь припомнить ваши чувства и хорошенько подумайте над ответом.

— Мне не нужно долго думать, чтобы ответить на эти вопросы, — возразил Хьюлитт. — Во время тех двух случаев, когда вирус-целитель покидал меня, я ощущал глубочайшее сострадание, но я не уверен целиком и полностью в том, что это чувство является обязательным для перехода вируса от одного существа к другому. Что касается кошки, то она пробыла рядом со мной всю ночь, но контакт с Морредет был кратким — минута, ну, чуть дольше. Я по-

мню, как мне хотелось отдернуть руки — мазь, покрывавшая рану на боку Морредет, вызывала у меня отвращение, но сначала я просто не мог оторвать руки. Когда же я в конце концов оторвал их, я помню, что мои ладони и пальцы ощущали нечто странное: жар, покалывание. Но эти ощущения исчезли через несколько секунд. Вероятно, они были субъективными. Раньше я об этом не рассказывал, потому что никто не верил ни единому моему слову, да я и сам особого значения этому происшествию не придавал.

— А еще чего-нибудь не помните — чего-нибудь такого, чему вы придали-таки особое значение? — поинтересовался О'Мара.

Хьюлитт вдохнул поглубже и больше ради Приликлы, нежели ради О'Мары, уже не в первый раз постарался не обижаться на насмешливый тон психолога.

— Если предположить, — продолжал он, — что для того, чтобы вирус перешел к другому носителю, необходим физический контакт, а он, допустим, постоянно интересовался такой возможностью, как тогда быть с моим интересом к Летвичи и к тому доктору, который въехал в палату, извините, в цистерне? Я совершенно уверен, что никакого физического контакта с ними мне не хотелось, особенно — со Старшей сестрой, так что любопытство, следовательно, принадлежало мне. Означает ли это, что вирус-целитель тратит свое время на чувства, осуществить которые не в состоянии, или он способен переместиться в любое живое существо, независимо от его вида?

О'Мара коротко, раздраженно рассмеялся и протянул:

— Да... Никогда не исключается такая возможность, что вместо помощи в решении проблемы получишь новые осложнения. Если вы правы и ваш дружок не ограничивается перемещением внутрь теплокровных кислорододышающих существ, то наши поиски в значительной степени усложнятся. — О'Мара обвел взглядом врачей. — Возможно ли такое вот радикальное преодоление межвидового барьера?

— Настолько близко к невозможному, что и говорить не стоит, — откликнулся Конвей.

— До тех пор, пока у нас не появился пациент Хьюлитт, — съязвил О'Мара, — мы считали невозможным и то, что микроорганизм, зародившийся на одной планете, способен выжить внутри существа, зародившегося на другой планете.

Конвей не оскорбился. Он сказал:

— Вот почему я ответил: не невозможно, а близко к невозможному, сэр. В метаболизме и прочих жизненных процессах хлородышащих существ по сравнению с кислорододышащими столько отличий, что биохимическая адаптация и здесь близка к невозможной.

— Да и кому бы в голову пришло поселиться внутри илленсианки? — пробурчал Нэйдрад.

— Что касается еще более экзотических форм жизни — таких, как ТЛТУ, СНЛУ или ВТХМ, — продолжал Конвей, никак не отреагировав на то, что его прервали, и устремив взгляд на Хьюлитта, давая тому тем самым понять, что мысли свои излагает для него, — то я с большой уверенностью могу утверждать, что они как носители нашему вирусу совершенно не годятся. Первые дышат перегретым паром с высоким давлением — в такой среде прежде стерилизовали хирургические инструменты. СНЛУ — существа, жившие в метановой среде, имеют сложнейшую минеральную и жидкостную структуру, разлагающуюся при температуре, на восемнадцать градусов превышающей абсолютный ноль. Что касается ВТХМ, то телфиане тоже жаролюбивы, но не потому, что у них повышенная температура тела, а потому, что для поддержания жизни они нуждаются в потреблении жесткого излучения.

Следовательно, эти три формы жизни в качестве потенциальных носителей можно исключить, — решительно проговорил диагност, — потому что вирус не выжил бы внутри ни одного из них.

О'Мара молчал, казалось, он о чем-то задумался. В это время Приликла неловко приземлился на спинку пустующего сиденья. Дрожал он не слишком сильно. Хьюлитт уже знал — Приликла так дрожит тогда, когда собирается ска-

зять нечто, расходящееся с точкой зрения предыдущего оратора.

— Вероятно, вы ошибаетесь, друг Конвей, — прощелкал эмпат. — Вероятно, я тоже еще сильнее усложню проблему, а не предложу ключ к ее решению, но мы не можем исключить телфиан как потенциальных вирусоносителей. Нашему вирусу удалось выжить при том, что уносившее его с корабля Лонвеллина спасательное средство находилось в непосредственной близости от эпицентра ядерного взрыва. Обшивка снаряда, внутри которого пребывал контейнер с вирусом, частично расплавилась и треснула при приземлении, но даже через двадцать пять лет на ней обнаруживались следы излучения. До того, как вирус перебрался в малыша Хьюлитта, он обитал внутри полуразрушенного снаряда и поглощал более высокие, чем у телфиан, хотя и постепенно понижающиеся уровни радиации. На ту пору со времени первоначального облучения прошло всего пять лет.

— О... — вырвалось у диагноста.

О'Мара вполне искренне улыбнулся, хотя было ясно, что его мимика не привыкла к таким упражнениям.

— Еще кто-нибудь желает повалять дурака? Хьюлитт, по-моему, вы хотите что-то сказать?

На миг Хьюлитт задумался о том, уж не обладает ли Главный психолог таким же эмпатическим даром, как Приликла, но тут же решил, что нет, не обладает, просто О'Мара имеет столь богатый жизненный опыт, что может читать чужие мысли. Он покачал головой и буркнул:

— Скорее всего это не важно.

— Если нет, — буркнул О'Мара, — то я скорее всего пойму это. Говорите.

Хьюлитт немного помолчал, гадая, как такой несимпатичный человек сумел выжить и приобрести столь высокий пост в психиатрии — профессии, требующей от любого существа гибкости характера и заботливости.

— Знаете, когда я встретился со своей кошкой на Этле, что-то было не так. Кошка как кошка — самая обычная, черно-белая. Правда, она очень потолстела. Я ее запомнил тошненьким котенком, но все же узнал. И хотя я сам тоже

очень изменился физически, кошка меня тоже узнала и тут же пошла ко мне на руки. Наверное, вам кажется, что я слишком сентиментально расписываю свою любимицу...

— Вы правы, эта мысль у меня мелькнула.

— Но мне кажется, что в нашей встрече было нечто большее, чем просто приятное воспоминание, — продолжал Хьюлитт. — Ведь я почти забыл о своей кошке, пока не попал в госпиталь и лейтенант Брейтвейт не принялся расспрашивать меня о моем детстве. Мне показалось, что между нами какая-то связь — знаете, этакая гордость, какая бывает у ребенка из-за того, что его любит и понимает его любимец. Чувство это едва уловимое, его трудно описать, и... гм-м-м... наверное, оно возникло из-за всех этих разговоров про разумный вирус. На этот раз, видимо, я действительно не совладал со своим воображением. Не стоило мне и упоминать об этом.

— Однако вы упомянули, — возразил О'Мара, — хотя смутились и даже выставили себя в неловком виде. Или вы надеетесь на то, что я — как медицинское светило, из числа собравшихся здесь, сам решу, достойно ли то, о чем вы упомянули, нашего внимания?

И медицинские светила и Хьюлитт молчали. Хьюлитт смотрел на О'Мару, не отводя глаз и гадая, уж не подклеены у того каким-то образом веки.

— Что ж, хорошо, — тяжело вздохнул психолог. — Хорошенько подумайте над тем, что вы только что сказали. Тут сегодня часто звучало слово «невозможно», но я удержусь от искушения употребить его в очередной раз. Не намекаете ли вы — пусть и не слишком охотно — на то, что странное, тонкое, неопишемое чувство, испытанное вами и, судя по всему, вашей кошкой, было наследством, оставленным вам и ей вирусом-целителем? Не хотите ли вы также сказать, что бывшие носители вируса должны испытывать друг к другу подобное чувство и способны узнавать друг друга? Вероятно, я прав, поскольку вы покраснели, но мне бы все же хотелось получить словесное подтверждение.

— Да, черт побери! — воскликнул Хьюлитт.

О'Мара довольно кивнул.

— А это означает, что вы смогли бы сработать обнаружителем вируса и проследить его странствия от предыдущего носителя вплоть до нынешнего. Естественно, мы благодарны вам за любую помощь, которую вы бы могли нам оказать, но... гм-м-м... нет ли у вас каких-либо еще фактов, наблюдений или хотя бы тонких неопишуемых чувств в поддержку вашего предложения, кроме эмоций, испытанных вами и вашей кошечкой, которая, увы, не в состоянии нам ничем помочь?

Хьюлитт отвернулся от О'Мара. Ему казалось, что в кабинете стало чересчур жарко.

— Друг О'Мара, — проговорил Приликла. — В то время как упомянутая встреча произошла, я чувствовал эмоции и кошки, и друга Хьюлитта. Они были именно таковы, какими их описывает друг Хьюлитт.

— И как я уже заметил, мой маленький друг, — усмехнулся О'Мара, — они были тонки и неопишуемы, и скорее всего толку для нас от этих эмоций никакого. — О'Мара повернул голову к включенному коммуникатору и произнес: — Падре вернулся? Отлично, пусть войдет. — Хьюлитту Главный психолог сказал следующее: — Сейчас мы приступим к обсуждению медицинских вопросов, при котором ваше присутствие не является обязательным. Думаю, на сегодняшний день я озадачил вас предостаточно. Благодарю вас за помощь. Падре Лиорен проводит вас в столовую.

Тарланин, войдя, замер в дверях. Все его четыре глаза остановились на побагровевшем лице Хьюлитта. Хьюлитт, в свою очередь, уставился на тарланина. Ему хотелось высказаться, но он боялся, что его снова засмеют.

— Мистер Хьюлитт, — тихо проговорил О'Мара — теперь в его голосе звучала не издевка, а участие и сострадание. — Вы столько лет страдали от того, что вам не верили ни терапевты, ни психиатры, что я не подумал, как сильно вас заденет моя недоверчивость. Ваша реакция представляется мне ненормальной. Прошу вас, скажите мне то, чего вы не хотите мне сказать.

— Слабое, еле уловимое чувство узнавания, которое я пытался описать, — пробормотал Хьюлитт, подняв руку и указав на Лиорена, — исходит от падре.

— Подтверждаю, — проговорил Приликла.

И тут впервые за все время, как Хьюлитт вошел в кабинет Главного психолога, он увидел, как тот моргнул.

Глава 25

— Падре, — сказал О'Мара, развернувшись на стуле так, чтобы видеть вошедшего тарланина. — Вы от нас что-то скрываете?

Лиорен повернул один глаз к психологу и, не сводя остальные три с Хьюлитта, ответил:

— Ненамеренно. Я удивлен не меньше вас. Вы распорядились, чтобы сотрудники отделения, находящиеся в приемной, слушали ваше совещание с тем, чтобы в дальнейшем его обсудить. Я вернулся из палаты АУГЛ раньше, чем собирался, и услышал, как пациент Хьюлитт рассказывает о своих чувствах к кошке. М-мне нужно собраться с мыслями.

— Собирайтесь, — разрешил психолог. — Но прошу вас, падре, мысли свои излагайте внятно, но не пытайтесь их редактировать.

— Хорошо, — согласился Лиорен. Казалось, пожелание О'Мары его не задело. Устремив один глаз в потолок — так тарлане выражают смирение, — он немного помолчал и приступил к ответу: — Круг моих обязанностей таков, что мне известны многие тонкие и зачастую неопишуемые чувства существ, вверенных моему попечению, — и пациентов, и сотрудников. Порой и я испытываю к ним подобные чувства. Хотя у нас, тарлан, не приветствуется физический контакт с представителями других видов, очень часто мне представляется необходимым коснуться собеседника рукой или пожать какую-либо конечность — подобные тактильные действия иногда помогают выразить чувства, которые каждому из беседующих трудно выразить словами. До тех пор пока Хьюлитт не рассказал о той связи, которую он

ошутил между собой и своей кошкой, пока я не понял, что такая же связь существует между мной и им, а также между мной и еще одной бывшей пациенткой, Морредет, я не придавал моим чувствам особого значения. Теперь все случившееся кажется мне чересчур важным, поскольку, по всей вероятности, я стал носителем целительного вируса. Кроме того, теперь я понимаю, когда могло произойти его вселение в меня.

Когда это произошло, — задумчиво проговорил падре, — я ничего особенного не заметил. Повреждение шерсти у молодой кельгианки — настоящая трагедия, поскольку теперь, имея внешнее уродство, она была лишена возможности вступить в брачные отношения с представителем своего вида, и кроме того, у нее было нарушено средство общения. С тех пор как пациентка Морредет узнала о том, что эти страдания суждены ей до конца жизни, она нуждалась в постоянной моральной поддержке. Как и на большинстве цивилизованных планет Галактической Федерации, на Кельгии существует несколько религий, основные заповеди которых мне знакомы, но Морредет не являлась последовательницей ни одной из этих религий. Так что во время моих ежедневных посещений этой пациентки я мог выразить ей только свое сочувствие, поговорить с ней, ну и... посплетничать о других пациентах и сотрудниках госпиталя — все это делалось ради того, чтобы отвлечь Морредет от мыслей о ее горе. Попытки, однако, не приносили успеха, и пациентка находилась в состоянии глубочайшей депрессии до тех пор, пока не произошел ее физический контакт с пациентом Хьюлиттом, после которого она совершенно выздоровела.

Лиорен умолк. Его длинное коническое туловище вздрогнуло под бархатом — наверное, он что-то вспомнил такое, что его разволновало. Но он тут же овладел собой.

— Хотя я исполняю обязанности больничного священника, — сказал Лиорен, — мне было трудно смириться с мыслью о том, что здесь произошло чудо, — пусть этот случай и не поддавался никакому объяснению. Тогда я не знал о существовании разумного вируса-целителя и мне ничего не оставалось, как только счесть происшествие с

Морредет чудом. После выздоровления Морредет была просто вне себя от радости. Я уже прикасался к ее старой шерсти во время наших бесед — легко поглаживал ее, стараясь успокоить пациентку. Но выздоровевшая Морредет упростила меня разделить ее радость и лично убедиться в том, что новая, отросшая шерсть обладает необходимой подвижностью. Я внял ее уговорам и прикоснулся к новой шерсти одной из своих срединных конечностей. Вот тогда-то, видимо, все и случилось.

Шерсть оказалась действительно очень подвижной, — продолжал свой рассказ Лиорен. — Настолько подвижной, что ее пряди обернулись вокруг моих пальцев. На миг кончики моих пальцев коснулись кожи пациентки, но я боялся оторвать конечность из страха, что вырву укоренившиеся шерстинки. Ладонь у меня покрылась испариной, но тогда я приписал это тому, что она просто вспотела, — я не предполагал, что таким образом вирус-целитель совершает переход к новому носителю. Вскоре я сумел легко высвободить конечность, поздравил пациентку Морредет с выздоровлением и отправился с визитами к другим пациентам.

— Но разве вы ничего не ощутили? — с удивлением вскричал Хьюлитт. — Не почувствовали себя лучше, здоровее — ну, хоть как-нибудь по-другому? Что-нибудь вы почувствовали?

О'Мара хмуро зыркнул на Хьюлитта и перевел взгляд на Лиорена:

— Я вас о том же самом хотел спросить. Что скажете, падре?

— Никаких необычных ощущений не помню, — отозвался Лиорен. — Но я их и не ожидал. Вероятно, теперь, когда я оказался рядом с тем, кто был прежним носителем вируса, чувство, которое я должен был бы испытать, не проявилось в полной мере, так как ему помешала радость и благодарность за излечение пациентки Морредет. Что же до моего здоровья, то оно превосходно, но я и раньше на него не жаловался, так что мне трудно оценить происшедшие перемены. Но гораздо труднее мне судить о состоянии моей психики. Вероятно, вирус-целитель на психику влияния не оказывает.

«Какие психологические проблемы, — подумал Хьюлитт, — могут тревожить этого высокоморального и альтруистичного тарланина, который по популярности среди больных и сотрудников уступает только Приликле?» Хьюлитт гадал, можно ли задать такой вопрос, но его опередил Главный психолог.

— Падре, — сказал О'Мара. — Вы оправданы от обвинений в случившемся на Кромзаге. Надеюсь, в скором времени ваше подсознание смирится с оправдательным приговором. Но раз уж мы коснулись этой темы, то... на Кромзаге вы получили сильные ранения и корабельный медик, не слишком хорошо сведущий в тарланской физиологии, оказал вам первую помощь. В итоге у вас остались небольшие шрамы. Они на месте?

— Не знаю, — протянул Лиорен. — Я редко рассматриваю собственное тело. Тарланам неведом нарциссизм. Мне раздеваться?

— Пожалуйста, — попросил О'Мара.

Из прорезей в длинном синем балахоне появились две срединные конечности Лиорена и принялись развязывать завязки. Немного смутившись, Хьюлитт глянул на подлежавшего поближе Приликлу и спросил:

— Мне отвернуться?

— Не надо, друг Хьюлитт, — ответил эмпат. — Тарланам неведомы людские предрассудки в отношении наготы. Синяя Мантия Тарлы, которую носит падре, — символ профессиональных заслуг и ученой степени. Кроме того, это очень удобный рабочий костюм, так как мантия снабжена большим числом потайных карманов. Посмотрим. Так... Друг Лиорен повернулся кругом... Я не вижу никаких шрамов.

— Потому что их нет, — удивленно проговорил Лиорен. Все его четыре глаза повисли на стебельках, словно зрелые фрукты на ветвях. — На самом деле они и раньше особо не выделялись, поскольку в свое время ранки были умело зашиты, но теперь шрамы исчезли совсем.

О'Мара кивнул и сказал:

— По всей вероятности, вирус оставил вам свою обычную визитную карточку — здоровое тело. Других доказательств

не требуется. Вы действительно побывали в роли вирусоносителя. А может быть, и до сих пор им являетесь. — О'Мара перевел взгляд на Прилику: — Вирус по-прежнему обитает внутри Лиорена?

— Нет, — прошелкал эмпат. — От падре исходит только один вид эмоционального излучения, и это излучение принадлежит ему. На таком близком расстоянии я был непременно уловил еще один источник излучения, если бы он имелся.

— Вы бы определили наличие источника эмоционального излучения, — уточнил О'Мара, — независимо от вида, к которому принадлежал бы потенциальный носитель вируса?

— Да, друг О'Мара, — ответил Прилика. — Я не смог бы не определить его наличие. Эмоционально оно было бы очевидно — очевидно настолько, как если бы у вас выросла еще одна мыслящая голова...

О'Мара широко улыбнулся:

— В нашем сумасшедшем доме это было бы не лишнее...

— Не так уверенно я себя чувствую рядом с другом Конвеем, — продолжал эмпат. — У него, как он сам считает, не то восемь, не то девять разумов. Из-за этого его эмоциональное излучение спутанно и вызывает у меня сомнения.

— Диагност Конвей, — решительно проговорил Хьюлитт, — не является прежним носителем сомнения.

— Я подтверждаю это, — добавил Лиорен.

— Вы меня успокоили, — рассмеялась Мерчисон. — С меня хватает и того, что мой муж рассеян за всех обитателей своего сознания.

Главный психолог постучал пальцами по крышке письменного стола.

— Мы отвлеклись, — отметил он. — По вполне очевидным причинам мы должны относиться к задаче обнаружения нынешнего носителя вируса как к делу первостепенной важности.

«А я почему-то не понимаю, с какой стати это так», — подумал Хьюлитт, но задать вопрос ему не дали.

— Для обнаружения искомого носителя в нашем распоряжении имеется эмпат-детектор, способный обнаружить

дополнительный источник эмоционального излучения на близком расстоянии от объекта, если этот объект не является диагностом. Два бывших носителя, которые способны определить своих собратьев по несчастью при личной встрече. В обоих случаях необходимое для обнаружения расстояние нуждается в уточнении. Нам следует безотлагательно приступить к поиску всех бывших и нынешнего носителя вируса. Мы можем не сомневаться в том, что в госпитале у пациента Хьюлитта произошел только один контакт — с пациенткой Морредет, от которой вирус затем перебрался к падре, а от него — к какому-то еще пациенту...

— Со всем моим уважением, — вмешался Лиорен, — я должен заметить, что я мог передать вирус и непациенту.

О'Мара раздраженно кивнул:

— Падре, я не забыл, что в рамках своей работы вы периодически консультируете и сотрудников госпиталя. Вам следует снова встретиться со всеми, с кем вы беседовали после случая с Морредет, и определить, кто из сотрудников или пациентов получил от вас вирус, и если вам попадутся только те, в ком он уже побывал и теперь отсутствует, то вы будете продолжать поиск, пока не найдете нынешнего носителя. Обо всех случаях обнаружения потенциальных вирусоносителей вы обязаны сообщать в отделение. Помощь со стороны Корпуса Мониторов я вам гарантирую. В каждом случае будет назначаться карантин, который может быть отменен только тогда, когда потенциального носителя обследует Приликла.

Маленький друг, — О'Мара обратился к Приликле, — если у вас нет возражений, мне бы хотелось попросить вас одновременно приступить к массовому обследованию пациентов. Начните с палат, где размещены теплокровные кислорододышающие существа, побывайте в главной столовой и на рекреационном уровне. Возможно, что вы первым найдете вирус. Но кто бы его ни нашел и к какому бы виду ни принадлежал вирусоноситель, он должен быть физически изолирован, после чего следует предпринять необходимые меры, призванные воспрепятствовать передаче вируса другому носителю. Затем вам, доктор Приликла, следует попытаться с

помощью своего эмпатического дара установить контакт с вирусом-целителем. Этот контакт необходимо поддерживать до тех пор, пока нам не удастся разработать более совершенный способ связи с вирусом. Однако вам ни в коем случае не следует переутомляться. Вы нам нужны как обнаружитель и связной, но не как пациент.

— Я сильнее, чем кажусь, друг О'Мара, — заверил психолога цинрусскиец. — Ну, то есть немного сильнее.

Земляне рассмеялись — даже О'Мара.

— По двум причинам мне бы хотелось, чтобы падре Лиорен и Хьюлитт действовали совместно, — снова став серьезным, отчеканил Главный психолог. — Первая состоит в том, что мне не до конца понятно упомянутое вами обоими зыбкое чувство узнавания, наличествующее при встрече двух бывших вирусоносителей. Если вы оба будете присутствовать при такой встрече, есть шанс, что каждый из вас скорее уловит контакт. Вторая причина заключается в том, что если мы позволим бывшему пациенту, плохо знакомому с планировкой госпиталя, разгуливать по коридорам и палатам, так сказать, без привязи, то можем очень скоро получить его обратно с травмой — ну, если, конечно, у этого пациента нет ангела-хранителя. Именно поэтому мы разместили вас, мистер Хьюлитт, по соседству с падре. Вы не возражаете?

Хьюлитт покачал головой, Лиорен опустил долу два глаза, что, видимо, означало согласие.

— Прекрасно, — кивнул О'Мара. — Однако вам следовало немного задуматься, прежде чем соглашаться на что-либо. Мне бы хотелось, чтобы поискам вы посвящали все время, пока бодрствуете. Поскольку Приликла не уверен в своей способности обнаружить вирус у диагностов, так как их сознание населено хозяевами мнемограмм, в первую очередь вам следует обратить внимание на этих сотрудников. Через три часа на восемьдесят третьем уровне состоится совещание.

Лиорен в курсе, где именно. Речь там пойдет об энерго-снабжении госпиталя, и все диагносты будут присутствовать...

Вам надо постоять у входа, подождать, пока все диагносты войдут, после чего незамедлительно сообщить мне о результатах поисков. У вас может возникнуть масса сложностей, Хьюлитт, но падре поможет вам с ними справиться. Если вам обоим больше нечего нам сообщить, то немедицинская часть нашего совещания на этом закончена.

— Погодите, — заторопился Хьюлитт. — Меня тревожит упомянутая вами проблема с энергоснабжением госпиталя. Когда «Ргабвар» возвращался сюда, нам сообщили, что главный реактор...

— Тревожьтесь себе на здоровье, — буркнул О'Мара. — Это ваше право. Проблема носит чисто технический характер — нам же хватает и медицинских проблем.

С этими словами он кивком указал Лиорену и Хьюлитту на дверь.

Хьюлитт, в чувствах которого продолжал преобладать страх, снова шел по оживленным коридорам госпиталя, казавшимся ему трехмерным страшным сном. Как он только не понимал в свое время, насколько здорово и безопасно было ехать на носилках, ведомых сестрой-худларианкой, имевшей такие габариты, что ей все уступали дорогу. Однако ни с кем из существ, сновавших по коридорам, Хьюлитт не столкнулся, поскольку от беды его всегда уводила вовремя оказывавшаяся на его плече твердая и решительная рука Лиорена. Почему он так боялся, но все же переставлял ноги, он и сам не мог понять.

В конце концов он решил, что заслугу эту следовало приписать Лиорену. Тот рассказывал Хьюлитту обо всех ходячих, ползучих и скачущих ночных кошмарах, попадавших им навстречу, если они были его знакомыми или приятелями. А если то, о чем он рассказывал, уже не было расхожей сплетней, он старательно растягивал рамки необходимой конфиденциальности. «Про ночные кошмары, — решил Хьюлитт, — не рассказывают таких забавных историй». Может быть, Хьюлитт начинал наконец видеть этих существ в их истинном обличье. Теперь они вызывали у него скорее любопытство, нежели страстное желание убежать куда глаза глядят.

Вероятно, любопытством и всевозрастающим интересом к находящимся в госпитале инопланетянам он заразился от своего бывшего обитателя — вируса-целителя. Он хотел поделиться своей догадкой с падре, но не успел — они свернули в длинный боковой коридор, оказавшийся совершенно пустынным.

— Тут живут сотрудники, — пояснил Лиорен. — Здесь далеко не всегда так тихо, но сейчас здешние жильцы либо на работе, либо спят. Вот ваша комната. Я не буду входить, поскольку там и так тесно. Входите, осмотритесь.

Комната и вправду не отличалась просторностью. Она оказалась чуть больше той каюты, которую Хьюлитту в свое время отвели на корабле, доставившем его в Главный Госпиталь Сектора. Хьюлитт порадовался тому, что потолочные светильники вдавлены в потолок, потому что, выпрямившись во весь рост, он макушкой задевал их.

— Кровать коротка, — возмутился Хьюлитт. — У меня ноги будут свисать. И потом — зачем мне две кровати?

— Прежде эта комната принадлежала нидианской паре, — объяснил Лиорен, наклонившись и просунув в комнату один глаз и руку. — Кровати можно сдвинуть. Бывшие хозяева сейчас участвуют в спасательной операции. За коричневой дверью — универсальная ванная, похожая на ту, какой вы пользовались в седьмой палате. Надеюсь, украшения на стенах не вызовут у вас смущения. Тут раньше жили мужские особи, и они, естественно, украсили свое жилище изображениями нидианских женщин, а не пейзажами.

Хьюлитт пригляделся к картинам, изображавшим рыжих плюшевых мишек, расположившихся, вероятно, по мнению нидиан, в эротических позах, и постарался не расхохотаться.

— Смущения не чувствую, — признался он.

— Вот и хорошо, — порадовался Лиорен. — Вот тут — пульт управления. Сиденье можно подогнать по росту. Клавиши вполне годятся и для человеческих пальцев. Экран дисплея можно настроить в соответствии с вашей остротой зрения. Можете смотреть обычные развлекательные про-

граммы, пользоваться библиотекой и обучающими каналами. Желтые кнопки на зеленом фоне — это меню устройства доставки питания. Хотите отдохнуть или пойдем в столовую? Я голоден, а вы?

— Голоден, — признался Хьюлитт. — Только вот насчет столовой... Может быть, вы сумеете протиснуться сюда? Мне бы хотелось поговорить. А я бы заказал что-нибудь для нас обоих? Вам чего бы хотелось?

Лиорен растерялся.

— К завтрашнему дню ваше устройство доставки питания будет перепрограммировано на основные земные блюда, — сообщил он. — Разница во вкусе между нидианской и землянской едой почти неощутима, но для тарланина отвратительна и та, и другая. Я бы предпочел воспользоваться услугами столовой, да и вы, думаю, тоже. Там универсальное меню более обширно, так что вам будет проще найти что-нибудь себе по вкусу.

Тут уж растерялся Хьюлитт.

— А... там много народа? Ну, то есть... больше, чем в коридорах? И как мне там себя вести?

— Все теплокровные кислорододышащие сотрудники питаются в столовой, — ответил падре. — Но — и это, вероятно, вас порадует — не одновременно. Там, как вы увидите, все сидят за столами, стоят около них на коленях или во весь рост и едят, а не пытаются увернуться друг от друга, как в коридорах. Кроме того, если нам удастся отыскать свободный столик неподалеку от входа — а с этим проблем не будет, поскольку это место популярностью не пользуется, — мы сможем работать во время еды.

— Работать? — ошарашенно переспросил Хьюлитт. Он чувствовал себя в высшей степени глупо. Уж слишком много всего произошло с ним за последнее время. — Это как?

— Поупражняемся в новоприобретенном таланте обнаружения вирусоносителей, — пояснил падре. — Будем просматривать входящих или выходящих сотрудников. Даже если все наши поиски не дадут никаких результатов, мы сумеем исключить большое число сотрудников из рамок поиска и уделить затем больше времени осмотру пациентов и сотрудников,

находящихся на дежурстве. Нужно как можно быстрее найти нынешнего вирусоносителя. Мне страшно подумать, что способен натворить такой вирус в нашем госпитале, где столько существ самых разных видов.

— Но почему? — изумился Хьюлитт. — Насколько я понимаю, это создание до сих пор никому вреда не причинило, а даже наоборот. В госпитале занимаются лечением, тем же самым занимается и вирус-целитель. Так почему же все так встревожены? Я хотел спросить об этом О'Мару, но не получилось. А на «Ргабваре» мне на этот вопрос не ответили.

Лиорен попятился и подождал Хьюлитта в коридоре.

— Увы, я должен последовать примеру тех, кто не ответил вам на этот вопрос.

— Но почему, вот проклятие! — воскликнул Хьюлитт. — Я ведь больше не пациент! И вам можно не скрывать от меня медицинских тайн.

— Потому, что у нас нет ясного ответа, — отозвался Лиорен. — Вам будет легче, если мы не станем нагружать ваш разум собственными страхами и неуверенностью.

— Лично я, — сказал Хьюлитт, — предпочитаю правду неведению.

— А лично я, — вторя ему, проговорил Лиорен, — предпочитаю готовиться к худшему, надеясь на лучшее. Поэтому я никогда не бываю разочарован в результатах, если только не случается настоящей катастрофы или, как может произойти сейчас, наши тревоги неоправданны. Без нужды пугать себя ни к чему. Что же касается ответа на ваш предыдущий вопрос, то вести себя можно как угодно.

— Это вы о чем? — изумился Хьюлитт.

— Это я о правилах поведения в столовой, — пояснил Лиорен. — На то, каким способом вы будете поглощать пищу, никто смотреть не будет. Также никто не будет возражать, если вы намеренно не будете смотреть на своего напарника за столом по причине того, что вам неприятна его манера потребления пищи.

Ну а теперь, пациент Хьюлитт, — заключил падре, — нас ждет работа и еда.

Глава 26

На «Ргабваре» Хьюлитту довелось наблюдать за тем, как Приликла вьет из земных спагетти — своего любимого нецинрусского блюда — длинные тонкие веревочки и отправляет их в крошечный ротик, порхая над тарелкой. Случалось ему видеть, как ест Нэйдрад — кельгианка не пользовалась руками, а засовывала полголовы в маслянистую зеленую массу и не поднимала головы, пока не опустошала миску. Видел он и то, как питается доктор Данальта. Данальта либо усаживался на то, что собирался съесть, либо прислонялся к этому, и вскоре от его «еды» ничего не оставалось. Кроме того, еще раньше Хьюлитту случалось обедать за одним столом с Бовэбом, Хоррантором и Морредет в седьмой палате. Застольное поведение падре у него не вызвало никаких отрицательных эмоций.

За столом Лиорен пользовался двумя верхними конечностями. На подносе, выехавшем из щели устройства для выдачи питания, помимо заказанной Лиореном еды, оказалась пара серебристых разовых перчаток. Пальцами тарланин пользовался так, как Хьюлитт — ножом и вилкой. Падре орудовал конечностями ловко и даже изящно. Он подносил пищу к ротовому отверстию. Коричневые и желтые куски какого-то губчатого вещества казались Хьюлитту настолько странными, что даже не вызывали у него отвращения.

Он надеялся, что и падре не испытывает отвращения к его еде, поскольку ему самому синтетический бифштекс очень даже пришелся по вкусу. Узнать, так ли это, возможным не представлялось: падре умолк, как только они вошли в столовую.

— Есть-то мы едим, — заметил Хьюлитт, бросив взгляд на дверь, около которой компания кельгиан расступилась перед внушительных габаритов тралтаном, — но пока что-то не работаем. Или, может быть, вы все же успели почувствовать нечто такое, что я пропустил?

— Нет, — коротко отозвался Лиорен и продолжал поглощение пищи.

Голос его прозвучал раздраженно и нетерпеливо. Мимо Хьюлитта и Лиорена, с тех пор как они сели за столик, уже успели прошествовать, проползти, пропрыгать и протопать более двухсот сотрудников. Наверное, Лиорен, как и сам Хьюлитт, тоже начал сомневаться в их способности найти бывших вирусоносителей и стал считать эту способность самообманом и игрой воображения.

— А может быть, — решил поделиться своими сомнениями Хьюлитт, — это чувство, эта нематериальная связь или что бы это там ни было имеет место только между тарланами, людьми и кошками, которые уже хорошо знакомы друг с другом? А здесь нам встречаются те, кого мы знаем недостаточно для того, чтобы почувствовать разницу между тем, что с ними было, и тем, что стало. Вам не кажется, что здесь мы тратим время впустую?

— Нет, — снова коротко отозвался Лиорен. За несколько секунд он покончил с содержимым своей тарелки и ответил уже более пространно. — Расписание дежурств составлено так, что в столовой никогда не бывает слишком много народа, что бы вам ни говорили ваши глаза и уши. Однако в любое отдельно взятое время здесь присутствует пять процентов теплокровных кислорододышащих сотрудников. Хлородышащие илленсиане, худлариане и холодолюбивые метановые формы жизни также работают по своему расписанию и также ухаживают за своими пациентами. А вы принимаете первоначальное отсутствие результатов за неудачу.

— Я понимаю, — кивнул Хьюлитт. — Вы тактично намекаете, что я должен, поскольку я теперь уже бывший больной, менее болезненно воспринимать происходящее, и мы обязаны продолжать начатое дело.

— Нет, — ответил Лиорен. — Мы не...

Его прервал холодный официальный голос, донесшийся из устройства выбора меню, сопровождаемый вспыхиванием покрасневшего от раздражения экрана.

— Посетителей, закончивших прием пищи, просят срочно освободить столики для новых посетителей. Ваше время истекло. Всякие неоконченные профессиональные или личные разговоры следует продолжить в другом месте. Посетителей, закончивших прием пищи...

— Нам нельзя тут задерживаться, если мы не едим, — проговорил Лиорен, стараясь перекричать занудный голос. — Эта штуковина будет говорить все громче и громче, если мы задержимся еще хоть на минуту, а просить эксплуатационников отключить звук — на это уйдет слишком много времени. Мы, конечно, можем пересесть за другой столик и заказать другие блюда, но что касается меня, то я уже не настолько голоден, чтобы...

— Я тоже, — поспешил согласиться Хьюлитт.

— Поэтому я предлагаю приступить к посещению подозреваемых мной больных, — продолжал падре. — Первый из них сейчас лежит в той палате, где раньше лежали вы. Он поступил после того, как вы выбыли оттуда. Старшая сестра Летвичи ожидает меня. Можете пойти со мной, если только вы не из тех существ, которые после еды впадают в коматозное состояние и засыпают.

— Нет, — ответил Хьюлитт.

Устройство выбора меню, как только они встали из-за столика, умолкло, а за столик немедленно уселись двое лохматых орлигиан с нашивками Старших врачей. Ни у того, ни у другого не отмечалось ни малейших признаков бывшего вирусоносительства.

Навстречу Хьюлитту и Лиорену в столовую влетел Приликла. Эмпат даже не поинтересовался их успехами — он и так почувствовал их разочарование. Несколько минут Хьюлитт и Лиорен постояли, провожая взглядом эмпата. Тот подлетел к разномастной компании за ближайшим столиком — как бы для того, чтобы перемолвиться парой слов с приятелями, но в действительности с целью поиска двух источников эмоционального излучения внутри одного существа. Похоже, у маленького эмпата хватало друзей чуть ли не за каждым столиком. Помня, как нежны цинрусские-цы, Хьюлитт мысленно пожелал Приликле удачи и понадеялся на то, что эмпату улыбнется удача прежде, чем тот упадет где-нибудь от слабости.

Приликла прервал беседу, в которой участвовал, и проговорил, развернувшись к двери:

— Спасибо, друг Хьюлитт.

Через несколько минут они уже шагали по одному из запруженных главных коридоров. Хьюлитту не давала покоя одна мысль — не давала настолько, что он даже перестал обращать внимание на коридорные толпы.

— Знаете, я тут подумал, — протянул он, — и встревожился...

Отзыв Лиорена транслятор не перевел.

— Я размышляю над той странной способностью, — продолжал Хьюлитт, — которой мы наделены. Почему мы можем узнавать друг друга — мы, бывшие носители вируса? Несколько минут назад, когда мне стало жаль Приликлу, когда я молча пожелал ему удачи, он откликнулся на это мое чувство, хотя был довольно далеко от меня и уделял внимание другим существам. В этом не было ничего странного, поскольку цинрусский эмпатический орган очень чувствителен даже при таком расстоянии. Но как быть с нашей способностью? Что это? Эмпатия низкого уровня, которой хватает только для узнавания и больше ни для чего? Если это так, то насколько близко для узнавания должны бывшие носители вируса оказаться друг к другу? Должны ли они просто увидеть друг друга? Имеют ли значение физические преграды? Не поможете ли вы мне провести эксперимент?

— Семь ответов «нет», — отозвался Лиорен. — А какой эксперимент?

— Какой же это эксперимент? — удивился Лиорен после того, как Хьюлитт объяснил, что задумал. — Это игра для маленьких! Но в ходе ее действительно можно получить очень полезные сведения. Я вас прошу... если я соглашусь в ней участвовать, дайте слово, что вы никому не расскажете о том, что я, взрослый обладатель Синей Мантии, играл с вами...

— Не волнуйтесь, падре, — успокоил Лиорена Хьюлитт. — Я тоже в таком возрасте, что не стал бы всем и каждому рассказывать, что играл со священником в прятки. Думаю, для начала искать буду я, потому что вы лучше знаете, где тут, в госпитале, можно спрятаться...

Длинный коридор заканчивался разветвлением, где размещались трапы, лестницы и лифты для подъема на верх-

ние уровни. Вдоль стен тянулись двери, ведущие в палаты, кладовые, технические помещения и туннели. Было решено, что Хьюлитт отвернется, а Лиорен за десять минут спрячется где-нибудь поблизости. Договорились, что падре не будет прятаться в палате, а выберет для этого пустое помещение. Спрячась он в палате, тут же возникли бы ненужные вопросы и мог быть нарушен распорядок дня. Хьюлитт должен попытаться найти падре с помощью инстинкта, эмпатии — в общем, с помощью того, что унаследовал от вируса, — но при этом за двери не заглядывать.

Пробродив таким образом минут двадцать, в течение которых ему пришлось отвечать на вопросы и выслушивать ворчливые замечания сотрудников, ходивших по коридору, Хьюлитт отказался от безуспешных попыток ощутить сознанием присутствие Лиорена. В отчаянии он включил коммуникатор.

— Совершенно ничего не чувствую, — сказал он. — Выходите, где бы вы там ни прятались.

Лиорен появился из-за двери, возле которой Хьюлитт торчал несколько минут назад, и поспешил к товарищу по несчастью.

— Я тоже ничего не почувствовал, хотя слышал за дверью ваши шаги. Но как только я увидел вас, чувство узнавания снова охватило меня.

— И меня, — признался Хьюлитт. — Но почему для этого нам нужно видеть друг друга?

Падре издал негромкий булькающий звук, оставшийся неперевержденным, и проговорил:

— Это ведомо только Богу да еще вирусу-целителю.

Над этим Хьюлитт размышлял всю дорогу до своей бывшей палаты. Падре связался с О'Марой и передал ему новые сведения, но обсуждать что-либо отказывался. Вероятно, он сосредоточился на мыслях о том пациенте, которого собирался навестить.

— Пациент Хьюлитт, — вырвалось у Летвичи, когда они вошли в палату. — А вы что тут делаете?

Хьюлитт понимал, что к посещениям падре Старшая сестра привыкла, но приход бывшего пациента ее явно не

обрадовал. Хьюлитт мучился в поисках подходящего ответа, но за него ответил Лиорен. Падре не солгал Летвичи, но и правду не открыл.

— С вашего позволения, Старшая сестра, — сказал Лиорен, — бывший пациент Хьюлитт будет сопровождать меня и, если сумеет, вместе со мной будет оказывать немедицинскую помощь пациентам. Я прослежу за тем, чтобы он не разговаривал ни с кем из тех, кто в данное время получает какие-либо процедуры или кто не способен вести беседу. Уверяю вас, больше никаких неприятностей от бывшего пациента Хьюлитта не будет.

Часть тела Летвичи под хлорсодержащей оболочкой дрогнула. Может быть, таким образом она выразила согласие.

— Думаю, я понимаю, в чем дело, — протянула илленсианка. — Происшествие с пациенткой Морредет побудило пациента Хьюлитта принять решение — а может быть, укрепило его в уже принятом решении стать учеником священника. Это очень похвально, бывший пациент Хьюлитт. У вас замечательный наставник.

— На самом деле я здесь, потому что... — начал было возражать Хьюлитт.

— Объяснения займут слишком много времени, — оборвала его Летвичи. — А мне сейчас недосуг слушать богословские излияния, хотя они, наверное, очень интересны. Можете говорить с любыми моими пациентами, которые в состоянии вести беседы. Только, пожалуйста, чтобы больше никаких чудес.

— Обещаю, — кивнул Хьюлитт и зашагал по палате следом за падре.

Летвичи и других дежурных сестер из перечня потенциальных бывших носителей вируса исключили, исключили и пациента, которого навещал Лиорен. Это был мельфианин по имени Кеннональт. Хьюлитт так и не понял, чем страдает несчастный мельфианин, но его гамак окружало такое количество биосенсорного и жизнеобеспечивающего оборудования, что новоиспеченного «ученика священника» от страха передернуло. Правда, Лиорен представил их друг другу, но дал понять, что разговор будет

носить конфиденциальный характер, и попросил Хьюлитта пока продолжить поиски в одиночку.

Хьюлитт курсировал по знакомой палате зигзагами. Но вот одного он понять не мог — те или не те тралтаны, кельгиане и мельфиане теперь тут лежат. Большей частью пациенты с радостью болтали с ним, некоторые, видимо, находились под действием сильных успокоительных лекарств, другие просто не желали обращать на Хьюлитта внимания, а один пациент получал процедуру. Но у Хьюлитта была полная возможность смотреть на пациентов и сотрудников, имея при этом вполне достаточно времени для того, чтобы определить, не был ли кто-нибудь из них в прошлом носителем целительного вируса. Последними из тех, кого он обошел, оказались тралтан и дутанин, резавшиеся в скремман за столиком для амбулаторных больных. К тому времени, когда Хьюлитт с ними заговорил, он убедился в том, что их тоже следует исключить из перечня потенциальных вирусоносителей.

— Хоррантор! Бовэб! — обрадовался Хьюлитт. — Как себя чувствуете?

— А, да это, кажется, пациент Хьюлитт! — воскликнул тралтан. — Спасибо, моя нога заживает, а Бовэб чувствует себя превосходно — и физически, и морально. Ему сегодня везет в этой треклятой игре. Рад видеть тебя вновь. Расскажи, как у тебя дела. Удалось докторам выяснить, что с тобой?

— Да, — честно ответил Хьюлитт и, старательно подбирая слова, уточнил: — Я больше ни на что не жалуюсь и чувствую себя очень хорошо. Но заболевание у меня было необычное — так мне сказали, — и меня попросили немного задержаться и помочь врачам разгадать еще кое-какие загадки. Я не смог им отказать.

— Значит, теперь ты стал лабораторным материалом, — участливо проговорил Бовэб. — Не думаю, что это намного лучше. С тобой пока ничего ужасного не делали, надеюсь?

Хьюлитт рассмеялся:

— Нет. На самом деле ничего подобного не происходит. Меня поселили в комнате для сотрудников — она маленькая и раньше принадлежала двум нидианам. Мне

разрешают свободно ходить по госпиталю в сопровождении падре — он присматривает за тем, чтобы я ни на кого не налетел и чтобы меня никто не растоптал. А меня просили только разговаривать с пациентами, задавать им кое-какие вопросы.

— Ты всегда был странным пациентом, — заключил Бовэб. — Но еще более странно то, как ты выздоровел.

— А если серьезно, — вступил в разговор Хоррантор, — то если тебе нужно разговаривать с пациентами и отвечать на их вопросы, значит, вероятно, они могут тебе что-то выболтать, не догадываясь о том, что ты выполняешь некое задание? Если это так, то не ответишь ли на один вопрос?

Хьюлиту показалось, что тут кроется нечто более серьезное, нежели обычный интерес пациента к больничным сплетням. Пришло время действовать, но действовать осторожно.

— Если сумею, — отозвался он.

— Хоррантор жутко хитрый, — пояснил Бовэб, снова подключившись к разговору. — Ну, и воображение у него тоже нешуточное. Вот поэтому он меня все время обыгрывает в скремман. Мы тут подслушали кое-какие разговоры медсестер. Они, когда поняли, что мы их слышим, сразу замолчали. Может, это просто болтовня, а может, мы чего-то недопоняли из-за того, что не дослушали до конца, а может, это и не болтовня вовсе. Но мы все-таки очень волнуемся.

— Сплетни все любят, — заметил Хьюлитт, — но сильно переживать из-за них не стоит. Так какой у вас вопрос?

Хоррантон с Бовэбом переглянулись. Дутанин сказал:

— Еще десять дней назад Старшая сестра говорила, что меня должны выписать для долечивания в больнице на родине. Тут, в Главном Госпитале Сектора, не принято держать больных, которые больше не нуждаются в здешнем лечении. А вчера я спросил у Летвичи, почему меня все еще не выписали, и она мне ответила, что пока нет подходящего корабля, который мог бы доставить меня домой, а что вообще-то со мной все в порядке и волноваться мне нечего.

А в это время, — продолжал Бовэб, — Старший врач Медалонт занимался с практикантами у кровати Хоррантора. Он им говорил, что пациент уже вполне здоров и его можно безотлагательно выписать. И это должно было произойти через несколько дней, поскольку большинство кораблей, прибывающих в госпиталь — их бывает четыре-пять в неделю, — укомплектовано теплокровными кислорододышащими экипажами. По закону Федерации таким кораблям позволено перевозить пассажиров — если и пассажиры, и члены экипажа имеют сходный классификационный код. Тралта и Дута находятся на пути следования практически всех коммерческих кораблей. А Летвичи и Хоррантору сказала то же самое, что и мне: дескать, пока нет удобного рейса.

— Да, и не забудь про учебную тревогу, — напомнил дутанину Хоррантор.

— Не забуду, — заверил приятеля Бовэб. — Позавчера в палату явились двадцать здоровяков из Эксплуатационного отдела. Летвичи объявила, что проходит учебная эвакуация. Бригада эксплуатационников принялась отсоединять кровати самых тяжелых больных от стен, прикреплять к ним дополнительные баллоны с кислородом и антигравитационные устройства. Потом они повсюду расставили аварийные носилки, после чего всех нас вывезли из палаты и повезли по коридору до пятого люка, а потом снова привезли в палату. Летвичи засекала время, за которое эксплуатационники провели операцию, и сказала, что могли бы управиться и быстрее. Потом она извинилась перед нами за причиненные неудобства и посоветовала вернуться к прерванным занятиям и не волноваться. Уходя, эксплуатационники ворчали, прохаживаясь по поводу личных качеств нашей Старшей сестры и начальства, которое, по их мнению, слишком многого от них потребовало при проведении учебной тревоги, каковой в госпитале, оказывается, не проводили уже лет двадцать. Услышав такое, мы разволновались еще больше.

А вопрос у нас такой, — закончил Бовэб, — что от нас скрывают?

— Не знаю, — честно ответил Хьюлитт.

На самом деле это была чистая правда, но он помнил о том, как на подлете к госпиталю на «Ргабвар» поступило распоряжение, согласно которому всем кораблям предписывалось задержаться около причалов, если на их борту не было тяжелобольных, нуждающихся в оказании срочной медицинской помощи. Тогда сослались на то, что у Эксплуатационного отдела какая-то техническая проблема, но уточнили, что ограничения по приему не относятся к кораблю-«неотложке».

Хьюлитт постарался, чтобы его голос звучал успокаивающе, хотя не был уверен, что это у него получается.

— Насчет эвакуации я никаких сплетен не слышал, но непременно постараюсь поспрашивать. А вам не показалось, что вы все-таки что-то перепутали или недопоняли? Время от времени во всех крупных учреждениях, не только в медицинских, проводят учебные эвакуации. Может быть, кто-то из здешнего начальства, вспомнив о том, что здесь такие учебные тревоги не проводились уже двадцать лет, решил, что надо как можно скорее такую тревогу провести, ну и, естественно, главные тяготы обрушились на плечи младшего персонала.

Так что, пожалуй, Летвичи права, — добавил Хьюлитт, мысленно скрестив указательный и средний палец, — и волноваться совершенно не о чем.

— Да мы то и дело твердим это друг дружке, — вздохнул Хоррантор. — Но мы так долго режемся в скремман, что сами же друг дружке и не верим.

— Кстати, — встрял Бовэб, — может, срежемся? Один из нас мог бы использовать тебя в качестве консультанта и смотреть, как бы ты не переметнулся на сторону противника...

Краешком глаза Хьюлитт заметил, что падре медленно движется по палате, подходит по очереди к каждой кровати и обменивается несколькими словами с пациентами — как до него это делал и Хьюлитт. Он сказал:

— Извините, но сейчас не смогу — пора идти.

Когда они с падре вышли в коридор, Хьюлитт сказал Лиорену:

— Ничего не почувствовал — ни с больными, ни с сотрудниками. А вы?

— Тоже ничего, — сокрушенно отозвался Лиорен.

— Но я услышал интересную сплетню, — сообщил Хьюлитт и пересказал Лиорену то, о чем узнал от Хоррантора и Бовэба, не забыв присовокупить и рассказ о предупреждении, которое слышал, когда «Ргабвар» подлетал к госпиталю. Он понимал, что падре не станет нарочно дезинформировать его, а если не сможет сказать правду, то просто проигнорирует его вопросы. — А вы ничего не слышали про учебную эвакуацию? — осторожно спросил Хьюлитт. — И не знаете ли, что происходит?

Лиорен отозвался не сразу. Он всего-то и сказал:

— А теперь мы отправимся на восемьдесят третий уровень, посетим совещание диагностов.

Глава 27

Первым пришел массивный медлительный пожилой тралтан. Лиорен сказал Хьюлитту, что это Торннастор — Главный патофизиолог. Они наблюдали за тралтаном, как только тот появился из бокового коридора в тридцати метрах от двери помещения, где должно было состояться совещание диагностов. Не глянув в сторону разведчиков и не сказав им ни слова, он вошел в комнату.

— Нет? — спросил падре.

— Нет, — отозвался Хьюлитт. — Но почему он на нас не обратил никакого внимания? Не такие уж мы маленькие, да и в коридоре больше никого нет.

— У него столько разумов... — начал было Лиорен, но оборвал себя. — Еще трое идут. Конвей и Главный психолог, как мы уже знаем, чисты. С ними кельгианин — диагност Куррзедет. Нет?

— Нет, — покачал головой Хьюлитт.

Конвей, проходя мимо них, кивнул. О'Мара хмуро зыркнул, а Куррзедет поинтересовался:

— Почему падре и этот землянин-ДБДГ так пелятся на меня?

— Потому, — сухо ответил О'Мара, — что сейчас им больше нечем заняться.

В коридор въехала машина-рефрижератор, принадлежавшая, как сообщил Лиорен, диагносту Землику. Возанин привык жить при сверхнизкой температуре в метановой среде. Его кристаллический обмен веществ, по идее, не должен был подойти вирусу-целителю. От средства передвижения, которым пользовался Землик, потянуло жутким холодом. Сам же Хьюлитт после того, как мимо него прошествовал О'Мара, напротив, просто-таки пылал.

— И как только удалось, — фыркнул он, когда дверь за Земликом закрылась, — такому язвительному, дурно воспитанному, поистине отвратительному человеку занять пост Главного психолога госпиталя? Как вышло, что до сих пор ни один сотрудник не оторвал ему голову, как это хочется сделать мне сейчас?

Лиорен вытянул перед собой одну из срединных конечностей и проговорил:

— А это — полковник Скемптон, он тоже землянин-ДБДГ. Он в госпитале отвечает за снабжение, эксплуатацию и вообще за все, что не имеет отношения к медицине. Он самый старший по званию офицер Корпуса Мониторов в госпитале. Думаю, вы не станете спорить со мной в том, что он никогда не был носителем вируса?

— Не стану, — согласился Хьюлитт. — Но все-таки я не понимаю, почему вместо О'Мары не работает кто-нибудь вроде Приликлы? Приликла милый, дружелюбный, приятный, и он на самом деле сочувствует пациентам. И еще... я хотел спросить об эмпатии. Почему его эмпатическая способность не срабатывает на диагностах? Или я добавил еще три вопроса к тем, на которые вы не будете отвечать?

Падре не смотрел на Хьюлитта. Взгляд всех своих четырех глаз он устремил вдаль.

— На последние ваши три вопроса у меня есть один ответ, и я его вам представляю, поскольку он не имеет отношения к нынешней ситуации. Простите, если буду прерываться в связи с прибытием диагностов.

Во-первых, — начал Лиорен, — Приликла чересчур хрупок и чувствителен для того, чтобы трудиться на посту Главного психолога, а О'Мара не мягок, но тоже чувствителен и заботлив...

— Чувствителен и заботлив? — изумленно переспросил Хьюлитт. — У меня что, транслятор испортился?

— У нас мало времени, — укоризненно сказал падре. — Вы хотите меня послушать или поговорить о майоре О'Маре?

— Простите, — извинился Хьюлитт. — Я вас слушаю.

Лиорен принялся объяснять. Будучи Главным психологом госпиталя, О'Мара отвечал за психологическое здоровье персонала, состоявшего из десяти с лишним тысяч медиков и технических работников. По причинам административного характера он носил ранг майора, вследствие чего относился к разряду младших офицеров Корпуса Мониторов. Однако его заслуги в деле обеспечения гладкой, бесперебойной работы такого множества разнообразных и потенциально враждебных существ под одной крышей было трудно переоценить, и власть его в этом плане была неограниченной, а авторитет — непререкаемым.

Следовало отметить, что, даже при самом высочайшем уровне взаимной терпимости и уважения среди сотрудников любых уровней и несмотря на то что еще до приема на стажировку все они проходили жесточайший психологический скрининг, все равно время от времени нависала угроза возникновения межличностных трений из-за незнания или недопонимания культуры или традиций существ других видов. Кроме того, у сотрудника мог развиваться невроз, который, если его не вылечить, мог сказаться в конце концов на психике этого сотрудника и его профессиональных качествах.

В обязанности майора входило обнаружение и ликвидация подобных проблем загодя, до того, как они смогли бы угрожать жизни или психике сотрудника. Если же лечение не давало желаемых результатов, то потенциально опасных сотрудников отсылали из госпиталя. Из-за этой постоянной слежки, поисков признаков неверного, нездорового мышления, которые вверенные О'Маре сотрудники осуществляли с таким рвением, он стал самым ненавист-

ным членом персонала. Однако Главному психологу повезло вдвойне: во-первых, он никогда не искал чьего-либо восхищения, а во-вторых, обожал свою работу.

На О'Маре лежит и особая, личная ответственность, — чуть подумав, пояснил Лиорен, — заключающаяся в охране психики диагностов, которые одновременно обладают... А вот идет диагност-мельфианин, Эргандхир. Когда мы с ним разговаривали в последний раз, он был носителем семи мнемограмм. Испытываете ли вы чувство узнавания при его приближении?

Хьюлитт дождался, пока мельфианин процокает мимо них на четырех покрытых жестким панцирем лапах и закрывает за собой дверь, и ответил:

— Нет. И он тоже сделал вид, что не заметил нас. А судя по тому, что вы только что сказали, я понял, что вы с ним знакомы.

— Мы очень хорошо знакомы, — не стал отрицать Лиорен. — И я должен сделать вывод о том, что сейчас в сознании Эргандхира преобладает мышление кого-то из доноров мнемограмм — того, кто со мной незнаком и никогда уже не познакомится, потому что тот доктор уже давно умер.

— Ужасно не хочется задавать еще один вопрос, — почти простонал Хьюлитт. — Но может быть, вы все-таки объясните?

— Это имеет отношение к ответу на первый вопрос, — объяснил Лиорен, — и я попытаюсь на него ответить...

Получение мнемограмм, судя по пояснениям Лиорена, представляло собой весьма сомнительное удовольствие, однако являлось необходимым, потому что ни одному существу нечего было и надеяться удержать в собственном мозгу все данные по физиологии и клинике, необходимые для лечения пациентов в таком универсальном госпитале. Эту сложную задачу решили с помощью мнемограмм, представлявших собой полнейшие записи памяти величайших медиков прошлого, принадлежащих к тому же виду, что и пациент, лечение которого предстояло осуществить специалисту-реципиенту мнемограммы. Если врачу-землянину нужно было лечить пациента-кельгианина, он получал мнемограмму по физиологии ДБЛФ, которую стирали из его

сознания по завершении лечения. Старшие врачи, занимавшиеся обучением практикантов, зачастую вынуждены были удерживать в своем сознании в течение длительного времени по две-три мнемोगраммы, и им это не очень нравилось. Утешать себя они могли только тем, что диагностам не слаще.

Диагносты считались медицинской элитой госпиталя. Диагносты относились к тем избранным, чья психика считалась достаточно устойчивой для того, чтобы выдержать одновременно до десяти мнемोगрамм. Этим перегруженным информацией гениям приходилось заниматься оригинальными исследованиями в области ксенологической медицины, диагностикой и лечением новых заболеваний у существ, ранее неизвестных науке.

В госпитале ходила поговорка, автором которой, как поговаривали, был не кто иной, как сам О'Мара. Заключалась она в том, что тот, у кого хватило ума стать диагностом, настоящий безумец.

— Тут надо понять, что в мнемोगраммы включены не только знания по физиологии, — продолжал пояснения Лиорен. — К ним примешиваются память и личностные особенности донора. Фактически диагност добровольно приобретает самую тяжелую форму множественной шизофрении. Его сознание оккупируют чужеродные личности, настолько отличающиеся от реципиента мотивацией поступков и характером, что... Конечно, гении в любой области редко бывают приятными в общении. Правда, доноры не довлеют над мышлением или функциями организма реципиента, но тот диагност, у которого есть проблемы с устойчивостью и интеграцией личности, порой способен уверовать в точку зрения кого-либо из доноров и тогда перестает владеть собой в полной мере. Одно уже то, что ты ходишь на двух ногах, а твое сознание настаивает на том, что у тебя их шесть, плохо само по себе, но куда хуже чужие капризы в отношении выбора пищи и сны, которые приходят, когда реципиент не в состоянии управлять своим сознанием. Страшнее же всего чужие сексуальные фантазии. От них действительно можно ополоуметь.

Так что с некоторыми диагностами, — заключил падре, — у О'Мары забот хватает.

Хьюлитт, немного подумав, изрек:

— Теперь я понимаю, почему патофизиолог Мерчисон сострила насчет того, что ее муж рассеян сразу за нескольких, и почему Приликла так сокрушался насчет трудности выявления эмоционального излучения вируса-целителя, если его носителем будет диагност. Но трудно поверить, что...

Он не договорил, потому что в поле зрения появился еще один диагност. Этот извивался и двигался ползком в прозрачном скафандре с откинутым шлемом. Лиорен пояснил, что это — креппелианский октопоид, теплокровная амфибия, способная дышать не только на суше, но и под водой. Состояние его кожных покровов, характерное для преклонного возраста, было таково, что на данный момент ему удобнее дышать воздухом, но так, чтобы тело при этом было погружено в воду. Как звали октопоида, Хьюлитт не понял. Даже через транслятор его имя прозвучало как какое-то еле слышное чихание. Как только Лиорен и Хьюлитт пришли к согласию по поводу того, что октопоид никогда не был носителем вируса, Лиорен проговорил в коммуникатор:

— Только что вошел последний, майор. За исключением Землика, которого мы не смогли разглядеть за его защитной оболочкой, всех диагностов и полковника Скемптона можно исключить.

— Хорошо, падре, — прозвучал голос О'Мары. — Немедленно продолжайте поиски.

Двое разведчиков тронулись по коридору, провожаемые страшным гамом из-за закрытой двери, но транслятор Хьюлитта ничего из этих звуков не понял. Лиорен объявил:

— Следующий пункт — палата АУГЛ. А во что это вам трудно поверить?

— Вы только не обижайтесь, — смущенно проговорил Хьюлитт. — Но мне кажется... у вас такая профессия, что вы слишком добры к Главному психологу. Никто не убедит меня в том, что этот злобный, дурно воспитанный, не умеющий владеть собой и бесчувственный человек на самом деле мягок и чуток. Ему ни до кого нет дела, он забо-

тится только о себе. И всякий раз, стоит только ему открыть рот, я убеждаюсь в своей правоте.

Падре для начала издал непере译имый звук, после чего сказал:

— Да, конечно, у майора О'Мары есть кое-какие личные недостатки. Найдутся среди сотрудников такие, кто скажет вам, что они сохраняют здоровую психику из одного лишь страха перед тем, что с ними сделает О'Мара, если они, не дай Бог, сойдут с ума. Конечно, это шутливое преувеличение. На самом деле — ничего подобного.

— Хотелось бы верить, падре, — вздохнул Хьюлитт...

Они снова вышли в один из главных коридоров. Теперь Хьюлитт наловчился избегать столкновений со встречными прохожими без помощи Лиорена и при этом продолжать разговор. Он был удивлен и крайне доволен собой.

— Поверьте мне, — сказал ему падре, — если уж существу, принадлежащему к любому виду, понадобится серьезная психиатрическая помощь, в госпитале нет лучшего специалиста, чем О'Мара. Я бы, если что, и сам к нему обратился. О'Мара берется за самые тяжелые случаи, он выручает из беды сотрудников, которым грозит изгнание из госпиталя из-за того, что они, движимые лучшими порывами, натворили что-либо несурзное. Зачастую при этом он спасает не только их разум, но и будущую карьеру. Но подобные файлы хранятся только в Отделении Психологии, и ни майор, ни его пациенты никому не рассказывают о проведенном лечении.

Хьюлитт и сам не понял, откуда у него вдруг появилась уверенность в том, что одним из таких пациентов в свое время был и сам падре.

— Спросите О'Мару — он вам скажет, что его пациенты — все сотрудники до одного, — продолжал Лиорен. — Большинство из них нуждается в минимуме внимания или вообще его не требует. С такими, как говорит О'Мара, он имеет возможность расслабиться и вести себя в обычной — саркастичной, несдержанной манере. Но если уж он проявляет о ком-нибудь заботу — как проявил ее о вас, когда вы у него в кабинете очень расстроились, узнав во мне бывшего носителя вируса, вот тогда можно волноваться.

Вы, однако, быстро пришли в себя, поэтому О'Мара вернулся к своему обычному поведению — такому, какое он проявляет при общении с умственно здоровыми, хорошо владеющими собой пациентами.

Так что вам не злиться на него надо, — заключил Лиорен, — а чувствовать, что он вам комплимент сделал, пусть это вам покажется и не слишком правдоподобно.

Хьюлитт рассмеялся.

— Благодарю вас за неправдоподобные сведения, — сказал он. — Но если серьезно, то у меня есть еще один вопрос, и я вам его уже задавал раньше. Что вы от меня скрываете?

— Раньше я сумел сменить тему разговора, чтобы ваши мысли потекли в другом направлении, — отозвался Лиорен. — Мы приближаемся к палате АУГЛ. Вы плавать умеете?

Глава 28

В наружной раздевалке Лиорен проверил герметичность своего шлема и то, как работает система подачи воздуха из баллонов скафандра Хьюлитта. Он действовал согласно указаниям Старшей сестры Гредличли, выполнявшей те же самые действия в залитом водой сестринском посту. Иначе бы им не разрешили войти в палату. Хьюлитт гадал, уж не существует ли в госпитале монополии на занятие должностей Старших сестер илленсианками. Уже вторая палата, в которую он попадал, была вверена заботам хлородышащей. Учитывая, что от медсестры его отделял скафандр и ее защитная оболочка, он решил, что запах хлора ему просто мерещится.

— Я собираюсь навестить пациента АУГЛ Двести тридцать третьего, — объяснил Хьюлитту Лиорен. — Такова физиологическая классификация этих вододышащих существ. А номерами при их обозначении пользуются потому, что именами они обмениваются только в тех случаях, когда общаются с близкими родственниками. Визуально АУГЛ выглядят страшновато, но они очень общительны и игривы в компа-

нии с существами, уступающими им по физической массе. Вы можете воспротивиться их желанию поиграть с вами, но помните, что намеренно они вам вреда не причинят.

Лиорен поплыл к входному люку. Под водой его неуклюжее, похожее на пирамиду тело с двенадцатью конечностями выглядело даже изящно.

— При первом взгляде на чалдерриан у многих возникает закономерный испуг, и никто вас не осудит за то, что вам не удастся осуществить с ними физический контакт. Это совершенно не обязательно, так что войти и поговорить с ними можете только тогда и только если почувствуете, что вы к этому морально подготовлены.

Довольно долго Хьюлитт смотрел сквозь прозрачную стенку сестринского поста в тускло-зеленый мир, очертания которого были сглажены плавающими пучками декоративных водорослей. Более крупные плавающие фигуры, видимо, принадлежали пациентам. Гредличли и медсестра-кельгианка были заняты работой за мониторами и на Хьюлитта внимания не обращали, поэтому он, не испытывая ни малейшей растерянности, медленно всплыл в палату.

Не успел он отплыть и десяти метров от сестринского поста, когда одна из расплывчатых темно-зеленых теней отделилась от стены на уровне пола и поплыла к нему, словно громадная органическая торпеда. По мере приближения торпеда приобретала пугающую трехмерную конфигурацию. Когда существо резко остановилось, Хьюлитта перевернуло вверх тормашками нахлынувшей волной и водоворотами, образовавшимися от биения множества плавников.

Один из этих массивных плавников дотронулся до его спины, и Хьюлитту показалось, будто бы он на миг очутился на мягком, но прочном матрасе, и он перестал кувыркаться. Отплыв немного от Хьюлитта, чудовище принялось описывать около него круги. Оно теперь было подобно гигантскому пончику, разрезанному поперек, длиной не меньше двадцати метров. Хьюлитт мог бы уплыть вверх или вниз, но почему-то и руки, и ноги, и голос не желали ему повиноваться.

Вблизи чудовище напоминало огромную, покрытую чешуйчатой броней рыбу с тяжеленным, заканчивающимся

костным лезвием хвостом, безумным количеством опасных на вид плавников и толстых эластичных щупалец, торчащих вокруг шеи наподобие воротника. Когда чудовище двигалось, щупальца отходили назад и прижимались к его бокам, но когда оно пребывало в покое, они направлялись вперед и тогда доставали до краев тупой морды. Ближайший к Хьюлитту лишенный ресниц глаз чалдерианина, размерами и очертаниями похожий на перевернутую глубокую тарелку, внимательно наблюдал за землянином. Чудовище подплывало все ближе и ближе. Вдруг морда его разъехалась, и перед Хьюлиттом предстала розовая пещера пасти, снабженной тремя рядами остроконечных белых зубов. Вот пасть раскрылась еще шире...

— Привет, — произнесло чудовище. — Ты новенький практикант? А мы кельгианку ждали.

Хьюлитт тоже открыл рот, но звук оттуда вырвался несколько позже.

— Н-нет, — выдавил он. — Я в-вообще не медик. Я д-дилетант, и я п-первый раз п-попал в палату АУГЛ.

— А-а-а... — понимающе протянул чалдерианин. — Надеюсь, я тебя не слишком напугал? Прошу простить, если все же напугал, но ты вел себя совсем не как те, кто попадает сюда впервые. Если ты сообщишь мне порядковый номер пациента, которого хочешь навестить, я с радостью провожу тебя к нему. А я — пациент АУГЛ Двести одиннадцатый.

Только Хьюлитт собрался представиться, как вспомнил, что чалдериане своих имен никому не называют, и решил, что лучше будет на этот счет помалкивать. От комплимента АУГЛ Хьюлитт немного смутился.

— Спасибо, — сказал он. — Но я не собирался разговаривать ни с кем из пациентов конкретно. А нельзя ли недолго побеседовать со всеми сразу?

Пациент Двести одиннадцатый несколько раз открыл и захлопнул рот. Хьюлитт уже решил, что тот ему сейчас ответит отказом, когда чалдерианин проговорил:

— Это возможно и даже желательно, а особенно для трех пациентов, которые вроде меня готовятся к выписке и ужасно скучают. Но времени у нас мало. Меньше чем через час начнется обед. Пищу нам подают синтезирован-

ную, но она подвижная и очень похожа на настоящую, поэтому маленьким существам вроде тебя лучше удаляться из нашей палаты на то время, пока мы едим. Как бы не проглотили, понимаешь?

— Не волнуйтесь, — поспешно заверил чалдерианина Хьюлитт. — Я уйду гораздо раньше.

— Это правильно, — похвалил его АУГЛ. — Могу ли я высказать мнение, которое тебя, вероятно, обидит?

Хьюлитт оценивающе оглядел массивное бронированное чудище, прикинул на глаз размеры зубов и ответил:

— Я не обижусь.

— Спасибо, — ответил чалдерианин, подплыл поближе и разместился так, что Хьюлитту стал виден только его чудовищных размеров глаз и край пасти. — Земляне не слишком ловки в воде. Вы передвигаетесь медленно и для этого, вероятно, тратите много энергии. Если ты ухватишься за край моего плавника — вот этого, что к тебе поближе, — крепко, обеими руками, — мы сможем навестить всех пациентов гораздо быстрее.

Хьюлитт растерялся.

— Но... плавник на вид не очень прочный. Вы уверены, что я вам не сделаю больно?

— Уверен, — заверил его АУГЛ. — Когда я сюда поступил, я себя не очень хорошо чувствовал, но сейчас чувствую себя гораздо лучше, чем выгляжу.

Не в состоянии придумать достойного ответа, Хьюлитт ухватился за основание плавника — золотого, покрытого красными кровеносными сосудами и торчавшего из бронированных чешуй подобно стеблю гигантского ревеня. Ему тут же показалось — чалдерианин хочет сбросить его, и он ухватился покрепче, но понял, что чудище просто пришло в движение. И декоративные водоросли, и массивные фигуры пациентов понеслись мимо с огромной скоростью.

Хьюлитт заметил: в палате нет кроватей, и решил, что в такой обстановке кровати смотрелись бы весьма экзотично. Для лежачих больных тут имелись приспособления, формой напоминавшие коробчатых воздушных змеев, у которых была снята одна плоскость. Внутри этих «змеев» находились пациенты, тела которых были свободно за-

креплены в этих приспособлениях. Около одного из таких пациентов, чья чешуя потрескалась и обесцветилась не то от возраста, не то от болезни, расположился Лиорен. Большинство остальных пациентов плавали около помеченных определенными значками участков стен или потолка, направив громадные глазища на освещенные экраны. Вероятно, смотрели развлекательные программы. В дальнем конце палаты, куда, по всей вероятности, нес Хьюлитта его проводник, двое чалдериан в полной неподвижности застыли нос к носу. Когда к ним приблизились Двести одиннадцатый и Хьюлитт, их массивные хвосты дрогнули и они торжественно развернулись к прибывшим, раскрыв громадные пасти.

— Можешь отцепиться, — посоветовал Хьюлитту Двести одиннадцатый и, протянув шупальце в сторону товарищей, представил их: — Это пациенты Сто девяносто третий и Двести двадцать первый. А это — посетитель-землянин, который хочет поговорить с нами.

— Вижу, что это не один из твоих наружных паразитов, — фыркнул Сто девяносто третий. — И о чем же он хочет с нами поговорить? О той дурацкой причине, из-за которой нам приходится все еще здесь торчать?

Прежде чем Хьюлитт нашелся что ответить, Двести двадцать первый вмешался:

— Прости нашего друга, маленький воздуходышащий брат. На его манерах отрицательно сказались нетерпение, скука и тоска по родине. Обычно он ведет себя гораздо приличнее, ну... то есть немного приличнее. Но его вопрос остается в силе — почему ты здесь и что ты хотел нам сказать?

Хьюлитт не сразу нашел в себе силы заговорить. Когда трое чалдериан выстроились перед ним в ряд, он почувствовал себя не слишком спокойно. Вида одного чалдерианина с разинутой пастью ему вполне бы хватило для того, чтобы утратить присутствие духа. Но теперь, когда их стало трое, они почему-то выглядели до того нелепо и даже смешно, что Хьюлитт успокоился. Он решил, что правду можно сказать, употребив немного изобретательности.

— Сам не знаю, о чем я хотел бы с вами поговорить, — протянул он. — Тема не имеет значения, просто хочется

немного поболтать. Я не медик и не психолог, я всего лишь бывший пациент, после лечения участвующий в исследовании. До тех пор, пока меня не выпишут из госпиталя, мне положительно нечем заняться, поэтому я попросил, чтобы мне позволили посещать других пациентов и сотрудников и разговаривать с ними. Мне позволили.

Здесь можно познакомиться с представителями почти всех видов, живущих в Федерации, — добавил Хьюлитт. — За все время, пока я жил на Земле, я успел познакомиться только с пятью инопланетянами. Нельзя же было упускать такую возможность.

— Но на Земле живет больше ста чалдериан, — возразил Двести одиннадцатый. — Они там работают консультантами по восстановлению популяции и обучению полуразумных морских млекопитающих, которых ваши предки чуть было не истребили до конца.

— Но большую часть ученых составляют сами чалдериане и члены их семейств, — заспорил Хьюлитт. — Только немногим землянам, специалистам по морской биологии, разрешается встречаться и работать вместе с ними. Посещения базы неспециалистам вроде меня запрещены, а здесь можно ходить друг к другу в гости.

— Все равно, — проворчал Сто девяносто третий. — Если ты решил тоску развеять, то здорово рискуешь. Наша планета еще мирная, а тут, говорят, такие есть... Ты чем болел? Психологических осложнений не было, случайно?

— Большинство врачей, лечивших меня на Земле, так и думали, — признался Хьюлитт, чувствуя, что иронизировать с чалдерианами не стоит. — Но здесь, в Главном Госпитале Сектора, причину моей болезни устранили и вдобавок доказали, что земные доктора ошибались на мой счет. А рисковать я особо не рискую, поскольку падре Лиорен вызвался быть моим проводником и телохранителем.

— Наверное, больничное начальство тебе чем-то обязано, раз согласилось выполнить такую необычную просьбу, — отметил другой АУГЛ. — Так чем же ты все-таки болел?

Хьюлитт мучился в поисках подходящего ответа, но его опередил Сто девяносто третий:

— Наверное, какой-нибудь хворью страдал, из тех, к которым склонны все неейцекладущие существа. Видите, молчит? Значит, не хочет рассказывать. Ну а мне это и так не очень-то интересно.

Хьюлитт хотел было возразить и объяснить, что он вовсе не неейцекладущая самка, но поскольку не понимал, какого пола перед ним чалдериане, то решил, что и они запросто имели право ошибиться на его счет.

— Как правило, — сказал он, — самые пикантные сплетни ходят насчет физических или эмоциональных аспектов процесса размножения. А мне не хотелось бы развлекать вас тем, что опорочило бы других.

— Понятное дело, — откликнулся Сто девяносто третий. — Только сейчас нам гораздо интереснее было бы узнать, почему нас не отправляют домой. Ты про это ничего не слышал?

— Мне очень жаль, но нет, не слышал, — ответил Хьюлитт. — Но постараюсь выяснить.

«Это уж точно», — подумал он, снова вспомнив полученное «Ргабваром» предупреждение и учебную эвакуацию в своей бывшей палате. Разрешат ли ему разглашать то, что он выяснит, — это уже другой вопрос. Почему-то он начал догадываться, что ответ на этот вопрос непрост и неприятен. Но скоро стало ясно, что на самом деле чалдериане больше всего жаждают поговорить о своей родине.

Поначалу Хьюлитту показалось, что все их попытки описать ему водную планету Чалдерскол равны стараниям рассказать дальтонику о красках заката, но он ошибся. Буквально несколько минут спустя он уже ощутил прелесть свободы передвижения в океане, покрывавшем всю планету целиком, за исключением двух небольших полярных участков суши. Глубина чалдерскольского океана местами достигала более ста миль.

Чалдериане пробили себе путь наверх по подводному древу эволюции, научились выживать в водной среде, а затем стали использовать природную энергетику подводных вулканов, не забывая при этом заботиться и о неразумных обитателях самой красивой планеты в Федерации, планеты, красоту которой таким воздуходышащим с маленькими гла-

зами, как Хьюлитт, можно было постичь только за счет увеличивающих изображение приборов и подводных судов. Когда чалдериане еще не знали, что такое огонь, когда они еще только-только делали первые шаги в развитии техники, они уже были цивилизованным народом. Дальнейшее развитие техники позволило некоторым из них совершать полеты над океаном — полеты по воздушному пространству, которое по условиям приближалось к вакууму, а затем — совершать полеты в космос. Но как бы далеко они ни улетали от родины, они продолжали оставаться частицами материнского чалдерскольского океана и нуждались в том, чтобы время от времени возвращаться на свою планету.

Они были настолько велики, им требовалось такое громоздкое оборудование и такие сложные системы обеспечения при полетах в космос, что Хьюлитт вообще удивлялся: зачем чалдерианам покидать родную планету?

— А зачем другие разумные существа отправляются в космос? — в свою очередь спросил его Двести одиннадцатый. — Вопрос серьезный, я бы сказал, философский, и разводить по этому поводу дебаты не стоит, если ты хочешь уйти от нас до того, как начнется обеденная охота... Держись за мой плавник...

Набравшись кое-какого опыта в разговоре с первыми тремя чалдерианами, Хьюлитт без труда обменялся несколькими фразами с остальными пациентами и даже понял испытываемые ими чувства, не выставив себя при этом полным тупицей. Он ненадолго задержался около тяжело больного, с которым беседовал Лиорен, но решил, что вмешиваться в их разговор лучше не стоит. Хьюлитту вполне хватило нескольких секунд плавания над лечебной клеткой пациента, чтобы понять — в прошлом тот не был носителем целительного вируса, как, впрочем, и остальные пациенты и сотрудники, работавшие в палате.

Вернувшись к сестринскому посту, он обнаружил, что люк подачи в палату питания открыт, а в воде в горизонтальном положении плавает более сотни плоских овальных предметов около метра в поперечнике. На верхней плоскости этих овалов выделялись неправильной формы пятна приглушенных цветов, на нижней — бледно-серой — не было ни пятнышка.

Вдоль всей верхней плоскости тянулись длинные невысокие позвоночные плавники. На конце каждого плавника виднелись три круглых отверстия. Хьюлитт подплыл поближе — он хотел разглядеть странные предметы получше. Протянув руку, коснулся овала — тот медленно завертелся. Неожиданно рядом с Хьюлиттом появилась Старшая сестра Гредличли.

— Что... — начал было Хьюлитт и умолк. Бесформенная конечность илленсианки выбросилась вперед, схватила овал и вернула в первоначальное положение.

— Нельзя менять траекторию, — по обыкновению ворчливо пояснила илленсианка. — К вашему сведению — если вы этого до сих пор не знаете, — это контейнер с концентрированным питанием, заключенным в съедобную раковину, приводимый в движение находящимися внутри капсулами с нетоксичным газом, выбрасываемым под высоким давлением. При этом достигается имитация движения в воде плавающего неразумного чалдерианского членистоногого. Было установлено, что подвижная еда улучшает аппетит у пациентов и оказывает на них благотворное психологическое воздействие. Если тележка для подвоза пищи врежется в стенку или пол и взорвется, моим медсестрам придется тут долго наводить порядок, а у них хватает других, более важных дел. Прошу вас, вплывайте внутрь сестринского поста и держитесь подальше от моих головных выростов. Пациенты, прошу внимания...

Голос Старшей сестры полился из динамиков, развешенных по стенам палаты. Про Хьюлитта она, казалось, напрочь забыла.

— Основное блюдо подано. Через пятнадцать минут будут поданы контейнеры, помеченные концентрическими синими окружностями, внутри которых будут находиться диетические блюда для пациентов Сто девяносто третьего, Двести одиннадцатого и Двести пятнадцатого. Прошу вас помнить о том, что эти блюда предназначены только для них. Пациентам, соблюдающим постельный режим, еда будет доставлена в постель медсестрами, как только покушают амбулаторные пациенты. Всем сотрудникам, не вернувшимся на сестринский пост, немедленно вернуться. Падре Лиорен, к вам это тоже относится.

Лиорен вернулся. Казалось, он не расположен разговаривать с кем бы то ни было. Наверное, все еще думал о больном. Хьюлитт провожал изумленным взором десятки искусственных членистоногих, покинувших сестринский пост и, испуская вихри пузырьков, расплывшихся по палате. Число их довольно резко снижалось, поскольку они быстро исчезали в клацающих челюстях чалдерриан. Фигурка Гредличли, похожая на странный подгнивший овощ в пластиковом пакете, все еще плавала неподалеку от Хьюлитта. Землянину показалось, что именно сейчас Старшей сестре положительно нечего делать.

— Старшая сестра, — звонко и уверенно проговорил Хьюлитт, — существам с физиологической классификацией АУГЛ непросто было бы передвигаться в чужеродной среде. Сколько времени потребуется пациентам вашей палаты при срочной эвакуации и как лично вы расцениваете шансы на успех?

Внутри защитной оболочки Гредличли зашевелилось несколько маслянистых желтых отростков. Она проворчала:

— Значит, вы уже знаете об аварийной ситуации. Это меня удивляет, поскольку информация предназначена только для старшего медицинского и обслуживающего персонала и одной Старшей медсестры, а именно — меня, чья палата в этом смысле представляет особые сложности. Или вы больше чем любопытствующий посетитель и имели желание побеседовать со всеми пациентами в моей палате по какой-то особой причине?

«Ответ на оба вопроса — да», — подумал Хьюлитт, но вслух произнести это не решился — ведь сведения о вирусе-целителе разглашать тоже запрещалось. Ему хотелось поподробнее расспросить илленсианку об эвакуации, но он не мог этого сделать, поскольку понимал, что нельзя. Любопытство в его душе сменилось страхом.

— Простите, Старшая сестра, — извинился он. — Я не могу ответить. Не имею права.

Еще несколько частей тела Гредличли неуклюже пошевелились.

— Терпеть не могу никакой таинственности, когда речь идет о моей палате. Мои пациенты-чалдерриане великаны,

но не тупицы. Даже в нашем госпитале находятся типы, которые связывают большие размеры тела с отсутствием тонких чувств. Если бы мои пациенты узнали о том, что в системе энергоснабжения произошла поломка, угрожающая всему госпиталю, и если бы они оказались последними на очереди в эвакуации из-за своих больших размеров, и если, что того хуже, в наличии бы не оказалось достаточного количества кораблей, которые можно было бы срочно приспособить для их перевозки, они бы не впали в панику и не пытались бы вырваться на волю силой. Атмосфера за пределами палаты для них ядовита, как хлор внутри моей защитной оболочки, как сам космос. Те, кому пришлось бы остаться здесь, смирились бы со своей судьбой, более того — они бы настаивали на том, чтобы обслуживающие их сотрудники спасались сами. Чалдериане — разумные, тактичные и заботливые существа.

— Вы правы, — промямлил Хьюлитт. В этом он и сам убедился. Кроме того, он только что получил от Гредличли пугающее свидетельство того, что учебные эвакуации проводятся повсеместно, за исключением чалдерианской палаты. Но больше всего им сейчас владело неожиданное чувство теплоты и расположения к этой ужасной хлородышащей. Он поспешно добавил: — Может быть, ничего такого и не случится, Старшая сестра. Этим занимаются инженеры-эксплуатационники. Не сомневаюсь, они сумеют все вовремя уладить.

— Судя по тому, сколько времени они потратили на ремонт устройства для приема органических отходов у кровати пациента Сто восемьдесят седьмого, — проворчала Гредличли, — навряд ли.

Все время, пока Хьюлитт вел разговор со Старшей сестрой, Лиорен не сводил с него всех своих четырех глаз, но помалкивал. Молчал он до тех пор, пока они не вышли в коридор. Хьюлитт гадал: уж не обидел ли он чем Лиорена.

— Вы согласны со мной, — поинтересовался он, — что в палате чалдериан не оказалась ни одного бывшего носителя вируса?

— Да, — ответил Лиорен.

Только это короткое слово и пробило брешь в обороне молчания. Но Хьюлитт становилось все страшнее, и нетерпение его росло. Он понимал, что следующими словами Лиорен может запросто заделать образовавшуюся брешь.

— Вы знали причину учебных эвакуаций? — спросил Хьюлитт. — Вы намеренно скрывали ее от меня?

— Да, — отозвался падре. И прежде чем Хьюлитт успел задать новый вопрос, Лиорен ответил на него: — Причин было три. Одну из них вам уже изложили. Вы не специалист в данной области, поэтому, даже зная вы целиком и полностью все о сложившейся ситуации, вы бы ничем не сумели помочь решению проблемы. Кроме того, полученные сведения вызвали бы у вас ненужную тревогу и могли бы отрицательно сказаться на результатах наших поисков. Я же получил неполные сведения о происходящем в обстоятельствах, вынуждающих меня препятствовать их распространению. В любом случае от Гредличи вы узнали об аварии столько же, сколько я, поэтому теперь я волен рассказать вам кое-что.

— Означает ли это «кое-что», — поинтересовался Хьюлитт с замиранием сердца, — что вы все равно что-то от меня скроете? Ради моего же спокойствия?

— Да, — коротко отозвался Лиорен.

Некоторое время они молчали, и стену молчания на этот раз воздвиг Хьюлитт, поскольку ему показалось, что падре разговаривает не так, как обычно. А разрушить заговор молчания попробовал Лиорен.

— Следующим, — сообщил он, — я должен навестить пациента в палате СНЛУ. СНЛУ — это чрезвычайно хрупкие создания, обитающие в метановой среде, крайне чувствительные к яркому свету и мельчайшим колебаниям температуры. Структура тканей, слагающих тело СНЛУ, — кристаллическая, именно поэтому они так хрупки. Защитное устройство, с помощью которого придется проникнуть в палату, громоздкое, бронированное, оборудовано аппаратурой для усиления изображения и системами дистанционного управления. Из-за повышенного слуха пациентов приходится снижать звук при выходе и повышать при входе. Это очень спокойная палата. Вы сможете подойти близко к моему пациенту, а остальные трое сейчас получают про-

цедуры. Затем вы оставите меня с моим пациентом наедине и сможете поговорить с остальными тремя — как с чалдерианами в палате АУГЛ. Тревожиться о том, как управлять машиной, вам не придется, ею будет дистанционно управлять одна из сестер с сестринского поста.

Хьюлитт промолчал. Он все еще злился на Лиорена за то, что тот счел его психом, способным потерять самообладание из-за недопонятых сведений.

— И еще вы поймете, — добавил Лиорен, — что атмосфера в палате СНЛУ способна охладить даже самые горячие головы.

Глава 29

В палате было не только холодно, но и темно. Она была надежнейшим образом защищена от самого минимального излучения и тепла, способного исходить от кораблей, пролетающих вблизи госпиталя. Иллюминаторов не было, поскольку обитателям палаты вредил бы даже свет далеких звезд. Изображение на экране дисплея в кабине защитной машины становилось видимым благодаря его специальной обработке. Перед Хьюлиттом предстала ожившая, призрачная фантазия. Тела СНЛУ формой напоминали восьмиконечные морские звезды. Чешуйки, покрывавшие тела, холодно поблескивали в метановом тумане, словно ограненные алмазы. СНЛУ были похожи на чудесных геральдических животных.

Когда Хьюлитт, проезжая мимо пациентов, отключил свой транслятор, чтобы послушать, как звучат их естественные голоса, он услышал звуки, которых ему прежде никогда не доводилось слышать. Казалось, он слышит музыку падающих снежинок, сталкивающихся одна с другой. В палате СНЛУ не оказалось ни одного прежнего вирусоносителя — никто, кроме самих СНЛУ, не смог бы выжить больше нескольких минут в такой атмосфере. Но, когда

настало время прощаться, Хьюлитту почему-то ужасно не захотелось отсюда уходить.

Следующая пациентка, которую предстояло посетить Лиорену, была медсестра-пенсионерка, мельфианка Лонталлет. Лиорен познакомил их. Убедившись, что и ее можно исключить из списка подозреваемых, Хьюлитт вышел в коридор, оставив Лиорена наедине с мельфианкой.

Ждать ему пришлось недолго, и заскучать он не успел, так как по коридору неторопливо ходили интереснейшие существа.

Хьюлитт насчитал тридцать кислорододышащих существ, относящихся к пяти видам. Некоторых из них везли на носилках. До слуха Хьюлитта время от времени доносились разговоры медсестер и медбратьев, из которых он понял, что имеет место как обычная транспортировка больных из палаты в палату, так и учебная эвакуация. Вскоре из палаты вышел падре.

— Передвигались ли они достаточно медленно для того, чтобы вы успели провести наблюдения? — поинтересовался тарланин. — Что-нибудь почувствовали?

— Да, — отозвался Хьюлитт. — И нет. Кто следующий на очереди?

— Нам нужно спуститься к люку на первом уровне, — ответил падре, — и по пути проверять всех и каждого. Теперь нам придется работать быстро. Подолгу разговаривать ни с кем из пациентов больше не удастся. Несколько слов и непродолжительный осмотр — вот все, что мы можем себе позволить. Вы устали?

— Нет. Усталости не чувствую. Только любопытство, — признался Хьюлитт. — И еще я проголодался, мы же не ели с тех пор, как...

— Непродолжительный голод, — оборвал его Лиорен, — нам не повредит. Я связался со своим отделением из комнаты медсестры Лонталлет. О'Мара на совещании. Он проводит селекторные переговоры с капитанами ожидающих кораблей, но оставил для нас сообщение. Положение ухудшилось, но до сих пор техническая сторона неполадков не обнародована. В настоящее время проводится одновременно три учебные эвакуации, но пока кораблей у причалов нет. Пациенты жа-

луются на неудобства, сотрудники догадываются, что происходит нечто серьезное, и хотят получить ответы, и, несмотря на все их попытки хранить профессиональное спокойствие, их неуверенность передается пациентам и наоборот. Ситуация опасна с психологической точки зрения, и дальше так продолжаться не может.

— Но в чем дело? — спросил Хьюлитт. — Не хватает кораблей для полной эвакуации или что? Храните от меня тайну, если вам так угодно, но уж другие-то здесь у вас наверняка привыкли ко всем неожиданностям — по меньшей мере к медицинским, — и они бы лучше себя вели, знай они все, даже если правда страшна. Неведение куда страшнее.

Лиорен быстрее зашагал вперед и на ходу ответил:

— Собрать достаточное число кораблей для эвакуации госпиталя — не самое трудное дело, учитывая, что такой опыт в прошлом у Федерации имелся. Может быть, проблему не разглашают потому, что сами ее хорошенько не понимают, или потому, что проблема не единственная.

— Вы пытаетесь заморочить мне голову, — уточнил Хьюлитт, — или намекаете на что-то?

Лиорен проигнорировал его вопрос и продолжал:

— В столовой Приликла не обнаружил ничего подозрительного. Он не нашел вируса ни у кого из тех, кто там принимал пищу, но очень устал и теперь нуждается в длительном отдыхе. Поэтому остаемся только мы с вами — так сказал О'Мара. Мы должны найти как можно быстрее. Кроме того, сейчас мы должны надеть шлемы и закрыть их наглухо во избежание траты времени при смене среды.

— Но на этом мы выиграем всего-то несколько минут, — заспорил было Хьюлитт, но сам себя оборвал: — Нет, я это просто так.

Приказ надеть шлем показался Хьюлитту довольно-таки глупым, поскольку им предстояло посетить две палаты, где размещались теплокровные кислорододышащие пациенты с такими же требованиями к атмосферному давлению и температуре, как и у них с Лиореном. Вероятно, экстренная ситуация сказалась даже на мышлении Главного психолога.

Следующая палата оказалась одной из немногих в Главном Госпитале Сектора — такой же была палата чалдериан, — где размещались пациенты только одного вида. Хьюлитт впервые увидел невооруженным глазом такое количество илленсиан сразу. Он ничуть не удивился, когда они с Лиореном ни у одного из них не выявили ни нынешнего, ни бывшего вирусоносительства, поскольку просто не мог представить, чтобы какое-либо существо, в каком бы отчаянном состоянии ни пребывал потенциальный носитель-илленсианин, пожелало бы вселиться в такое тело.

Они проходили палату за палатой. Пациенты сменяли пациентов. Многие из них, как и обслуживающие их сотрудники, принадлежали к видам, которые раньше никогда не попадались Хьюлитту на глаза. Сейчас не время было задавать вопросы и ждать ответов. Никто из увиденных Хьюлиттом существ не показался ему отвратительнее илленсиан, но никто из них никогда не носил в себе вируса-целителя. Разведчики проносились по палатам с такой скоростью, что вызвали закономерное недоумение, а по поводу запаха хлора, исходившего от их скафандров, слышали весьма неодобрительные замечания, но все же довольно сдержанные из-за присутствия падре. Ничего не дало и наблюдение за всеми, кто встречался им в коридорах.

— Я вот о чем думаю, — чуть запыхавшись, проговорил Хьюлитт. — Уж не обманываем ли мы себя с этим чувством узнавания бывших носителей вируса? Чувство не поддается описанию — ну, может быть, его можно было бы назвать братским. Но может быть, мы его испытываем только друг к другу и больше ни к кому? Да и вообще что-то неладно. Не знаю, что именно, но, может быть, знаете вы и скажете мне?

Лиорен остановился настолько резко, что Хьюлитт обогнал его на три шага и вынужден был вернуться. Видимо, они успели уйти с медицинских уровней, потому что теперь им встречались только сотрудники в форме Эксплуатационного отдела. На дверях и поворотах в боковые коридоры стояли значки и символы энергетических подстанций, систем теплообмена. Над дверью, расположенной прямо перед ними, красовался знак, предупреждающий об

опасности радиоактивного излучения. Хьюлитту стало интересно — что же за палата может находиться здесь.

— Вы устали? — спросил у него Лиорен.

— Нет, — ответил Хьюлитт. — Пытаетесь уйти от вопроса?

— Вы, может быть, слышали от кого-нибудь... — отозвался падре, — что я когда-то работал здесь доктором... Я просто хотел сказать, что знаком с людской физиологией вполне достаточно для того, чтобы понимать, каков предел ваших физических возможностей. Сейчас вы наверняка очень устали и проголодались. Мой следующий и последний на сегодня пациент принадлежит к классификации ВТХМ. Для нормальной жизнедеятельности он поглощает жесткое излучение и поэтому никак не может стать носителем вируса. Кроме того, этот пациент при смерти, и посещаю я его по той же самой причине, по какой пришел к нему впервые. Я стараюсь бывать у него как можно чаще. А вы можете воспользоваться этой возможностью, чтобы поесть и передохнуть.

— Я не устал, — возразил Хьюлитт. — Разве вы забыли, что вирус оставил нам в наследство прекрасное здоровье и что теперь наши организмы способны переносить гораздо большие нагрузки, нежели раньше? Разве я не прав? Разве вы не чувствуете себя не таким утомленным, как чувствовали бы раньше при прочих равных?

— Мне не хотелось бы с вами спорить, — отозвался падре. — Особенно теперь, когда вы правы. Мне слишком о многом надо подумать, и я не могу отвлекаться на такие мелочи. Ну хорошо. Мы действительно не так устали, как могли бы.

Хьюлитт явно задел Лиорена, хотя и не хотел. Вероятно, падре был погружен в религиозные раздумья перед визитом к тяжелобольному. Хьюлитт решил, что нужно попросить прощения.

— Знаете, просто я всю свою жизнь с кем-нибудь спорил. Чаще всего — с врачами, которые были уверены в том, что они правы, а я заблуждаюсь. Простите, у меня это вошло в привычку, и мне надо от нее избавляться. Если у вас есть веские причины — личные или религиозные — не

желать моего присутствия при вашем визите к пациенту, только скажите, и все. Но мне кажется, что если уж мы проверили всех потенциальных носителей вируса вместе, то надо бы завершить эту работу, даже если мы потратим время впустую.

Падре промолчал. Хьюлитт рассмеялся и сказал:

— Ну хорошо, вы считаете, что пожиратели радиации — телфиане — неподходящие хозяева для вируса, а как насчет морозолюбивых СНЛУ? Разве вирус мог бы выжить при температуре, близкой к абсолютному нулю? Мог бы — если он, конечно, разумен.

Лиорен никак не среагировал на попытку Хьюлитта пошутить.

— Мне недостаточно хорошо известна мотивация вируса, — сказал он, — для того чтобы рассуждать о том, почему он поступает так или иначе. Но если вы вспомните вашу земную естественную историю, то вспомните и о том, что существует множество простейших животных, которые способны в течение длительных периодов времени выживать под толстым слоем полярных льдов — порой в течение миллионов лет.

— А вы помните, — парировал Хьюлитт, с трудом скрывая раздражение, — как я сказал О'Маре о том, что вирусу удалось пережить последствия ядерного взрыва? И что эти последствия он переживал в течение двадцати лет и только потом угодил в меня живым и здоровым?

Тут им пришлось поспешно отскочить в сторону, чтобы на них не налетели двое орлигиан в форме Корпуса Мониторов. Они мчались по коридору на тележках с оборудованием со скоростью гоночных машин. Лиорен отошел только через несколько минут.

— Этого я не помню, — протянул он, — потому что эту часть вашего разговора не слышал, и сведения эти для меня новы. Однако существует большая разница между кратковременным воздействием излучения, пережитым вирусом, и тем постоянным интенсивным воздействием, которому подвергаются телфиане в течение всей их жизни. Вы снова спорите со мной, возможно, вы и правы. Хорошо, вы можете сопровождать меня в телфианский отсек.

— Благодарю, — кивнул Хьюлитт. — После того как я взгляну на пациента, я могу оставить вас с ним наедине.

— Это не понадобится, — возразил падре. — Пациент при смерти и, хотя он знает об этом, он никогда ни на что не жалуется. Все телфианские религии основаны на различных формах поклонения солнцу, но пациент не говорил о том, что он является приверженцем одной из этих религий. Сейчас он хочет одного: говорить с кем-нибудь из разумных существ, кто бы стал слушать его. Он готов говорить на языке чужеземцев до тех пор, пока способен произносить слова. Он страдает, и все, что мы можем для него сделать, так это побыть рядом с ним и послушать его — в надежде, что принесем ему хоть немного добра.

Лиорен, не сказав больше ни слова, резко свернул в боковой коридор. Хьюлитт бросился за ним вдогонку. Поравнявшись с падре, он спросил:

— А не лучше ли было бы, если бы в такое время с пациентом рядом находился бы кто-нибудь из его друзей?

— Вы явно знаете слишком мало о телфианах, — откликнулся падре.

— Да, я знаю немного, — согласился Хьюлитт, почувствовав, как заливается краской — последние дни его что-то слишком уж часто обвиняют в невежестве. — Я никогда не предполагал, что мне придется лично встретиться с кем-либо из них, поэтому я и не видел причин, зачем бы узнавать о них какие-то подробности. Знаю только, что они ужасно радиоактивны, очень опасны... ну и что к ним нельзя близко подходить.

— Враждебна среда их обитания, — уточнил Лиорен, — а не они сами. Мало кому из жителей Федерации приходится лично встречаться с телфианами, так что вам не стоит обижаться — вполне понятно, почему вы почти ничего не знаете о них. Прежде чем вы встретитесь с пациентом, надо бы вам побольше узнать о том, как телфиане живут, но что еще важнее — как они умирают. Надеюсь, вы способны усваивать знания, передвигая при этом свои нижние конечности немного быстрее?

— Я от вас не отстану, — заверил его Хьюлитт.

Лиорен, не обратив внимания на двусмысленность, продолжал:

— Я дал обещание умирающему телфианскому астронавигатору по имени частица Черксик прикоснуться к нему и слушать его до тех пор, пока он будет в состоянии произносить слова. Мы все еще не обнаружили вируса. Поэтому мне хочется сдержать свое обещание и потратить часть того времени, которое мы, судя по всему, тратим впустую, на доброе дело.

— А не потратите ли хоть немного времени на то, — встрял Хьюлитт, — чтобы выслушать меня?

— Потрачу, — неожиданно безо всякой растерянности ответил падре. — Я заметил, что вы сильно разнервничались, но не понимаю, то ли вы сердитесь на меня из-за того, что я не могу удовлетворить ваше любопытство, то ли вас беспокоит что-то более серьезное, личное. Если я прав в последнем, то насколько это срочно? Я вас в любом случае выслушаю — сейчас или попозже, но вы не хуже меня понимаете, что сейчас для этого не самое лучшее время. Можете ли вы сказать мне просто — и, надеюсь, коротко, — что вас тревожит?

Не глядя на падре, Хьюлитт ответил:

— Вы правы, падре. Меня снедает любопытство, и я сержусь на вас из-за того, что вы мне не отвечаете. Я понимаю, вам запретили мне отвечать, но это-то и пугает меня больше всего. Поэтому я все время задаю вопросы, которые мне не следует задавать, и волнуюсь. Меня тревожит общее положение дел.

— Продолжайте, — распорядился Лиорен, остановившись перед шкафом, в котором висели противорадиационные скафандры для землян разных размеров. — Наденьте скафандр, подходящий вам по размерам, прямо сверху. И, пожалуйста, говорите, пока я буду помогать вам облачаться.

«И времени уйдет меньше», — с тоской подумал Хьюлитт, но падре был слишком вежлив и так не сказал.

— Хорошо, — кивнул Хьюлитт и принялся одеваться. — Насколько нам известно, единственными существами, инфицированными, ну, или населенными вирусом, были я, моя кошка, Морредет, вы и еще кто-то неизвестный нам или неизвестные. Вирус оставил нам в наследство прекрасное здо-

ровье и — по непонятной причине — странную способность узнавать бывших носителей вируса. Зачем ему это понадобилось? И что он на самом деле сделал с нами?

Не дожидаясь ответа, Хьюлитт продолжал:

— Это телепатия? Или эмпатический дар, как у Приликлы? Мы не способны точно улавливать мысли и чувства друг друга, так что скорее всего — ни то, ни другое. Я не специалист в области ксенобиологии и тем более — в области поведения инопланетных вирусов, как разумных, так и неразумных, и никто, включая и вас, падре, на эти вопросы ответить мне не в состоянии. Но прав ли я, когда мне кажется, что дар узнавания мог быть приобретен нами только в результате происшедших в нас физических изменений? Не получили ли мы своеобразную визитную карточку вируса в качестве какого-либо побочного действия и на самом деле произошло что-то более серьезное, что-то такое, что вирус производит со всеми, в ком он пожил? Имеет ли к этому отношение долгожительство вируса? А вдруг мы все уже заражены вирусом и в нас зреют его эмбрионы?

Хьюлитт застыл на одной ноге, не успев натянуть вторую штанину защитного скафандра. Падре стоял рядом с ним и поддерживал верхнюю часть костюма. Он тоже не двигался и молчал. Наступила тягостная пауза. Нарушил ее падре.

— Мне было запрещено отвечать на ваши вопросы, — сказал он, — по причинам, которые я вам уже излагал. Это делалось для того, чтобы вы не впали в еще более тревожные раздумья. Но я не стану скрывать от вас ответы, поскольку теперь мне совершенно ясно, что вы сами до них додумались.

Хьюлитт молчал. Почему-то ему уже не хотелось, чтобы на его вопросы был дан ответ.

— Вы уже знаете, — между тем продолжал Лиорен, — что главным фактором в лечении пациентов разных видов является то, что мы можем осуществлять его без риска перекрестной инфекции, поскольку патогенные микроорганизмы одной планеты не могут инфицировать существ, родившихся на других планетах. Этот факт нас очень утешал, поскольку нигде в

исследованной Галактике не было ни единого случая исключения из этого правила. До сих пор.

— Но вирус безвреден, — тоскливо проговорил Хьюлитт. — Он не болезнь. На самом деле совсем наоборот.

— Верно, — согласился падре. — Но все же он — вирус, форма универсального патогена, со всем, что из этого следует. Да, он представляется разумным, вероятно, высокоразвитым организмом, не намеревающимся причинить кому-либо никакого вреда, но мы не можем быть в этом целиком и полностью уверены. Мы можем ошибочно принимать примитивное, эгоистичное желание вируса поселяться внутри других существ и поддерживать их в состоянии отличного здоровья за альтруизм. Конечно, такая мысль греет душу, но в таком месте, как Главный Госпиталь Сектора, мы не можем себе позволить исключить и такую возможность — независимо от того, чем диктуется поведение вируса: разумностью, альтруизмом или высокоразвитым инстинктом выживания, — что перед нами самый страшный медицинский сон, какой только мы можем себе представить.

— Все равно не понимаю, почему вы так беспокоитесь, — отозвался Хьюлитт. — Он же всего-навсего лечит разных существ, вот и все!

— Вы забываете о том, что он уже успел натворить, — возразил падре. — Нам известно о шести отдельных случаях, когда вирус пересек межвидовой барьер. Он сделал это с легкостью, не задействовав при этом механизмы естественной защиты реципиентов, хотя затем провоцировал аллергическую реакцию на любые медикаменты и токсичные вещества, поступавшие в организм носителя. Фактически вирус представляет собой суперпатогенный микроорганизм — организованную разумную колонию вирусов, способную модифицировать свою структуру для адаптации и выживания при разнообразных температурных условиях внутри существ с разной физиологией и разным обменом веществ. Число носителей, оккупированных им в прошлом, нам неизвестно, и...

— Погодите, — ахнул Хьюлитт. — Медицинская бригада на «Ргабваре» знала об этом, но от меня скрывала?

— Да, — ответил падре. — Это стало ясно, как только они поняли, что к делу причастен личный врач Лонвеллина и что вы больше не даёте аллергической реакции на новые лекарства, но Приликла не хотел, чтобы вы волновались.

— Когда мы летели сюда с Этлы, — вспомнил Хьюлитт, — Нэйдрад сказала, что мои несчастья только начинаются. А я думал, она говорит о чём-то другом.

— Нет, не о другом, — вздохнул Лиорен. — Потенциально существо, способное творить такое, очень опасно. Может быть, оно и несознательно кому-либо вредит, но механизм, благодаря которому он так легко путешествует по разным видам, может также послужить мостом, по которому пойдут другие патогенные микробы, и если мы позволим такому обладающему высочайшей степенью адаптационной способности универсальному штамму гулять по госпиталю, то не исключено, что он и впредь будет лечить свои жертвы. Но он один, а если разразится внутрибольничная эпидемия, ему не поспеть. Тогда Главный Госпиталь Сектора, а может быть, и всю Галактическую Федерацию постигнет большая беда.

Это будет означать конец, полный крах того, чего мы добивались, — свободных, открытых контактов между планетарными цивилизациями, — заключил падре. — Мы будем отброшены назад, обречены на обитание на родных планетах. А если уж решимся на путешествия, то будем прибегать к строжайшим процедурам обеззараживания.

— Так вот почему, — пробормотал Хьюлитт, — эвакуационным кораблям не разрешают приближаться к причалам.

На этот раз это не прозвучало как вопрос.

Глава 30

На мгновение Хьюлитту стало так холодно, что ему почудилось, будто он попал в палату СНЛУ без защитного скафандра. Он гадал, почему же тогда с его лба градом ка-

тится пот. Падре смотрел на него во все свои четыре глаза. Хьюлитт не понял, к чему отнести слова Лиорена — то ли к нетерпению, то ли к желанию из терапевтических соображений сменить тему разговора.

— Постарайтесь сейчас не думать об этом, — посоветовал падре. — Вам предстоит встреча с первым в вашей жизни телфианином. К несчастью, с умирающим. Сейчас я вам кое-что расскажу. Вам нужно будет принять некоторые меры предосторожности — и ради себя, и ради того, чтобы еще сильнее не огорчить пациента Черксика. Слушайте внимательно и по возможности не перебивайте...

Лиорен стал рассказывать Хьюлитту об условиях жизни на Телфи — планете, которая обращалась примерно в тридцати миллионах миль от своего солнца и была постоянно обращена к нему одной стороной. Тамошняя флора колебалась в промежутке между растительной и минеральной формами жизни. Температура и радиация на Телфи были смертельны для всех разумных существ Федерации. Телфи — поистине адское место для всех, кроме самих обитателей этой планеты.

Они представляли собой квазигивотную форму жизни, эволюционировавшую на дневном полушарии планеты и нуждающуюся в непрерывной жаре и высокой радиации, обеспечиваемых местным солнцем. Помимо разговорной речи, жители Телфи обладали даром телепатии, с помощью которой общались между собой отдельные представители вида, а особенно — члены семейных сообществ, пребывающие в постоянном физическом контакте друг с другом.

К тому времени, когда телфиане освоили космические полеты, их цивилизация уже была очень древней и высокоразвитой. Внутри космических кораблей телфианам было крайне трудно воспроизвести условия жизнеобеспечения. По стандартам Федерации, на этапе освоения космических полетов они понесли огромные потери из-за неполадок техники. Однако это не удержало телфиан от межзвездных перелетов, от того, чтобы присоединиться к Федерации и черпать те торговые и культурные блага, которые сулило такое присоединение. В частности, телфиане довольно часто прибегали к медицинской помощи.

Если кораблю с больными телфианами на борту удалось быстро добраться до Главного Госпиталя Сектора, то помощь им оказывали немедленно. Проблема же заключалась в том, что, когда у телфиан выходил из строя механизм поглощения радиации в результате резкого прекращения ее подачи или нехватки излучения или если то же самое происходило в результате травмы, тогда врачи имели в своем распоряжении не больше ста часов. Для лечения телфиан нужно было срочно восстанавливать необходимый уровень радиации.

Из-за необходимости время от времени репродуцировать лечебное излучение Главный Госпиталь Сектора и был оборудован небольшим реактором, фактически представлявшим собой функционирующий музейный экспонат на фоне современного фузионного оборудования. За годы в Главном Госпитале Сектора накопили также опыт лечения нетравматических заболеваний у телфиан — болезней органов дыхания, кишечного тракта, гинекологических проблем. Но зачастую лечение скорее проводили физики, нежели терапевты.

— Пациент, к которому мы направляемся, — пояснил Лиорен, — последний и единственный из трех пострадавших при космической катастрофе, причину которой никому из нас понять не дано. Черксик был частицей специализированного сообщества, ответственного за управление кораблем, и поскольку он больше не является функционирующим членом группы, остальные прекратили с ним всякий физический, словесный и телепатический контакт из-за...

— Но вы же сказали, — вмешался Хьюлитт, — что телфиане — цивилизованный народ?

— Да, — подтвердил Лиорен. Его глаза и конечности быстро бегали, работая над проверкой герметичности скафандра. — Вот так. Снимите перчатку. И хирургическую тоже снимите. При посещении Черксика они вам не понадобятся. А вот лицевую пластину проверьте еще разок, пока я одеваюсь. Для зрения там очень опасный уровень радиации.

— Что-то ткань у скафандра тонкая какая-то, — засомневался Хьюлитт.

— И ткань, и материал для изготовления лицевой пластины импортированы с Телфи, — возразил Лиорен. — Там их специально разработали для защиты инопланетных гостей. Ни вы, ни ваш возможный будущий отпрыск не пострадаете, не волнуйтесь.

— А как вы думаете, — спросил Хьюлитт, стараясь говорить как можно спокойнее, — если бы мы были носителями эмбриона вируса, Приликла бы его смог обнаружить?

— Да, — ответил Лиорен, — если бы эти эмбрионы развились до стадии самосознания.

Хьюлитт все еще пытался найти подобающий ответ, когда Лиорен сказал:

— И хотя вам это покажется странным, пациент Черксик не нуждается сейчас в присутствии рядом с ним члена семейства или друга. Ни один телфианин никогда бы не попросил о таком. Медленно умирать, но находиться при этом в сознании — это очень мучительно для любого существа, а телфиане, до самого конца сохраняющие телепатическую способность, не хотят делиться своими страданиями ни с кем из своих сородичей. Умирая, они испытывают сильнейшие боли, несмотря на то что органы чувств постепенно отмирают, они мучаются страхом, который не в силах скрыть, потому что телепаты на это не способны. Они пребывают в одиночестве, в изоляции, и поверьте — для существа, с детства привыкшего к тесному физическому и умственному контакту с себе подобными, нет ничего страшнее изоляции. Нетелепаты такое себе и представить не могут. И вместе с тем только нетелепаты вроде нас с вами способны утешить умирающего телфианина — поговорить с ним с помощью транслятора, выслушать его последние мысли, позволить ему в последний раз ощутить контакт с разумными существами. Он знает, что нам жаль его, но что мы не можем почувствовать его боли.

Хьюлитт еще не видел умирающего Черксика, но ему уже было немного стыдно из-за того, что к жалости примешивался собственный эгоистичный страх.

— А как они выглядят? — спросил он. — И когда вы говорили о тесном контакте, вы что имели в виду?

— Сейчас мы войдем в отсек, — сказал падре. — Идите за мной и не бойтесь. Внутри все — в пределах видимой части спектра.

Замок люка открылся. За крышкой люка оказался переходной туннель, в конце которого, как показалось Хьюлитту, горело ослепительное квадратное солнце. К тому времени, когда они поравнялись с ним, глаза Хьюлитта уже успели привыкнуть к яркому свету, но он все же шурился, чтобы рассмотреть получше палату. На стенах и потолке располагались приборы, назначение которых было Хьюлитту совершенно непонятно, но в центре палаты стояли носилки, а на них — два длинных открытых металлических ящика. Хьюлитт пошел следом за падре. Тот остановился возле носилок. Землянин подумал, что гробы везде выглядят одинаково. Однако ему показалось, что как-то жестоко класть кого-либо в гроб до наступления клинической смерти.

— Эти двое мертвы, — констатировал падре тихим печальным голосом, и тут только Хьюлитт понял, что размышляет вслух. — Они оба умерли за несколько минут до моего прихода. Их оставили в переходной камере, чтобы их присутствие не огорчало живых членов сообщества, а также для удобства сотрудников Отделения Патолофизиологии, откуда пришлют кого-нибудь для того, чтобы забрать трупы. Поскольку мертвых телфиане почитают только в своих воспоминаниях, они пожертвовали тела умерших товарищей госпиталю. Им пообещали, что останки будут преданы солнцу — а какому солнцу, это телфианам все равно. Так всегда поступают члены сообществ, путешествующие в космосе. Простите меня, я должен узнать, могу ли я посетить Черксика, жив ли он, но помните — в разговоре с телфианами о смерти ни в коем случае упоминать нельзя.

— Хорошо, — сказал Хьюлитт. — Но вот вы сказали насчет контакта...

— Падре Лиорен и пациент Хьюлитт, землянин, ДБДГ, просят контакта с поврежденной частицей Черксик, — проговорил падре в микрофон коммуникатора. — Возможен ли контакт и удобен ли он сейчас?

Ответный звук в наушниках напомнил щелчок, возникающий при электрическом разряде. Транслятор перевел его так:

— Добро пожаловать, Лиорен и незнакомец Хьюлитт. Краткий визит возможен. Прошу вас, подождите.

Падре подошел поближе к Хьюлитту и вместе с ним взглянул на одного из мертвых телфиан. С неожиданной грустью Лиорен проговорил:

— Страдания и одиночество долги, и мы мало что можем сделать для того, чтобы облегчить их, но частица Черксик еще жива.

После всего, что слышал Хьюлитт об экзотическом, питающемся радиацией виде, он никак не ожидал, что телфианин будет выглядеть настолько заурядно.

Существо, лежащее в металлической коробке, напоминало большую земную ящерицу длиной чуть меньше пяти футов. У ящерицы была круглая голова и хвост, украшенный гребнем. Из основания шеи торчало несколько передних лапок. Мертвый телфианин лежал на животе. Все четыре двигательные лапки он подогнул и вытянул вдоль тела, а две более длинные передние конечности вытянул перед собой и сложил под подбородком. Глаза его были закрыты. Кожа была светло-серой, испещренной пятнышками и полосами кровеносных сосудов. Казалось, перед Хьюлиттом статуэтка из неотполированного мрамора.

Хьюлитту хотелось что-то сказать, но, вспомнив, что говорить о смерти запрещено, он проговорил:

— А... гм-м-м... какой интересный цвет кожи. Она такая красивая...

— Когда встретитесь с Черксыком, — резко проговорил падре, — такого ни в коем случае не говорите. Для телфиан бледная кожа неинтересна и некрасива — это симптом сильного радиационного голодания и смертельного нарушения механизма поглощения излучения. Вы можете прикоснуться к телфианину, если это не вызовет у вас отвращения. Положите руку на любое место.

Устыдившись своего нелепого замечания насчет красоты кожи трупа, Хьюлитт почувствовал, что просто обязан прикоснуться к нему.

— Она очень теплая, — изумленно пробормотал он.

— Он больше не поглощает энергию, — пояснил падре. — И температура его тела поднялась до уровня комнатной. Черксику больше всего нравится, когда я поглаживаю его голову — медленно, нежно. Физический и словесный контакт — плохая подмена телепатии, но пациенту все же нравится и то, и другое.

Хьюлитт замер, не отрывая руки от бледной мраморной кожи ящерицы. В голове мелькнула какая-то мысль — ну же, еще немного, и он все поймет!

— Ну, пожалуйста, подождите! — взмолился он. — Я пытался вам задать вопрос, но вы... Вы что, хотите сказать, что прикасались к Черксику голыми руками — как тогда, когда гладили новую шерсть Морредет?

— Да, — не стал отрицать падре. — Но не стоит так волноваться. Физиологически телфиане никак не годятся для того, чтобы в кого-то из них мог вселиться вирус — это все равно что поселиться в ядерном реакторе.

Хьюлитт задумчиво протянул:

— А я вам уже говорил, что вирус пережил ядерный взрыв, а тот реактор, про который вы рассказываете, был... скажем так, очень болен.

Не только вспышка озарения осветила сознание Хьюлитта. Свет исходил и снаружи: открылась еще одна крышка люка, и на пороге возник телфианин. За его спиной располагалась еще одна, прозрачная дверь, сквозь которую были хорошо видны внутренние помещения космического корабля. Хьюлитт решил, что телфианин, по всей вероятности, здоров, и даже очень здоров, поскольку он совсем не отражал света. И он, и другие телфиане, которых Хьюлитт видел через прозрачную крышу корабельного люка, выглядели как фигурки в театре теней — множество черных-пречерных ящериц.

И каждый телфианин, какого только мог видеть Хьюлитт, был прошлым носителем вируса, а один — его нынешним носителем.

Послышался электрический треск. Телфианин, стоявший около открытой крышки люка, заговорил и подошел ближе к разведчикам:

— Я — частица Черксик, — сказал телфианин. — Прощу вас, коснитесь меня по очереди, мои чужеземные братья и целители. Вскоре наш корабль вернется на Телфи, а мне нужно сообщить вам очень важные сведения.

Глава 31

Черксик встал между ними. Лиорен, чье любопытство было сильнее, чем любопытство Хьюлитта, а может — страх меньше, возложил одну из своих срединных конечностей на голову Черксика. Тело Лиорена коротко вздрогнуло, хотя ничего дурного с ним явно не случилось. Падре молчал, а по его физиономии Хьюлитт ни о чем догадаться не мог, поэтому понятия не имел о том, что же происходит. Прошло еще несколько минут, прежде чем падре отпустил руку. Теперь настала очередь Хьюлитта.

В отличие от тела мертвого телфианина кожа Черксика оказалась на ощупь холодной, но ладонь Хьюлитта почему-то легонько покалывало — как тогда, когда он коснулся тела Морредет в том месте, где у нее пострадала шерсть. Но на этот раз покалывание поползло вверх по его руке, по плечу и добралось до головы. На миг все его чувства закружились в танце тепла, холода, давления, радости и боли. Он видел невиданные цвета, его разум заполнили знакомые и незнакомые запахи.

Почему-то в памяти Хьюлитта мелькнул образ его кошки. Он явственно увидел, как она ходит около его ног и нежно трется о них, как она прикасается к нему всеми лапами по очереди, как забирается к нему на руки, сворачивается калачиком и засыпает. Вот точно так же сейчас кто-то или что-то осторожно просился в его сознание, пытаясь устроиться там поудобнее. Попытки были нежны, но настойчивы.

И вдруг знания буквально взорвались в мозгу у Хьюлитта.

Воспоминания, совершенно новые, яркие, все еще владели сознанием Хьюлитта, когда вирус ушел от него той же дорогой, какой пришел, — по плечу, руке, в ладонь, а потом вернулся к Черксику. Не сказав больше ни слова, телфианин покинул переходную камеру, и крышка люка за ним захлопнулась.

Они понимали, что больше ничего не надо говорить и ни о чем не надо спрашивать.

Они продолжали молчать. Хьюлитт пошел за падре, а тот вывез носилки с трупами двух телфиан по переходному туннелю в больничную камеру. Еще одна крышка люка закрылась за ними и издала громкий звон. На табло вспыхнули знаки, указывающие на то, что телфианский корабль отстыковывался от причала. Лиорен наконец подал голос, но заговорил он в переговорное устройство:

— Брейтвейт? Это Лиорен. Я должен переговорить с майором О'Марой. Дело срочное.

— Говорит О'Мара, — послышался из переговорного устройства голос Главного психолога. — Говорите, падре.

— Мы прекращаем поиски, — сообщил Лиорен. — Последний и единственный носитель вируса обнаружен. В настоящее время вирус находится внутри члена телфианского сообщества, чей корабль отбывает из госпиталя во время нашего с вами разговора. Кораблю нужно безотлагательно предоставить взлетный коридор. А вам следует отменить учебные эвакуации и отпустить ожидающие корабли. Проблемы с системой энергообеспечения больше не существует, и...

— Не вижу связи, — прервал его О'Мара довольно резко. — Вы собираетесь меня уверить, что она есть?

— Да, — ответил Лиорен. — Когда одновременно происходит два необычных события, скорее всего у них общая причина. Я забыл об этом неписаном законе природы, и связь нашел не я, а Хьюлитт. Никакая опасность больше не грозит госпиталю — ни ядерный взрыв, ни перекрестное заражение. Полный отчет мы вам представим, как только вернемся в отделение.

— Ждите там, — распорядился О'Мара, — где сейчас находитесь.

Казалось, целую вечность Хьюлитт смотрел на Лиорена, а тот во все глаза смотрел исключительно на двух мертвых телфиан. Наконец из переговорного устройства вновь донесся голос Главного психолога.

— Вы правы, падре, — заявил О'Мара. — Инженеры подтверждают, что неполадки в системе ядерно-энергетического снабжения исчезли сами по себе. Как и почему это произошло, они не знают. Аварийная тревога снята. Все произошло за последние пятнадцать минут. Однако это была меньшая из двух бед. Проблема наличия в госпитале универсального вируса остается, и при всем моем уважении вы оба настолько глубоко погрязли в этом деле, что ваши заверения относительно того, что опасности больше не существует, могут быть... ну, скажем так, скорее бессознательным продуктом жаждущего мышления, чем клиническим фактом. Хьюлитт все знает?

Когда Хьюлитт понял, что Лиорен не будет отвечать на этот вопрос, он ответил сам:

— Думаю, да.

— В таком случае будьте уверены в том, что вы оба попали в серьезную беду. Лично мне очень жаль, что так случилось, да нам всем очень жаль, но ваши несчастья начались тогда, когда вы заразились вирусом в детстве на Этле. Здесь, в госпитале, вы передали его пациентке Морредет, падре Лиорену и — мысль, которая мне кажется совершенно невероятной, — телфианину, чья физиология кажется наименее подходящей для микроба, с таким же успехом способного выбрать себе для жилища один из наших самых жарких автоклавов. Вероятно, в госпитале есть и другие носители, о которых мы не знаем. Поэтому, когда наша энергетическая система начала давать сбои, мы решили проводить учебные эвакуации, а не стали сразу переводить сотрудников и пациентов на корабли, собранные для этой цели. Мы не могли позволить себе такой риск, как распространение универсальной болезни по всей Федерации.

Падре, мне бы не хотелось обидеть вас, — продолжал Главный психолог, — тем, что я усомнился в правдивости слов носителя Синей Мантии Тарлы. Однако воля к жизни у вас двоих — это эволюционный императив, который должен отсту-

пить перед соображениями этического толка. Поэтому Кельгии рекомендовано поместить бывшую пациентку Морредет в условия орбитального карантина. Подобные инструкции отправлены на Телфи относительно только что отбывшего корабля и на Этлу насчет кошки. Вы также будете помещены в карантинные условия. Вашим обследованием займется Отделение Патофизиологии. Вскоре будет принято решение о роспуске эвакуационных кораблей, которые заменят суда Корпуса Мониторов, в чьи задачи будет входить изолирование Главного Госпиталя Сектора ото всех внешних контактов. Это приведет к сильнейшей дестабилизации по всей Федерации, но, похоже, у нас просто нет иного выхода. Вы понимаете наше положение?

Хьюлитта забил озноб. С одной стороны, ему было страшно, а с другой — разум его не желал смириться с такой непробиваемой тупостью.

— Звучит так, — с трудом выдавил Хьюлитт, — словно вы хотите, чтобы госпиталь взорвался и тем самым избавил бы всех от неприятностей. Но прошу вас, поверьте, вам совершенно не о чем беспокоиться.

— Простите, Хьюлитт, — твердо проговорил О'Мара. — Если падре прервал с нами связь, уговорите его возобновить ее. Тут со мной диагносты Конвей и Торннастор, а также доктора Мерчисон, Приликла и полковник Скемптон. Вероятно, вы уже знаете, что в свое время Лиорен был уважаемым Старшим врачом в Главном Госпитале Сектора. Не обижайтесь, Хьюлитт, но сейчас нам важнее услышать отчет из уст медика-профессионала.

Один глаз Лиорена на некоторое время задержался на Хьюлитте, но падре тут же вернулся взглядом к мертвому телфианину. Хьюлитт почти физически ощутил тоску и былую боль падре. Лиорен молчал.

— Лиорен то ли не может, то ли не хочет говорить с вами сейчас, — сказал Хьюлитт. — Он и со мной не разговаривает. Но за последние несколько минут мы очень сблизились и друг с другом, и с телфианином. Я понимаю сложившееся положение не хуже, чем падре, и я в отличие от него хочу с вами разговаривать.

— Не похоже на падре. Нетипичное для него поведение, — заметил Главный психолог, в голосе которого нетерпение смешалось с тревогой. — Но, судя по всему, придется удовлетвориться сообщением треклятого любителя. Говорите, черт бы вас побрал.

Хьюлитт, всеми силами стараясь сдерживаться, проговорил:

— Наверное, падре действительно обиделся за ваше предположение насчет того, что мы лжем. Я-то точно обиделся. Но кроме того, по-моему, он очень страдает от мыслей о двух мертвых телфианах, которые, знай падре раньше то, что нам известно теперь, могли бы остаться в живых. Он хотел помочь пациенту Черксика, чье состояние тоже было крайне тяжелым, но все же лучше, чем у этих двоих. Он допустил непреднамеренную ошибку. Он не должен себя винить за это, но он все еще помнит о происшествии на Кромзаге...

— Лиорен рассказал вам о Кромзаге? — прервал Хьюлитта О'Мара. — Он об этом никогда ни с кем не говорит, даже со мной!

— Он со мной об этом не разговаривал, — возразил Хьюлитт. — Но несколько минут назад, когда вирус путешествовал от Черксика к Лиорену, а потом ко мне, я узнал все, что содержится в сознании у падре.

Затем Хьюлитту пришлось замолчать. Сразу шесть голосов пытались задать ему вопросы, и все шесть — разные. Хьюлитт беспомощно посмотрел на падре, но падре не отводил взгляда от мертвых телфиан, и Хьюлитт знал, что в памяти Лиорен вернулся на ту планету, которая чуть было не погибла из-за принятого им неверного решения. Из-за сочувствия к тарланину голос Хьюлитта прозвучал хрипло.

— Если вы не перестанете задавать вопросы, — промолвил он, — я не смогу ответить ни на один из них. Прошу вас, успокойтесь и выслушайте меня.

Хьюлитт поразился тому, насколько быстро все умолкло. Но он тут же понял, что то же самое порекомендовал сделать собравшимся О'Мара, только куда менее вежливо.

— Да, — сказал Хьюлитт, как только наступила тишина. — Вирус ненадолго вошел в мое тело, а точнее — мозг.

Нет, этот процесс не развил у меня телепатии. Воздействие было больше похоже на то, какое оказывает мнемोगрамма, — это я узнал из памяти бывшего Старшего врача Лиорена. Только процесс более мягок и не связан с психологической дезориентацией, возникающей при переносе в чужой разум воспоминаний и личности чужеродного донора. Тут не было перезаписи чужого разума, тут был перенос воспоминаний, произведенный думающим, тактичным существом, которое из-за того, что ощущало себя в долгу перед нами, изо всех сил старалось не причинить нам никаких умственных страданий.

— Погодите, — воскликнул О'Мара, и в его голосе прозвучали нотки подозрительности. — Вы хотите сказать, что воспоминания были вам переданы в, так сказать, растворенном, разбавленном, измененном и даже отредактированном виде?

— Да, они были разбавлены прошедшим временем, — ответил Хьюлитт. — Но искажены не были. Вы занимались лечением существ, обладающих даром телепатии, и должны знать, что разумом невозможно солгать. Я знаю все, что было в сознании вируса-целителя, у которого, поскольку он, похоже, является единственным представителем вида, нет имени. Я знаю и все о его намерениях, что также не мог ни скрыть, ни отредактировать телепат.

— Продолжайте, — распорядился О'Мара.

— Во время второго посещения меня вирусом, — продолжал Хьюлитт, — я познал воспоминания всех его предыдущих носителей. Самыми сильными оказались воспоминания Лиорена, Черксика и других членов телфианского сообщества, среди которых вирус приглашен отныне поселиться. Если задуматься, то у организованного, самосознательного, разумного вируса много общего с телфианским сообществом. Но только телфианская телепатия позволила вирусу впервые достичь совершенного контакта, обрести общение с другими разумными существами. Он сам не знал почему, но он искал этой способности всю свою жизнь. Но еще более важным оказался радиационный метаболизм телфиан, их опыт по адаптации к ужасающим условиям жизни. Они обещали вирусу длительное сотрудничество. А он надеется, что в дальнейшем сумеет

выбрать для себя не таких опасных носителей. Именно поэтому вирус проводил исследования и эксперименты, которые оказались не слишком приятными для персонала госпиталя, но ни разу не угрожали ничьей жизни. Его адаптация к телфианским организмам и вызвала неполадки в системе энергоснабжения.

У меня здесь с собой нет технической энциклопедии, но, похоже, структура вируса такова, что он способен проникать в подобные устройства и управлять ими на субатомном уровне. — Хьюлитт немного помолчал, после чего вернулся на более привычную почву. — Мне передались и воспоминания Морредет, и, как ни странно, те ощущения, которые испытывал вирус, живя во мне со времени моего детства. Потрясающие переживания. А до этого было время, когда он жил внутри Лонвеллина, а до этого — еще уйма неразумных носителей, всех он и сам не помнил...

Вирус стар, очень стар...

Хьюлитт не узнал, какие условия среды обитания развили у вируса разум и существовали ли еще другие разумные вирусы. Вероятно, произошла какая-то генетическая мутация, причем уникальная. Сначала вирус поселялся только внутри небольших существ, но, вместо того чтобы вызывать у них болезни и убивать их, как поступают нормальные болезнетворные микробы, он пытался лечить своих носителей и поддерживать у них наилучшее здоровье — причем чем дольше, тем лучше. Он уходил от своего хозяина тогда, когда, несмотря на все его старания, хозяин умирал, становясь жертвой хищника, после чего новым носителем становился уже сам хищник.

Прошло много веков, прежде чем на планету, где обитал разумный вирус, попал высокоразвитый и долгоживущий исследователь Лонвеллин. Он, веря в то, что ни один инопланетный патоген не способен оказать на него вредного воздействия, добровольно принял в свой организм необычного, уникального паразита.

Инстинктивно вирус осознавал, что приобрел носителя, который мог бы прожить очень долго, однако организм Лонвеллина оказался так велик и сложен, что вирусу трудно было адаптироваться в новой среде обитания. Лонвел-

лин же, который за свою необычайно долгую жизнь скорее всего пережил множество разнообразных болезней, видимо, сумел догадаться о присутствии вируса и о его способностях, так как его бывшие хвори почили на убыль, а вскоре и вообще исчезли. Но тогда вирус еще не умел общаться со своими носителями и не понимал причин определенных метаболических процессов в массивном и загадочном теле своего хозяина. Он только и мог поддерживать организм хозяина в том состоянии, в котором тот находился, когда вирус вселился в него.

Вирус совершал ошибки.

Одна из них заключалась в том, что он упорно не давал отслаиваться омертвевшей коже Лонвеллина, которая должна была заменяться новой. Из-за этого, собственно, Лонвеллин и угодил в Главный Госпиталь Сектора. Другая ошибка состояла в том, что он позволил Старшему врачу Конвею перехитрить себя и заставить покинуть тело носителя, вследствие чего стало ясно, что вирус представляет собой отдельное существо. Да, он был разумен, но не очень умен.

Потом Лонвеллин потребовал вирус обратно, отправился на Этлу, где вирус пострадал при ядерном взрыве, убившем его носителя. Он и сам чуть было не погиб, но в итоге претерпел структурную мутацию, вследствие чего затем смог вселиться в организм телфианина, поглощавшего жесткое излучение, и адаптироваться к его метаболизму.

Вирус дважды спасал жизнь маленькому Хьюлитту — когда тот отравился и упал с дерева, а потом — при авиакатастрофе. Но он продолжал совершать ошибки — ну, к примеру, когда останавливал его сердце или прекращал кровообращение при введении любого быстродействующего лекарства. Вот почему взрослый Хьюлитт в конце концов, как и Лонвеллин, попал в Главный Госпиталь Сектора. Однако вирус учился и все лучше понимал разум и чувства своих носителей. Процесс этот начался еще тогда, когда вирус обитал внутри Лонвеллина, но случай с кошкой оказался куда важнее, чем решили в свое время, — тогда на вирус впервые воздействовали факторы психологического порядка, а именно эмоциональное давление тоски ребенка по умирающему зверьку, и это заставило его сменить носителя.

— Смена была временной, — продолжал Хьюлитт. — Потому что в интересы вируса не входило вселение в недолгоживущего зверька вместо долгоживущего человека. Тогда им двигали любопытство и желание поэкспериментировать, а также жажда испытать новые возможности, потому что на Этле его окружали только люди, такие же, как я, а он еще не до конца разобрался с моим организмом. К тому времени, когда я попал сюда, любопытству вируса просто не было предела — он угодил в место, где его окружало потрясающее многообразие потенциальных носителей. Когда он почувствовал мою жалость и сочувствие к пациентке Морредет и я случайно прикоснулся к ней рукой, вирус ушел от меня к кельгианке через ее рану. Потом он перебрался к падре, потом — к Черксику, а от него — ко всем оставшимся в живых членам экипажа телфианского корабля, где имело место последняя для нас, но, как надеется вирус, не последняя для него адаптация к новым условиям. От обладающих даром телепатии и высокоразвитых в плане техники членов экипажа корабля он узнал, как можно общаться разуму с разумом, как понимать и управлять на уровне элементарных частиц радиацией, которой питаются телфиане. Частью его обучения были тайные эксперименты под руководством телфиан с системой энергоснабжения госпиталя.

Теперь у вируса есть все, что ему нужно для того, чтобы прожить неопределенно долго, — продолжал Хьюлитт. — Отдельные телфиане будут умирать — конечно, теперь, когда он живет среди них, они будут умирать реже, — но сообщества замещают своих членов, они будут наращивать свою численность, будут продолжать накапливать знания и опыт. Вирус нашел для себя совершенный вид-носитель. Телфиане согласны сотрудничать с ним, и, пользуясь их механизмом поглощения радиации, вирус будет набирать силу. Он будет продолжать эволюционировать до тех пор, пока не сможет поселяться внутри звезд или — как он сам утверждает — пока не погибнет, пытаясь сделать это. Но он и к этому готов.

А госпиталь никогда больше не будет обеспокоен пришествием вируса, — завершил свою речь Хьюлитт.

В наушниках стояла долгая тишина. Голос, прервавший молчание, был настолько тих и лишен каких бы то ни было эмоций, что мог принадлежать кому угодно.

— Значит, он собирается инфицировать и населять звезды, — переспросил голос. — Не сомневаюсь, что он именно это имеет в виду, ведь мы знаем, что солгать разумом невозможно. Это может привести к краху Федерации, к концу осуществления свободных контактов между видами, а вероятно, и к концу любой разумной жизни из-за того, что распространится неконтролируемое межвидовое заражение, если мы немедленно не примем меры. Мне очень жаль, Хьюлитт, но меры заключаются в изоляции Лиорена, Морредет, группы телфиан, вас и даже вашей кошки ото всех контактов до конца жизни.

— Нет!!! — взорвался Хьюлитт. — Да почему же вы, елки-палки, не слушаете меня или почему не верите, когда слушаете? Падре, ну хоть вы им объясните, пожалуйста!

В то время как из устройства связи лился неопознанный голос, падре занимался тем, что закрывал гробы телфиан. Затем он посмотрел на Хьюлитта. Хьюлитту показалось, что падре немного успокоился.

— Я бы не смог объяснить лучше, — признался падре. — Давайте, только быстрее. К нам уже едут закрытые носилки и... о Боже, вооруженная охрана.

Хьюлитт набрал в легкие побольше воздуха и постарался выбрать слова покороче и подоступнее.

— О'Мара, — торопливо проговорил он. — Вы все ошибаетесь. Ни один из носителей вируса не инфицирован и не заражен, и в нас не содержится ни его спор, ни эмбрионов. Он действует не так. Это существо разумно, и оно представляет собой организованную колонию вирусов. Это единичное и крайне эгоистичное существо, которое ни за что не позволит, чтобы от него отделяли части, за счет чего неизбежно бы пострадало целое. То, что со мной происходило в годы полового созревания, было связано с тем, что хотя вирус и понимал, что мой организм нуждается в периодическом освобождении от органических отходов, но тогда он не осознавал, что извержение живого материала типа семенной жидкости — это здоровый, нормальный процесс.

Он не понимал, что живое существо способно испытывать такую потребность к размножению, в то время как вполне могло бы жить в одиночестве. Ему до сих пор трудно смириться с мыслью, что мы готовы терять миллионы себя ради выживания вида в целом.

На Этле, на Земле, в госпитале, — частил Хьюлитт, — не существовало никакого риска вторичного инфицирования. Вероятно, в будущем вирус обретет способность делиться, но до этого еще очень далеко, да и тогда от вируса никакого вреда не будет. Сейчас же вирус способен оккупировать только одно существо — он, словно художник, оставляет свой автограф бывшим хозяевам в виде прекрасного здоровья до конца их дней.

Он делает это из благодарности, — продолжал Хьюлитт, — за знания и опыт, почерпнутые от носителя. Он считает себя арендатором, обязанным платить земельную ренту.

Появилось двое носилок, сопровождаемых двумя массивными худларианами и восемью вооруженными охранниками в форме Корпуса Мониторов — тоже весьма массивными землянами. На лицах охранников застыла смесь удивления и решимости. Хьюлитт заторопился:

— Поверьте мне! Ни Федерации, ни ее жителям совершенно нечего бояться! Вирус больше не интересуют недолгожители. Он хочет заселять звезды, а начать собирается с телфианского солнца, которое, по астрономическим меркам, старое и больное. Да, есть вероятность, что при этом он погибнет, но он все же считает, что рискнуть стоит. Больше вирус не хочет ничего — только попробовать вселиться в это солнце и научиться управлять его внутренними процессами, сделать его разумным и стабильным.

Разумная звезда, — закончил Хьюлитт, — будет самым долгоживущим созданием, какое только можно себе представить.

Тут затараторили все разом: Конвей, Приликла и Торн-настор. Худлариане около носилок и охранники ждали их решения, не понимая, что же им делать. Несколько минут казалось, что о Лиорене и Хьюлитте все забыли. Разговор шел о необходимости проследить все путешествия Лонвеллина до того, как тот попал в госпиталь, чтобы попытаться

найти родную планету вируса, где можно было бы обнаружить его неразумных сородичей и хорошенько изучить, а потом (вероятно) — помочь им размножиться. Тогда помощь бывших носителей вируса оказалась бы поистине бесценной. Говорили и о том, что нужно будет принять строжайшие меры предосторожности, что, конечно, возникнет масса проблем, но если повезет, то удастся дожить до такого будущего, когда граждане Галактической Федерации станут носителями одного-единственного вируса и никогда больше не будут страдать никакими болезнями. И тогда медикам только и останется, что лечить тех, кто страдает при несчастных случаях, да выполнять плановые хирургические операции. Последнее слово все же осталось за Главным психологом.

О'Мара сказал следующее:

— Доктора, достаточно. Ваши футурологические гипотезы за несколько минут не решить. Падре Лиорен, Хьюлитт, успокойтесь. Мы решили, что Морредет можно позволить совершить посадку на Кельгии, а телфианам — вернуться на родину со своим новым другом. Вооруженная охрана свободна, но вы двое забирайтесь на носилки и немедленно отправляйтесь — нет, не в карантинную палату Отделения Патофизиологии, а ко мне в кабинет для немедленного и подробного отчета.

Хьюлитт охнул, но услышал его только падре. Он ободряюще прошептал:

— Не расстраивайтесь, дружок. В кабинете у майора есть устройство для выдачи питания, а если нам не дадут поесть, мы и говорить не станем.

На носилках получится быстрее, чем пешком, — продолжал между тем О'Мара. — Еще что-нибудь хотите сказать?

Хьюлитт сам не знал, откуда у него взялись такие слова — стали ли они следствием усталости, голода или просто облегчения, — но он рассмеялся и сказал:

— Похоже, у меня психологическая проблема. Кажется, я стал бывшим ипохондриком, который совершенно здоров, но при этом хочет остаться в госпитале. Не желаю возвращаться на Землю и пасти там овец.

Содержание

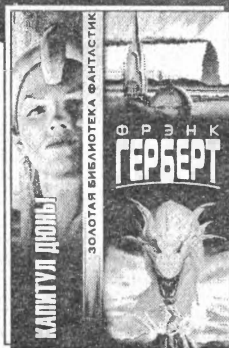
Галактический шеф-повар

5

Окончательный диагноз

305

ДЮНА

В серии
«Золотая библиотека фантастики»
опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта:
«Дюна»

«Мессия Дюны»

«Дети Дюны»

«Бог-Император Дюны»

«Еретики Дюны»

«Капитал Дюны»

Заветные мечты читателей сбываются! Брайан Герберт, сын Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом Кевинном Андерсоном создает трилогию «Прелюдия к Дюне». Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!

Читайте в начале 2001 года в серии «Золотая библиотека фантастики»
первый роман трилогии — «ДОМ АТРЕЙДЕСОВ»!

По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4338, 215-0101, 215-5513
107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книги по почте»

Поклонники Орсона Скотта Карда. это для Вас!

Новые встречи с любимыми героями, новые приключения в бесконечных просторах космоса ждут Вас в серии «Новые координаты чудес».

Читайте роман *«Дети разума»* — продолжение саги о легендарном полководце Эндрю Виггине!

Читайте роман *«Тень Эндера»* — и вы сможете по-новому взглянуть на первую книгу знаменитой эпопеи!

Читайте *«Сагу о Вортинге»* — и вы встретите нового героя, бросающего вызов глубинам космоса во имя спасения человечества!

Все это — в серии «НОВЫЕ КООРДИНАТЫ ЧУДЕС»!

И еще одна встреча с Орсоном Скоттом Кардом и его героем — Эндрю Виггинем: читайте *«Советника по инвестициям»* в антологии *«Далекие горизонты»*, составленной знаменитым писателем Робертом Силвербергом — в серии

«ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ»!

Книги издательства АСТ
можно заказать по адресу:
107140, Москва а/я 140
АСТ — «Книги по почте»

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

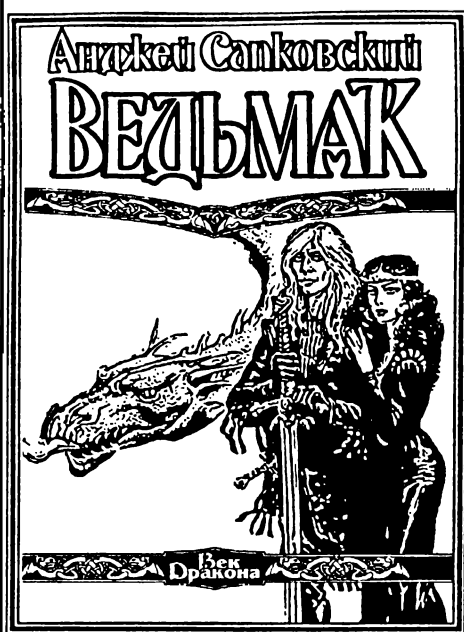
**ЛУЧШИЕ
КНИЖНЫЕ
СЕРИИ**

**СЕРИЯ
"МИРЫ БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ"**

Братья Стругацкие... Их знают не только те, кто любит фантастику. Магии книг братьев Стругацких подвластны самые разные люди - независимо от возраста, образования, убеждений. На этих книгах выросло не одно поколение читателей. Каждый находит в них что-то для себя, каждый черпает из них что-то свое, словно бы предназначенное именно для него. Братья Стругацкие - это "знак качества", фирменная марка, символ и идеал, к которому так хочется стремиться.

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, д/я 140 АСТ - "Книги по почте". Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "ВЕК ДРАКОНА"

В серии готовятся к выпуску произведения признанных мастеров жанра фэнтези — Анджея Сапковского, Роберта Джордана, Лоуренса Уотт-Эванса, Кристофера Сташефа, Глена Кука, Терри Гудкайнда, Дэйва Дункона, а также талантливых молодых авторов: Мэгги Фьюри, Марты Уэллс, Грегори Киза и других.

"Век Дракона" — это мастера мечей и волшебства, войны с кровожадными чудовищами и ошеломляющие поединки, великие герои и отважные воительницы, невероятные страны и невероятные приключения...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, д/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около 50 издательств и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию более 10 000 названий книг самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

В Москве:

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Арбат, д. 12, тел. 291-61-01
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

В Санкт-Петербурге:

- проспект Просвещения, д. 76, тел. (812) 591-16-81
(магазин «Книжный дом»)

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.
Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Уайт Джеймс

**Галактический шеф-повар
Окончательный диагноз**

Художественный редактор О.Н. Адашкина

Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев

Технический редактор О.В. Панкрашина

Младший редактор А.С. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение

№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ»

Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.

674460, Читинская область, Агинский район,

п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84

Наши электронные адреса:

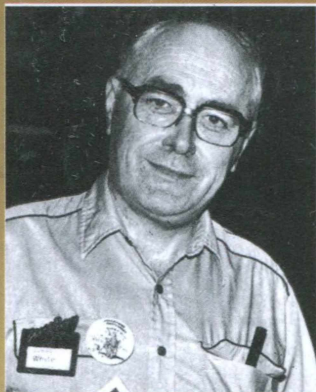
WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ОАО «Рыбинский Дом печати»

152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Джеймс Уайт (1928 – 1999) — один из известнейших английских писателей-фантастов — был автором многих замечательных книг. Но именно цикл произведений о Космическом госпитале принес ему особую популярность во всем мире.

«Космический госпиталь» Джеймса Уайта — не просто один из знаменитейших сериалов за всю историю научной фантастики, не просто оригинальнейшая из «космических опер» нашего времени, но — истинное ЯВЛЕНИЕ В ЖАНРЕ!

Над невероятными похождениями бригады межгалактических врачей смеются уже несколько поколений любителей фантастики — в том числе и в нашей стране. Потому что «Космический госпиталь» — это ЕДИНСТВЕННАЯ фантастическая сага, в которой приключения и юмор переплетены настолько плотно, что отделить одно от другого практически НЕВОЗМОЖНО!..

Космический госпиталь

Звездный хирург

Большая операция

Скорая помощь

Чрезвычайные происшествия

Звездный врач

Межзвездная неотложка

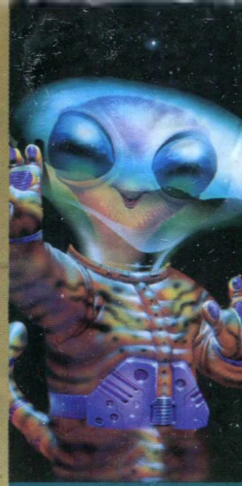
Врач-убийца

Галактический шеф-повар

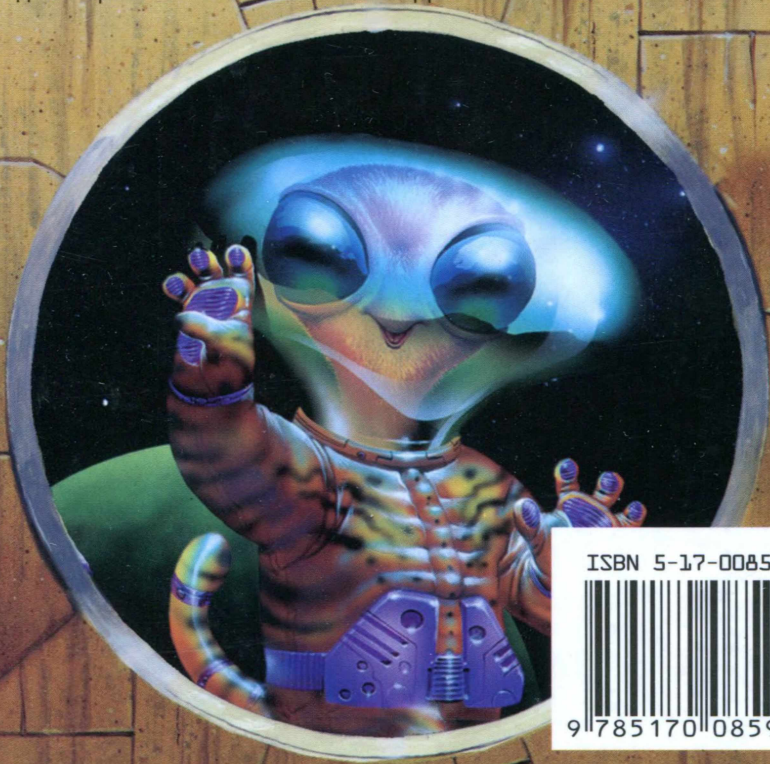
Окончательный диагноз

Космический психолог

Двойной контакт

**ДЖЕЙМС
УАЙТ**

ISBN 5-17-008599-0

9 785170 085996

**ГАЛАКТИЧЕСКИЙ ШЕФ-ПОВАР
ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ДИАГНОЗ**